

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

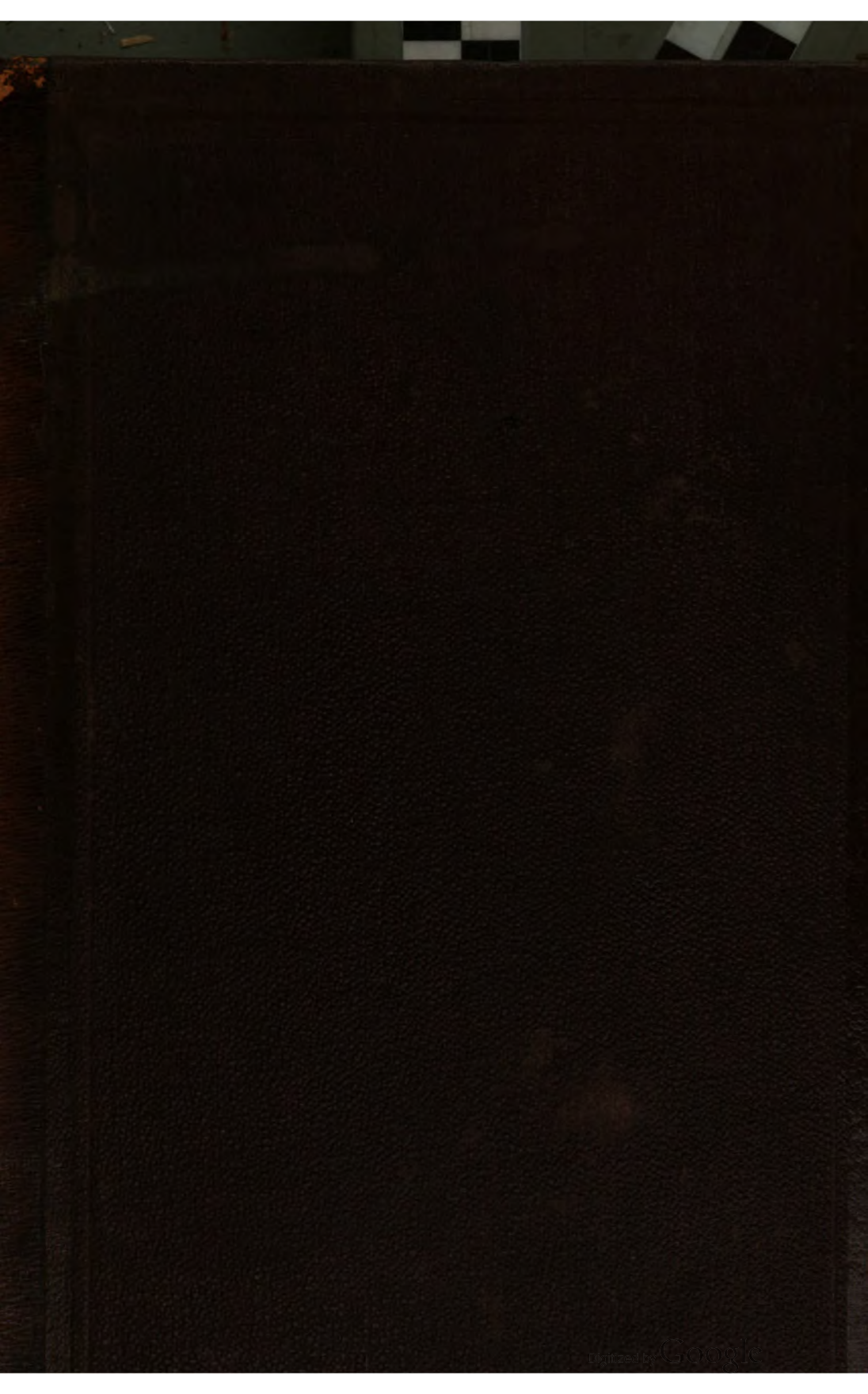
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Р. Slav 236.4 ($\frac{1871}{5}$)

1947

ПРОВЕРЕНО
1940 г.

ПРОВЕРЕНО
1955 г.

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ДѢЛО

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. ФАУСТЪ. Драма Христофора Марло . . . Д. Д. МИНАЕВА.
- II. ДВИЖЕНІЕ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ ВЪ НАЧАЛѢ XIX ВѢКА . . . С. С. ШАШКОВА.
- III. УТѢШЕНІЕ. Стихотвореніе . . . А. Ш.
- IV. ОСЕННЯЯ ПѢСНЯ. Стихотвореніе . . . А. Ш.
- V. ПОХОЖДЕНІЯ СЕМИНАРИСТА ХЛОПОВА.
Поэма. (Подражаніе Гоголю). Гл. V—VIII. . . В. СТАРОСТИНА.
- VI. ВАВИЛОНСКОЕ СТОЛПОТВОРЕНІЕ. Ро-
манъ. Окончаніе . . . АЛЬФРЕДА МЕЙСНЕРА.
- VII. НА НОВОМЪ ПУТИ. Романъ. Гл. XI—XV. . . К. ДОЛГОВО.
- VIII. ДѢТСКІЯ ГРЕЗЫ. Стихотвореніе . . . Я. СТАРОСТИНА.
- IX. НА БНИЖНЫХЪ РЫЦЕАХЪ. . . . . Н. Ч.
- X. ВИКТОРЪ ГЮГО. Литературный этюдъ.
Окончаніе . . . . . Э. ДЕНЕГРИ.

См. на оборотѣ.

1871

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- XI. НАРОДНЫЙ РЕАЛИЗМЪ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ.** (Сочиненія О. Рѣшетникова, 2 части. Спб. 1869. **Подлиповцы.** Этнографическій очеркъ. Спб. 2 ч. 1870. **Гдѣ лучше?** Романъ въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1870. **Свой хлѣбъ.** Романъ въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1870 г.) . . . . . **Н. В. ШЕЛГУНОВА.**
- XII. МОСКОВСКИМЪ МУДРЕЦАМЪ.**
Физиологія растительныхъ процессовъ. И. М. Сѣченова. Публичныя лекціи, читанныя въ С.-петербургскомъ клубѣ художниковъ, зимою 1870 года. Спб. 1871 года . . . . . **Б. О.**
- XIII. ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭСКИЗЫ.** (Farrago, von Johannes Scherr, Лейпцигъ, 1870, изд. Отто Виганда.) . . . . . **И. П.**
- XIV. НЕУДАВШАЯСЯ «ВЕСЬДА» И ЗАДАЧИ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ** . . . . . **Н. В. ШЕЛГУНОВА.**
- XV. МОСКОВСКІЯ ЗАМѢТКИ.** . . . . . **ФОНА MAGNUS.**
Покаянное слово по поводу недавнихъ, слишкомъ рѣзкихъ сужденій нашихъ объ онѣмеченіи Москвы.—Гдѣ наша русская сила, противъ которой всѣ иноземныя ухищренія—ничто.—Московская пресса, какъ противобѣсъ всякому внѣшнему вліянію.—Майское гулянье въ Сокольникахъ.—Чудесное хожденіе по канату русскаго эквилибриста, крестьянина Ивана Васильева, въ Лефортовскомъ саду.—Характеристика московскихъ бульваровъ.—Толки по поводу дуэли князя Урусова съ г. Островскимъ, приведшей поединчиковъ на скамью подсудимыхъ.—Еще толки о другой, болѣе курьезной дуэли.—Дуэль на коньякѣ.—Московскіе театры.—Итальяноманія.—Упадокъ московской драматической сцены.—Забавный анекдотъ объ авторахъ пьесы «Московскіе когти». —Отрывокъ изъ *дневника* москвича, или наставленіе къ тому, какъ создать гражданъ добрыхъ и государство крѣпкое и счастливое.—Спиря-закладчикъ, или *искусство нажать миллионъ и избѣжать грѣха.*—Послѣсловіе.
- XVI. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.**
Окончаніе гражданской войны.—Ужасы, совершающіеся въ Парижѣ.—Событія, вызвавшія гражданскую войну.—Воззваніе центрального комитета.—Протестъ мэровъ и депутатовъ.—Манифестаціи въ Парижѣ.—Прокламація Сессэ.—Неудачныя попытки къ соглашенію.—Парижскіе выборы.—Отношеніе парижскаго населенія къ національному собранію.—Тяжелое положеніе Франціи и громадность ея матеріальныхъ и нравственныхъ потерь.—Отсутствіе людей сильныхъ и способныхъ.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№ 5.

МНВ. № 84457

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1871.

ТИПОГРАФІЯ А. МОРГЕРОВСКАГО, ВЪ ТРОИЦКОМЪ ПЕРЕУЛКѢ, ДОМЪ ГАССЕ

Δ
Ръка - 236.4 (1571)

Дозволено цензурю. С.-Петербургъ. 28 мая 1871 года.

ФАУСТЪ.

ДРАМА

ХРИСТОФОРА МАРЛО

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Императоръ германскій.
Раймондъ, король венгерскій.
Герцогъ саксонскій.
Герцогъ ангальтскій.
Папа.
Епископъ реймскій.
Бруно. же-папа.
Фридрихъ, }
Мартино, } придворные молодые люди.
Бенволю, }
Докторъ Фаустъ.
Вальдесъ, }
Корнелиусъ } его друзья.
Вагнеръ, слуга его.
Мефистофель.
Три ученика.
Старецъ.
Трактирщикъ.
Извозчикъ.
Барышникъ.
Дикъ.
Робинъ, клоунъ.
Люциферъ.
Вельзевулъ.
Герцогиня ангальтская.
Трактирщица.
Семь смертныхъ грѣховъ.
Добрый и злой духи.

Кардиналы, папская свита, солдаты, духи, демоны и пр.

Дѣйствіе происходитъ попеременно въ Виттембергѣ, въ Римѣ и въ Вѣнѣ.

«Дѣло», № 5.

1

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.
В И Т Т Е М Б Е Р Г Ъ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Лабораторія Фауста.

ЯВЛЕНІЕ I.

Фаустъ.

Опредѣли свои занятя, Фаустъ, ⁽¹⁾
И въ глубину того ты загляни,
Что изучать желаешь. Для начала
На полъ-пути не стой, какъ теологъ,
Но сущность бытія понять старайся...
Живи и умирай, какъ Аристотель!..
О ты, анализъ мощный! Предъ тобой
Стою теперь въ нѣмомъ благоговѣннѣ!..
Но неужели логика должна
Въ одинъ анализъ узкій замыкаться?
Иль для нея нѣтъ выше назначенья
Богда ты, Фаустъ, это угадай,
И поняль, что уму нужна арена
Широкая, какъ наша жизнь сама,
Такъ принци другое назначенье,
Достойное тебя. Брось ложный путь

---

¹⁾ См. примѣчанія къ этой драмѣ въ концѣ ея.

Отъ редакціи.

Тупыхъ теологическихъ вопросовъ
 И набери дорогу Галиена...
 Да, будь ты, Фаустъ, медикомъ, купи
 Лишь золото и обезсмерть себя
 Книжку нибудь открытiемъ великимъ...
 Summum bonum medicinae sanitas.
 Здоровье тѣла—цѣль всей медицины.
 Прекрасно, Фаустъ, значить ты постигъ
 Науки этой важное значенье,
 Ты понялъ, что жрецовъ ея труды
 Стоять въ вѣкахъ, какъ монументы знанья;
 Отъ тысячи недуговъ и смертей
 Спасали мiръ адепты медицины,
 Но все-таки ты видишь, мудрый Фаустъ,
 Что только—человѣкъ ты, и не больше...
 Когда бы могъ людей ты воскрешать,
 Иль на землѣ ихъ награждать безсмертьемъ,
 Тогда бъ твоя профессiя была
 Достойна уваженiя. Нѣтъ, прочь,
 Прочь, медицина! Съ нею я прощаюсь...
 А гдѣ она, истица? что въ ней?
 Несчастная опора нашихъ правъ,
 Завѣщанныхъ преданьями дурными.
 Exhereditari filium non potest pater, nisi...
 Вотъ альфа и омега всѣхъ юристовъ...
 Наука эта ветхая годна,
 Повѣрь, для близорукаго педанта,
 Которому лишь нужны пустяки
 И мелкiя придирки;—для меня же
 Позорно это ползанье рабовъ
 И жалкое искусство крючкотворства.
 — Такъ, можетъ быть, трудами теологовъ
 Желалъ бы ты занять пытливыи умъ?
 Вотъ предъ тобою библiя Жерома...
 О, Фаустъ, изучи ты эту книгу. *)
 Stipendium peccati mors est! Вотъ что!
 Понятенъ ли тебѣ смыслъ этихъ словъ?
 Смерть, смерть одна—есть плата за грѣхи!
 Но развѣ это слышать не ужасно?..
 Si peccasse negamus, fallimur,
 Et nulla est in nobis veritas...
 Когда мы зарѣкаемся грѣшить,

То мы передъ собою лишь лужавимъ
 И въ насъ тогда и капли правды нѣтъ;
 Но если мы на грѣхъ осуждены,
 То значить насъ заранѣ осудили
 Всѣхъ на смерть, значить вѣчное проклятье
 Насъ съ самой колыбели стережетъ?..
 Такъ вотъ оно, ученье теологовъ!..
 И съ нимъ проститься также долженъ я...
 Но вотъ она великая наука,
 Наука маговъ!.. Съ трепетомъ гляжу
 На эти я магическія книги...
 Вотъ, вотъ они круги и письмена
 И линіи волшебныя!.. О, Фаустъ!..
 Вотъ погрузить во что ты долженъ умъ!..
 Миръ славы, всемогущества, чудесъ
 Передо мной наука та откроетъ
 И вся земля межъ полюсовъ недвижныхъ
 Моимъ единымъ будетъ достояньемъ.
 Въ своихъ владѣнняхъ только короли
 Имѣютъ власть, но тотъ, кто править здѣсь,
 Владѣнья у того такъ необъятны,
 Какъ необъятенъ разумъ человѣка.
 Великій магикъ тотъ же полу-богъ,
 И я теперь, чтобъ быть богоподобнымъ,
 Работѣ новой умъ свой посвящу.

ЯВЛЕНИЕ II.

Фаустъ и Вагнеръ.

Фаустъ.

Ты, Вагнеръ, отнеси сейчасъ поклонъ мой
 Моимъ друзьямъ, и имъ скажи, что я
 Къ себѣ прошу теперь ихъ непремѣнно:
 Мнѣ нужны и Корнелиусъ, и Вальдесъ.

Вагнеръ.

Спѣшу исполнить ваше приказанье (*уходитъ*).

Фаустъ (*одинъ*).

Въ моемъ трудѣ бесѣда ихъ нужна
 И мнѣ работа будетъ не подъ слухъ,
 Когда они совѣтомъ не помогутъ...

ЯВЛЕНИЕ III.

Фаустъ и духи: духъ добра и духъ зла.

Добрый духъ.

Брось проклятое ученье,
 Вѣдннй Фаустъ! Этихъ книгъ
 Бойся ты, какъ преступленья,
 А не то въ единый мигъ
 Доведеть тебя до ада
 Богохульный ихъ языкъ;
 Ляжетъ вѣчная преграда
 Между небомъ и тобой,
 Духъ твой свѣтлый омрачится,
 Въ мракъ кромѣшный погрузится
 Фаустъ, проклятый судьбой.

Злой духъ.

Въ тайны науки магической
 Пусть проникаетъ твой взглядъ:
 Вѣчной природы сокровища
 Въ этой наукѣ лежатъ.
 Будь на землѣ ты Юпитеромъ,
 Грозныхъ стихій повелителемъ!
(Оба духа исчезаютъ.)

Фаустъ *(одинъ)*.

Мнѣ эта мысль покоя не даетъ,
 Она меня приводитъ въ упоенье,
 Что могъ бы я духами управлять,
 Ихъ заставляя дѣлать безпрестанно
 Все то, что пожелаю только я.
 Загадки всѣ мнѣ будутъ разрѣшнми
 И нѣтъ такихъ безумныхъ предпріятій,
 Которыя, при помощи духовъ,
 Мнѣ будутъ невозможными казаться.
 Я захочу, и въ Индію тѣ духи
 За золотомъ слетаютъ для меня,
 Я прикажу — переплывутъ моря,
 Чтобъ мнѣ доставить рѣдкости Востока,
 Они пронивнутъ смѣло въ Новый Свѣтъ
 И явятся съ сладчайшими плодами

И съ чудесами новыхъ, чудныхъ странъ.
 Раскрыть передъ собой я ихъ заставляю
 Всю глубину безвѣстныхъ, мудрыхъ книгъ
 И тайны всѣхъ властителей узнаю.
 По моему желанью сонмъ духовъ
 Мгновенно стѣну мѣдную воздвигнетъ
 Вокругъ родной Германіи, и Рейномъ,
 Какъ лентою блестящей, опояшетъ
 Мой милый Виттембергъ. Я прикажу
 Талантами наполнить наши школы,
 Чтобъ ожилъ и воскресъ народный духъ.
 На золото, которымъ овладѣю,
 Я сформирую армию большую,
 Чтобъ разомъ принца Пармскаго прогнать ⁸⁾
 Изъ нашихъ мѣстъ и самъ царить остаюсь
 Надъ всѣми областями. Я велю
 Такой сварядъ убійственный придумать
 На случай войнъ, что съ нимъ бы не могла
 Соперничать та огненная лодва,
 Что мостъ сожгла антверпенскій... ⁴⁾

ЯВЛЕНІЕ IV.

Фаустъ, Вальдесъ и Корнелиусъ.

Фаустъ.

Идите

Сюда, друзья, Корнелиусъ и Вальдесъ,
 И успокойте вашими рѣчами.
 Да, милой мой Корнелиусъ, и ты,
 Другъ Германъ Вальдесъ, знайте, наконецъ, вы,
 Что вашъ совѣтъ безъ пользы не пропасть,
 И магіи таинственныя сферы
 Теперь меня манять неотразимо.
 Да, слишкомъ философія туманна
 И недостойна сильнаго ума,
 А медициной черствой могутъ только
 Плѣнять однихъ людей недалновидныхъ...
 Нѣтъ, магія, лишь магія одна
 Меня очаровала совершенно,
 И я, друзья, поддержки вашей жду.
 Да, тотъ теперь у васъ совѣтовъ просить,

Кто рядомъ сигнатурою ловекутъ мочь
 Не разъ сбивать германскихъ теологовъ,
 Кто, полный обаянья, заставляетъ
 Цвѣтъ лучшей виттембергской молодежи
 Восторженной толпою собираться,
 Какъ самъ Орфей, сошедшій въ темный адъ,
 Въ кругъ осужденныхъ призраковъ... Хочу я
 Все знать и быть ученымъ, какъ Агриппа,
 Который славится по всей Европѣ.

Вамъ десь.

Вѣрь, Фаустъ, эти книги и твой геній,
 Да наша опытность при этомъ — покорять
 Народовъ всѣхъ, внушивъ имъ обожанье
 Къ грядущимъ нашимъ подвигамъ. Какъ Мавры
 Владыкъ испанскихъ сдѣлались рабами,
 Такъ души всей природы навсегда
 Троекъ намъ покоряться въ мірѣ будутъ.
 Чтобъ охранять насъ, львами стануть быть,
 Въ оруженосцевъ нашихъ обратятся,
 Въ гигантовъ, рабски преданныхъ, и даже
 Являться будутъ въ образахъ прекрасныхъ
 И дѣвъ, и женъ и на своемъ челѣ
 Соединять всѣ прелести Венеры.
 Они намъ принесутъ, по мановенью,
 Сокровища Венеціи морской
 И мраморъ вѣчныхъ зданій, полетятъ
 Въ Америку за золотымъ руномъ,
 Которымъ ежегодно пополняетъ
 Филиппъ свои несмѣтные богатства.
 Постигъ-ли это, Фаустъ, ты?

Фаустъ.

Давно

Я это также ясно понимаю,
 Какъ то, что ты стоишь передо мной;
 А потому объ этомъ ни пол-слова.

Корнелиусъ.

Чтобъ тайны чудной магіи постичь,
 Въ новѣйшія науки бесполезно
 Тебѣ вникать. Кто такъ силенъ, какъ ты,
 Въ познаньи астрономіи, и свѣдущъ
 Такъ въ языкахъ и знаетъ минералы,
 Тому иныхъ приемовъ знать не надо

Для изученя магіи. Впередъ
 Ты можешь, Фаустъ, въ этомъ быть увѣренъ,
 Что слава засіяетъ надъ тобой,
 И будешь пронцательнѣй при этомъ
 Оракула Дѣльфійскаго... Повѣрь,
 Стихійные мнѣ говорили духи,
 Что могутъ иссушить они моря
 И въ нихъ собрать богатства всѣхъ крушеній,
 Сокровища открыть изъ нѣдръ земли,
 Гдѣ ихъ похоронили наши предки.
 Скажи же, Фаустъ, въ чемъ же будемъ мы
 Нуждаться при условіяхъ подобныхъ?

Фаустъ.

Ни въ чемъ, мой другъ. Я весь горю отъ счастья!
 Идемте же, меня ведите въ лѣсъ,
 Чтобъ тамъ узнать магическія чары,
 И научите тамъ меня, друзья,
 Всѣмъ правиламъ и тайнамъ заклинанья.
 Хочу скорѣй вступитъ я въ новый міръ...

Вальдесъ.

Да, въ лѣсъ пустынный, Фаустъ, удались ты,
 Не позабывъ съ собою книги взять
 Альбануса, великаго Бакона ⁵⁾
 Да и псалтырь еврейскій. А о томъ,
 Какъ приступать къ высокимъ изысканьямъ,
 Тебѣ мы сообщимъ передъ уходомъ,
 Когда намъ нужно будетъ разлучиться.

Корнелиусъ.

Ты, Вальдесъ, научи его сперва
 Началамъ первымъ магіи. Потомъ онъ,
 Легко понявъ всѣ прочіе приемы,
 Съумѣетъ самъ ихъ къ дѣлу прилагать.

Вальдесъ.

Да, Фаустъ, все тебѣ я объясню,
 Такъ что потомъ ты будешь въ новомъ знаньѣ
 Сильнѣй меня.

Фаустъ.

Идемте же, друзья!
 Вы вмѣстѣ отобѣдайте со мной
 И послѣ дружно примемся за дѣло.
 Еще пока день этотъ не потухъ,

Я испытать свои желаю силы,
И въ эту ночь, въ ночь эту непременно
Хочу я заклинанія начать.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

На улицѣ.

ЯВЛЕНИЕ I.

Два студента (*входятъ*) потомъ Вагнеръ.

Первый студентъ.

Я очень бы хотѣлъ узнать, куда
Дѣвался Фаустъ, долго оглашавшій
Всѣ наши школы мудрыми своими
Sic probo.

(*Входитъ Вагнеръ, держа въ рукахъ бутылки съ виномъ.*)

Второй студентъ.

Мы сейчасъ о томъ узнаемъ:
Къ намъ приближается слуга его...

Первый студентъ.

Эй! шутъ!

Гдѣ господинъ твой?

Вагнеръ.

Богу то извѣстно.

Второй студентъ.

А самъ ты развѣ этого не знаешь?

Вагнеръ.

Не знаю? Ошибаетесь. Я вамъ
На это лишь одно могу замѣтить:
Когда бъ не родились вы дураками,
То мнѣ вы не рѣшились бы задать
Подобнаго вопроса, чудаки.
Мой господинъ, какъ всѣ другіе, развѣ
(Я вашими словами говорю)
Не „*corpus naturale*“? А извѣстно,
Что обладаетъ „*corpus naturale*“
Подвижностью, а потому не встаети
Вы задали подобный мнѣ вопросъ.
Когда бъ я не былъ флегмой отъ природы,

Спокойнымъ въ гнѣвѣ, яростнымъ въ любви,
 Я бѣ далъ совѣтъ вамъ: на-сорокъ шаговъ
 Не приближаться къ мѣсту эшафота,
 Гдѣ я не сомнѣвался много разъ
 Обоихъ васъ повѣшенными видѣть.
 Довольно! Я васъ сильно оборвалъ.
 Затѣмъ, въ тонъ проповѣдника впадая,
 Обоимъ вамъ смиренно говорю:
 О, братія! Мой господинъ теперь
 Обѣдаетъ; Корнелиусъ и Вальдесъ
 Съ нимъ раздѣляютъ трапезу, и еслибъ
 Вотъ эти вина рѣчь вести умѣли,
 То имъ бы передали вашъ поклонъ,—
 А въ заключенье, братія, желаю
 Счастливаго пути вамъ... (*уходитъ*).

Первый студентъ.

Фаустъ, Фаусты!

Теперь того бояться начинаю,
 Чего давно такъ опасался я:
 Что пути темной, проклятой науки,
 Которая для міра породила
 Двухъ этихъ отвратительныхъ людей,
 Тебя до мрачной бездны доведутъ.

Второй студентъ.

Когда бы Фаустъ былъ моимъ врагомъ,
 Не только близкимъ, сколько близокъ мнѣ онъ,
 То и тогда бѣ души его погибель
 Не малое мнѣ горе принесла.
 Такъ двинемся. Предупредить должны
 Мы ректора, который, можетъ статья,
 Употребить всѣ доводы разсудка,
 Чтобъ Фауста отъ гибели спасти.

Первый студентъ.

Боюсь, что увѣщанья слишкомъ поздны,
 И слушать опъ не станетъ никого.

Второй студентъ.

Такъ все же мы должны, по крайней мѣрѣ,
 Попытку сдѣлать. Все-таки пойдемъ (*уходятъ*).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Въ лѣсу.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Громъ и молнія. Фаустъ *выходитъ*).

Фаустъ.

Теперь когда ложится тьма ночная
И Оріонъ, пришлецъ изъ южныхъ странъ,
Является въ выси, и все мрачнѣе
Становится лазурь нѣмыхъ небесъ,
Теперь начни ты, Фаустъ, заклинанья,
И наблюдай, какъ стануть духи тьмы
Велѣніямъ твоимъ повиноваться,
Когда вотъ здѣсь въ магическомъ кругу
Произнесешь ты клятвы роковыя.
Вотъ здѣсь собраніе именъ
Написано. Зевеса анограмма
Начертана и спереди, и сзади;
Вотъ имена избранниковъ небесъ,
А вотъ изображеніе теченья
Полночныхъ звѣздъ и, зная ихъ пути,
Къ себѣ духовъ могу я смѣло вызвать.
Такъ начинай же, Фаустъ, безъ смущенья,
Будь въ дѣлѣ твердъ и испытай всю мощь
Волшебной и таинственной науки.

(Громъ. Фаустъ читаетъ заклинаніе.) *

(Является демонъ.)

Тебѣ повелѣваю измѣнить
Я образъ твой: ты слишкомъ слабосиленъ,
Чтобы меня сопровождать въ пути.
Иди и возвратись ко мнѣ ты, духъ,
Въ одеждѣ францисканскихъ капуциновъ:
Такой нарядъ скорѣй пристанетъ къ бѣсу.
(Демонъ *исчезаетъ*).

Я вижу, что въ словахъ моихъ есть сила,
Я вижу, что, вступивъ въ волшебный кругъ
Магической науки, каждый можетъ
Въ ней быстро совершенствоваться... Право,

Сговорчивъ очень этотъ Мефистофель;
Онъ дьявольской покорностью своей
Меня дивитъ! То сила заклинанья,
То сила дивной магіи!..

ЯВЛЕНИЕ II.

Фаустъ и Мефистофель.

Мефистофель.

Какой
Услуги, мудрой Фаустъ, ожидаешь
Ты отъ меня?

Фаустъ.

Тебѣ повелѣваю,
Пока я живъ, со мною всюду быть
И рабски исполнять все то, что Фаустъ
Захочетъ, если бъ даже онъ задумалъ
Луну столкнуть съ небесъ или цѣлый міръ
Желалъ похоронить подъ океаномъ.

Мефистофель.

Я повинуюсь только Люциферу,
И безъ его согласія нельзя
Мнѣ за тобою слѣдовать. Лишь онъ
Себѣ насъ заставляетъ покоряться.

Фаустъ.

Но вѣдь тебя не самъ ли Люциферъ
Прислалъ ко мнѣ?

Мефистофель.

Нѣтъ, я явился самъ,
По собственной охотѣ.

Фаустъ.

Понимаю:
Мои заклинаньями сюда
Ты вызванъ былъ?

Мефистофель.

Твои закланья только
Тому причиной сдѣлались случайной.
Ты долженъ знать, что всякій разъ, когда
Мы слышимъ богохульства человѣка,

Хулящаго святиню всѣхъ вѣковъ,
 Мы всякій разъ желаемъ овладѣть
 Его строптивой, гордою душою,
 Но все-таки на зовъ его неидемъ
 Мы до тѣхъ поръ, пока тотъ человѣкъ
 Вполнѣ не будетъ проклятымъ на вѣки.
 Чтобъ сдѣлаться достойнымъ отверженья,
 Онъ долженъ съ прошлымъ связи разорвать
 И предъ владыкой ада преклониться...

Фаустъ.

Но если это Фаустъ уже сдѣлалъ?
 Я признаю всю силу Вельзевула
 И Вельзевулу только одному
 Я подчиняюсь съ вѣрою отнынѣ.
 Меня проклятье больше не страшить
 И станеть адъ теперь моимъ Эдемомъ,
 Гдѣ съ призраками древнихъ мудрецовъ
 Увидится мой призракъ послѣ смерти.
 Но о твоёмъ владыкѣ Люциферѣ
 Ты долженъ рассказать мнѣ...

Мефистофель.

Всѣхъ духовъ
 Онъ властелинъ и первый повелитель.

Фаустъ.

Но Люциферъ былъ прежде чистымъ духомъ?

Мефистофель.

Да, Фаустъ, былъ, и небеса гордились
 Его когда-то чистой красотой.

Фаустъ.

Такъ какъ же онъ надъ сонмомъ злыхъ духовъ
 Владыкой сталъ?

Мефистофель.

По гордости чрезмѣрной.
 Его высокомеріе сгубило,
 И онъ за то былъ сверженъ въ мрачный адъ.

Фаустъ.

Но кто же вы, которые должны
 Жить вмѣстѣ съ Люциферомъ?..

Мефистофель.

Мы тѣ духи
 Несчастные, что съ Люциферомъ вмѣстѣ

Вступили противъ власти въ заговоръ
И навсегда, какъ Люциферъ самъ, стали
Мы прокляты...

Фаустъ.

Гдѣ-жъ прокляты вы были?

Мефистофель.

Въ аду.

Фаустъ.

Но какъ же то могло случиться?
Тогда еще ты тартара не зналъ?

Мефистофель.

Онъ здѣсь, здѣсь этотъ адъ, и въ этотъ часъ
Я нахожусь не внѣ его. Ужели
Ты думаешь, что я, узнавъ блаженство,
Не испыталъ мученій самыхъ адскихъ,
Лишась блаженства вѣчнаго? О, Фаустъ!
Оставь свои наивные вопросы.
Ты дѣтскимъ легкомысліемъ своимъ
На части сердце бѣса разрываешь.

Фаустъ.

Кого я слышу? Гордый Мефистофель,
Какъ женщина, расплакаться готовъ,
Потерянное счастье вспоминая.
Ты въ мужествѣ съ меня возьми примѣръ
И прокляни мѣръ вѣчной благодати,
Котораго тебѣ не возвратить.
Нѣтъ, лучше отправляйся къ Люциферу
Ты съ новой вѣстью. Демону скажи,
Что встрѣтился ты съ Фаустомъ, который
Юпитеромъ на вѣки осужденъ
За смѣльи, проклятія идеи.
Скажи ты Люциферу, что ему
Своей души отдать не пожалѣю,
Лишь только съ тѣмъ, чтобъ на землѣ я могъ
Еще прожить лѣтъ двадцать или больше,
Чтобъ въ эти годы тотчасъ исполнялось
Мое любое смѣлое желанье,
Чтобъ всюду ты меня сопровождалъ,
Все добывалъ, что только захочу я,
Давалъ отвѣтъ на каждый мой вопросъ

Моиъ враговъ преслѣдовалъ упорно
 И защищалъ всегда моиъ друзей,—
 Ну, словомъ, все, что въ голову придетъ мнѣ,
 Поворно долженъ все ты исполнять.
 Ступай же къ Люциферу. Ровно въ полночь
 Тебя въ лабораторіи своей
 Я буду ждать: ты долженъ принести мнѣ
 Извѣстіе о волѣ сатанъ.

Мефистофель.

Я уйду къ нему сію минуту *(скрывается)*.

Фаустъ.

О, если бы въ мозгу моемъ имѣлъ
 Я столько-жъ думъ великихъ, сколько въ небѣ
 Блестящихъ звѣздъ, я-бъ отдалъ бѣсу ихъ.
 Черезъ него я міромъ овладѣю;
 Я переброшу мостъ черезъ океанъ
 И съ войскомъ перейду его; я сдвину
 Цѣпь горъ на африканскомъ берегу,
 И Африку соединю мгновенно
 Съ Италіей въ единый континентъ
 И послѣ эту новую страну
 Отдамъ вассалу первому. Мнѣ будетъ
 Покоренъ самъ германскій императоръ
 И прочіе германскіе владыки.
 Теперь, когда я близокъ сталъ къ тому,
 Чего желалъ, пойду, чтобъ углубиться
 Въ таинственное знаніе, и буду
 Ждать возвращенья дьявола ко мнѣ *(уходитъ)*.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Комната въ домѣ Фауста.

ЯВЛЕНІЕ I.

Вагнеръ и Клеуль (входятъ).

Вагнеръ.

Ну, сорванецъ, сюда! Иди, мальчишка!..

Клеунъ.

Мальчишка! Чортъ возьми, такая рѣчь
Обидна мнѣ. Мальчишка и вы тоже.
Случалось, вѣроятно, вамъ встрѣчать
Мальчишекъ съ бородою?

Вагнеръ.

Глупъ ты, вижу.

Клеунъ.

Однако, эта глупость все-жъ наряднѣй,
Чѣмъ платье то, въ которомъ я хожу.

Вагнеръ.

О, бѣдный рабъ!.. Его же нищета
Надъ наготою собственной смѣется.
Я знаю, что бездѣльникъ безъ занятя,
Голодный плутъ и душу радъ продать
Изъ за куска бараннины, хотя бы
Она была сырая даже.

Клеунъ.

Нѣтъ,

Когда она такъ дорого мнѣ стоитъ,
То я предпочитаю взять кусокъ
Прожареной баранины, повѣрьте,
И подъ хорошимъ соусомъ притомъ.

Вагнеръ.

Ну, сорванецъ, служить ты мнѣ желаешь?
Тебя велю я лучше приодѣть,
Въ другой костюмъ.

Клеунъ.

Зеленый? Или нѣтъ?

Вагнеръ.

Нѣтъ, шелковое платье ты надѣнешь,
А цвѣтъ его—цвѣтъ жаворонка лапки.

Клеунъ.

Какъ жаворонка лапка! Но она
Вѣдь насѣкомыхъ давить постоянно,
А вамъ служба, мнѣ кажется, я долженъ
Быть вшивымъ.

Вагнеръ.

Знай, бездѣльникъ, что всегда
Ты будешь имъ и ставъ моимъ слугою,

И никогда не бывши имъ. Теперь,
 Когда ты станешь мнѣ противорѣчить,
 Всего земного шара насѣкомыхъ
 Я на тебя тотчасъ же палущу,
 Чтобы они всего тебя заѣли.

Клоунъ.

Вы можете отъ этого труда
 Себя совсѣмъ избавить, потому что
 Всѣ эти насѣкомыя со мной
 Знакомы такъ, что словно кто нибудь
 За прокормленье ихъ мнѣ платить деньги.

Вагнеръ.

Довольно, шутъ! Попробуй языкъ
 И деньги прибирай скорѣй...

Клоунъ.

Съ охотой
 И даже съ благодарностью беру.

Вагнеръ.

Но не забудь при этомъ, что повсюду,
 Во всякой часъ, ты будь готовъ къ тому,
 Что за тобой явиться можетъ дьяволъ.

Клоунъ.

Слуга покорный! Нѣтъ, благодарю!..
 Назадъ берите ваши денежки, берите.

Вагнеръ.

Я не возьму назадъ ихъ. Навсегда
 Законтрактowanъ ты, не безпокойся.
 А потому, готовъ будь ко всему,
 Но если станешь мнѣ сопротивляться,
 То двухъ чертей я вызову сейчасъ,
 И усмирять они тебя въ минуту.
 Эй! Ваніо и Астаротъ! Сюда!

Клоунъ.

Гдѣ Астаротъ? Пусть явится ко мнѣ онъ!
 Я чорта одного не побоюсь.

(Являются два демона.)

Вагнеръ.

Готовы-ль вы теперь повиноваться
 И слѣдовать за мною?

Клеунъ.

Повинуюсь,
Лишь только прикажите, милый Вагнеръ,
Чертямъ этимъ къ чорту провалиться...

Вагнеръ.

Идите, духи!

(Демоны уходятъ.)

Шутъ! ступай за мной!

Клеунъ.

Куда угодно, сударь! Но позвольте
Васъ попросить: нельзя ли мнѣ узнать
Всѣ правила и штуки заклинанья?

Вагнеръ.

Узнаешь. Превращаться научу
Тебя я въ пса и кошку, въ мышъ и крысу, —
Во что угодно.

Клеунъ.

Какъ? въ собаку, кошку,
И даже въ крысу? Чудный, дивный Вагнеръ!

Вагнеръ.

Мужикъ! Не смѣй меня такъ звать, —
Я только господинъ твой, — и за мною
Ты такъ всегда внимательно ходи,
Чтобъ правый глазъ твой вѣчно обращенъ былъ
На лѣвый мой каблукъ, — чтобы я могъ
Quasi vestigias nostras insistere.

Клеунъ.

Я, сударь, вамъ готовъ повиноваться.

(Уходитъ.)

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Лабораторія Фауста.

ЯВЛЕНІЕ I.

Фаустъ (одинъ).

Теперь ты, Фаустъ, проклятъ навсегда
И нѣтъ возврата болѣе къ спасенью.
Такъ для чего же думать стану я

О томъ, чего вернуть ужь невозможно.
 Отчаяніе, прочь! Идти назадъ
 Мнѣ поздно. Только вѣра въ Вельзевула
 Моей опорой будетъ на землѣ.
 Будь, Фаустъ, твердъ и брось свои сомнѣнья.
 И въ чемъ теперь ты станешь сомнѣваться?
 Но тайный чей-то голосъ мнѣ твердитъ:
 «Брось, Фаустъ, эту адскую науку,
 И снова къ прежней вѣрѣ возвратись.»
 Но для чего? Связь съ прошлымъ разорвать я,
 И нѣтъ во мнѣ надежды на прощенье.
 Всѣ помыслы, всѣ думы посвятилъ
 Я духу тьмы, и только Вельзевулу
 Воздвигну храмъ, и въ храмѣ томъ алтарь
 Я орошу своею теплой кровью,
 И эта кровь моею будетъ жертвой.

ЯВЛЕНІЕ II.

Фаустъ и два духа (*входятъ*).

Духъ зла.

Фаустъ, Фаустъ, углубись
 Въ тайны магіи волшебной...

Добрый духъ.

Бѣдный Фаустъ, отрѣшись
 Отъ науки непотребной.

Фаустъ.

Къ чему теперь послужать покаянья,
 Раскаянье? Къ чему они ведутъ?

Добрый духъ.

Въ нихъ найдешь ты примиренье;
 Въ нихъ прощенье найдешь.

Злой духъ.

Праздной мысли въ нихъ броженье,
 Лицемерье или ложь.

Добрый духъ.

Говорю тебѣ, покаяйся
 И о магіи забудь.

ФАУСТЪ.

Злой духъ.

Только славы добивайся
И сокровища добудь *(оба скрываются)*.

ЯВЛЕНИЕ III.

Фаустъ *(одинъ)*.

Сокровища. О, да, они мнѣ будутъ
Принадлежать. Пока вездѣ со мной
Ходить безсмынно станетъ Мефистофель,
Кто можетъ мнѣ хоть въ чемъ нибудь вредить?
Я въ полной безопасности теперь.
Прочь всякое сомнѣнье! О, скорѣе
Являйся, Мефистофель, и неси
Мнѣ радостную вѣсть отъ Люцифера.
Ужель еще не наступила полночь!
О, veni, veni, Mephistophilis!..

ЯВЛЕНИЕ IV.

Фаустъ и Мефистофель.

Фаустъ.

Скажи скорѣе, что тебѣ сказалъ
Владыка твой?

Мефистофель.

Пока ты живъ, велѣлъ онъ
Тебѣ служить, но за мои услуги
Ты долженъ заплатить цѣной души.

Фаустъ.

Души моей и только? Ну не много.
На то давно обрекъ я эту душу,
Лишь только-бъ ты меня не покидалъ.

Мефистофель.

Но ты теперь обязанъ совершить
Торжественную запись, и росписку
Дать собственною кровью. Люциферъ
Желаеть, чтобъ подобное условье

Тобой соблюдено было вполнѣ,
И если ты на то не дашь согласья,
Я снова возвратиться долженъ въ адъ.

Фаустъ.

Стой, Мефистофель! Прежде отвѣчай мнѣ,
Въ моей душѣ что пользы Люциферу?
Зачѣмъ нужна ему моя душа?

Мефистофель.

Чтобъ возвеличить адскія владѣнья.

Фаустъ.

Такъ вотъ зачѣмъ онъ искушаетъ насъ!

Мефистофель.

Solamen miseris socios habuisse doloris.
Даеть онъ утѣшенье всѣмъ несчастнымъ,
Чтобъ было съ кѣмъ имъ грусть свою дѣлить.

Фаустъ.

Но можете-ль вы чувствовать страданья,
Которыя испытываемъ мы?

Мефистофель.

Мы также имъ подвержены, какъ люди.
Но, Фаустъ, отвѣчай мнѣ: отдаешь
Ты душу Люциферу? Ты вѣдь знаешь,
Что я тебѣ, какъ рабъ готовъ служить,
И то тебѣ дать буду въ состояньи,
Чего вообразить не можешь ты?

Фаустъ.

Да, душу, бѣсъ, я уступаю аду.

Мефистофель.

Бери же вотъ желѣзное перо
Безъ колебанья, Фаустъ, и безъ страха
Имъ руку проколи и напиши
Своею кровью вѣчную росписку,
Чтобъ по роспискѣ этой Люциферъ
Современемъ могъ требовать уплаты;
Могъ овладѣть душой твоей... Тогда,
Какъ Люциферъ, великъ ты будешь самъ.

Фаустъ.

Смотри же, Мефистофель: я послушенъ,
Я для тебя прокалываю руку,
Чтобъ кровью написать свой договоръ,

И князю тѣмъ всю душу завѣщаю.
Смотри на кровь, которая бѣжитъ
Съ моей руки. Ужель цѣной той крови
Достигну я вѣнца своихъ желаній?...

Мефистофель.

Таковъ обрядъ и форма договора.

Фаустъ.

Его я исполняю. Да взгляни,
Какъ кровь моя сгустилась.... Не могу я
Совсѣмъ писать.

Мефистофель.

Я принесу огня

И кровь твоя распустится въ минуту *(уходитъ.)*

ЯВЛЕНИЕ V.

Фаустъ *(одинъ)*.

Что-жъ это знаменуетъ? Кровь застыла...
Не говорить-ли это, чтобъ не смѣлъ
Дописывать я акта рокового?
Не для того-ль она остановилась,
Чтобъ я не начерталъ ужасныхъ словъ:
«Я, Фаустъ, душу продалъ сатанѣ»....
Да, именно, на этомъ самомъ мѣстѣ
Она остановилась. Отъ чего-жъ,
Однако, мнѣ и не отдать души?
Она моя и ей расворяжаться
Могу я смѣло. Нѣтъ, я напишу:
«Я, Фаустъ, душу продалъ сатанѣ»...

(Входитъ Мефистофель съ угольями.)

ЯВЛЕНИЕ VI.

Фаустъ и Мефистофель.

Мефистофель.

Вотъ и огонь. Надъ нимъ немного руку
Ты поддержи.

Фаустъ.

Кровь начала сочиться,
И я окончу актъ въ одну минуту.

Мефистофель (*тихо*).

Чего бы я не сдѣлалъ для того,
Чтобъ овладѣть душой его!...

Фаустъ.

Конецъ!...

Такъ, consummatum est. Онъ совершенъ,
Великій актъ, и собственную душу
Я Люциферу жертвую... Свершилось!...
Но что это: я вижу на рукѣ
Тайнственную надпись: «Номо, fuge!»
Куда бѣжать? Ужели къ небесамъ?
Но снова въ адъ они меня низвергнуть...
Нѣтъ, это все обманъ воображенья
И никакой нѣтъ надписи на мнѣ...
Но если „Номо, fuge!“ прочиталъ я
Дѣйствительно? Мнѣ все равно теперь:
Для Фауста нѣтъ къ прошлому возврата.

Мефистофель (*тихо*).

Его разсѣять нужно непременно.

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VII.

Фаустъ и два демона (*Последніе надпеваютъ на голову Фауста корону и роскошное платье и приплясывая удаляются*). Входитъ Мефистофель.

Фаустъ.

Что означаетъ этотъ маскарадъ?
Слажи мнѣ, Мефистофель?

Мефистофель.

Ничего.

Тебѣ хотѣлъ я только показать,
Какъ магія всесильна.

Фаустъ.

Но могу ли

Я этихъ двухъ духовъ къ себѣ призвать
По первому желанью?

Мефистофель.

Несомнѣнно.

Ты большаго еще достигнуть можешь.

Фаустъ.

Ну, такъ бери пергаментъ, сатана:
Я душу съ тѣломъ вмѣстѣ съ нимъ вручаю,
Но только съ уговоромъ, чтобы ты
Все исполнялъ, что въ актѣ говорится.

Мефистофель.

Я тартаромъ клянусь и Люциферомъ,
Что договоръ, съ тобою заключенный,
Исполненъ будетъ съ точностію мной.

Фаустъ.

Такъ слушай же: его я прочитаю.

(Читаетъ.)

„Мы заключаемъ между собою слѣдующія условія:

„1) Чтобъ Фаустъ имѣлъ свойства и силу духовъ, сохраняя
„форму и жизнь человѣка.

„2) Чтобъ Мефистофель былъ рабомъ Фауста и исполнителемъ
„его приказаній.

„3) Чтобъ Мефистофель исполнялъ и доставлялъ Фаусту все,
„что онъ будетъ требовать.

„4) Чтобъ Мефистофель постоянно невидимо присутствовалъ
„всюду возлѣ Фауста.

„5) Чтобъ Мефистофель, по первому желанію Фауста, давалъ
„ему возможность принимать видъ и форму, какіе Фаустъ по-
„желаетъ.“

„Я, докторъ Іоганъ Фаустъ изъ Виттемберга,
„отдаю разомъ душу и тѣло князю тьмы Люциферу и его помощ-
„нику Мефистофелю, причемъ моя жизнь не должна прекращаться
„ранѣе двадцати четырехъ лѣтъ, по прошествіи которыхъ даю
„полное согласіе вышеозначеннымъ духамъ взять мою душу и за-
„ключить ее въ свои владѣнія, каковы бы они ни были.

Іоганъ Фаустъ».

Мефистофель.

Всему конецъ, и договоръ
Имѣть силу съ тихъ поръ.
Теперь, философъ, наше знанье
Ты испытай.

Фаустъ.

Одинъ вопросъ:

Гдѣ это царство жгучихъ слезъ,

Жилище вѣчнаго страданья,
Гдѣ нѣтъ любви и состраданья.
Ни райскихъ сновъ, ни райскихъ грезъ, —
Гдѣ мрачный адъ?

Мефистофель.

Подъ небесами.

Фаустъ.

Къ чему играешь ты словами?
Нѣтъ, бѣсъ, я шутокъ не люблю.
Скажи, гдѣ адъ, я говорю,
Гдѣ именно и подъ какой
Онъ широтой и долготой?

Мефистофель.

Мудренъ вопросъ, мой другъ мудреный,
Еще ли съ помощью ландкартъ
Ты отыскать желаешь адъ?
Брось циркуль свой, мудрецъ ученый!
Гдѣ тартаръ? Всюду, гдѣ кишать
Пороки, страсти, злодѣянья,
Вездѣ, гдѣ только есть дыханье,
Гдѣ люди падшіе живутъ,
Гдѣ преступленья и страданья
Обнявшисъ братьями идутъ;
Гдѣ безъ надеждъ, безъ упованья
Проходятъ дни, вѣка бѣгутъ,
Но мѣста ада не найдутъ
Твои прозорливыя очп.
Его границъ во мнѣ нѣтъ мочи
Опредѣлить. Могучій адъ
Схватилъ весь міръ въ свои объятья,
И безъ разбора, безъ изъятья
Вездѣ разлилъ свой тонкій ядъ.
Мы — дѣти вѣчной адской власти
Завоевали шаръ земной,
У насъ въ рукахъ людскія страсти
Ихъ наслажденья, ихъ покой...
Когда-жъ межъ дряхлыми мірами
Падеть планетъ разбитыхъ рядъ,
Все, что не будетъ небесами,
Поглотить все собою адъ.

ФАУСТЪ.

Фаустъ.

Останови разсказъ ужасный
И сатаническій твой бредъ:
Въ немъ, Мефистофель, смыслу нѣтъ.
Морочь другихъ иди...

Мефистофель.

Напрасно!

Увидишь самъ — пора придетъ
И опытъ собственный докажетъ,
Тогда посмотримъ что-то скажетъ
Ученый Фаустъ!

Фаустъ.

Сатана!

Твоя угроза мнѣ смѣшна.
Что-жъ мнѣ сулишь ты?

Мефистофель.

Знаешь самъ:

Сейчасъ ты душу продалъ намъ,
И, въ заключенье, адской сферы
Не избѣжать тебѣ...

Фаустъ.

Химеры!

Тѣ дни горячей, пылкой вѣры,
Мечты незрѣлыхъ, дѣтскихъ лѣтъ
Давно прошли, — давно ихъ нѣтъ,
Мои ребяческіе стремленія
И къ аскетизму и къ любви,
И мнѣ не страшны, мрачный геній,
Софизмы адскіе твои.
Не нужно мнѣ правоученій:
Теперь сталъ пусть мой прежній храмъ
И не курю я фиміамъ
Ни Зевсу, ни твоимъ бѣсамъ.
И этой допотопной сказкой
Ты думалъ, чортъ, меня смутить
И снова школьною указкой
Хотѣлъ философу грозить?

Мефистофель.

Но пусть въ тебѣ угасла вѣра,
Вѣдь не на столько-жъ ты упрямъ,

Чтобъ отрицать и Люцифера:
 Не надо лучшаго примѣра —
 Здѣсь предъ тобою дьяволъ самъ,
 Самъ дьяволъ, вышедшій изъ ада,
 Чтобъ заключить съ тобой контрактъ...
 Въ неотразимый этотъ фактъ
 Хоть по неволѣ вѣрить надо.

Фаустъ.

Пусть будетъ такъ. Мнѣ все равно,
 И не страшить меня проклятье.
 Когда могу ѣсть, пить и спать я,
 Когда мнѣ будетъ все дано,
 Чтобъ не скучать до самой смерти,
 То васъ ли мнѣ бояться, черти?
 Оставимъ бесполезный споръ.
 Нашъ исполняя договоръ,
 Ты долженъ, дьяволъ, ухитриться:
 Гдѣ знаешь, но достань сейчасъ
 Красавицу: хочу хоть разъ
 Я наслажденіемъ ушиться.
 Я сладострастенъ, и жениться
 Теперь пришла охота мнѣ.

Мефистофель.

А, ты мечтаешь о женѣ!
 Я мигомъ съ ней могу явиться.
(Исчезаетъ и возвращается съ вѣдьмой.)

Фаустъ.

Что за явленіе?

Мефистофель.

Итакъ,
 Ты все еще въ законный бракъ
 Вступить желаешь?..

Фаустъ.

Въ самомъ дѣлѣ,
 Такихъ безпутницъ — поискать.
 И съ ней мнѣ жизнь свою связать?
 Благодарю!.. Да ты въ умѣ ли?

Мефистофель.

Ты правъ. Женитьба — цѣль одна.
 Къ чему тебѣ теперь жена,

Когда любую куртизанку
 Всѣхъ націй — нѣмку или испанку —
 Ты можешь смѣло призывать.
 Любая женщина доступна
 Для насъ съ тобой, хоть будь она,
 Какъ Пенелопа неприступна
 И хороша, какъ сатана
 До дней его грѣхопаденья.
 Вотъ, Фаустъ, книга. Безъ сомнѣнья,
 Она достойна изученья,
 Она занять тебя должна.
 Изъ словъ ея въ одно мгновенье,
 Лишь только ихъ проговори,
 Родится золото. Бери
 Одинъ чертежъ изъ книги этой,
 И если на песокъ начнешь
 Изображать весь тотъ чертежъ,
 То надъ испуганной планетой
 Нежданно грянетъ страшный громъ,
 Лѣса отъ молній загорятся
 И подъ ногами колебаться
 Начнетъ тогда земля кругомъ.
 По этой книгѣ заклинанья
 Произнеси до трехъ ты разъ;
 И духи явятся тотчасъ,
 Чтобъ исполнять всѣ приказанья.

Фаустъ.

Благодарю! Меня теперь
 Изъ мрака ты выводшишь къ свѣту:
 Беречь начну, какъ жизнь, повѣрь,
 Я дорогую книгу эту.

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

На дорогѣ.

ЯВЛЕНИЕ I.

Мефистофель и Фаустъ *(входятъ)*.

Фаустъ.

Тяжелыя минуты иногда
 Переживаю я. На небеса

Едва взгляну, раскаянье, какъ жало
Змѣи, мнѣ начинаетъ сердце грызть
И я тогда могу-ли, Мефистофель,
Тебя не проклинать? Меня лишилъ
Надежды ты на счастье за гробомъ.

Мефистофель.

Ты самъ того хотѣлъ, такъ и пеняй
Самъ на себя. И кто тебя увѣрилъ,
Что счастье загробное такъ полно?
Клянусь тебѣ, что тамъ, за гранью жизни,
И миллионной доли даже нѣтъ
Тѣхъ совершенствъ, которыя таятся
Въ самомъ тебѣ, иль въ каждомъ человѣкѣ,
Живущемъ на землѣ.

Фаустъ.

Чѣмъ это ты

Докажешь мнѣ?

Мефистофель.

Загробный миръ
Для одного устроенъ человѣка,
Который совершеннѣй всѣхъ созданий.

Фаустъ.

Когда эдемъ назначенъ для людей,
То значить онъ и для меня назначенъ.
Будь проклята ты, магія! Меня
Еще спасеть раскаянье отъ ада.

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣмъ и два духа.

Добрый духъ.

Покайся, Фаустъ! Время не ушло
И отъ небесъ получишь ты прощенье.

Злой духъ.

Духъ злобы ты! Твой богъ единый—зло,
Такъ и не жди пощады Провидѣнья.

Фаустъ.

Кто шепчетъ мнѣ, что я злой духъ? Когда-бы
Былъ демономъ я даже, то меня

Раскаянье спасеть. Да, я раскаюсь
И небо надо мною скалится...

Злой духъ.

Но Фаустъ

Раскалится уже не въ состояннн.

(Духи исчезаютъ.)

Фаустъ.

Да, прибѣгать къ раскаянню поздно.
Въ моей груди закаменѣло сердце,
И даже словъ: спасенье, вѣра, небо
Я искренно произнести не смѣю.
Чтобы покончить съ жизнью счеты разомъ,
Все подъ рукой я, кажется, имѣю:
Веревки, ядъ, отравленная сталь,
И я-бъ не колебался ни минуты
Прибѣгнуть къ смертоносному оружью,
Когда-бъ одна великая надежда
Не заставляла жить меня, смиряя
Отчаянье глубокое. Живу я
Надеждою отрадной, что, быть можетъ,
Увижу я безсмертнаго Гомера,
Который воспоетъ передо мной
Тѣнь Александра или смерть Энея.
Быть можетъ, и того увижу я,
Кто стѣны Фивъ разрушилъ подъ акорды
Своей волшебной арфы сладковзвучной;
И вмѣстѣ съ Мефистофелемъ услышу
Ту музыку... Къ чему-же умирать?
Къ чему до срока буду предаваться
Постыдному отчаянню? О, нѣтъ,
Къ раскаянню я больше не прибѣгну.
Опять съ тобой хочу я, Мефистофель,
Бесѣдовать, какъ истинный мудрецъ,
И разныхъ умозрительныхъ вопросовъ
Коснуться. Отвѣчай-же: подъ луной
Ужели есть еще пння сферы?
И много-ль ихъ? Небесныя тѣла,
Которыя тамъ движутся въ эфирѣ
Не есть-ли только шаръ одинъ?

Мефистофель.

Все небо

Отъ спутницы земной—луны до круга

Послѣдняго есть рядъ особыхъ сферъ,
И движутся всѣ эти сферы вмѣстѣ
На ихъ единой оси. Гдѣ она
Кончается—невидимый тотъ пунктъ
Зовутъ великимъ полюсомъ вселенной.
Сатурнъ, Юпитеръ, Марсъ—не престо звукъ,
И не одной фантазіи созданья.
Они—свѣтила вечера.

Фаустъ.

Скажи:

У нихъ одно есть общее движенье?
Situ et tempore!

Мефистофель.

Они плывутъ

На полюсахъ вселенной постоянно
Съ востока прямо къ западу, свершая
Путь по своей орбитѣ ровно въ сутки,
Но въ сферѣ зодіака ихъ движенье
Не сходно межъ собою...

Фаустъ.

Чудеса

Подобныя и Вагнеръ разъяснить!
Ужель у Мефистофеля нѣтъ знанья
Поглубже этихъ истинъ, всѣмъ-извѣстныхъ?
Ну, кто теперь не знаетъ на землѣ
Движенія двойного всѣхъ планетъ!
Не тайна всѣмъ, что первое движенье
Свершается втеченье нашихъ сутокъ,
Второе-же такой имѣетъ счетъ:
Сатурнъ кончаетъ путь свой въ тридцать лѣтъ,
Въ двѣнадцать лѣтъ—Юпитеръ, Марсъ—въ четыре
И въ годъ—Меркурій, Солнце и Венера,
Луна-же въ двадцать-восемь лѣтъ (7). Всѣ эти
Вопросы школярамъ однимъ пригодны.
Ты вотъ на что отвѣтъ мнѣ: эти сферы
Въ своемъ существованьи самобытны?
Ихъ жизнь самостоятельна?

Мефистофель.

О, да!..

Фаустъ.

Такъ сколько-же небесъ, или этихъ сферъ?

Мефистофель.

Ихъ девять: семь планетъ однѣхъ, — потомъ
Есть горизонтъ и крайній кругъ небесъ.

Фаустъ.

Но нѣтъ-ли гдѣ еще другого неба,
Иль *caelum igneum et chrystallinum*?

Мефистофель.

Нѣтъ, это басни чистыя!

Фаустъ.

Теперь

Я предложу тебѣ вопросъ: какая
Причина, что сближеніе планетъ,
Затмѣнья ихъ свершаются всегда
Неправильно? Они въ иные годы
Бываютъ чаще, чѣмъ въ другіе. Мнѣ
На это отвѣчай-же, Мефистофель.

Мефистофель.

Per inaequalem motum respectu totius.

Фаустъ.

Такъ, твой отвѣтъ я понялъ, но скажи:
Кто создалъ міръ?

Мефистофель.

На это нѣтъ отвѣта.

Фаустъ.

Прошу тебя, мой добрый Мефистофель!

Мефистофель.

А я прошу: оставь меня въ покоѣ.

Фаустъ.

Но развѣ ты, проклятый, позабылъ
Обязанность свою? Ты долженъ мнѣ
Давать отвѣтъ на всѣ мои вопросы.

Мефистофель.

Мы дѣлаемъ лишь то, что въ нашей власти,
И я не властенъ отвѣчать тебѣ. Теперь
Ты осужденъ, такъ помышляй объ адѣ.

Фаустъ.

Я думаю о томъ, кѣмъ созданъ міръ?

Мефистофель.

Такъ помни-же слова свои!

Фаустъ.

Изчезни,

Уйди, проклятый духъ, и провались
 Въ свой темный, смрадный адъ! Въ моей душѣ
 Ты можешь возбуждать одни проклятья!..

ЯВЛЕНИЕ III.

Фаустъ и два духа.

Злой духъ.

Раскаиваться поздно!

Добрый духъ.

Никогда!

Твоя судьба въ рукахъ твоихъ-же, Фаустъ!

Злой духъ.

Раскайся ты, и демоны тебя
 На части растерзають въ то мгновенье.

Добрый духъ.

Покайся только ты и духи тьмы
 Къ тебѣ и прикоснуться не посмѣють.

(Духи скрываются.)

Фаустъ.

О, Господи, Спаситель мой! Спаси,
 Спаси мою измученную душу!
 Что дѣлать мнѣ, о Боже, научи!..

ЯВЛЕНИЕ IV.

Люциферъ, Вельзевулъ и Мефистофель.

Люциферъ.

Богъ справедливъ, а потому не можетъ
 Тебя спасти. Ты мнѣ принадлежишь,
 И никого во всей вселенной нѣтъ,
 Кто принималъ-бы болѣе меня
 Участвія въ тебѣ...

Фаустъ.

Кого и вижу?

Единый ужасъ видъ твой возбуждаетъ!..

ФАУСТЪ.

Люциферъ.

Я—Люциферъ, а этотъ спутникъ мой—
Князь ада, Вельзевулъ!..

Фаустъ.

О, я несчастный!

Конечно за душой моей сюда
Они пришли!

Вельзевулъ.

Пришли мы, чтобъ сказать,
Что ты насъ оскорбляешь.

Люциферъ.

Объщанье

Ты позабылъ, взывая къ небесамъ!

Вельзевулъ.

Лишенъ ты права къ небу обращаться...

Люциферъ.

Ты помышляй о тартарѣ одномъ.

Вельзевулъ.

И объ его владыкѣ, Люциферѣ.

Фаустъ.

Всему конецъ! Простить на первый разъ
Должны вы мнѣ такое колебанье...
Даю теперь торжественный обѣтъ
Съ молитвами не обращаться въ небу.

Люциферъ.

Исполни-же обѣтъ свой, докажи
Намъ преданность свою и послушанье:
Мы щедро наградимъ тебя за то.

Вельзевулъ.

Мы сами для того пришли изъ ада,
Чтобъ зрѣлищемъ однимъ тебя потѣшить,
Да и себя самихъ имъ поразвлечь.
Садись, и ты увидишь, какъ къ тебѣ
Пожалуютъ въ ихъ настоящей формѣ
Семь смертныхъ человѣческихъ грѣховъ...

Фаустъ.

Отъ зрѣлища подобнаго въ восторгѣ
Такомъ-же буду я, какъ и Адамъ
При видѣ рая въ первый день творенья!

Люциферъ.

Забудь ты про Адама и про рай,
А полюбуйся новыми гостями.
Зови-же, Мефистофель, ихъ сюда...

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ-же и семь смертныхъ грѣховъ.
Вельзевулъ.

Теперь ты, Фаустъ, спрашивай гостей,
Какъ ихъ зовутъ и, наконецъ, какое
У нихъ призванье...

Фаустъ.

Медлить не хочу.
И вотъ хоть съ первой фуріи начну я:
Какъ звать тебя?

Гордость.

Я — гордость. Нѣтъ
И быть не можетъ равныхъ мнѣ на свѣтѣ.
Овидія блохѣ подобна я:
Возможно мнѣ безъ всякаго труда
Въ нарядѣ любой красавицы забраться:
Подъ видомъ парика могу снимать
Ея чело прекрасное, вокругъ шеи
Я обвиваюсь въ видѣ ожерелья;
Подъ видомъ опахала я цѣлюю
Ея лицо и, превратясь въ сорочку,
Я обнимаю дѣвственное тѣло.
Но, фи!.. Какой здѣсь запахъ!.. Я двухъ словъ
За всѣ богатства міра не скажу,
И лишь тогда, быть можетъ, ротъ открою,
Когда духами вспырнутъ землю всю,
Ее покрывши легкимъ покрываломъ.

Фаустъ.

Могу сказать, ты гордая шутовка.
А ты, вторая фурія! тебя
Какъ величать прикажешь намъ?

ФАУСТЪ.

Скупость.

Я—скупость.

У скряги въ кошелькѣ я родилась;
 Есть у меня одно теперь желанье:
 Чтобъ вы, весь домъ и все, что въ домѣ есть,
 Вдругъ превратились въ золото! Его-бы
 Я бережно запрятала въ сундукъ
 И, какъ зѣницу ока, сберегала!
 О, золото Завѣтное!..

Фаустъ.

Ты, третья!

Какъ звать тебя?

Зависть.

Я, зависть, родилась
 Отъ трубочиста съ устричной торговкой.
 Читать я не умѣю, почему
 Хотѣла-бы, чтобъ на землѣ всѣ книги
 Сожгли, какъ хламъ ненужный. Я худѣю,
 Смотря, какъ люди прочіе ѣдятъ...
 О, еслибъ наступилъ всемірннй голодъ
 И передохли люди всѣ на свѣтѣ
 И я одна осталась-бы жива,
 Ты увидаль-бы, какъ я раздобрѣла.
 Но что такое вижу?! ты сидишь
 Въ то время, какъ стою я предъ тобою!
 Такъ встань-же, бѣсъ, и стоя говори!

Фаустъ.

Прочь, ты, завистница!.. Ну, ты, четвертый:
 Кто ты такой?

Гнѣвъ.

Одно мнѣ имя—гнѣвъ.

Нѣтъ у меня отца и матери. Въ минуту
 Рожденья своего изъ львиной пасти
 Я выброшенъ. Весь свѣтъ обрыскалъ я,
 Всѣхъ поражая, шпагой обнаженной;
 Когда-жъ враговъ не видѣлъ предъ собой,
 То этой шпагой самъ себя рубилъ я.
 Родившійся отъ ада, въ этотъ адъ
 Смотрю я постоянно, отовсюду:
 Вѣдь кто-нибудь изъ васъ, его бѣсовъ,
 Быть долженъ-же моимъ отцомъ навѣрно!..

Фаустъ.

Кто пятая?

Жадность.

Я—жадность. У меня

Отецъ и мать давно сошли въ могилу
 И ухитрился чортъ устроить такъ,
 Что мнѣ они оставили наслѣдство
 Мизерное; мнѣ средствъ едва-едва
 Лишь на десять мѣховъ вина хватаетъ
 И на тридцать обѣдовъ въ сутки. Я
 Чуть-чуть не умираю съ голоду, такую
 Діетою измучена. Межъ тѣмъ
 Принадлежу я къ царственному роду:
 Моимъ отцомъ былъ окорокъ свиной,
 Кларета бочка—матерью была мнѣ,
 И цѣловальникъ крестнымъ былъ отцомъ;
 Моей-же крестной матерью была
 Особа очень важная; названье
 Ей „мартовское пиво“. Я надѣюсь,
 Что ты, узнавши всю мою родню,
 Сегодня пригласишь меня на ужинъ.

Фаустъ.

Напрасная надежда!..

Жадность.

Тавъ пускай

Тебя задушить чортъ!

Фаустъ.

Сама себя

Ты задуши, обжора!.. Говори мнѣ,
 Кто ты, шестая? Ну!..

Лѣность (*эввал*).

Я — лѣность... а-а!..

Подъ теплымъ солнцемъ, лежа на скамейкѣ,
 Я родилась... (*эввалъ*.) Такъ лѣнь мнѣ говорить,
 Что болѣе не вымолвлю ни слова,
 Хотя-бы королевскія богатства
 Сулили мнѣ...

Фаустъ.

А ты, теперь, седьмая,

Безпутная прелестница, скажи —
Какое носишь имя ты?

Рослошь.

Кто? Я-то?

Я та, которой во сто разъ дороже
Бараннины одинъ кусочекъ свѣжій
Огромнаго куска сухой трески.
Я роскошь съ головы своей до ногъ.

Люциферъ.

Ни слова! Съ глазъ долой въ одну минуту!
(Семь смертныхъ грѣховъ скрываются.)

Фаустъ.

Я очарованъ зрѣлищемъ чудеснымъ;
Я ничего подобнаго не зналъ,
Что видѣлъ въ настоящую минуту.

Люциферъ.

Въ аду есть, Фаустъ, множество чудесъ.

Фаустъ.

О, еслибъ могъ я видѣть этотъ адъ
И пзъ него вернуться невредимымъ,
Тому я безконечно былъ-бы радъ.

Люциферъ.

Твое желанье сбудется. Сегодня
Пришлю я за тобою ровно въ полночь;
А ты пока возьми вотъ эту книгу
И отъ доски прочти все до доски.
Окончивъ это чтенье, ты получишь
Великую и чудную способность —
Мѣнять свой видъ и форму по желанью.

Фаустъ.

Благодарю, могучій Люциферъ!..
Подарокъ твой я буду сохранятьъ,
Какъ собственную жизнь свою.

Люциферъ.

Теперь

Съ тобой на время долженъ я разстаться.
Прощай!

Фаустъ.

Прощай, великій Люциферъ!

Ты, Мефистофель, тоже уходи:
Мнѣ надобно теперь уединенье.

(Всѣ расходятся въ разныя стороны.)

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

На дорогѣ, передъ таверной.

ЯВЛЕНИЕ I.

Клоунъ *(входитъ)*.

Эй, Дикъ! Пока сюда я не вернусь,
Поди-ка, присмотри за лошадьми ты.
Одну изъ книгъ магическихъ я взялъ
У доктора у этого, у Фауста... Авось я
Продѣлаю одну изъ этихъ штукъ,
Которыми сбиваетъ докторъ съ толку
Честной народъ...

ЯВЛЕНИЕ II.

Клоунъ и Дикъ.

Дикъ.

Эй, Робинъ! Поводить
Тебѣ теперь лошадокъ не мѣшаетъ.

Клоунъ.

Мнѣ поводить лошадокъ! За кого-же
Меня ты принимаешь, дуралей?
Сложивши руки, что-ли, я сижу,
Безъ всякаго занятя? Коль желаютъ,
Пусть лошади себя проводятъ сами...

(Бормочетъ, смотря въ книгу.)

Гдѣ А одно, одно тамъ выйдетъ а,
Гдѣ О одно, тамъ о одно... *ирионъ*,
Демоирионъ...—Не подходи такъ близко
Ко мнѣ ты, конюхъ, неучъ грубый!.. Дальше!..

Дикъ.

О, Господи! Да что тамъ у тебя?

Никакъ ты и взаправду смотришь въ книгу,
Да ничего не можешь прочитать!..

Клоунъ.

Смотри, не завирайся! Въ зубоскальствѣ
Раскаяшься въ одну минуту ты,
И повторяю снова, стой ты дальше,
Не то—тебя, любезный, зашвырну
Я въ чортову харчевню.

Дикъ.

Ну такъ что-жь?

Оно, пожалуй, было-бы недурно,
Когда-бъ притомъ возможно только было
Тамъ горло промочить свое немножко.
Нѣтъ, брось-ка лучше штуки эти ты!
Когда вотъ нашъ хозяинъ возвратится,
Такъ онъ тебя заправски околдуетъ,
Вѣкъ будешь помнить... Слово помани!..

Клоунъ.

Чтобы меня околдовалъ хозяинъ?
Еще посмотримъ! Пусть-ка онъ придетъ,
Я къ головѣ его приставлю пару
Такихъ роговъ, какихъ и ты, братъ, самъ
Не видывалъ еще.

Дикъ.

Не безпокойся!

При помощи возлюбленной своей
Рогами я изрядными запаса.

Клоунъ.

Да, есть межъ насъ искусники такіе,
Которые большіе мастера
На это украшеніе. Эхъ, жаль,
Что говорить у нихъ охоты мало!..

Дикъ.

Зараза-бы взяла тебя!.. Всегда
Казалось мнѣ, что безъ толку юлилъ
Ты предъ моей возлюбленной плутовкой!
Да, ну ее! Сважи-ка мнѣ вотъ что:
Чертовская, безъ шутокъ, эта книга?

Клоунъ.

Да, братъ. Чего теперь не пожелай,

Все сдѣлаю, что хочешь. Лишь задумай
 И предо мной сейчасъ-же ты запляшешь,
 Голь, какъ ладонь. А хочешь, такъ пойдемъ,
 Мой милый, въ эту самую таверну.
 И я тебѣ дамъ бѣлаго вина,
 Дамъ краснаго вина; тамъ угощу тебя и
 Кляретомъ старымъ, хересомъ, мускатнымъ,
 Мальвазіей. Пей столько, сколько влезетъ,
 И мы за все ни пенни не заплатимъ.
 Согласенъ?

Дикъ.

Вотъ такъ истинное диво!
 Такъ сдѣлай милость, братецъ, угости;
 Я высохъ весь отъ жажды, какъ собака
 Въ дни засухи...

Клоунъ.

Идемъ-же поскорѣй.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Р И М Ъ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната во дворцѣ папы.

ЯВЛЕНІЕ I.

Фаустъ и Мефистофель (*входятъ*).

Фаустъ.

Какъ много новыхъ, чудныхъ впечатлѣній
 Я пережилъ, мой добрый Мефистофель,
 Съ тѣхъ поръ, какъ ты унесъ меня съ собой.
 Я видѣлъ городъ Триръ великолѣпный,
 Который окруженъ со всѣхъ сторонъ
 Заоблачными скалами, стѣнами
 Утесовъ неприступныхъ и такими

Зіяющими безднами, что всѣмъ
 Царямъ-завоевателямъ на свѣтѣ
 Нѣтъ доступа къ твердынямъ городскимъ.
 Потомъ мы пролетали чрезъ Парижъ,
 По Франціи; потомъ я видѣлъ Рейнъ,
 Бѣгущій въ виноградникахъ зеленыхъ
 По плодоносной, царственной странѣ.
 Оттуда чрезъ богатую Кампанью
 Достигли до Неаполя. Я видѣлъ
 Его монументальныя постройки,
 Его дворцы и улицы прямыя
 Съ ихъ каменною, ровной мостовой.
 Виргилія гробницу золотую
 Я видѣлъ въ томъ ущельѣ, на дорогѣ,
 Которое проходитъ подъ скалою
 На милю разстоянья въ полномъ мрагѣ.
 Мы понеслись въ Венецію потомъ,
 Чрезъ Падую направились къ востоку.
 И снова новый городъ предо мной:
 Въ немъ колоссальный храмъ такой построенъ,
 Что шпигъ его, казалось мнѣ, доходитъ
 До самыхъ звѣздъ небесныхъ. Стѣны храма
 Обложены изящной мозаикой
 И золотомъ обшить громадный куполь...
 Такъ время пролетѣло для меня
 Среди чудесъ, мнѣ прежде неизвѣстныхъ.
 Но гдѣ-же, Мефистофель, мы теперь?
 Какой я городъ вижу предъ собою?
 Ты знаешь, я желалъ, чтобъ въ вѣчный Римъ
 Я былъ перенесенъ. Мое желанье
 Исполнилъ ты?

Мефистофель.

Да, Фаустъ, и не только
 Находишься теперь ты въ самомъ Римѣ,
 Но даже среди папскаго дворца
 Въ минуту настоящую стоишь ты.
 Мнѣ хорошо извѣстно, что жилицы
 Мы вовсе не простые, потому-то
 Отдѣльныя покои во дворцѣ
 Я занялъ для обонхъ насъ.

Фаустъ.

Надѣюсь,

Что здѣсь насъ встрѣтятъ очень благосклонно.

Мефистофель.

До этого намъ дѣла вовсе нѣтъ.
 Безъ всякой церемоніи мы станемъ
 Чужой дичиной пользоваться смѣло.
 Но напередъ, мой Фаустъ, долженъ я
 Тебя немножко съ Римомъ ознакомить,
 Чтобъ за глаза хоть нѣсколько ты могъ
 Имѣть о немъ понятіе. Построенъ
 Римъ вѣчный на семи своихъ холмахъ;
 Тибръ протекаетъ прямо по срединѣ
 И берега извилистой рѣки
 Весь городъ раздѣляютъ на двѣ части.
 Два моста перекинута чрезъ Тибръ
 Для сообщенія двухъ частей столицы.
 Одинъ изъ двухъ классическихъ мостовъ
 Есть мостъ святого Ангела—на немъ
 Воздвигнута твердыней неприступной,
 Несокруσιμο-сумрачная крѣпость.
 Съ ея бойницъ глядятъ двумя рядами
 Убийственныя жерла мѣдныхъ пушекъ,
 Которыхъ столько, сколько дней въ году.
 Египта пирамиды и ворота
 Ты, Фаустъ, также можешь видѣть тамъ:
 Изъ Африки привезъ ихъ Юлій Цезарь.

Фаустъ.

Тебя я заклинаю, Мефистофель,
 Всѣмъ царствомъ ада, Стиксомъ, Ахерономъ,
 И пламенной, клокочущей всегда
 Пучиной Флегетона,—не замедлимъ
 Прогулкой по чуднымъ стогнамъ Рима!..
 Всѣ памятники древности хочу
 Я осмотрѣть, минуты не теряя.
 Идемъ-же!..

Мефистофель.

Нѣтъ, имѣй терпѣнье, Фаустъ.

Увѣренъ я, что ты охотно радъ
 Взглянуть на папу римскаго, во-первыхъ;
 А во-вторыхъ, участіе принять

Въ священномъ торжествѣ. Сегодня въ Римѣ,
 Какъ и во всей Италиі, народъ
 Петра святого праздниѣ торжествуетъ
 Въ честь папоу одержанной побѣды.
 Что можешь на это мнѣ сказать?

Фаустъ.

Хвалю за мысль, мой мудрый Мефистофель!
 Пока я на землѣ еще живу,
 Испытать хочу я всѣ земныя
 Волненья, всѣ радости, къ которымъ
 Способно только сердце человѣка.
 Я на двадцать четыре года вправѣ
 Располагать самимъ собой вполнѣ,
 И потому желаю въ эти годы
 Узнать всѣ наслажденія земли,
 И ими упиваться до избытка;
 Хочу, чтобъ имя Фауста гремѣло
 Во всѣ вѣка, пока не рухнуло міръ
 И солнце въ синемъ небѣ не угасло;
 Чтобъ не было клочка земли такой,
 Гдѣ-бъ это имя было неизвѣстно.

Мефистофель.

Вотъ это такъ! Сказалъ ты дѣло, Фаустъ!
 Пока со мной останься здѣсь: сейчасъ
 Мы любопытнымъ зрѣлищемъ займемся.

Фаустъ.

Постой, еще два слова, Мефистофель!
 Мнѣ въ просьбѣ ты не долженъ отказать.
 Съ тобою въ девять дней мы осмотрѣли
 И небеса, и землю, и тартаръ весь.
 Драконы, на которыхъ мы неслись,
 На страшной вышинѣ такой парили,
 Что съ высоты и самая земля
 Казалась мнѣ руки моей небольше.
 Мы видѣли громадныя міры
 И я читалъ вселенную, какъ книгу.
 Теперь-же, Мефистофель, я хочу
 Самъ дѣйствовать и въ жизни міровой
 Творцомъ самостоятельнымъ явиться.
 Пусть даже самъ владыка грозный Рима

Узнаеть, что такое докторъ Фаустъ,
Моиѣ искусствомъ новымъ изумленный.

Мефистофель.

Пусть будетъ все по-твоему. Сперва-же
Оставемся мы здѣсь, чтобъ посмотрѣть
На пышную процессію. Потомъ
Изобрѣтай, какое хочешь, средство
И напряги пытливый разумъ твой,
Чтобы смутить весь праздникъ чѣмъ-нибудь
И озадачить римскаго владыку.
Желашь ты—и клерикалы всѣ
Вдругъ будутъ съ обезьяньей головою
И рожи уморительныя станутъ
Творить передъ собраньемъ; прикажи—
И я на инквизиторовъ надѣну
Или колпакъ дурацкій, или рога
Огромные къ ихъ головамъ приставлю.
Изобрѣтай, какіе хочешь, фарсы
И ихъ исполню я безъ замедленья.
Приказывай!.. Но, чу! они идутъ...
О, Фаустъ, Римъ ты удивишь сегодня!..

ЯВЛЕНІЕ II.

*(Входятъ кардиналы и инквизиторы
въ парадныхъ одеждахъ. За ними папа
и Раймондъ, король венгерскій. Сзади
Бруно въ цѣпяхъ и процессія поющихъ
хоровъ. Фаустъ и Мефистофель отхо-
дятъ въ сторону.)*

Папа.

Къ подножью моему всѣ преклонитесь!

Раймондъ.

Бруно, саксонскій выходецъ! Склонись
И да взоидеть на тронъ Петра святого
Черезъ тебя первосвященникъ Римскій.

Бруно.

Ты, Люциферъ, по гордости своей!
Тронъ этотъ мнѣ принадлежитъ по праву!

Не предъ тобой стоять мнѣ на колѣняхъ,
А предъ святымъ Петромъ.

Папа.

И предо мной,
И предъ Петромъ ты долженъ въ прахъ склониться...
Пади-же ницъ передъ величьемъ папы!..
Трубите всѣ подъ колокольный звонъ:
Во прахъ Бруно и на тронъ восходитъ
Глава и повелитель римской паствы...

*(Трубный и колокольный звонъ. Папа
восходитъ на престоль.)*

Папа.

Какъ не спѣша нисходятъ въ міръ,
Чтобъ изъ своихъ желѣзныхъ мощныхъ рукъ
На грѣшниковъ слать тучи грозной кары
И мучить развратившихся людей,
Такъ и возмездье наше пробудилось,
Чтобы возстать и смертью наказать
Тебя, Бруно, за гнусный твой поступокъ.
Вы, кардиналы Франціи и Рима,
Немедленно сейчасъ идите въ нашу
Святую консисторію и тамъ
Въ статутахъ нашей церкви отыщите
Мѣста, что постановлены синодомъ
Триентскаго собора противъ тѣхъ
Измѣнниковъ, которые рѣшались
На папскую тиару посягать
Безъ всякаго законнаго избранья
Коллегіи. Идите-жъ и скорѣй
Намъ принесите то постановленье.

Кардиналы.

Мы вашего святѣйшества приказъ
Спѣшимъ исполнить.

(Кардиналы съ поклономъ удаляются.)

Папа.

Другъ достопочтенный
Раймондъ...

Фаустъ.

Не медли, Мефистофель. Слѣдуй
За тѣми кардиналами. Когда

Они начнутъ въ старинныхъ книгахъ рыться,
 Ихъ порazi ты скукой и дремотой
 И усыпи такъ крѣпко, чтобъ могли
 Мы въ платьѣ ихъ облечься преспокойно.
 Въ нарядѣ ихъ предстанемъ мы предъ папой
 И объ его противникѣ безстрашномъ
 Рѣчь поведемъ; за тѣмъ, на зло владыкѣ,
 Освободимъ Бруно и увесемъ
 Его съ собой въ Германію...

Мефистофель.

Иду

И все исполню, Фаустъ.

Фаустъ.

Поспѣши-же!

Пусть проклинаютъ здѣсь тотъ самый день,
 Когда явился въ Римѣ докторъ Фаустъ!..

(Мефистофель и Фаустъ удаляются.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же безъ кардиналовъ, Фауста и Мефистофеля.

Бруно.

Ты, папа Адрианъ, мои права
 Признать давно обязанъ. Я былъ избранъ
 По волѣ императора.

Папа.

За это

Мы нашей властію его низложимъ
 И проклянемъ всѣхъ подданныхъ его.
 Обоихъ васъ мы отлучимъ отъ церкви
 И общества всѣхъ вѣрныхъ христіанъ.
 Твой императоръ слишкомъ сталъ кичиться
 Могуществомъ мгновеннымъ и занесся
 Подъ облака въ строптивости своей;
 Относится онъ къ церкви точно такъ-же,
 Какъ къ колокольнѣ... Мы съ него собьемъ
 Всю эту спѣсь! Какъ нѣкогда—ты знаешь—
 Предшественникъ нашъ папа Александръ
 Власть Фридриха германскаго разбилъ

И, къ славѣ нашей, далъ постановленье,
 Что навсегда намѣстники Петра,
 По власти, императоровъ всѣхъ выше,
 И что владыки римскіе сотрутъ
 Съ лица земли хребетъ съ главою змія,
 Раздавятъ льва и лютаго дракона
 И васлииска на смерть сокрушатъ, —
 Такъ и теперь, по силѣ нашей власти
 Мы властолюбца гордаго сразимъ,
 Его лишивши царственного права.

Бруно.

Ты позабылъ, какъ папа Юлій клялся
 И именемъ своимъ и именами
 Всѣхъ римскихъ папъ, преемниковъ своихъ,
 Что будетъ императора считать онъ
 Своимъ главой законнымъ?..

Папа.

Папа Юлій

Съ церковными статутами не могъ
 Идти въ разладъ: пренебрегая ими,
 Свои постановленія лишилъ
 Онъ всякой силы, это всякій знаетъ.
 — Кому-же, какъ не намъ однимъ дано
 Господство на землѣ? Не можемъ всѣ мы
 Ошибокъ дѣлать, еслибъ и хотѣли.
 Серебряный мѣсяцъ видишь ты:
 На немъ висятъ семь золотыхъ ключей,
 А на ключахъ священныхъ семь печатей.
 То семеричной власти есть залогъ,
 Великой власти, данной намъ отъ Бога —
 Вязать, рѣшать и заключать, винить,
 Судить и разрѣшать и, наконецъ,
 Постановлять по нашему желанью.
 Такъ пусть-же императоръ, и народы
 Предъ нами преклоняются! Иначе
 На ихъ чело сведетъ мое проклятье
 Всѣ ужасы загробныхъ адскихъ мукъ.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ-же и Фаустъ съ Мефистофелемъ *(оба въ кардиналь-
скихъ одеждахъ)*.

Мефистофель.

Вѣдь нужно, Фаустъ, съ этимъ согласиться,
Что мы съ тобой наряжены недурно?

Фаустъ

Чудесно, Мефистофель! Никогда,
Я думаю, такихъ двухъ кардиналовъ
Римъ не видалъ и никогда, надѣюсь,
Никто такъ не счумѣетъ услужить,
Какъ мы услужимъ въ нашемъ новомъ рапгѣ.
Подъ сѣнью консисторіи, пока
Другіе кардиналы сладко дремлютъ,
Ихъ миссію должны исполнить мы
И папѣ Адріану поклониться.

Раймондъ *(Папѣ)*.

Взгляните: кардиналы воротились.

Папа.

Привѣтствую отцовъ достопочтенныхъ!
Скажите, что опредѣлилъ совѣтъ
За покушенье противъ нашей власти
Бруно и императору?

Фаустъ.

Владыка

Всѣхъ истинныхъ католиковъ! Совѣтъ,
Придя къ единодушному согласью
Въ лицѣ своихъ прелатовъ и отцовъ,
Постановилъ: Бруно, какъ самозванца,
Съ германскимъ императоромъ считать
За дерзкихъ нарушителей порядка
И также за схизматиковъ преступныхъ.
За тѣмъ, когда извѣстно, что Бруно,
На произволь единый оппраясь,
И даже полномочья не имѣя
Ни отъ кого въ германскомъ духовенствѣ,
Тіарой папы думалъ завладѣть,
Посредствомъ вашей смерти уповая
Сѣсть на престолъ Петра, то весь совѣтъ,
Церковному статуту подчиняясь,

Рѣшилъ: Бруно, какъ наглый еретикъ,
Да будетъ на кострѣ сожженъ...

Папа.

Довольно!

Заняться имъ я поручаю вамъ;
Его сейчасъ вы отведите въ замокъ
Святого Ангела, и сами тамъ
Его заprite въ самой крѣпкой башнѣ.
На завтра-же мы соберемъ совѣтъ
Коллегіи почтенныхъ кардиналовъ
И порѣшимъ—дать жизнь ему иль смерть.
Снимите-же теперь съ него тиару,
Которую надѣлъ онъ: пусть она
У насъ-же въ консисторіи хранится.
Спѣшите-же, отцы, принявъ мое
Благословенье... Жду назадъ васъ скоро.

Фаустъ.

Идемъ, мой Мефистофель!

Всѣхъ этихъ кардиналовъ черезъ часъ
Я страшно одурачу...

(Фаустъ и Мефистофель уходятъ, уводя съ собой Бруно.)

Папа.

Пиръ теперь!

Пусть къ празднику идутъ приготовления...
Мы съ королемъ Раймондомъ будемъ пить
Сегодня за счастливую побѣду.

(Всѣ удаляются.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Зала пиршества.

(Идутъ приготовленія къ торжественному пиру. Играетъ музыка.)

ЯВЛЕНІЕ I.

Фаустъ и Мефистофель *(входятъ въ своиъ обыкновенныхъ костюмахъ).*

Мефистофель.

Ну, Фаустъ, приготовься хохотать.

Еще своей дремоты не осиливъ

Сюда сейчасъ сберутся кардиналы,
 Чтобъ осудить еретика на казнь,
 А отъ него и слѣдъ давно простылъ,
 Благодаря находчивости нашей.
 Теперь, на превосходномъ скакунѣ,
 Быстрѣ мысли мчится онъ чрезъ Альпы
 Въ Германію, чтобъ успокоить духъ
 Смущеннаго германскаго владыки.

Фаустъ.

Сегодня послѣ пира прогремить
 Ужасное проклятье надъ главою
 Того, кто спасъ несчастнаго Бруно,
 Похитивъ вмѣстѣ съ нимъ его тиару.
 Чтобы я могъ свободнѣй потѣшаться
 Надъ глупостью людскою, я хочу
 Присутствовать на пирѣ невидимкой
 И дѣлать все, что въ голову придетъ,
 Не будучи замѣченъ... Мефистофель
 Пусти-же въ ходъ магическую власть.

Мефистофель.

Исполню все. Стань, Фаустъ, на колѣни,
 Чтобъ руки на тебя я возложилъ:
 Ты этимъ жестомъ будешь очарованъ.

(Фаустъ становится на колѣни.)

Пусть семь планетъ, адъ—царство вѣчной скорби,
 И волоса подземныхъ старыхъ фурій,
 Плутона пламя съ деревомъ Гекаты
 Магическими чарами тебя
 Такъ окружать, чтобъ ни единымъ глазомъ
 Ты не былъ видимъ... Встань теперь и знай:
 Какія-бы ты ни творилъ дѣла
 И какъ-бы ни дурачился на пирѣ,
 Ты будешь невидимкою для всѣхъ.

Фаустъ.

Благодарю. Да будетъ такъ. Пускай
 Всѣ эти господа поберегутся:
 Я нагоню безумный самый страхъ
 На бритыя ихъ головы...

Мефистофель (прислушивается).

Молчанье!

Они идутъ. Пока ни слова, Фаустъ.

ЯВЛЕНИЕ II.

Фаустъ и Мефистофель (остаются съ стороны); Пала является съ королемъ Раймондомъ и съ своей святой, потомъ кардиналы съ книгой.

Пала.

Привѣтъ мой всѣмъ. Садитесь, кардиналы;
Сеньоръ Раймондъ, берите ваше кресло,
А вы, отцы и братья, намъ служите,
Да позаботьтесь также, чтобъ нашъ пиръ
Былъ нашего достоинъ торжества.

Первый кардиналъ.

Отцу святому, можетъ быть, угодно
Прослушать предварительно отъ насъ
Рѣшеніе собора о проступкахъ
Бруно и императора?..

Пала.

Къ чему

Такой вопросъ? Мы, кажется, сказали,
Что завтра въ консисторіи совѣтъ
Мы соберемъ, чтобъ выбрать наказанье
Винновому. Хотите снова мнѣ
Вы сообщить рѣшеніе собора,
Которымъ признаются и Бруно
И императоръ самъ еретиками.
Мнѣ это все извѣстно. Такъ зачѣмъ
Разсматривать я буду эту книгу?

Первый кардиналъ.

Владыка нашъ изволилъ ошибаться:
Въ статутахъ нѣтъ того постановленья.

Раймондъ.

Зачѣмъ вы отпираетесь? Мы всѣ
Свидѣтелями были, что Бруно
Былъ на руки вамъ данъ съ своей тиарой,
Которую хранить необходимо
Съ церковными сокровищами...

Оба кардинала.

Нѣтъ!

Въ свидѣтели мы небо призываемъ:
Мы оба не видали, какъ Бруно,
Такъ и его тиары!..

Пала.

Я влянусь
Святымъ Петромъ, что вы умрете оба,
Когда мы не найдемъ еретика!..
—Пускай сейчасъ въ тюрьму ихъ отведутъ
И въ цѣпи закуютъ... За ту измѣну
Да будете вы прокляты на вѣкъ,
Коварные лжецы, и ваши души
Обречены на адскія страданья!..
Ведите ихъ!..

(Кардиналовъ уводятъ.)

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣ-же безъ кардиналовъ.

Фаустъ.

Теперь пора за дѣло!
Къ столу! Клянусь, не будетъ никогда
Здѣсь пиршества веселаго такого,
Какое я устрою.

Пала.

Къ намъ, сюда,
Архіепископъ Реймскій, ближе садьте.

Архіепископъ Реймскій.

Благодарю, святой отецъ!..

(Свита разливаетъ вино въ чаши.)

Фаустъ.

Отлично!

Пусть льютъ вино, но только никому
И капли винной въ ротъ не попадетъ.

Пала.

Кто говорилъ? Эй, братія, ищите.
Я слышалъ чей-то голосъ близъ себя.
—Сеньоръ Раймондъ! Прошу вина отвѣдать:
Епископа Миланскаго подарокъ.

Фаустъ *(беретъ чашу)*.

Съ большой охотой!..

Пала.

Это что такое?
Кто чашу взялъ изъ рукъ моихъ? Кто смѣлъ?

Бездѣльники! Что здѣсь за беспорядокъ!..
 —Но вотъ, архіепископъ дорогой,
 Изысканное блюдо передъ вами.
 Его мнѣ тоже къ нынѣшнему пиру
 Прислалъ одинъ французскій кардиналъ.

Фаустъ (береть блюдо).

И это блюдо мнѣ!

Папа.

Гдѣ-жъ, наконецъ, всѣ мы?

Иль у стола явились гугеноты,
 Что служатъ намъ такъ плохо?—Принесите
 Вина мнѣ...

Фаустъ.

Да, пожалуйста, вина!

Все горло пересохло у меня.

Папа (королю венгерскому).

Сеньоръ Раймондъ, я пью вино за ваше
 Величество!..

Фаустъ (береть чашу у папы).

Я предлагаю тостъ

За короля венгерскаго!

Папа.

Опять!

Мое вино исчезло также! Люди!
 Подайте, отыщите мнѣ нахала,
 Ко мнѣ его! Порукою мой санъ,
 Что иначе вы всѣ, вы всѣ умрете!..
 —Сеньоры; извините за такой
 Печальный пиръ!...

Епископъ.

Вы успокойтесь,

Святой отецъ! Я полагаю такъ,
 Что къ вамъ тѣнь изъ чистилища являлась,
 Чтобъ отпущенье вымолить грѣховъ
 У вашего святѣйшества.

Папа.

Быть можетъ!

Такъ пусть-же погребальный кантъ поютъ,
 Чтобъ демона доучной этой тѣни
 Умилостивить...

Первый Инквизиторъ *(приступая къ трапезѣ)*.

Amen!

Фаустъ.

Нѣтъ, постой!

Ни одного куска безъ затрудненья

Тебѣ не проглотить...

(Бьетъ инквизитора по спинѣ.)

Первый Инквизиторъ *(падая)*.

Ко мнѣ! На помощь!

Я оскорбленъ, убить... Меня несите

Отсюда...

Папа.

Виноватый же да будетъ

На вѣки осужденъ съ своей душой.

(Папа и свита быстро скрываются.)

ЯВЛЕНИЕ IV.

Фаустъ и Мефистофель.

Мефистофель.

Что ты надѣлалъ, Фаустъ! Не тебѣ-ли
Я говорилъ, что будешь проклять ты
Торжественно по разнымъ старымъ книгамъ,
При блескѣ свѣчъ, подъ колокольный звонъ.

Фаустъ.

Анафема, колокола и свѣчи,
Колокола, анафема опять!..
И впереди и назади проклятье,
Въ адъ, въ темный адъ зовущее меня!..

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ-же и хоръ капуциновъ.

Голось.

Приступимъ съ благочестіемъ къ обряду,
И то, что намъ приказано, свершимъ:
—Будь проклять тотъ, кто со стола владыки
Одно изъ яствъ похитилъ на пиру.

Хоръ.

Maledicat dominus!

Голосъ.

Будь проклять тотъ, чья дерзкая рука
До чаши папы смѣла прикоснуться!..

Хоръ.

Maledicat dominus!

Голосъ.

Будь проклять тотъ, кто погребальный гимнъ
Рѣшился перервать въ своемъ безумьѣ!

Хоръ.

Maledicat dominus!

Голосъ.

Будь проклять тотъ, кто оскорбилъ ударомъ
Главу всей инквизиціи святой.

Хоръ.

Maledicat dominus!

*(Фаустъ и Мефистофель разоняютъ монаховъ, броса-
ютъ имъ подъ ноги огонь, и убиваютъ за ними.)*

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

На дорогѣ.

ЯВЛЕНИЕ I.

Дмиъ и Клеунъ (входятъ съ чашей).

Дмиъ.

Робинъ! вѣдь наше дѣло плоховато!
Какъ хочешь, постарайся, чтобъ твой бѣсъ
Взялъ на себя и вражу этой чаши:
А то бѣжптъ за нами по пятамъ
Траетирщикъ самъ...

Клеунъ.

Великая бѣда!

Пускай бѣжить. Дотронься-ка до насъ онъ,
Такое колдовство я сотворю,
Какого онъ не зналъ со дня рожденья,—
За это я ручаюсь головой..
А покажи мнѣ чашу.

Дмиъ *(отдавая чашу)*.

На, бери-же...

Вотъ онъ идетъ. Теперь или никогда
Ты долженъ показать свое искусство.

ЯВЛЕНИЕ П.

Дикъ, Клоунъ и Трактирищикъ.
Трактирищикъ.

А, вотъ вы гдѣ! Поймалъ я васъ теперь...
Ну, парочка, могу сказать, лхкая!..
Извольте-ка отвѣтить мнѣ, куда
Вы спрятали, укравъ въ моей тавернѣ
Большую чашу?

Клоунъ.

Какъ? Мы воры? Право,
Вы мало осторожны на языкѣ.
Мы на воровъ нисколько не похожи
И знать не знаемъ, милнй мой, куда
Дѣвалась ваша чаша...

Трактирищикъ.

Не толкуйте!
Она у васъ, я это знаю вѣрно,
И долженъ обыскать васъ...

Клоунъ.

Обыскать?
Обыскивайте, впрочемъ, если нужно... (*Дикъ, тихо*)
Бери скорѣе чашу... (*громко*) я готовъ:
Извольте по мнѣмъ карманамъ шарить.

Трактирищикъ (*оборачивается къ Дикъ послѣ
напраснаго обыска Клоуна*).

Постой-ка, плутъ! Тебя я въ свой чередъ
Пошупаю немножко...

Дикъ (*ловко и незамѣтно передавая чашу
Клоуну*).

Ладно, ладно!

Ищите, я не очень-то боюсь
Всѣхъ обысковъ. Мы, батюшка, и сами
На вора и взглянуть не захотимъ.
Вотъ дѣло въ чемъ!

Трактирищикъ.

Не отлынаешь, братъ!

Одинъ изъ васъ укралъ навѣрно чашу:
Не у того она, такъ у другого.

Клоунъ (*отбрасывая чашу въ сторону*).

Типунъ вамъ на языкъ за эту ложь!
Знать ничего не знаемъ мы, и баста!

Трактирщикъ.

Тряси васъ лихорадка, если я
Не убѣжденъ, что вы стащали чашу.
Какъ знаете, а мнѣ ее подайте.

Клоунъ.

Эге! Вы многого желаете, дружокъ!
Скажите-ка, когда она пропала?
Дикъ! На дорогѣ кругъ ты начертилъ
И станемъ вмѣстѣ такъ, чтобъ наши спины
Одна другой касались, да смотри
Не двигайся, когда живымъ быть хочешь (*Торже-*
ственно).

Трактирщикъ! Ты получишь чашу!— Дикъ!
Стой и молчи, безъ всякаго движенья (*дѣлаетъ заклин-*
аніе).

Единожды О—о Демоморгонъ!..
Вы, Бальхеръ, Мефистофель!..

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и Мефистофель.

Мефистофель.

Сильна ты, демоническая власть!
Шутовъ какихъ-то жалкихъ заклинанья
Меня тревожить могутъ, и сюда
Примчаться долженъ былъ я изъ Стамбула,
Чтобы служить потѣхою глупцамъ.

Клоунъ.

Признаться, сударь, очень быстро вы
Такое путешествіе свершили;
За ужиномъ могу васъ угостить
Плечомъ бараньимъ, если вамъ угодно,
Потомъ, немножко голодъ утоливъ,
Вы отправляться можете обратно.

Динь.

Отъ чистаго вась сердца угощаемъ.
Не гнѣвайтесь лишь только, что сюда
Вась ради шутки вызвать мы рѣшились...

Мефистофель.

Вамъ даромъ эта шутка не пройдетъ
И, потерявши формы человѣка,
Должны вы обратиться въ низшій рангъ
Земныхъ созданій. (*Динь*) Слушай ты, уродъ:
За всѣ твои поступки обезьяньи
Ты будешь обезьяной съ этихъ поръ.

Клоунъ.

Онъ будетъ обезьяной? Одобряю.
Ужь если, сударь, милость будетъ ваша,
Позвольте мнѣ водить его съ собой
По всей странѣ: за деньги я начну
Показывать его и заставлять
Кувыряться, какъ слѣдуетъ ученой
И умной обезьянѣ.

Мефистофель.

Погоди!

Ты самъ отнынѣ, сдѣлавшись собакой,
Вози его на собственной спинѣ.
Прочь съ глазъ долой!..

Клоунъ.

Въ собаку обращаюсь я?
О, неподобно! Пусть теперь вездѣ
Кухарѣи прячутъ лакомья блюда
Куда-нибудь подальше: въ новомъ видѣ
Намѣренъ я по всякимъ кухнямъ рыскать.
Ну, Динь, впередъ!

(*Динь прыгаетъ ему на спину и оба
уходятъ. Трактирщикъ слѣдуетъ
за ними.*)

Мефистофель.

Теперь опять лечу въ Константинополь,
Гдѣ Фаустъ при дворѣ у Падишаха
Ждетъ, вѣрно, съ нетерпѣніемъ меня.

ДВѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

В Ѣ Н А.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Собраніе во дворцѣ германскаго императора.

ЯВЛЕНІЕ I.

Мартино и Фридрихъ (*входятъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ.*)

Мартино (*громко.*)

Придворные пажы и офицеры!
Васъ въ залъ аудіенціи прошу
Пожаловать, чтобы сопровождать
Его величество.—Васъ, добрый Фридрихъ,
Прошу я озаботиться о томъ,
Чтобъ въ тронной залѣ было все готово
Къ принятію государя. Императоръ
Сейчасъ изволить выдти.

Фридрихъ.

Гдѣ-жь Бруно,
Нашъ папа? Говорили, что изъ Рима
Чуть-чуть-ли онъ не ускользнулъ сюда
У вѣдьмы на спинѣ... Онъ, вѣроятно,
Здѣсь будетъ съ императорскою свитой.

Мартино.

Быть можетъ, съ нимъ увидимъ также мы
И Фауста. Ученый и волшебникъ,
Свѣтило Виттемберга, чудо свѣта,
Онъ получилъ всемірную извѣстность,
Какъ магикъ и великій чародѣй.
Онъ Карлу обѣщался вызвать тѣни
Царей, его предшественниковъ славныхъ,
И вмѣстѣ съ ними призракъ Александра
И тѣнь его любовницы прекрасной.

Фридрихъ.

Но гдѣ-же нашъ Бенволио?

Мартино.

Ручаюсь,
 Что онъ и глазъ еще не продиралъ.
 Вчера всю ночь онъ пилъ и такъ усердно
 Съ напиткомъ рейнскимъ кружки осушалъ,
 По случаю спасенія Бруно,
 Что, вѣрно, провалиется въ постелѣ
 Сегодня цѣлый день.

Фридрихъ.

Но посмотри:
 Его окно отворено. Попробуй
 Позвать лѣнивца этого теперь.

Мартино (громко).

Бенволио!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-шѣ и Бенволио (*показывается у окна въ ноч-
 номъ колпакѣ, застывшая
 платъс.*)

Бенволио.

Будить меня напрасно
 Какой васъ дьяволъ заставляеть?

Мартино.

Ну,
 О дьяволѣ ты говори потише,
 Не то тебя услышитъ онъ. Сегодня
 Явиться долженъ Фаустъ при дворѣ,
 А съ Фаустомъ и сотни разныхъ фурій,
 Готовыхъ исполнять въ одну минуту
 Всѣ приказанья доктора...

Бенволио.

Что-жъ дальше?

Мартино.

Изъ комнаты своей иди сюда,
 Чтобъ посмотрѣть, какъ этотъ заклинатель
 Начнетъ при императорѣ и папѣ
 Творить у насъ такіа чудеса,
 Какихъ еще въ Германіи не знали.

Бенволио.

Знать папѣ мало было тѣхъ чудесъ,
 Которыя испытывалъ! Давно-ли
 У дьявола сидѣлъ онъ на хребтѣ?
 По способу тому-же развѣ хочетъ
 Онъ прогуляться въ Римъ опять?

Фридрихъ.

Посмотримъ!

А развѣ ты на это представленье
 Не думаешь взглянуть?

Бенволио.

Благодарю

Покорно!

Мартино.

У окна удобнѣй, что-ли,
 Тебѣ стоять?

Бенволио.

Удобнѣе, пожалуй,
 Когда въ антрактѣ я не задремлю
 И, сонный, не свалюсь, какъ снопъ, на мѣстѣ.

Мартино.

Идетъ его величество. Ему
 Желательно взглянуть на волшебство
 Чудесной, черной магіи.

Бенволио.

Пускай!

Ступайте въ императорскую свиту,
 А я, друзья, на первый разъ могу
 На зрѣлище смотрѣть и изъ окошка.
 Не знаю, правду-ль люди говорятъ,
 Что человѣку, пившему всю ночь,
 На утро никакой не страшенъ дьяволь.
 И если это истина, то, право,
 Вся голова моя теперь полна
 Такихъ волшебныхъ чаръ, что я не хуже
 Любого заклинателя могу
 Плясать заставить дьявола. Повѣрьте
 Вы моему признанью, господа.

(Звукъ трубы и придворное шествіе.)

ЯВЛЕНІЕ Ш.

Карлъ, императоръ германскій, Бруно, герцогъ саксонскій, Фаустъ, Мефистофель и свита.

Императоръ.

Великій астрологъ и чародѣй,
 Всевѣдущій и трижды мудрый Фаустъ,
 Добро пожаловать! Я очень радъ
 При нашемъ императорскомъ дворѣ
 Тебя принять. Бруно освободивши
 Изъ рукъ враговъ закоренѣлыхъ нашихъ,
 Ты доказалъ вполне свое искусство.
 И еслибъ ты заставилъ дѣлныи свѣтъ
 Себѣ повиноваться раболѣпно,
 То все-таки не такъ-бы удивилъ
 Меня своею силою, какъ этимъ
 Поступкомъ благороднымъ. Въ свой чередъ
 Разсчитывать ты можешь постоянно
 На нашу благосклонность. Можетъ быть,
 На зло судьбѣ, Бруно опять надѣнетъ
 На голову свою тиару папы
 И на престолъ Петра взойдетъ; тогда
 Не только я, германскій императоръ,
 Но цѣлая Италія начнетъ
 Тебя, нашъ мудрый Фаустъ, прославлять.

Фаустъ.

Отъ словъ высокоцарственнаго Карла
 Смущенный, лишь могу сказать одно,
 Что вашему величеству всѣ силы
 Своей души несу я на служенье
 И повергаю жизнь свою къ стопамъ
 Высокоцаримаго Бруно. Все это
 Могу я доказать вамъ, государь,
 При помощи моихъ посильныхъ знаній.
 Извольте пожелать—и я готовъ
 Предъ вами заявить свое искусство:
 Я настезъ отворю предъ вами двери
 Въ пылающій и вѣчно смрадныи адъ,
 Угрюмыхъ вѣдьмъ я вызову оттуда...
 Привязывайте только, государь.

Бенволіо (у окна).

О, Господи! какъ много обѣщаетъ!
Но чтобы тамъ онъ ни сулилъ, ему
Не очень-то я много довѣряю.
Да онъ на заклинателя похожъ
Настолько-же, какъ папа на торговца,
Который носить фрукты на лоткѣ.

Императоръ.

Прекрасно, Фаустъ! Ты намъ обѣщался
Изъ мрака вызвать призракъ Александра
Великаго съ любовницей. Теперь
Ихъ покажи намъ въ видѣ настоящимъ,
Въ томъ блескѣ и величїи, которымъ
Они дивили нѣвогда весь мїръ.

Фаустъ.

Исполню, государь, желанье ваше...
Иди-же, Мефистофель! Пусть предъ нами
Появится при громкомъ звукѣ трубъ
Великій Александръ съ своей прекрасной
Любовницей.

Мефистофель.

Покорно повинуюсь! (уходитъ.)

Бенволіо.

Все это такъ!... Однако, мудрый докторъ,
Ждать долго не намѣренъ я, и если
Ужъ очень будутъ мѣшкать ваши черти,
Усну я непремѣнно, чортъ возьми!
Я самъ себя со злости съѣлъ бы, просто,
За то, что, какъ дуракъ, разиня ротъ,
На этого смотрѣлъ я шарлатана
И ничего не видѣлъ до сихъ поръ.

Фаустъ (тихо).

Не торопись! Сейчасъ ты испытаешь,
Что значить сила наша. (громко) Государь!
Предупредить я долженъ объ одномъ:
Когда сюда подвластные мнѣ духи
Предъ ваши очи царскія заставятъ
Двухъ призраковъ явиться Александра
Великаго съ наложницей,—то васъ
Прошу тогда не говорить ни слова;

Чтобъ эти два видѣнія пропли
И скрылись при молчаніи глубокомъ.

Императоръ

Пусть будетъ такъ, какъ ты желаешь, Фаустъ:
На это мы даемъ свое согласье.

Бенволю.

И я даю согласье. Если ты
Двухъ призраковъ сюда съумѣешь вызвать,
То отъ тебя и самъ я не отстану:
Могу я превратиться съ Актеона,
А изъ него въ оленя, если хочешь,

Фаустъ *(тихо)*.

А я хочу Діаной быть теперь
Затѣмъ, чтобы рога тебѣ приставить.

(Звуки трубъ. Съ одной стороны выходитъ Александръ Македонскій, съ другой—Дарій. Они начинаютъ сражаться. Дарій падаетъ; Александръ убиваетъ врага и снимаетъ съ него корону. Въ тотъ мигъ, какъ онъ желаетъ удалиться, входитъ прекрасная женщина, которую онъ обнимаетъ и надеваетъ на ея голову корону. Потомъ они оба приветствуютъ рукой германскаго императора, который, поднявшись съ трона, дѣлаетъ движеніе, какъ бы желая обнять ихъ. Фаустъ, замѣтя это, удерживаетъ императора. Звуки трубъ замолкаютъ и смѣняются симфоніей).

Фаустъ.

Вы, государь, забыли, вѣроятно,
Что это только призраки одни.

Императоръ.

Не сѣтуй за невольное движенье!
Видъ этого великаго героя
Во мнѣ всю кровь заставилъ закинуть,
И я, владѣть собой не въ состояннн,
Хотѣлъ прижать его къ своей груди.
О, для чего я не могу съ тѣнями
Такъ говорить, какъ говорю съ тобой?..
Есть у меня еще одно желанье,
И потому позволь мнѣ предложить
Тебѣ вопросъ послѣдній, добрый Фаустъ.
Я нѣкогда слыхалъ или читалъ,
Что вотъ у этой женщины прекрасной
Была при жизни родинка на шеѣ.
Могу-ль теперь я убѣдиться въ томъ?

ФАУСТЪ.

Фаустъ.

Безъ всякаго сомнѣнья, государь!

Императоръ.

Да, Фаустъ, да, я вижу очень ясно
Ту родинку на шеѣ... Если-бъ мнѣ
Ты подарилъ имперію другую,
Тотъ даръ меня утѣшилъ-бы не такъ,
Какъ зрѣлище, которое я вижу.

Фаустъ *(мазая рукой)*.

Довольно! Уходите...

(Картина скрывается).

Государь! *(указывая на окно, идѣ
стоялъ Бенволио).*

Пожалуйста, взгляните на окошко,
Откуда звѣрь какой-то, очень странный,
Показываетъ голову...

Императоръ.

Вотъ чудо!

Саксонскій герцогъ, видите два рога,
Которые неожиданно очутились
У нашего Бенволио на лбу.

Герцогъ.

Но что-же онъ: иль спитъ, иль просто умеръ?

Фаустъ.

Онъ спитъ, за-то рога его—не сонъ.

Императоръ.

Явленье презабавное! Однако
Его намъ нужно будетъ разбудить.
Бенволио! Проснись скорѣй!

Бенволио.

Чтобъ васъ

Чума взяла! Спать вовсе не дають.

Императоръ.

За-то тебя совсѣмъ не порицаю,
Что много спишь съ такой ты головой.

Герцогъ.

Бенволио! Очнитесь! Императоръ
Зоветь васъ...

Бенволио.

Императоръ? Гдѣ-же онъ?

Но—тысяча громовъ!—что приключилось
Съ моею головою?..

Императоръ.

Не бѣда!

Когда рога на головѣ крѣпки,
За голову ненужно опасаться:
Лобъ очень хорошо вооруженъ.

Фаустъ.

Что съ вами, благородный рыцарь! Ужасъ!
У васъ рога на лбу явились... Спрячьте
Скорѣ вашу голову отъ срама,
Чтобъ цѣлый вѣнскій дворъ не хохоталъ
Надъ головнымъ уборомъ вашимъ! Спрячьтесь!

Бенволио.

Пусть громъ меня убьетъ! Всѣ эти штуки
Отъ Фауста!

Фаустъ.

Вы можете такъ думать?

Вѣдь докторъ Фаустъ только шарлатанъ,
Безъ знаній, безъ талантовъ и умѣнья!..
Ему-ли, шарлатану, вызывать
Изъ гроба гордый призракъ Александра
Предъ пышнымъ императорскимъ дворомъ?..
Ему-ли, въ самомъ дѣлѣ? Если онъ
Хвастливое исполнитъ обѣщанье,
Бенволио сейчасъ-же можетъ стать,
Пожалуй, хоть оленемъ Актеона.

(Обращаясь къ императору.)

Вамъ, государь, угодно, можетъ быть,
Чтобъ свору псовъ охотничьихъ я клыкнулъ?
Охоту интересную увидимъ.
И какъ-бы прытокъ ни былъ этотъ звѣрь,
Онъ отъ клыковъ собакъ не увернется.
Гей! Велимотъ, сюда! Гей! Аргиронъ
И Астаротъ!..

Бенволио,

Постойте! Что вы, что вы!

Остановитесь!.. Громъ меня убей!
Онъ радъ всю свору дьяволовъ призвать!..
Васъ, добрый государь, я умоляю
Меня спасти! Не такъ я виноватъ,
Чтобъ этимъ мукамъ адскимъ подвергаться.

Императоръ.

Мнѣ жаль его! Я Фауста прошу
Отъ двухъ роговъ несчастнаго избавить:
Наказанъ онъ достаточно теперь.

Фаустъ.

Повѣрите, государь, не за обиду,
Которую нанесъ онъ мнѣ, ему
Придѣлалъ я такое украшенье,
Но больше изъ желанья васъ потѣшить.
Теперь вы посмѣялись, и рога
Сниму я съ кавалера... Мефистофелы
Пускай онъ въ прежій видъ свой обратится. *(Къ Бен-
волио.)*

А вамъ, сударь, послужить то въ урокъ:
Впередъ бы отзывайтесь объ ученыхъ
Немножко по-скромнѣе...

Бенволио.

Мнѣ о васъ
Скромнѣе отзываться? Кровь Христова!..
Когда себя учеными зовутъ
Тѣ господа, которые способны
Изъ честныхъ, уважаемыхъ людей
Лишь на смѣхъ только дѣлать рогоносцевъ,
Никто изъ насъ не можетъ быть увѣренъ,
Что гладкій лобъ на вѣкъ онъ сохранить.
—Пусть обращаюсь я съ устрицу, и стану
Соленою водой одной питаться,
Когда не отомщу я за обиду.

Императоръ.

За мною слѣдуй, Фаустъ. Вѣрь ты мнѣ,
Пока я живъ, то за твои услуги
Во всѣхъ углахъ Германіи тебя
Вездѣ народъ встрѣчать съ восторгомъ станетъ,
И будешь ты считаться повсемѣстно
Моимъ имперскимъ первымъ гражданиномъ...

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Паркъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Бенволио, Мартино, Фридрихъ и солдаты *(выходящъ)*.

Мартино.

Послушай, другъ Бенволио! Оставь,

Прошу тебя, безумную попытку —
Бороться съ чародѣемъ!

Бенволио.

Перестань!

Въ обоихъ васъ любви нѣтъ ни на каплю,
Когда даете мнѣ такой совѣтъ.
Могу-ль снести такую я обиду,
Когда прислуга даже начала
Смѣяться надъ моимъ перерожденьемъ,
И въ городѣ на каждомъ перекресткѣ
Иного разговора больше нѣтъ,
Какъ обо мнѣ, да о моихъ рогахъ.
Нѣтъ, прежде, чѣмъ въ могилѣ успокоюсь,
Я на-смерть проколю его, насѣвозь,
Проклятаго врача и чародѣя.
Когда вы мнѣ желаете помочь,
Берите ваши шпаци, не робѣя,
А если нѣтъ, идите отъ меня...
Здѣсь ты умрешь, Бенволио, когда
Позора своего не смоешь кровью!..

Фридрихъ.

Когда на то пошло, то будь, что будетъ:
Съ тобой мы остаемся. Лишь сюда
Покажетъ Фаустъ носъ свой чудодѣйный,
Его отправимъ мы ко всѣмъ чертямъ.
Пусть онъ умретъ!

Бенволио.

Дай руку, милый Фридрихъ.

Иди-же поскорѣ въ готъ лѣсокъ
И тамъ поставь, поближе къ намъ, въ засаду,
Людей вооруженныхъ. Мнѣ извѣстно,
Что нашъ колдунъ быть долженъ скоро здѣсь.
Я видѣлъ самъ: недалеко отсюда
Колѣнопреклоненный цѣловалъ
Онъ руку государя, получивъ
Богагую награду, и простился
Потомъ съ его величествомъ... Итакъ,
Деритесь смѣло, храбрые солдаты!
И если Фаустъ проклятой умретъ,
Побѣда—намъ, а вамъ—добыча!

Фридрихъ.

Дружно

За мной въ вусты, солдаты! Кто убьетъ
Презрѣннаго волшебника, тому
И золото, и наша благодарность.

(Фридрихъ съ солдатами уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ П.

Бенволио и Мартино.

Бенволио.

Хоть въ головѣ не чувствую теперь
Той тяжести, которую давали
Ей эти ненавистные рога,
Зато на сердцѣ чувствую я камень
И лишь тогда гнетъ камня съ сердца сброшу,
Когда врага увижу умерщвленнымъ.

Мартино.

Бенволио, гдѣ-жъ станемъ мы?

Бенволио.

Должны мы
Остаться здѣсь. Честь перваго удара
По праву только мнѣ принадлежитъ.
О, еслибъ поскорѣ провалился
Въ свой адъ шпіонъ презрѣнный сатани —
И мщенія минута поскорѣ
Настала для меня!

ЯВЛЕНИЕ ПІ.

Тѣ-же и Фридрихъ *(быстро возвращается)*.

Пока ни слова!

Врагъ въ двухъ шагахъ. Вонъ онъ идетъ одинъ
Въ своей широкой мантии. Готовьтесь
И пригвоздите шпагами къ землѣ
Вы этого отъявленнаго плута.

Бенволио

Мнѣ эта честь! Ну, мечъ мой, выручай,
Бей прямо въ цѣль: она передъ тобою!
За тѣ рога, которые онъ далъ мнѣ,
Съ него сорву я голову.

ЯВЛЕНИЕ ІV.

Тѣ-же и Фаустъ.

Мартино.

Смотри,

Вотъ онъ!

Бенволио.

Молчи! Одинъ ударъ все кончитъ!..
 Пусть въ адъ идетъ душа твоя, проклятый,
 А съ тѣломъ самъ я справлюсь... (Ударяетъ Фауста
 шпагой).

Фаустъ (падая).

Ай! убиты!..

Фридрихъ.

Вы захрипѣли, докторъ?

Бенволио.

Отъ хрипѣнья
 Пусть сердце разорвется у него!
 Теперь ты посмотри, безцѣнный Фридрихъ:
 Вотъ что покончить всѣ его мученья.

Фридрихъ.

Такъ, бей безъ милосердія! Довольно!
 Отрублена отъ шеи голова.

Бенволио.

Чудовище издохло! Вѣдьмы ада
 Пусть похочутъ вдоволь.

Фридрихъ.

Вотъ оно,
 То строгое и умное лицо,
 Которое движеніемъ единымъ
 Своихъ бровей, подъ властью тайныхъ чаръ,
 Бросало въ страхъ и трепетъ властелина
 Подземныхъ адскихъ силъ!

Мартинъ.

Вотъ голова
 Преступная, въ которой зародилось
 Желаніе, въ присутствіи двора,
 Бенволио увнзить...

Бенволио.

Вотъ и тѣло,
 Предъ нами распростертое недвижно...
 Достойная награда недостойныхъ.

Фридрихъ.

Подумать не мѣшаетъ намъ о томъ:
 Какимъ еще позоромъ заклеить
 Безславное и проклятое имя?

Бенволю.

Долгъ красенъ платежомъ, и за обиду,
Которую нанесъ онъ мнѣ, хочу,
Чтобъ были въ головѣ его прибиты
Огромные рога, а голова
Повѣшена на томъ окошкѣ самомъ,
Гдѣ изъ меня онъ сдѣлалъ Минотавра.
Что я отмстилъ, пусть видитъ цѣлый свѣтъ.

Мартино.

А съ бородой его что будемъ дѣлать?

Бенволю.

Ее мы трубочисту отдадимъ,
И я ручаюсь: на десять метелокъ
Ему придется дѣлать рукоятки.

Фридрихъ.

Изъ глазъ его что сдѣлаемъ?

Бенволю.

Ихъ вырвемъ.

Пускай они застежки замѣняютъ
Для рта его и держать за зубами
Его языкъ.

Мартино.

Отличная программа!

Но съ трупомъ обезглавленнымъ что дѣлать?
(Фаустъ начинаетъ шевелиться).

Бенволю.

Проклятіе! Онъ оживаетъ вновь!..

Фридрихъ.

Безъ головы? Слева ему отдайте
Вы голову.

Фаустъ (поднимаясь.).

Не нужно. Для себя
Ее вамъ не мѣшало-бъ приберечь.
У всѣхъ у васъ за гнусное желанье —
Изъ-за угла убить меня, теперь,
Я отниму и голову и сердце.
Иль вы не знали, трусы, что мой вѣкъ
Еще продлится на двадцать-пять лѣтъ?..
Когда-бъ меня на части разрубили
Ножами вы и превратили мясо
Въ кровавую крошку, и въ песокъ
Мои всѣ кости вы перемололи,

То и тогда, въ одно мгновенье ока,
Я ожилъ-бы предъ вами, цевредимъ,
Не чувствуя ударовъ смертоносныхъ.
Но полно васъ словами забавлять!

(Начинаетъ хлопать въ ладоши.)

Эй, Астаротъ! Сюда, мой Мефистофель
И Белимоть!..

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же и Мефистофель съ другими дьяволами.

Фаустъ.

Злодѣевъ этихъ трехъ,
На ваши плечи взбросивъ, поднимите
До облаковъ и, головою, внизъ
Потомъ ихъ киньте въ пропасть... Нѣтъ, стойте...
Пусть прежде свѣтъ увидитъ муки ихъ,
И ужъ потомъ въ аду для нихъ мѣстечко
Мы отведемъ... Ты, Белимоть, бери
Вотъ этого мошенника и въ яму
Со всѣми нечистотами и грязью
До маковки до самой погрузи.
Ты, Астаротъ, бери другого плута
И за собой влечи его чрезъ лѣсъ
По острому терновнику и иглау
Колючаго кустарника, а третій
Пусть полетитъ съ тобою, Мефистофель.
Поднявшись на громади́ишій утесъ,
Ему ты развлеченье предоставь —
Скатыться внизъ, съ опасностью всѣ кости
Переломать, чего желали такъ
Мнѣ негодни эти... Чтобы живо
Исполнено все было...

Фридрихъ.

Пощади
Намъ жизнь, могучій Фаустъ!

Фаустъ.

Маршъ въ дорогу!

Бенволио.

Ужъ если въ лапы дьявола попалъ,
Сопротивляться просто бесполезно.

(Всѣ уходятъ вмѣстѣ съ Мартино, Бенволио и Фридрихомъ.)

ЯВЛЕНИЕ VI.

Фаустъ и солдаты.

Первый солдатъ.

Ребята, поспѣшимъ скорѣй на помощь
Къ вельможамъ благороднымъ. Голосъ ихъ
Былъ слышенъ здѣсь. Они дрались навѣрно
Съ пріѣзжимъ колдуномъ.

Второй солдатъ.

А, вотъ и онъ!

Сюда! Рубите на-смерть лиходѣя!

Фаустъ.

Опять засада новаа! Нужна,
Какъ видно, очень жизнь моя кому-то,
Но Фауста не такъ легко убить.
Прочь, сволочь деревенская! Смотрите —
Деревья, повинуюсь мнѣ, спѣшать
Сомкнуться и поставить вамъ преграду.
Постойте, я и войско призову,
Чтобъ вашу шайку жалкую разсѣять.

(Стучитъ въ дверь парка. По этому сигналу является бѣсъ, бьющій въ барабанъ, за нимъ другой со знаменемъ, потомъ цѣлая вооруженная толпа демоновъ. Является Мефистофель съ ракетами. Всѣ бросаются на солдатъ и обращаютъ ихъ въ бѣство.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Лѣсъ.

ЯВЛЕНИЕ I.

Бенволио, Фридрихъ и Мартино *(входятъ съ разныхъ сторонъ: лица ихъ окровавлены и перепачканы грязью; у всѣхъ рога на головахъ).*

Мартино.

Бенволио!

Бенволио.

Я здѣсь. Но гдѣ-же Фридрихъ?

Ау!

Фридрихъ.

Сюда, на помощь, другъ! Мартино!

Гдѣ онъ?

Мартино.

Здѣсь, Фридрихъ дорогой, съ тобою.
Уфъ! Какъ я живъ, и самъ я не пойму.
Черезъ грязный прудъ съ вонючей, мерзкой тиною
Меня за пятки вѣдьмы волочили.

Фридрихъ.

Вгляни-ка на Бенволио, Мартино:
На лбу его опять рога!

Мартино.

О, горе!

Бенволио! Какой ужасный видъ!

Бенволио.

И вы еще рѣшаетесь на шутки?
Съ друзьями такъ жестоко поступать!

Мартино.

Бенволио, да мы не шутимъ вовсе.

Бенволио.

Кто васъ обезобразилъ такъ? О, ужасъ!
У васъ рога торчатъ на головѣ.

Фридрихъ.

Ты, видно, про свои рога болтаешь
Пощупай только голову!

Бенволио.

Рога.

Рога опять! Что-жъ съ неба громъ не грянетъ?

Мартино.

Напрасно не волнуйся, бѣдный другъ;
Мы всѣ пропали.

Бенволио.

Гдѣ-же справедливости!

Какой-же дьяволъ служить на послыжахъ
У магика проклятаго, который
Надъ нашими мученьями смѣется?

Фридрихъ.

О, какъ теперь мы скроемъ нашъ позоръ?

Бенволио.

Преслѣдовать рѣшившись чародѣя,
Пожалуй, лишь того добьемся мы,
Что онъ къ рогамъ громаднымъ нашимъ уши
Ослиныя придѣлаетъ и мы
Въ всеобщую потѣху превратимся.

Мартино.

Что-жь дѣлать намъ?

Бенволио.

Осталось намъ одно.

Есть замокъ у меня уединенный,
 Построенный въ лѣсу, и вотъ туда
 Отправимся, чтобъ жить вдали отъ свѣта.
 Быть можетъ, потеряемъ мы съ годами
 Ужасный нашъ, звѣроподобный видъ.
 По-моему, издохнуть съ горя лучше,
 Чѣмъ жить съ такимъ позоромъ межъ людей.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ВИТТЕМБЕРГЪ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Домъ Фауста.

ЯВЛЕНИЕ I.

Фаустъ и барышникъ (*входятъ*.)

Барышникъ.

На вашу милость я уже надѣюсь:
 Возьмите сорокъ долларовъ съ меня
 И конченъ торгъ.

Фаустъ.

Пойми ты, другъ любезный,
 Что невозможно добраго коня
 Такъ дешево продать тебѣ. Къ тому-же
 Мнѣ нѣтъ нужды тебѣ и продавать.
 Желаетъ ты, такъ за десять дукатовъ
 Готовъ отдать я лошадь; вижу я,
 Что у тебя есть сильное желанье
 Покупку эту сдѣлать...

Барышникъ.

Я прошу

Уступочку мнѣ сдѣлать, сударь. Право,
 Даю вамъ настоящую я цѣну.
 Мнѣ, батюшка, при бѣдности моей,

Не разъ пришлось на лошадиномъ мясѣ
 Терпѣть одни убытки, да убытки;
 Такъ этою покупкой я хочу
 Свои дѣла хоть нѣсколько поправить.
 Такъ вы ужь будьте милостивы...

Фаустъ

Ладно!

Я торговаться много не люблю;
 Давай-же сорокъ долларовъ и все тутъ.
 Затѣмъ меня ты выслушай, мой милый,
 И моего не забывай совѣта:
 На лошади ты можешь, не кормя,
 Скакать черезъ рѣку, канавы и заборы,
 Но только опасайся одного —
 Чтобъ лошадь не ходила черезъ воду.

Барышникъ.

Какъ, ваша милость? Значить ей нельзя
 И воду пить?

Фаустъ.

Пить можетъ, сколько хочетъ,
 Лишь въ воду не води ее, смотри;
 Иначе самъ чесать затылокъ станешь,
 Да будетъ уже поздно. Повторяю:
 Скачи на ней черезъ лѣсъ и черезъ горы,
 Но въ воду шагу дѣлать не давай.
 Итакъ ступай, распорядись, чтобъ козюхъ
 Коня съ тобой сейчасъ-же отпустишь,
 Да мой совѣтъ, который пригодится,
 Ты на своемъ носу хоть заруби.

Барышникъ.

Не позабуду, батюшка... какъ можно!..
 Вотъ-такъ сегодня радостный денекъ!
 Попробуютъ опять мои дѣлашки... (*уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ II.

Фаустъ (*одинъ*).

Фаустъ.

И все-таки ты, Фаустъ, осужденъ!..
 За мною неотвязно, постоянно
 Мысль эта ходить. Близокъ, близокъ онъ,
 Часъ роковой расплаты! Жить осталось
 Еще немного мнѣ и нѣтъ конца
 Отчаянью глубокому, которымъ

Подавлена душа моя теперь.
 О, сонъ спасительный! приди на помощь
 И мрачныя всѣ мысли прогони.
 Не стану больше думать! Въ самомъ дѣлѣ,
 Не всякій-же распятыи былъ разбойникъ.
 Такъ спи-же, Фаустъ, спи теперь спокойно.
(Ложится и скоро засыпаетъ.)

ЯВЛЕНИЕ III.

Фаустъ *(спитъ)* и Барышникъ *(быстро входитъ весь мокрый.)*

Барышникъ.

Гдѣ-жъ этотъ докторъ! Бестія какая!
 Такого плута свѣтъ еще не зналъ.
 Желая убѣдиться въ томъ, что нѣтъ-ли
 Порока или фальши у коня,
 Чтобъ въ случаѣ порока мнѣ обратно
 Его возможно было возвратитъ,
 Я на конѣ нарочно вѣхалъ въ воду,
 И что-же вышло? Шагу лошадь даже
 Не сдѣлала въ водѣ, какъ подо мной
 Одинъ пучокъ соломы очутился
 И я едва не утонулъ въ рѣкѣ. *(Увидя спящаго Фауста.)*
 А вотъ ты гдѣ? Ты можешь спать, обманщикъ!
 Такъ, погоди-жъ: я такъ тебя встряхну,
 Что возвратишь ты волей или неволей
 Назадъ мнѣ сорокъ долларовъ моихъ.
 Эй, докторъ! Вы мошенникъ превеликій!
 Проснитесь, докторъ, слышите, вставайте,
 Я, сударь, деньги требую назадъ:
 Я лошадь покупалъ у васъ, она же
 Теперь въ вязанку сѣна обратилась.
 Проснитесь, докторъ, вамъ я говорю.

(Теребитъ Фауста за ногу и вдругъ отрываетъ ее.)

Ахъ, Боже мой! Вотъ не было печали!
 Пропала ты, головушка моя!
 Я ногу оторвалъ ему... Что дѣлать?

Фаустъ.

Эй, люди, помогите! Негодяи
 Мнѣ ногу оторвалъ совсѣмъ. Спасите!

Барышникъ.

Теперь мнѣ не приходится зѣвать.
 Убить, или нѣтъ? А все-же безъ ноги онъ,
 И не угнаться ужъ ему за мной;

Я побѣгу и брошу эту ногу
Проклятую куда-нибудь въ оврагъ. (*Убѣзаетъ.*)

Фаустъ.

Ловить его, остановить злодѣя!.. (*Смѣется.*)
Ха! ха! Я снова живъ и невредимъ,
А онъ-то сорокъ долларовъ истратилъ,
Чтобъ обладать одной вязанкой сѣна!
Вотъ такъ барышъ!

ЯВЛЕНИЕ IV.

Фаустъ и Вагнеръ.

Фаустъ.

Что новаго есть, Вагнеръ?

Вагнеръ.

Есть новость, и хорошая. Желаетъ
Ангальтскій герцогъ очень видѣть васъ
И нѣсколько придворныхъ къ вамъ послалъ онъ,
Боторые васъ охранять должны,
Сопроводять и угождать въ дорогъ.
Что скажете на это вы?

Фаустъ.

Одно:

Я герцога Ангальтскаго считаю
За лучшаго изъ нынѣшнихъ вельможъ,
И знаньями своими радъ я буду
Его развлечь... Отправимся-же въ путь.

(*Уходятъ*)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Таверна.

ЯВЛЕНИЕ I.

Клоунъ, Димъ, барышникъ и извозчикъ (*входятъ*.)

Извозчикъ.

Ступайте же: я васъ веду туда,
Гдѣ пиво есть такое, что едва-ли
Случалось вамъ вкуснѣе пиво пить.
Эй, ты, хозяйка! Кто у васъ есть тутъ?
Куда вы всѣ запропастились, черти!

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ-же и Хозяйка.

Хозяйка.

Что вамъ угодно? Ба! кого я вижу!

Все старые знакомые мои.
Что-жъ, въ добрый часъ! Пожалуйте сюда!

Клоунъ (тихо Дикю.)

Могу сказать, какъ куръ я въ щи попался!
Приходится языкъ свой прикусить,
А почему,—какъ думаешь?

Дикъ.

Не знаю.

Клоунъ.

Здѣсь, братъ, есть счетецъ малый у меня,
Въ восемнадцать пенни счетецъ, понимаешь?
Но ты смотри, однако, ни полслова:
Старуха позабыла, можетъ-быть,
Мое лицо.

Хозяйка (вглядываясь въ Клоуна).

А это кто такой,

Вонъ тотъ, что больше держится къ сторонкѣ?
Э, э! Знакомый старый тоже онъ.
Дружокъ, добро пожаловать!..

Клоунъ.

Узнали?

Ну какъ живете-можете, хозяйка?
Мой счетецъ, я надѣюсь, въ томъ-же видѣ,
Какъ прежде состоитъ?

Хозяйка.

Конечно, онъ все тотъ-же,
Когда вы не торопитесь платить
И старый долгъ очистить.

Дикъ.

Ну, хозяйка,
Намъ пива принеси-ко ты сюда,
Да, милая, нельзя-ли поскорѣе!

Хозяйка.

Въ минуту будетъ подано; за нимъ
Лишь только въ погребъ нужно мнѣ спуститься *(уходитъ.)*

Дикъ.

Что-жъ, братцы, дѣлать будемъ мы, пока
Изъ погреба хозяйка не вернулась?

Извощить.

Когда хотите, я вамъ расскажу
Какую штуку ловкую недавно

Сыгралъ со мной колдунъ одинъ. Слышали,
Быть, можетъ, вы о Фаустѣ?

Барышникъ.

Еще-бы!..

Межъ вами есть еще одинъ простакъ,
Который про него не позабудеть.
Чтожъ, развѣ и тебя запуталъ онъ
Своими чародѣйствами?

Извозчикъ.

Ты слушай!

Такое диво вамъ я передамъ,
Что ротъ должны разинуть поневолѣ.
Намедни какъ-то шелъ я въ Ваттембергъ
И несъ вязанку сѣна. Мнѣ навстрѣчу
Попался этотъ самый чудодѣй
И говорить: а что возьмешь за сѣно,
Которое я съѣмъ? Подумалъ я тогда,
Что этого добра не съѣсть онъ много,
И отвѣчалъ: давай-молъ три лярда
И, сколько влѣзетъ, сѣно это ѣшь.
Вотъ, братцы, мнѣ онъ деньги отсчиталъ
И принялся уписывать то сѣно.
Что-жъ думаете вы! Будь проклять, если вру:
Онъ ѣлъ его безъ устали, повуда
Всей связки не сожралъ. А, каково?

Всѣ.

Чудовище! Сожралъ всю связку сѣна!.

Клоунъ.

Да, да, для этихъ лѣшихъ все возможно.
Одинъ такой, мнѣ кто-то говорилъ,
Однажды съѣлъ вязанку дровъ въ минуту.

Барышникъ.

Теперь я также, братцы, расскажу
Вамъ про одну анафемскую шутку,
Которую удралъ все тотъ-же Фаустъ.
Вотъ дѣло въ чемъ: вчера къ нему пришелъ я,
Чтобъ лошадь у него поторговать.
Торгуемся,—онъ требуетъ не меньше,
Какъ ровно сорокъ долларовъ. Я зналъ,
Что конь его силенъ, неумоимъ:
Безъ устали скачи куда угодно;
А потому я деньги, братцы, отдалъ

И торговаться съ докторомъ не сталъ;
 Когда-же уводить пришлось мнѣ лошадь,
 Мнѣ объявляетъ Фаустъ на прощанье,
 Что я могу сказать и день, и ночь
 На томъ конѣ безъ отдыха и корму,
 Но ни въ какомъ лишь случаѣ чрезъ воду
 На немъ переправляться невелѣлъ:
 Не-то, дескать, бѣды ты не мнѣнешь.
 Тогда-то я въ умѣ и порѣшилъ,
 Что есть поровѣ у лошади у этой,
 Да на конѣ изъ докторскихъ воротъ
 Заѣхалъ прямо въ рѣчку... Что-же вышло?
 Еще я до середины не добрался,
 Какъ подъ водой исчезла лошадь вдругъ,
 А подомной явилась связка сѣна.

Всѣ.

Ахъ! плуть! Едва-ли свѣтъ производилъ
 Мошенника подобнаго!...

Барышникъ.

Вы дальше

Послушайте, какъ справился я съ нимъ.
 Бѣгу къ нему я прямо, вижу: дрыкнетъ
 Въ постелѣ онъ мертвецкимъ самымъ сномъ.
 Кричу, шумлю, бранюсь надъ самымъ ухомъ, —
 Онъ спитъ и глазомъ даже не моргнетъ;
 Тогда-то, люди добрые, и началъ
 Я за ногу таеъ соннаго тянуть,
 Что, наконецъ, и вовсе вырвалъ ногу:
 Она теперь въ конюшнѣ у меня
 Запрятана. Что скажете?

Клоунъ.

Выходить,

Что докторъ-то теперь съ одной ногой?
 Вотъ эта штука ловкая! Я вамъ
 Не говорилъ, что этотъ самый дьяволъ
 Меня вдругъ въ обезьяну обратилъ?

Извозчикъ.

Еще скорѣ пива намъ, хозяйка!

Клоунъ.

Пойдемте, братцы, въ комнату другую;
 Еще тамъ выпьемъ малую толику,
 Да и пойдемъ всѣ доктора искать.

(*Всѣ уходятъ*).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Дворъ герцога Ангальтскаго.

ЯВЛЕНИЕ I.

Герцогъ Ангальтскій, Герцогиня, Фаустъ, Мефистофель и свита.

Герцогъ.

Не знаю, какъ благодарить васъ, докторъ,
 За зрѣлище, котораго творцомъ
 Явился вы, великій, чудный геній,
 Тѣмъ доказавъ, что въ воздухъ воздвигли
 Въ единый мигъ прелестный этотъ замокъ.
 Увидя это чудо изъ чудесъ,
 Я пораженъ и словъ не нахожу,
 Чтобъ выразить свое вамъ удивленье.

Фаустъ.

Я, ваша свѣтлость, тѣмъ ужъ награжденъ,
 Что вы взглянули столько благосклонно
 На скромные труды мои (къ *герцошнѣ*). Теперь
 Къ прекрасной герцогинѣ обращаюсь.
 Миѣ кажется, что герцогиню мало
 Интересуетъ зрѣлище дворца,
 Для герцога построеннаго мною.
 Хочу васъ, герцогиня, умолять:
 Благоволите высказать, чего-бы
 Желали вы, чтобъ я исполнить могъ.
 Какое-бъ это ни было желанье,
 Какая-бъ ни была на свѣтѣ вещь,
 Она у васъ появится въ минуту.
 Я знаю, что у женщинъ, при извѣстныхъ
 Болѣзняхъ ихъ, рождается капризь,
 Иль прихоть къ обладанью очень рѣдкихъ
 И дорогихъ вещей.

Герцогиня.

Вы, докторъ, правы.

Когда такъ обязательно-любезны
 Въ своихъ услугахъ вы, то я могу
 Признаться вамъ въ одномъ своемъ желаньи.
 Когда-бъ теперь въ природѣ не зима
 Распространяла свой январскій холодъ,
 А было лѣто теплое, то я
 Хотѣла-бы, чтобъ принесли миѣ блюдо
 Съ спѣлымъ виноградомъ.

ФАУСТЪ.

Фаустъ.

Пустяки,
Которые добыть совсѣмъ не трудно!
Эй, Мефистофель, быстро все исполни!..

(Мефистофель уходитъ.)

Я, герцогиня, думалъ угодить
Вамъ большимъ чѣмъ-нибудь, а не плодами.
*(Мефистофель возвращается съ блюдомъ стлано
винограда.)*

Вотъ, виноградъ предъ вами, ваша свѣтлость,
На выборъ, самый лучшій. Васъ могу
Завѣрить въ томъ, что онъ изъ дальнихъ странъ.

Герцогиня.

Такая неожиданность дивить
Меня гораздо больше остальныхъ
Чудесныхъ вашихъ дѣйствій, докторъ Фаустъ.
Въ такую стужу зимнюю, когда
Деревья лишены плодовъ своихъ, — откуда
Могли достать вы спѣлый виноградъ?

Фаустъ.

Благоволите выслушать меня
Съ терпѣньемъ, ваша свѣтлость. Шаръ земной
Два пояса различные имѣетъ:
Когда у насъ зима и снѣгъ лежитъ,
То въ поясѣ другомъ на небѣ лѣто.
Такъ въ Индіи или въ другихъ странахъ
Далекаго Востока дважды въ годъ
Снимаются плоды, и вотъ, оттуда,
При помощи духовъ, подвластныхъ мнѣ,
Я и досталъ вамъ грозды винограда.

Герцогиня.

Я васъ могу увѣрить только въ томъ,
Что винограда сладкаго такого
Еще не удавалось никогда
Мнѣ пробовать...

(Раздается сильный стукъ въ дверь.)

Герцогъ.

Какой буянъ рѣшился
Стучать такъ въ нашу дверь? *(привратнику)* Поди, узнай,
Какіе негодяи тамъ бушуютъ
И что имъ надо...

(Снова стукъ За дверью голоса.)

Фауста намъ нужно!

Гдѣ докторъ Фаустъ?..

Привратникъ.

Эй, вы, мужики!

Какъ снѣете вы громко такъ орать
И беспокоить герцога?

Дикъ.

Намъ дѣла

До вашего нѣтъ герцога!

Привратникъ.

Молчать

Вы, грубые мошенники!

Барышникъ.

Причина,

Которая насъ привела сюда,
Даетъ намъ право грубость предпочесть
Различнымъ церемоніямъ.

Привратникъ.

Грубить

Въ другомъ вы мѣстѣ можете, сюда же
Не смѣйте, плуты, къ герцогу ломиться.

Герцогъ.

Что нужно этимъ людямъ?

Привратникъ.

Да кричать,

Что съ господиномъ докторомъ желаютъ
Поговорить.

Извозчикъ.

Да, да, и говорить

Мы будемъ съ нимъ, во что-бы то ни стало.

Герцогъ (Фаусту).

Ужели съ этой сволочью рѣшится
Срамиться вы?

Дикъ.

Ему срамиться съ нами?

Да самъ-то онъ отъ сраму родился:
Его отецъ и мать есть дважды срамъ!

Фаустъ.

Я, герцогъ, умоляю васъ позволить
Впустить сюда буяновъ этихъ. Намъ
Они доставятъ случай посмѣяться.

Герцогъ (*Фаусту*).

Вы можете все дѣлать, что угодно:
Мое вамъ позволеніе даю.

Фаустъ.

Примите, ваша свѣтлость, благодарность
Покорѣйшаго вашего слуги (*Привратнику*).
Впустите ихъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Клоунъ, Димъ, Барышникъ и Извощикъ.

Фаустъ.

Эй, вы, чего вамъ нужно?

Пріятели, вы черезчуръ нахальны,
Но все-таки входите: я за васъ
Прощеніе у герцога просилъ.
Итакъ, добро пожаловать, буяны!

Клоунъ.

Объ этомъ вы не беспокойтесь, сударь!
Всѣ мы добро пожалуемъ сюда
За собственныя денежки и сами:
Заплатимъ мы за все, что станемъ брать.
Эй, кто-нибудь, давайте-ка скорѣе
Четыре кружки пива, а потомъ
Хоть вѣшайтесь, мы вамъ не помѣшаемъ.

Фаустъ.

Вы вотъ на что отвѣтите лучше мнѣ:
Извѣстно вамъ или нѣтъ, куда зашли вы?
Гдѣ вы теперь находитесь?

Извощикъ.

Какъ гдѣ?

Подъ небомъ.

Привратникъ.

Такъ, но знаете-ли вы,
Мошенники, чей это домъ?

Барышникъ.

Домъ славный,
Чтобъ выпить въ немъ по доброй кружкѣ пива.
Да что-же не несутъ его! Давайте,
Иначе мы у бочекъ выбьемъ дно
И танцовать бутылки всѣ заставимъ.

Фаустъ

Не горячись, пріятели! Будетъ пиво

У васъ у всѣхъ. (*герцогу*) Позвольте, ваша свѣтлость,
Васъ умолять вторично о терпѣннѣ.
Ручаюсь, герцогъ, только за одно,
Что вамъ доставлю случай быть веселымъ.

Герцогъ.

Отъ всей души я, докторъ, соглашаюсь;
Распоряжайтесь здѣсь, какъ вамъ угодно:
Къ услугамъ вашимъ дворъ мой и вся свѣта.

Фаустъ.

Покорно, герцогъ, васъ благодарю.
Такъ пусть пойдутъ и принесутъ имъ пива.

Барышникъ.

Рѣчь умную умно и слушать, докторъ!
Теперь, ей-богу, выпить я готовъ
И за здоровье, Фаустъ, деревянной
Твоей ноги.

Фаустъ.

Сказать что хочешь этимъ?
Какая деревянная нога?

Извозчикъ (*смѣется*).

Ха, ха! Ты слышишь, Дикъ! Онъ и забылъ
О деревяшкѣ собственной!..

Барышникъ.

На что-же
Теперь онъ опирается?

Фаустъ.

Повѣрь,
На деревяшку я не опираюсь.

Извозчикъ.

О, Господи! дивлюсь я одному,
Что такъ слаба у вашей чести память.
Припомните барышника того,
Которому вы лошадь продавали?

Фаустъ.

Барышника? Да, я припоминаю,
Что точно продавалъ ему коня.

Извозчикъ.

А также и совѣта не забыли,
Чтобъ въ воду покупатель не водилъ
Ту лошадь?

ФАУСТЪ.

Фаустъ.

Да, конечно, помню тоже.

Извощикъ.

А про свою-то ногу ничего
Не помните?

Фаустъ.

Завѣрю честнымъ словомъ,
Что ничего не помню.

Извощикъ.

Ну, напрасно!
О томъ вамъ вспомнить, сударь, не мѣшаетъ.

Фаустъ.

Спасибо за совѣты!

Извощикъ.

За что-же, докторъ!
Я только васъ спросилъ-бы объ одномъ.

Фаустъ.

О чемъ, мой другъ?

Извощикъ.

Когда вы спать ложитесь,
У васъ лежать или вмѣстѣ, или врозь
Подъ одѣяломъ ноги?

Фаустъ.

Хочешь, что-ли,
Ты лазить у меня между ногами?
Иль думаешь, быть можетъ, изъ меня
Родосскаго колосса сотворить?
Къ чему такой вопросъ?

Извощикъ.

Такъ, ни къ чему:
Хотѣлъ-бы знать и дѣло все съ концомъ.

(Входитъ погребщица и приноситъ пиво.)

Фаустъ.

Ну, да, конечно, ноги я владу,
Какъ ты, и всѣ, одну съ другою рядомъ.

Извощикъ.

Благодарю покорно! Вашъ отвѣтъ
Я выслушалъ и имъ вполне доволенъ.

Фаустъ.

Такъ, чтожь тутъ любопытнаго, скажи?

Извозчикъ.

Да то, сударь, что мнѣ казалось, будто
Ложились вы съ одною настоящей
Ногою, а другая-же нога
Изъ дерева придѣлана къ здоровой.

Барышникъ.

Нѣтъ, слушайте! Что мы играемъ въ прятки:
Вы, сударь, намъ скажите напрямикъ
О томъ, какъ я вамъ ногу оторвалъ,
Когда засталъ васъ спящимъ. Правда это?

Фаустъ.

Но я теперь вѣдь, кажется, не сплю
И обѣ ноги въ цѣлости имѣю,
Въ чемъ можете вы сами убѣдиться.
Смотрите! *(Раскрываетъ свою мантию.)*

Всѣ.

Вотъ чертовщина! Выходить,
Что три ноги имѣлъ онъ! Что за страсти!

Извозчикъ.

А помните-ли вы, какъ у меня
Изволили вязанку скушать съ...

*(Фаустъ поднимаетъ руку и околодо-
важный извозчикъ дѣлается тѣмъ.)*

Дикъ.

А помните-ли, сударь, какъ меня
Вы обратили съ-разу въ обезьянъ...

*(Фаустъ дѣлаетъ знакъ рукой и Дикъ
къмъ.)*

Барышникъ.

Ахъ, порожденный адомъ чародѣй!
Не вы-ль обманомъ продали мнѣ лошъ...

*(Фаустъ поднимаетъ руку и барыш-
никъ къмъ.)*

Клоузъ.

Прошу еще меня не позабыть..
Я вашихъ адскихъ штукъ не испугаюсь!..
Припомните лишь голову съ рога...

*(По мановенію Фауста Клоузъ, Дикъ,
барышникъ и извозчикъ исчезаютъ.)*

Погребщица.

Вотъ такъ бѣда! Съ кого-же брать мнѣ деньги?
Вы, докторъ, разогнали всѣхъ гостей,

Такъ вѣжъ теперь заплатитъ мнѣ за пи...

*(По знаку Фауста погребщица дѣлается
нѣмой и исчезаетъ.)*

Герцогиня *(Герцогу)*.

Со мною, герцогъ, вѣрно вы согласны,
Что доктору признательными быть
Должны теперь мы оба...

Герцогъ.

Да, вы правы,
И доктора должны мы, герцогиня,
Чѣмъ только въ состояньи, отдарить
За всѣ его великіе таланты,
Которыми онъ можетъ разогнать
Печальныя и мрачныя всѣ думы.

(Всѣ удаляются)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Комната въ домѣ Фауста.

ЯВЛЕНІЕ I.

*Громъ и молнія. Входятъ демоны, не-
сушіе закрытые сосуды; Мефистофель
ведетъ ихъ въ лабораторію Фауста.
Потомъ входитъ Вагнеръ.*

Вагнеръ.

Мнѣ кажется, что Фаустъ собрался
Свое земное поприще покончить
И сдѣлалъ завѣщаніе, которымъ
Мнѣ всѣ свои имѣнья отказалъ,
Весь домъ со всею мебелью, сервизъ
Изъ золота и завѣщаль притомъ
Мнѣ деньгами двѣ тысячи дукатовъ.
Онъ словно хочетъ съ жизнью счетъ свести,
Но что теперь въ душѣ его творится,
Мнѣ этого не разгадать никакъ.
Вѣдь если смерть была-бы такъ близка,
То Фаустъ, вѣрно, не былъ-бы такъ веселъ;
Межъ тѣмъ въ кругу своихъ учениковъ
Безпечно онъ теперь кончаетъ ужинъ
И я еще не видѣлъ никогда
Роскошнаго такого пира въ жизни.
Но, чу! пиръ уже кончился. Сюда
Они идутъ... *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ П.

Фаустъ, Мефистофель и трое учениковъ (*входятъ*).

Первый ученикъ.

Мы кончили, учитель, рѣчь на томъ,
 Что первую красавицею въ свѣтѣ
 Признали ту прекрасную Елену,
 Съ которой въ красотѣ еще никто
 Не могъ поспорить даже и до нынѣ;
 А потому, учитель добрый нашъ,
 Не можете-ли вы, при вашей силѣ,
 Намъ показать ту дивную гречанку,
 Которой восхищался цѣлый мѣръ.
 Когда вы, докторъ, только въ состояннѣ
 Исполнить нашу просьбу, то ирошу
 Для насъ такое зрѣлище устроить
 И нашей благодарности, повѣрьте,
 Конца не будетъ...

Фаустъ.

Милые друзья!

Въ расположеннѣ вашемъ я увѣренъ
 И не привыкъ отказывать друзьямъ,
 Когда они чего-нибудь желаютъ.
 Итакъ, я обѣщанье вамъ даю,
 Что вы вотъ здѣсь увидите сейчасъ-же
 Прекрасную гречанку въ полномъ блескѣ
 Величя ея и красоты,
 Увидите такой-же, какъ въ тѣ дни,
 Когда Парисъ, Еленой восхищенный,
 Ее увезъ за дальня моря.
 Молчаніе теперь. Вы стойте смирно:
 При этомъ разговаривать нельзя.

(Раздается невидимая музыка; Мефистофель вводитъ Елену, которая проходитъ черезъ сцену отъ одного конца до другою.)

Второй ученикъ.

Ужель теперь я вижу предъ собой
 Ту дивную, прекрасную Елену,
 Изъ-за которой Трое десять лѣтъ
 Неумолимо гревн осаждалъ?

Третій ученикъ.

Языкъ мой слишкомъ бѣденъ, чтобъ на негъ
 Я выразилъ величье и прелесть

Той женщины, которой восторгались
Не только люди, даже полу-боги!..

Первый ученикъ.

Теперь, когда мы трое насладились
Божественной такою красотой,
Мы, дорогой учитель, васъ оставимъ;
За зрѣлище, устроенное вами,
Вамъ лучшаго всего желаемъ мы.

Фаустъ.

Ступайте, господа! Желая тоже
Вамъ счастья. Прощайте! (*Ученики уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ III.

Фаустъ и Старецъ (*выходитъ*).

Старецъ.

Бѣдный Фаустъ!

Оставь свое проклятое искусство,
Брось магію, которая тебя
Въ адъ приведетъ, на вѣкъ лишитъ спасенья.
Безумецъ, помни только объ одномъ:
Ты могъ грѣшить, какъ всякій человѣкъ,
Но не посмѣй упорствовать, какъ демонъ.
Теперь, теперь подумай о себѣ:
Еще въ тебѣ задатки есть добра,
Еще къ грѣху ужасная привычка
Не вкоренилась въ сердцѣ глубоко.
Наступитъ часъ, и будетъ уже поздно
Покаяться. Отверженъ небесами,
Отъ адскихъ мукъ не свроешься нигдѣ ты.
Покайся-же! Быть можетъ, мой языкъ
Найдешь ты слишкомъ рѣзкимъ и суровымъ;
Но, Фаустъ, вѣрь, что руководить мной
Любовь къ тебѣ и доброе желанье.
Да вѣрь мнѣ, сынъ мой, что не гнѣвъ
Въ моихъ словахъ ты слышишь, не презрѣнье,
Но сожалѣнье искренняго друга,
Въ которомъ наблюла вся душа
За будущность несчастную собрата.
Въ моей груди живетъ надежда даже,
Что всѣ мои упреки размягчатъ
Въ тебѣ твое озлобленное сердце
И выйдешь изъ борьбы съ самимъ собой
Ты съ просвѣтленнымъ духомъ,.... бѣдный Фаустъ!..

Фаустъ.

О, я несчастный! Что съ собой я сдѣлалъ?
Ужь скоро адъ всеильныя права
Заявить надо мной и я услышу
Зловѣщій голосъ: „Фаустъ, будь готовъ!
Твой часъ насталъ: иди-же прямо въ тартаръ!“
Чтожь, я готовъ! Пусть адъ меня беретъ,
И я пойду, призывъ его услыша.

Старецъ.

Остановись, безумецъ ослѣпленный,
И роковаго шага не свершай.
Я вижу, какъ порхаетъ надъ тобою
Духъ милости, прощенья и добра,
Готовый вознести тебя отъ гнета
Тяжелыхъ думъ, мучительныхъ сомнѣній
И миромъ покаянья освѣжить
Больную и измученную душу.
Моли-же о прощеніи, и бойся
Сомнѣнья и отчаянья!

Фаустъ.

О, другъ!
Когда-бъ ты зналъ, какое утѣшенье
Твои слова теперь приносятъ мнѣ!
И я скорблю за всѣ свои проступки.
Позволь-же мнѣ минуту поразмыслить
О собственныхъ грѣхахъ моихъ: Пока
Оставь меня!

Старецъ.

Я, Фаустъ, удаляюсь
Съ глубокою печалью отъ тебя:
Я знаю, за плечомъ твоимъ стоитъ
Безсмѣнно духъ лукавый! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Фаустъ, потомъ Мефистофель.

Фаустъ.

Лишь проклятье,
Проклятье тяготѣетъ надо мной!
Погибшій, что я сдѣлалъ, что я сдѣлалъ!..
Я каюсь и отчаяваюсь разомъ:
И темный адъ, и неба благодать
Между собою спорятъ изъ-за сердца

И совѣсти моей. О, чтожь мнѣ дѣлать?
Куда уйдти отъ страшной пасти ада?

Мефистофель.

Остановись, измѣнникъ! Возстаешь
Ты, бунтовщикъ, на моего владыку,
И я тебя обязанъ обуздать...
Сознайся въ малодушіи своемъ,
Иль зубы ада въ ключья разорвуть
Твой жалкій трупъ...

Фаустъ.

Умолкни, Мефистофель!

Когда своимъ минутнымъ вѣроломствомъ
Я тартара владыку оскорбилъ,
То я молю простить меня: я каюсь
Въ преступномъ малодушіи... Ты долженъ
Мнѣ, Мефистофель, вымолить прощенье,
И я готовъ хоть снова написать
И собственную кровью договоръ свой
Съ великимъ Люциферомъ!..

Мефистофель.

Будь-же твердъ:

Иначе безпрестаннымъ колебаньемъ
Надѣлаешь себѣ ты много зла:
Тебя я, Фаустъ, въ томъ предупреждаю.

Фаустъ.

Всему виной лукавый тотъ старикъ,
Который противъ власти Люцифера
Меня старался здѣсь возстановить.
Ты долженъ наказать его. Придумай
Для старика мучительную казнь,
Какую только адъ располагаетъ.

Мефистофель.

Его спасаетъ вѣра; потому
Къ его душѣ закрытъ мнѣ всякій доступъ,
Но тѣло старца намъ принадлежитъ,
И постараюсь я изъ всякихъ золъ
Сильнѣйшее придумать для него...

Фаустъ.

Есть у меня, мой вѣрный Мефистофель,
Упорное и жгучее желанье,
Такое, что съ слезами я готовъ
Молить тебя его исполнить. Дай мнѣ

Въ объятяхъ той блистательной Елены,
 Которую я видѣлъ, отдохнуть...
 Склонясь лицомъ къ груди ея прекрасной
 Я скорбь и всѣ сомнѣнья позабуду
 И сожалѣть не стану объ обѣтѣ,
 Меня связавшемъ съ адомъ за могилой,
 И данномъ мной владычѣ твоему;
 Мнѣ легкою покажется та влѣтва,
 Которую я Люциферу далъ.
 Исполнишь-ли?

Мефистофель.

Послѣднее желанье,
 Какъ всѣ твои желанья, милый Фаустъ,
 Исполню я въ одно мгновенье ока.
 Смотри: стоитъ Елена предъ тобой!

*(Елена снова показывается и прого-
 дитъ по сценѣ между двумя амурами.)*

Фаустъ.

Вотъ, вотъ она, та женщина, чей образъ
 Заставилъ мчаться сотни кораблей
 И обратилъ въ большія груды пепла
 Всѣ башни Иліона! Вотъ она!..
 Прекрасная Елена, возврати-же
 Безсмертіе душѣ моей однимъ
 Благоуханнымъ, жаркимъ поцѣлуемъ!
 Жизнь новую уста твои вдохнуть
 Въ усталую грудь Фауста! Я вижу,
 Какъ ты паришь... Идемъ, идемъ, Елена!
 Ты возразишь мнѣ душу и покой,
 Оплаканная мною. Не желаю
 Съ тобою ни на мигъ я разставаться...
 Гдѣ ты, тамъ уже небо для меня,
 И все, что не Елена—прахъ и тлѣнье!
 Да, я хочу Парисомъ быть твоимъ;
 Тобою обладая, вмѣсто Трои
 Отдамъ я Виттембергъ на разграбленье;
 Я съ слабымъ Менелаемъ въ бой вступлю,
 Твои цвѣта носить на шлемѣ буду;
 Я раню въ пятку гордаго Ахилла
 И возвращусь къ Еленѣ, чтобъ просить
 Единственной награды—поцѣлуя.
 О, дивная! Прекрасна ты, какъ вечеръ,
 Сіяющій въ коронѣ яркихъ звѣздъ;

Сама ты такъ свергаешь, какъ Юпитерь,
 Когда передъ несчастною Семелой
 Онъ въ пламени являлся. Ты прекраснѣй,
 Чѣмъ царь морей, который утопалъ
 Въ объятіяхъ капризной Аретузы.
 Нѣтъ, ты одна, лишь только ты одна
 Принадлежать должна мнѣ, быть моею!..

(Вся уходитъ.)

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Лабораторія Фауста.

ЯВЛЕНИЕ I.

Громъ и молнія. Люциферъ, Вельзевулъ и Мефистофель входятъ.

Люциферъ.

Изъ самой темной адской глубины
 Мы поднялись сюда, на эту землю,
 Чтобъ осматрѣть количество тѣхъ жертвъ,
 Влачащихъ жизнь подъ игомъ нашей власти.
 Изъ многихъ, обреченныхъ аду, душъ
 Твоя душа есть первая, о, Фаустъ,
 Которую мы унесемъ съ собой.
 Мы для того къ тебѣ теперь явились,
 Чтобъ вѣчнымъ осужденіемъ разбить
 Твой слабый духъ. Расплаты пробилъ часъ, —
 И намъ должна душа твоя достаться.

Мефистофель.

Вотъ въ этой комнатѣ провелъ всю ночь
 Сегодня бѣдный Фаустъ, безъ сознанья,
 Что эта ночь послѣдняя...

Вельзевулъ.

Мы здѣсь

Останемся, чтобъ наблюдать за нимъ.

Мефистофель.

Онъ предъ концомъ всей мудрости лишился,
 Отчаянью предавшись, какъ ребенокъ.
 О, суетный и глупый человѣкъ!..
 Къ чему теперь отчаянье! Кровь въ жилахъ
 Чуть движется и сохнетъ отъ печали;
 Мозгъ въ головѣ работаетъ чрезмѣрно
 И порождаетъ рядъ тяжелыхъ думъ
 И мыслей, чтобъ отдѣлаться отъ ада.

Напрасно все! За наслажденья жизни
 Приходится расплачиваться мукой
 И вѣчнымъ наказаніемъ. Вотъ онъ
 Сюда подходитъ съ Вагнеромъ, съ которымъ
 Дѣлилъ онъ все послѣдніе успѣхи.
 Вотъ, вотъ они!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Фаустъ съ Вагнеромъ.

Фаустъ.

Тебѣ извѣстно, Вагнеръ,
 Что я недавно сдѣлалъ завѣщанье.
 Что скажешь ты о немъ?

Вагнеръ.

Дивлюсь я только
 Великодушью вашему и вѣрьте
 Готовъ служить вамъ вѣрою и правдой
 Всю жизнь свою, чтобъ службой доказать
 Свою вамъ благодарность, сударь.

Фаустъ.

Вагнеръ,

Я былъ въ тебѣ увѣренъ постоянно.
 Благодарю!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и три ученика.

Фаустъ.

Здорово, господа.

Первый ученикъ.

Что съ вами, добрый нашъ учитель? Право,
 У васъ лицо совсѣмъ перемѣнилось:
 Въ чертахъ и безпокойство, и тревога.

Фаустъ.

Друзья мои!

Второй ученикъ.

Что съ вами, докторъ Фаустъ?

Фаустъ.

Когда-бъ я съ вами жилъ, мои друзья,

Какъ нѣкогда, я бѣ, можетъ быть, донинѣ
 Былъ счастливъ, а теперь иное дѣло:
 Ко мнѣ уже подкрадывается смерть.
 Послушайте!.. Идетъ сюда не 'омъ-ли?
 Ею шаги я слышу?

Первый ученикъ.

Добрый докторъ,
 Зачѣмъ вы такъ волнуетесь? Что значить
 Вашъ непонятный ужасъ?

Второй ученикъ.

Неужели
 Онъ началъ меланхоліею страдать?

Первый ученикъ.

Излишнее уединеніе вредно,
 И на его здоровьи, господа,
 Отозвалось.

Второй ученикъ.

Когда онъ точно боленъ,
 Его лечить мы будемъ, и въ недѣлю
 Поправится онъ совершенно можетъ.

Первый ученикъ.

Намъ нечего особенно болѣться:
 Его болѣзнь не больше, какъ разстройство.

Фаустъ.

Разстройство! Да, вы правы, но какое?
 Разстройство отъ великаго грѣха,
 Которымъ погубилъ свою я душу
 И обреченъ на вѣчное страданье.

Второй ученикъ.

Но, Фаустъ, подними свои глаза
 На небеса: ихъ милость безконечна.

Фаустъ.

Мнѣ за грѣхи прощенья въ мірѣ нѣтъ.
 Эмѣй, Еву искусившій, можетъ даже
 Надѣяться на милость, но не я.
 Друзья мои, что я скажу теперь вамъ,
 Вы терпѣливо выслушать должны.
 Во мнѣ дрожить и замираетъ сердце,
 При мысли той, что тридцать лѣтъ назадъ

Я въ этомъ мирномъ городѣ учился.
 О, лучше-бъ было, еслибъ никогда
 Не зналъ я дорогого Виттемберга
 И ни единой книги не читалъ.
 Тѣмъ чудесамъ, которыя творилъ я,
 Не только вся Германія, весь міръ
 Дивился въ изумленіи, — и что-же?
 Теряю я за эти чудеса
 Германію, міръ цѣлый, даже небо,
 Блаженныхъ и счастливыхъ душъ пріютъ,
 Жилище вѣчной радости и счастья, —
 Въ награду мнѣ остался только адъ.
 Скажите мнѣ, друзья мои, чего-же
 Ждать Фаусту, погибшему навѣки?..
 Что дѣлать я могу теперь?

Второй ученикъ.

Молиться.

Найдешь ты утѣшеніе въ молитвѣ.

Фаустъ.

Молиться? Мнѣ? Я отъ всего отрекся,
 Во что другіе вѣруютъ, — хулилъ
 Все то, предъ тѣмъ благоговѣютъ люди!
 О, Господи! Я плакать-бы желалъ,
 Но дьяволъ беспощадный сушитъ слезы
 Въ моихъ глазахъ. Зачѣмъ-же вмѣсто слезъ
 Кровь изъ меня не выбьется ключомъ,
 А вмѣстѣ съ ней и жизнь моя съ душою?..
 Ахъ, многое хотѣлъ-бы я сказать,
 Но мой языкъ изъ силой адской скованъ;
 Хотѣлъ-бы руки въ небо вознести,
 Они мои удерживаютъ руки...
 Удерживаютъ Фауста!

Ученики.

Но, кто-же?

О комъ ты говориши намъ?

Фаустъ.

Вонъ о комъ!

Ихъ имя — Люциферъ и Мефистофель!
 О, юные друзья мои! За знанья,
 Полученныя мною отъ духовъ,
 Я душу продалъ имъ; за суету

Земныхъ двадцатилѣтнихъ наслажденій
Я вѣчное ближенство потерялъ
И счастья безконечнаго лишился.

Ученики.

О, горе, горе Фаусту!..

Фаустъ.

И знайте:

Я подписалъ ужасный договоръ
Своею кровью собственной... Свершилось!
Срокъ роковой насталь и вотъ сюда
Они пришли за Фауста душою.

Первый ученикъ.

Зачѣмъ намъ прежде ты не говорилъ,
Учитель, о безумномъ преступленіи.
Насъ, можетъ быть, послушался-бы ты,
Къ молитвѣ обратясь и къ покаянью.

Фаустъ.

Ужели я о томъ не думалъ самъ?
Но дьяволъ раздробить меня грозился,
Едва глаза я къ небу обращаю,
Внушенью добрыхъ чувствъ своихъ отдамся.
Теперь-же поздно! Добрые друзья,
Оставьте одного меня, чтобъ вмѣстѣ
Со мною не погубнуть...

Второй ученикъ.

Фаустъ, Фаустъ!

Что дѣлать намъ, чтобы тебя спасти?

Фаустъ.

Забудьте обо мнѣ и уходите,
Спасайтесь!..

Третій ученикъ.

Нѣтъ, меня поддержи́ть Богъ,
И я останусь съ Фаустомъ.

Первый ученикъ. *(третьему).*

Послушай!

Испытывая Бога—грѣхъ творишь.
Идемъ въ сосѣдней комнатѣ молиться.

Фаустъ.

Да, помолитесь. Только умоляю
Васъ объ одномъ я: что-бъ вы ни слышали,

Ко мнѣ вы не входите. Изъ людей
Никто помочь не въ силахъ мнѣ... Бѣгите!..

Второй ученикъ.

Молись и ты, какъ мы молиться будемъ.
Богъ милостивъ...

Фаустъ.

Но справедливъ. Прощайте!
Когда еще я проживу до завтра,
То васъ, друзья, увижу,—если-жъ нѣтъ,
То значить, Фаустъ въ адъ переселился.

Ученикъ.

Прости, нашъ бѣдный Фаустъ!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Фаустъ, Мефистофель и два духа.

Мефистофель.

Да, мудрецъ,
Теперь ты не надѣйся на прощенье,
Забудь о немъ и думай лишь объ адѣ,
Какъ о своемъ послѣднемъ новосельѣ...

Фаустъ.

О, демонъ-искуситель! Ты одинъ
Соблазнами бѣсовскими навѣки
Лишилъ меня обители святой!

Мефистофель.

И своему успѣху—не скрываю —
Я очень радъ. Когда ты близокъ былъ
Къ пути, людей ведущему къ спасенью,
Я предъ тобой закрылъ желанный путь;
Когда въ священныхъ книгахъ ты старался
Свѣтъ истины и правды почерпнуть,
Я быстро перевертывалъ страницы
Передъ тобой и отводилъ глаза
Лукавыми совѣтами... Ага!
Ты плакать начинаешь... Слишкомъ поздно!
Прощай и помни, Фаустъ: дураки,
Которые здѣсь, на землѣ, смѣются,
Должны въ аду оплакивать тотъ смѣхъ (Уходитъ).

(Съ двухъ разныхъ сторонъ появляются два духа—
добрый и злой.)

Добрый духъ.

О, Фаустъ, еслибъ слушалъ ты меня,
То отъ тебя-бы Богъ не отшатнулся...
Ты слишкомъ блага жизни полюбилъ!

Злой духъ.

Ты мнѣ повиновался, жалкій смертный,
И муки ада долженъ испытать.

Добрый духъ.

Къ чему тебѣ сокровища вселенной,
Всѣ радости земли тебѣ къ чему,
Когда за нихъ душой ты заплатился?

Злой духъ.

Земныя наслажденія послужать
Къ усиленью жестокихъ мукъ въ аду,
Гдѣ нѣтъ и бытъ не можетъ наслаждений.

*(Играетъ музыка. Является картина
Эдема.)*

Добрый духъ.

Смотри сюда, заблудшая душа!
Для суеты, минутныхъ упоеній,
Ты безконечнымъ счастьемъ пренебрегъ
И демонскою властью сталъ опутанъ.
Смотри сюда, несчастный! Если бъ ты
На ложную дорогу не вступилъ,
Противился лукавымъ искушеньямъ,
Въ какомъ бы блескѣ славы и блаженства
Среди блаженныхъ душъ ты отдохнулъ!
И это все потеряно тобою,
И я не смѣю дальше оставаться
Близъ Фауста,—я долженъ улетѣть;
Пасть адакая раскрылась, чтобы жадно
Тебя схватить и въ пропасти увлечь...

*(Добрый духъ исчезаетъ. Выступаетъ
картина ада.)*

Злой духъ.

Теперь свои внимательные взоры,
Испытывая ужасъ, обрати
На муки необъятной, адской бездны.
Вотъ фурія, разящая людей
Рогатинами огненными; безумцы,
Бнящие въ расплавленномъ свинцѣ,

Вотъ грѣшники на пламенныхъ угольяхъ
 Неутомно жарятся, но смерть
 Не прекращаетъ мукъ ихъ безысходныхъ;
 Вотъ стулъ, который вѣчно раскаленъ
 Для отдыха отверженцевъ несчастныхъ;
 Вотъ грѣшники, глотающіе въ пеклѣ
 Пылающія головни: та кара
 Постигла ихъ за грязное обжорство,
 За гнусный смѣхъ надъ жалкимъ бѣднякомъ,
 Отъ голоду въ глазахъ ихъ умиравшихъ.
 Но здѣсь еще не всё ты видишь муки;
 Десятки тысячъ худшихъ истязаній
 Передъ собой ты будешь созерцать...

Фаустъ.

Довольно мнѣ, довольно и тѣхъ мукъ,
 Которыя я видѣлъ!

Мефистофель.

Нѣтъ, ты долженъ
 Все испытать, все видѣть, чтобы знать,
 На что ты осужденъ въ аду. Любившій
 Земныя наслажденія отъ нихъ
 Погибнуть долженъ... Фаустъ, не надолго
 Тебя оставлю я; когда жъ назадъ
 Вернусь сюда, почувствуешь ты трепетъ
 Раздавленной и сокрушенной жизни.

*(Злой духъ исчезаетъ. На часахъ бьетъ
 одиннадцать.)*

Фаустъ.

Часъ, только часъ прожить еще могу,
 А черезъ часъ мой самый слѣдъ простынетъ.
 Ты, вѣчное движеніе свѣтилъ,
 Остановись, замедли ходъ обычный,
 Чтобъ полночь никогда не приходила!
 Ты, золотое око всей природы,
 Хоть разъ еще взойди и вѣчный день
 На этомъ вѣчномъ небѣ водвори,
 Иль наконецъ, нусть этотъ часъ продлится
 На цѣлый годъ, на мѣсяцъ, на недѣлю,
 Хоть даже на день, чтобы я успѣлъ
 Покаяться, спасти мольбою душу..
 O, lente, lente currite, noctis equi..

Напрасныя желанья! Безпрерывно
 Плывуть по небу звѣзды золотныя:
 Неудержимъ ты, времени полеть.
 Пробьютъ часы, появится мой демонъ
 И Фауста не станеть на землѣ!..
 Я до небесъ теперь желалъ-бы вспрыгнуть,
 Но кто-то внизъ гнететь меня, гнететь...
 —О, Господи! Христова кровь струится
 По всей землѣ и капля этой крови
 Могла бы мнѣ спасенье принести...
 О, Господи!—Не рвите-же мнѣ сердце
 За то, что это имя призываю,
 Иль рвите—обращусь къ нему опять.
 —О, Люциферъ, молю я о пощадѣ!
 Его здѣсь нѣтъ, но тамъ, надъ головою,
 Въ выси я вижу грозное чело
 И руку, мнѣ грозящую... Падите
 Вы на меня, всѣ скалы и холмы,
 Отъ гнѣва правосуднаго сокroyте!
 Нѣтъ? Такъ пускай развернется земля,
 Я брошусь и она меня поглотить!
 Увы! я и въ землѣ не отыщу
 Убѣжища спокойнаго... Вы, звѣзды,
 Горѣвшія на небесахъ и въ день
 Рожденья моего и съ высоты
 Мнѣ въ жизни предрекавшія погибель,
 Вы подымите Фауста туда,
 Подъ облака; низвергните оттуда
 Мой бранный прахъ, но вознесите къ небу
 Измученную душу...

(Бьетъ половина двенадцатаю.)

Полчаса!

Какъ полчаса, такъ быстро часъ пройдетъ...
 —Ужь если обреченъ я на мученья,
 Такъ положите, демоны, предѣлъ
 Ужасной вашей карѣ, продержите
 Меня въ аду хотя сто тысячъ лѣтъ,
 Оставивъ мнѣ надежду на спасенье!..
 Но срока не положено для душъ,
 На вѣки осужденныхъ... Для чего-же
 Я не рожденъ твореніемъ бездушнымъ?

Или зачѣмъ душа моя безсмертна?
 О, Пифагоръ съ своей метаморфозой!
 Когда-бъ въ твоёмъ ученїи ты былъ правъ,—
 Лишась души, я обратился снова
 Въ животное и началъ снова жить...
 Животныя счастливыѣ, чѣмъ всѣ мы:
 Душа ихъ вмѣстѣ съ тѣломъ умираетъ,
 А ты, моя безсмертная душа,
 Не зная смерти, въ тартарѣ терзаться
 Осуждена... Кого-же проклинать?
 Не тѣхъ-ли, отъ кого я въ мїръ родился?
 Нѣтъ, Фаустъ, проклять самъ ты; проклять онъ,
 Онъ, сатана, мою сгубившій душу!..

(Часы бьютъ полночь.)

А, полночь! Поскорѣй исчезни тѣло,
 Пока тобою адъ не овладѣлъ;
 Душа моя! Хоть въ каплю превратись ты
 И пропади въ глубокомъ океанѣ!..

(Слышатъ громъ. Являются демоны.)

О, небо!.. Не смотрите вы такъ страшно!..
 Ехидны, змѣи адскія, намигъ
 Еще мнѣ дайте право на дыханье...
 Не подходи, жестокой Люциферъ!..
 Проклятыя, магическія книги
 Я сжечь хочу... Помедли, Мефистофель!..

. . . . .
 . . . . .

ЯВЛЕНІЕ V.

Три ученика *(входятъ)*.

Первый ученикъ.

Намъ непремѣнно нужно, господа,
 На Фауста взглянуть... Съ начала міра,
 Я думаю, еще подобной ночи
 Никто не зналъ, едва-ли слышалъ кто
 Такіе вопли страшные и стоны.
 Дай Богъ, чтобъ роковая эта ночь
 Для Фауста прошла благополучно!

Второй ученикъ.

О, ужась! Посмотрите! Это члены
Растерзаннаго Фауста!..

Третій ученикъ.

Навѣрно,

Тотъ Люциферъ, которому служилъ онъ,
И погубилъ несчастнаго. Вы сами
Межъ полночью и первымъ часомъ ночи
Здѣсь слышали и крикъ и зовъ на помощь;
Домъ самый колебался въ это время,
Какъ-будто былъ онъ ужасомъ объять
При видѣ страшныхъ демоновъ...

Второй ученикъ.

Ужасна

Такая смерть, и каждый христіанинъ
Въ душѣ своей не можетъ оправдать
Того, кто былъ ученикъ славнымъ прежде
И по уму и знанью былъ свѣтломъ
Передовымъ германскихъ нашихъ школъ;
Но, господа, мы все-же предадимъ
Его обезображенные члены
Сырой землѣ съ достойнымъ погребеньемъ,
И, въ траурѣ глубокомъ, похороны
Велимъ въ своемъ присутствіи свершить...

Дж. Миласъ.

К О Н Е Ц Ъ .

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ФАУСТУ:

1) Фаустъ Марло выдержалъ пять изданій въ XVII вѣкѣ: въ 1604, 1616, 1624, 1631 и 1663 годахъ.

2) Фаустъ цитируетъ здѣсь латинскій переводъ библіи IV вѣка бл. Иеронима, извѣстный подъ именемъ Вульгаты. Слѣдуетъ предполагать, что во время этого монолога подъ руками у Фауста находится множество фоліантовъ, которые онъ беретъ послѣдовательно и откладываетъ въ сторону, прочитавъ въ каждомъ по нѣскольکو строкъ.

3) Здѣсь рѣчь идетъ о славномъ Александрѣ Фарнезе, который велъ жестокую войну съ кальвинистами въ Нидермандахъ и принуждалъ Генриха IV снятъ осаду Парижа.

4) Въ 1585 году, во время осады Антверпена герцогомъ пармскимъ, итальянскій инженеръ, по имени Гибенелли, пустилъ брандеры на деревянный мостъ, построенный герцогомъ черезъ Шельду, и ему удалось отчасти сжечь мостъ. Это разрушительное средство было тогда еще новостью и Фаустъ могъ считать его необычайнымъ.

5) Рѣчь идетъ объ извѣстныхъ транспортахъ, которые привозили Филиппу II король изъ Америки и которые не однажды попадались въ руки англійскихъ корсаровъ.

6) Приводимъ латинскій текстъ заклинанія:

Sint mihi Dii Acherontis propitii!
Valeat numen triplex Iehovæ,
Ignei æcrii aquitani spiritus!
Salvete, Orientis princeps, Belzebub,
Inferni ardentis monarche,
Et Demogorgon! propitiamus vos,
Ut appareat et surgat Mephostophilis Dragon,
Quod temeraris;
Per Iehovam, Gehennam
Et consecratam aquam quam nunc spargo;
Significaque crucis quod nunc facio;
Et per vota nostra, ipsa nunc surgat nostris
Dietatis Mephostophilis.

7) *Рожеръ Баконъ*, знаменитый англійскій монахъ, обвиненный въ волшебствѣ; почти всю жизнь проводилъ въ заключеніи. Онъ изобрѣлъ увеличительныя стекла, телескопъ, воздушный насосъ и пр.

8) Мефистофель и Фаустъ излагаютъ здѣсь систему Птолемея и Платона. Этотъ разговоръ очень любопытенъ; онъ показываетъ, какъ мало были распространены въ Англии въ концѣ XVI вѣка идеи Коперника о движеніи міровъ. Мимоходомъ замѣтимъ, что, по мнѣнію Мефистофеля, каждая сфера небесная имѣетъ свое особое существованіе. Не странно-ли встрѣчать идеи Фурье у Марло, писателя XVII вѣка?

ДВИЖЕНІЕ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ВЪ НА- ЧАЛЪ XIX ВѢКА.

Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I. А. Пыпина, Спб. 1871.

Сочиненія Е. П. Новаловскаго. — Графъ Блудовъ и его время. (Царствованіе Александра I-го). Изданіе второе, Спб. 1871.

Исторія царствованія Императора Александра I-го и Россіи въ его время, М. Богдановича. 4 т. Спб. 1869.

Царствованіе Александра I—одна изъ самыхъ интересныхъ и самыхъ поучительныхъ эпохъ нашей исторіи. Въ это время Россія болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, сблизилась съ Европой и цивилизующее вліяніе послѣдней проникло въ русское общество гораздо глубже, чѣмъ въ предшествующія эпохи. До Александра русская мысль, вѣрная традиціямъ московской старины, почти вовсе не занималась основными вопросами общественнаго устройства; ее по временамъ водновалъ только вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Съ воцареніемъ-же Александра, и самъ императоръ, и его друзья-сотрудники, и даже значительная часть цивилизованнаго общества начали особенно интересоваться внутренними дѣлами. „Общественная мысль“—говоритъ г. Пыпинъ— „болѣе и болѣе сознательно вникаетъ въ нихъ и старается найти причины тѣхъ золъ, которыя уже давно чувствовались, но противъ которыхъ оказывалась бессильна сама неограниченная власть правительства... Въ русскомъ обществѣ является новый вопросъ, который обозначалъ для него первые признаки обще-

ственной зрѣлости,—это былъ вопросъ объ его устройствѣ, причинахъ и послѣдствіяхъ этого устройства и средствахъ къ его исправленію и усовершенію. Старыя традиціи въ первый разъ потеряли для значительнаго круга образованныхъ людей свою прежнюю обязательность; онѣ отвергались иногда не только лучшими людьми общества, но и самимъ императоромъ, такъ-что ихъ несостоятельность становилась полупризнанной истиной; понятно, какимъ возбуждающимъ образомъ должно было дѣйствовать на умы подобное положеніе дѣла. Настояла необходимость искать для общественнаго устройства новыхъ началъ и новыхъ ручательствъ общаго блага...“ Русская мысль въ это время вышла на ту дорогу, по которой она „движется и до сихъ поръ: общественная мысль стала шире и яснѣе, просторъ ея больше, кругъ общества, въ которомъ она дѣйствуетъ, несравненно обширнѣе, но самыя предметы, на которыхъ она останавливается, еще не были исчерпаны съ тѣхъ поръ, какъ они въ первый разъ указаны были во времена Александра. Многія реформы нынѣшняго царствованія, какъ, напр., три основныя — освобожденіе крестьянъ, судебная реформа и извѣстное улучшеніе въ положеніи печати—были уже въ тѣ времена предметомъ разсужденій и горячихъ желаній. Царствованіе Александра заключилось трагической развязкой, которая рѣзко отдѣлила пройденный путь развитія... Съ этой развязкой прежнее поколѣніе, носившее эти идеи, сошло со сцены, и съ новымъ царствованіемъ наступилъ новый поворотъ въ исторіи понятій... Но движеніе осталось однако важнымъ историческимъ моментомъ въ нашемъ общественномъ развитіи. Извѣстныя идеи проникли въ русское общество и ориентировались въ немъ; съ тѣхъ поръ онѣ получаютъ все больше ясности, обнимаютъ большій кругъ общества, и единство мотивовъ, которыми была занята общественная мысль со временъ Александра, показываетъ, что уже и въ то время дѣло шло о дѣйствительныхъ потребностяхъ общества, неизбежно вытекавшихъ изъ его исторіи. Возвращаясь къ тѣмъ временамъ и вспоминая тогдашніе интересы, борьбу мнѣній, начинавшееся столкновение двухъ порядковъ жизни, стараго и новаго, мы найдемъ новое подтвержденіе законности тѣхъ современныхъ стремленій къ общественному преобразованію, которыя и до сихъ поръ оста-

ются непонятны для большинства и на которыя съ такою щедростью бросаютъ свои клеветы ретроградные агитаторы".

Въ своей интересной книгѣ А. Н. Пыпинъ довольно обстоятельно и живо изложилъ ходъ развитія упомянутыхъ прогрессивныхъ стремленій. Но при этомъ онъ почти вовсе не коснулся противодѣйствующихъ силъ той реакціонной лиги, которая подъ предводительствомъ Аракчеева, Фотія, Шишкова, Магницкаго, Руничя, Растопчина, Каразина, Карамзина и др.—остановила дѣло преобразованій и, подавляя всѣ прогрессивныя стремленія общества, остановила ихъ правильное развитіе и дала другое направленіе царствованію, внушавшему сначала столько свѣтлыхъ надеждъ, честныхъ идей, благородныхъ мечтаній и самыхъ возвышенныхъ чувствъ. Объ упомянутой реакціи ничего не говорить и Бовалевскій въ своей біографіи покойнаго графа Блудова. Г. Богдановичъ долженъ коснуться ея въ двухъ послѣднихъ, еще невышедшихъ, томахъ своей „Исторіи“, но отъ него нельзя ждать ничего новаго, ничего интереснаго: первые четыре тома наполнены главнымъ образомъ описаніемъ войнъ и сраженій. Между тѣмъ объ этой реакціи издано уже немало матеріаловъ въ „Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей“, „Русскомъ Архивѣ“, „Русской Старинѣ“, въ сочиненіяхъ г. Феокистова о Магницкомъ, г. Сухомлинова о народномъ просвѣщеніи при Александрѣ I и др. Въ настоящемъ очеркѣ мы постараемся, насколько позволяютъ обстоятельства, выяснить смыслъ и ходъ борьбы прогрессивныхъ и ретроградныхъ началъ въ эпоху Александра I.

I.

Русская прогрессивная мысль, подавленная во вторую половину екатерининскаго царствованія, ожила снова въ кратковременное правленіе Павла, хотя противъ нея были приняты всевозможныя уголовныя и полицейскія мѣры. Екатерининская реакція, вызванная страхомъ освобожденія крестьянъ, страхомъ пугачевщины и сугубымъ страхомъ французской революціи, находила себѣ полное сочувствіе и сильную поддержку во всѣхъ общественныхъ

сферахъ, интересамъ которыхъ она служила. Павловское же продолженіе ея отозвалось рѣшительно на всѣхъ, и реакціонеры естественно превращались въ либераловъ. Европейскія либеральныя традиціи въ самое мрачное время имѣли у насъ представителей, въ родѣ Радищева; самъ наследникъ престола, юноша Александръ, былъ однимъ изъ самыхъ искреннихъ сторонниковъ ихъ; немало русскихъ училось тогда въ заграничныхъ университетахъ и идеи XVIII вѣка, несмотря на всѣ опасности, продолжали обращаться. При Павлѣ былъ запрещенъ ввозъ въ Россію какихъ-бы то ни было иностранныхъ книгъ, „равномѣрно и музыки“, т. е. нотъ; исключеніе было сдѣлано только для книгъ „на турецкомъ языкѣ“ (!?). Но даже и эта мѣра не достигала своей цѣли. „Въ Петербургѣ и въ Москвѣ обращались иностранныя книги, вышедшія во время этого запрещенія или не задолго до него. Такъ-какъ идти на такой рискъ, какой связывался съ ввозомъ книгъ, стоило только для самыхъ пикантныхъ вещей, то самая строгость мѣръ была причиной, что изъ всѣхъ литературныхъ произведеній приходили въ имперію только такія, по поводу которыхъ запрещеніе и было главнымъ образомъ сдѣлано. Нѣкоторые букинисты, въ числѣ которыхъ были также и эмигранты, занимались этимъ опаснымъ, но прибыльнымъ промысломъ съ несмѣханною смѣлостью. Ихъ склады были извѣстны почти всякому, и однако не нашлось ни одного доносчика“ (Storch).

Неожиданное извѣстіе о воцареніи Александра произвело въ обществѣ взрывъ радостнаго энтузіазма, о которомъ свидѣлствуютъ всѣ современники. Общество вздохнуло свободно. Тайная канцелярія уничтожена; до 12,000 человекъ возвращены изъ ссылки и получили прежнія права; петропавловская крѣпость освобождена отъ арестантовъ и посѣщавшій ее вмѣстѣ съ императоромъ Ермоловъ написалъ на воротахъ ея: „свободна отъ постоа“; политическія преступленія велѣно судить обыкновеннымъ судомъ; ввозъ иностранныхъ книгъ дозволенъ, — наступило время прогрессивныхъ надеждъ, увлеченій и общественнаго одушевленія. Молодой императоръ стоялъ во главѣ этого движенія. Воспитанникъ и другъ благороднаго швейцарца Лагарпа, онъ былъ проникнутъ самыми гуманными чувствами, самыми либеральными идеями и честными стремленіями. „Его мнѣнія“ — говоритъ другъ его

Чарторьскій — „были мнѣнія юноши 1789 г.“ Александръ искренно желалъ освободить крестьянъ и дать государству такія свободныя учрежденія, которыя гарантировали-бы его благосостояніе и развитіе. Его тяготила собственная власть; онъ не любилъ ни пышности, ни придворной обстановки; его деликатная скромность и гуманность простиралась до того, что онъ просилъ прощенія у камердинера за сдѣланный ему сгоряча жесткій выговоръ. При такихъ наклонностяхъ, онъ мечталъ, совершивъ въ Россіи радикальныя реформы, отречься отъ престола и, поселившись гдѣ-нибудь въ уединеніи на берегахъ Рейна, наслаждаться издали созерцаніемъ плодовъ своего великаго подвига. Тотъ-же либеральный энтузіазмъ, который по выраженію Фарнгагена фонъ Энзе, въ императорѣ Александрѣ напоминалъ „прекраснѣйшія изліянія первыхъ временъ революціи“, болѣе или менѣе проявлялся и во всѣхъ передовыхъ людяхъ того времени, особенно-же въ друзьяхъ императора Чарторьскомъ, Строгановѣ, Парротѣ, Новосильцовѣ. Еще болѣе эти либеральныя увлеченія, эти возвышенныя чувства волновали собою сердца учащейся молодежи. Въ студенческомъ кругу, по словамъ С. Аксакова, бывшаго тогда студентомъ, „царствовало полное презрѣніе ко всему низкому и подлому и глубокое уваженіе ко всему честному и высокому, хотя-бы и безразсудному. Память такихъ годовъ неразлучно живетъ съ человѣкомъ, и непримѣтно для него освѣщаетъ и направляетъ его шаги въ продолженіе цѣлой жизни, и куда-бы его ни затащили обстоятельства, какъ-бы ни втоптали въ грязь и тину,—она выводитъ его на честную, прямую дорогу“. Вѣра въ свѣтлую будущность народа, ненависть къ злу, безкорыстные и самоотверженные порывы къ гражданской дѣятельности, восторженныя пѣсни, въ родѣ извѣстнаго пушкинскаго посланія къ Чаадаеву—

Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасныя порывы,—

Все это живо напоминаетъ собою другое славное время,—начало нынѣшняго царствованія.

Либеральный энтузіазмъ императора и его сотрудниковъ, открыто заявившій себя съ первыхъ-же дней царствованія, выра-

зился въ учрежденіи неофіціального комитета, который въ шутку называли „комитетомъ общественнаго благоденствія“, какииъ онъ, дѣйствительно, и казался реакціонерамъ, видѣвшимъ въ немъ что-то революціонное. Въ этомъ комитетѣ участвовали императоръ, Чарторижскій, Строгановъ, Мордвиновъ, Новосильцовъ, Воронцовъ, Лагарпъ. Цѣлю комитета была совершенная перестройка „безобразнаго зданія государства“ и „ограниченіе произвола нашего правленія“, какъ выражался государь. Вопросы, поднятые въ комитетѣ, обсуждались свободно всѣми его членами, но какъ инициатива вопросовъ, такъ и окончательное ихъ рѣшеніе почти всегда принадлежали самому императору. При своихъ либеральныхъ мнѣніяхъ, при своей любви къ свободѣ, Александръ обладалъ настойчивостью, доходившею до упрямства, и нерѣдко на практикѣ вооружался противъ тѣхъ самыхъ принциповъ, передъ которыми онъ совершенно искренно преклонялся въ теоріи. Онъ всегда желалъ освобожденія крестьянъ. Но когда въ 1803 г. лифляндскій сеймъ постановилъ освободить крестьянъ, то императоръ отвергъ это постановленіе. Въ 1816 г. богатѣйшіе помѣщики петербургской губерніи черезъ депутацію ходатайствовали о томъ же передъ Александромъ, но онъ, отклонивъ это ходатайство, съ неудовольствіемъ сказалъ депутатамъ: „предоставьте мнѣ самому издавать тѣ законы, которые я считаю наиболѣе полезными для моихъ подданныхъ“ (Богдановичъ, I, 90, 129; Gervinus, франц. переводъ, V, 269). Онъ желалъ реформъ, но хотѣлъ, чтобы онъ истекали главнымъ образомъ отъ его воли и совершались такъ, какъ онъ считалъ разумнымъ и необходимымъ. Поэтому, всѣ реформаторскіе планы его царствованія, всѣ ихъ достоинства, недостатки, неудачи должны быть приписаны главнымъ образомъ Александру, хотя въ развитіи и выполненіи ихъ принимали самое дѣятельное участіе его друзья, составлявшіе комитетъ общественнаго благоденствія, а впоследствии Сперанскій. Эти сотрудники были вполне достойными помощниками государя, но въ то же время обладали и крупными недостатками. Трагую объ искорененіи злоупотребленій, о необходимости радикальныхъ реформъ въ государственномъ строѣ, о независимости суда, составляя проектъ свободныхъ учрежденій въ родѣ англійскихъ, проектъ той „Конституціи“, которую г. Богдановичъ называетъ „Уложеніемъ“,—эти реформа-

торы относились болѣе или менѣе равнодушно къ основному вопросу русской жизни, къ освобожденію крестьянъ. Новосильцевъ былъ противъ освобожденія. Лагарпъ не только никогда не говорилъ объ его неизбѣжности, но даже не соглашался съ тѣми прогрессистами, которые настаивали на его необходимости и полной возможности. Не лучше относились къ этому вопросу Мордвиновъ и многіе другіе либералы, хотя всѣ они говорили объ „улучшеніи быта крѣпостныхъ людей“. Императоръ, Кочубей, Чарторижскій и Строгановъ были рѣшительными сторонниками освобожденія, но только двое послѣднихъ смотрѣли на это дѣло вполне серьезно и готовы были дѣйствовать съ неутомимой энергіей. Чарторижскій доказывалъ, что „право помѣщиковъ на крестьянъ столь ужасно, что не слѣдуетъ ничѣмъ удерживаться при нарушеніи его“. То же самое говорилъ и Строгановъ, убѣждая своихъ робкихъ сотрудниковъ, что освобожденіе крестьянъ не можетъ дать повода ни къ какому „опасному волненію“, что дворянство рѣшительно способно ни къ какой серьезной оппозиціи и что „если въ этомъ дѣлѣ есть опасность, то она заключается не въ освобожденіи крестьянъ, а въ удержаніи крѣпостного состоянія“. Императоръ же и большинство его сотрудниковъ смотрѣли на дѣло иначе. Одному вельможѣ, просившему Александра о пожалованіи имѣніемъ, онъ писалъ: „большая часть крестьянъ въ Россіи — рабы; считаю лишнимъ распространяться объ униженіи челоуѣчества и несчастіи подобнаго состоянія. Я далъ обѣтъ не увеличивать числа ихъ, и поэтому взялъ за правило не раздавать крестьянъ въ собственность“. И хотя Александръ всегда твердо держался этого правила, но онъ далеко не былъ столь-же твердымъ въ выполненіи своей завѣтной мысли объ освобожденіи крестьянъ. Александръ и его сотрудники опасались серьезныхъ противодѣйствій со стороны помѣщиковъ, въ средѣ которыхъ слухи объ освободительныхъ намѣреніяхъ государя дѣйствительно порождали страхъ и неудовольствіе; они опасались еще и того, что „внезапное ограниченіе помѣщичьей власти можетъ подать поводъ къ неповиновенію крестьянъ и къ большимъ безпорядкамъ“. Эта нерѣшительность, эта борьба между страхомъ и желаніемъ освобожденія парализировали всѣ хорошія намѣренія реформаторовъ и нерѣдко внушали имъ планы, ничтожность которыхъ можетъ быть объяснена только этимъ обстоятельствомъ. Желая, на-

примѣръ, хотъ сколько-нибудь улучшить несчастное положеніе крестьянъ, комитетъ дошелъ до мысли дозволить покупать земли тѣмъ изъ нихъ, которые не были крѣпостными, а государь хотѣлъ дозволить имъ и мѣщанамъ вмѣстѣ съ землею покупать и крестьянъ, но съ тѣмъ, „чтобы крестьяне, которыми будутъ владѣть не дворяне, подчинялись условіямъ болѣе умѣреннымъ и не были рабами своихъ владѣльцевъ, какъ принадлежащіе дворянамъ, что будетъ первымъ шагомъ къ ихъ благоденствію“ (Ковалевскій, 27; Богдановичъ, I, Прилож. 42, 46, 49 — 53). Боязливость реформаторовъ была причиною, что по крестьянскому вопросу въ царствованіе Александра сдѣлано было очень мало, хотя до самого конца царствованія въ государѣ не умирало желаніе уничтожить крѣпостное право, а въ лучшихъ людяхъ тогдашняго общества господствовало убѣжденіе, что крестьянское дѣло имѣетъ первостепенное значеніе и что пока оно не рѣшится, до тѣхъ поръ должны отодвинуться передъ нимъ на задній планъ всѣ вопросы о внутреннихъ преобразованіяхъ. Извѣстный нѣмецкій патріотъ и прусскій министръ Штейнъ, имѣвшій большое вліяніе въ высшихъ сферахъ русскаго общества, главнымъ и необходимымъ средствомъ для развитія умственныхъ силъ и богатства русскаго народа считалъ освобожденіе крестьянъ „съ полной поземельной собственностью и личной свободой, хотя подъ полицейскимъ и судебнымъ надзоромъ дворянства“ (Пыпинъ). Въ самомъ русскомъ обществѣ, во все продолженіе александровскаго царствованія, поднималось не мало голосовъ противъ язвы крѣпостного права, — голосовъ, требованія которыхъ были до того умѣренны, что выполненіе ихъ не могло угрожать никакой опасностью государственному порядку со стороны помѣщиковъ. Такова была, напр., записка, поданная въ 1818 г. императору извѣстнымъ впоследствии Канкринымъ, который, изображая экономическій и нравственный вредъ крѣпостного права, считалъ однакожъ „несправедливымъ, неосторожнымъ и невозможнымъ отпустить разомъ крестьянъ на волю“ и проектировалъ постепенное освобожденіе ихъ, окончательнымъ срокомъ котораго назначалъ 1880 годъ (Р. Арх. 1865, 542—552). Извѣстный дѣятель, Николай Тургеневъ, считалъ освобожденіе крестьянъ также главнымъ вопросомъ русскаго общественной жизни. Онъ освободилъ

всѣхъ своихъ крестьянъ и былъ самымъ ревностнымъ защитникомъ эманципации. Но такія гуманныя стремленія, принадлежавшія отдѣльнымъ свѣтлымъ личностямъ, подобнымъ Тургеневу, встрѣчали противодѣйствіе со стороны огромнаго большинства... Однако, несмотря на всѣ противодѣйствія, вопли и запугиванья крѣпостниковъ, идея крестьянской эманципации, въ царствованіе Александра, увлекала болѣе и болѣе передовые умы и становилась общественной силою, на которую надежно могли опереться реформаторы, еслибы они были болѣе рѣшительны и менѣе робѣли передъ фантастическими призраками ожесточенной помѣщичьей реакціи. То обстоятельство, что въ проектированныхъ „комитетомъ общественнаго благоденствія“ свободныхъ учрежденіяхъ, крестьянскій вопросъ обходился молчаніемъ, какъ это можно видѣть изъ плана реформы, составленнаго Новосильцовымъ, — кажется намъ непростительной политической ошибкой. Въ планѣ государственныхъ преобразованій, который впоследствии былъ составленъ Сперанскимъ и о которомъ мы будемъ говорить ниже, крестьянскій вопросъ также остался неразсмотрѣннымъ. Правда, говоритъ Тургеневъ, „цѣлый проектъ организаціи имперіи показывалъ, что крѣпостное право не могло найти въ ней мѣста; но, вступая въ подробности о многихъ другихъ вопросахъ гражданскаго и политическаго устройства, Сперанскій, кажется, хотѣлъ избѣгать этого“. Такая робкая осторожность только вредила дѣлу, тѣмъ болѣе, что во все продолженіе царствованія страхъ мысли о свободѣ крестьянъ не переставалъ поддерживаться отдѣльными распоряженіями правительства, выразившими его постоянное желаніе эманципации. Есть извѣстіе, что ко дню коронаціи былъ уже приготовленъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, — манифестъ, обнародованіе котораго было отмѣнено. (Р. Арх. 1867 года, стр. 1675). Это было только началомъ тревожнаго страха для крѣпостниковъ, который постоянно поддерживался вѣрными и невѣрными слухами объ эманципаторскихъ стремленіяхъ государя и его сотрудниковъ. Слухи эти подтверждались тѣмъ, что государь старался ограничить жестокій произволъ помѣщиковъ, преслѣдовалъ тѣхъ изъ нихъ, о жестокостяхъ которыхъ крестьяне доводили до его свѣденія, устранялъ ихъ отъ управленія помѣстьями и ссылалъ въ монастыри на покаяніе.

(Русск. Старина, 1870 г., I, 46—49). Онъ запретилъ продажу людей безъ земли, эту „постыдную торговлю, ни съ чловѣчествомъ, ни съ законами несомѣстную“, хотя эта торговля и продолжала существовать во все его царствованіе. Въ 1803 г. состоялся указъ объ отпущеніи крѣпостныхъ въ свободные хлѣбопашцы по инициативѣ С. Румянцева, который представлялъ государю, что это будетъ первымъ шагомъ „къ постепенному уничтоженію и самаго рабства, которое не иное что, какъ положительное и ужаснѣйшее бѣдствіе“. Впродолженіе александровскаго царствованія въ вольные хлѣбопашцы выкупились болѣе 47,000 крѣпостныхъ людей (Р. Славатинскій, Дворянство, 380, 540). Личное освобожденіе крестьянъ остзейскихъ губерній еще болѣе встревожило русскихъ помѣщиковъ. И всѣ эти одиночныя, робкія, принимаемыя въ разное время мѣры производили въ крѣпостникахъ по крайней мѣрѣ столько-же переполоха, сколько было-бы его и при полномъ освобожденіи, совершенномъ разомъ.

Та-же самая робость, которая такъ вредила крестьянскому дѣлу и которой ловко пользовались ретроградные агитаторы, — тормозила и всю дѣятельность реформаторовъ. Этою робостью, этою нерѣшительностью отличалось большинство членовъ комитета общественнаго благосостоянія. Они слишкомъ уже чутко прислушивались къ ретроградному общественному мнѣнію, думая, „что не слѣдуетъ слишкомъ оскорблять общепринятыхъ убѣжденія изъ опасенія подать поводъ къ неудовольствію и опасному волненію“. Это доводило реформаторовъ до того, что они съ непонятною для нашего времени заботливостью занимались иногда чистѣйшими пустяками. Такъ, напр., въ комитетѣ долго обсуждался вопросъ — какъ назвать вѣдомство народнаго просвѣщенія, — „министерствомъ общественнаго образованія или воспитанія? Гр. Кочубей полагалъ, что слѣдовало предпочесть слово *воспитаніе*, потому-что оно менѣе громко, и напротивъ того, слово „*образованіе*“ поведетъ къ ложнымъ толкамъ по господствующему у насъ предрасудку, будто-бы просвѣщеніе опасно“!.. Наконецъ, послѣ довольно продолжительнаго обсужденія, утвердили названіе: „министерство народнаго просвѣщенія“ (Богдан., I, Прид., 51, 86). Гр. Строгановъ отлично сознавалъ всю неосновательность и вредъ этой робкой нерѣшительности, когда писалъ Новосильцеву: „мы иногда, вслѣдствіе неумѣстныхъ сожалѣній и недостатка

рѣшительности, бываемъ склонны отступать назадъ въ мѣрахъ, которыя были уже рѣшены, не имѣть смѣлости дѣлать вещи въ тотъ моментъ, когда ихъ слѣдовало-бы дѣлать; изъ этого выходить въ дѣйствіяхъ нѣчто вялое и трусливое“.

Комитетъ окончилъ свою дѣятельность въ концѣ 1803 г., не сдѣлавъ ничего существеннаго. Съ 1806 г. либеральные друзья императора постепенно устраниются отъ дѣлъ, но либеральные планы все-таки не покидаютъ его. Наступаетъ пора дѣятельности Сперанскаго, о которомъ въ нашемъ обществѣ ходятъ слухи и превратныя понятія. О немъ судятъ только по тому, что онъ сдѣлалъ, и на основаніи этого считаютъ его не больше, какъ организаторомъ русской бюрократіи, между тѣмъ какъ все сдѣланное Сперанскимъ было только приготовленіемъ къ основной государственной реформѣ, планъ которой былъ составленъ имъ по инициативѣ и при дѣятельномъ содѣйствіи самого императора. Въ концѣ 1809 г. должно было приступить къ постепенному выполненію плана, срокомъ котораго онъ полагалъ 1 сентября 1811 года, надѣясь, что тогда „Россія восприметъ новое бытіе и совершенно во всѣхъ частяхъ преобразится“. Хотя этотъ планъ Сперанскаго былъ мало извѣстенъ въ публикѣ, хотя въ строгомъ смыслѣ онъ былъ только развитіемъ заветныхъ идей императора и самого составителя, хотя онъ мало имѣлъ вліянія на развитіе общественной мысли, но все-таки его основныя принципы были въ то-же время и принципами всѣхъ передовыхъ людей тогдашняго общества, которые желали того-же самаго, чего желали императоръ и его талантливый статсъ-секретарь. Мы постараемся, насколько возможно, познакомить читателя съ содержаніемъ этого проекта, какъ онъ излагается въ книгѣ г. Пыпина, который руководствовался въ этомъ случаѣ извѣстнымъ сочиненіемъ Н. Тургенева: „La Russie et les Russes“.

Сперанскій доказываетъ, что въ Россіи давно уже чувствуется необходимость создать правильный порядокъ государственнаго устройства и поставить законъ выше всякой власти, которая должна быть только его исполнителемъ. Эта необходимость чувствовалась уже во времена Алексѣя Михайловича, когда „во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ считали нужнымъ совѣтоваться съ боярами, составлявшими тогда образованнѣйшую часть народа, и испрашивать для принимаемыхъ мѣръ благословеніе патріарха“. „Въ

внѣшнихъ формахъ, данныхъ правительству во времена Петра I, нисколько не думали о свободѣ политической; но Петръ, открывая дорогу наукамъ и торговлѣ, тѣмъ самымъ открывалъ дорогу и свободѣ; не имѣя никакого яснаго намѣренія дать Россіи политическое бытіе, этотъ государь приготовилъ для него путь уже тѣмъ однимъ, что имѣлъ инстинктъ цивилизаціи“. При вступленіи на престолъ Анны оказалось, что вопросъ о „политическомъ бытіи“ живетъ и развивается въ обществѣ. При Екатеринѣ II „все, что сдѣлано было въ другихъ странахъ для устройства сословныхъ собраній, все, что политическіе писатели того времени предлагали наилучшаго для содѣйствія успѣхамъ свободы, все, что пытались сдѣлать во Франціи втеченіе двадцати пяти лѣтъ для предупрежденія того великаго переворота, настоятельность котораго предвидѣли,—все это Екатерина употребила при устройствѣ комиссіи объ уложеніи. Созваны были депутаты націи и созваны въ строгихъ формахъ національнаго представительства; для этого собранія составленъ былъ наказъ, заключавшій въ себѣ сводъ лучшихъ политическихъ истинъ того времени; ничто не было забыто, чтобы облечь это собраніе гарантіями свободы, чтобы дать ему, чтобы дать Россіи, которую оно представляло, политическое бытіе“. Попытка оказалась преждевременной. Упомянувъ о павловскихъ законахъ о престолонаслѣдіи и объ ограниченіи обязательной работы крѣпостныхъ тремя днями въ недѣлю,—объ александровскихъ указахъ, дозволявшихъ всѣмъ свободнымъ сословіямъ владѣть землею, учреждавшихъ классъ свободныхъ хлѣбопашцевъ и министерства, съ отвѣтственностью министровъ, о „мѣрахъ, принятыхъ въ Лифляндіи, какъ опытъ и примѣръ общаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ“,—Сперанскій заключаетъ, что „Россія очевидно идетъ къ свободѣ“. Обращаясь затѣмъ къ тогдашнему состоянію государства, Сперанскій пишетъ: „Всѣ жалуются на смѣшеніе, какое царствуетъ въ нашихъ гражданскихъ законахъ; но гдѣ средство улучшить ихъ, ввести въ нихъ желаемый порядокъ, когда мы не имѣемъ законовъ политическихъ! Жалуются на безпорядокъ въ финансахъ, но можно-ли хорошо устроить финансы тамъ, гдѣ нѣтъ публичнаго кредита, гдѣ не существуетъ никакого политическаго учрежденія, которое могло-бы обезпечивать его прочностъ! Жалуются на медленность, съ какой распространяются просвѣщеніе и про-

мышленность, но гдѣ принципъ, который могъ-бы оживотворить ихъ!.. Умы находятся въ тягостномъ безпокойствѣ, и это безпокойство можно объяснить только полнымъ измѣненіемъ, происшедшимъ въ мнѣніяхъ, только желаніемъ другихъ порядковъ, желаніемъ, пожалуй, неопредѣленнымъ, но тѣмъ не менѣе живымъ... Все это доказываетъ, что существующая система не соотвѣтствуетъ болѣе состоянію общественнаго мнѣнія, и что пришло время замѣнить эту систему другою“.

Но какія-бы трудности ни представляло освобожденіе, крѣпостное рабство есть вещь, столь противная здравому смыслу, что его не должно считать иначе, какъ временнымъ зломъ, которое неминуемо должно имѣть свой конецъ“. Сперанскій, подобно большинству тогдашнихъ либераловъ, предполагалъ освобождать крестьянъ постепенно и безъ земли.

Высшимъ учрежденіемъ новой государственной конституціи долженъ быть государственный совѣтъ, который по внѣшней своей формѣ устроенъ такъ, какъ и предполагалось въ проектѣ. Законодательную власть предполагалось ввѣрить Государственной Думѣ, составленной изъ депутатовъ отъ всѣхъ свободныхъ сословій, избираемыхъ въ губернскихъ собраніяхъ. Законы предлагаются вообще правительствомъ, обсуждаются въ думѣ и утверждаются императоромъ. За эту думою слѣдовали составленные также изъ выборныхъ депутатовъ думы губернска, уѣздная и наконецъ волостная. Принципъ самоуправленія предполагалось ввести въ государственную жизнь въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Высшая судебная инстанція—сенатъ, члены котораго назначаются государственной думой и при которомъ составляется изъ членовъ государственнаго совѣта верховный судъ для дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ, по преступленіямъ министровъ, генераль-губернаторовъ и т. д. Засѣданія сената публичны и его рѣшенія печатаются. Въ судахъ губернскомъ, уѣздномъ и волостномъ вводится институтъ присяжныхъ. Въ администраціи высшую инстанцію образуетъ министерство съ отвѣтственнымъ управляющимъ.

Таковы основныя черты знаменитаго проекта, о которомъ самъ Сперанскій писалъ, что онъ въ сущности своей не представлялъ ничего новаго, а служилъ только систематическимъ развитіемъ идей, занимавшихъ императора съ 1801 г. Но когда пришлось

приступить къ приведенію плана въ дѣйствіе, Сперанскій вынужденъ былъ выполнять проектъ по частямъ, постепенно. „Важнѣйшія части этого плана никогда не осуществились. Приведено было въ дѣйствіе лишь то, что Сперанскій считалъ болѣе или менѣе независимымъ отъ общаго круга задуманныхъ преобразованій; все прочее осталось только на бумагѣ и даже исчезло изъ памяти людей, какъ стертый временемъ очеркъ смѣлаго карандаша“. (Корфъ, жизнь Сперанскаго). Такъ былъ основанъ государственный совѣтъ, о которомъ Сперанскій въ своемъ отчетѣ писалъ императору: „тѣ, кои не знаютъ связи и истиннаго мѣста, какое совѣтъ занимаетъ въ намѣреніяхъ вашихъ, не могутъ чувствовать его важности. Они ищутъ тамъ конца, гдѣ полагается только начало“. Въ высочайшемъ манифестѣ объ основаніи совѣта дѣлались, впрочемъ, весьма прозрачныя намеки на его предполагаемое значеніе. Въ манифестѣ этомъ, говоритъ біографъ Сперанскаго, Корфъ, „Александръ провозглашалъ передъ лицомъ Россіи, что законы гражданскіе, сколь-бы они ни были совершенны, *безъ государственныхъ установленій не могутъ быть тверды*; совѣтъ и сенатъ прямо названы были *сословіями*; впервые всенародно выражено сознаніе, что положеніе государственныхъ доходовъ и расходовъ неукоснительно требуетъ *разсмотрѣнія и опредѣленія*; впервые возвѣщено, что разумъ всѣхъ преобразованій государственныхъ долженъ состоять въ *учрежденіи образа управленія на твердыхъ и непремѣнныхъ основаніяхъ закона*; наконецъ, все образованіе совѣта, въ которомъ была особая глава подъ названіемъ *коренныхъ его законовъ*, носило на себѣ явный отпечатокъ понятій и формъ, совершенно новыхъ въ нашемъ общественномъ устройствѣ. „Манифестъ, кромѣ того, заявивъ о приготовляемомъ изданіи гражданскаго Уложенія, обѣщалъ „по примѣрамъ древняго нашего законодательства (въроятно, земскихъ соборовъ и екатерининской комиссіи), назначить порядокъ, *коимъ уложеніе сіе совокупнымъ разсмотрѣніемъ избранныйшихъ сословій имѣетъ быть уважено* и достигнетъ своего совершенства“ (Пыпинъ; Полн. Собр. Зак., № 24.064). Другою изъ выполненныхъ реформъ было преобразование министерствъ, цѣлю котораго Сперанскій считалъ между прочимъ устраненіе недостатка настоящей отвѣтственности министровъ. Затѣльное преобразование сената

было отложено на неопредѣленное время, какъ и выполненіе другихъ частей плана Сперанскаго, хотя государь почти до послѣднихъ лѣтъ своей жизни думалъ осуществить свою заветную мысль, о чемъ и заявлялъ въ 1818 г. передъ цѣлой Европой въ своей рѣчи при открытіи польскаго сейма.

Такимъ образомъ, ни одна изъ коренныхъ реформъ, которыя были задуманы государемъ и къ которымъ вполне сочувственно относилось прогрессивное меньшинство общества, не была выполнена. Но при всемъ томъ, во все почти продолженіе царствованія правительствомъ принимались многія мѣры, изъ коихъ нѣкоторыя уже указаны нами, клонившіяся къ искорененію разныхъ золъ и поддѣрживавшія энергію прогрессивной мысли въ обществѣ. Литература получила значительное облегченіе, открыты частныя типографіи, восстановлена екатерининская грамота, данная городамъ, основаны губернскія гимназій и пять новыхъ университетовъ, уничтожена судебная пытка, провозглашенъ принципъ вѣротерпимости, значительно смягчена прежняя суровая военная дисциплина, введенъ кое-какой порядокъ въ управленіе финансами и т. д., и т. д. Прогрессивная часть общества относилась ко всему этому съ самымъ дѣятельнымъ сочувствіемъ, которое выразилось, напр., въ небывалыхъ до той поры громаднхъ пожертвованіяхъ частныхъ лицъ на дѣло народнаго образованія. Война 1812 г. и заграничные походы слѣдующихъ годовъ произвели небывалое возбужденіе либеральной мысли, особенно между военною молодежью. „Толчекъ, который дали умамъ только-что совершившіяся событія“ — рассказываетъ Н. И. Тургеневъ — „или вѣриѣ, волненіе, произведенное этими событіями, было очевидно. Прогрессивныя идеи начали распространяться въ Россіи съ возвращеніемъ русскихъ войскъ изъ-за границы. Кромѣ войскъ регулярныхъ, за границей были также большія массы ополченія; эти ополченцы всѣхъ ранговъ, переходя русскую границу, возвращались по домамъ и рассказывали о томъ, что видѣли въ Европѣ. Сами событія говорили громче всякаго человѣческаго голоса. Это была настоящая пропаганда“... Въ Россіи появилась рукописная литература, „довольно много произведеній, замѣчательныхъ или по силѣ эпитаграммы или по высокому и поэтическому вдохновенію“. Политическіе и общественные вопросы, волновавшіе тогда Европу, увлекали собою молодежь. Гвардейскіе офицеры въ

особенности обращали на себя вниманіе свободой и смѣлостью, съ какой они высказывали свои мнѣнія, мало заботясь о томъ, гдѣ они говорили, въ общественномъ мѣстѣ или частномъ домѣ, были ли тѣ, съ кѣмъ они говорили, приверженцы или противники ихъ мнѣній... Правительство не только не противилось направленію, какое принимало общественное мнѣніе, но своими дѣйствіями показывало, что его симпатіи согласны съ симпатіями здравой и просвѣщенной части общества. „Рабство крестьянъ возбуждало къ себѣ болѣе и болѣе отвращенія въ порядочныхъ людяхъ и лучшіе изъ нихъ начали уже сознавать необходимость освобожденія крестьянъ съ землею. Сами крестьяне ждали свободы, какъ награды за свои подвиги при изгнаніи врага. На просвѣщеніе народа было обращено особенное вниманіе и правительствомъ, и обществомъ. Въ Петербургѣ, Москвѣ, Перми, Вологдѣ, Болховѣ, Тулѣ, Иркутскѣ, Ригѣ, Ревелѣ, Нижнемъ, Херсонѣ, Оренбургѣ, Тифлисѣ, Астрахани, Кіевѣ, Кронштадтѣ, Вильнѣ и во множествѣ другихъ мѣстъ заводились и шли съ успѣхомъ ланкастерскія школы. Особенно благотворное вліяніе имѣли онѣ въ войскахъ, которыя въ это время значительно измѣнили къ лучшему свой характеръ и бытъ, постепенно гуманизируясь подъ вліяніемъ своихъ образованныхъ начальниковъ. „По возвращеніи войскъ изъ-за границы, говоритъ Тургеневъ, дисциплина стала измѣняться. Во многихъ полкахъ употребленіе палки стало рѣже, въ другихъ оно было совершенно запрещено, по крайней мѣрѣ, втеченіе нѣкотораго времени“. Молодежь безкорыстно увлекалась гуманизирующею и просвѣтительною дѣятельностью, къ которой мы еще возвратимся въ концѣ своего очерка. Но эта дѣятельность наравнѣ съ реформаторскою дѣятельностью и либеральными планами правительства, во все продолженіе царствованія, встрѣчала на своемъ пути столько препятствій и тормазовъ, столько противодѣйствій со стороны ретроградной массы, столько интригъ и козней, клеветъ и инсинуацій, что подъ конецъ эпохи естественно перешло въ такую форму, въ которой только и возможно было ея существованіе подъ ожесточеннымъ напоромъ постепенно усиливавшихся враговъ.

А враговъ этихъ былъ легіонъ.

II.

Невъжественная масса, отупѣвшая среди однообразной, неподвижной жизни, всегда походитъ на Дарью Петровну Коробочку. Всякое событіе, выходящее изъ ряда окружающихъ ее обыденныхъ явленій, непріятно волнуетъ ея апатичную натуру и пугаетъ ея слабый умъ. Въ эпоху Александра эта консервативная масса, зараженная мистицизмомъ, который такъ располагаетъ къ боязливости и отучаетъ отъ логическаго мышленія, была еще трусливѣе, чѣмъ нынѣ. Она вполне вѣрила въ справедливость древнерусскаго изреченія, что „которое царство начнетъ переставлять свои обычаи, и то царство не долго стоитъ“. Этотъ старовѣрческій консерватизмъ во многихъ личностяхъ имѣлъ совершенно безкорыстный характеръ; такія личности относились ко всѣмъ нововведеніямъ съ такою-же искреннею непріязнью, какъ и раскольники къ церковнымъ „новшествамъ“. Подобно митрополиту Гавріилу, они слѣдовали правилу, что „перевороты никогда не нужны; лучше жить твердо, не взирая ни на какія другія прихоти“ (Р. Арх., 1864, 615). Но эти искренніе консерваторы никогда не служатъ главнымъ и передовымъ отрядамъ реакціонной толпы и терпѣливо подчиняются побѣдившей прогрессивной партіи. Во главѣ реакціи почти всегда стоятъ интриганы, которые борются противъ прогресса во имя своихъ личныхъ интересовъ, во имя своихъ узкихъ корыстныхъ цѣлей. Такъ было и при Александрѣ. Каждая либеральная мѣра, каждый слухъ о реформаторскихъ планахъ правительства нагоняли страхъ на извѣстнаго сорта людей, такъ хорошо жившихъ въ омутѣ той социальной анархіи, которую хотѣло искоренить правительство. Проекты государственныхъ реформъ, задуманныхъ императоромъ и приготавливаемыхъ сначала комитетомъ общественнаго благосостоянія, а потомъ Сперанскимъ, были, конечно, не понутру всѣмъ, чей произволъ они угрожали уничтожить, чьи темныя дѣла должны были при нихъ вынырнуть на свѣтъ божій и подвергнуться общественному контролю, чьи грѣшныя и безгрѣшныя доходы должны были сократиться, или даже вовсе прекратиться при выборномъ самоуправленіи, гласности, судѣ присяжныхъ. Поэтому-то, напр., „преобразование высшихъ государственныхъ учреждений, вмѣстѣ

съ усиліями Сперанскаго *уменьшить расходы* по всѣмъ министерствамъ, поселили недоброжелательство къ нему въ высшихъ сферахъ общества“ (Богданов., III, 16). Самъ Сперанскій въ своемъ пермскомъ письмѣ къ императору выяснялъ это своекорыстіе мотивовъ, руководившихъ ретроgrадами. Для избавленія государства отъ банкротства, писалъ онъ, надлежало, между прочимъ, „сократить и привести въ порядокъ издержки; а здѣсь-то неудобство и роптаніе. Въмѣсто того, что прежде каждый министръ могъ почерпнуть свободно изъ такъ-называемыхъ экстраординарныхъ суммъ, въ новомъ порядкѣ надлежало все вносить въ годовую смету, потомъ каждый почти рубль подвергать учету въ двухъ инстанціяхъ совѣта, часто терпѣть отказы и всегда почти уменьшеніе и въ концѣ всего ожидать еще ревизіи контролера. Самъ министръ финансовъ подвергся тому-же правилу. Могъ-ли кому нравиться сей порядокъ вещей!“ Точно также и всѣ другія либеральныя намѣренія и преобразованія задѣвали чьи-нибудь интересы, обижали самолюбіе, пугали, и тѣмъ плодили враговъ реформы. Государь, напр., нелюбившій роскоши и называвшій полотерами тѣхъ придворныхъ, которые служили только для виѣшняго блеска выходовъ и баловъ, постановилъ уволить изъ нихъ въ отставку всѣхъ тѣхъ, которые втеченіе двухъ мѣсяцевъ не поступятъ на какую-нибудь дѣйствительную военную или гражданскую службу. Какой ропотъ поднялся изъ-за этого! „Говорили, будто-бы императоръ, возбуждая въ своихъ подданныхъ идеи о равенствѣ, уничтожаетъ сохранившійся у насъ до-тодѣ призракъ аристократіи и стремится къ водворенію въ Россіи такого-же порядка, какой существуетъ въ Турціи“ и т. п. (Богд. III, 18). Другой указъ о службѣ, въ составленіи котораго, кромѣ Сперанскаго участвовалъ и гр. Завадовскій, надѣлалъ еще болѣе шума. 6 августа 1809 года было постановлено, что для полученія чиновъ коллежскаго ассессора и статскаго совѣтника необходимо представлять свидѣтельство объ окончаніи университетскаго курса, или выдержаніи экзамена. Вся бюрократія, вся ретроградная дворянская партія, съ Карамзинимъ во главѣ, возстали противъ этой мѣры; нѣкоторые прозѣвали въ ней даже какую-то коварную „семинарскую интригу“, посредствомъ которой Сперанскій думалъ будто-бы, отгѣснить отъ управленія дворянъ и чиновниковъ, отдать Россію въ руки семинаристовъ,

которыхъ тогда въ университетахъ было очень много!.. За шесть лѣтъ до этого разыгралась подобная-же исторія, имѣвшая въ себѣ не мало комизма. Въ 1803 г. сенату представленъ былъ военнымъ министромъ Вязмитиновымъ указъ о томъ, чтобы, согласно постановленіямъ Петра III и Екатерины II, не увольнять въ отставку изъ военной службы раньше двѣнадцати лѣтъ тѣхъ дворянъ, которые до этого срока не получили офицерскаго чина. Въ сенатѣ и въ средѣ дворянства, особенно московскаго, указъ этотъ произвелъ страшный переполохъ. За него стояли Вязмитиновъ и Державинъ, противъ него говорилъ и дѣйствовалъ съ особенной энергіей сенаторъ гр. Потоцкій. Державинъ объяснялъ эту дворянскую оппозицію вліяніемъ польской интриги; „это поляки хотять раззорить нашу военную силу, дабы изнѣживъ дворянство, сдѣлать его неспособнымъ къ военной службѣ, а слѣдовательно и къ защитѣ отечества“. Оппозиція-же провидѣла тутъ интригу „крапивнаго сѣмени“, которое хочеть стать на мѣсто дворянства. „Когда, рассказываетъ Державинъ,—мнѣніе гр. Потоцкаго дошло въ Москву, то тамъ знатное и, можно сказать, глупое дворянство приняло его съ восхищеніемъ, такъ-что въ многочисленныхъ собраніяхъ клали его на голову и пили за здоровье гр. Потоцкаго, почитая его покровителемъ русскаго дворянства и защитникомъ отъ угнетенія, а глупѣйшія или подлѣйшія души не устыдились бюсты Державина и Вязмитинова, яко злодѣевъ, выставить на перекресткахъ, замаравъ ихъ дерьмомъ для поруганія“ (Записки Держав., 466). Въ честь-же гр. Потоцкаго была написана громкая ода (Р. Арх., 1869 г., стр. 1377—1380), авторъ которой говорилъ, обращаясь къ „приказному роду, гнилому въ корню“, что не онъ защищалъ, спасалъ и возвеличивалъ Россію, а дворяне. Въ этой одѣ находится и слѣдующая выходка противъ Сперанскаго, начинавшая уже тогда обращать на себя вниманіе —

„Тебѣ-ль изъ праха извлеченну,
 Тебѣ-ль, нисецъ, чернильный вранъ,
 Забывъ породу униженну,
 Судить о жребіи дворянъ, —
 Дворянъ — отечества подиоры!
 Страшисъ теперь возвестъ къ намъ взоры!
 Падешъ съ наружной высоты,
 Презрѣнъемъ общимъ наградишья,

Съ толюю подлюю смѣшшсья
И будешь червь ползуцій ты!..“

Независимо отъ сословныхъ и корпоративныхъ интересовъ, реакціонная оппозиція мотивировалась еще и чисто-личными расчетами. Люди стараго поворя на всѣхъ ступеняхъ государственной іерархіи оттѣснялись на задній планъ людьми образованными сообразно съ духомъ времени. Какіе-нибудь Балашovy и „безъ дести преданные“ Аракчеевы никогда не могли достигнуть того, чего хотѣли, если рядомъ съ ними, или даже впереди ихъ стояли Строгановы и Сперанскіе. То-же самое было и въ болѣе низкихъ правительственныхъ сферахъ. Но самымъ сильнымъ мотивомъ реакціоннаго недовольства былъ, какъ и всегда, крестьянскій вопросъ, возбуждавшій негодованіе и страхъ какъ въ помѣщикахъ, такъ и въ бюрократіи, для которой существованіе крѣпостнаго права было очень выгодно. Каждая правительственная мѣра, напоминавшая о завѣтной мечтѣ императора, производила переполохъ въ обществѣ, какъ, напр., упомянутый уже нами законъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ, который, по объясненію „великаго“ поэта и крѣпостника Державина, „выдумалъ Румяновъ изъ подлой трусости угодить государю, стакнувшись напередъ съ яacobинскою шайкою Чарторижскихъ, Новосильцовыхъ и прочихъ“ (Записки, 485). Достаточно было государю въ рѣчи при открытіи варшавскаго сейма наметнуть о своемъ желаніи ввести свободныя учрежденія во всей имперіи, чтобы взволновать все общество страхомъ предстоявшаго будто-бы освобожденія крестьянъ. „Вамъ, писалъ Сперанскій Столыпину, — безъ сомнѣнія извѣстны всѣ припадки страха и унынія, коими поражены умы московскихъ жителей варшавскою рѣчью. Припадки сіи, увеличенные разстояніемъ, проникли и сюда (въ Пензу). И хотя теперь все здѣсь спокойно, но за спокойствіе сіе ручаться невозможно... Опасность состоитъ именно въ семъ страхѣ, который теперь вездѣ разливается... Если помѣщики ничего болѣе въ сей рѣчи не видятъ, какъ свободу крестьянъ, то какъ можно требовать, чтобы народъ простой могъ что-либо другое тутъ видѣть!.. Что за симъ слѣдуетъ, вообразить ужасно; но всякому понятно“ (Р. Арх., 1869, 1697). Такимъ образомъ, боялись не только освобожденія крестьянъ, но и того фантастическаго возстанія ихъ, которое будто-бы должна была повлечь за собою эманци-

нація. Мистическое унастроение общества было хорошою почвой для подобныхъ нелѣпныхъ страховъ. Типомъ тогдашняго крѣпостника, постоянно раздраженнаго и озлобленнаго на нарушенія его „священныхъ правъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно боявшагося какъ освобожденія крестьянъ, такъ и ихъ предполагаемаго возстанія, можетъ служить извѣстный гр. Дмитріевъ-Мамоновъ, у котораго упомянутое душевное состояніе перешло въ сумасшествіе. Этотъ Мамоновъ, по поводу возникшаго дѣда объ его жестокостяхъ, писалъ московскому генералъ-губернатору: „крѣпостныхъ людей, которые у меня въ домѣ, я не перестану наказывать тѣлесно, когда, по усмотрѣнію моему, окажутся они того достойными, ибо право наказывать крѣпостныхъ людей палками неразрывно сопряжено съ политическимъ и частнымъ домостроительствомъ русскаго государства и это право передано намъ отъ предковъ нашихъ... Что-же касается до мѣщанина Афанасьева, то я скажу вамъ, м. г., что я подобныхъ ему мѣщанъ никогда иначе и не наказываю, какъ палками и плетьюми и сажаніемъ въ колодки и кандалы въ страхъ и въ обузданіе наглецамъ“... Наказаніе Дмитріевъ-Мамоновъ считаетъ „политическимъ правиломъ, особливо касающимся до выгодъ и до правъ русскаго дворянъ и до ихъ личной безопасности въ домахъ ихъ и въ деревняхъ“. Занятый постоянно мыслью объ этой „личной безопасности“, онъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ жилъ въ своемъ имѣніи совершеннымъ невидимкою, прятался отъ всѣхъ, даже отъ прислуги; кушанье и платье ему приносили и оставляли въ пустой комнатѣ. Днемъ онъ составлялъ чертежи и планы каменныхъ укрѣпленій, которыя онъ затѣялъ въ своемъ имѣніи ради той-же „личной безопасности“, а ночью, когда всѣ спали, ходилъ осматривать работы (Р. Арх., 1867, 962—968).

Реакція, возбуждаемая нарушеніемъ сословныхъ и личныхъ интересовъ, находила себѣ удобную почву, которая, обладая внѣшнимъ лоскомъ европейскаго образованія, составляла, по справедливому замѣчанію г-жи Сталь, такую сферу, въ которой „нельзя ничему научиться, нельзя развивать своихъ способностей и въ которой люди не приобрѣтаютъ никакой способности ни къ умственному труду, ни къ дѣламъ... Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какомъ-нибудь серьезномъ разговорѣ и въ такомъ обществѣ образованіе ни къ чему не требуется. У націи есть энергія и ве-

личіе, но порядка и образованности часто еще не достаетъ и въ правительствѣ и въ частной жизни“. Сталь удивляется, что всѣ дворяне служатъ и ихъ образованіе кончается обыкновенно въ пятнадцать лѣтъ. Образовательныя средства были скудны, да и тѣми пользовались немногіе. „Университеты, писалъ въ 1804 г. Евгений Болховитиновъ,—едва дышатъ; ни учить, ни учиться некому. У насъ въ модѣ записывать дѣтей въ службу съ 15 лѣтъ, а университетскій курсъ самъ по себѣ требуетъ лѣтъ 10 продолженія (т.-е. съ приговорительнымъ ученьемъ). Кто-же будетъ дожидаться конца его“ (Шпц.; Р. Арх., 1870, 838). Русская литература того времени, находившаяся еще въ пеленкахъ, не могла давать обществу никакого серьезнаго образованія, да и сами представители ея мало чѣмъ возвышались надъ уровнемъ окружавшаго ихъ общества. Мы увидимъ ниже, напр., какъ низко по своему развитію стоялъ Карамзинъ. Въ массѣ тогдашнихъ писателей мы не видимъ ни солиднаго образованія, ни какой-бы то ни было серьезной общественной жизни. Писатели новой школы, боровшейся съ Шишковымъ и К°, какъ извѣстно, составили шутовское общество „Арзамасъ“ и посвящали ему значительную часть своего времени, забавляясь въ немъ игрой въ остроуміе, смѣшными фарсами, безцѣльнымъ литературнымъ гаерствомъ да пожираніемъ арзамасскихъ гусей, заливаемыхъ шампанскимъ. Карамзинъ былъ полнымъ ихъ авторитетомъ. Генераль Орловъ, вступившій въ „Арзамасъ“ членомъ, „произнесъ серьезную рѣчь, въ которой онъ указывалъ обществу, какъ недостойно умныхъ людей заниматься пустяками и литературными перебранками“, рассказываетъ Тургеневъ. Онъ заклиналъ своихъ новыхъ собратій оставить ихъ ребяческія забавы и обратиться къ предметамъ серьезнымъ. Эта рѣчь произвела впечатлѣніе“. Но „обратиться къ предметамъ серьезнымъ“ арзамасцы были не въ силахъ и, говоритъ другой ихъ современникъ, Вигель, „Арзамасъ тихо, непримѣтно заснулъ вѣчнымъ сномъ“.

III.

Масса общества была такъ пуста и безсодержательна, что г-жа Сталь, говоря о нетвердости его принциповъ, которые „не установились хорошенько въ головахъ русскихъ“, и о всегдашнемъ сильномъ вліяніи правительства на направленіе умовъ, замѣчаетъ, что „съ переменной царствованія могутъ переимѣниться всѣ понятія обо всѣхъ предметахъ“. Умная наблюдательница нисколько не ошиблась въ этомъ отношеніи, но переменна понятій послѣдовала въ легкомысленной массѣ общества еще до наступленія новаго царствованія. Всѣ реакціонныя европейскія движенія проникали къ намъ и находили для себя отличную почву въ русскомъ барствѣ. Иезуиты начинали хозяйничать у насъ, какъ дома, и одинъ изъ даровитѣйшихъ и самыхъ фанатическихъ апостоловъ реакціи, Жозефъ де-Местръ, былъ оракуломъ многихъ петербургскихъ салоновъ. Бары и барыни переходили въ католичество, увлекались всевозможными мистическими шарлатанствами, составляли, подобно Татариновой, даже хлыстовскія общества. Во всѣхъ этихъ проявленіяхъ вѣялъ духъ самого закоренѣлаго обскурантизма, поддерживаемый сверхъ того сильнымъ вліяніемъ французскихъ эмигрантовъ, выгнанныхъ съ родины великимъ переворотомъ и слѣдившихъ въ распростертыя объятія нашего гостепріимнаго барства. Между эмигрантами были и люди хорошо образованные, люди, дышавшіе злобою дней своихъ, но масса ихъ принадлежала къ старому порядку. „Эти маркизы и жентильомы доброй старой Франціи, говоритъ историкъ русскаго дворянства, — которымъ не по сердцу приплась молодая, возрожденная великими принципами 1789 года Франція, толпами нахлынули въ Россію и въ салонахъ петербургскаго барства нашли себѣ прілежнѣйшихъ адептовъ. Легитимистская эмиграція была сильна не только принципами, но и количественно; императоръ Павелъ въ 1797 г. принялъ въ свою службу цѣлый корпусъ принца Конде, состоявшій изъ трехъ полковъ пѣхоты, двухъ конницы и артиллеріи. Эти полки, изъ которыхъ нѣкоторые состояли изъ однихъ жентильомовъ самыхъ аристократическихъ фамилій, опол-

чавшихся на защиту великихъ принциповъ ancien regime'a въ чужой странѣ, эти полки, шефами которыхъ были принцъ Конде, герцогъ Бурбонъ, Гогенло, Дюкъ де-Берри, Дюкъ д'Энгіенъ, расквартированы были во Владимірѣ, Луцеѣ, Ковелѣ и разносили по русской землѣ феодальныя и кастическія воззрѣнія стариннаго французскаго дворянства, противъ которыхъ возстала въ 1789 г. вся французская земля". Подъ вліяніемъ этой эмиграціи наша аристократія вырабатывала окончательно свой типъ (Р. Славятинскій, 67). Крѣпостное право и дворянская грамота получали новыя доказательства своей священности изъ устъ компетентныхъ софистовъ въ родѣ де-Местра, который убѣждалъ правительство поддерживать всѣми силами патріархальный строй русской жизни, ограничить образованіе и литературу, запретить преподаваніе естественныхъ наукъ и т. д. Эмигранты много содѣйствовали теоретическому выясненію и формулированію мыслей нашихъ крѣпостниковъ и другихъ ретроградовъ. Тѣ-же эмигранты главнымъ образомъ распространяли въ обществѣ самыя превратныя понятія о великихъ событіяхъ конца XVIII вѣка и пускали въ ходъ ту систему занугиванья политическими призраками, которая принесла столь горькіе плоды во всѣхъ европейскихъ странахъ послѣ 1815 года. Во всѣхъ проявленіяхъ прогрессивной мысли, во всѣхъ честныхъ стремленіяхъ, шедшихъ въ разрѣзъ съ ихъ средневѣковыми предрасудками и кастальными интересами, эти апостолы реакціи указывали приближеніе всеобщей революціонной бури, сочиняя чудовищныя мифы о проискахъ иллюминатовъ, о комплотахъ якобинцевъ, о всемірномъ революціонномъ заговорѣ, имѣющемъ цѣлью „ниспроверженіе алтарей и троновъ." Послѣ 1815 г. эта пропаганда еще болѣе усилилась подѣ вліяніемъ Меттерниха и другихъ дѣятелей всеобщей европейской реакціи.

Умственное убожество и путаница понятій въ тогдашнемъ обществѣ простирались до того, что тѣ-же самыя люди, которые подчинялись вліянію іезуитовъ и легитимистскихъ реакціонеровъ, слѣдовательно вліянію европейцевъ и преимущественно французовъ, тѣ-же самыя люди мирили свое умонастроеніе съ самыми пелѣпными славянофильскими увлеченіями, съ самою слѣпою ненавистью ко всему иностранному. Славянофильство еще при Екатерины въ-

студало въ качествѣ ретроградной доктрины, которая во имя ложно понятаго принципа народности, во имя кваснаго патриотизма, начала противодѣйствовать вліянію „французской заразы,“ какъ выражались тогда. Блестящая военная исторія екатерининскаго времени значительно усилила этотъ патриотизмъ, который такъ рельефно выразился въ наныщенныхъ одахъ Державина и К^о. Неудачи нашихъ военныхъ столбовеній съ Наполеономъ и завоевательныя намѣренія послѣдняго еще задолго до 1812 г. развили въ обществѣ сильную ненависть къ Франціи. Неудачныя войны, еще болѣе неудачный тильзитскій миръ „на Петербургъ, на Москву, на всѣ тѣ мѣста, коихъ просвѣщеніе наиболѣе коснулось, произвели самое грустное впечатлѣніе: тамъ знали, что союзъ съ Наполеономъ ничто иное, какъ признаніе его надъ собою власти“ (Вигель; Богдан., II, 313). Эта патриотическая неприязнь къ французамъ поддерживалась и литературой и правительствомъ. Ив. Дмитріевъ рассказываетъ, напр., какъ въ 1806 г. губернаторамъ предписывалось подъ рукою убѣждать дворянъ въ необходимости земскаго войска; всюду были разосланы сенаторы для возбужденія въ дворянскихъ собраніяхъ патриотическихъ чувствъ и довѣрія къ правительству (Взглядъ на свою жизнь, 153). Но и независимо отъ этого, патриотическій энтузіазмъ и фанатическая ненависть къ французамъ росли все болѣе и болѣе по мѣрѣ приближенія грозы 1812 г. Ужасныя бѣдствія, предшествовавшія этой эпохѣ, — голодъ, страшные пожары, превратившіе въ пепелъ множество городовъ, появленіе кометы, преувеличенные слухи о грозящемъ нашествіи „двадцати народовъ,“ слухи о намѣреніи Наполеона освободить русскихъ крестьянъ, мифъ о Наполеонѣ, какъ объ антихристѣ, — все это повергало страну въ хаосъ всевозможныхъ страховъ, всеобщей подозрительности, патриотическаго одушевленія и самой необузданной ненависти къ иностранцамъ. Патриоты постоянно твердили вмѣстѣ съ Лопухинымъ, что „главное искусство російской политики должно состоять въ томъ, чтобы сколь возможно не только меньше зависѣть отъ Европы, но и меньше связей съ нею имѣть, какъ политическими сношеніями, такъ и нравственными. Подъ именемъ послѣднихъ разумѣю я обычаи, коихъ заразительная гнидость сѣждаетъ древнее здравіе душъ и тѣлъ російскихъ“ (Записки

153). Съ особенною яростью нападали на галломанію Ростовчинъ, Шишковъ и Глинка, выставяя вредъ французскаго воспитанія, издѣваясь надъ французскими модами и обычаями, доказывая нравственное и умственное превосходство русскаго народа надъ европейцами во всѣхъ отношеніяхъ, преклоняясь передъ нимъ, какъ передъ „избранникомъ божіимъ и сосудомъ его благодати,“ приравнивая мнѣнія боярина Матвѣева къ философіи Локка, а Кормчую къ Солону, Шатобриану и Монтескья. До какихъ нечестностей доходилъ, напр., Шишковъ, можно видѣть изъ слѣдующаго его письма, писаннаго въ 1813 г. „Вы знаете, какъ господа „Вѣстники“ и „Меркуріи“ противъ меня возставали... Они упрекали меня, что я хочу испровергнуть просвѣщеніе и всѣхъ обратить въ невѣжество. Тогда они могли такъ вопіять, надѣясь на великое число зараженныхъ симъ духомъ, и тогда я долженъ былъ поневолѣ воздерживаться, но теперь я бы *ткнулъ ихъ носомъ въ пепелъ Москвы* и громко имъ сказалъ—*вотъ чего вы хотѣли!*“ Такимъ образомъ, журналисты, издѣвавшіеся надъ невѣжествомъ филологическимъ патріотизмомъ Шихкова, желавшаго сдѣлать литературнымъ и разговорнымъ языкомъ испорченное имъ церковнославянское нарѣчіе,—хотѣли сожженія Москвы!.. Этимъ патріотическимъ умонастроеніемъ пользовались для борьбы противъ всѣхъ реформъ и нововведеній. Такъ, напр., Трощинскій, разсматривавшій проектъ гражданскаго уложенія Сперанскаго и найдя сходство его съ кодексомъ Наполеона, видитъ въ этомъ величайшую опасность для Россіи, опасность „гибельныхъ переворотовъ французскаго королевства!..“ „Не постигаю, какъ можно заимствоваться намъ законами *отъ ужасной революціонной пропаганды!* Какъ можетъ ревнительный россіянинъ почитать себя счастливымъ, учреждаясь въ кругу ближнихъ своихъ сообразно съ духомъ *безбожнѣйшаго властелина!* Какъ можетъ отецъ семейства, священникъ, дворянинъ, купецъ, мѣщанинъ, поселянинъ, какъ онъ можетъ любить сіи законы, когда приведетъ себя на память неслыханное звѣрство и пренебреженіе всего святѣйшаго, которыя совершились въ его отечествѣ, въ его селеніи, въ его домѣ, въ его глазахъ, въ его церкви и самомъ алтарѣ, совершились, какъ слѣдствія лютыхъ намѣреній Бонапарта, который стремился повсюду искоренить законную власть и древнюю вѣру!“

Нѣтъ сомнѣнія, что у многихъ эта галлофобія была совершенно искреннею, но зато у нѣкоторыхъ представителей ея она имѣла въ себѣ много напускнаго лицемѣрія. Ростовчинъ, напр., столь извѣстный у насъ за самаго русскаго, по замѣчанію Морошкина, „будучи ярымъ ненавистникомъ всего французскаго, въ то-же время поощрялъ худшую форму галломаніи и писалъ панегирики іезуитскому пансіону аббата Никола“ (Р. Арх. 1871, 178; Пыпинъ; Морошкинъ, Іезуиты, II, 112 и др.).

С. Шашковъ.

(Продолженіе будетъ.)

У Т Ъ Ш Е Н І Е.

Иди, повуда хватить силы;
Устанешь—сядь и отдыхай,
Своей судьбы не проклинай—
И хладнокровно жди могилы.

Смотри отъ скуки на дорогу:
Тревожной жизни гамъ и шумъ
Разгонять рой тяжелыхъ думъ
И грусть разсѣять понемногу.

Тѣхъ, кто отважнѣй и моложе,
За взглядъ надменный не клани
И пожалѣй ихъ, что они
Когда-нибудь устануть тоже.

А. Ш.

ОСЕННЯЯ ПѢСНЯ.

Пусть все, что въ сердцѣ наболѣло,
Забывъ мертвящій рабскій страхъ,
Потокомъ бурнымъ льется смѣло
Въ проклятыя, крикахъ и слезахъ.

Но только въ сукѣ полусонной
Не дай мнѣ, Господи, уснуть,
И ядомъ желчи затаенной
Не отравляй больную грудь.

А. Ш.

ПОХОЖДЕНІЯ СЕМИНАРИСТА ХЛОПОВА.

ПОЭМА.

(Подражаніе Гоголю.)

V.

Разставшись съ о. Николаемъ, Хлоповъ пошелъ на свою квартиру и, конечно, сталъ раздумывать о случившемся. Прежде всего онъ вспомнилъ этотъ оглушительный и продолжительный хохоть Богослова. — Вѣдь надо мной онъ смѣялся? бормоталъ Хлоповъ, — а что я сдѣлалъ худого? Пришелъ, поздоровался, сѣлъ, — все, какъ слѣдуетъ. Только эта проклятая трусость немножко подкузьмила! Господи Іисусе, какъ-будто въ первый разъ водить знакомство съ хорошими людьми!.. Видишь, какіе всѣ они добрые... Ну, а этотъ долговязый чего разхорохорился? Помню тебя, голубчика, когда ты учился въ богословіи! Помню, какъ ты хваталъ за чубы риторовъ и гонялъ изъ семинаріи булошниковъ, если они не дадутъ тебѣ булокъ! Ну, тогда и былъ ты старшимъ коридорнымъ, а теперь что? — Ты женихъ... да вѣдь и я женихъ!.. ей-Богу-съ! Чего-же я струсилъ? Вотъ-бы хватить тебѣ прямо въ глаза: дуракъ, молъ, ты! да плюнуть въ придачу! да такъ отщелкать... на обѣ скулы! т. е. не-то, чтобы отщелкать, — въ гостяхъ этого нельзя... но постой, любезный другъ, я припомню тебѣ это! Попадешься ты мнѣ въ косомъ переулкѣ, долговязый медвѣдь!..

Чѣмъ больше разсуждалъ Хлоповъ, тѣмъ громче раздавался

его голосъ, тѣмъ больше морщился лобъ, шурлились глаза, сжимались кулаки. Онъ былъ зло сердить на Богослова! Но вдругъ ему вспомнилась Вѣра Николаевна, этотъ серафимъ, который шепнулъ ему въ сѣняхъ: „приходите-же завтра“, и сердце его начало оттаивать. Бурная злоба замѣнилась тихой грустію, опасеніемъ, что никогда не будетъ принадлежать ему серафимъ. Однако „приходите завтра“, — вѣдь это что-нибудь значить! Можетъ-быть... а?... — Эхъ, кабы она пошла за меня! Вотъ-бы зажили!.. Домъ этакой славный, въ горницахъ зеркала, картины; у дома садъ, въ саду липа, калина, малина, сморода... этакія дорожки, а въ серединѣ бесѣдка, а въ бесѣдкѣ сидитъ Вѣра Николаевна, а рядомъ съ ней я, чортъ возьми! Масляница! Кажись, съ утра до вечера все просидѣли-бы рядомъ... Да-гдѣ? Этотъ проклятый медвѣдь не дастъ совершиться такому счастью!

Очень сумрачнымъ пришелъ Хлоповъ на квартиру и, почти не раздвѣаясь, легъ спать. Онъ любилъ „засыпать свое горе“, потому-ли, что былъ любителемъ сна, съ дѣтства навѣяннаго на него монотоннымъ чтеніемъ церковной печати, латынью и т. п., или потому, что имѣлъ слабую натуру. Дьяконъ хотѣлъ-было узнать отъ него о результатѣ свиданія, но, ничего не добившись, въ свою очередь тоже понурилъ голову.—Вѣдь нынче такое дорогое содержаніе! Фунтъ говядины пятакъ...

— Вамъ надо укутаться? спросила Хлопова Маша, высунувшись въ дверь.

— Не надо! Не пускай, Маша, сюда ребятешекъ!

Въ голосѣ Хлопова слышалась грустная нотка. За эту грустную нотку Маша непремѣнно хотѣла укутать его и принесла-таки одѣяло.

— Какія у тебя, Маша, тоненькія ноги! сказалъ Хлоповъ.

— Тоненькія?... А хотите булки съ молокомъ? Вѣдь вы не обѣдали сегодня...

— Не хочу! Не до булокъ мнѣ...

Однако чрезъ минуту Маша принесла ломоть булки и стабанъ молока.

— Я не сказывала папѣ, что вамъ ѣсть понесла, прошептала она.—Вы вѣдь бѣдный... Мы съ папой смотрѣли въ вашемъ кошелѣ... Тамъ одна рубашка изорвана; такъ я ушила ее. Вы не сердитесь? лепетала дѣвочка, стоя у самаго изголовья Хлопова.

Хлоповъ схватилъ ея тощую руку повыше кисти и сжалъ. Дѣвочка вырвалась и убѣжала. Эта сцена, эта булка съ молокомъ развлекли Хлопова. Онъ снова уложился спать уже въ лучшемъ расположеніи духа. Еще разъ подумалъ о сегодняшнемъ свиданіи, еще разъ рѣшилъ, что завтра не будетъ такимъ вах-лакомъ и толкомъ поговорить съ о. Николаемъ, а равно и съ Вѣрой Николаевной. Въ головѣ его мелькала надежда, этотъ „сладкій удѣлъ“ человѣка.

На другой день, послѣ обѣда, Хлоповъ отправился въ путь. На дорогу онъ взялъ Машину руку, якобы счастливую. Рука, дѣйствительно, не измѣнила ему.

У о. Бѣлавина встрѣтила его, какъ и вчера, Вѣра Николаевна. Сегодня она была въ другомъ платьѣ со множествомъ сборокъ и разныхъ финтифлюшекъ. Папаша и мамаша въ это время спали. Они всегда спали послѣ обѣда. Для мамашы исключеніе было только тогда, когда она уходила въ гости къ сосѣдней купчихѣ; но за-то папаша спалъ иногда и до обѣда. Вѣра Николаевна любезно сказала гостю, что его „съ нетерпѣніемъ ждали“, упомянула о пріятности вчерашняго вечера, сказала, что Богослововъ еще долго сидѣлъ послѣ него, Хлопова, но такой сумрачный сидѣлъ, что мамаша даже не могла заставить его сыграть пульку въ преферансъ, хотя они, т. е. мамаша, папаша, Богослововъ и она, Вѣра Николаевна, каждый вечеръ играли въ преферансъ. Вѣра Николаевна говорила все это очень весело и съ небольшими гримасками. Повременамъ она хлопала своей маленькой ладонью по фуражкѣ Хлопова, лежавшей на столѣ, и почти постоянно болтала ногой. Хлоповъ съ своей стороны велъ себя прилично и, хотя не безъ робости, но все-же толково отвѣчалъ на вопросы и даже слегка возражалъ, даже выказалъ нѣкоторое остроуміе, т. е. не то, что остроуміе, а скорѣе востроуміе, но это почти одно и то-же. Видно было, что Вѣра Николаевна съ удовольствіемъ смѣялась.

— А вы долго обучались наукамъ? спросила она, истощивъ другіе сюжеты.

— Четырнадцать лѣтъ. Хотя полный курсъ у насъ только 12 лѣтъ, но рѣдко такъ кончаютъ. Инне учатся 16, 18 лѣтъ... вотъ намучатся-то! воскликнулъ Хлоповъ и засмѣялся, считая послѣднюю фразу тоже востроуміемъ.

- А какія науки у васъ изучаютъ?
 — Всякія!
 — Какія всякія?
 — Катихизисъ, арифметика, математика... всякія науки!
 — И вы знаете всё?
 — Не-то, чтобы всё, а знаю!
 — А какую, наприѣръ, знаете?
 — Да вамъ на что это?
 — Такъ! хочется знать.
 — Да всякія знаю... конечно, теперь позабылъ.
 — А какую не забыли?
 — Не скажу...
 — А, видно всё забыли?

Хлоповъ завертѣлся на стулѣ.

— Нѣтъ, не всё... только я забылъ ужь!.. Вотъ прежде математику хорошо зналъ,—лучше всѣхъ въ нашемъ классѣ. Меня и учитель за это любилъ!

— Матиматику? А это какая такая?

— Да вотъ такая! Разныя фигурки рисуютъ... Однако по ней можно измѣрить какое-угодно разстояніе или высоту. Примѣрно, это колокольня,—Хлоповъ указалъ въ окно, въ которомъ виднѣлась колокольня,—я не знаю высоты ея, но если захочу,—сейчасъ смѣрю ея... сидя на мѣстѣ!

— Какъ это? съ любопытствомъ спросила Вѣра Николаевна.

— Да вотъ такъ! Хлоповъ подумалъ.—Хотите, покажу?

— Пожалуйста, покажите! вострепнулась она, вскочила съ мѣста и захлопала въ ладони, потомъ немного подумала и сказала:—только смотрите, если не выйдетъ!.. она погрозила пальчикомъ.

Этотъ пальчикъ окончательно сразилъ Хлопова.

— Головой ручаюсь, что выйдетъ! самонадѣянно отвѣтилъ онъ, вставая съ мѣста.—Только для этого опыта надо нитки, аршинъ, палочку... двѣ палочки, ну тамъ какія-нибудь линейки, потомъ надо карандашъ и бумагу... впрочемъ, у меня есть карандашъ и бумага.

— Сейчасъ все будетъ готово! воскликнула Вѣра Николаевна и шумно побѣжала изъ зала, но въ дверяхъ остановилась и шопотомъ прибавила:—не шумите, а-то папаша и мамаша разбудятся.

Черезъ минуту предъ Хлоповымъ лежали двѣ толстыя лучины, линейка, аршинъ, мотокъ нитокъ и все, какъ слѣдуетъ. Хлоповъ поставилъ два стула на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого и сталъ натягивать нитку. Дѣло было весьма хлопотливое. Много разъ онъ приклонялся къ полу, прищуривалъ одинъ глазъ и смотрѣлъ другимъ на крестикъ колокольни, потомъ мѣрялъ что-то аршиномъ, чертилъ на бумагѣ... Вѣра Николаевна во все это время смирно стояла въ сторонѣ и смотрѣла на дѣянія Хлопова. Послѣдній, наконецъ, сѣлъ за столъ и долго писалъ цифры на бумагѣ.

— Двѣ сажени и пять верховъ! громко сказалъ онъ, поднимая голову.

— Что? спросила Вѣра Николаевна.

— Двѣ сажени и пять верховъ!

— Колокольня-то?

— Да-да...

— Хи-хи-хи! рассыпалась Вѣра Николаевна.— Колокольня 25 сажень, а вы говорите—двѣ!..

— По расчетамъ такъ выходитъ! смущенно отвѣтилъ Хлоповъ, глядя на бумагу.

Вѣра Николаевна захлопала руками и еще пуще захохотала.

— Надъ чѣмъ вы такъ смѣетесь? неожиданно раздался сзади громкій голосъ Богословова. Вѣра Николаевна вздрогнула и оглянулась.

— Ахъ, какъ вы меня фрашировали! сказала она, оттопыривъ свои губки.

— Извините, пожалуйста: я безъ всякаго намѣренія словъ взялъ руку Вѣры Николаевны и приложилъ ее къ сердцу. Вѣра Николаевна...
руку и про...

потомъ чай. Словомъ, все шло, какъ вчера. Только хозяйка пристальнѣе всматривалась въ Хлопова, только Хлоповъ, внутренно плюнувъ на бумагу и цифры, велъ себя развязнѣе и Богослововъ старался поддѣхать его, спутать въ разговорахъ. Увы, онъ видѣлъ хорошо, что Вѣра Николаевна больше симпатизируетъ новому жениху, чѣмъ ему. Старался онъ и невниманіемъ къ ней обратить ее на прежній путь любви, старался и грубостію смягчить ея сердце, но все напрасно!

Послѣ чаю матушка предложила сыграть въ преферансъ по двадцатой. Надо сказать, что она была большая любительница до преферанса, ералаша и бостона, а въ кругу своей семьи не отказывалась сыграть и въ мельники, или въ московскіе дураки. Въ зимнее время она всѣ вечера высиживала за зеленымъ столомъ, т. е. за березовымъ столомъ, покрытымъ черной клеенкой. Съ гостями она играла непремѣнно на деньги и всегда была довольна, если выигрывала 20 коп. „Это для меня высшее наслажденіе выигрывать нѣсколько копѣекъ, говорила она;—много я не желаю выигрывать съ знакомыхъ, а проиграть тоже не хочется“. Ну, конечно, въ мысляхъ ея были сильныя поползновенія къ выигрышу полтинниковъ и рублей;—по крайней мѣрѣ, послѣ такого выигрыша она была очень любезна и всѣмъ гостямъ дѣлала масляные глазки.

— Надѣюсь, вы, Степанъ Сидоровичъ, составите партію? сказала она на этотъ разъ Богословову.

— Напрасно надѣветесь! отвѣтилъ онъ.—У меня дѣла; тотчасъ надо ѣхать.

— Какія тутъ дѣла? Нечего: оставайтесь-ка!

— Не могу, не могу! упрямо говорилъ онъ.

— Жалко... А вы, Сосипатръ Петровичъ, играете въ преферансъ?

Вѣра Николаевна быстро взглянула на него и вытянула свое личико.

— Да, умѣю играть, скромно отвѣтилъ Хлоповъ.

Личико Вѣры Николаевны разъяснилось.

— А на деньги будете играть? Я не люблю на пустую!

Хлоповъ замѣтно стѣснился, однако отвѣтилъ:—да, буду и на деньги. Только съ собой нѣтъ у меня, а завтра я заплачу.

— Да и дома поди нѣтъ! вполголоса замѣтилъ Богослововъ, но

такъ, что его могла слышать Вѣра Николаевна. Она сердито взглянула на него и тотчасъ отвернулась.

Хозяйка стала хлопотать около карточного стола. Богослововъ взялъ картузъ и небрежно раскланялся съ ней, потомъ съ о. Николаемъ и Вѣрой Николаевной. На Хлопова онъ даже не взглянулъ.

Сѣли за карты. Хлоповъ былъ развязенъ, потому-что не долженъ былъ искать матеріаловъ для разговора; игра представляла для этого богатый матеріалъ. Къ тому-же матушка находила его отличнымъ игрокомъ, ибо онъ всегда уступалъ ей привуцъ, хотя-бы на рукахъ у него было цѣлыхъ восемь.—Матушка говорить:—разъ куплю; онъ отвѣчаетъ:—два куплю; матушка говорить:—три... ну, будьте добры, отпустите! Онъ съ готовностію отпускаетъ. Заглянеть случайно въ его карты Вѣра Николаевна и съ удивленіемъ скажетъ:—ахъ, Боже, у васъ игра восемь!—Нѣтъ, опасно, Вѣра Николаевна! отвѣтитъ Хлоповъ.

Послѣ этого вечера онъ каждоднѣвно посѣщалъ семейство Бѣлавиныхъ, игралъ въ карты у нихъ, пилъ чай, разговаривалъ. За-то Богослововъ что-то пересталъ къ нимъ ходить. Это Хлопову было на руку. Только матушка подчасъ высказывала сожалѣніе, что Степанъ Сидоровичъ забылъ ихъ теперь.

— Господинъ Богослововъ совсѣмъ не забылъ насъ! отвѣтила однажды Вѣра Николаевна.—Онъ куражится,—думаетъ, что о немъ всѣ такъ и плачутъ. Вѣроятно, ждетъ отъ насъ курьера! Я знаю его...

— Цыцъ! вполголоса сказала мать и строго взглянула на нее.

На другой или на третій день послѣ этого Хлоповъ пришелъ къ Бѣлавинымъ во время послѣобѣденнаго отдыха хозяевъ. Въ такое время онъ пришелъ къ нимъ въ первый разъ послѣ достопамятнаго измѣренія колокольни. Какъ и тогда, дверь отперла ему сама Вѣра Николаевна.

— Не шумите,—спать! тотчасъ прошептала она, приставивъ къ носу палецъ.

Хлоповъ поднялся на цыпочки и тиге воды потекъ за Вѣрой Николаевной. Въ залѣ она оглядѣлась и вынула изъ кармана какое-то письмо.

— Знаете—отъ кого? спросила она Хлопова.

Хлоповъ покачалъ головой и заглянулъ въ письмо. На сердцѣ его натянулись всѣ струны.

— Нѣтъ, вы не заглядывайте! сказала Вѣра Николаевна. — Вы такъ отгадайте!.. Что, не знаете? Это отъ него. Самъ принесъ, подаль мнѣ въ дверяхъ и ушелъ. Такой сумрачный... и не посмотрѣлъ на меня! Я только успѣла прочитать, — вы идете...

— Кто-же это однако? спросилъ Хлоповъ.

— Да онъ! Степанъ Сидоровичъ. На-те, читайте!

Хлоповъ дрожащими руками взялъ письмо и прочиталъ слѣдующее. —

Жестокая и ненавистная сердцу моему

Вѣра Николаевна!

Вы разбили мою жизнь, и безъ того весьма горемычную! Было время, когда я молился на Васъ, о, мой божественный кумиръ! Теперь я ненавижу тебя, потому-что изъ-за тебя я долженъ сойти съ ума. Ну, скажите, не грѣшно-ли измѣнить такой пламенной любви для какаго-нибудь Хлопова, ягодскаго прощальги, который живетъ здѣсь изъ милости у леонтьевского дьякона? Я хорошо знаю его. Когда онъ еще учился въ училищѣ, разъ инспекторъ похваталъ его съ кошелемъ, съ которымъ онъ ходилъ подъ окнами, за что и выпороли подъ колокольчикомъ. Это мнѣ навѣрное сказывалъ пріятель его Духоборовъ. Онъ-же, сирѣчь Вашъ любезный Хлоповъ, еще очень недавно укралъ топоръ въ Турундаевѣ, за что и сидѣлъ при полиціи два дня. Я могъ бы много собирать такихъ фактовъ, но для чего все это, если не хочу имѣть съ Вами никакого дѣла?.. О, моя злосчастная жизнь! О, коварная измѣнница! Я все еще люблю тебя! Возврати-же мнѣ свою любовь! Отвѣтъ пошлите сегодня-же съ кухаркой. Въ противномъ случаѣ я завтра выѣзжаю изъ города и даже не отвѣчаю за жизнь.

Сжигаемый пламенемъ любви, несчастный

Ст. Сид. Богослововъ.

Хлоповъ молча подаль письмо Вѣрѣ Николаевнѣ и устремилъ глаза на носокъ своего сапога.

— Вотъ вѣдь какой хитрый! сказала Вѣра Николаевна. — Онъ все это штуки подводить... Мы знаемъ его!..

— Я топора не воровалъ, Вѣра Николаевна, ей-Богу не воровалъ! проговорилъ Хлоповъ. — Мы только такъ... пошутили...

— Да это онъ вретъ все! Вы ему не вѣрьте! Хотите, я сейчасъ изорву его письмо? Вотъ такъ, вотъ такъ...

И Вѣра Николаевна въ клочки изорвала несчастное письмо.

— Я знаю, что вы лучше его, и потому—больше вѣрю вамъ! сказала при этомъ она.

Хлоповъ благодарными глазами взглянулъ на нее и отвернулся. Вѣки его немного дрожали. Онъ прошелся раза два по комнатѣ и снова остановился предъ Вѣрой Николаевной, все еще раввшей и безъ того мелкіе клочки письма.

— А вы пойдете за-мужъ за меня, если я посватаюсь? дрожащимъ голосомъ спросилъ онъ ее.

Вѣра Николаевна смутилась и въ первую минуту ничего не отвѣтила.

— Я не знаю; какъ мамаша велитъ, прошептала она потомъ и убѣжала въ гостиную.

Хлоповъ остался на мѣстѣ. Онъ не зналъ, вѣрить-ли ему своему счастью? Онъ готовъ былъ схватить всѣ эти стулья и съ трескомъ разбить ихъ о стѣну!—Не разбить, а смять ихъ въ рукахъ и разцѣловать... т. е. онъ и самъ не зналъ, что сдѣлалъ-бы съ этими стульями! Такое состояніе продолжалось нѣсколько минутъ. Наконецъ онъ ошаматовался и пошелъ въ гостиную. Тамъ у стѣны стояла Вѣра Николаевна, устремивъ свои широко-раскрытые глаза на двери въ залъ. При входѣ Хлопова, она замахала руками и быстро проговорила: уйдите, уйдите сегодня! Приходите завтра!..

Хлоповъ остановился, подумалъ и пошелъ за фуражкой. На этотъ разъ они такъ и не простились.

VI.

Разсказываютъ, что выпившій опія чувствуетъ удивительную легкость во всѣхъ членахъ; и кажется ему, что онъ не ходитъ, а летаетъ на пол-аршина или на аршинъ отъ земли. Въ такомъ состояніи былъ и Хлоповъ, когда шелъ отъ Бѣлавинныхъ домой. Значитъ, онъ одержалъ побѣду надъ ненавистнымъ Богослововымъ! Онъ женится на этой доброй дѣвушкѣ! Значитъ, конечно

пресмыканіе его по бѣлому свѣту! Онъ будетъ имѣть тихое пристанище, будетъ сытно обѣдать, гулять въ саду и пить чай на травѣ съ чудеснымъ серафимомъ! То-ли не жизнь, то-ли не счастье!

Дома Хлоповъ прежде всего встрѣтилъ въ сѣняхъ Машу и, не думая много, обнялъ ее и крѣпко поцѣловалъ. Бѣдная дѣвочка, такъ рѣдко видѣвшая ласки, чуть не заплакала отъ этого поцѣлуя. Блѣдныя щеки ея вспыхнули яркимъ румянцемъ. Она протянула впередъ свои голыя ручки, какъ-бы прося еще поцѣлуя.

— А вы развѣ женитесь на той? наивно спросила она.

— Женюсь, Маша, женюсь! Цѣлый пудъ броянаго жди отъ меня!

Хлоповъ заскакалъ по своей комнатѣ, точно сумасшедшій. Это были не солидные прыжки Павла Ивановича Чичикова, а размашистое выкидываніе ногами, производившее стукъ и брякъ по всему дому. Хлоповъ походилъ на степного жеребца, который скачетъ, скачетъ, потомъ встанетъ, какъ вкопанный, подумаетъ, ляжетъ на землю, перевернется два, три раза и снова скачетъ впередъ и впередъ. Хлоповъ скакалъ до того, что несчастный сюртукъ его не выдержалъ и треснулъ подъ мышкой.

— Поздравляю, поздравляю! кричалъ дьяконъ, влетая въ комнату.— Вотъ такъ удружилъ! Покорно благодарю!.. Знаете, я еще сегодня говорилъ о васъ съ матушкой Софьей Ивановной; она да покровская дьячица—какъ завели одно, что не видать вамъ этой невѣсты,—просто я ничего не могъ подѣлать съ ними! Пойдите, голубушки, я сегодня-же огорошу васъ этой новинкой!.. Ну, что? какъ? рассказывайте, все по порядку рассказывайте!

— Нечего и рассказывать, Иванъ Ивановичъ, все отлично! Лучше требовать нельзя!.. Поставьте-ко самоварчикъ, да попьемте съ радости чайку! сказалъ Хлоповъ, уже спокойно сидя на скамьѣ.

— Сейчасъ, Сосипатръ Петровичъ. Эй, Маша! бѣги скорѣе за водой! Скорѣе!.. А я забѣгу къ Софьѣ Ивановнѣ, подразнию ее, прибавилъ дьяконъ, обращаясь къ Хлопову.

Черезъ минуту онъ шелъ по двору къ сосѣднему дому. Маша въ припрыжку бѣжала къ озеру съ буракомъ. У всѣхъ на душѣ было весело.

За чаемъ шли разговоры, смѣхъ, шалости съ дѣтьми. Маша съ открытымъ ртомъ смотрѣла на Хлопова и не могла удержаться, чтобъ не спросить его:—а вы теперь уѣдете отъ насъ?

— Уѣду, Машутка! Только я увезу тебя послѣ въ деревню. въ гости; славно заживемъ!

Маша радостно закричала:—въ деревню, въ деревню!.. Да вы не возьмете меня!.. съ сомнѣніемъ сказала она.—Я-бы все стала дѣлать у васъ,—самоваръ ставить, посуду мыть, полы мести.....

Хлоповъ сталъ увѣрять, что не позволить ей ставить самоваръ, посуду мыть.

— Ну, тогда и мнѣ перепадетъ какой-нибудь фунтишко масла! добродушно сказалъ дьяконъ. — Въ деревнѣ это ничего не стоитъ.

Хлоповъ обѣщалъ не только фунтишко, а цѣлый пудъ масла и въ придачу еще тысячу яицъ.

Общее упоеніе.

Часу въ десятомъ вечера Хлоповъ сидѣлъ у окна въ своей комнатѣ и починивалъ сюртукъ, что изорвалъ. Онъ былъ мастеръ на эти дѣла,—поэтому не хотѣлъ отдавать починку Машѣ. У него были свои нитки и иголки. Дѣлать нечего; спать не хочется, шитье же было для него удовольствіемъ. Прежде въ училищѣ и семинаріи, бывало, постоянно шиваетъ тетради, осматриваетъ платье,—нѣтъ-ли гдѣ прорѣхи, не оторвалась-ли пуговка. Сейчасъ пришьетъ, починитъ. Сапогъ лопнулъ, и его зашьетъ. Въ то время у него было и шило.

У воротъ послышался стукъ, потомъ шумъ. Въ комнату вошли пріятель Хлопова—Духоборовъ, Поповъ и какой-то дьячокъ.

— А, поздравляемъ, дружище! крикнулъ одинъ изъ нихъ.

— Надѣлъ наушникъ, слава Богу! прибавилъ другой.

— Да какъ вы успѣли и проноухать? съ удивленіемъ сказалъ Хлоповъ.

— Слухомъ земля полнится!.. Ну, давай, покупай пива да вина! Повеселимся, попляшемъ, поскачемъ, попоемъ: дубрава зеленая!..

— У меня, братцы, нѣтъ денегъ ни гроша! Отвѣтилъ Хлоповъ.

— Возьми въ займы! Теперь тебѣ хоть тысячу повѣрятъ!

Хлоповъ, хотя неохотно, но все-таки пошелъ просить у дьякона денегъ, напередъ сказавъ компаніи, что больше полуштофа онъ не выставитъ. Дьяконъ далъ ему двугривенный и заявилъ, что у него осталось всего на все гривенникъ, который завтра пойдетъ на молоко.

— Этого мало, братцы! сказалъ Духоборовъ, подбрасывая на ладони двугривенный Хлопова.

— Ну, такъ и быть, я еще прибавлю столько-же! проговорилъ Поповъ.

— А ты, Хлоповъ, смотри не забудь, когда женишься!..

Послали дьячка за водкой. Въ ожиданіи его, пріятели весело потирали руками, яро покрывали, затыгивали тра-ла-ла на разные манеры.

Наконецъ пришелъ и дьячокъ.

— Ну-тко, пройдемся! сказалъ Духоборовъ и налилъ по рюмкѣ.

Прошлись по рюмкѣ. Прошлись по второй и по третьей. Компанія совсѣмъ повеселѣла.

— Ну, теперь рассказывай, братецъ, какъ ты обдѣлалъ свои дѣлишки? спросилъ Духоборовъ Хлопова.

— Да что тутъ рассказывать?—Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ! храбро отвѣтилъ Хлоповъ.

— Молодецъ! Я говорилъ, что ты всѣхъ побѣдишь! воскликнулъ Поповъ.

— За побѣдителя! прибавилъ дьячокъ.

Прошлись по четвертой.

Въ это время въ комнату вошелъ дьяконъ. Вся компанія была давно знакома ему; поэтому всѣ устремились къ нему съ распростертыми руками.

— Нашъ почтеннѣйшій камадъ! сказалъ Духоборовъ и облобызался съ дьякономъ.

— Нашъ старинный другъ и покровитель! крикнулъ въ очередь Поповъ, который когда-то жилъ въ... вмѣстѣ съ Хлоповымъ.—Скоп...
повъ также об...

лск...

— Да, много воды утекло! сказалъ онъ Попову. — Семь лѣтъ, какъ вы жили въ этой горницѣ... такіе были шалуны... Эта дымъ коромысломъ! — Ссоры, драка... А теперь выросли, слава Богу, — сами стали людьми!

— Да еще женихами! прибавилъ Поповъ.

— За жениховъ! воскликнулъ дьячокъ.

Выпили за жениховъ.

Дьяконъ и Поповъ сѣли на скамью и стали вспоминать прошлое. Хлоповъ бесѣдовалъ съ Духоборовымъ.

— А ты, Духоборовъ, подлецъ! говорилъ онъ ему. — Ну, на кой чортъ ты сказалъ Богословову, что мы топоръ украли въ Турундаевѣ?

— Я? Развѣ я это говорилъ? Помилуй, дружище! Я сказалъ, что мы стяпали топоръ, а Хлоповъ выпилъ на него. Да вѣдь для чего я сказалъ это? Для того, чтобы посмѣяться, — вотъ и все!

— Вотъ онъ и посмѣялся! Представь себѣ, все описалъ въ письмѣ къ моей невѣстѣ и прибавилъ еще, что я два дня въ полиціи сидѣлъ.

— Ахъ, этого я не говорилъ, честное и благородное слово!.. А въ томъ какъ! Что ты подѣлаешь? — Пришелъ онъ во мнѣ, какъ старый другъ... а какой онъ старый другъ? Старая свинья, больше ничего! Пришелъ это, и давай выспрашивать, и вѣдь какъ тонко выспрашивалъ!

— Ну, прощаю вамъ всѣмъ! перебилъ Хлоповъ. — Все прощаю теперь!... Пойдемъ-ка выпьемъ!

Однако выпивки оказалось очень мало. А водка только разбирать начала. Нужно снова покупать ее, а денегъ нѣтъ у Хлопова. Послѣ шума и споровъ, рѣшили сдѣлать складчину. Дьяконъ принесъ свой остальной гривенникъ. Дьячокъ прибавилъ столько-же. Духоборовъ и Поповъ вынули по двугривенному. Позвали Машу и послали ее за водкою. У Маши только ноги засверкали.

— Ну-съ, братцы, о чемъ вы говорили? спросилъ Духоборовъ дьякона и Попова.

— Старину перетряхивали, сказалъ послѣдній.

— Аристарха вспомнили, какъ онъ поролъ вашего брата! прибавилъ дьяконъ.

— А, вы припомнили этого антихриста, чортъ-бы его побралъ! злобно сказалъ Хлоповъ. — То-есть никому въ свѣтъ я не желалъ-бы такъ голову свернуть, какъ этому Аристарху! Приди онъ сюда, я растопталъ-бы его каблуками, въ порошокъ-бы разсыпалъ, вотъ этими самыми руками, вотъ такъ, вотъ такъ, то-есть въ пылъ! Съ землей сравнялъ-бы!

Для вѣщней силы своихъ словъ Хлоповъ схватилъ со стола бутылку и швырнулъ ее на полъ.

— Что, братъ, видно онъ солонъ достался тебѣ? смѣясь, спросилъ его дьяконъ.

— Не солонѣ другихъ...

— А знаете, господа, отчего онъ былъ кривошей? спросилъ Поповъ. — Это я въ Ягодѣ слышалъ. Когда онъ училъ еще въ ягодскомъ училищѣ, школьники сбросили его зимой съ моста. Много снѣгу было, а-то ему не остаться-бы въ живыхъ. Послѣ тѣхъ цоръ онъ и перешелъ въ наше училище.

Аристархъ Поповъ очень долго былъ учителемъ угловскаго духовнаго училища. Съ виду это былъ довольно почтенный господинъ, — говорилъ теноромъ и даже былъ регентомъ соборнаго хора. Въ училищѣ онъ завелъ „цифирный журналъ“, въ которомъ записывались цензоромъ шалуны. Если ученикъ въ продолженіи недѣли попался въ шалостяхъ 6 разъ, то въ субботу предъ его фамиліей и поставятъ цифру 6. Такимъ образомъ, за недѣлю 20—30 человекъ попадетъ въ этотъ журналъ и предъ каждымъ стоятъ разныя цифры. Приходитъ суббота. Въ классъ приходитъ Аристархъ. Тишина могильная. На всѣхъ лицахъ смертельная блѣдность. Всѣ руки и ноги буквально трясутся. Морозъ пробираетъ до костей. Душа вонъ выпрывается. Вѣдныя дѣти! Полтора часа высиживать въ такомъ состояніи! Это не лучше Сибири и галеръ.

Аристархъ беретъ журналъ и выкрикиваетъ:— Сосипатръ Хлоповъ!

Сосипатръ Хлоповъ, еще маленькій мальчишка, встаетъ ни живъ, ни мертвъ. Онъ знаетъ, что передъ нимъ стоитъ „7“ въ журналѣ. Онъ хотя не очень шалить, но его всегда записываютъ, потому-что онъ не можетъ носить цензору пироговъ и лепешекъ.

— Трижды семь—много-ли? спрашиваетъ Аристархъ.

— Двадцать-четыре, дрожащимъ голосомъ отвѣчаетъ Хлоповъ.

— Ну, получи двадцать-четыре, да шесть за незнаніе арифметики; итого тридцать.

Аристархъ, хотя и былъ учителемъ грамматики, но дралъ и за арифметику. А умножать онъ имѣлъ обыкновеніе каждую цифру, записанную въ журналъ. Если ученикъ шалилъ семь разъ, онъ помножить на три; если шалилъ пять разъ, помножить на четыре. Сѣкли у него всегда очень больно, потому-что нельзя было „сберегать“. Онъ всегда велѣлъ ученику ложиться поперегъ класса и всегда смотрѣлъ, какъ его сѣкутъ. Въ это время въ глазахъ его выражалось какое-то странное удовольствіе; на губахъ была улыбка, не улыбка, а что-то очень противное.

Впрочемъ такъ было не въ однѣ только субботы. И въ другіе дни онъ проводилъ свой урокъ только въ томъ, что сѣкъ учениковъ и ставилъ ихъ на колѣни. Бывало такъ, что весь классъ передереть и потомъ весь-же классъ поставить на колѣни, а поставивъ на колѣни, самъ ходитъ по классу и щелкаетъ учениковъ по головамъ и щекамъ, наступаетъ имъ на ноги, деретъ волосы и уши. Разъ оторвалъ ухо совсѣмъ. Это вѣрно, господа. За это ухо училищный смотритель велѣлъ ему стоять на колѣняхъ цѣлую недѣлю въ канцеляріи во время уроковъ. И стоялъ, бѣдняжка. Ученики ходили смотрѣть на него въ шелку въ дверяхъ. Ну, за то послѣ онъ удружилъ имъ!

Ужь удружилъ!

Типъ Аристарха не походить ни на который изъ типовъ Помяловскаго. Это былъ какой-то людоѣдъ, — можетъ быть, съумасшедшій, можетъ быть, идіотъ. Такіе типы только и могли встрѣчаться въ старыхъ духовныхъ училищахъ, да въ какой-нибудь Патагоніи.

Теперь понятенъ зубонный скрежетъ Хлопова и та громоносная филиппика, которую онъ произнесъ противъ своего прежняго наставника.

Пока мы говорили объ Аристархѣ, Маша успѣла сбѣгать въ кабакъ и принести оттуда два полштофа. Компанія снова стала пить. Въ головахъ у всѣхъ шумѣло порядкомъ. А въ такія минуты у русскаго человѣка являются разрушительныя склонности. По крайней мѣрѣ, онѣ проявились въ нашей компаніи.

— Слушайте, господа! Я предлагаю свернуть Аристарху шею на другую сторону! предложилъ Духоборовъ.

— Идетъ! закричали господа. — Даже дьяконъ и дьячокъ были непрочь наkostenять Аристарху шею, хотя онъ и не сдѣлалъ имъ никакого вреда.

— Господа, я первый иду за вами! крикнулъ Хлоповъ. — Пусть ему будетъ памятна моя женитьба!

— Это вѣрно, дружище! Пусть и ты закончишь благимъ дѣломъ послѣдній день холостой жизни!

Однако дьяконъ немного опаматовался и началъ уговаривать компанію бросить это дѣло. Хлоповъ тоже припаматовался и пошелъ на попятный, говоря, что это можетъ дойти до Бѣлавныхъ, могутъ случиться и другія неудобства. Его называли бабой, тряпкой, мочалкой и подобными эпитетами.

— Вотъ что, братцы! сказалъ онъ, подумавъ своей пьяной головой.—Зачѣмъ шалѣть? Мы лучше пойдемъ компаніей и околотимъ ему углы. То-есть такъ околотимъ, что вся семья сойдетъ съ-ума! Домъ у него на отставу; изъ сосѣдей никто не услышитъ.

— А ты думаешь,—если кто услышитъ, такъ пойдетъ на помощь? Полно, побоятся и выглянуть! сказалъ Духоборовъ.

— Однимъ словомъ, этотъ планъ антикъ, первый сортъ! прибавилъ Поповъ. — Умная голова у тебя, Хлоповъ! Хоть-бы самому Цицерону!

— Пьемъ за Цицерона! подхватилъ дьячокъ.

Выпили за Цицерона по двѣ и начали собираться въ дорогу. Дьяконъ еще разъ попробовалъ образумить ихъ, но языкъ его лепеталъ очень плохо. Пріатели хотѣли-было и его тащить съ собою, но скоро увидѣли, что онъ не спутникъ имъ и отправились одни. Въ комнатѣ стихло. Только дьяконъ, покачиваясь на скамьѣ, бормоталъ иногда: бросьте, братики, эту затѣю; добра не будетъ! Аристархъ, это у-у! Онъ васъ всѣхъ переберетъ... онъ васъ цыфирями... цы-фи-ря-а-а...

— Папа, ложись спать! милый папа! говорила Маша, теребя его за рукавъ.

— Спать? Я не хочу спать. Я въ порошокъ его разотру! крикнулъ онъ на весь домъ и сильно ударилъ Машу по спинѣ.

— Охъ, больно, папа!.. Не хочешь идти, такъ ложись тутъ на скамью. Давай я сниму съ тебя подрясникъ... и Маша стала стягивать съ папы подрясникъ, потомъ съ грѣхомъ пополамъ стащила съ него сапоги и уложила на скамью, принесла одѣяло и утыкала имъ папу со всѣхъ сторонъ. Еще разъ заглянувъ въ лицо его, она потихоньку вышла изъ комнаты.

Между-тѣмъ наши пріатели шествовали по улицѣ къ городскому саду, недалеко отъ котораго былъ домъ Аристарха. Дойдя до сада, они остановились, чтобы сдѣлать нѣкоторые уговоры. Языки ихъ неясно выговаривали слова. Ихъ фигуры какъ-то таинственно покачивались въ темнотѣ изъ стороны въ сторону. Былъ первый часъ ночи, самое темное время въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Переговоривъ кое-какъ о наступательныхъ дѣйствіяхъ, пріатели двинулись къ злополучному дому. Ихъ было трое, и каждый несъ въ рукахъ палку, захваченную дома. Дьячка не оказалось въ компаніи. Должно быть, онъ предпочелъ удрать домой съ полѣномъ, которое несъ было въ рукахъ.

— Бери его штурмомъ! во всю мочь заоралъ Духоборовъ.

— Бери на штурмъ! отвѣтилъ Хлоповъ.

И всѣ трое изъ всей силы стали колотить палками по угламъ и стѣнамъ дома. Забрякали стекла. Въ дому послышались крикъ и визгъ: караулъ, залаяла собачонка. А пріатели наши все сильнѣй и сильнѣй били по стѣнамъ.

Вдругъ раздался страшный стукъ въ ворота. Держи ихъ! отчаяннымъ голосомъ кто-то крикнулъ оттуда. — Точно сидѣла тамъ цѣлая рота солдатъ. Наши пріатели струсили и давай Богъ ноги, да въ разныя стороны, да по разнымъ улицамъ. Видя бѣгство непріателя, изъ воротъ дома выскочилъ какой-то человѣкъ и побѣжалъ за бѣглецами, крича во все горло: держи ихъ! держи!

На этотъ крикъ выбѣжали люди и бросились на человѣка, бѣжавшаго мимо. Человѣкъ сей безъ сопротивленія отдался имъ въ руки и тотчасъ упалъ безъ чувствъ. Это былъ Хлоповъ.

И потащили друга милого въ мѣсто злачное и прохладное, называемое кутузкой. Это и хорошо, что кутузки бываютъ прохладныя: иначе заключенные въ нихъ узники могли-бы подверг-

вуться броженію. По крайней мѣрѣ Хлоповъ спокойнѣе спалъ въ такомъ прохладномъ мѣстѣ.

Съ тяжелой головой, съ предчувствіемъ всего нехорошаго, всталъ онъ утромъ съ койки, на которой былъ матрацъ, набитый чѣмъ-то въ родѣ кирпича.—Все пропало! мелькнуло у него въ головѣ. И Вѣра Николаевна пропала! И теплое мѣстечко пропало! И всѣ мечты, всѣ эти липовые сады съ калиной, малиной и смородой, все пропало! Со стиснутыми зубами Хлоповъ сидѣлъ на табуреткѣ. Въ головѣ его мелькали отчаянные планы бѣгства изъ этой проклятой кутузки, въ случаѣ нужды даже побитія караульныхъ солдатъ... Вы, господа, не смотрите, что Хлоповъ казался такимъ трусливымъ прежде! Съ виду всѣ таковы семинаристы, а разколушните ихъ,—окажутся такіе молодцы, такіе рыцари, что бѣда!

Однако Хлоповъ не рѣшился ни бѣжать, ни подвергать избіенію караульныхъ солдатъ. Послѣ длиннаго раздумья, сердитыхъ плевковъ, щелканья рукой по своей „башкѣ“, онъ вынулъ изъ кармана карандашъ и бумагу, заготовленную на сигарки, и написалъ дьякону письмо. Въ письмѣ этомъ онъ просилъ „отца и благодѣтеля“ принести ему три рубля, за которые, какъ онъ думалъ, непременно выпустятъ его изъ кутузки цѣлымъ и сохраннымъ. Онъ убѣждалъ, что Вѣра Бѣлавина будетъ сегодня же помолвлена за него и что въ самый день свадьбы онъ заплатитъ благодѣтелю пять рублей вмѣсто трехъ.

Пообѣщавъ караульному на водку, онъ попросилъ его тотчасъ переслать записку леонтьевскому дьякону. Черезъ часъ или чрезъ полтора явился дьяконъ въ сопровожденіи какого-то пона. Попъ былъ очень толстый, съ лоснящимся лицомъ, съ высоко-поднятымъ спереди подраясникомъ, съ огромной шляпой въ рукѣ. Шляпа, надо полагать, когда-то была, какъ быть слѣдуетъ, шляпой; но теперь она сплошь была покрыта желтыми и зелеными пятнами, глубокими ямами и рубцами.

— Вотъ это о. Левъ, изъ бобовскаго прихода, 30 верстъ отсюда, объяснилъ дьяконъ и затѣмъ уже началъ оглядывать кутузку.

— Э-э, молодець, куда ты попалъ! сказалъ въ свою очередь о. Левъ.—Я вотъ пріѣхалъ въ городъ по дѣламъ и остановился у леонтьевскаго дьячка, который вчера тоже гулялъ съ вами.

Онъ-то и сказалъ мнѣ о вашемъ подвигѣ. Потому я зашелъ къ о. дьякону; тоже говорили о васъ; а тутъ вдругъ ваша записка. Ну, и пошли вмѣстѣ... Какъ-же теперь? Я думаю, что вамъ надо поскорѣе выбираться отсюда, а-то, чего хорошаго, пропнутъ и представлять на разсмотрѣніе кого-слѣдуетъ. О. Левъ сдѣлалъ жестъ рукой.—Да, безъ суда не обойтись! Выбили стекла, напугали людей...

— Да, плохо; надо выбираться! подхватилъ Хлоповъ. — Только вотъ... я хотѣлъ просить васъ, добрѣйшій о. дьяконъ...

— Радъ-бы, всей душой радъ, да сами знаете, — денегъ теперь ни гроша... Вотъ развѣ о. Левъ... давъ будто согласался.

— Такъ, это такъ! нерѣшительно сказалъ о. Левъ, прищуривъ одинъ глазъ.—Деньги-то нынче туго наживаются!

— О. Левъ, я заплачу вамъ тотчасъ, лишь-только женюсь: клянусь своей честью! торжественно воскликнулъ Хлоповъ.

— Женитесь? Гм... На комъ вы женитесь?

— На Вѣрѣ Никольевнѣ Вѣлавиной. У насъ почти совсѣмъ рѣшено это дѣло.

— Н-ну, это наврядъ сбудется... Знаете, у меня есть напримѣтъ мѣстечко... и невѣста есть... только я не знаю... о. Левъ чесалъ свою нижнюю губу и искоса посматривалъ въ уголь.

— Нѣтъ, о. Левъ, я увѣряю васъ, что женюсь и поступлю на то мѣсто, за которымъ пріѣхалъ! Только одолжите 3 руб.... Я тотчасъ выйду отсюда и никто не узнаетъ, что я сидѣлъ въ полиціи.

— Гм... гм... нѣтъ, не могу одолжить вамъ денегъ! рѣшительно сказалъ о. Левъ.

— Ну, о. Левъ, сдѣлайте милость для молодого человѣка! Повѣрьте, что заплатитъ! вступился дьяконъ.

О. Левъ долго что-то соображалъ.

— Вотъ если вамъ, о. дьяконъ, я, пожалуй, могу на короткое время... оказалъ онъ наконецъ.

О. дьяконъ въ свою очередь началъ соображать. Онъ не рѣшался и подозрительно поглядывалъ на Хлопова.

— Ну-же, о. дьяконъ... заплачу, съ какими угодно процентами заплачу, жалобно сказалъ послѣдній.

— Дѣлать нечего: одолжите ужь! проговорилъ дьяконъ, думая, что иначе пропадутъ деньги за содержаніе и квартиру.

Однако, о. Левъ не далъ въ руки ему денегъ, а вышелъ съ нимъ въ маленькій корридоръ и потребовалъ какого-то квартальнаго. Квартальный, или другой кто, явился. Пошелъ тихій разговоръ,—убѣдительная октава о. Льва и жалобный попотъ дьякона. Дѣло, какъ видно, уладилось. Оба воротились къ Хлопову съ повеселѣвшими лицами.

— Ну, братъ, за рубль отдѣлались! радостно сказала дьяконъ, потирая ладонями.

— То-есть, нельзя сказать, чтобы за рубль... больно ужь дешево захотѣли... Однако собирайтесь скорѣе! обратился о. Левъ къ Хлопову и потомъ тихо прибавилъ дьякону: зачѣмъ говорите—за рубль? Пусть думаетъ—за три!

Дьяконъ сдѣлалъ глазами вопросъ, но о. Левъ довольно безцеремонно ткнулъ его рукой.

Хлоповъ, наконецъ, вышелъ изъ полиціи въ сопровожденіи своихъ благодѣтелей. Онъ былъ очень радъ такому благополучному концу. Онъ думалъ, что никто еще не знаетъ о пребываніи его въ кутузкѣ. Увы, онъ крѣпко ошибался въ этомъ. Великій Угловъ—великій сплетникъ! Всѣ знакомые дьякона и о. Льва, попадавшіе навстрѣчу, только о томъ и говорили, что вотъ, молъ, вчера какой-то Хлоповъ и т. д., и т. д. Хлоповъ только моргалъ глазами. Но дома встрѣтило его такое обстоятельство, какого онъ ужь никакъ не ожидалъ. Именно, Маша, съ неподдѣльной радостію, что ихъ постоялецъ благополучно вышелъ изъ полиціи, подала ему записку отъ Богословова. Въ запискѣ стояло: „Милостивый государь, господинъ Хлоповъ! О. Николай, матушка, а равно и Вѣра Николаевна, зная вашъ гнусный поступокъ, просятъ не срамить ихъ своимъ посѣщеніемъ“.

— А!? не-то вопросъ, не-то восклицаніе издалъ Хлоповъ, смущенно смотря на Машу.

— Это принесъ какой-то длинный-длинный... Поклонъ, говорить, сказывай, а самъ смѣется. Я думала, что въ письмѣ хорошее написано, лепетала Маша.

О. Левъ взялъ изъ рукъ Хлопова записку и прочиталъ ее.

— Ну, вотъ видите: я вамъ говорилъ! внушительно сказалъ

онъ и какъ-будто опечалился. На самомъ-же дѣлѣ онъ былъ очень доволенъ такимъ быстрымъ оборотомъ дѣла.

Хлоповъ молча и угрюмо сѣлъ за сосновый столъ. О. Левъ медленно сталъ накладывать трубочку съ короткимъ чубукомъ и потомъ закурилъ ее. Въ комнатѣ нѣсколько минутъ было тихо. Только и слышно было пыханье о. Льва: пп, пп, пп...

— Не печальтесь: еще не пропали! утѣшительно проговорилъ онъ между своимъ пыханьемъ.

— Какъ не пропасть? Что вы говорите пустяки? съ сердцемъ отвѣтилъ Хлоповъ и хлопнулъ себя по головѣ. На лицѣ его рисовалось такое горе, что Маша, до сихъ поръ грустно стоявшая въ сторонѣ, стала помаленьку придвигаться къ нему.

— Я вамъ говорилъ, что у меня есть для васъ мѣстечко, снова заговорилъ о. Левъ.—Недавно умеръ священникъ, мой сосѣдъ. Вотъ я-бы и хотѣлъ пристроить тутъ свою дочь, потому недалеко и все такое. Тоже вѣдь родительское сердце. Однако, вы не думайте, что я за женихами гонюсь,—этого брата есть довольно! Я только изъ-за мѣста хлопочу.

Дьяконъ, до сихъ поръ сидѣвшій съ опущенной головой, точно мокрая курица, началъ поддакивать о. Льву.

Однако отъ Хлопова не могли добиться никакого слова. Поэтому, о. Левъ заблагоразсудилъ оставить его пока въ покоѣ и ушелъ на свою квартиру, сказавъ на прощаньи Хлопову:—такъ: подумайте, молодой человекъ! А я зайду вечеромъ...

За о. Львомъ ушли и дьяконъ съ Машей. Хлоповъ остался одинъ. Вскочивъ со скамьи, онъ началъ бѣгать по комнатѣ и громко ругать себя за вчерашній подвигъ. Набѣгавшись и наругавшись досыта, онъ снова усѣлся на скамью и началъ размышлять, нельзя-ли какъ поправить дѣло. Въ головѣ его мелькало, что, можетъ быть, Бѣлавины ничего и не знаютъ и что Богослововъ нарочно написалъ записку. Но это предположеніе показалось ему несбыточнымъ. Тогда пришло ему на мысль идти къ Бѣлавинымъ и кинуться въ ноги Вѣрѣ Николаевнѣ и вымолить прощеніе. По-временамъ онъ скрежеталъ своими зубами, по-временамъ топалъ ногой на себя. Такъ продолжалось до вечера.

Вечеромъ онъ вышелъ на улицу и направился къ дому Бѣлавиныхъ. Онъ, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ какъ-нибудь узнать, что нихъ дѣлается. Увы, еще далеко до дома онъ замѣтилъ ли-

нейку, на которой, всеконечно, пріѣхалъ Богослововъ. Подойдя къ забору, онъ услышалъ изъ дома шумъ, смѣхъ, а главное, голосъ своего счастливаго соперника... Хлоповъ со злостію вернулся обратно, прошелъ нѣсколько улицъ, вышелъ на набережную и сталъ смотрѣть на рѣку. Въ головѣ его бродили горькія думы, воспоминанія о минувшихъ дняхъ, о милой Вѣрѣ Николаевнѣ: опять неизвѣстное будущее, горемычное скитаніе, заботы... Онъ невольно вспомнилъ объ о. Левѣ, о предложеніи его... — Все такъ, все такъ, думалъ онъ, — но неужели оставить Вѣру Николаевну, этого серафима, эту яркую звѣздочку, свергнувшую въ моей сѣрой и туманной жизни и такъ скоро исчезнувшую? — Развѣ пройти мимо ихъ дома? Стало темно: теперь не увидать! проговорилъ онъ и снова пошелъ по знакомой дорогѣ.

У воротъ дома Бѣлавиныхъ все еще стояла линейка; но теперь около нея стоялъ и самъ Богослововъ. Онъ что-то говорилъ съ о. Николаемъ, высунувшимся въ окно. Хлоповъ наострилъ уши.

— Такъ смотрите-же: больше недѣли я не хочу ждать! говорилъ Богослововъ.

— Ладно, ладно! Наживетесь еще, длинный вѣкъ! отвѣтилъ о. Никблай.

— Только вы, Вѣра Николаевна, опять не измѣните мнѣ для какого-нибудь Хлопова!

— Да перестаньте смѣяться! раздался изъ комнаты сладкій голосокъ.

Затѣмъ Богослововъ сѣлъ на линейку и поѣхалъ. О. Николай кивалъ ему головой. Изъ комнаты слышалось: прощайте, прощайте!

Хлоповъ махнулъ рукой и поплелся на свою квартиру.

VII.

На другой день, въ позднія обѣдни, со двора леонтьевского дьякона выѣхала телѣга, въ которой сидѣли о. Левъ и Хлоповъ. Въ воротахъ долго еще послѣ нихъ стояли дьяконъ и Маша. На концѣ улицы Хлоповъ нѣсколько разъ оглядывался и кивалъ головой. Дьяконъ не отвѣчалъ ему тѣми-же кивками; за

то Маша много разъ поднимала руки и махала ими. Телѣга завернула за уголь.

О. Левъ постоянно дергалъ возжами и яро понукалъ свою лохматую лошадку, которая, зная характеръ хозяина, наострила уши и работала во всѣ лопатки. Онъ, кажется, боялся, чтобы Хлоповъ не вздумалъ воротиться обратно. Но Хлоповъ не имѣлъ ничего подобнаго въ мысляхъ и въ свою очередь, не менѣе самаго о. Льва, желалъ поскорѣе проѣхать городъ. Онъ сильно боялся встрѣтить кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ, точно послѣдніе непременно должны были знать постыдное фіаско, какое онъ потерпѣлъ у своей невѣсты. Нѣсколько разъ онъ принимался насвистывать, какъ-будто для удовольствія, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы понудить этимъ лошадь. И если онъ замѣчалъ впереди какого-нибудь знакомаго, то тотчасъ принимался поправлять сѣно подъ собой, причѣмъ ловко спрятывалъ свою голову за широкую спину о. Льва.

Наконецъ, проѣхали городъ. Телѣга покатила по мягкой песчаной дорогѣ. Оба сѣдова немного поожили. О. Левъ первый прервалъ молчаніе.

— Вамъ тутъ ловко ли сидѣть? А-то я могу немного подвинуться!—сказалъ онъ ласковымъ голосомъ.

— Ловко, о. Левъ; покорно благодарю! отвѣтилъ Хлоповъ, хотя и былъ немного стѣсненъ своимъ собесѣдникомъ.

Однако послѣдній съ кряхтѣньемъ приподнялся и такъ удачно подвинулся, что Хлоповъ, прижатый къ самому краю телѣги, долженъ былъ сѣсть нѣсколько бокомъ.

— Ну, теперь лучше?

— Лучше, отвѣтилъ Хлоповъ. — Однако и давѣ было хорошо.

— Телѣга-то большая. Десять мѣшковъ свезъ въ городъ, да всѣмъ было мѣста.

„Мѣшки-то, чай, будутъ поменьше тебя,“ подумалъ Хлоповъ потомъ прибавилъ вслухъ:—муку изволили возить?

— Муку. Больше шестидесяти-трехъ не дали, каналы. Два дня я стоялъ изъ-за копейки, да вышло напрасно!

Разговоръ прервался. О. Левъ, казалось, углубился въ расчеты. Хлоповъ думалъ, о чемъ-бы еще спросить собесѣдника.

— А славная у васъ лошадка! сказалъ онъ.

— Быстро бѣгаетъ, отвѣтилъ о. Левъ. — Двадцать безъ четверти даль. А мнѣ о. Михайлъ Срѣтенскій давалъ за нее 30 рублей, да я не отдалъ. — Дешево покупаетъ, да мало домой носить.

— Однако сами вы еще дешевле дали.

— Такъ вѣдь я купилъ у мужика весной, когда ему деньги нужны были. А мнѣ не изъ-за нужды продавать. Деньги, братецъ, великое дѣло. Они сами себя растутъ. Вотъ у меня есть ихъ малая толика; такъ я и накуплю осенью ржи по 40 к., а весной продамъ по 60. Поучитесь-ко у меня, если еще не научены... Вы живали когда-нибудь въ нуждѣ?

— Чего не было?

— А вотъ я какую нужду испыталъ! Помню, когда учился въ училищѣ, такъ однимъ хлѣбцомъ питался, да развѣ овсянку когда-нибудь сварятъ. Крупы-то по полуфунту на день оставлялъ мнѣ отецъ, да хозяева воровали. А денегъ этихъ, такъ перебивало, или нѣтъ у меня съ какой-нибудь полтинникъ во всѣ шесть годовъ. Отецъ чрезъ два мѣсяца ѣздилъ, — привозилъ мнѣ провизію. Напьется пьяный, приколотитъ меня и поѣдетъ домой. А я бѣгу за нимъ — за санями-то, бѣгу, да плачу, дескать, зачѣмъ не купилъ мнѣ бумаги да перьевъ? Учителя, молъ, дерутъ меня за неисправность и прочее такое... Этакъ версты три либо четыре трясешься за нимъ, а онъ только ругается. Потомъ, должно быть, почувствуетъ мое горе, вынетъ кошель, да и сунетъ мнѣ въ зубы пятакъ мѣди. Тутъ на все — про все. Еще прибавить: смотри, молъ, не держи на пустяки, а не-то, говорить, выдеру!.. По полугоду носилъ рубаху безъ мытья! Ну, за-то теперь я знаю цѣну копейчкѣ...

О. Левъ проговорилъ это очень монотонно. Однако въ жирномъ лицѣ его выразалось какое-то чувство, не-то болѣзнь, не-то насмѣшка. И странно, это суровое и неуклюжее лицо на минуту сдѣлалось чрезвычайно симпатичнымъ, такъ-что Хлоповъ съ большимъ удивленіемъ смотрѣлъ на него.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

— А что, у васъ богатый приходъ? спросилъ Хлоповъ.

— Нешто, можно жить, коли умѣешь вести дѣла. Я не даю потачки мужичонкамъ... Ну, ну! крикнулъ попъ на лошадь.

Очень быстро неслись по дорогѣ наши путники. Мелькали поч-

товные столбы, сосны и ели; пробѣгали мимо деревни, поля и полянки. Не прошло и пяти часовъ, какъ о. Левъ и Хлоповъ подъѣхали къ селу Бобову. Село стояло на большой дорогѣ. Большая каменная церковь, съ деревянной колокольней, была обнесена деревянной оградой, выкрашенной желтой краской. Главный входъ представлялъ нѣчто похожее на триумфальныя ворота. Огромныя двери были въ три раза выше ограды и выкрашены красной, а не желтой краской, что издали давало довольно оригинальный видъ. Впрочемъ, когда подъѣхали ближе, Хлоповъ увидѣлъ, что эти ворота имѣли простѣйшую конструкцію и столбы у нихъ были тоньше тѣхъ, на которыхъ въ деревняхъ дѣлаютъ качели. Выходило некрасиво.

Тотчасъ за оградой стоялъ домъ о. Льва. Это были широкіе и чрезвычайно высокіе хоромы, окна которыхъ находились почти подъ самой крышей,—признакъ того, что внизу живетъ скотина. Подъѣхавъ къ двору, мохнатая лошадка весело заржала, чѣмъ, вѣроятно, и вызвала движеніе въ домѣ. Въ окнахъ показались два бѣлыхъ и сдобныхъ лица, съ раскрытыми ртами; лица отъѣнялись отъ солнца тоже очень сдобными руками, которыя были обнажены до самыхъ локтей.

Лишь только Хлоповъ взглянулъ на окна, какъ сдобныя лица вмигъ исчезли и только изрѣдка выглядывали изъ-за того или другого косяка. Иногда поднималась одна только рука, на которую надѣвался рукавъ. Должно быть, переодѣвались.

Хлоповъ съ нѣкоторымъ беспокойствомъ поглядывалъ на окна. Сдобныя лица смущали его, ибо онъ былъ семинаристъ. А семинаристы болятся сдобныхъ лицъ, потому-что любятъ ихъ. Увы, въ эту пору онъ совершенно забылъ своего серафима.

Между-тѣмъ къ телѣгѣ съ двухъ сторонъ, отъ церкви и отъ села, подбѣжали два мужика. Это были церковные сторожа. О. Левъ былъ строгъ къ подчиненнымъ. Сторожа съ обнаженными головами подошли къ своему повелителю и подставили длани. Повелитель благословилъ ихъ, причѣмъ стукнулъ коготкомъ по ихъ лбамъ и ткнулъ свою руку имъ въ губы.

— Все-ли хорошо? спросилъ онъ.

— Все хорошо! отвѣтили тѣ по солдатски.

— Была треба?

— Никакъ нѣтъ! Иванъ Головинъ съ Гризина приходилъ просить позволенія на свадьбу.

— Въ такую пору вздумалъ жениться! Должно быть, богатую беретъ?

— Говорять, богатую. Изъ сосѣдней деревни. Невѣстѣ, говорятъ, приспѣло родить, такъ вотъ и сбываютъ ее.

— А-а! протянулъ о. Левъ. — Ну, теперь обрядите лошадь. Потомъ ты, Петря, принеси воды и поставь самоваръ. Пойдете въ комнату! обратился онъ къ Хлопову.

Хлоповъ встрепенулся и перевелъ глаза со сторожей на окна. Отъ стеколъ снова отпрыгнули сдобныя лица, точно резиновые мячики. И снова сердце его забилось.

— Ну, что-же вы? сказалъ о. Левъ, успѣвшій уже дойти до крыльца.

Хлоповъ двинулся съ мѣста.

— Да вы взяли-ли свой кошелекъ?

— Ахъ, я забылъ!

Хлоповъ отчасти былъ радъ этому обстоятельству. Онъ воротился и вытянулъ изъ тѣлѣги кошель, но такъ неакуратно, что просыпалъ всѣ вещи изъ него. Дѣлать нечего: сталъ онъ собирать ихъ; а о. Левъ читалъ ему въ это время приличное нравоченіе.

Вошли въ избу, а изъ избы въ комнату. Вопреки ожиданію Хлопова, ни одно сдобное лицо не встрѣтилось имъ. Поэтому, на сердцѣ у него стало полегче. Онъ бросилъ въ уголь свой кошель, обдернулся, пригладилъ ладонями волосы и потомъ уже сталъ осматривать комнату. Это была небольшая, продолговатая комната, въ два окна на лицо. Стѣны, потолокъ и полъ были усѣяны сучьями; особенно стѣны, на которыхъ сучья были маленькіе, но за-то очень черные, съ желтыми хвостиками. Сучья сидѣли прямолинейными рядами, такъ-что всѣ стѣны представляли нѣчто въ родѣ огромной батальной картины, гдѣ громадное войско маршируетъ и двигается на своего непріятеля, расположеннаго на сосѣдней стѣнѣ. Стѣны были совершенно голыя, за исключеніемъ одной, на которой висѣло небольшое зеркало. Подъ зеркаломъ стоялъ столъ. На столѣ лежалъ холщевый кринолинъ, большой гребень и нѣсколько сломанныхъ шпилекъ. Все это, вѣроятно, было забыто поповнами, которыя не успѣли кон-

чить своего туалета до гостей. О. Левъ подошелъ къ столу, сердито схватилъ криволинь и бросилъ его чрезъ заборку въ сосѣднюю комнату.

— Разбросали, пиголицы! кривнулъ онъ и затѣмъ уже болѣе ласково обратился къ Хлопову:—садитесь, отдохните послѣ дороги, а я пойду распоряжусь...

Хлоповъ остался одинъ и молча обводилъ глазами комнату. Сначала нѣсколько времени было тихо. Потомъ кто-то вошелъ въ сосѣднюю комнату и сталъ ходить на цыпочкахъ. Чрезъ минуту еще кто-то вошелъ.

— Это ты, лошадь, бросила мой криволинь? слышался злобный, но сдержанный шопоть.

— Сама ты лошадь! Это папенька! отвѣтилъ другой шопоть.

Вслѣдъ за этимъ раздался глухой стукъ; какъ-будто чья-то, не очень нѣжная рука опустилась на чужую спину.

— Отстань, воронье пугало! Смотри, со щекъ текутъ рюмяна!

— Поговори еще, такъ я нарумяню тебя!

— Тѣфу тебѣ!

— Тѣфу!

Въ комнатѣ поднялась возня, но тотчасъ стихла.

— Они въ угловой сидятъ? чрезъ минуту снова раздался шопоть.

— Ба-ба-ба-ба! кто-то отвѣтилъ такимъ тономъ, какимъ обыкновенно дразнятся дѣти.

Опять тихо. Слышно было шуршаніе платья, швырканье носомъ, и только. Потомъ неожиданно отворилась дверь въ ту комнату, въ которой сидѣлъ Хлоповъ.

— Охъ! пронзительно раздалось. Дверь моментально захлопнулась и дѣва молодая побѣжала дальше, стучая пятами, какъ ступами. За ней еще кто-то вышелъ мѣрными, осторожными шагами. Вѣроятно, другая молодая дѣва.

Все это подѣйствовало на Хлопова нельзя сказать чтобы хорошо, однако не слишкомъ и дурно. Какъ женихъ, онъ не желалъ-бы сдѣлать какую-нибудь лошадь женой; какъ гость, онъ почувствовалъ себя спокойнѣе. Сдобныя лица, смутившія его, теперь потеряли часть своихъ смутительныхъ свойствъ. Онъ

увидѣлъ, что здѣсь тѣ-же смертные люди, та-же грязь, которая окружала его во время дѣтства во время училищной и семинарской жизни. Быть въ своей тарелкѣ — это любезная вещь для всякаго человѣка, а тѣмъ-паче для застѣнчиваго семинариста.

Вскорѣ въ комнату явился о. Левъ. Онъ шарилъ въ карманъ своего подрясника и сердито бормоталъ:— вотъ былъ тутъ карандашъ, осколокъ! Небольшой и осколокъ, а нѣтъ его! Только увернись, у нихъ и пойдетъ беспорядокъ: ничего не найдешь на мѣстѣ.

Заслышавъ чей-то женскій голосъ, онъ отворилъ дверь въ кухню и крикнулъ:

— Слышь ты, попадья, куда дѣвали карандашъ, что въ сѣромъ подрясникѣ былъ?

— Никуда не дѣвали! Кому надо твой карандашъ? отвѣтила попадья пискливымъ голосомъ, въ которомъ звучали и заносчивость, и смиреніе.

— Да вотъ нѣтъ его! У меня чтобы сейчасъ былъ сысканъ! Слышишь?

Попадья что-то проворчала, однако тотчасъ крикнула:

— Эй, дѣвки! Ищите карандашъ! Куда, шельмы, дѣвали?

— Наташка, поди-ищи карандашъ! гдѣ-то въ сѣняхъ раздался громкій дѣвичій голосъ.

— А ты что сама не ищешь? отвѣтила Наташка изъ сосѣдней комнаты.

— Пошли голосить! проворчалъ о. Левъ.

Черезъ минуту попадья принесла мужу карандашъ—такой маленькій, что едва виднѣлся въ ея пальцахъ. Отдавъ карандашъ, она молча поклонилась гостю и вышла изъ комнаты. Никакихъ рекомендацій.

О. Левъ правилъ семействомъ деспотически. Въ его дѣла никто не вмѣшивался. Гости иногда приходили и уходили, не видавъ ни попадью, ни дочерей. Равнымъ образомъ ни попадья, ни дочери не получали безъ нужды никакихъ свѣденій о гостяхъ. Однако Хлоповъ былъ не простой гость.—О. Левъ велѣлъ тотчасъ поставить для него самоваръ и сказалъ, что вся семья будетъ пить чай. Это рѣдко случалось. Онъ обыкновенно предпочиталъ пить чай безъ своихъ домоладцевъ.

Взявъ отъ попадья карандашъ, о. Левъ шаркнулъ имъ раза два о столовую ножку и сталъ что-то записывать въ книжку. — Вездѣ надо акуратность! проговорилъ онъ. — Не запиши, послѣ и забудется. Прежде я каждую порошину записывалъ, а теперь только одни долги и помѣчаю.

— Неужели все это долги, что записано? спросилъ Хлоповъ.

— Да. Я съ крестьянами живу попріятельски; за-то и самъ не остаюсь въ убыткѣ. Вездѣ надо смѣтку.

Принесли самоваръ въ полтора ведра. Самоваръ этотъ былъ единственный въ домѣ и наставлялся, какъ для двухъ человѣкъ, такъ и для большой компаніи. Наставлялъ и носилъ его сторожъ, который при этомъ дѣлался до того краснымъ, что подходилъ на другой самоваръ изъ красной мѣди.

— Позови напихъ! скомандовалъ о. Левъ сторожу.

Вскорѣ вошли попадья и двѣ поповны. Хлоповъ всталъ съ мѣста, поклонился и сѣлъ; все это сдѣлалъ онъ такъ быстро, что, когда поповны стали раскланиваться съ нимъ, онъ уже сидѣлъ и глупо смотрѣлъ на нихъ.

О. Левъ досталъ изъ своего кошелька ключъ отъ шкафа и подалъ его женѣ. Этотъ ключъ онъ всегда носилъ съ собой. Попадья отперла шкафъ и достала чайницу. Попъ взялъ эту чайницу, досталъ изъ нея чайной ложкой чаю и всыпалъ его въ чайникъ; потомъ заглянулъ въ чайникъ, еще досталъ изъ чайницы нѣсколько крупицъ и всыпалъ ихъ въ чайникъ; опять заглянулъ, опять досталъ и т. д., разъ пять или шесть. Потомъ онъ подалъ чайникъ женѣ, которая и налила въ него кипятку.

Хлоповъ между-тѣмъ смотрѣлъ на поповенъ. Сдобныя лица ихъ совсѣмъ не имѣли той прелести, какую онъ предполагалъ, глядя на нихъ съ улицы. Они не цвѣли здоровьемъ, не отличались крѣпостію и румянцемъ, какъ обыкновенно бываетъ у здоровыхъ деревенскихъ дѣвушекъ. Видно было, что эти лица имѣли хорошей аппетитъ, но при этомъ слишкомъ много спали. Особенно въ старшей поповнѣ было много дряблости; казалось, поживи она еще нѣсколько лѣтъ, — щеки ея такъ-же отвиснутъ, какъ у бульдоговъ. Впрочемъ, она была въ высшей степени румяна: должно быть, у ней и текли румяна со щекъ.

Объ поповны чинно сѣли на стулья и сложили руки. Послѣднія невольно обратили вниманіе Хлопова. Удивительныя руки были у поповенъ. Толстыя, лоснящіяся и при этомъ блѣдныя, какія-то наводопѣлыя, словно съ годъ лежали въ водѣ!

— Да вы садитесь вотъ тутъ, поближе къ гостю, посовѣтоваль о. Левъ своимъ дочерямъ. — Авось знакомство придется съ нимъ водить.

Дѣвушки переглянулись и замѣтно повзрѣли.

Хлоповъ сдѣлалъ сладчайшую мину и зашевелилъ губами, желая что-то сказать, однако ничего не сказалъ.

О. Левъ сѣлъ за самоваръ и сталъ разливать чай, между тѣмъ какъ попадья пріютилась въ одномъ уголкѣ комнаты. Онъ поднесъ гостю сахарницу, потомъ самъ выбралъ три кусочка сахара и роздалъ ихъ женѣ и дочерямъ. Послѣ этого сахарницу поставилъ на полъ подъ свой стулъ.

Выпивъ двѣ-три чашки, онъ благодушно погладилъ свою бороду и сказалъ женѣ: слышь, попадья: заварили кашу, не надо жалѣть масла! Принеси-ко со свѣгу сладкій пирогъ, что отъ Троицы остался.

— Ахъ, пощъ, мы сѣли безъ тебя этотъ пирогъ! приниженнымъ голосомъ отвѣтила попадья.

— Ну-у!.. все сѣли! уже совсѣмъ неблагодушно сказалъ пощъ и нахмурилъ брови.

Черезъ минуту онъ всталъ и вышелъ въ сѣни.

— Сѣли и такъ! Вѣдь не приказано было! крикнулъ онъ, воротившись въ комнату и неся подъ пазухой что-то бурое. Это былъ тоже пирогъ, но уже не сладкій, а съ рыбой, какъ послѣ оказалось.

Всѣ молчали и смотрѣли въ полъ. При этомъ поповны такъ искусно водили зрачками по отцу и по гостю, что со стороны трудно было замѣтить.

— Наталья, принеси ножъ! приказалъ отецъ одной дочери.

Наталья сходила въ кухню и принесла ножъ. Отдавъ его отцу, она будто нечаянно стала садиться ближе къ гостю, на стулъ, стоявшій между нимъ и сестрой.

— Ну, куда-же ты лѣзешь? сердито сказала послѣдняя и сзади толкнула ее своей рукой.

О. Левъ отчистилъ ножомъ плѣсень у принесеннаго имъ пиро-

га и сталъ рѣзать его. Конечно, рыбный пирогъ несовсѣмъ годился къ чаю, но что-же дѣлать, если съѣли сладкій пирогъ? Одну часть этого пирога онъ подаль гостю, другую взялъ себѣ, третью подаль дочерямъ, проговоривъ:— дѣлите, да не раздиритесь. Остатокъ пирога онъ положилъ подъ стулъ на сахарницу. Такимъ образомъ попадья не получила своей части,—вѣроятно, въ наказаніе за то, что съѣла сладкій пирогъ.

— Такъ-то, Сосипатръ Павловичъ! сказалъ о. Левъ, вздохнувъ на всю комнату.

„Петровичъ!“ хотѣлъ подсказать Хлоповъ, однако смолчалъ.

— Вы, поди, не думали, не гадали, что будете въ гостяхъ въ этихъ мѣстахъ!

— Не-то, что не думалъ, даже не помышлялъ! громко отвѣтилъ Хлоповъ и искоса взглянулъ на поповенъ: каковъ, молъ, голосокъ!

— Судьба! Вездѣ судьба!

Хлоповъ молчалъ и думалъ, какъ-бы лучше отвѣтить.

— Гм, нельзя сказать, чтобы судьба! глубокомысленно замѣтилъ онъ.— Судьба—это безразсудное существо и находится только въ воображеніи, такъ-сказать идеальная фантазія, потому и говорить, что судьба—индѣйка.

Хлоповъ опять украдкой взглянулъ на поповенъ. Старшая изъ нихъ, казалось, со вниманіемъ слушала его и въ то-же время выщипывала пальцами мягкія части пирога.

— Мм... промычалъ о. Левъ.— Нѣтъ, ужъ вы попроще изъяснитесь. Я о судьбѣ упомянулъ собственно къ тому, что не будь вашего учителя Аристарха,—вы, можетъ быть, никогда и не были-бы здѣсь!

Хлоповъ заерзалъ на мѣстѣ, опасаясь, чтобы онъ не рассказаль городскую исторію.

„Видишь, шельма, блудливъ, какъ кошка, а трусливъ, что заяцъ!“ подумалъ о. Левъ и потомъ громко сказалъ:—Я помню этого Аристарха,—со мной учился въ семинаріи. Сущій выжита былъ. А главное, латынь съѣлъ, потому и въ спискахъ шельмъ хорошо; цѣлыми фразами хваталъ изъ Цицерона на память! За это любилъ его инспекторъ, который былъ учителемъ по латыни.

Ну, извѣстно, инспекторскаго любимца и другіе учителя не ставили низко.

Въ это время о. Левъ протянулъ свою руку къ рукѣ старшей дочери и сильно ущипнулъ ея жирное тѣло. Дочь взвизгнула и поблѣднѣла, такъ-что румяна образовали на щекахъ нѣчто въ родѣ двухъ оазовъ въ блѣдной пустынѣ.

— Вотъ такъ-же болитъ Христось, когда ты выщипываешь хлѣбъ, какъ ты теперь болишь! внушительно сказалъ отецъ.

Блѣдная дѣвушка судорожно потирала рукой ущемленное мѣсто и ожигалась.

Это обстоятельство разстроило расположеніе компаніи. Чай пили точно по подряду. Одинъ хозяинъ быстро выпивалъ чашку за чашкой, шумно обсыпая сахаръ и чокая губами.

Въ кухнѣ послышался стукъ двери и чрезъ минуту раздался громкій голосъ сторожа: ваше благословенье, Иванъ Головинъ пришелъ!

— Экая пасть! проворчалъ о. Левъ и всталъ съ мѣста.

— Вы, Сосипатръ Павловичъ, позанимайтесь съ дѣвками... А вы что напустили такое смиреніе на себя? обратился онъ къ дочерямъ и вышелъ въ кухню.

Хлоповъ, какъ мужчина, долженъ былъ начинать разговоръ съ барышнями. Поэтому онъ перекинулъ одну ногу на другую, потомъ положилъ ихъ постарому, снова перекинулъ и съ нѣкоторымъ усиліемъ выпустилъ:

— Любите хороводы?

Дѣвушки взглянули на него, опустили глаза и стали мять пальцы.

— Любимъ! проговорила одна заунывнымъ голосомъ.

— Любимъ! повторила другая еще заунывнѣе.

— Молоды еще: какъ не любить! сказала попадья въ оправданіе своихъ дочерей.—А ты, соколикъ, по какимъ дѣламъ заѣхалъ сюда?

— Гм... гм, по важнымъ дѣламъ!

— Чай, отъ благочиннаго съ дѣлами?

— Нѣтъ, по своимъ дѣламъ! А вы, я думаю, много держите скота?

— Есть, слава Богу! Три лошадки, да семь коровушекъ, да пять...

— Вѣдь у насъ двѣ лошади, маменька! перебила ее младшая дочь, которую о. Левъ называлъ Натальей.

— Полно, дитяtko, ты ничего не знаешь!.. Вы не на мѣсто-ли прѣехали сюда? снова обратилась мать къ Хлопову, почему-то перемѣняя *ты* на *вы*.

— Можетъ быть. На все судьба!

— Какъ-же судьба? Вы давеча сказали, что судьба—индѣйка! возразила младшая дочь, да и струсилa, и забѣгала глазами по сторонамъ, какъ трусливая мышка.

— А ты завсегда смѣшное скажешь! дорѣзала ее сестра.

Съ своей стороны и Хлоповъ не остался въ долгу.

— Я, дѣйствительно, давеча сказалъ, что судьба составляетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ воображеніе, но при этомъ... какъ-бы вамъ объяснить? при этомъ... вы еще очень молоды и не можете понимать серьезныхъ вещей! любезно прибавилъ онъ.

Этотъ комплиментъ сразилъ старшую поповну и наполнилъ ея сердце завистью. Она надула свои почтенныя губки и съ замѣтнымъ сверканіемъ въ глазахъ поглядывала на сестру.

Разговоръ прекратился. Хлоповъ, весьма довольный самъ собой, „вальжнѣе“ усѣлся на стулѣ. Въ комнатѣ стало тихо. Изъ кухни слышенъ былъ разговоръ о. Льва съ мужикомъ.

— Нельзя, нельзя, говорилъ онъ, — въ это время никто не играетъ свадьбы, значить не по закону.

— Да вѣдь нигдѣ не написано такого закона! смиренно отвѣтилъ женихъ.

— А ты почему знаешь? Правительство заботится о своихъ подданныхъ; заботится, чтобы въ рабочее время не было свадебъ. Ты и самъ посуди, еслибы всѣ стали вѣнчаться въ это время, тогда-бы остановились всѣ работы на поляхъ.

Противъ такого аргумента мужикъ спасовалъ. Но чрезъ минуту онъ снова заговорилъ:—Какъ-же ты говоришь, что законъ? А въ по-запрошломъ году въ это-же время вѣнчался Степка Сыровоткинъ.

За этимъ послышался стукъ, похожій на то, когда колѣнами стучають о полъ.

— Батюшка! Возьми двадцать, только завтра обвѣнчай!

— Обвѣнчать не долго... Только я не знаю... надо посо-

вѣтоваться съ дьякономъ и другими. Ты знаешь, что я не одинъ!

Дальше слышенъ былъ шелестъ бумажекъ. Послѣ шелеста вопросъ:—такъ когда-же?

— Да когда угодно! Безъ нужды притѣснять не станемъ.

Вскорѣ въ комнату вошелъ о. Левъ. Въ одной рукѣ его были бумажки, которыя онъ и положилъ въ шкафъ, подъ косую доску; ключа отъ этой доски никогда никому онъ не давалъ.

— Ну, что, вы еще не подрались? шутливо сказалъ онъ дочерямъ, какъ будто онъ всегда дрались безъ него.—А ты, Наталья, брала сахаръ? прибавилъ онъ, осматривая сахарницу подъ стуломъ.

— Не брала!

— Чего не брала? Вишь пирогъ-отъ другимъ концомъ лежить!

Всѣ переглянулись съ удивленіемъ, такъ какъ всѣ знали, что никто не трогалъ пирога.

— Что ты, попъ, при гостѣ стыдишь дѣвокъ? вступилась попадья.—Спроси вонъ его, и онъ скажетъ, что никто не бралъ твоего сахару.

— Ну, ну, я вѣдь нарочно! А ты рада!.. о. Левъ какъ будто пристыдился.

Послѣ этого онъ собралъ всѣ кусочки сахара, какіе остались на столѣ, и положилъ ихъ въ сахарницу. Потомъ взялъ кусокъ пирога, недоѣденный поповнами, и благополучно отправилъ его въ свой ротъ, послѣ чего сказалъ:—видно, не хотите пирога?

Не прошло и получаса послѣ чаю, какъ стали собирать ужинъ. О. Левъ и тутъ выказалъ множество заботъ и хозяйственныхъ соображеній. Онъ зналъ, гдѣ лежатъ яшныя пироги, изъ которой крынки брать молоко и т. д.; словомъ онъ игралъ роль хозяйки, а жена оставалась кухаркой.

Послѣ ужина онъ велѣлъ попадѣ принести съ чердака перьяную постель. Всѣ переглянулись съ такимъ видомъ, который говорилъ: такъ и есть,—женихъ!

Хлопова уложили въ угловой комнатѣ, смежной съ той комнатой, въ которой пили чай. Это было часу въ девятомъ вечера. Поповны тоже ушли спать на сѣноваль. Только попъ съ попадьею хлопотали еще въ кухнѣ по хозяйству. Хлоповъ могъ

слышать ихъ разговоръ чрезъ длинный кривой корридоръ, проходившій между его комнатою и кухней. Этотъ корридоръ служилъ вмѣсто чуланчика и весь былъ увѣшанъ платьями и юбками поповенъ.

— Завтра испеки пироговъ получше, попадья, говорилъ о. Левъ.—Гость-то, смотри... можетъ быть, породнится!

— Женихъ развѣ? спросила попадья.

— Женихъ!.. Заведи квашню пшеничной мукой, а завтра замѣси крупичатой. Да тамъ въ кладовой, въ сосновомъ шкапчикѣ, на нижней полкѣ, въ маленькомъ ящичкѣ, въ бумажномъ тюричкѣ есть изюму немного, такъ положи его въ пирогъ. Да смотри, не пускай дѣвочкѣ въ кладовую.

— Ладно, ладно! отвѣчала попадья, стучая мутовкой въ квашнѣ.

— А кости положи завтра во щи!

— Что ты, попъ, окрестись! Сегодня и такъ въ другой разъ переваривала ихъ; а завтра еще гость...

— Что гость! На костяхъ клейма не положено; а все-же отъ нихъ понапрѣвютъ щи!

Надо сказать, что о. Левъ очень смахивалъ на Плюшкина. Обломокъ-ли гвоздя, или грязная тряпка, ничто не ускользало отъ его руки. Иногда ѣздить съ требой въ деревню и увидить тамъ на улицѣ изорванный, полусгнившій башмакъ,—непремѣнно подниметь его и притащить домой. Но онъ былъ разумнѣе Плюшкина.—Каждая найденная вещь, будь она сушья дрянь, непремѣнно пойдетъ у него въ дѣло;—сломанный гвоздь онъ подостригъ обухомъ топора и вобьетъ его, гдѣ нужно; грязную тряпку самъ-же вымоетъ и велитъ попадѣ что нибудь заплатить.

Что-же, иногда миллионы такъ наживаются!

VIII.

На слѣдующее утро Хлоповъ еще съ просонокъ услышалъ движеніе и шорохъ въ сосѣдней комнатѣ. Совершенно очнувшись отъ сна, онъ началъ вслушиваться въ чей-то шопотъ и вскорѣ узналъ, что это были поповны. Одна изъ нихъ убѣждала другую, что большія клѣтки на платьяхъ не въ примѣръ красивѣе

маленькихъ, другая-же утверждала, что коротенькія черточки и особенно крестики, въ углахъ которыхъ сидятъ бѣленькія точечки, и все это расположено такими полосами—полосами, а полосы лежатъ на платьѣ поперегъ,—ахъ, это не въ прищѣръ лучше большихъ клѣтокъ!

На улицѣ послышался колокольчикъ. Поповны кинулись къ окнамъ.

— Лѣсничій, лѣсничій! раздался торопливый шопотъ.

— Ну-ко, пусти-и!

— Поди къ тому окну!

— Тьфу, лѣшая!

Колокольчикъ звенѣлъ подъ самымъ окномъ.

— И картузъ бѣлый! прошептала одна поповна.

— А сапоги-то, сапоги! Выше колѣнъ!

— Смотри, какъ свѣтлѣютъ!

— А самъ какой красивый!

— Эхъ, славно отжариваетъ!

— У, вонъ еще пара ѣдетъ!

Къ дому, дѣйствительно подѣвжалъ другой колокольчикъ.

— Это писарь съ засѣдателемъ! прошепталъ одинъ голосъ.

— Видишь, смотришь на окна!

— Кланяется, кланяется!.. Здравствуйте, Иванъ Дмитріевичъ, здравствуйте! послѣднія слова были произнесены уже не шопотомъ, а въ полголоса. Затѣмъ послышался чмокъ. Очевидно, одна изъ поповенъ послала Ивану Дмитріевичу воздушный поцѣлуй.

— А вотъ я маменькѣ скажу! прошептала другая поповна.

— Охъ, какъ я струсила тебя!

— А вотъ нарочно пойду скажу!

Послышались шаги.

— Наташка, ради Христа!.. Слышь не ходи!.. Ну, и я скажу, какъ ты любезничала съ Мишкой Огурцомъ! эти слова были произнесены уже совсѣмъ громко, такъ что Наташка тотчасъ воротилась и успокоила сестру.

Послѣ этого въ комнатѣ затихло на нѣсколько времени. Кто-то сталъ передвигать стулья. У заборки послышался шорохъ. Хлоповъ вверху увидѣлъ макушку чьей-то головы, которая тихоно въ поднималась вверхъ надъ заборкой; свергнули два ма-

сляни́хъ глаза. Онъ тотчасъ защурился. И когда снова немного пріоткрылъ свои вѣки, то увидѣлъ уже четыре любопытныхъ глаза. Онъ снова защурился. Слышно было осторожное и порывистое дыханіе дѣвушекъ. Потомъ шумъ, отодвиганіе стульевъ. Потомъ опять какой-то шорохъ. Хихиканье. Что-то упало на полъ; тихій шопоть. Хлоповъ внимательнѣе сталъ прислушиваться.

— Рубаха! У, какая черная!.. Платокъ! Коробка! А вотъ отгадай, что въ ней?.. Хочешь, отопру? У меня есть кривой гвоздь... Плевать! Смотри, мыло въ рубахѣ... какое запашистое! Отрѣжемъ себѣ,—не замѣтитъ!—Давай, отрѣжемъ; неси ножикъ. Потомъ было тихо; потомъ опять хихиканье.—А тутъ еще что? Старая шапка... и пакля выѣхала! Не большое, братъ, богатство у него.

„Дуры! это онѣ мой кошель осматриваютъ!“ подумалъ Хлоповъ.

Въ сосѣдную комнату еще кто-то вошелъ. По голосу Хлоповъ узналъ попадью.

— На-те, поѣшьте до отца, говорила она.—Онъ ушелъ сейчасъ въ церковь. Ужо я принесу вамъ масла,—помочите.

— И толокна, толокна! прибавили поповны.

— Да не кричите!

Попадья на минутку сходила въ кухню.

— Ъшьте скорѣе, а я посмотрю на улицу! сказала она.

Послышалось чавканье, пыхтѣнье и шопоть:—ай, горячо!—Смотри, вапleshь!—И носъ въ толокнѣ!—Маменька, еще-бы немного...

— Вишь, жадныя! сказала маменька и вышла изъ комнаты.

— А ты что не ѣшь, маменька? спросила одна поповна, когда мать вернулась, должно быть, съ новой порціей лепешекъ.

— Ну, я, дитятко, успѣю, отвѣтила она.—Ахъ, Боже, идетъ! Отецъ идетъ! Убирайте все скорѣе! Толокно-то, столъ оботри!.. въ комнатѣ пошла суматоха, стукъ и громкій говоръ.

— Попадья, что это масломъ пахнетъ? спросилъ о. Левъ, входя въ комнату.

— Не знаю, пощъ, какое тутъ масло! Развѣ деревяннымъ масломъ?

— Скоромнымъ масломъ пахнетъ! Видно, ты кормила дѣвокъ?

— Полно ты, пошь, говорить! У дѣвокъ съ самаго утра маковой росинки во рту не бывало!

— То-то, смотри у меня!.. А гость все еще спить.

— Спать! А ты пошире ротъ разѣвай!

— Ну, ну... яйца курицу не учать! пробормоталъ о. Левъ.

Хлоповъ всталъ съ постели и началъ одѣваться.

— Встаю, о. Левъ! Немного заспался! отѣликнулся онъ.

— Пора и вставать, гостенекъ! Я ужь сколько дѣлъ исправилъ!..

Хлоповъ одѣлся, умылся и все, какъ слѣдуетъ. Опять пошли сборы съ самоваромъ. Опять о. Левъ пять разъ запускалъ ложку въ чайницу и столько же разъ заглядывалъ въ чайникъ. Явились и поповны въ новыхъ шумящихъ платьяхъ съ огромными желтыми клѣтками. Такой матеріи, кажется, трудно и съискать, а онѣ гдѣ-то выкопали. Лица ихъ были красныя и потныя; такія же и руки. Хлоповъ умственно назвалъ одну изъ нихъ феллой, а другую сравнилъ съ колодой. Только ихъ волосы, густые, заплетенные въ двѣ косы, понравились ему. За всѣмъ тѣмъ онъ любезно раскланялся съ ними и спросилъ, что онѣ видѣли во снѣ. Оказалось, что онѣ обѣ видѣли что-то очень страшное, только заспали.

Сѣли за чай. Стали ѣсть лепешки. Пошла бесѣда. Сегодня всѣ разговаривали довольно свободно. Хозяева были довольны женихомъ. Женихъ въ свою очередь былъ доволенъ своимъ положеніемъ;— послѣ крѣпкаго сна, послѣ вкусныхъ лепешекъ, да когда лѣтнее солнце свѣтитъ и грѣетъ, весело играетъ на полу и на стѣнахъ, да когда изъ окна видать зеленый лѣсъ, да широкіе луга, покрытые бѣлыми, синими и красными цвѣтами, да когда широкая песчаная дорога ровно и гладко стелется и извиивается между изгородями и мелкимъ кустарникомъ,—при такой обстановкѣ веселье и довольство сами закрадываются въ молодое сердце. Хлоповъ былъ въ веселомъ духѣ, шутилъ на пропалую и, хотя несъ подчасъ большую окоlescицу, однако не стѣснялся и все говорилъ на распашку. Даже о. Левъ былъ веселѣе обыкновеннаго, даже голосъ его, похожій на голосъ медвѣдя, замѣтно умягчился. Онъ былъ на столько добръ, что позвалъ сторожа въ комнату и налилъ ему чашку чаю, хотя очень прозрачнаго на видъ, но все же изъ чайника; и, наливъ эту чашку, онъ долго

рылся въ сахарницѣ и потомъ собственными зубами откусилъ кусочекъ сахару и подложилъ къ сторожу. Но послѣдній въ это время успѣлъ уже выпить всю чашку и такъ какъ другой не воспослѣдовало, то кусочекъ сахару снова спустился въ сахарницу.

Послѣ чаю о. Левъ пргласилъ Хлопова съѣздить ко Власу на Пять Сосенъ, чтобы осмотрѣть тамошнее мѣсто. Именно въ этомъ приходѣ недавно умеръ священникъ, въ преемники котораго онъ готовилъ Хлопова. Власевскій догостъ стоитъ въ шести верстахъ отъ бобовскаго. Но лохматая лошадка, менѣе чѣмъ въ часъ, довела своего хозяина съ гостемъ до мѣста. Власевская церковь съ высокой и чрезвычайно узенькой колокольной издали давала порядочный видъ, потому что стояла на курганѣ; кругомъ ея версты на три разстилалась равнина, на которой не было ни одного дерева; только утлыя деревни были разсыяны, какъ черные грибы на гладкой лужайкѣ. Впрочемъ у самой церкви росло пять вѣковыхъ сосенъ, отчего происходитъ и названіе прихода.

О. Левъ подѣхалъ въ старому дому умершаго священника. Собственно, домъ былъ казенный и долженъ былъ перейти во владѣніе новаго священника, а старуха-попадья должна искать себѣ новое жилище.

— Здравствуй, старушка! сказалъ о. Левъ, встрѣчаясь въ огородѣ съ попадьею.

Надо сказать, что онъ былъ когда-то благочиннымъ и еще въ то время познакомился съ попадьею, а равно и со всею домовою обстановкой ея.

— Здравствуй, батюшка! отвѣтила старушка.—Какъ это Богъ занесъ тебя сюда?

— Да вотъ хочу познакомить его съ мѣстомъ... Думаетъ уснаститься здѣсь.

— Э-э! Охъ-охъ-о! Мнѣ, значить, въ отставку... искать другое гнѣздышко... Вѣдъ сорокъ пять лѣтъ жила, обжилась... старушка расплакалась.—Словно роднымъ сталъ этотъ домишко... каждая полочка знакома, каждая печурочка грѣла когда-то... Шутка ли сорокъ пять лѣтъ... Ахъ, батюшки мои свѣты, пришли гости, а я и въ комнату не приглашаю! и старушка, утирая передникомъ глаза, повела гостей въ домъ.

— Чѣмъ же васъ подчивать? Чаекъ-то вотъ есть, да сахару

нѣтъ! Сама-то по старой привычкѣ иногда и пошью чайку, да такъ, безъ сахару... будто горяченькое!

— Не хлопочи, старушка; мы пили дома! сказалъ о. Левъ.

— Ну, пили, такъ и слава Богу! Хоть бы пирожкомъ поподчивать, да тоже нѣтъ... мучки-то ни пшеничной, ни яшной нѣтъ... Съ покойничкомъ жили въ добрѣ, благодаря Создателя, а теперь не то... совсѣмъ не то.

— У васъ нѣтъ дѣтей? спросилъ Хлоповъ.

— Были, батюшко, были двѣ дочки, да выданы. Теперь я круглая сирота... и домокъ отнимуть... сорокъ пять лѣтъ... и слезы снова градомъ потекли изъ глазъ старушки; она то передникомъ, то рукавомъ старалась вытереть ихъ, но онѣ еще сильнѣе, еще быстрѣе катились по щекамъ, по подбородку и совершенно смочили морщинистое лицо ея. Хлоповъ не могъ выдержать, отвернулся и нѣсколько разъ крѣпко мигнулъ глазами. Только о. Левъ остался совершенно равнодушнымъ.

— Ну, и будетъ,—пожила довольно! сказалъ онъ.—Теперь пора на покой.

— На покой, давно пора на покой! покорно согласилась старушка.

— Покажи-ко лучше намъ свои апартаменты!

— Да вѣдь ты, батюшко, знаешь.

— Вотъ ему нужно посмотреть!

— Такъ, та-акъ... надо вить другое гнѣздышко...

Старушка повела гостей изъ кухни въ комнаты, которыхъ впрочемъ и было только двѣ. За комнатами осмотрѣли чуланы, погребъ, амбаръ, баню, словомъ все, что можно было осмотрѣть. О. Левъ водилъ, показывалъ, объяснялъ, какъ настоящій хозяинъ всего этого. Старушка едва успѣвала бѣгать за ними. Осмотрѣли и огородъ; о. Левъ даже землю потрясъ на ладони. Все оказалось въ удовлетворительной степени. Еще пораспросили старушку о доходахъ и затѣмъ распростились съ ней.

— Ну, какъ вамъ нравится? спросилъ о. Левъ дорогой Хлопова.

— Ничего, протянулъ тотъ.

— Мѣстечко порядочное. Хотя мужики тутъ не богаты, но за то въ приходѣ около тысячи душъ. Я вамъ скажу, что о. Федосей, вотъ съ Чухломской Богородицы, въ десяти верстахъ отъ насъ, хочетъ сдать свое мѣсто за дочью, а самъ перейти

ко Власу. А вѣдь у него тоже не дурной приходъ,—хотя и 500 душъ,—за то мужики его богаче... Ужь, повѣрьте, не введу васъ въ обманъ! Опять же и свое дѣтище отдаю вамъ...

„Въ томъ-то и дѣло, что твое дѣтище не очень тово... презентабельно! Ну, и тысячный приходъ намъ не по рылу! Ни за что не пуститъ архіерей, тѣмъ болѣе, что невѣсту возьму съ воли“, подумалъ Хлоповъ, однако не высказалъ о. Льву этихъ мыслей. А о. Левъ не зналъ, что онъ второразрядный, да, по правдѣ сказать, и не думалъ объ этомъ. Самъ-то онъ вышелъ изъ философскаго класса семинаріи, да вотъ былъ попомъ на хорощемъ мѣстѣ, да былъ еще и благочиннымъ.

— Такъ какъ-же, я хотѣлъ бы знать ваше рѣшеніе, снова заговорилъ онъ.—Невѣсту вы видѣли,—дѣвка молодая, 17-ти лѣтъ, видѣли и мѣсто...

Хлоповъ ничего не отвѣчалъ. На душѣ у него было грустно. Онъ очень хорошо видѣлъ, что не поступить на это мѣсто. Онъ предчувствовалъ это еще, когда ѣхалъ на власьевскій погостъ. Невѣста—старшая дочь о. Льва—ему сильно не нравилась; конечно, о. Левъ, можетъ быть, согласился бы выдать за него и Наталью, но вѣдь Наталья немного лучше своей сестры!.. Вспомнилъ онъ, какъ обѣ онѣ вчера перебранивались, называли одна другую лошадыю, дразнились; какъ мать кормила ихъ сегодня лепешками украдкой отъ попа; какъ онѣ перебирали кошель его и хихикали. И вступить въ вѣчную, нерасторжимую связь съ одной изъ такихъ дѣвушекъ! Изъ дня въ день, изъ года въ годъ жить вмѣстѣ съ ней, дѣлить радость и горе!.. И невольно вспомнилъ онъ свою мать, которая почти каждый день ссорилась съ мужемъ, была ребятишекъ, подчасъ и выпивала порядкомъ... А вѣдь Александра Львовна такая же будетъ! Пожалуй, и пить еще станетъ, брр... Нѣтъ, помедлю немного еще, поживу у матери, авось счастье заглянетъ ко мнѣ... Только бы улизнуть изъ этого дома.

— А мѣсто я берусь выхлопотать вамъ, говорилъ между тѣмъ о. Левъ.—Въ консисторіи у меня знакомые есть... Вамъ стоитъ лишь протянуть руку, да съѣсть! засмѣялся онъ, желая развеселить своего печальнаго сосѣда.—Что жъ? Женитесь и живите съ Богомъ... хозяйничать станете. Я вамъ въ приданое корову, да лошадь, вотъ эту лохматку и дамъ... по рукамъ, что ли?

— Нельзя, о. Левъ, надо подумать! сказалъ Хлоповъ, хотя въ душѣ и рѣшилъ, что этому дѣлу не бывать.

— Отчего нельзя? Мало развѣ? Лошадка славная, — сорокъ рублей стоитъ! Вы не смотрите, что я двадцать дамъ.

— Да нѣтъ, я не про то...

— И корову отдамъ вамъ самую лучшую! перебилъ его о. Левъ, — и корову лучшую отдамъ...

— Все не то! задумчиво покачалъ Хлоповъ головой.

— Чего же вамъ? Денегъ я не дамъ! рѣшительно сказалъ о. Левъ. — Вѣдь и безъ того придется много издержать съ этой проклятой консисторіей, да со свадьбой. Да вамъ и денегъ не надо! — Лошадка будетъ, корова тоже... А невѣста, я вамъ скажу, теплая, — настоящая печка!

— Н-ну! невольнo произнесъ Хлоповъ и еще глубже погрузился въ свои думы.

Недалеко отъ Бобовскаго погоста съ одной проселочной дороги неожиданно выѣхала на большую дорогу пара, залoженная въ тарантасъ, за ней другая и третья, и позади скакалъ верховой. Всѣ лошади были убраны въ блестящія мѣдныя сбруи и гремѣли колокольцами и бубенчиками. Въ тарантасахъ сидѣли мужики въ синихъ армякахъ и бабы въ пестрыхъ нарядахъ. Лошади скакали во всю прыть, однако не могли перегнать телѣгу о. Льва.

— Это свадьба ѣдетъ! сказалъ попъ. — Скоро снарядились!

Приѣхали на погостъ. Еще не успѣли выѣзть изъ телѣги, какъ прискакалъ и свадебный поѣздъ. Одинъ изъ поѣзжанъ настигъ въ воротахъ о. Льва и началъ говорить, что вотъ, моль, такъ и такъ... Черезъ четверть часа о. Левъ вмѣстѣ съ Хлоповымъ былъ уже въ церкви. Хлоповъ остался на паперти и сталъ смотрѣть на невѣсту, которая въ это время сидѣла на скамьѣ и плакала. Съ обѣихъ сторонъ ея стояли бабы и наскоро убирали ея голову. Недалеко отъ нихъ стояли поѣзжане и на всю церковь перешептывались. Дьячекъ носился съ огромной книгой, въ которой должны были подписаться свидѣтели жениха и невѣсты. Одинъ изъ свидѣтелей былъ грамотный; другой попросилъ Хлопова подписать вмѣсто себя. Хлоповъ подписалъ и кстати посмотрѣлъ въ клировныя вѣдомости, которыя лежали въ свидѣтельской книгѣ. Онъ хотѣлъ узнать, дѣйствительно-ли 17 лѣтъ

старшей дочери о. Льва? Оказалось 22 года. Хлоповъ только покачалъ головой. Онъ облокотился къ стѣнѣ и началъ раздумывать, куда теперь идти,—прямо-ли домой, или зайти еще къ о. Федосею, о которомъ говорилъ о Левѣ? Авось выйдетъ какой-нибудь толкъ! Какъ-бы то ни было, только онъ отложилъ всѣ расчеты съ о. Львомъ.

Между тѣмъ въ церкви шло вѣнчанье; слышалось „Господи помилуй“ и „Тебѣ Господи“. Хлоповъ подошелъ къ молодымъ и посмотрѣлъ на нихъ.—Женихъ, довольно дюжій парень, не очень молодой, стоялъ съ нахмуреннымъ лбомъ. Рядомъ съ нимъ—молодая дѣвушка, когда-то толстая, цвѣтушая, теперь стояла блѣдная, со впалыми щеками, съ красными глазами. Она смотрѣла въ полъ и ни однимъ мускуломъ не двигалась. По временамъ какая-то баба припадала къ ея уху и шептала: кланяйся Богу! Хлоповъ стоялъ близко и слышалъ этотъ шопотъ. Молодая машинально поднимала руку, кланялась и снова упирала глаза въ полъ. Баба снова шептала: кланяйся Богу!.. А на криосѣ дьячекъ такимъ заунывнымъ, такимъ старчески-дребезжащимъ голосомъ напѣвалъ: „положилъ еси на главахъ ихъ вѣнцы“, точно „со святыми упокой“. За то о. Левъ велъ себя солидно и громко, на всю церковь спрашивалъ молодую: „не общалась-ли иному мужу? Да громче говори!“ прибавлялъ онъ внушительно. У невѣсты не хватало голоса сказать это громко, и та-же баба, которая совѣтовала ей кланяться Богу, отвѣчала за нее: нѣтъ, батюшко, не общалась, куда ей общаться?

Хлоповъ вышелъ изъ церкви. Въ ожиданіи о. Льва, онъ облокотился на ограду и сталъ смотрѣть на большую дорогу. Недалеко отъ него, у той-же ограды, стоялъ какой-то мужикъ. Между ними вскорѣ завязался разговоръ.

— А ты, почтенный, по какимъ дѣламъ живешь у о. Льва? спросилъ мужикъ.

— Да по своимъ, отвѣтилъ Хлоповъ.

— Значить, долго еще проживешь?

— Сегодня уѣду.

— Выходить, ты не женишься на дочкѣ его? .

— Да... ты почему знаешь, что я жениться пріѣхалъ?

— На селѣ говорятъ! Я слышалъ, что ты совсѣмъ и сосватался, и приданого тысячу берешь?

— Тыслчу! удивился Хлоповъ.— Неужели онъ такъ богатъ?
 — Молва считаетъ богатымъ! Однако я не шибко вѣрю ей; оно, конечно, есть малая толика, потому—на однихъ долгахъ сколько наживеть...

— На какихъ долгахъ?

— Какъ на какихъ? Мужики здѣсь не богаты; рѣдкій проживеть круглый годъ своимъ хлѣбомъ; а больше бываетъ такъ, что съ масляной, либо много съ Пасхи хлѣба не станеть. Вотъ мужикъ и идетъ, куда слѣдуетъ, кланяется,—одолжи дескать. Ну, у нашего попа хлѣба завсегда вдоволь. Онъ и ссужаетъ при нуждѣ; а осенью, когда намолотятъ свѣжаго хлѣба, долги получаетъ, за каждый четверикъ по два.

— Фу-у! протянулъ Хлоповъ.— Должно быть, и мужики не очень-то любятъ его?

— Гдѣ-жъ любить? Вотъ и я, грѣшный человѣкъ, не шибко жалую его.

— А ты за что не жалуешь?

— Да такой вѣдь онъ... мужикъ махнулъ рукой.— Нѣтъ этта по веснѣ случилась какая оказія!— Не знаю, сказывать-ли?

— Началь говорить, такъ договаривай.

— Да ты не родня ему?

— Какой тутъ родня!

— Видишь, братецъ ты мой, я состою при этой церкви старостой. И вышелъ у насъ съ нимъ споръ на счетъ казенной пожни; значить, нужно было рѣшить, кому отдать ее въ аренду? По тѣ годы, поди лѣтъ семь къ ряду, онъ самъ арендовалъ ее и платилъ въ казну 15 руб. Только по этотъ годъ хотѣлъ взять пожню одинъ мужичекъ, 17 руб. давалъ. О. Левъ не соглашался передать аренду; а я говорю—надо передать, потому—дѣло казенное. Онъ говоритъ—я сколько жертвовалъ на церковь, потому, говоритъ, для меча можно два рубля уступить... Это и правда, что онъ иногда жертвуетъ на церковь; вотъ и сево года купилъ три позвонка на колокольню,—одинъ въ полтора пуда и два по полупуду. Однако, я говорю ему,—хоша ты, о. Левъ, и жертвуешь на церковь, но это дѣло любовное, а пожню, говорю, надо передать. Ну, онъ больше не сталъ спорить и убѣжалъ домой. Только глядь на другое утро,—позвонковъ-то нѣтъ на колокольнѣ. Куда дѣвались? Я немного струхнулъ; сталъ искать

вездѣ, да выспрашивать... и что-бы ты думалъ? позвонки оказались у него въ подпольѣ,—кто-то изъ его домашнихъ проговорился. Должно быть, онъ хотѣлъ напугать меня...—Только я и говорю ему:—о. Левъ, говорю, отдай позвонки; они, моль, лежать въ подпольѣ у тебя.—Нѣтъ, говорить, не отдамъ; я, говорить, на собственные деньги купилъ ихъ; и въ книгу, говорить, они еще не записаны. Долго мы спорили съ нимъ, да гдѣ переспоришь его? Я такъ и бросилъ; думаю, самъ образумится; опять и то, на кой прахъ ему позвонки?.. Черезъ недѣлю образумился и въ правду;—самъ перетаскалъ ихъ ночью на колокольню, такъ что никто и не видалъ.

Староста и Хлоповъ засмѣялись.

— А вотъ я никакъ не пойму, отчего онъ отказался отъ благочинія? спросилъ Хлоповъ.

— Да развѣ самъ отказался? возразилъ староста.

— Онъ говорилъ мнѣ, что самъ; потому, говорить, хлопотливо! Однако, я думаю...

— Слушай его—самъ отказался! перебилъ староста. Отказали, вотъ и все!..—Это было назадъ тому два года. Въ тѣ поры наѣзжалъ въ наши мѣста архирей. Нашъ о. Левъ послалъ пономаря въ одну сторону по церквямъ, чтобы, значить, извѣстить поповъ. Пономарь съѣздилъ, извѣстилъ поповъ, и лепортуетъ о. Льву, что, моль, такъ и такъ, сполнилъ вашъ приказъ.—Ну, теперь поѣзжай въ другую сторону, говорить о. Левъ,—внизъ по Чухломѣ; извѣсти, говорить, и тамошнихъ поповъ.—Смиловивься, о. Левъ, взмолился пономарь,—лошаденка, говорить, вся измучилась, а вонъ у дьячка, говорить, стоитъ она на покоѣ,—пошли ужъ его, говорить. Ну, о. Левъ какъ закричить на него!—какъ ты смѣешь, говорить, мнѣ супротивляться, да я, говорить, сейчасъ тебя упеку... и пошелъ и пошелъ! Пономарь думалъ, что онъ совсѣмъ пропалъ, кинулся на село и палъ на колѣнки посередь улицы.—Добрные хресьяне, говорить, спасите, погибаю! такъ и такъ моль... Мужики взяли, да и написали на попа писульку и послали ее, куда слѣдуетъ. Глядь, мѣсяца черезъ два нашего о. Льва отрѣшили отъ благочинія.

Староста замолчалъ. Хлоповъ тоже нѣсколько минутъ ничего не говорилъ.

— А ты знаешь, какой тутъ о. Федосей есть? Гдѣ-то верстъ за десять, спросилъ онъ старосту.

— О, это на Чухломской Богородицѣ! Есть, есть такой попь.

— Добрый?

— Ничего попь! Добрый попь!

— А по какой дорогѣ къ нему идти?

— По какой? Да къ нему не хитро. Сначала по большой въ ту сторону, потомъ версты за три отсюда ворота налѣво на проселочную дорогу; она какъ-разъ, приведетъ къ Чухломской Богородицѣ.

Въ это время изъ церкви сталъ выходить народъ. Хлоповъ поблагодарилъ старосту за рассказы и распрощался съ нимъ. Онъ пошелъ къ попову дому и на дорогѣ рѣшилъ тотчасъ-же уйти изъ бобовскаго погоста.

Въ средней комнатѣ, въ которой пили чай, онъ засталъ Наталью Львовну, сидѣвшую у окна. Однако она скоро вышла въ кухню. Въ это время Хлоповъ хотѣлъ было приготовить въ дорогу свой кошель; но Наталья Львовна снова явилась въ комнату.

— Сосипатръ Павловичъ! тихо сказала она.

— Что прикажете, Наталья Львовна?

— Я-бы вамъ сказала одно словечко, вы не осердитесь?

— Нѣтъ, на что сердиться?

— Побожитесь, что не осердитесь!

— Ей-Богу не осержусь.

— И не скажете никому?

— Нѣтъ.

— А... а правду говорятъ, что вы пріѣхали жениться на Сашѣ?

Хлоповъ стѣснился и сразу не могъ придумать отвѣта.

— Вы не осердитесь, что я скажу? снова проговорила поповна.

Хлоповъ молчалъ.

— Я-бы вамъ сказала... еслибы вы... въ глазахъ поповны показались слезы.

— Да что такое? Скажите ради Христа!

— Женитесь на мнѣ! съ рыданіемъ прошептала она.

Хлоповъ и ротъ раскрылъ.

— Папенка и маменька всегда бранятъ меня, и сестра бранить, и дерется иногда, а я никого изъ нихъ не люблю... а васъ-бы я повѣкъ любила...

Рыданія нѣсколько разъ прерывали рѣчь поповны. Хлоповъ почувствовалъ искреннюю симпатію къ ней. Хотя и семинаристъ, но онъ былъ чувствителенъ. Онъ хотѣлъ дать ей какое-то утѣшеніе; онъ уже протянулъ къ ней руку, какъ вдругъ послышались въ кухнѣ чьи-то шаги. Поповна вздрогнула и побѣжала вонъ изъ комнаты, но въ дверяхъ столкнулась съ отцомъ.

— Куда ты бѣжишь, загнувъ голову? Да ты плачешь... о чемъ плачешь? О. Левъ съ удивленіемъ смотрѣлъ то на дочь, то на Хлопова. Поповна что-то объясняла, заикаясь и судорожно обтирая глаза кулаками.

— Ступай прочь! крикнулъ онъ на нее и обратился къ Хлопову:—это вы разгнѣвили ее?

— Да, стану я гнѣвить! Не ребенокъ! заносчиво отвѣтилъ Хлоповъ.—Я вотъ собрался домой. Прощайте, о. Левъ! Покорно благодарю за угощеніе!

— А мѣсто какъ-же?

— Не желаю на это мѣсто!

— Какъ не желаете? Съ чего не желаете?

Но Хлоповъ выходилъ уже изъ комнаты и не слушалъ его.

— Я, пожалуй, дамъ вамъ и денегъ рублей тридцать въ приданое! крикнулъ ему о. Левъ,

Но тотъ легъ безъ оглядки подальше отъ этого дома.— Только Наташки нѣтъ жалко! бормоталъ онъ дорогой. — Этотъ шабала подумаетъ, что я изъ-за нея убѣжалъ,—отколотить! какъ есть отколотить!

IX.

Найти дорогу къ Чухломской Богородицѣ было очень нетрудно для Хлопова. Версты чрезъ три отъ Бобовскаго погоста, какъ сказалъ староста, нужно было своротить съ широкой, столбовой дороги на проселочную, уже съ самаго начала которой была видна Богородицкая церковь. На разстояніи семи верстъ Хлоповъ все имѣлъ ее въ виду, такъ-что идти было весело. Церковь была большая, каменная, очень красивая съ своими пятью главами

и блестящими крестами. Глядя на нее, Хлоповъ старался угадать, какіе тутъ люди живутъ, каковъ попъ, какова невѣста и т. п. Онъ соображалъ, что, можетъ быть, чрезъ два-три мѣсяца ему придется поселиться на всю жизнь въ этомъ мѣстѣ, у этой пятиглавой церкви, и будетъ онъ жить тутъ, какъ въ родномъ гнѣздѣ, и будетъ небо коптить... Истинно, небо коптитъ! Не знаю, какимъ образомъ такая здоровая мысль пришла въ голову Хлопова!

На погостѣ онъ спросилъ домъ священника. Ему указали. Съ нѣкоторымъ безповойствомъ вошелъ онъ въ огородъ и приблизился къ крыльцу. У крыльца играли какія-то дѣвочки. Двѣ-три изъ нихъ были одѣты въ платьяхъ; значить, принадлежали причту. Прочія были изъ крестьянскихъ дѣтей. Хлоповъ подошелъ къ одной дѣвочкѣ, которая была одѣта лучше другихъ, и спросилъ ее:—дома о. Федосей?

— Нѣтъ дома папы! бойко отвѣтила дѣвочка и замѣшалась въ толпу подружекъ.

Хлоповъ отступилъ на нѣсколько шаговъ и сталъ смотрѣть на ихъ игру. Дѣвочки немного смутились и затихли, но скоро оправились и снова начали играть.

— Ты, Анютка, будто мой мужъ, а это нашъ ребенокъ! сказала поповна одной дѣвочкѣ и при этомъ указала на годовалаго ребенка, съ которымъ мать, должно быть, заставила водиться ее.

— Ладно! отвѣтила Анютка;—только ребенка у насъ не Ваней зовутъ!

— Станемъ звать Тимошкой! рѣшила та.

— А у меня мужа не будетъ! громко заявила другая дѣвочка. — Я будто вдова, и ребятъ у меня много... Ты, Аксютка, ты, Маринка, ты... ты, всѣ вы будто мои робята,—согласны?

И Аксютка, и Маринка, и другія двѣ-три дѣвочки изъявили свое согласіе.

— Это нашъ домъ! сказала поповна, отиѣривая небольшое пространство земли. — А мы всѣ будемъ жить въ одной избѣ? спросила она вдову и мать многочисленнаго семейства.

— Веселѣе всѣмъ! сказала эта. — Ну, дѣвки, давайте обряжаться! Несите муки, воды, соли!..

Дѣвки разсыпались по сторонамъ и чрезъ минуту принесли — кто глины, кто песку, кто щепъ и черепковъ. Началасьстряпня. Глина замѣнила тѣсто, песокъ — соль, черепки — чашки и тарелки.

— Я стану одѣваться! неожиданно заявила поповна и ускользнула въ какой-то сарай. Изъ сарая она вынесла небольшой обручъ и рогожу.

— Что ты, Олюшка, хочешь дѣлать? спросилъ ее мужъ.

— Карналинъ надо спать! отвѣтила жена.

А спать „карналинъ“ было очень нетрудно; стояло только привязать къ обручу длинную мочалку, и дѣлу конецъ! Сдѣлавъ это, Олюшка снова ушла въ сарай и вскорѣ вернулась оттуда уже въ карналинѣ. — Мужъ ея, Анютка, самъ изъявилъ желаніе нарядиться въ карналинѣ. — Но Олюшка засмѣялась и сказала, что мужчины не наряжаются такъ. Другія дѣвочки съ завистью смотрѣли на растопыренное платье ея и рѣшили, что послѣ обѣда онѣ также сдѣлаютъ себѣ карналины.

Между-тѣмъ, на большомъ чурбанѣ, замѣнявшемъ столъ, появились глиняные пироги и булки. Въ одинъ черепокъ налили воды, а въ воду насыпали стружекъ и травн: это щи.

— Ну, ребята, садитесь, садитесь! торопливо сказала вдова. — Отобѣдаемъ, да и на работу; севодни надо сѣно сгрести, съ поля убрать... охъ, время-то страдное!

Всѣ дѣвочки усѣлись за столъ. Одинъ Тимошка, т. е. годовалой ребенокъ Ваня, остался въ сторонѣ.

— Тимка, садись! крикнула мать.

Тимка возился въ пескѣ и не обращалъ вниманія на нее.

— Слышь, Тимка? Ты ужъ своей матери не слушаешься, своей-то матери!.. И мать, схвативъ небольшой прутокъ, побѣжала къ ребенку.

— Слушайся, слушайся, слушайся! приговаривала она, легонько стегая ребенка.

Ребенокъ началъ плакать.

— Только пивни! Тимошка, только посмѣй! Ну, Ванюшка, Ванюшка, я вѣдь нарочно... не плачь, пойдѣмъ обѣдать... о-о! вотъ и Тимошка мой идетъ, ай Тимошка, умница Тимошка!

Олюшка посадила своего Тимошку за столъ и подала ему

кушанье. Ребенокъ успокоился и безцеремонно положилъ въ ротъ глиняную лепешку.

— Вотъ, молодецъ Тимошка, хи-хи-хи! Кушай, милочекъ, кушай; пироги севодни сдобные, хи-хи-хи.

Прочія дѣвочки тоже хихикали. Ребенокъ сначала улыбался и весело посматривалъ на компанію; потомъ началъ пускать слюну, выплевывать пироги, а тутъ и заплакалъ.

Мать снова стала уговаривать, но, не успѣвъ въ этомъ, воскликнула съ пафосомъ:—Господи ты Боже, какой ревунъ!—За восклицаніемъ послѣдовалъ щелчокъ.

— А вы, пашата, что рты разили? кричала между-тѣмъ вдова своимъ ребятамъ. — Ступайте на работу!.. Ты, Маринка, что зубы скалишь?

Маринка захохотала. Вдова съ сердцемъ бросилась къ ней и стала теревить ее за волосы. Та въ свою очередь вцѣпилась въ волосы матери. Мать отпустила ей въ спину тяжеловѣсный тумакъ и тотчасъ сдачи получила два тумака. Произошла небольшая битва, въ которой мать осталась побѣдительницей. Маринка заревѣла на всю деревню и побѣжала жаловаться своей бабушкѣ. Мать, обезкураженная, какъ-бы въ оправданіе себя, сказала: да вѣдь она моя дочь и я могу учить ее, а она меня не можетъ, потому-что она моя дочь.

На всю эту сцену Хлоповъ смотрѣлъ съ большимъ любопытствомъ. Видя разстройство игры, онъ снова подошелъ къ Олюшкѣ и спросилъ ее:—а гдѣ твой папа?

— Папа тамъ, удить, отвѣтила она, и сдѣлала неопредѣленный жестъ.

— Рыбу удить?

— Да; онъ всегда рыбу удить.

Хлоповъ спросилъ, въ какомъ мѣстѣ онъ удить и какъ добраться до него. Дѣвочка объяснила. Тогда онъ пошелъ сначала къ церкви, потомъ вышелъ на берегъ и спустился къ рѣчкѣ. Недалеко отъ рѣчки, у самой рѣки, лежала огромная сосна, на половину замытая пескомъ и глиной. Образовался холмъ, на которомъ появилась уже муравья. За этимъ холмомъ сидѣлъ о. Федосей въ заплатанномъ подрясникѣ, а предъ нимъ были воткнуты въ берегъ двѣ удочки. Хлоповъ подошелъ и тихонько кашлянулъ. О. Федосей не шевельнулся. Онъ уперъ свои щеки въ

ладони и, казалось, думалъ о чемъ-то. Хлоповъ подошелъ къ нему и заглянулъ въ лицо. Глаза были закрыты. Спать! съ нѣкоторымъ удовольствіемъ подумалъ Хлоповъ, посмотрѣлъ на его фигуру, на удочки, потомъ заглянулъ въ буракъ, стоявшій недалеко отъ о. Федосей; въ буракъ была вода, а въ водѣ плавалъ пискаръ. Около бурака ползали черви, какимъ-то образомъ выползшіе изъ тюрика бумаги, въ которомъ были завернуты. Хлоповъ еще разъ кашлянулъ, погромче.

— Ась? воскликнулъ о. Федосей, быстро провелъ пальцами по глазамъ и сразу вытащилъ обѣ удочки. На удочкахъ не было ни рыбы, ни червяковъ.

— Здравствуйте, ваше благословеніе! проговорилъ Хлоповъ.

— Ась? снова прозвучалъ о. Федосей и оглянулся.

— Я говорю—здравствуйте! Вотъ къ вамъ пришелъ по небольшому дѣльцу... шелъ, знаете, по пути, отчего, думаю, не зайти?

— Такъ, такъ! садитесь, прошу покорно... Ахъ, что-же я усаживаю? Вѣдь не дома! Экая сауса...

О. Федосей вскочилъ на ноги и благословилъ Хлопова; однако не далъ ему поцѣловать своей руки.

— Да я покорнѣйше прошу васъ садиться и продолжать свое занятіе! проговорилъ Хлоповъ съ любезной миной.

— Ничего, можно и прервать. Это мнѣ по привычѣ. Иногда самый отличный клевъ подойдетъ, optimus!.. вдругъ кто-нибудь съ требой! Значить, служба!

— А сегодня, какъ я усматриваю, клевъ несильный былъ.

— Что и говорить! Часа два ужъ сижу, а въ буракъ одинъ пискаръ! Повѣрите-ли Богу—одинъ пискаръ!

— Вы, должно быть, большой любитель уженья?

— Да, да, любитель... скучно; дома-то сидишь, сидишь, очумѣешь; а здѣсь, по крайней мѣрѣ, видишь жизнь; наплавки шевелятся, рыба плещется... очень люблю! Особенно ерши хороши; для меня ужасное удовольствіе—вытащить этакого вертунчика! Однако, что-же мы стоимъ? Садитесь, то бишь пойдемте домой!

И о. Федосей медленно, аккуратно началъ свертывать удочки, причемъ говорилъ: — да, нынче такое ужъ время, что плохо клюетъ. Вотъ весной—другое дѣло. Я, тогда, почитай, съ раз-

свѣта до потемокъ сижу на берегу; буракъ принесу большой, вдвое больше этого, а къ вечеру онъ полонъ ельцами, и какіе ельцы, я вамъ скажу! по-четверти!.. вы не вѣрите?

— Нѣтъ, отчего-же?

Въ это время о. Федосей и Хлоповъ пошли по берегу къ погосту.

— Да, по четверти!.. За-то каждый день тогда уха, пироги, жаркое, настоящая масляница! Знаете, своя рыба какъ-то всегда бываетъ вкуснѣе покупной... Гм, да, масляница! Надо вамъ сказать, что я не однимъ уженьемъ занимаюсь; весной ставлю мережки, а лѣтомъ помчи и морды. Особенно люблю ставить морды! Удиль, конечно, не столь пріятно, но все-же времяпрепровожденіе не безъ пользы, а главное—день въ занятіи не замѣтишь, какъ пройдетъ. Наше житье какое! День да ночь—сутки прочь!.. А смѣю спросить, по какому дѣльцу вы прибыли сюда?

— По какому дѣльцу—изволите спрашивать? сказалъ Хлоповъ.—Я, имѣю честь вамъ доложить, кончившій курсъ семинаріи, и какъ наслышавшись, что вы имѣете намѣреніе сдать свое мѣсто за дочерью, а сами перейти на другое, то я и пришелъ самолично объясниться съ вами касательно этого предмета.

Хлоповъ мелькомъ взглянулъ на о. Федосея, чтобы узнать, какое дѣйствіе произвели на него эти слова. О. Федосей что-то молча соображалъ. Въ это время въ рѣкѣ, недалеко отъ берега, булькнула рыба. О. Федосей остановился и сталъ вглядываться въ водяные круги.

— А знаете, это окунекъ! Непремѣнно окунекъ! шопотомъ заговорилъ онъ.— Закиньте разокъ, авось на счастье... на ваше счастье... бормоталъ онъ, торопливо развертывая удочки.

Хлоповъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него и хотѣлъ что-то сказать, но тотъ не далъ и пиенуть ему.

— Не шумите, не шумите... мы сейчасъ въ буракъ его, разбойника... благослови Господи... окунекъ не выда-ай!

Все это о. Федосей отрывисто прошепталъ, съ напряженнымъ вниманіемъ въ лицѣ, съ едва-замѣтнымъ сотрясеніемъ рукъ. Но когда были закинута удочки, уста его совсѣмъ замолчали и фигура приняла полусотбенное, выжидательное положеніе. Хлоповъ сначала молча стоялъ и смотрѣлъ на него, смотрѣлъ на наплавки,

на рѣку, на погостъ; потомъ сѣлъ, досталъ бумаги и сталъ свертывать сигарку. О. Федосей оглянулся и одобрительно кивнулъ головой. Хлоповъ съ своей стороны улыбнулся. Странности пона нравились ему, потому-что при нихъ вольнѣе чувствовалось.

Тишина продолжалась довольно долго, такъ-что Хлопову стало наскучивать. Наконецъ, о. Федосей вытянулъ уду и громко сказалъ:—нѣтъ, шельма, не клеветъ! Потомъ еще разъ закинулъ ее, подержалъ въ водѣ нѣсколько минутъ и снова громко сказалъ:—нѣтъ, шельма, не клеветъ!

— Видно, мое счастье плохо! замѣтилъ Хлоповъ.

— Нѣтъ, это не потому! Вотъ весной безъ всякаго счастья бываетъ отличный клеветъ... И о. Федосей снова началъ рассказывать, какъ онъ удить тогда рыбу, ставитъ мережки и т. д.—Теперь не стоитъ и ходить на рѣку, безъ преувеличенія это говорю! внушительно прибавилъ онъ.—Да что подѣлаете? Привычка! Сидишь ино дома, думаешь, чтобы подѣлать? сходишь въ огородъ, посмотришь, пощупаешь, а тутъ на умъ и взбредеть — не иди-ли, молъ, поудить? Да нѣтъ, думаю, не пойду! Вотъ развѣ попробовать, есть-ли черви въ мусорѣ? Знаете, коннень заступомъ, а тутъ, какъ нарочно, превосходная червь попадетъ! Ну, нѣтъ, все-таки думаю, не пойду сегодня удить! А самъ пробираюсь на сѣнникъ, гдѣ удочки хранятся... Смотришь, чрезъ часъ и сижу на рѣкѣ.

О. Федосей далъ себѣ небольшой роздыхъ.

— Такъ вы, государь мой, хотите взять мое мѣсто за Солей?

— Да-а, т.-е. побесѣдовать съ вами объ этомъ предметѣ, сказалъ Хлоповъ.

— Такъ, такъ, отчего не побесѣдовать?.. Опять другая моя страсть—сидѣть за самоваромъ. По два и по три часа сижу и все помаленьку отхлебываю чай. Время-то этакъ птицей летить. Въ томъ и жизнь наша проходить! вздохнулъ о. Федосей.

— Значить, по приходу у васъ немного дѣла?

— Даже очень немного. Приходъ небольшой; опять-же теперь заведено привозить новорожденныхъ для крещенія на погостъ; да часто и больные плетутся сюда исповѣдаться...

Въ этихъ и подобныхъ разговорахъ о. Федосей и Хлоповъ

поднялись на гору, прошли церковную ограду и вошли въ огородъ, уже знакомый намъ.

На крыльцѣ они встрѣтили попадью, женщину еще не старую, съ размашистыми пріемами, въ рабочемъ костюмѣ, въ полотняномъ передникѣ, спускавшемся до самыхъ ступней.

— Вотъ это моя супруга! А это нашъ гость, матушка... по весьма важному дѣлу! внушительно прибавилъ о. Федосей.

— Милости просимъ въ горницу, не совсѣмъ любезно сказала она, поправляя свой костюмъ. Слова „по весьма важному дѣлу“ не произвели на нее никакого дѣйствія, ибо она знала, что для супруга ея каждый пустякъ представлялъ важное дѣло. А на этотъ разъ она тотчасъ догадалась, что гость ни болѣе ни менѣе, какъ изъ духовнаго правленія.

В. Старостинъ.

БАВИЛОНСКОЕ СТОЛПОТВОРЕНІЕ.

(Окончаніе).

КНИГА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Знакомить насъ съ барономъ и съ аббатомъ Негрони

Много, очень много заботъ было у св. отца въ началѣ 1860 г. Италия преобразилась: Пьемонтъ, Ломбардія, Тоскана и отторгнутыя части Романьи составляли уже одно неразрывное государство, и по всему было видно, что на этихъ перемѣнахъ дѣло не остановится. Появилась офиціальная брошюра „Le rare et le songtès“, въ которой проповѣдывалась идея, что папа долженъ удовольствоваться вѣчнымъ городомъ и римскимъ епископствомъ; въ то же самое время, Людовикъ-Наполеонъ написалъ Пію IX письмо, въ которомъ подтверждалъ высказанныя въ брошюрѣ мысли. И то и другое имѣли въ виду принудить папу отказаться отъ власти надъ уже отторгнутыми провинціями, но св. отецъ не внималъ ничему- и на все отвѣчалъ своимъ вѣчнымъ поп *possumus*, и твердилъ, что вступивъ на папскій престолъ, онъ полагается католикамъ всегда защищать неприкосновенность Церковной области, съ которой связаны интересы всего католическаго міра и по этому не можетъ согласиться на отдѣленіе Романьи!

Между тѣмъ положеніе Церковной области, послѣ ея раздробленія, было далеко не безопасное. Многочисленные подданные папы, отчасти сосланные, отчасти добровольные эмигранты, во главѣ которыхъ стоялъ бывший министръ Кампелло, собрались во Флоренціи и послали императору французовъ адресъ, подъ которымъ

подписались даже многіе жители Перуджіи. Въ Анконѣ, Мачератѣ, Пезаро и въ обѣихъ Мархіяхъ, волненіе достигло до такихъ предѣловъ, что генераль Піанелли, стоявшій на границѣ во главѣ неаполитанскихъ войскъ, потребовалъ безотлагательной присылки подкрѣпленія.

Даже въ самомъ Римѣ, гдѣ развѣвалось французское знамя, положеніе дѣлъ было далеко не успокоительнаго свойства. Возбужденные исторіей съ Мортарою евреи обратились съ адресомъ къ парижскому конгрессу, а населеніе Рима не пропускало ни малѣйшаго случая для изъявленія своей ненависти къ папскому правительству.

Людовикъ-Наполеонъ все еще не отказывался отъ своихъ федеративныхъ замысловъ, и надѣялся скрѣпить союзъ между папою, императоромъ австрійскимъ, въ качествѣ венеціанскаго короля, и королями неаполитанскимъ и піемонтскимъ; но этотъ планъ старыхъ итальянскихъ патріотовъ Вентурны и Джоберти уже отжилъ свой вѣкъ, и теперь въ Италіи всѣ патріоты единодушно стремились къ осуществленію идеи единаго итальянскаго государства.

Послѣ пораженія при Сольферино, австрійское правительство было вынуждено отставить отъ должности министра самаго ненавистнаго изъ своихъ государственныхъ людей. Его, однакожь, отправили посломъ въ Римъ. Недальновидные и наивные люди сочли это назначеніе за почетное изгнаніе, но на самомъ дѣлѣ отставленному министру дали крайне важное порученіе: онъ долженъ былъ способствовать приведенію въ исполненіе самыхъ отважныхъ плановъ іезуитской партіи.

Іезуиты, какъ прежде, такъ и теперь, всегда имѣли очень сильное вліяніе на австрійскую политику. Они проповѣдывали въ церквяхъ, посѣщаемыхъ аристократами, были духовниками и совѣтниками дамъ высшаго круга, и потому всегда имѣли возможность изъ всякаго дѣла извлекать свою собственную пользу.

Вліяніе общества іезуитовъ на направленіе политики австрійскаго правительства началось давно, почти съ самыхъ первыхъ годовъ основанія іезуитскаго ордена. Дѣятельность такихъ людей, какъ патерь Канизіусъ, Михалъ Клезль и патерь Ламорманъ, оставляла по себѣ слѣды на многіе годы и вліяла на направленіе не одного, а нѣсколькихъ поколѣній.

До самого послѣдняго времени правительство постоянно отличало этотъ орденъ и выражало ему свою признательность за долготѣлюю, вѣрную службу. Не далѣе какъ въ 1856. г. императорскимъ рескриптомъ передали университетскую церковь въ вѣденіе іезуитскаго ордена, и тогдашній настоятель вѣнской іезуитской коллегіи сдѣлался ректоромъ вѣнской университетской церкви. Этимъ была окончательно скрѣплена связь между университетомъ и духомъ Лойолы.

Въ роковомъ 1859. году общество іезуитовъ выказало удивительную дѣятельность. Оно разослало своихъ миссіонеровъ по всѣмъ болѣе или менѣе замѣчательнымъ городамъ; самый талантливый изъ его членовъ проповѣдывалъ каждое воскресенье въ дворцовой церкви. Многочисленные общества поддерживали дѣятельность ордена. Такимъ образомъ іезуиты агитировали въ пользу войны, которая имѣла цѣлю ослабленіе либеральнаго Пьемонта, низверженіе Людовика-Наполеона, восстановленіе той или другой линіи Бурбонскаго дома и усиленіе могущества церкви.

Они начали съ устройства военной части и стали укомплектовывать папскую армію. Когда въ декабрѣ 1859. г. лордъ Лофтусъ потребовалъ объясненій отъ графа Рехберга, по поводу набора австрійскихъ солдатъ въ папскую армію, графъ, не отрицая этого факта, отвѣтилъ просто, что австрійское правительство не можетъ принять на себя отвѣтственности за то, что дѣлаетъ въ Римѣ баронъ Бахъ и уволенный изъ дѣйствительной службы генералъ Майргоферъ. На самомъ-же дѣлѣ, офицеры и солдаты постоянно переправлялись изъ Триеста въ Анкону.

На новыя представленія, со стороны Франціи, кардиналъ Антонелли отвѣчалъ разными отговорками. „Одинъ только Пьемонтъ виновать во всемъ, говорилъ онъ, — что-же касается святого отца, то немногіе монархи могутъ сравняться съ нимъ въ либерализмъ возрѣній.“ Между тѣмъ, отношенія римскаго двора къ тюрингскому сдѣлались такими натянутыми, что казалось невозможнымъ долѣе удержать французскія войска въ Римѣ. Кардиналъ Антонелли объявилъ, что можетъ поддержать порядокъ въ Римѣ и одними папскими войсками, если только Неаполь будетъ содержать гарнизоны въ Анконѣ и въ Мархіяхъ. Сардинскій король согласился на это предложеніе, но Францискъ II сдѣлалъ возраженіе, ссылаясь на недостатокъ средствъ. Тогда возникла

мысль—передать начальство надъ войсками Ламорисьеру. Назначеніе стараго республиканскаго генерала считалось дѣйствиѣмъ, враждебнымъ Наполеону, несмотря на то, что оно не могло состояться безъ его разрѣшенія.

Между-тѣмъ, Пій IX отрѣшилъ отъ церкви и предалъ проклятiю зачинщиковъ, подстрекателей и участниковъ въ узурпаторствѣ. Всякій зналъ, на кого онъ тутъ мѣтилъ, несмотря на то, что главный зачинщикъ и подстрѣкатель вовсе не былъ названъ. Въ концѣ марта булла была прибита на всѣхъ перекресткахъ Рима, и одно только постоянное присутствіе жандармовъ могло спасти ее отъ негодующаго народа.

Французское правительство знало очень хорошо, на кого намекала папская грамота, и, разумѣется, запретило ея обнародованіе во Франціи. Но такъ-какъ средневѣковое оружіе папы не попало въ цѣль, то Наполеонъ не имѣлъ основанія отказать ему въ защитѣ Рима. Онъ даже предложилъ, чтобы католическія державы давали папѣ субсидію для содержанія римскаго двора и гвардіи, имѣвшей назначеніемъ личную охрану св. отца; но эту субсидію предполагалось выдавать только въ томъ случаѣ, если папа согласится на нѣкоторыя реформы. Но Антонелли отвѣтилъ, что папа согласится на реформы только послѣ возвращенія Романьи; что-же касается вооруженной силы, то папа еще можетъ на собственные средства содержать свою армію.

Ламорисьеръ находился въ Римѣ, когда ему предложили начальство надъ папской арміей. Наполеонъ не воспротивился этому назначенію и въ началѣ апрѣля Ламорисьеръ издалъ приказъ по своей арміи, въ которомъ говорилъ, что „революція угрожаетъ современной Европѣ въ той-же мѣрѣ, въ какой нѣкогда угрожалъ ей исламизмъ, и что папство представляетъ собою прогрессъ, свободу и цивилизацію“.

Съ этихъ поръ началось движеніе, къ которому примкнула часть католической и аристократической молодежи Франціи; вмѣстѣ съ ними прибыло въ Римъ немалое количество искателей приключеній разныхъ націй. Иноземные кардиналы, Виземанъ, Рейзахъ и Вилькуръ, составили комитетъ для сбора приношеній въ пользу св. отца, но заемъ въ Брюсселѣ состоялся только съ величайшимъ трудомъ. Потребность въ деньгахъ возростала съ каждымъ днемъ, римскіе финансы были до-нельзя разстроены, а

казна расхищалась чиновниками. Ламорисьеръ узналъ, что довольно значительная часть солдатъ и офицеровъ значились только по спискамъ, но не существовала на дѣлѣ, а жалованье выдавалось на всѣхъ. Мало того, капитаны никогда не упоминали въ своихъ рапортахъ о многочисленныхъ дезертирахъ, отчасти для того, чтобы не опечалить св. отца, но главное, чтобы оставить въ своемъ карманѣ выдаваемое на нихъ жалованье. Съ отторженіемъ Романьи, доходъ Церковной области уменьшился въ значительной степени, и чиновники, бѣжавшіе изъ Романьи въ Римъ, напрасно ходатайствовали о полученіи слѣдующаго имъ жалованья.

Какъ одеваешь ни плохо было положеніе финансовъ и самой папской арміи, Ламорисьеръ все еще надѣялся довести ее до двадцати-тысячнаго состава, но вскорѣ встрѣтилъ затрудненія со стороны военнаго министра, которымъ былъ въ то время назначенъ Меродъ, бельгійскій пѣхотный офицеръ, стоявшій за выжидательную политику вопреки мнѣнію Ламорисьера, требовавшаго рѣшительныхъ дѣйствій.

Имя Ламорисьера привлекло въ Римъ многихъ французовъ. Всѣ они были врагами имперіи, представителями которой въ Римѣ служили графъ де-Грамонъ и генералъ Гойонъ. Графъ Грамонъ, опасаясь столкновеній папскихъ французовъ съ императорскими, настаивалъ на немедленномъ удаленіи изъ Рима французскаго войска, тѣмъ болѣе, что Ламорисьеръ говорилъ не стѣсняясь, что можетъ обойтись и безъ помощи французовъ. Въ маѣ должно было начаться удаленіе французскихъ императорскихъ войскъ изъ Рима.

Такимъ образомъ наступало время великихъ кризисовъ. Рассчитывая на помощь католическихъ державъ, папское правительство воображало, что можетъ продолжать свой прежній образъ дѣйствій. Пій IX и Антонелли смотрѣли на угрожавшихъ имъ итальянцевъ, какъ на „чужихъ“, и объявили, что Италія нарушила принципъ невмѣшательства, и что, слѣдовательно, Испанія, Австрія, Баварія и даже Франція, должны послѣдить на помощь св. отцу.

Около этого времени, казалось, должны были осуществиться самые отважные планы Австріи. Неаполь и Римъ были центрами обширной коалиціи, или скорѣе, заговора между вѣнскимъ кабинетомъ, кардиналомъ Антонелли, вдовою Фердинанда II и Фран-

пискомъ II. Вдовствующая королева поддерживала дѣятельную переписку съ одной высокопоставленной австрійской дамой. Папскій нунцій въ Неаполѣ, монсиньоръ Джіанелли, былъ одинъ изъ самыхъ рьяныхъ приверженцевъ неаполитанской реакціонной политики, и испанскій посланникъ Бермудезъ де-Кастро былъ достойный его сподвижникъ. Они желали добиться войны, посредствомъ союза между Австріей и Неаполемъ. Конечно, они играли въ опасную игру, но еслибъ удалось разъединить молодую, еще неполявъ сплоченную Италію, то потомъ нетрудно было-бы подбить ультрамонтановъ и орлеанистовъ на возстаніе во Франціи. А тамъ, можетъ быть, удалообъ выпроводить изъ Франціи племянника великаго корсиканца... Какое торжество! Какое мщеніе за Мадженту и Сольферино!

Однимъ изъ главныхъ дѣятелей ультрамонтанской партіи въ то время былъ человекъ, котораго мы въ нашемъ разсказѣ будемъ называть просто „Баронъ“. Онъ происходилъ изъ мѣщанской семьи, вышелъ въ люди во время революціи, и сдѣлалъ блистательную карьеру. Онъ держался того убѣжденія, что для преуспѣванія въ жизни не нужно быть разборчивымъ на средства, такъ-какъ, по его мнѣнію, самыя неблаговидныя средства должны были привести къ самымъ выгоднымъ результатамъ. Онъ поднимался все выше и выше, но въ одинъ прекрасный день увидѣлъ себя окруженнымъ врагами. Народъ и дворянство, военное сословіе и бюрократія—всѣ одинаково отворачивались отъ него. Проклинаемый всѣми честными людьми, онъ увидѣлъ предъ собою одинъ только исходъ — союзъ съ духовенствомъ. Къ величайшему удивленію всѣхъ знавшихъ барона за кутилу и атеиста, онъ внезапно превратился въ ханжу и украсилъ свой гербъ однимъ изъ изреченій Лойолы. Этимъ путемъ ему удалось удержаться на прежней высотѣ: еще многіе годы управлялъ онъ дѣлами, преслѣдовалъ своихъ враговъ, и продолжалъ свой обычный образъ жизни. Въ тотъ день, когда по его настоянію собрался конгрессъ изъ сорока князей церкви въ пурпуровыхъ мантияхъ, онъ возмечталъ, что настала минута торжества его реакціонной дѣятельности. Но несчастная война подкосила его окончательно и онъ, волею-неволею, долженъ былъ отказаться отъ прежняго положенія.

Теперь онъ находился въ Римѣ, жилъ чрезвычайно скромно

и уединенно, и дѣлалъ видъ, будто занятъ однимъ только спасеніемъ своей души. Онъ совѣщался часто и долго съ генераломъ іезуитовъ, патеромъ Бексомъ, и всѣ думали, что онъ искалъ у него только разрѣшенія религіозныхъ сомнѣній. Въ дѣйствительности-же, онъ руководилъ всѣми дѣлами, и анти-національное возстаніе средней Италіи было подготовлено преимущественно имъ.

Въ концѣ Корсо стоитъ громаднѣйшій палаццо, построенный при Павлѣ II по плану Джузіано да-Майано. Подобно дворцу Фарнезе, матеріалъ для этой постройки былъ взятъ изъ Колизея, и огромныя плиты его высокихъ стѣнъ придаютъ ему видъ феодальной крѣпости. Этотъ дворецъ служилъ резиденціей многихъ папъ, въ немъ жилъ Барсо д'Есте, герцогъ феррарскій, и Карлъ VIII, король французскій, когда онъ проѣзжалъ черезъ Римъ для покоренія Неаполя. Пій IV подарилъ этотъ дворецъ венеціанской республикѣ за то, что она первая покорилась рѣшеніямъ трентскаго собора. Съ тѣхъ поръ онъ и остался собственностью Венеціи, а теперь въ немъ жилъ „Баронъ“.

Въ печальномъ запустѣніи стоятъ огромныя залы, которыя могли-бы пріютить тысячи воиновъ. У величавыхъ воротъ зѣваетъ рыжій, курносый, рабой великанъ, занимающій должность швейцара, но котораго можно скорѣе принять за пугало, выставленное съ нарочною цѣлью—представить изящнымъ римлянамъ образецъ безобразія сѣвернаго варвара.

Дворъ заросъ травою. Съ подъѣзда внутри дома идетъ огромная, безконечная лѣстница, ведущая въ нескончаемые коридоры, по которымъ приходится блуждать минутъ пять, прежде чѣмъ удастся дойти до обитаемыхъ комнатъ.

Въ одно апрѣльское утро по этой лѣстницѣ поднимался чело-вѣкъ среднихъ лѣтъ, по виду итальянецъ. Рѣзкія очертанія его высокаго, красиваго, благороднаго лба, густыя, сдвинутыя брови смягчались живымъ, исполненнымъ мысли, взглядомъ. Легкимъ шагомъ, спокойно поднимался онъ, слѣдуя по изгибамъ лѣстницы. Черная шляпа съ загнутыми кверху полями, чернѣйшій скотчукъ, шелковый плащъ, короткіе панталоны, чулки и башмаки съ пряжками, указывали на его духовное званіе. То былъ аббатъ Негрони.

Онъ, очевидно, былъ нерѣдкимъ гостемъ въ этомъ домѣ, по-

тому-что встрѣтившій его ливрейный лакей провелъ его безъ доклада въ комнату своего господина. Когда вопель Негрони, Баронъ сидѣлъ за своимъ рабочимъ столомъ, но при видѣ посѣтителя онъ немедленно всталъ, спрятавъ въ то-же время исписанный имъ листъ бумаги въ ящикъ стола, и заперъ его на ключъ.

— Благословенно имя Господа нашего Иисуса Христа, крѣтко сказалъ Негрони.

— Во вѣки вѣковъ аминь! отвѣтилъ апатично Баронъ, низко склонивъ свою голову.

— Я приношу хорошія извѣстія, сказалъ Негрони, вдругъ переходя въ тонъ свѣтскаго разговора, который составлялъ странный контрастъ съ древне-христіанскимъ смиреніемъ его привѣта.

— Дай-то Богъ, возразилъ Баронъ. — Впрочемъ пора, наконецъ, дѣламъ принять другой оборотъ. Мы бѣдствовали ужъ довольно долго! Такъ въ чемъ-же дѣло?

— Буря на востокѣ, повидимому, утихаетъ окончательно. Наполеонъ начинаетъ дѣлать уступки.

— Вѣроятно, для того, чтобы выиграть время, презрительно замѣтилъ нѣсколько разочарованный Баронъ.

— Вы не угадали, воскликнулъ Негрони: — это не пустые разговоры, а точно формулированныя уступки. Вчера св. отецъ получилъ письмо, вмѣстѣ съ тѣмъ пришла и длинная депеша къ государственному секретарю, которая служитъ практическимъ комментариемъ къ письму.

— Вы очень легко восторгаетесь! сказалъ Баронъ, бросивъ испытующій, недоувѣрчивый взглядъ на своего гостя.

— Не я одинъ радуюсь. Его святѣйшество, равно какъ и его приближенные, того-же мнѣнія.

— Вотъ этого-то я всегда и боялся.

— Какъ боялись, ваше превосходительство.

— Мы очень рады, сказалъ Баронъ, прищуривъ глаза, и отступивъ на минуту отъ своей обычной сдержанности, — мы очень рады, что Наполеонъ съ своими пьемонтскими сообщниками, наконецъ-таки, испугался своей собственной наглости. Но въ этомъ не кроется ни малѣйшей перемѣны въ убѣжденіяхъ; это не раскаяніе. Онъ просто хочетъ выиграть время. Это, конечно, очень лестно для насъ, потому-что доказываетъ нашу силу, но это не

должно имѣть вліянія на нашъ образъ дѣйствій. И хотя Наполеонъ не посвященъ въ тайну нашихъ великихъ плановъ, но тѣмъ не менѣе онъ отчасти знаетъ ихъ. Вотъ онъ и подкрадывается, подаетъ надежды, распускаетъ свои сѣти, надѣясь поселить раздоръ въ нашемъ лагерѣ. Онъ боится напасть открыто на наши соединенныя силы, но надѣется справиться съ нами, когда ему удастся разъединить насъ. Мы всѣ знаемъ, какой онъ мастеръ плести паутину, но мы не боимся ни его, ни его солдатъ. Намъ нечего мѣшкать, мы должны дѣйствовать наступательно теперь-же, нынѣшнимъ-же лѣтомъ, пока люди еще не привыкли къ новому положенію дѣлъ, и пока возбужденность католическаго міра не перешла еще въ индифферентизмъ. Испанія, Неаполь и нѣмецкіе государи стоятъ за насъ, и мы завтра-же могли-бы начать походъ, еслибъ только были окончены переговоры съ Пруссіей. Впрочемъ и эти переговоры идутъ очень успѣшно. Пруссія разыгрываетъ роль спѣсивой, чтобы добиться большихъ уступокъ. Мы съ своей стороны, рады обѣщать все, что угодно, и затягиваемъ дѣло только для того, чтобы она лучше повѣрила серьезности нашихъ обѣщаній. Вся феодальная партія въ Пруссіи стоитъ за насъ. У принца-регента прямая, простодушная солдатская натура. Онъ уже вышелъ изъ того возраста, когда люди готовы идти на перекоръ традиціямъ, въ которыхъ они выросли и состарились. Однимъ словомъ все идетъ какъ нельзя лучше. Предпринимается громадный крестовый походъ, который, въ сущности слѣдовало-бы начать гораздо раньше, напримѣръ, немедленно послѣ декабрьскаго переворота. Тогда еще и русскій великанъ былъ на нашей сторонѣ, но—что прошло, то прошло. Хотя въ настоящее время, обстоятельства и менѣе благопріятны, но все-таки они еще вовсе недурны, и могутъ только ухудшиться отъ провоочки. Не странно-ли, что то самое правительство, которое больше всего заинтересовано въ этомъ дѣлѣ, самое существованіе котораго зависитъ отъ нашей побѣды, — выказываетъ такую преступную нерѣшительность. Такъ, по крайней мѣрѣ, я понялъ ваши слова, г. аббатъ.

— О, это недоразумѣніе, живо воскликнулъ Негрони, — папское правительство вовсе не заслуживаетъ обвиненія въ нерѣшительности.

— Я говорю, рѣзко прервалъ его Баронъ, — не о самомъ пра-

вительствѣ его святѣйшества, а о французской партіи римской іерархіи, краснорѣчіе которой въ этомъ затруднительномъ положеніи весьма непріятно дѣйствуетъ на св. отца. И вы сами, г. аббатъ, измѣнили своимъ убѣжденіямъ; вы также начинаете сочувствовать кликѣ, величающей себя либералами.

— Мнѣ очень горько слышать такіа слова, именно отъ васъ, сказалъ Негрони печально.—Наканунѣ нашего великаго похода намъ слѣдовало-бы быть вполнѣ единодушными, и не допускать ни малѣйшаго недовѣрія. Чѣмъ я заслужилъ подобный упрекъ? Я вовсе не принадлежу къ кружку, который вы изволите называть французскимъ, но я все-таки могу поручиться за каждаго изъ его членовъ. Я убѣжденъ, что они всегда отдадутъ преимущество интересамъ церкви передъ интересами Франціи. Нашъ братъ священникъ, къ какому-бы знамени онъ ни принадлежалъ, все-таки прежде всего остается священникомъ.

— Вы меня не такъ поняли, возразилъ Баронъ, — я вовсе не думаю объ измѣнѣ. Это было-бы черезъ-чуръ глупо! Подъ французскою партіею я подразумеваю ту фракцію важныхъ сановниковъ, которые полагаютъ, что церковь восторжествуетъ, если будетъ любезничать съ Франціею и потакать ей. Но такая плоская, безтактная политика можетъ быть порождена однимъ только эгоизмомъ людей, которые готовы подкосить все дѣло, лишь-бы выдти изъ минутнаго затрудненія. Вліяніе этой партіи ослабляетъ самыя энергическія рѣшенія папы, тормозитъ его энергію и ослабляетъ воинственный духъ, въ которомъ такъ нуждается церковь въ настоящее время. Но будьте увѣрены, любезный Негрони, что я не вздумалъ-бы волноваться, если-бы не узналъ стороною, что у васъ готовится конфиденціальный циркуляръ къ епархіямъ, въ которомъ совѣтуютъ не приступать пока къ энергическимъ мѣрамъ.

— Это неправда, вскрикнулъ Негрони тономъ страстнаго протеста:— вы жестоко ошибаетесь. Мы, правда, готовимъ циркуляръ, но совершенно въ другомъ духѣ. Я взялъ на себя редакцію этого документа, и не премину представить ее вамъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

— Очень любопытно посмотрѣть, сказалъ Баронъ, впадая пять въ свою обычную апатію.— Въ настоящее время необходи-

мо возбуждать духъ католицизма. Ну что-же, г. аббатъ? Вы другого ничего не имѣете сообщить мнѣ?

— Другого ничего не припомню, простодушно отвѣтилъ Негрони, спокойно выдерживая пронизательный, испытующій взглядъ Барона.

— Такъ пришлите-же скорѣе циркуляръ, сказалъ онъ наконецъ.—И постарайтесь въ другой разъ принести дѣйствительно хорошія вѣсти изъ Франціи. Дай-то Богъ, чтобы вы могли сообщить мнѣ о религіозныхъ возмущеніяхъ, о серьезныхъ столкновеніяхъ, о маленькихъ Варфоломеевыхъ ночахъ... До свиданія.— Да благословитъ васъ Богъ!

Онъ бѣгло поклонился ему движеніемъ головы, причемъ ротъ его автоматически улыбался, между тѣмъ какъ рука его уже направилась къ ящику стола, въ который онъ спряталъ бумагу въ минуту прихода аббата.

Аббатъ вышелъ; но лишь только дверь затворилась за нимъ, лицо его мгновенно преобразилось. Глаза его приняли грозное, почти хищное выраженіе, а ротъ искривился ироническою улыбкою — и, только по прошествіи нѣсколькихъ секундъ пришелъ онъ въ обычное свое спокойствіе.

Но аббатъ не спустился по лѣстницѣ—онъ завернулъ въ маленькій коридоръ и вошелъ въ комнату камердинера, гдѣ онъ преспокойно развалился на диванѣ.

Камердинеръ, человѣкъ уже пожилой, очень почтенной наружности, съ гладко-выбритымъ лицомъ, встрѣтилъ аббата съ большимъ почтеніемъ, и между ними завязался слѣдующій странный разговоръ, вовсе непохожій на тотъ, который только-что происходилъ въ комнатѣ Барона.

— Вотъ видите, началъ аббатъ,—я опять былъ съ визитомъ у Барона. Что онъ за осторожный человѣкъ—онъ, словно, никому не довѣряется, не исключая и меня. Право, не будь васъ, милѣйшій Іосифъ, я ничего не зналъ-бы о томъ, что дѣлается въ Римѣ. Нѣтъ-ли чего новаго?

— Мало, очень мало. Развѣ то, что субсидіи довольно скудны, и что люди, готовые сражаться за церковь, набираются съ большимъ трудомъ.

— Увы! увы! Мы живемъ въ развращенный вѣкъ!

— Одно время нашъ Баронъ былъ въ совершеннѣйшій отчаяніи, но теперь, повидимому, начинаетъ опять надѣяться.

— Что-же новаго въ депешахъ, получаемыхъ Барономъ? живо спросилъ аббать.

— Они получаютъ теперь въ меньшемъ числѣ, чѣмъ прежде. Баронъ, повидимому, невольнѣ довѣряетъ здѣшнимъ телеграфамъ. Въ этихъ депешахъ все больше говорится о предметахъ неважныхъ, о денежныхъ дѣлахъ...

— Важные вопросы, должно-быть, передаются цифрами?

— Нѣтъ, онъ кажется, недовѣряетъ и цифрамъ... и должно-быть не безъ основанія... Что здѣсь за чиновники! Вѣдь это просто скандалъ! Всѣ они стоятъ за Италію и не на кого положить. Вслѣдствіе этого оказывается безопаснѣе имѣть, по-прежнему, дѣло съ почтою—конечно, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ—и какъ я имѣлъ уже честь доложить вамъ въ прошлый разъ...

— Такъ, такъ, перебилъ его аббать, дѣлая видъ, что не придаетъ этому особеннаго значенія.—А что, вы еще не знаете причины, по которой Баронъ поднялъ такой шумъ, когда у него пропала страница послѣдняго моднаго журнала? Съ которыхъ поръ сдѣлался онъ такимъ франтомъ?

— Я думаю, что доискала причины этого, сказалъ Іосифъ.—Одновременно съ моднымъ журналомъ, прибыло письмо, которое, быть можетъ, имѣетъ нѣкоторую связь съ нимъ.

— Вотъ какъ! Что-же вы нашли въ этомъ письмѣ?

— Ровно ничего, крошѣ чистаго листа бумаги. Но въ этомъ листѣ были вырѣзаны нѣкоторыя мѣста.

— Вы, разумѣется, сняли съ него копію, если не удержали самаго листа, сказалъ аббать, улыбаясь.

— Конечно, отвѣтилъ старикъ;—я сдѣлалъ это, но не знаю найду-ли я его—я не помню, куда я его запряталъ.

— Поищите только хорошенько, сказалъ аббать, вынимая свой портфель.—Я, съ своей стороны, надѣюсь отыскать въ своемъ карманѣ обычное вамъ вознагражденіе.—Вотъ видите, тутъ пятьсотъ франковъ.

Поиски Іосифа, дѣйствительно, увѣнчались желаннымъ успѣхомъ. Онъ нашелъ бумагу, въ замятъ которой аббать положилъ на столъ свои кредитные билеты.

— Прощайте, любезный Іосифъ, сказалъ онъ, улыбаясь. — Что ни говори, а вы все-таки хитрый старикашка, и умѣте заглядывать въ карты. Я, быть можетъ, уѣду изъ Рима на нѣсколько дней—смотрите живите хорошо безъ меня. А прогроз. Куда-же дѣвался арапъ Гассанъ, который служилъ у кардинала Антонелли? Онъ былъ довольно умный малый, изъ котораго могъ выдти толкъ...

— Какъ, развѣ вы не знаете этой исторіи?

— Ничего не знаю.

— Его преосвященство велѣлъ обучить его христіанской религіи, и окрестилъ его. Затѣмъ онъ повелъ его къ папѣ, который, давъ ему поцѣловать свою туфлю, сдѣлалъ ему маленькій экзаменъ, и остался такъ доволенъ имъ, что подарилъ ему большую медаль съ изображеніемъ Божіей матери. Въ тотъ-же самый вечеръ Гассанъ развѣивалъ свою медаль въ одномъ изъ домовъ терпимости и это получило огласку.

— Это нехорошо! Этого я не ожидалъ отъ Гассана! сказалъ аббатъ, покачивая головою и спускаясь внизъ по лѣстницѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Поясняющая настоящій характеръ аббата Негрони.

Аббатъ Негрони жилъ во дворцѣ всемогущаго кардинала Сансовина. Онъ родился въ Умбріи, и началъ свое поприще скромнымъ постомъ духовнаго пастыря въ Фолинью, гдѣ онъ своимъ фанатизмомъ обратилъ на себя вниманіе начальства.

Онъ былъ членомъ Sacra Ruota, и приобрѣлъ себѣ громкую репутацію относительно политическихъ процессовъ въ клерикальных кружкахъ, но за-то имя его упоминалось съ скрежетомъ зубнымъ всеми приверженцами итальянскаго единства. Въ при-мѣръ его энергіи приведемъ слѣдующій случай: одинъ изъ его близкихъ родственниковъ былъ приговоренъ къ смерти военнымъ судомъ, и хотя аббату стоило сказать одно только слово для его спасенія, онъ съ спокойнымъ, даже радостнымъ сердцемъ далъ его разстрѣлять, и даже гордился этимъ, какъ доказательствомъ

своего неподкупнаго рвенія. Во время рѣзни въ Перуджіи онъ былъ тамъ папскимъ комиссаромъ и превзошелъ жестокостью самаго генерала швейцарскихъ наемниковъ; тѣ немногіе, которые уцѣлѣли послѣ этого безпримѣрнаго кровопролитія, были захвачены имъ впоследствии, брошены въ тюрьму и преданы суду. Подобной-то репутаціи и своему политическому кредиту онъ былъ обязанъ многочисленными порученіями, которыя и исполнялъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ, чѣмъ онъ проложилъ себѣ дорогу къ высшей политикѣ. Онъ былъ цѣлою головою выше большинства даже хорошихъ дипломатовъ, потому-что, кромѣ своего проницательнаго ума и беспощадной энергіи, онъ обладалъ рѣдкимъ тактомъ, и не останавливался ни предъ какими средствами для исполненія своихъ цѣлей и сразу заявлялъ себя достойнымъ соотечественникомъ Макиавелли, типъ котораго постоянно снова нарождается въ Италиі, принимаетъ новый видъ и остается безсмертнымъ.

Въ числѣ ревностныхъ помощниковъ аббата Негрони первое мѣсто занималъ патеръ Джузеппе Фантазмо. Онъ былъ его столоначальникомъ, его секретаремъ и его правою рукою.

Патеръ Джузеппе былъ еще очень юный богословъ, только-что вступившій на духовное поприще. Виѣшность его ничѣмъ не заявляла о своемъ превосходствѣ и трудно было понять, чѣмъ онъ успѣлъ приобрести расположеніе и довѣріе такого умнаго чловѣка, какъ аббатъ Негрони. Его худое, нескладное лицо, его большіе, неподвижные, почти тупые глаза, казалось, отражали его умственную ограниченность и это впечатлѣніе не терялось даже приѣближайшемъ знакомствѣ съ юнымъ богословомъ. Даже самые проницательные люди видѣли въ патерѣ Джузеппе простого, ограниченнаго чловѣка, идущаго по указанному пути, подобно хорошо заведенной машинѣ. Казалось, что онъ былъ обязанъ своимъ завиднымъ положеніемъ только своему христіанскому смиренію.

Вскорѣ послѣ посѣщенія Негрони, Баронъ уже отправился отдавать ему визитъ, узнавъ предварительно, что навѣрное не застанетъ его дома. Онъ предпочиталъ повидаться только съ его секретаремъ.

Патеръ Джузеппе принялъ его превосходительство съ подобострастнымъ почтеніемъ и немедленно повелъ его въ отдаленную

комнатку, гдѣ они могли разговаривать совершенно спокойно, не опасаясь непрошенныхъ свидѣтелей.

Баронъ развалился на удобномъ креслѣ, не ожидая приглашенія; все его обращеніе ясно показывало, что великій міра сего снисходить до разговора съ маленькимъ человѣкомъ.

— Ваше превосходительство получили мое конфиденціальное сообщеніе, началъ почтительно патеръ Джузенпе.

— Какже, получилъ. Но съ тѣхъ поръ вашъ начальникъ былъ у меня, и сказалъ мнѣ, что готовить циркуляръ къ епархіямъ...

— О, да! онъ уже готовъ и отправленъ.

— Что вы говорите? Такъ вы сняли съ него, по крайней мѣрѣ, копію?

— Можете-ли вы въ этомъ сомнѣваться. Еслибъ я не сумѣлъ сдѣлать такой простой вещи, то былъ-бы достоинъ лишиться довѣрія вашего превосходительства.

При этомъ онъ досталъ изъ своего кармана бумагу, которую баронъ схватилъ съ видимымъ нетерпѣніемъ. Когда-же Баронъ прочелъ ее, то покачалъ головою и сказалъ:

— Если таково дѣйствительно содержаніе этой бумаги, то я не понимаю, почему аббать не хотѣлъ сообщить мнѣ ее самъ.

— Этого я не знаю.

— Впрочемъ, я очень доволенъ, продолжалъ Баронъ, съ прояснившимся на мгновеніе лицомъ.—Я начиналъ было тревожиться не на шутку и меня преслѣдовали самыя мрачныя предчувствія. Мнѣ казалось, что папское правительство отворачивается отъ насъ и со всѣмъ своимъ скарбомъ переходитъ въ французскій лагерь.

— Съ тѣмъ, чтобы ихъ подъ видомъ дружбы мало-по-малу ограбили самымъ основательнымъ образомъ, сказалъ секретарь съ странною улыбкою.—Нѣтъ, церковь давно доказала, что она понимаетъ свои собственные интересы.

— Въ этомъ я не сомнѣваюсь, отвѣчалъ баронъ, — но случается также, что принимаютъ иногда обманчивый призракъ за дѣйствительность.

— Касательно этого пункта ваше превосходительство можете быть совершенно покойны. Аббать Негрони ненавидитъ Наполеона, какъ самого князя тьмы. Я считаю своимъ долгомъ уни-

чтожить и послѣдній призракъ недовѣрія въ васъ именно потому, что всею душою преданъ вамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и церкви, съ которою ваше превосходительство составляете одно неразрывное цѣлое. Слышали вы что-нибудь объ исторіи Феличе Негрони, родственника нашего аббата?

— Феличе Негрони? спросилъ, какъ-бы припоминая баронъ. — Кажется, нѣтъ.

— Это темная, таинственная, кровавая исторія.

— Нѣтъ, не помню, а вѣдь у меня память обыкновенно очень хороша.

— Извольте видѣть: вышеупомянутый Негрони — (это псевдонимъ; его собственно звали Феликсомъ, графомъ Ормандо) происходитъ изъ древняго, но раззорившагося рода, который втеченіи нѣсколькихъ столѣтій постоянно оставался вѣренъ папскому престолу. Къ младшей линіи этого дома принадлежитъ нашъ аббатъ. Незадолго до государственнаго переворота 2-го декабря, въ то время, когда даже законныя правительства считали Людовика-Наполеона надежною опорою реакціи и консервативной партіи, въ Римѣ уже существовали люди, которые видѣли одно только лицемеріе въ католическомъ рвеніи президента. Они понимали, что французскій гарнизонъ находится въ Римѣ не для защиты папы, а скорѣе для осады Ватикана.

— То были умные и проницательные люди.

— Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Во главѣ ихъ стоялъ кардиналъ Мирозоле.

— Я зналъ его. Это былъ истинный ненавистникъ французъ: надо отдать ему эту справедливость. Миръ праху его!

— Смерть его была мгновенная и безъ всякихъ мученій. Пораженный апоплексическимъ ударомъ за ужиномъ, онъ умеръ весело и улыбаясь съ бокаломъ шампанскаго въ рукахъ. Человѣкъ этотъ былъ очень либераленъ въ религіозныхъ вещахъ, но во всемъ, что касалось Людовика-Наполеона, онъ былъ ужасный фанатикъ; хорошо, что онъ не дожилъ до эпохи, послѣдовавшей за Сольферино—онъ-бы не порадовался, увидавъ, что его пророчества исполняются съ такою точностью. Пока онъ былъ живъ, никто его не слушалъ, никто ему не вѣрилъ...

— Я это знаю, знаю! сказалъ со вздохомъ баронъ. — Мнѣ самому приходится горько рассказываться, потому-что и я принадле-

лежалъ къ числу тѣхъ ослѣвленныхъ государственныхъ людей, которые повѣрили Наполеону. Хотя онъ былъ для насъ брвеномъ въ глазу, но тѣмъ не менше мы ждали и ждали, и дождались наконецъ того, что изъ маленькаго змѣенна сдѣлался огромный змѣй.

— Когда кардиналъ Мирозоле понялъ, продолжалъ юный богословъ, — что онъ проповѣдуетъ ненависть къ Наполеону глухимъ, и нельзя больше надѣяться на то, что законныя правительства Европы соединятся противъ героя 2-го декабря, тогда— слушайте внимательно г. Баронъ— тогда, когда всякій другой пришелъ-бы въ отчаяніе, онъ рѣшился дѣйствовать на собственный страхъ и во что-бы-то ни стало освободить міръ отъ рокового племянника знаменитаго дядюшки. Мой начальникъ, аббатъ Негрони былъ въ то время секретаремъ кардинала, которому онъ и обязанъ своимъ счастьемъ и блистательнымъ поприщемъ и безъ котораго онъ умеръ-бы гдѣ-нибудь въ полнѣйшей неизвѣстности сельскимъ священникомъ. Кардиналъ сообщилъ ему свои планы, и аббатъ оказался вполне достойнымъ такого довѣрія. Съ обыкновенною энергіею принялся онъ за дѣло, переговорилъ съ своимъ родственникомъ, графомъ Ормандо, необыкновенно умнымъ, энергичнымъ и отважнымъ человекомъ, и передалъ ему главную роль. Графъ Ормандо принялъ имя Негрони, подъ которымъ и дѣйствовалъ до конца, и, условившись въ планѣ дѣйствій, отправился въ главный центръ всѣхъ заговоровъ, въ Туринъ, гдѣ онъ вскорѣ прославился своимъ краснорѣчіемъ и восторженностью. Папское правительство для виду преслѣдовало его, какъ политическаго преступника; онъ сошелся здѣсь съ партіею мадзинистовъ съ тою цѣлью, чтобы, въ случаѣ неудачи, свалить все на революціонеровъ. Ему удалось подкупить двухъ отчаянныхъ смѣльчаковъ, Суріо и Артезини, если я не ошибаюсь.

— А! прервалъ его Баронъ. — Мнѣ кажется, что я нападаю на слѣдъ. Я когда-то читалъ объ этомъ дѣлѣ въ тайномъ донесеніи, но я или забылъ подробности, или оно было изложено очень темно. Впрочемъ, продолжайте, пожалуйста.

— Соучастники этого отважнаго предпріятія, продолжалъ патеръ Джузеппе, — отправились въ Парижъ и послѣ долгихъ и тщательныхъ приготовленій, назначили день и часъ для великаго

дѣла. Покушеніе было сдѣлано у входа въ Орега Comique, но оно не удалось. Суріо и Артезини пропали безслѣдно, и если они еще живы, то, безъ сомнѣнія, проживаютъ въ Кайеннѣ. Благородный Негрони успѣлъ спрятаться въ одной виллѣ въ Пасси, и когда на другой день, туда ворвалась французская полиція, она нашла только уже остывшій трупъ. О его кончинѣ ходятъ самыя разнорѣчивыя слухи. Вѣрнѣе всего то, что онъ не рассчитывалъ на спасеніе и, не желая компрометировать великаго дѣла и собственной партіи, лишилъ себя жизни.

— Такъ, такъ, пробормоталъ баронъ задумчиво, очевидно взволнованный и заинтересованный слышаннымъ разсказомъ.

— Я думаю, сказалъ секретарь, — что послѣ всего сказаннаго ваше превосходительство будете другого мнѣнія объ аббатѣ Негрони.

— Я вамъ очень благодаренъ за ваши сообщенія. Эта исторія разсвѣла мое недовѣріе къ аббату, возрастающее съ каждымъ днемъ; притомъ она можетъ послужить мнѣ оружіемъ противъ самого аббата, еслибъ онъ вздумалъ слишкомъ зазнаться... Вы должны сами согласиться, что онъ, подобно угрю, легко ускользаетъ изъ рукъ, если его не держать покрѣпче.

— Ваше превосходительство слишкомъ скромны! возразилъ патеръ Джузеппе, лукаво улыбаясь. — Отъ васъ онъ, кажется, не слишкомъ-то ускользаетъ.

— Конечно, мы дѣлаемъ, что можемъ, отвѣтилъ Баронъ безъ самодовольства. — Для того, чтобы намъ съ нимъ быть заодно, нужна была немалая доля хитрости съ моей стороны.

При этомъ онъ поднялся съ мѣста.

— Надѣюсь, что ваше рвеніе не охладится, — не забудьте, что васъ ожидаетъ великая награда. Если васъ не сразу сдѣлаютъ епископомъ, то виною этого будетъ только ваша крайняя молодость. Къ счастью, это такого рода недостатокъ, который уменьшается съ каждымъ днемъ.

— Душевно благодаренъ вашему превосходительству за вашу ко мнѣ благосклонность; рассчитывайте на меня, какъ на самого себя, сказалъ тронутый секретарь, провожая Барона и низко кланяясь ему.

Нѣсколько часовъ спустя, вошелъ аббатъ Негрони. Послѣ свиданія съ Барономъ, онъ успѣлъ сдѣлать еще нѣсколько другихъ

визитовъ, и если судить по его разговору съ Барономъ, подобныя посѣщенія пріятелей можно было назвать довольно утомительнымъ трудомъ. Но онъ безъ-устали повторялъ ихъ каждый день, чтобы не отставать отъ новостей, чтобы поспѣвать за однимъ, или поднадуть другого. Теперь онъ вернулся домой, хотя и утомленный, но въ отличномъ расположеніи духа: должно быть, онъ остался доволенъ результатомъ своихъ трудовъ.

— Любезный братъ, обратился онъ къ патеру Джузеппе, потягиваясь на креслѣ, — кончилъ-ли ты свою работу?

— Нѣтъ еще, но черезъ часъ все будетъ готово.

— Это удивляетъ меня? Обыкновенно ты работаешь такъ бойко. Черезъ два часа отправляется французскій курьеръ въ Чивита-Векію.

— У меня было много задержекъ. Между прочимъ я потерялъ много времени съ Барономъ.

— Какъ! онъ былъ уже здѣсь? живо воскликнулъ Негрони. Что, много онъ тебя спрашивалъ?

— Конечно, за этимъ дѣло не стало, но больше всего интересовалъ его циркуляръ.

— Ну, что-же? Далъ ты ему копію? Остался онъ доволенъ?

— Сколько мнѣ кажется—да.

— Дѣлалъ онъ еще какія-нибудь замѣчанія?

— О да! но въ сущности, онъ казался вполне удовлетвореннымъ.

— Да, да, вѣроятно, онъ въ этомъ и не притворился, потому что, еслибъ онъ увидѣлъ настоящій циркуляръ, то съ нимъ отъ ужаса сдѣлался-бы ударъ. Однако, ты славно водишь его за носъ!

— Онъ, впрочемъ, очень недовѣрчивъ и толкуетъ постоянно о томъ, что часть кардиналовъ навѣрное тайно любезничаетъ съ Франціей.

— Вотъ какъ! это доказываетъ, что у него хорошее чутье. Да, этотъ баронъ умный человекъ.

— Затѣмъ я рассказалъ ему исторію покушенія Негрони. Она подѣйствовала прекрасно.

— И ты не забылъ моихъ указаній и прицѣлъ къ ней кардинала Мирозоле?

— Разумѣется! я, какъ всегда, говорилъ почти вашими словами.

— Хорошо, любезный братъ! сказалъ Негрони.—Но знаешь что? вѣдь мы поступаемъ очень дурно относительно памяти умершаго. Унизить его до того, чтобы сдѣлать изъ него орудіе поповъ! Это очень, очень дурно, хотя и полезно. Одно только успокоиваетъ мою совѣсть: еслибъ Негрони былъ еще живъ, онъ сказалъ-бы то-же самое о своемъ предпріятіи, еслибъ онъ, этимъ путемъ, могъ достичь такой-же великой цѣли, какой достигаемъ мы. Да, онъ былъ истинъ Брутъ. Но какъ ни верти, а это все-таки мучаетъ меня. Поступать такимъ образомъ—значитъ буквально засыпать неплотъ мертвеца глаза врагамъ.

— Къ тому-же Баронъ полагаетъ, что эта исторія можетъ послужить ему орудіемъ противъ васъ, въ случаѣ еслибы вы слишкомъ зазнались.

— Оружіемъ противъ меня! презрительно сказалъ аббать.—Онъ имъ будетъ воевать съ вѣтряными мельницами. Еслибъ онъ пользовался у тюльерійскаго кабинета такимъ-же кредитомъ, какъ я, тогда былъ-бы еще шансъ на возстановленіе шаткаго престола св. отца — и я сдѣлался-бы первою жертвою новой инквизиціи.

Тутъ наступила пауза. Аббать вынулъ свой портфель и началъ перебирать находившіяся въ немъ бумаги; затѣмъ, пересмотрѣвъ ихъ, онъ положилъ ихъ обратно, за исключеніемъ одной. То былъ листъ совершенно бѣлый, довольно толстой бумаги. На ней не было написано ничего, но было много долевыхъ прорѣзовъ, точно, будто ребенокъ забавлялся вырѣзываніемъ изъ нея маленькихъ продолговатыхъ четырехугольниковъ. Можно было-бы подумать, что это былъ начатый, несовсѣмъ удавшийся абажуръ.

— Посмотри, Джузеппе, сказалъ Негрони веселымъ и шутивымъ тономъ, разсматривая изрѣзанную такимъ образомъ бумагу,—какую красивую игрушку я принесъ съ собой. Это умный подарокъ Іосифа, камердинера Барона, не скрывающій въ себѣ ни малѣйшаго коварства.

— Это, вѣроятно, ключъ къ статьѣ изъ моднаго журнала, которую недавно получилъ Баронъ, съ живостью воскликнулъ Джузеппе.

— Именно такъ. И этотъ ключикъ откроетъ намъ какую-нибудь спеціальную тайну Барона. Покажи-ка сюда эту модную статью.

Джузенне принесъ листъ одного французскаго моднаго журнала, печатавшагося въ Вѣнѣ. Вотъ что они прочли въ немъ.

„Съ наступленіемъ весны наши магазины постоянно переполняются прекрасными покупательницами. Теперь яркіе цвѣта не въ модѣ. Всѣ выбираютъ одноцвѣтныя матеріи и между ними самыми элегантными цвѣтами считаются: цвѣтъ гаванна, резеды, gorge de pigeon, свѣтло-зеленый и т. д., платья отдѣляются болѣею частью кружевомъ—уступка моды начинающемуся весеннему сезону. Шляпы носятъ средней величины изъ итальянской соломы съ длинными лентами, съ бархатнымъ бордюромъ. Но слѣдуетъ при этомъ обращать вниманіе на то, что гармонируетъ съ цвѣтомъ лица и волосъ.

„Относительно юбокъ мода колеблется между альпага и гро-де-наплемъ; нижнія-же юбки дѣлаются съ извѣстнымъ рисункомъ и продаются въ большомъ количествѣ во всѣхъ модныхъ магазинахъ. Не менѣе успѣшно идетъ продажа поплина и орлеана.

„Наступаетъ сезонъ водъ, и мужья и отцы семействъ уже начинаютъ свои приготовленія къ путешествію. Уже начинаютъ являться поклонники прелестной богини любви, эти милыя дѣти моды, амуръ играетъ въ рощахъ и натягиваетъ лукъ, чтобы спустить стрѣлу, долженствующую осчастливить смертнаго.“

Аббатъ и его помощникъ невольно расхохотались, прочитавъ этотъ легкомысленный отчетъ, который, повидимому, не могъ имѣть ничего общаго съ серьезными занятіями государственнаго человѣка.

— Теперь давай сюда рѣшотку, сказалъ Негрони, съ нетерпѣливою поспѣшностью принимая изъ рукъ секретаря бумагу съ вырѣзками и накладывая ее на только-что прочтенную страницу.

— Я увѣренъ, говорилъ онъ при этомъ,—что тутъ откроется нѣчто очень важное. Но вотъ оно! вотъ оно! посмотри сюда, что тутъ выходитъ.

Онъ прочелъ слѣдующія просвѣчивавшіяся черезъ вырѣзки слова:

„Никакихъ уступокъ. — Скоро настанетъ время начать дѣло въ средней Италіи.—Договоръ между Неаполемъ и нами готовъ

къ подписи.—Отбыло множество волонтеровъ.—Орлеанисты приготовлены.—Моденскіе полки присоединить къ Ламорисьеру.“

— Однако! они дѣйствуютъ съ большою энергіею, чѣмъ я ожидалъ, воскликнулъ Негрони.—Теперь мнѣ становится яснѣмъ, на что Баронъ намекалъ сегодня утромъ. Впрочемъ, мы были на сторожѣ и безъ этого извѣщенія. Теперь, однако, нужно поторопиться къ кардиналу Сансовини; мнѣ необходимо переговорить съ нимъ немедленно.

— Вы его теперь не застанете! воскликнулъ Джузеппе, указывая на часы,—время уже позднее.

— Я знаю, гдѣ отыскать его, небрежно сказалъ Негрони, собирая бумаги, которыя хотѣлъ взять съ собою.

— Отъ васъ, сколько я вижу, ничего не скроешь, сказалъ секретарь, между-тѣмъ какъ его автоматическое лицо вдругъ озярилось какою-то странною улыбкою.

— Это еще не заслуживаетъ похвалы, отвѣтилъ аббать.—Всякій ребенокъ знаетъ, что кардиналъ, въ послѣднее время, каждый вечеръ стоитъ на часахъ у г-жи Вальбергъ. Гораздо проницательнѣе будетъ тотъ, который сумѣетъ сообщить мнѣ имя святой, которой я молюсь по вечерамъ.

— А что, еслибъ я попробовалъ разъяснить эту тайну? сказалъ Джузеппе съ лукавою улыбкою.

— Оставимъ это до другого раза. Положимъ, что ты и угадалъ бы, но вѣдь я отъ этого умнѣе не стану. Пусть всякій забавляется, какъ знаетъ, только смотри, чтобы тебя кто-нибудь не засталъ у прекрасной еврейки.

— Меня? съ испугомъ пробормоталъ всегда безцвѣтный Джузеппе, вдругъ слегка покраснѣвъ.

— Не краснѣй, сказалъ аббать,—у тебя хорошій вкусъ.

— Меня подозрѣваютъ совершенно напрасно, сказалъ Джузеппе съ потупленнымъ взоромъ.—Правда, я бывалъ нѣсколько разъ въ *Vicolo degli ebrei* и посѣщалъ одно еврейское семейство, въ которомъ въ числѣ другихъ дѣтей есть и прехорошенькая дѣвушка, но мои посѣщенія дѣлаются съ вѣдома матери, такъ-какъ вся семья желаетъ перейти въ христіанскую религію.

Негрони разразился громкимъ смѣхомъ.

— Милый Джузеппе! Въ тебѣ сохранилась еще вся благородная стыдливость юнаго богослова. Я не вижу, зачѣмъ тебѣ не

продолжать свои попытки обращенія невѣрныхъ! Но я не скрываю отъ тебя, что ты сдѣлалъ-бы хорошо, еслибъ отправлялся къ своей ученицѣ не иначе какъ вечеромъ, потому что въ другое время ты рискуешь застать тамъ богатаго англичанина, который очевидно, составляетъ тебѣ конкуренцію, и, вѣроятно, съ такимъ-же рвеніемъ старается обратить ее къ англиканской церкви, какъ ты къ католической.

Аббатъ вышелъ съ злорадной улыбкой, оставивъ бѣднаго Джузеппе въ самомъ плачевномъ состояніи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Описываетъ одну ночь въ виллѣ кардинала Сансовини.

Г-жа фонъ-Вальбергъ, о которой упоминалъ аббатъ, говоря о кардиналѣ Сансовини, была никто иная, какъ вдова умершаго въ Веронѣ генерала Грейфенштейна. Тотчасъ-же послѣ своего брака, съ молодымъ офицеромъ Оскаромъ Вальбергомъ, она поѣхала въ Римъ, гдѣ вскорѣ выхлопотала своему супругу мѣсто полковника во вновь сформировавшейся папской арміи. Ея бравъ съ незначительнымъ офицеромъ мѣщанскаго происхожденія надѣлалъ много шума въ томъ кругѣ, въ которомъ она всегда вращалась. Она сочла нужнымъ удалиться на время, пока не успокоятся злые языки, и рассчитала, что лучше всего отправиться ей въ Римъ, гдѣ нетрудно будетъ вывести въ люди ничтожнаго юношу, сдѣлавшагося ея мужемъ, и тогда уже ей нетрудно будетъ занять прежнее свое мѣсто въ обществѣ.

Съ этою собственно цѣлью переселилась она въ Римъ. Но ей собственно не было надобности задаваться какою-либо опредѣленною цѣлью. Люди, подобно ей, одаренные сильною, хотя и неглубокою впечатлительностью и бойкою фантазією, всегда находятъ себѣ занятія и цѣли, лишь-бы имъ придти въ столкновение съ интересами другихъ людей. Въ этомъ отношеніи Римъ былъ для нея самымъ лучшимъ мѣстопребываніемъ. Въ то время взоры всего человѣчества были обращены на вѣчный городъ, и борьба, происходившая вокругъ престола св. отца, придавала тамошней жизни животрепещущій интересъ.

Благодаря своему происхожденію, Леони была принята въ самомъ высшемъ кругѣ римскаго общества, и съ ея замѣчательными способностями ей нетрудно было занять въ немъ вскорѣ весьма видное мѣсто. Но гдѣ только ни укрѣплялась она, ея страсть во все вмѣшиваться превращалась въ настоящую дѣятельность. После короткаго пребыванія ея въ Римѣ, въ ней произошелъ совершенный переворотъ.

Въ прежнее время она не отличалась особенною религіозностью, и подчинялась вѣншимъ обрядамъ церкви только настолько, насколько это было принято въ обществѣ. Но какъ только она поселилась въ Римѣ, она вдругъ сдѣлалась самой пламенной католичкой. Папа, который еще недавно былъ въ ея глазахъ самымъ ничтожнымъ изъ ничтожныхъ стариковъ, вдругъ сдѣлался для нея предметомъ фанатическаго поклоненія и безпредѣльнаго уваженія. Но, несмотря на овладѣвшій ею религіозный фанатизмъ, она попрежнему посѣщала церковь не слишкомъ усердно, не отказывалась отъ свѣтскихъ удовольствій и не выказывала ни малѣйшей склонности къ монашеской жизни. Съ мужемъ своимъ она съ нѣкотораго времени находилась въ очень натянутыхъ отношеніяхъ и разъединеніе между ними становилось съ каждымъ днемъ все сильнѣе. Наконецъ, даже по ея настоянію, военный министръ, отправилъ ея мужа на самый отдаленный отъ вѣчнаго города постъ. Сперва его причислили къ гарнизону въ Анконѣ; въ настоящее же время его перевели въ Перуджіо; но это близкое соседство съ супругомъ тревожило ее очень мало, такъ какъ дѣла службы не позволяли ему отлучаться, и поэтому ей нечего было опасаться посѣщеній нежданнаго гостя.

Причиною этой разлуки было не покаяніе, не умерщвленіе плоти, а постоянно возрастающее отвращеніе къ мужу, превратившееся въ презрѣніе. Оскаръ потерялъ въ ея глазахъ всю свою прелесть — она даже презирала его, потому что убѣдилась, что онъ былъ слабый, ничтожный человѣкъ. У него было только одно качество — горячность, неразрывная съ молодостью и темпераментомъ, но и эта горячность казалась ей теперь ничтожною и неосмысленною.

Итакъ, ея пробудившееся религіозное рвеніе высказывалось не постомъ и молитвою, а тѣмъ, что она бросилась въ ультрамонтантскую политику, и принялась разыгрывать роль женскаго дипломата церкви. Нечего и говорить, что она жертвовала нема-

лыми суммами въ пользу св. Петра и усѣбно занималась сборами для той-же цѣли. Въ этомъ послѣднемъ занятіи она находила величайшее наслажденіе, и ей казалось, что и она, хоть немного, способствуетъ возрожденію средневѣкового романтизма среди прозаической дѣйствительности XIX столѣтія. Она всегда была интриганткой, но до сихъ поръ ей приходилось упражняться въ этомъ искусствѣ только въ тѣсныхъ семейныхъ кружкахъ. Теперь же она попала въ круговоротъ европейскихъ интересовъ, и немудрено, что она съ полнѣйшимъ энтузіазмомъ погрузилась въ многосложныя политическія интриги.

Римъ въ то время, болѣе чѣмъ когда-либо, служилъ сборнымъ пунктомъ для людей всѣхъ націй, и всевозможныя страсти разгорявались въ немъ съ безпримѣрною силою. Даже во время Бонифація VIII и переселенія папъ въ Авиньонъ возбужденіе общества едва-ли достигало такихъ громадныхъ размѣровъ.

У подножія Monte Mario, недалеко отъ праваго берега Тибра, стоитъ прекрасная вилла или скорѣе дворецъ старинной постройки.

Въ началѣ перваго десятилѣтія нынѣшняго столѣтія эта вилла принадлежала бывшему испанскому министру, который реставрировалъ и отдѣлалъ ее съ большимъ вкусомъ, но послѣ него она перешла во владѣніе менѣе извѣстныхъ лицъ. Теперешній ея владѣлецъ, старинный патрицій, отдававшій ее въ наипы Леони, считался только подставнымъ лицомъ. Злые языки говорили, будто вилла принадлежала кардиналу Сансовини, который получилъ ее по завѣщанію отъ молодой, прекрасной вдовы, родомъ ирландки, умершей два года тому назадъ. Какъ-бы то ни было, но Леони жила теперь въ этомъ прекрасномъ дворцѣ.

Былъ поздній вечеръ. Солнце давно зашло и звѣзды ярко блистали на темносинемъ прозрачномъ небѣ.

Матовый свѣтъ лампы освѣщаль роскошно убранный будуаръ, выходившій окнами на обширный, украшенный статуями паркъ. Комната эта, казалось, была предназначена для наслажденій любви. Стѣны были украшены фресками эротическаго содержанія; здѣсь видѣлись этрусскія баядерки съ увѣчанными цвѣтами головами, въ развѣвающейся одеждѣ и съ обнаженной грудью, тамъ амуръ, съ триумфомъ несущіе принадлежности различныхъ божествъ. Мебель была изъ рѣзнаго дерева, высоко художественнаго достоинства, низкія кушетки и роскошныя кресла, обшитыя голубымъ атла-

сомъ, такъ и приглашали къ отдыху и наслажденію. Таково было впечатлѣніе, производимое этимъ будуаромъ на зрителя, но хозяйка его, казалось, думала совершенно о другомъ. Одѣтая въ бѣлый кашемировый пенлюръ, она лѣниво сидѣла, опершись головою на руку, и смотрѣла въ одну точку, погруженная въ мрачныя мысли.

На столѣ передъ нею горѣла лампа, похожая на вазу, и въ нѣкоторомъ отдаленіи лежало распечатанное письмо.

Леони—потому что это была она,—сидѣла неподвижно на одномъ мѣстѣ. Только когда раздавались шаги на лѣстницѣ, или ей мерещилось, что она слышитъ ихъ, она вздрагивала, прислушивалась, и снова впадала въ прежнюю задумчивость. Казалось, она съ нетерпѣніемъ ждала кого-то, съ другой стороны, она была такъ занята своими мыслями, что вовсе не замѣтила, какъ наконецъ дѣйствительно кто-то поднялся по лѣстницѣ и тихо пріотворилъ дверь ея комнаты.

Предъ нею вдругъ появился человѣкъ, лѣтъ сорока, съ характернымъ, весьма умнымъ лицомъ, въ черной одеждѣ, слегка напомилавшей одежду священника.

То былъ кардиналъ.

— Что я вижу? радостно воскликнула она, вскакивая.—Я и не слышала, какъ ты вошелъ. Или ты влетѣлъ въ окно въ волшебной колесницѣ?

Съ этими словами она бросилась въ его объятія.

— Еслибъ у меня была такая волшебная колесница, то я-бы явился къ тебѣ уже съ часъ тому назадъ, дорогая моя. Но ты, вѣроятно, не замѣтила, какое ужъ теперь позднее время.

Онъ указалъ ей на часы, стоявшіе на мраморномъ уступѣ камина. Было уже десять часовъ.

— Я уже совершенно отчаявалась, думая, что ты не придешь, сказала Леони, лаская своего возлюбленнаго долгимъ, страстнымъ взглядомъ.—Ты должно быть еще поздно вечеромъ получилъ важныя депеши.

— Нѣтъ, ты не угадала,—но сядемъ, я очень утомился долгою ходьбою—вотъ тутъ на диванѣ,—я расскажу тебѣ свои приключенія.

— Приключенія! воскликнула Леони полу-шутя, полу-серьезно.—О, вѣроломный, и у тебя хватаетъ духа каяться предо мною

въ своихъ грѣхахъ! Но говори, прошу тебя — не томи меня больше.

— Успокойся, другъ мой, сказала кардиналь, усаживаясь рядомъ съ нею на диванѣ.—Вотъ, теперь я расскажу тебѣ все, что со мною случилось.

— Нѣтъ, сперва еще одинъ поцѣлуй, сказала она, напечатлѣвая страстный поцѣлуй на губахъ возлюбленнаго.— Теперь, ты можешь говорить.

— Когда я отправляюсь къ тебѣ, началъ кардиналь, —я всегда ѣду вплоть до самаго Тибра, а оттуда иду пѣшкомъ до твоего сада, чрезъ который и прохожу въ желанный уголокъ. Сегодня было почти девять часовъ, когда я пріѣхалъ къ рѣкѣ. Не успѣлъ я отойти далеко, и стукъ удалявшагося экипажа доходилъ еще до меня, какъ вдругъ я услышалъ шаги за собою. Я былъ одинъ на пустынномъ берегу, и ты поймешь, что не нужно быть особеннымъ трусомъ, чтобы обратить вниманіе на такое неожиданное явленіе. Я даже остановился, но почти въ то-же самое мгновеніе шаги замолкли. Нѣсколько минутъ спустя, я опять двинулся дальше, но вскорѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи мнѣ опять послышались тѣ-же самые шаги. Человѣкъ, который идетъ по запрещенному пути, не можетъ имѣть спокойную совѣсть—и эти таинственные шаги показались мнѣ подозрительными. Я началъ осматриваться съ напряженнымъ вниманіемъ, но — темнота римскихъ улицъ и окрестностей не даромъ вошла въ пословицу — хоть глазъ выколи, нидега не видно. Нечего дѣлать, я снова пошелъ дальше, но поровнявшись съ деревянными постройками, гдѣ начинается поворотъ къ твоему дому, я опять услышалъ шаги, но на этотъ разъ гораздо яснѣе; они, очевидно, послѣдно приближались ко мнѣ. Это, наконецъ, начало беспокоить меня.

— Еще-бы! воскликнула Леони, слушавшая съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Я понялъ, что за мною слѣдятъ. Но кто? Почему? Сам-ли этотъ человѣкъ желаетъ знать, у кого я провожу свои вечера, или онъ дѣйствуетъ по чьему-либо внушенію? Тайну эту нужно было разъяснить во что-бы-то ни стало. Въ эту самую минуту преслѣдовавшій меня человѣкъ повернулъ за уголъ; я перерѣзалъ ему путь и прошелъ мимо него на другую сторону

дороги. Я успѣлъ разглядѣть фигуру высокаго мужчины, закутаннаго, сколько мнѣ казалось, въ плащъ съ капюшономъ, на подобіе тѣхъ, которые носятъ альбанскіе крестьяне. Незнакомецъ, повидимому, не обратилъ на меня ни малѣйшаго вниманія и продолжалъ свой путь, какъ ни въ чемъ не бывало. Но я все-таки не повернулъ назадъ, опасаясь встрѣтиться съ нимъ въ концѣ дороги, или, что еще хуже, у воротъ твоего дома. На этомъ основаніи я нѣкоторое время шелъ по той-же дорогѣ, вдоль берега, но наконецъ, не замѣчая ничего, я усмѣхнулся надъ своимъ безпричиннымъ страхомъ и даже устыдился немного, какъ вдругъ—откуда ни возмись—опять эти несносные шаги. Мнѣ пришла мысль, что это можетъ быть и кто-нибудь другой, но все-таки нужно было удостовѣриться въ этомъ. Недалеко оттуда стоялъ навѣсъ съ дровами, куда я и спрятался. Таинственные шаги приблизились, и предо мною очутился тотъ-же самый высокій мужчина въ капюшонѣ.

— Великій Боже! вскрикнула Леони въ ужасѣ,—зачѣмъ тебѣ было ожидать, когда ты долженъ былъ спѣшить впередъ, чтобы не дать себя догнать.

— Дитя, возразилъ кардиналъ, смѣясь,—ты такъ пугаешься, точно будто я все еще стою подъ навѣсомъ. Отчего мнѣ было не подождать и не удостовѣриться въ своемъ предположеніи? Развѣ со мною не было моего ангела-хранителя?

— Что это шутка. что-ли? спросила Леони, скептически смотря на него.

— Нѣтъ, это вовсе не шутка, напротивъ, я говорю совершенно серьезно. Когда я ночью отправляюсь къ тебѣ, то меня всегда сопровождаетъ мой ангель-хранитель, или даже два, а именно:—ты и мой шестиствольный револьверъ.

— Хорошо, сказала Леони,—теперь я могу слушать продолженіе съ меньшимъ ужасомъ.

— Послѣ этого, я не могъ долѣе сомнѣваться въ томъ, что этотъ человѣкъ ищетъ именно меня, но онъ меня не замѣтилъ и послѣшно прошелъ мимо. Когда шаги удалились отъ меня, я наконецъ рѣшился пойти своею прежнею дорогою; сперва я шелъ медленно и осмотрительно, но потомъ все скорѣе и скорѣе, и наконецъ безпрепятственно достигъ садовой рѣшотки твоей

виллы, и теперь отдыхаю въ твоихъ объятіяхъ отъ всѣхъ тревожныхъ жизни.

Поцѣлуй и ласки смѣнили разговоръ, но потомъ Леони вдругъ высвободилась изъ его горячихъ объятій — она не могла забыть только-что слышаннаго разсказа.

— Скажи, что ты думаешь объ этомъ преслѣдованіи и о самомъ преслѣдователѣ? спросила она.

— Я самъ не знаю, что и думать, отвѣтилъ онъ.—Нѣтъ сомнѣнія, что за мною шпионили, но объ остальномъ я могу только догадываться. Конечно, дѣло можетъ быть и серьезнѣе, чѣмъ я ожидалъ, и оно можетъ быть даже очень серьезнымъ, — при этомъ лицо его приняло суровое, сосредоточенное выраженіе, — меня боятся, ненавидятъ, у меня очень и очень много враговъ во всѣхъ лагеряхъ... Но успокойся! Десять разъ я уже вывертывался изъ дѣйствительной, неминуемой опасности, а какъ велика опасность на этотъ разъ, намъ еще неизвѣстно...

— И этимъ ты думаешь успокоить меня? спросила взволнованная Леони.—А что если эта таинственная личность снова подстережетъ тебя?

— Дитя, перебилъ ее кардиналъ, захвативъ одною рукой объ ея руки, а другою—прижавъ къ себѣ ея гибкій станъ,—еслибъ я зналъ, что ты такъ горячо примешь къ сердцу эту исторію, то, конечно, ничего не сказалъ-бы тебѣ. Дай Богъ, чтобы этотъ человѣкъ завтра ожидалъ меня на берегу Тибра...

— Вотъ это прекрасно, въ ужасѣ воскликнула Леони, но кардиналъ, не слушая ее, продолжалъ:

— Тогда всѣ мѣры были-бы приняты, и эта ночная птица скоро оказалась-бы въ клѣткѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросила Леони,—но какимъ-же образомъ ты поймалъ ее?

— Это я разскажу тебѣ, когда добыча будетъ въ моихъ рукахъ, отвѣчалъ кардиналъ.—Но довольно объ этомъ; можно подумать, что я пришелъ къ тебѣ только съ тѣмъ, чтобы сообщать тебѣ разныя полицейскія тайны. Я-же пришелъ совсѣмъ съ другою цѣлью, какъ тебѣ хорошо извѣстно. Но скажи, мой другъ, гдѣ были твои мысли въ то время когда я вошелъ? Вѣдь ты была такъ занята ими, что не видѣла и не слышала ничего.

— О чемъ я думала? сказала, какъ-бы очнувшись Леони. — Въѣдъ у меня также есть преслѣдователь, да еще такой, отъ котораго не укроешься ни подъ навѣсомъ около дровъ, ни въ темномъ закоулкѣ.

— Твой мужъ въ Перуджіо, отвѣтилъ кардиналь. — Оттуда онъ, кажется, не особенно можетъ стѣснять тебя.

— Да! но сколько времени останется онъ тамъ? многозначительно сказала Леони.

— Столько, сколько пожелаю я. Онъ не можетъ и не смѣетъ шевельнуться съ мѣста.

— Такъ прочти-же это письмо! сказала Леони, указывая на мраморный столъ.

Кардиналь живо схватилъ лежавшее около него письмо, пробѣжалъ его, и, бросивъ его на прежнее мѣсто, сказалъ:

— Пустая угроза! Она имѣетъ тѣмъ меньше значенія, что исходитъ отъ твоего мужа.

— Ты ошибаешься относительно его, отвѣтила она. — Какъ онъ ни слабъ, но онъ очень упрямъ, и упрямство его доходитъ иногда до безумной энергіи. Его обращеніе со мною—когда мы были еще въ сравнительно-хорошихъ отношеніяхъ — доходило почти до явныхъ оскорбленій. Но чего-же мнѣ ждать теперь, когда онъ недоволенъ собою, когда его подстрекають различные слухи.

— Не печалься, мы его успокоимъ, такъ или иначе, возразилъ кардиналь. — Теперь пока напиши ему, что ты охотно переѣхала-бы въ Перуджіо. но что ты слышала, будто его скоро переведутъ въ Римъ. Ссылайся на меня, на мою протекцію и мои обѣщанія. Только-бы намъ вытратить время, и все устроится.

— И ты можешь давать мнѣ подобный совѣтъ! вскрикнула возмущенная Леони. — Ты хочешь, чтобы я унижалась и смиренно повиновалась грубымъ приказаніямъ капризнаго пошляка? Чтобы я повиновалась, не заявивъ даже своихъ условій? Нѣтъ, тогда мой планъ, какъ онъ ни слабъ, все-таки въ тысячу разъ лучше твоего совѣта.

— Нельзя-же сразу отдѣлаться отъ всякихъ непріятностей однимъ надменнымъ словомъ? возразилъ кардиналь. — Твой мужъ желаетъ, чтобы ты переѣхала къ нему, онъ приказываетъ это. Ну что-же? Если ты не пріѣдешь, онъ или успокоится или за-

говорить еще болѣе дерзкимъ тономъ. Въ послѣднемъ случаѣ, мы всегда успѣемъ приняться за устрашительныя средства, которыхъ у насъ, слава Богу, не мало. Теперь пока мы имѣемъ дѣло только съ письмомъ. Мы его прочли, и если ты отвѣтишь, по своему обыкновенію, то я право не знаю, чего еще можно будетъ потребовать отъ тебя.

— Но какъ я страдаю отъ всего этого! сказала она со вздохомъ.— Это вѣчное безпокойство подкашиваетъ мое здоровье окончательно. Ты смотришь такъ легко на моего мужа, но ты не видѣлъ его, подобно мнѣ, въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ. Ты не знаешь, что онъ сразу переходитъ отъ недовольства къ отчаянію и отъ отчаянія къ безразсуднымъ поступкамъ. О! много я сдѣлала глупостей въ свою жизнь, но величайшею изъ всѣхъ былъ все-таки мой бракъ съ этимъ человѣкомъ! Пока былъ живъ Грейфенштейнъ, я день и ночь вздыхала о свободѣ, хотя у меня ея было такъ много. Но едва бѣдный Грейфенштейнъ закрылъ глаза, какъ я собственными руками сковала себѣ новыя цѣпи, да еще какія!—тяжелыя, желѣзныя, неразрывныя. Но что я говорю? Развѣ онѣ дѣйствительно неразрывны? Неужели ты, который меня любишь, и находишься у источника всѣхъ униженій и всѣхъ милостей, пожертвуешь остатками моей молодости и оставишь меня во власти этого человѣка?

— Въ послѣднее время ты неоднократно намекала на разводъ, а теперь требуешь его открыто. Конечно, власть папы безконтрольна, но даже онъ не можетъ дѣйствовать, не имѣя на своей сторонѣ хоть тѣни справедливости. Скажи на милость, какая у тебя причина къ разводу? У тебя ея нѣтъ. Вотъ твой мужъ счастливѣе тебя, у него этихъ причинъ вдоволь, добавилъ онъ, смѣясь.

— Если ты думаешь успокоить меня такимъ образомъ, говоря мнѣ такія дерзости, то... сказала она, сердито отворачиваясь отъ него.

— Милая, неужели ты не понимаешь шутокъ? перебилъ кардиналъ, стараясь смягчить ея гнѣвъ поцѣлуями.—Прошу тебя, не огорчайся этимъ письмомъ. Отвѣчай на него не торопясь и уклончиво. А за тѣмъ, если твой мужъ вздумаетъ приняться за серьезныя мѣры, тогда рассчитывай на меня. Я держу его въ рукахъ, съ помощью военнаго закона. Если-же представится случай къ раз-

воду, остановка будетъ не за мною. Теперь-же пока—тутъ кардиналь опять впалъ въ шутивый ироническій тонъ—теперь обиженная сторона—твой мужъ, а никакъ не ты и не я!

Леони всплыла-было снова, но онъ зажалъ ей ротъ поцѣлуйми, и вскорѣ они забыли обо всемъ, и всею душою перенеслись въ міръ наслажденія и любви.

Но въ этотъ вечеръ имъ, видно, не суждено было спокойно предаваться своему счастью. Суровая дѣйствительность вдругъ грозно дала о себѣ знать.

Тишина полуночи неожиданно огласилась смутными звуками голосовъ и шаговъ людей, торопливо бѣжавшихъ по саду. По всему было видно, что случилось нѣчто необыкновенное.

Кардиналь вскочилъ, а Леони бросилась къ окну. Онъ торопливо остановилъ ее.

— Назадъ! назадъ! не подходи къ окну! Тебя увидятъ, воскликнулъ кардиналь.

Онъ побѣжалъ въ смежную, неосвѣщенную комнату, и посмотрѣлъ въ окно.

Леони дрожала всѣмъ тѣломъ, когда онъ вернулъ къ ней, и его серьезное, хотя и испуганное лицо только увеличило ея ужасъ.

— Тамъ дѣлается нѣчто странное, сказалъ онъ вполголоса,— я не знаю, что и думать! Къ чему вся эта бѣготня. Главная сцена, очевидно, происходитъ въ концѣ сада, но деревья не позволяютъ рассмотретьъ, въ чемъ дѣло.

— Какой шумъ! вскрикнула Леони въ ужасъ, когда голоса раздались подъ самыми ея окнами, точно толпа хотѣла ворваться въ ея виллу.

— Чортъ возьми! воскликнулъ кардиналь,—это должно быть въ связи съ тою личностью, которая меня преслѣдовала сегодня вечеромъ. Я боюсь, я боюсь... Но что-бы тамъ ни было, меня не должны видѣть здѣсь.

— Что-же дѣлать? спросила Леони.

— Пойдемъ, сказалъ онъ съ твердою рѣшительностью, взявъ ее за руку—запри дверь на задвижку. Я знакомъ съ этимъ домомъ. Тутъ есть тайный ходъ, о существованіи котораго не подозреваетъ никто. Тамъ я могу остаться въ полной безопасности.

Они заперли дверь и поспѣшили въ большой залъ, гдѣ была ниша, которую Леони видѣла неоднократно, ничего не подозрѣвая въ ней особеннаго. Вся ниша была обложена бѣлымъ мраморомъ и въ ней стояла мраморная статуя, изображавшая египтянку, державшую въ рукѣ малейкій ящикъ съ идоломъ. Кардиналъ пожалъ въ извѣстномъ мѣстѣ тайную пружину и ниша со статуей повернулась въ сторону, открывъ узкій совершенно темный входъ.

Въ нѣсколькихъ словахъ кардиналъ объяснилъ своей спутницѣ способъ приведенія ниши въ прежній видъ, вошелъ въ нее и исчезъ въ темнотѣ.

Леони сдѣлала, какъ ей было указано, и хотя руки ея дрожали, но вскорѣ ниша съ египтянкою стояла неподвижно на прежнемъ мѣстѣ.

Теперь, зная, что кардиналъ находится внѣ опасности, она боялась за себя. Она побѣжала въ свой будуаръ, погасила лампу и бросилась въ кресло. Она боялась позвонить, боялась позвать кого-либо изъ своихъ людей.

Леони была точно парализована, но ея фантазія разыгрывалась съ тѣмъ большею силою. Она переживала ужасныя минуты, тѣмъ болѣе, что шумъ не только не уменьшался, но даже увеличивался.

„Боже мой, думала она — что это только значить? У меня столько людей, и никто изъ нихъ не придетъ доложить о случившемся? Или ихъ всѣхъ перевязали. Такая ужасная суматоха не можетъ произойти отъ незначительной причины. Господи! это непременно кончится чѣмъ-нибудь недобрымъ! У кардинала много ужасныхъ, смертельныхъ враговъ. И этотъ высокій человекъ, который преслѣдовалъ его... Гдѣ онъ теперь? Хорошо-ли онъ спрятался? О, эти негодяи навѣрное найдутъ его. Но, не говорилъ-ли кардиналъ о потайномъ ходѣ? Боже мой, Боже мой, а и это забыла въ своемъ ужасѣ!.. А, можетъ-быть, онъ уже вышелъ и спасенъ! Онъ храбръ, хитеръ и никогда не теряетъ присутствія духа, его не застанутъ врасплохъ. Если онъ только спасенъ, будь со-мною что будетъ!“

Эта мысль придала ей бодрости, она встала и снова зажгла лампу, которую только-что затушила въ порывѣ неразумнаго, дѣтскаго страха.

Вдругъ кто-то началъ неистово ломиться въ дверь сосѣдней комнаты.

Леони въ безсильномъ ужасѣ упала на кресло.

Но человѣкъ у двери не унимался, и въ отдаленіи слышался неясный гулъ многихъ голосовъ.

Обезумѣвъ отъ страха, Леони обѣими руками схватила себя за голову.

Но въ эту минуту дверь съ трескомъ поддавалась неистовому натиску, въ сосѣдней комнатѣ раздались громкіе шаги, дверь въ ея будуаръ отворилась и передъ нею стоялъ ея мужъ, въ запяленномъ дорожномъ плащѣ и военномъ капюшонѣ.

Послѣ всѣхъ ужасовъ, которыхъ ожидала Леони, появленіе ея мужа показалось ей дѣломъ ничтожнымъ, хотя странный, неожиданный приходъ его не только не разъяснялъ, но даже запутывалъ страшную тайну, совершавшуюся въ это время въ ея домѣ.

Леони встала немедленно, посмотрѣла ему прямо въ глаза, но не сказала ни слова.

— Презрѣнная, преступная женщина! крикнулъ Оскаръ, швыряя на полъ свой сакъ-воляжъ.—Наконецъ-то ты появилась въ ловушку! Наконецъ-то я убѣдился въ твоей измѣнѣ! Несмотря на строгость законовъ и на грядущую мнѣ опасность, я скачу сюда изъ Перуджіо, желая напомнить тебѣ о твоёмъ мужѣ и получить наконецъ категорическій отвѣтъ на всѣ мои письма. И что-же я вижу? Твой любовникъ, прокрадывавшійся къ тебѣ, а, можетъ-быть, ушедшій отъ тебя въ такой неурочный часъ, — лежитъ у воротъ твоего дома, истекающій кровью, убитый неизвѣстными людьми!

— О комъ говоришь ты! закричала Леони, точно безумная.

— Какъ! ты еще ничего не знаешь? воскликнулъ Оскаръ съ дьявольскимъ злорадствомъ.—Неужели я такъ счастливъ, что могу сообщить тебѣ объ этомъ первомъ? Этимъ я хоть нѣсколько отомщу тебѣ за оскорбленія, которыя ты наносила моей чести, и за ужасныя терзанія ревности, которыя я переносилъ по твоей милости...

— Да скажи-же наконецъ о комъ ты говоришь? воскликнула Леони видя себя.—Или ты сошелъ съ ума, или я сама обезумѣла?

— О женщина! воскликнулъ онъ,—какъ низко должно быть

твое паденіе, если ты способна лицемѣрить и лгать въ такую трагическую минуту, въ то самое время, когда въ твоёмъ домѣ совершается такое ужасное преступленіе. Ты еще не ложились—неужели ты не слышала того ужаснаго шума, который происходилъ въ твоёмъ саду, и который, вѣроятно, начался еще задолго до моего прихода? Такъ слушай-же, если ты ничего не знаешь, то я скажу тебѣ: кардиналъ убитъ или все-равно что убитъ—кровь его льется изъ пяти ужасныхъ ранъ!

Ея губы зашевелились, какъ-будто она хотѣла что-то сказать, но она не могла произнести ни одного слова. Ея глаза были широко раскрыты, и ужасная, вызывающая сила лежала въ этомъ неподвижномъ взглядѣ, словно она силою своей страсти хотѣла уничтожить только-что сообщенную ей страшную вѣсть.

— Потрудись только спуститься съ лѣстницы, сказалъ онъ съ жестокою грубостью,— и ты увидишь своего оброчавленнаго любовника въ угловой комнатѣ.

При этихъ словахъ Леони покачнулася и почти безъ чувствъ упала на стулъ.

— Какъ! ты оплакиваешь его тутъ, предъ моими глазами! закричалъ Оскаръ внѣ себя отъ ярости.—Это уже верхъ позора! Теперь я знаю цѣну тѣмъ ласкамъ и обольщеніямъ, которыми ты опутала и приковала меня къ себѣ!

Это было уже слишкомъ! Какъ ужаленная вскочила она, вся ея энергія вернулась къ ней.

— Моя слабость придаетъ тебѣ силы, моя немощь придаетъ тебѣ храбрости. И ты радуешься убійству человѣка, которому ты обязанъ всѣмъ. И ты оскорбляешь женщину, которая вытащила тебя изъ ничтожества, которая спасла тебя отъ позора...

— Дьяволь! закричалъ Оскаръ, но сейчасъ-же замолчалъ. До сихъ поръ Леони всегда благоразумно уступала ему—онъ въ первый разъ видѣлъ ее въ такомъ возбужденномъ, энергическомъ настроеніи. Но вскорѣ онъ продолжалъ попрежнему.—Какъ! ты меня вытащила изъ ничтожества? Спасла отъ позора? Это говоришь ты мнѣ въ лицо? Развѣ ты не знаешь, что я былъ невиненъ? Вымышленные подлоги... ха, ха, ха, и это ты рѣшаешься говорить мнѣ!

— Еслибъ я не вѣрила въ твою невинность, сказала Леони,— ты не былъ-бы моимъ мужемъ. Но что не всѣ были такого мнѣ-

ніа доказываетъ процессъ, которымъ угрожали тебѣ. И вотъ, какъ ты оплачиваешь мнѣ за довѣріе, которое я оказывала тебѣ. Только одинъ ты осмѣливаешься заподозрить меня въ нечестной связи съ кардиналомъ! Но что я трачу слова по пусту въ то время, какъ мнѣ остается только оплакивать судьбу одного изъ величайшихъ геніевъ, одного изъ самыхъ рѣдкихъ людей...

— Плачь, перебилъ ее разсвирѣпѣвшій Оскаръ,—и будь увѣрена, что еслибъ онъ не умиралъ теперь, то я убилъ-бы его при первомъ случаѣ.

— Бѣдный сумасбродъ! воскликнула Леони тономъ сокрушающаго презрѣнія.—Ты только и умѣешь угрожать пистолетами—это единственный твой аргументъ. Припомни, сколько разъ уже ты грозилъ, чтопустишь себѣ пулю въ лобъ, но слава Богу, голова твоя цѣла до сихъ поръ. Но стоитъ-ли терять время въ пустыхъ ссорахъ—мнѣ нужно идти—посмотрѣть.

Она убѣжала изъ комнаты.

У дверей встрѣтила она своего дворецкаго, Равицети. Онъ держалъ въ рукѣ зажженный канделябръ, и, очевидно, не смѣлъ войти въ комнату.

— Что такое случилось? Что происходитъ въ моемъ домѣ? Его убили? Отчего никто не придетъ ко мнѣ? Развѣ у меня нѣтъ больше слугъ? воскликнула она, увидѣвъ его. — Скажите, кардиналъ убитъ? Дѣйствительно убитъ?

— Тутъ произошло недоразумѣніе, которое однако вскорѣ разъяснилось, отвѣтилъ Равицети.

— Такъ кто-же убитъ? спросила Леони, которой казалось, что она возрождается къ новой жизни.

— Какой-то неизвѣстный человѣкъ, началъ было Равицети, но Леони не дала ему договорить. Она обратилась къ Оскару, который стоялъ на порогѣ и слышалъ все связанное.

— Видишь? Слышишь ты? Гдѣ твое торжество?

— Я повторилъ только то, что самъ слышалъ, робко отвѣчалъ Оскаръ.

— Онъ живъ! воскликнула Леони въ торжествующей радости.—Теперь исполни свою угрозу, прибавила она язвительно, и затѣмъ снова обратилась къ Равицети.

— Говорите, что случилось? Кто убитъ? И какимъ образомъ возникъ глупый слухъ о кардиналѣ? Какой дуракъ выдумалъ это?

— Когда случается такое необыкновенное происшествіе, отвѣтилъ Равицети,—то большинство людей теряетъ голову и приходитъ къ самымъ нелѣпнымъ заключеніямъ. Какимъ образомъ могло попасть сюда его преосвященство въ такой неурочный часъ?— продолжалъ хитрый лакей, желая подѣйствовать на Оскара, но Леони перебила его.

— Это ясно, какъ день! Но оставьте въ сторонѣ всѣ эти пустяки; я желаю знать, что случилось. Говорите.

Дворецкій началъ:

— Слуги еще не ложились спать и играли въ карты. Вдругъ кто-то съ необыкновенною силою позвонилъ у калитки, находящейся въ концѣ сада. Старый Лоренцо побѣжалъ туда, но, подходя къ забору, онъ услышалъ громкіе стоны. Онъ остановился, спросилъ кто тамъ, но вмѣсто отвѣта, услышалъ, какъ нѣсколько человѣкъ поспѣшно убѣжали по направленію къ городу. Послѣ этого все осталось покойно, только вдругъ у его ногъ упалъ камень, брошенный въ него однимъ изъ бѣжавшихъ. Лоренцо прибѣжалъ назадъ, поднялъ на ноги весь домъ, и всѣ мужчины, захвативъ оружіе и огня, поспѣшили на мѣсто преступленія. Когда мы добѣжали до садовой калитки, то не было ужъ ничего болѣе слышно и мы увидѣли на землѣ одинъ только окровавленный, бездыханный трупъ.

— Вы говорили, что то былъ какой-то неизвѣстный человѣкъ, спросила Леони.

— Да-съ, никто его не знаетъ, на него должно-быть напали разбойники и онъ позвонилъ, желая призвать людей на помощь. Судя по платью и тонсурѣ—онъ священникъ.

— Такъ вотъ откуда возникъ нелѣпный слухъ о кардиналѣ! сказала Леони.

— Несчастный оказался еще живымъ, и я велѣлъ перенести его на постель и послалъ за докторомъ.

— Но отчего-же вы не доложили мнѣ о случившемся? строго спросила Леони.—Чего вы думали такъ долго? Вы толкуете о людяхъ, которые теряютъ голову въ неожиданныхъ обстоятельствахъ, но вы сами, какъ я вижу, не составляете исключенія изъ общаго правила.

— Извините меня, заговорилъ Равицети униженнымъ тономъ,—мы сдѣлали все, что слѣдуетъ, и я только не хотѣлъ тревожить вашей милости понапрасну.

— Но вы этимъ только усилили мою тревогу, рѣзко замѣтила Леони.—Шумъ доходилъ до меня, и такъ-какъ я была одна и никто не приходилъ, то я начала беспокоиться очень сильно. Еслибъ вы пришли, я узнала-бы, что вмѣсто ужаснаго преступленія случилось одно изъ тѣхъ несчастій, которыя не рѣдкость въ Римѣ. Это была глупая деликатность съ вашей стороны, Равицети.

— Я искренно сожалѣю объ этомъ, сказала совершенно уничтоженный дворецкій.—И я сознаю, что я нѣсколько растерялся. Приходилось дѣлать столько распоряженій, послать за докторомъ, перенести раненаго, дать знать въ полицію...

Въ эту минуту въ саду опять раздался шагъ, но на этотъ разъ они были многочисленны, и равномерно приближались къ дому.

— Господи! Что-же тамъ еще дѣлается? спросила испуганная Леони.

— Извините меня, ради Бога, сказала дворецкій.—Я боюсь, что можетъ зашелъ слишкомъ далеко въ своемъ рвеніи, но этотъ случай былъ такъ неожиданъ и въ эти революціонныя времена всегда опасаться чего-то ужаснаго—я и послалъ за карауломъ.

— Это прерасная идея! воскликнула Леони, у которой свалилась гора съ плечъ.—Вы очень хорошо сдѣлали, и я вижу, что обвиняла васъ напрасно.

Дворецкій поклонился.

— Ступайте, сказала Леони милостиво,—ступайте и угостите команду.

Равицети ушелъ.

Въ эту минуту выступилъ Оскаръ.

— Здѣсь въ домѣ военная команда, сказалъ онъ робко и испуганно,—никто не долженъ знать о моемъ присутствіи. Я ушелъ безъ отпуска, гонимый нестерпимою ревностью, страстною любовью, которую я все еще питаю къ тебѣ.

— Отъ моей любви къ тебѣ, отвѣтила Леони,—не осталось ничего, кромѣ презрѣнія. Поѣзжай скорѣе въ Перуджіо и постарайся, чтобы намъ никогда больше не встрѣчаться.

— Я былъ слишкомъ возбужденъ, извинился Оскаръ.—Моя

кровь кипѣла. Я прискакалъ сюда, какъ безумный, и у воротъ твоего дома натолкнулся на эту ужасную сцену. Прими въ расчетъ мой горячій темпераментъ—прости меня. Дай мнѣ руку!

Леони отвернулась и сложила руки на груди.

— Неужели мы разстанемся такимъ образомъ?—умолялъ онъ.— Подумай-же, вѣдь моя ревность доказываетъ только всю глубину моей страсти къ тебѣ.

Она продолжала молчать.

— Ты ужасна, сказалъ онъ.—Но если ты не простишь меня, я застрѣлюсь здѣсь, у твоихъ ногъ.

— Напрасно ты это сдѣлаешь, сказала она ледянымъ голосомъ,— твоя жизнь вовсе не имѣетъ для меня цѣны и не дорога мнѣ!

— Ты сводишь меня съ ума, воскликнулъ Оскаръ послѣ долгой борьбы съ собою.—Какая ты жестокая. Мои вспышки появляются и пропадаютъ съ одинаковою быстротою. Но ты убиваешь меня или своимъ равнодушіемъ или своею суровостью. Будь проклять тотъ часъ, когда я впервые увидѣлъ тебя. О, Самаритянка! Безъ тебя я или покончилъ-бы съ собою, или вернулся-бы къ той дѣвушкѣ, которая любила меня такъ искренно, и любовь которой я заслуживалъ такъ мало. О, Вероника! Вероника! Благородная простодушная дѣвушка! Я отвергъ тебя! Ты казалась мнѣ слишкомъ ничтожной, я жаждалъ свѣтскаго блеска и земного величія! Теперь я достигъ своего желанія, у меня все есть: и золото, и блестящее положеніе, и роскошный замокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и измѣна, ложь, обманъ и супружеская невѣрность! О, будь я послѣдній изъ работниковъ, но обладай я любовью Вероники,—я былъ-бы счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Леони разразилась громкимъ, презрительнымъ смѣхомъ.

Но въ эту минуту вошелъ Равицети, и доложилъ, что солдаты уже размѣщены въ домѣ.

Оскара точно что-то ужалило.

— Прощай, Леони, я ѣду обратно въ Перуджію, сказалъ онъ торопливо, и выбѣжалъ изъ комнаты, не удостоенный и словомъ отвѣта со стороны жены.

Въ это самое время открылась противоположная дверь, изъ которой кардиналь отправился въ свое убѣжище.

Леони вздрогнула—она не знала, какого свойства это убѣ-

жище, имѣть-ли оно другой выходъ или нѣтъ. Но тутъ она увидѣла торопливо приближавшагося кардинала.

Она быстро поднялась и съ трудомъ овладѣла собою настолько, чтобы не выказать всей своей радости при постороннемъ человѣкѣ. Она схватила только его за руку и сказала:

— Тутъ произошло обыкновенное несчастіе, которое не имѣетъ ничего общаго съ нами.

— Я знаю почти все, отвѣтилъ кардиналъ.—Я недолго выдержалъ въ своемъ убѣжищѣ и стоялъ здѣсь за дверью, откуда могъ слышать почти все сказанное вашимъ супругомъ и вашимъ дворецкимъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ подробностей я совершенно *au fait*. Впрочемъ, расскажите мнѣ все вкратцѣ, Равицети. Въ чемъ дѣло?

Равицети повторилъ то, что говорилъ прежде Леони.

— Хорошо! сказалъ кардиналъ. — Удалите людей—я хочу видѣть бѣдную жертву.

Равицети вышелъ и Сансовини обратился къ Леони, которая бросилась къ нему на шею:

— Я боюсь, что это дѣло серьезнѣе, чѣмъ кажется, и чѣмъ ты думаешь.

Онъ замолчалъ, но лицо его приняло суровое, почти грозное выраженіе.

— Ты это думаешь? спросила испуганная женщина.

— Я думаю... я думаю... сказалъ онъ,—мои предположенія смѣлы—но я лучше сперва посмотрю самъ, что тамъ дѣлается. Мой вечерній преслѣдователь, преступленіе, совершенное у той самой калитки, чрезъ которую я всегда прохожу, зловѣщій слухъ о моей гибели и появленіе твоего мужа въ самую минуту преступленія,—все это нельзя приписать одной только случайности.

— Мой мужъ? воскликнула Леони, сильно пораженная.—Ты приписываешь ему это убійство? Я не предполагаю въ немъ столько отваги...

— Не забудь страну, въ которой мы живемъ; возразилъ кардиналъ;—у насъ подобное дѣло совершается очень легко посредствомъ наемныхъ бандитовъ. Не нужно быть для этого ни Катилиной, ни Фіески — нужны однѣ только деньги. Но пусти меня, я сойду внизъ.

Онъ удалился, оставивъ Леони въ сильномъ волненіи; она не могла примириться съ мыслью о взводимомъ на ея мужа обвиненіи.

Въ передней, около комнаты больного, кардиналь встрѣтилъ врача и одного полицейскаго, удалившихся сюда, по приглашенію дворецкаго.

— Что, живъ онъ? спросилъ Сансовини доктора.

— Онъ еще дышетъ, слышался отвѣтъ, — но не проживетъ и до утра. У него пять ранъ, изъ которыхъ одна смертельна, и этой одной было-бы довольно.

Кардиналь перебилъ его, обращаясь къ полицейскому съ болѣе интереснымъ для него вопросомъ:

— Узнали вы, кто онъ такой, и какъ его зовутъ?

— Многіе видѣли его, ваше преосвященство, но никто изъ нихъ не знаетъ его. Часовъ и денегъ на немъ не было, но нашлись вотъ эти бумаги...

Кардиналь взялъ поданныя ему бумаги и сказалъ:

— Бумагъ они не искали, слѣдовательно это не болѣе, какъ простой грабежъ.

Полицейскій ничего не отвѣтилъ, только пожалъ плечами.

— Не говорилъ-ли онъ чего-нибудь?

— Я все время сидѣлъ у изголовья, надѣясь узнать что-нибудь объ этомъ загадочномъ происшествіи. Но онъ все время лежалъ точно безъ чувствъ; только недавно онъ слабымъ голосомъ нѣсколько разъ спросилъ воды.

— Приобщили его св. тайнъ?

— Мы ждемъ священника съ минуты на минуту.

Кардиналь отправился въ комнату умирающаго, и никто не рѣшился послѣдовать за нимъ, не получивъ приглашенія.

Кардиналь остановился, пораженный ужаснымъ зрѣлищемъ: вся постель была облита кровью, а на изголовьѣ неподвижно покоилась прекрасная, мертвенно-блѣдная голова.

Кардиналь съ ужасомъ отступилъ назадъ, но наконецъ пересилилъ себя и подошелъ ближе. Онъ узналъ аббата Негрони.

— Боже праведный! невольно воскликнулъ кардиналь, — неужели вы сдѣлались жертвой этой западни?

Умирающій открылъ глаза и зашевелилъ губами.

Кардиналь схватилъ его за руку.

— Говорите, сказалъ онъ, — говорите, дорогой Негрони, я отомщу за васъ.

— Я былъ вашимъ щитомъ, съ усиленіемъ прошепталъ умирающій.

— Вы дума ете?сказалъ кардиналъ.—Несчастный! и такъ, удары, предназначенные мнѣ, попали въ васъ? Но что наводитъ васъ на эту мысль? Знаете-ли вы хоть одного изъ убійць?

— Нѣтъ, еще съ большимъ трудомъ пролепеталъ умирающій;— разбойники...

— Не мадзинисты?

— Нѣтъ, нѣтъ, былъ неясный отвѣтъ.—Брутъ не воруетъ.

— Я отомщу за васъ, дорогой другъ! Но не желаете-ли вы сдѣлать какихъ-либо распоряженій?

— Мой портфель, стоиалъ умирающій,—у Джузеппе... у него же проектъ къ syllabus... всѣ Негрони... несчастное поколѣніе... умирають не достигнувъ... dokonчите... dokonчите... вы... прощайте... поклонитесь...

На этомъ словѣ онъ глубоко вздохнулъ и умеръ.

Кардиналъ Сансовини вернулся въ свой дворецъ только подъ утро.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Описываетъ, какъ господинъ фонъ-Раккъ преслѣдуетъ свою любимую цѣль.

Однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ странниковъ, прибывшихъ въ Римъ въ то время, когда происходили описываемыя нами происшествія, былъ безспорно баронъ фонъ-Раккъ. Онъ прибылъ въ вѣчный городъ не изъ набожности, не изъ любви къ конкордату, не изъ желанія поднести св. отцу свое состояніе: онъ не былъ настолько богатъ, чтобы, ограбивъ себя, этимъ самымъ способствовать священной цѣли. Поэтому, онъ удовлетворился тѣмъ, что пожертвовалъ своею плотью и кровью; или, говоря просто, онъ рѣшился помѣстить своего восемнадцати-лѣтняго сына въ число офицеровъ папской арміи.

Но онъ самъ, вѣролтно, не сознавалъ, что въ сущности его влекли въ Римъ совершенно другія причины.

Что за странное явленіе—страсть. Всякому извѣстно, какимъ липеніямъ подвергаютъ себя страстные охотники ради того, чтобы убить какую-нибудь рѣдкую дичь. Многіе ученые рискуютъ жизнью для того, чтобы подняться на неизслѣдованныя еще альпійскія высоты, и первыми вступитъ на эти вершины. Естествоиспытатели портятъ свое зрѣніе микроскопическими изслѣдованіями. Желая разъяснить спорные вопросы географіи, путешественникъ борется со всѣми ужасами полярнаго климата, или пробираетъ себѣ дорогу къ озерамъ внутренней Африки, отыскивая происхожденіе роднаго языка; Кзоза Керези проводитъ долгіе годы въ тибетскомъ монастырѣ, а Вамбери скитается по палацімъ стенамъ Курдистана.

Господинъ фонъ-Раккъ имѣлъ также свою страсть: онъ любилъ разгадывать сокровенныя пружины какого-нибудь таинственнаго дѣла; выводить на свѣжую воду какого-нибудь преступника—было высшимъ его наслажденіемъ. Онъ уже не разъ заявилъ себя мастеромъ въ подобныхъ дѣлахъ. Въ настоящее время преслѣдованіе Бурды сдѣлалось его *idée fixe*. Промокшій отъ дождя человѣкъ, привлекшій однажды его вниманіе въ гостиницѣ „Бѣлой лисицы“, оставилъ въ немъ неизгладимое впечатлѣніе. Его полицейскій геній пробудился съ необываю силою, и этотъ загадочный человѣкъ сдѣлался для него съ тѣхъ поръ предметомъ постоянныхъ думъ и неутомимыхъ розысковъ до тѣхъ поръ, пока онъ не убѣдился, что попалъ на настоящій слѣдъ. На нѣкоторое время этотъ человѣкъ словно исчезъ съ лица земли, но вдругъ онъ появился въ Римѣ. Узнавъ объ этомъ, Раккъ и днемъ, и ночью только и думалъ о Римѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что только это одно могло побудить его къ путешествію въ вѣчный городъ, еслибъ онъ даже и не имѣлъ при этомъ другихъ цѣлей въ виду.

Едва только нашъ путешественникъ успѣлъ пріѣхать въ Римъ, какъ онъ уже представилъ свой паспортъ, и отправился на Пиаццу ди-Монте Цибаріо, чтобы войти въ сношенія съ мѣстною полицією. Здѣсь онъ узналъ, что Бурда живетъ въ Римѣ съ нѣкоторыми перерывами уже четыре мѣсяца, и недавно открылъ на Віа Кондотти контору для вербовки рекрутъ.

Фонъ-Раккъ немедленно отправился къ нему съ визитомъ, и взялъ съ собою сына. Хотя этотъ молодой человѣкъ и не былъ

посвященъ въ тайны отца, но былъ, несмотря на свою молодость, здоровенный, необыкновенно сильный молодецъ, и могъ служить ему прекраснымъ тѣлохранителемъ, въ случаѣ еслибъ такой отчаянный и на все способный человѣкъ, какъ Бурда, отважился на какое-нибудь насиліе.

Въ одно прекрасное утро отецъ съ сыномъ вошли въ указанный имъ домъ на Віа Кондотти.

Бурда обыкновенно уходилъ изъ дому часовъ въ двѣнадцать и затѣмъ пропадалъ на цѣлый день, а иногда и на цѣлую ночь. Теперь онъ былъ еще дома и хотя новыя посѣтители были ему совершенно незнакомы, онъ тѣмъ не менѣе принялъ ихъ съ страннымъ смущеніемъ, объяснявшимся только вѣчно неспокойной совѣстью. Добродушный, веселый видъ, который фонъ-Раккъ принялъ при входѣ къ нему, не могъ, казалось, уменьшить его опасеній.

Фонъ-Раккъ, усѣвшись съ сыномъ на предложенные имъ вѣжливо стулья, заговорилъ:

— Вы видите предъ собою двухъ земляковъ. Мы оба изъ Богеміи. Меня зовутъ баронъ фонъ-Раккъ—можетъ быть, это имя уже извѣстно вамъ.

— О, да, пробормоталъ Бурда, съ трудомъ овладѣвъ собою,— это имя мнѣ очень хорошо извѣстно. Если я не ошибаюсь, вы окружной начальникъ въ Красницѣ.

— Я вышелъ въ отставку, перебилъ его фонъ-Раккъ.—Послѣ долгой и утомительной службы, я, слава Богу, наконецъ наслаждаюсь вполне заслуженнымъ отдыхомъ. Иначе я не могъ-бы, слѣдуя влеченію моихъ отцовскихъ чувствъ, совершить путешествіе въ Римъ, куда призываетъ меня и моя ревность, какъ католика. Вотъ мой сынъ.

— Какой прекрасный молодой человѣкъ! воскликнулъ Бурда, у котораго отлегло отъ сердца, —и вы, вѣроятно, желаете помѣстить его въ папскую армію! Позвольте предложить вамъ свои услуги.

— Покорно благодарю, но мой сынъ уже внесенъ въ списки офицеровъ по протекціи нашего правительства;—я пріѣхалъ только проводить его.

— Но позвольте васъ спросить, перебилъ его Бурда, и преж-

нее смущеніе опять звучало въ его голосѣ, — позволѣте васъ спросить, чему я обязанъ честью видѣть васъ у себя?

— Одинъ изъ моихъ близкихъ друзей просилъ меня выхлопотать для его сына такое-же мѣсто, какое занимаетъ мой сынъ. Къ кому-же мнѣ обратиться, какъ не къ вамъ. Я слышалъ такъ много о вашихъ связяхъ....

— Очень лестно для меня, сказалъ Бурда, голосъ котораго все сильнѣе дрожало. — Но я, право, не заслужилъ такого вниманія. Я открылъ свою контору только недавно и не понимаю, какимъ образомъ вѣсть о ней могла, въ такое короткое время, достигнуть такъ далеко.

— Вы ошибаетесь, я узналъ о ней только вчера, сказалъ фонъ-Раккъ. — Только прибывъ сюда, я узналъ объ этомъ, только со вчерашняго дня я знаю, что въ вашемъ лицѣ найду нужнаго для меня человѣка.

— Кто рекомендовалъ вамъ меня?

— Два живописца. Я вчера случайно встрѣтился въ кафе съ двумя нѣмецкими живописцами.

— Два нѣмецкихъ живописца? пробормоталъ задумчиво Бурда. — Кто бы они могли быть? Откуда они? изъ Вѣны? Но я не знаю ни одного живописца.

— Судя по діалекту, они должны быть изъ Вѣны. Но они говорили только по наслышкѣ о вашемъ бюро, по крайней мѣрѣ, я не помню, чтобы они упомянули о личномъ съ вами знакомствѣ.

— Вотъ какъ! сказалъ Бурда, очевидно не зная, какъ ему отнестись къ словамъ своего посѣтителя. — Гдѣ-же тотъ молодой человѣкъ, для котораго вы ищете мѣсто офицера? Приѣхалъ онъ вмѣстѣ съ вами?

— Нѣтъ, но мы ждемъ его со дня на день.

— Я долженъ предупредить васъ, что его присутствіе необходимо... Я впрочемъ не сомнѣваюсь въ успѣхѣхъ — люди нужны...

— Онъ принадлежитъ къ очень богатой семьѣ, продолжалъ фонъ-Раккъ самымъ добродушнымъ тономъ. — Его отецъ одинъ изъ первыхъ бриллиантиковъ въ Вѣнѣ; быть можетъ, его имя вамъ извѣстно?

— Какъ его зовутъ? спросилъ Бурда съ необыкновенною поспѣшностью.

— Викентій Креслеръ.

— Я его не знаю, сказала Бурда очень громко, подобно чело-
вѣку, которому во что-бы то ни стало хочется отрицать из-
вѣстный фактъ.

— Нельзя-же знать всѣхъ, замѣтилъ фонъ-Раккъ, — но что
касается молодого Креслера — Одолара Креслера, то онъ приѣ-
халъ-бы съ нами вмѣстѣ въ Римъ, если-бы не одна несчастная
случайность—онъ былъ раненъ.

— Вѣроятно, на дуэли?

— Нѣтъ. Это былъ случай, который на нѣсколько дней сдѣ-
лался предметомъ толковъ всѣхъ журналовъ и публики. Объ
немъ ходили различные слухи.

— Странно, что я ничего не слышалъ объ этомъ. Я читаю
каждый день по привычкѣ, по крайней мѣрѣ, одну австрійскую
газету,—дѣла нашей родины всегда остаются намъ дороги.

— Подобныя вещи часто пропускаются безъ вниманія. Мнѣ
самому случается не обратить вниманіе на какое-нибудь извѣстіе,
о которомъ я узнаю потомъ изъ разговоровъ. Впрочемъ это дѣло
не важное, — оно уже почти забыто. Кромѣ молодого Креслера,
рана котораго неопасна, тутъ была замѣшана какал-то бѣдная,
одинокая старушка...

Бурду передернуло, — онъ, вѣроятно, вспомнилъ о своей женѣ,
къ которой подходили эти слова и которую могъ подразумѣвать
фонъ-Раккъ, и воскликнулъ:

— Да, да, я начинаю припоминать кое-что... Но прошу васъ,
продолжайте вашъ рассказъ.

— Съ удовольствіемъ, сказалъ фонъ-Раккъ.— Вотъ въ чемъ
дѣло: въ одномъ изъ предѣстевъ—не помню, въ какомъ именно—
жила съ давнихъ поръ какая-то очень бѣдная старуха. Одни
говорятъ, что она вдова; другіе, что мужъ поклянулъ ее, не обез-
печивъ ничѣмъ. Какъ-бы то ни было, но горе и несчастіе подѣй-
ствовали на ея умственные способности; сперва она впала въ
меланхолію, а наконецъ сумасшествіе ея выказалось явнымъ об-
разомъ. Она появилась въ магазинъ брильянтика Креслера въ
то время, когда тамъ не было никого кромѣ сына хозяина, и
потребовала отъ него выдачи какихъ-то драгоценностей, которыя
она будто-бы продала ему нѣсколько времени тому назадъ. Мо-
лодой Креслеръ скоро замѣтилъ, что она не въ своемъ умѣ, —

онъ старался успокоить ее и отдѣлаться отъ нея ласкою. Но тутъ она разсвирѣпѣла и начала громко требовать того, чего не добилась просьбами. Нужно вамъ сказать, что это бѣдная женщина помѣшалась на томъ, что ея сестру убили и ограбили...

Бурда слѣдилъ за разговоромъ съ возрастающимъ волненіемъ, но при этихъ словахъ онъ вдругъ точно остолбенѣлъ. Онъ безумно вытаращилъ глаза и остался неподвиженъ, какъ трупъ.

Фонъ-Раккъ нарочно приостановился въ своемъ разговорѣ и, полюбовавшись впечатлѣніемъ своихъ словъ, продолжалъ спокойнымъ тономъ.

— Послѣ этого старуха бросилась въ ноги молодому Креслеру и умоляла его не предавать ее карѣ закона. Молодому человеку удалось отойти отъ нея, онъ позвонилъ, но въ эту минуту она схватила съ прилавка большія ножницы и ранила его ими въ шею. Онъ схватилъ ее за руку—и Богъ знаетъ, чѣмъ-бы кончилась эта борьба, если-бы не прибѣжали люди и не схватили сумасшедшей.

— Вотъ какъ! пробормоталъ Бурда, на котораго разговоръ этотъ произвелъ, повидимому, поражающее дѣйствіе — Слѣдовало-бы убить такую бѣшеную бестію, прибавилъ онъ потомъ.

— Женщину отправили въ домъ умалишенныхъ.

— Убить ее слѣдовало, сказалъ Бурда съ прежнею запальчивостью,—убить, а не припрятывать.

— Въ домъ умалишенныхъ у нея бывали и ясныя минуты...

Но Бурда рѣзко прервалъ его:

— Чортъ ихъ тамъ разберетъ, гдѣ что ясно, и гдѣ нѣтъ! Впрочемъ, эта исторія ничѣмъ особеннымъ не отличается. Теперь я припоминаю, что читалъ кое-что о ней; но, дай Богъ памяти, когда только это было? На прошлой недѣлѣ, кажется...

— О нѣтъ! Это было, по крайней мѣрѣ, три недѣли тому назадъ.

— Такъ, такъ, вы правы... Позвольте, дайте мнѣ припомнить, какъ ее звали. Анною Краликъ, кажется...

— Я этого, право, не знаю, отвѣчалъ фонъ-Раккъ,—да это, впрочемъ, и неважно. Я давно забылъ-бы обо всей этой исторіи, если-бы она не отразилась такъ неприятно на молодомъ Одоларѣ Креслерѣ.

— Да, да! Теперь я припоминаю этотъ случай, сказалъ Бур-

да, — старуха продолжала болтать ту-же самую чепуху и въ домѣ умалишенныхъ, но — тутъ онъ пристально посмотрѣлъ на своего собесѣдника — не слышали-ли вы, есть-ли надежда на ея выздоровленіе?

— Вопросъ этотъ уже разрѣшенъ. Припадки ея усиливались съ часа на часъ и на третій день ея не стало.

— Она умерла! воскликнулъ Бурда, и на минуту остался неподвиженъ, съ широко раскрытымъ ртомъ. Затѣмъ онъ перевелъ духъ, какъ-будто у него свалилась гора съ плечъ, судорожно искривившееся лицо его приняло спокойное, почти радостное выраженіе и онъ началъ дышать свободнѣе.

Фонъ-Раккъ хорошо замѣтилъ происшедшую въ немъ перемену, но продолжалъ свой рассказъ, какъ ни въ чемъ не бывало:

— Вы сдѣлали предположеніе, любезный г. Бурда, что она и въ домѣ умалишенныхъ продолжала городить прежнюю чепуху. Это предположеніе совершенно справедливо. Понятно! Вѣдь она помѣшалась на томъ, что сестра ея умерла отъ руки злодѣя! Какъ? Объ этомъ она не говорила. Но за то она распространялась о разбоѣ, о государственныхъ билетахъ, золотыхъ брошкахъ, браслетахъ и т. п. Но знаете, милѣйшій г. Бурда, что при этомъ самое странное? Послушайте только! Слова сумасшедшей намекаютъ на дѣйствительный фактъ и проливаютъ новый свѣтъ на печальное, но истинное происшествіе. Сестра этой несчастной женщины, нѣсколько времени передъ тѣмъ, бросилась изъ окна. Всѣ думали, что это случилось въ припадкѣ меланхоліи, но одновременно съ этимъ пропали и всѣ находившіяся въ ея комнатѣ драгоценности.

— Вотъ прекрасно! сказала Бурда, скрывая свое волненіе подъ саркастическою улыбкою, — не начнутъ-ли теперь процессъ противъ умершей сумасшедшей?

— У васъ много юмору! Очень много юмору! сказалъ фонъ-Раккъ успокоительно. — Но вы должны сами согласиться, что такое странное стеченіе обстоятельствъ не можетъ не возбудить толковъ, въ особенности тамъ, гдѣ подробности дѣла неизвѣстны. Теперь посмотрите. Имя сумасшедшей я забылъ, но у меня осталось въ памяти имя ея сестры — той, которая бросилась изъ окна — или, какъ говорятъ другіе, которую выбросили изъ

окна. Она носитъ старое аристократическое имя: это г-жа фонъ-Вейеръ...

— Вейеръ, закричалъ Бурда, вздрогнувъ и схвативъ себя обѣими руками за голову, точно онъ хотѣлъ раздробить ее.

— Господи помилуй! что такое съ вами? спросилъ фонъ-Раккъ съ какимъ-то страннымъ участіемъ.

— Ничего, ничего! отвѣтилъ послѣ короткой паузы Бурда, вставая и стараясь скрыть свое волненіе:—Вейеръ!—Знаете-ли, всякій разъ, когда я слышу это имя, я прихожу въ неописанную ярость. Я знаю одного Вейера—это величайшій злодѣй, котораго когда-либо производилъ свѣтъ. Онъ былъ причиною всѣхъ моихъ несчастій, и я не прощу ему и на смертномъ одрѣ. У этого Вейера была жена, какая-то сумасбродная, безпутная женщина, съ которой онъ никогда не ладилъ, пока они наконецъ не разошлись совершенно. Пожалуй, это онъ, изъ ненависти къ женѣ...—при этомъ Бурда на минуту остановился—но нѣтъ, этотъ мерзавецъ, вѣроятно, давно уже попалъ въ смиренный домъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ его выгнали изъ арміи, если я не ошибаюсь, за воровство.

— Кто знаетъ, можетъ быть, и онъ виновникъ этого злодѣянія, замѣтилъ полицеймейстеръ.—Вы, пожалуй, были знакомы и съ его женою?

— Я зналъ ее только по тѣмъ дурнымъ слухамъ, которые ходили о ней, отвѣтилъ Бурда послѣ нѣкоторой нерѣшительности.—Говорятъ, она во всѣхъ отношеніяхъ была достойна своего любезнаго супруга. Я слышалъ, будто незадолго до ея смерти, онъ вдругъ появился чуть не нищимъ, грязнымъ, въ лохмотьяхъ, а съ нѣкотораго времени онъ живетъ на широкую ногу и мнѣ рассказывали, что его встрѣчали на Пратерѣ въ Вѣнѣ въ своемъ экипажѣ.

— Неужели это правда? перебилъ его фонъ-Раккъ съ видомъ крайняго изумленія.

— Это фактъ, и даже истинное происшествіе—за что я ручаюсь.

— Странно, очень странно! Слѣдовало-бы обратить на это вниманіе властей.

— Я не обвиняю его, воскликнулъ Бурда,—хотя этотъ человѣкъ и способенъ на все. Я только высказываю свое мнѣніе.

Г-жа фонъ-Вейеръ была эксцентрической личностью. Сестра ея умерла сумаспешною; вѣроятно, у нихъ въ семействѣ сумаспешствіе наследственно. Но, прибавилъ онъ менѣе возбужденнымъ тономъ, — мы потеряли много времени надъ этой исторіей. — Онъ посмотрѣлъ на часы. — Извините меня, г. баронъ, но меня ждутъ у военнаго министра. Если позволите, я зайду къ вамъ втеченіе дня и мы переговоримъ обстоятельно о дѣлѣ молодого Креслера.

— Очень хорошо! Вотъ моя карточка, съ адресомъ. Я буду ждать васъ.

И оба гостя распростылись.

Выходя на улицу, господинъ фонъ-Раккъ остановился на нѣкоторое время, какъ-бы желая собраться съ мыслями. „Пережить такую сцену, пробормоталъ онъ про себя, прочесть подобныя ощущенія на одномъ лицѣ, его выраженіе, его борьбу, о, это интересно, очень интересно! Теперь я могъ-бы уѣхать изъ Рима, не увидавъ собора св. Петра и все-таки не сожалѣлъ-бы о своей поѣздкѣ“.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Что еще принесъ съ собой для Бурды этотъ день.

Проводивъ гостей до лѣстницы, Бурда вернулся въ свою комнату и бросился на диванъ, совершенно внѣ себя, исполненный отчаянія и ужаса. Потомъ онъ вскочилъ и началъ въ мрачномъ бѣшенствѣ ходить по комнатѣ.

„Что я за дуракъ! воскликнулъ онъ. — Гдѣ-же мой умъ? Моя хитрость? Если этотъ фонъ-Раккъ пришелъ сюда, ничего не подозрѣвая, то я, своимъ безумнымъ поведеніемъ, долженъ былъ навести его на самыя дурныя мысли. Но нѣтъ, нѣтъ. Этотъ старый сыщикъ-подлецъ прошелъ чрезъ огонь, воду и мѣдныя трубы! Если я возбудилъ въ немъ подозрѣніе своими глупыми рѣчами, то и достоинъ, чтобы меня не только повѣсили, но и четвертовали. Знаетъ-ли онъ что-нибудь? Эта исторія мнѣ вовсе не по сердцу. И даже если онъ ничего не подозрѣвалъ, то теперь, стоитъ только кому-нибудь заговорить обо мнѣ — и у него

должны возникнуть самые страшные подозрѣнія... Онъ заговорилъ о сумасшедшей старухѣ—мнѣ не трудно было сообразить, что дѣло идетъ о моей женѣ, но мнѣ не было надобности разглашать этого. Но съ какой стати я скрылъ свое знакомство съ г-жею фонъ-Вейеръ, своей сволченицей, на имя которой я надѣлалъ столько долговъ. О, это былъ верхъ глупости, важная ошибка, которая ставитъ на карту мою жизнь! Но можно-ли было сознаться въ знакомствѣ съ г-жею фонъ-Вейеръ, не сознаваясь притомъ, что сумасшедшая — это моя жена? А потомъ, когда я началъ ругать его, Вейера... это перестаетъ ужъ даже быть глупостью, а просто граничить съ безуміемъ. Что мнѣ за польза, если его станутъ подозрѣвать? Если мнѣ повѣрятъ, то начнутъ разслѣдывать дѣло, а мнѣ гораздо выгоднѣе, чтобы оно осталось въ тѣни. Если-же мнѣ не повѣрятъ, тогда невольно будутъ подозрѣвать меня. Можно-ли такъ растеряться! Но этотъ несносный человѣкъ, съ его отвратительною любезностью, съ его змѣинымъ взглядомъ—привелъ меня въ совершенное смущеніе. Но стоитъ-ли вспоминать о томъ, что было сказано кстати, и что некстати... что было того — не вернешь. Теперь нужно подумать о томъ, какъ-бы сохранить голову на плечахъ!”

Стояла прекрасная погода. Солнце ярко освѣщало комнату, съ улицы доносились крики разносчиковъ и стукъ проѣзжающихъ экипажей.

Бурда прервалъ свой монологъ и началъ молча обдумывать свое положеніе, потомъ снова воскликнулъ: „Плохо дѣло! О! еслибъ я находился теперь гдѣ-нибудь на Явѣ или Борнео, или на Суматрѣ, среди людоедовъ, или еще лучше, на сѣверномъ полюсѣ, куда никогда еще не проникали корабли черезъ ледяныя горы! Сумасшествіе моей жены откроетъ все, въ этомъ нельзя сомнѣваться... сомнѣваться въ этомъ можетъ одинъ только дуракъ! Ахъ, зачѣмъ сознался я ей въ своемъ преступленіи? Глупый упрекъ—зачѣмъ? Вѣдь я не могъ обойтись безъ нея для продажи драгоценностей! У меня былъ и десятокъ другихъ причинъ, но это только доказываетъ, что она была достойна моего довѣрія... она заговорила только тогда, когда не могла болѣе управлять своей безумной головой!“

Онъ вскопчилъ, пробѣжалъ по комнатѣ и опять упалъ на диванъ.

„Еслибъ она не сошла съ ума, какъ-бы все было хорошо теперь! Никто-бы не ранилъ молодого Креслера, фонъ-Раккъ не смутилъ-бы меня своимъ рассказомъ, и моя тайна была-бы спасена. О, Господи! Что это за жизнь! Вѣчная тревога и днемъ и ночью! Посмотрить-ли на меня кто-нибудь — я прихожу въ ужасъ; всходить-ли кто по лѣстницѣ—мнѣ мерещатся жандармы. И что меня побудило къ этому роковому дѣлу? Вѣдь я и не думалъ-бы объ этомъ, еслибъ не подвернулся случай... Никто меня не видѣлъ—дождь лилъ ливнемъ—я былъ одинъ съ нею. Вдругъ вѣтеръ раскрылъ дверь ея балкона и она сказала: перестаньте угрожать мнѣ тѣмъ, что вы пойдете къ канонику,— не то я тутъ-же, предъ вашими глазами, брошусь изъ окна... Да... это были ея слова: я брошусь изъ окна! Они навели меня на мысль объ убійствѣ и... и... я сдѣлалъ это!“

Онъ упалъ лицомъ на диванъ. Адское воспоминаніе охватило его съ ужасающею силою.

Въ эту минуту кто-то постучалъ въ дверь.

Прежде чѣмъ онъ успѣлъ промолвить слово или собраться съ мыслями, дверь распахнулась...

Но это былъ только почталіонъ.

— Вотъ два письма съ городской почты, сказалъ онъ,—а вотъ письмо изъ Вѣны. Судя по штемпелямъ, оно прокатилось по всей Европѣ. Очевидно, ваше мѣстопробываніе не было извѣстно, и письмо адресовали въ Триестъ.

— Вижу, но теперь оно дошло куда слѣдуетъ, сказалъ Бурда, принимая равнодушный видъ, въ то время, какъ онъ не зналъ, куда дѣваться отъ безпокойства...—Къ тому-же я былъ и въ Триестѣ.

— Девять паоли и шесть баіокки.

— Вотъ вамъ скуди, сказалъ Бурда, бросивъ монету на столъ.

— Grazie, signor!

Бурда взглянулъ на адресъ только по уходѣ почталыона.

Что это такое? Онъ глазамъ своимъ не вѣрилъ. То былъ почеркъ его жены, которая, по словамъ фонъ-Ракка, сошла съ ума и умерла.

— Господи! что это такое значитъ? воскликнулъ онъ,—фонъ-Раккъ говорилъ, что молодой Креслеръ былъ раненъ нѣсколько

недѣль тому назадъ, а чрезъ три дня старуха умерла. Между тѣмъ, по штемпелю видно, что это письмо отправлено двѣ недѣли тому назадъ.

Это дѣйствительно было странно, или, лучше сказать,—подозрительно.

Онъ дрожащими руками распечаталъ конвертъ. Письмо было дѣйствительно отъ жены.

Вотъ его содержаніе—за исключеніемъ нѣкоторыхъ, неважныхъ подробностей:

„Въ послѣднемъ письмѣ ты сообщалъ мнѣ, что отправляешься въ Триестъ, а черезъ нѣсколько дней вернешься въ Вѣну. Между тѣмъ прошли двѣ недѣли—ты не пріѣзжаешь, не пишешь, зная, что у меня нѣтъ въ домѣ ни пфенига. Ты, вѣроятно, обрекаешь меня на голодную смерть! Конечно, ты былъ-бы радъ, еслибъ могъ отдѣлаться отъ меня, но подумай только, разумно-ли съ твоей стороны доводить меня до крайности? Я вовсе и не думала, что ты будешь въ Триестъ, но мнѣ сказали, что тебя видѣли тамъ въ англійской гостиницѣ. Ты былъ очень веселъ и пилъ шампанское. У тебя льется шампанское, тогда какъ я не знаю, гдѣ добыть корку сухого хлѣба! Но чего можно ожидать отъ такого негодяя, какъ ты! Человѣческихъ чувствъ въ тебѣ нѣтъ—это я знаю. Поэтому я буду дѣйствовать съ тобою твоимъ-же оружіемъ. Итакъ, прійми къ свѣденію слѣдующее: если по прошествіи четырехъ дней, послѣ отправки этого письма, я не получу отъ тебя отвѣта, то объявлю полиціи о твоёмъ преступленіи.“

Бурда читалъ эти строки съ возрастающимъ ужасомъ.

— Господи! что мнѣ дѣлать? Она, вѣроятно, уже исполнила свою угрозу! И этотъ Раккъ тоже вывелъ меня на свѣжую воду! Все рухнетъ на меня! Мнѣ нужно бѣжать скорѣе, сегодня-же, сейчасъ-же.

Онъ вскочилъ.

— Но откуда взять денегъ на дорогу? Мой кошелекъ въ самомъ печальномъ состояніи. А мѣшкать нельзя... нужно бѣжать, бѣжать.

Онъ остановился въ раздумьи.

— Нужно собраться съ мыслями... Гдѣ моя энергія? Сколько разъ уже я вывертывался изъ отчаяннаго положенія... Энергія! энергія!

Онъ принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Прежде всего нужно обдумать, гдѣ добыть средства къ путешествію... Что-же? вѣдь у меня лежатъ еще драгоценности г-жи фонъ-Вейеръ... До сихъ поръ я не отваживался отнести ихъ къ брильянтичку... Но теперь это необходимо... Да и чѣмъ же я рискую при этомъ, если разъ рѣшился бѣжать далеко, далеко! Теперь дѣло только въ томъ, какъ-бы ихъ удобнѣе продать. Къ дѣлу! Нечего мѣшкать!“

Онъ поспѣшно открылъ шкафъ и вынулъ изъ него изящный полированный ящикъ, на крышкѣ котораго подъ стекломъ была вѣлана маленькая вышивка.

Это былъ ящикъ для перчатокъ г-жи фонъ-Вейеръ, а вышивка работы Вероники.

Онъ хотѣлъ было открыть ящикъ, но въ эту минуту услышалъ шаги на лѣстницѣ.

Онъ вздрогнулъ и поспѣшно спряталъ ящикъ въ шкафъ.

Шаги остановились около двери.

— Что-же это такое? подумалъ Бурда въ ужасѣ. — Кого онъ ищетъ тамъ на лѣстницѣ? Не запереть-ли мнѣ дверь на задвижку, и сдѣлать видъ, будто меня нѣтъ дома? Или впустить его?

Въ эту минуту постучали въ дверь.

— Войдите, сказалъ Бурда нетвердымъ голосомъ.

Дверь отворилась, и вошелъ молодой человекъ въ мундирѣ папскихъ войскъ.

— Здѣсь живетъ г. Бурда? спросилъ незнакомецъ.

— Это я самъ. Но позвольте васъ спросить, чему я обязанъ вашимъ посѣщеніемъ? спросилъ онъ, нѣсколько оправившись.

Офицеръ снялъ кэпи, медленно подошелъ къ хозяину и безъ приглашенія сѣлъ въ кресло.

— Я Оскаръ Вальбергъ, полковникъ папской арміи. Мнѣ нужно поговорить съ вами. Повойная г-жа фонъ-Вейеръ — ваша свояченица?

— Да, пробормоталъ Бурда, съ ужасомъ ожидая, что будетъ.

— Хорошо. Потрудитесь сказать мнѣ, что вы знаете о фрейленъ Вероникѣ?

— О фрейленъ Вероникѣ? Да какъ вамъ сказать? я почти ничего о ней не знаю. Я давно прервалъ всякія сношенія съ этимъ семействомъ; тамъ происходили такіе скандалы...

— Что вы говорите! запальчиво прервалъ его Оскаръ.—Г-жа фонъ-Вейеръ одна изъ лучшихъ женщинъ, которыхъ я когда-либо встрѣчалъ... и была давнишнимъ другомъ моихъ родителей. А Вероника—ангелъ чистоты. Или вы другою мнѣнія?

Бурда подумалъ съ минутою, а затѣмъ отвѣчалъ:

— Влюбленному каждая дѣвушка кажется ангеломъ. Влюбленному и Вероника можетъ показаться ангеломъ. Я никогда не обращалъ на нее вниманія, но я ничего дурного о ней не слышалъ.

— Конечно! я въ этомъ увѣренъ, сухо возразилъ Оскаръ.—Но я пришелъ вовсе не за тѣмъ, чтобы узнать ваше мнѣніе о семействѣ, которое мнѣ самому хорошо извѣстно. Я слышалъ, будто Вероника выходитъ замужъ. Объ этомъ я и хотѣлъ разспросить васъ, г. Бурда.

— Это, вѣроятно, рѣшено только недавно, отвѣчалъ Бурда.— Двѣ или три недѣли тому назадъ, не было ничего объ этомъ слышно. Но вы предлагаете мнѣ такіе вопросы, точно вы все еще молодой австрійскій лейтенантъ.

— О какъ-бы я желалъ быть имъ, сказалъ Оскаръ, глубоко вздохнувъ.—Какъ я былъ счастливъ, когда не былъ женатъ, когда весь этотъ тяжелый опытъ еще не омрачалъ моей жизни. Счастіе оставило меня съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ Веронику!—Онъ довольно долго молчалъ, погруженный въ свои мысли, потомъ опять заговорилъ:—Еслибъ я только зналъ, что она меня проститъ, что она снова отдастъ мнѣ свое сердце, то я на колѣняхъ бы доползъ до нея изъ Рима!

Онъ задумчиво склонилъ голову.

— Гм! гм! сказалъ Бурда. — Итакъ вы женаты, г. полковникъ?

— Можно почти сказать, что я уже разведенъ съ женою, сказалъ Оскаръ.—Вы, конечно, слышали, о ночномъ нападеніи на аббата Негрони?

— Какъ-же, какъ-же! отвѣчалъ Бурда. — Теперь, вѣроятно, уже напали на слѣдъ убійцы?

— Далеко нѣтъ, возразилъ Оскаръ.—Они какъ въ воду канули!

— Бываютъ-же такіе счастливые убійцы! съ завистью сказалъ Бурда.

— Вадумали-было замѣшать меня въ эту исторію, продолжалъ

Оскаръ.—Я очень хорошо знаю, кто распускаетъ про меня эти слухи; но дѣло ограничивается однимъ только злостнымъ подозрѣніемъ. У меня впрочемъ, есть отличный alibi на эту ночь.

— Что-же! Вѣдь это равняется дѣйствительной невинности.

— Да, этого было бы дѣйствительно достаточно во Франціи, Германіи или Австріи. Но здѣсь, въ странѣ произвола, въ этой второй Турціи — оно значитъ не много, и меня могли-бы осудить, несмотря ни на какія свидѣтельства. Впрочемъ на этотъ разъ они удовлетворились тѣмъ, что, благодаря этому обвиненію, добились отъ меня различныхъ уступокъ.—Онъ всталъ, прошелся по комнатѣ и сказалъ серьезнымъ тономъ:

— Я долженъ былъ согласиться и на разводъ.

— Разумѣется, при этомъ вамъ предложили отступного? сказалъ Бурда,—кардиналъ...

— Да, они предложили мнѣ отступного, но я съ презрѣніемъ отказался отъ этого.

— Въ такомъ случаѣ вы, вѣроятно, очень богаты! замѣтилъ Бурда.

— Да! воскликнулъ Оскаръ,—я очень богатъ! богатъ сознаниемъ, что разведенъ съ недостойной женой! Богатъ надеждою увидѣть Веронику и заслужить ея любовь! Поэтому я и потребовалъ отпуски.

— Для того, чтобы увидѣть небесную дѣву! сказалъ Бурда.— вы все-таки не можете жениться на ней.

— Отчего-же и нѣтъ, возразилъ Оскаръ.—Не даромъ-же мы находимся у источника всѣхъ милостей и отпущеній. Къ тому же я получу не только разводъ, но мой бракъ будетъ объявленъ не дѣйствительнымъ. Каноническое право еще уступчивѣе гражданскаго.

Бурда былъ вовсе не расположенъ къ разговору. До сихъ поръ онъ поддерживалъ бесѣду только для того, чтобы вывѣдать, съ какою цѣлью пришелъ его посѣтитель. Но убѣдившись, что видитъ передъ собой человѣка совершенно безвреднаго, онъ рѣшился попытаться, нельзя-ли извлечь изъ него какой-нибудь пользы для себя.

— Я ничего не слыхалъ о помолвкѣ фрейленъ Вероники, да это, вѣроятно, и неправда. Но что я знаю навѣрное, это то,

что Вероника была безумно влюблена въ васъ. Жена часто говорила мнѣ, что она каждый день плачетъ о васъ.

— Неужели это правда, добрыйшій г. Бурда? воскликнулъ восхищенный Оскаръ, чуть не бросившись ему на шею.

— Ужь повѣрьте мнѣ, я не лгу.

Между тѣмъ лицо Бурды оживилось подѣ вліяніемъ счастливой мысли. Онъ всталъ, подошелъ къ шкапу, и вынулъ изъ него ящикъ, который спряталъ туда при входѣ Оскара.

— Что у васъ тамъ? спросилъ полковникъ.

— Это разныя вещицы, частью подаренныя Вероникой и г-жею фонъ-Вейеръ моей женѣ въ знакъ памяти, частью приобретенныя мною изъ наслѣдства барона фонъ-Вейера, названнаго отца Вероники. Этотъ легкомысленный человѣкъ, такъ неожиданно получившій это наслѣдство, продалъ мнѣ многое передъ моимъ отъѣздомъ. Вотъ посмотрите.

Онъ показалъ Оскару брошку, съ портретомъ Вероники, художественно выполненнымъ на эмали.

— О, это Вероника, четырнадцати-лѣтней дѣвочкой, воскликнулъ Оскаръ.—Что за прелестное лицо! Что вы хотите за него? Мнѣ нужна эта брошка, я дамъ за нее все, что только вы требуете.

— Тутъ еще нѣсколько вещицъ, которыя будутъ вамъ одинаково дороги. Вамъ придется купить все, потому что я не могу продать ихъ отдѣльно.

— Я куплю все! вскричалъ Оскаръ въ восторгѣ.—Къ счастью я сегодня при деньгахъ. Что это стоитъ?

— Эти вещи имѣютъ для меня большую цѣнность, какъ воспоминаніе, но такъ-какъ онѣ попадутъ въ такія хорошія руки, то я ихъ такъ и быть отдамъ за двѣ тысячи франковъ.

— Вотъ они! сказалъ Оскаръ, вынимая кошелекъ, полный золота.—Прибавляю еще 500 фр. за ящикъ — мнѣ кажется, что вышивка сдѣлана рукою Вероники.

— Это дѣйствительно ея работа.

— Я помню, какъ она вышивала это.

Онъ началъ отсчитывать деньги, а Бурда жадно смотрѣлъ на нихъ, торжествуя при мысли о своей ловкости: онъ добылъ средства къ немедленному бѣгству, и продалъ вещи человѣку, который уже, конечно, не отдастъ ихъ въ чужія руки.

Вдругъ дверь неожиданно отворилась, и въ комнату явилось нѣсколько жандармовъ.

Они стояли съ обнаженнымъ оружіемъ.

Застигнутый врасплохъ Бурда ринулся, какъ дикій звѣрь, и въ ту-же минуту исчезъ за дверью другой комнаты.

Но не успѣлъ онъ повернуть ключа, какъ жандармы принялись выламывать дверь.

Полковникъ стоялъ въ недоумѣніи, смотря то на свои драгоценности, то на странную сцену, происходившую предъ его глазами.

Дверь скоро подалась подъ дружнымъ натискомъ дюжикъ жандармовъ.

Среди комнаты, на полу лежалъ Бурда, судорожно сжимая въ рукѣ почти опорожненную скляночку.

Онъ отравился синильною кислотой, которую всегда носилъ при себѣ.

Такъ кончилъ этотъ человекъ, который всю свою жизнь употреблялъ свои опасные таланты во вредъ обществу и людямъ.

Сумасшествіе и смерть жены Бурды, какъ, вѣроятно, уже догадался читатель, были выдуманы фонъ-Раккомъ для того, чтобы вывести на свѣжую воду хитраго преступника и имѣть возможность арестовать его безъ дальнѣйшихъ разговоровъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Въ этой книгѣ мы навсегда прощаемся съ старыми знакомыми.

Великіе и отважныя планы реакціонной партіи относительно Италіи не удалась отъ начала до конца. Протесты изгнанныхъ правителей, равно какъ и протестъ Австріи противъ соединенія государствъ средней Италіи, не имѣли никакихъ послѣдствій. Попытка отторгнуть вновь присоединенныя къ Пьемонту земли, равно какъ и планъ всеобщей католической лиги — не удалась. Въ апрѣлѣ итальянскій парламентъ съ большою торжественностью открылся въ Туринѣ и единодушно рѣшилъ вопросъ о присоединеніи всѣхъ завоеванныхъ провинцій. Викторъ-Эммануилъ при радостныхъ возгласахъ населенія объѣхалъ присоединенныя про-

винціи и вступилъ въ Болонью, еще такъ недавно страдавшую подъ гнетомъ папскаго правительства. Сицилія волновалась; слышались протесты противъ присылки неаполитанскихъ войскъ.

Крайнія мѣры, къ которымъ прибѣгалъ св. отецъ, по совѣту фанатическихъ приверженцевъ, не привели ни къ какимъ результатамъ: отлученіе отъ церкви и тому подобныя устарѣлыя средства противъ вожаковъ итальянскаго объединенія не удостоивались ни малѣйшаго вниманія; и можно сказать, что всѣ эти реакціонныя поштытки только помогли объединенію итальянскаго государства.

Людовикъ Наполеонъ убѣдился, что происки крайней реакціи въ концѣ-концовъ обратятся противъ него самого, и онъ успѣшно отразилъ удары своихъ враговъ. Всѣ бумаги, переданныя псевдо-іезуитомъ Негрони кардиналу Сансовини, были препровождены этимъ послѣднимъ въ Парижъ и послужили только подтвержденіемъ того, что Наполеонъ давно уже предвидѣлъ. Поэтому онъ тотчасъ-же отказался отъ мысли объ итальянской федераціи, такъ-какъ видѣлъ, что она не можетъ быть приведена въ исполненіе и что нужно отказаться отъ нея. Нельзя было противодѣйствовать народнымъ стремленіямъ, которыя высказывались съ такою несокрушимою силою.

Неаполитанскіе Бурбоны были принуждены отказаться отъ своихъ плановъ нападенія на Пьемонтъ; мало того: имъ пришлось даже унижаться и просить союза съ Сардиніею. Но новая Италия чувствовала, что она не обязана щадить ихъ и поэтому правительство смотрѣло сквозь пальцы, когда Гарибальди началъ готовить свою экспедицію въ Сицилію. Пароходы, посланные будто бы для задержки гарибальдійцевъ, безъ сомнѣнія, получили строжайшія инструкціи не попадать на слѣдъ волонтеровъ.

Въ то время, какъ такимъ образомъ внѣшняя политика Австріи получала ударъ за ударомъ, внутреннее положеніе страны осталось тѣмъ-же, чѣмъ было по окончаніи несчастнаго похода. Дѣла шли очень плохо. Все рушилось, и подкупныя газеты, несмотря на все свое нахальство, не могли долѣе выдавать вымыселъ за истину. Куда дѣвались благосостояніе Австріи, ея могущество, ея неисчерпаемые источники доходовъ и непобѣдимая армія?

Вообразите себѣ великолѣпныя декораціи, выставленныя Потемкинымъ въ мѣстахъ, по которымъ проѣзжала Екатерина. Что-сталося бы съ ними послѣ продолжительнаго ливня? Блестящіе дворцы исчезли и на ихъ мѣстѣ стоятъ деревянные бараки, обтянутые холстомъ; тамъ и сямъ, виднѣется еще какая-нибудь уцѣлѣвшая дача; въ другомъ мѣстѣ вѣтеръ разрушилъ цѣлый городъ—и вашему взору представляются одни только потоки грязи—тамъ, гдѣ вчера еще стояли великолѣпныя зданія!

Нѣчто подобное случилось и съ Австріей въ концѣ этого года. Весь мишурный блескъ исчезъ, и скрывавшійся подъ нимъ обманъ выступилъ въ ужасающей наготѣ. Процессъ слѣдовалъ за процессомъ; одно трагическое происшествіе смѣняло другое. Процессъ капитана Доре, который продалъ французамъ планы укрѣпленій Вероны, послужилъ только вступленіемъ къ процессу Эйнатена. Самые уважаемые триестскіе негоціанты были замѣшаны въ страшно-нотыдномъ дѣлѣ. Но удивленіе перешло въ ужасъ, когда разнесся слухъ о самоубійствѣ знаменитаго финансиста, того самаго человѣка, который цѣлыхъ пять лѣтъ боролся съ ужаснымъ дефицитомъ и игралъ самую видную роль въ государствѣ. Ему предстояло сойти съ своего высокаго пьедестала, и онъ предпочелъ смерть суду и заточенію.

Послѣ всѣхъ этихъ симптомовъ, явленій и катастрофъ, правительству оставалось только одно спасеніе—полный и искренній разрывъ съ старою системою. Но оно колебалось, боялось энергическихъ дѣйствій, трепетало при одной мысли о народномъ представительствѣ.

Сколько дорогого времени пропало даромъ!

Но возвратимся къ нашему разсказу, который уже клонится къ концу.

Весна настала, а съ нею и пора счастья и любви для Вероники и Бруно.

Еще зимою въ Штоль они сближались все болѣе, и наконецъ затаенное чувство обнаружилось—они объяснились.

Но Вероника не вѣрила своему счастью. Она боялась Розы, въ которой видѣла опасную соперницу, и не успокоивалась, несмотря на увѣренія и клятвы Бруно. Но въ одно прекрасное утро, пріѣхавъ въ Штоль Вейсборнъ просить руки молодой артистки. Палаша Штоклеръ, мечтавшій о блестящей будущности

для своей дочери, не сразу далъ свое согласіе. Онъ былъ несправильный идеалистъ, способный отказаться отъ дѣйствительной выгоды, ради воображаемой, большей выгоды—и онъ долго поддерживалъ мечты Розы по отношенію къ Бруно. Но постоянныя сцены ревности ускорили только сближеніе Вероники и Бруно, и Роза съ отчаянія рѣшилась выдти замужъ. И только когда Вейсборнъ съ молодой женой уѣхалъ изъ Шотола, Вероника вздохнула свободно и безавѣтно отдалась своему счастью.

Между-тѣмъ Бруно получилъ разрѣшеніе возвратиться въ Вѣну. Онъ отправился туда немедленно, и первымъ его дѣломъ былъ визитъ канонику, у котораго онъ просилъ руки Вероники. Всякій пойметъ радость фонъ-Борка. Одинокому старику показалось, что небо послало ему сына въ лицѣ Бруно.

Въ то время, какъ все устраивалось по желанію Бруно, брату его Артуру, предстояли дни тревожные, полные борьбы. Онъ отличился во время кампаніи и заслужилъ репутацію одного изъ талантливейшихъ и образованнѣйшихъ офицеровъ цѣлой арміи. Немудрено, поэтому, что вліятельныя лица военнаго вѣдомства попросили его изложить свое мнѣніе о тѣхъ недостаткахъ администраціи, которымъ преимущественно можно было приписать недавнія пораженія. Зная, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, Артуръ попробовалъ-было уклониться отъ этой чести, но когда ему было объявлено на аудіенціи одного высокопоставленнаго лица, что министерство желаетъ знать его откровенное мнѣніе, и просить его говорить не стѣсняясь, онъ поддался обольщенію и высказалъ все, что думалъ. Но каково было его удивленіе, когда, по окончаніи рапорта, вліятельное лицо сдѣлало ему оскорбительное замѣчаніе и повернулось къ нему спиною.

Артуръ убѣдился на дѣлѣ, что истина не уживается въ Австріи съ великими міра сего, и вышелъ въ отставку.

Насталъ канунъ того счастливаго дня, когда Бруно и Вероника должны были соединиться узами брака. Вероника сидѣла одна въ своей комнатѣ, освѣщенной послѣдними лучами заходящаго солнца. Во всемъ домѣ не было ни души: прислуга была въ городѣ; Бруно и каноникъ хотѣли пріѣхать только къ вечеру, а старый Блазіусъ ушелъ тайкомъ въ деревню за музыкантами, желая обрадовать Веронику серенадою. Вероника задумчиво сидѣла у окна, отложивъ въ сторону работу—мысли ея по-

стоянно возвращались къ тяжелымъ происшествіямъ минувшаго года, и она боялась вѣрить, что всему ея горю настала конецъ.

Вдругъ ей послышались шаги въ сосѣдней комнатѣ. Вообразивъ, что Бруно пришелъ раньше, чѣмъ она ожидала, она вскочила и открыла дверь, но предъ нею появилась высокая фигура, закутанная въ коричневый плащъ съ капюшономъ.

— Это вы, Вальбергъ, съ испугомъ промолвила Вероника, отступивъ назадъ.

Дѣйствительно, то былъ Оскаръ Вальбергъ, но его трудно было узнать: такъ онъ измѣнился. Глаза его глубоко впали и блестяли какимъ-то страннымъ огнемъ; его прекрасное нѣкогда лицо носило отпечатокъ физическаго и нравственнаго возбужденія. И если прибавить къ этому его длинные усы, коротко остриженные волосы, и необыкновенный покрой платья, то никто не удивится странному впечатлѣнію, которое онъ произвелъ на Веронику.

— Какъ, вы бѣжите отъ меня? воскликнулъ онъ.—О, Вероника, Вероника!

— Одно только смущеніе тому причиной, отвѣтила она.—Я предполагала, что вы въ Римѣ.

— Въ Римѣ! Въ Римѣ! Въ объятіяхъ моей жены, вдовы Грейфенштейна? Не такъ-ли? Но я разведенъ—папа всемогущъ: онъ разорвалъ эти узы, какъ-будто ихъ никогда и не существовало—я свободенъ.

— Это поразительныя извѣстія! пробормотала она.

— Поразительныя? воскликнулъ Оскаръ.—Но какой другой исходъ могъ имѣть бракъ, скрѣпленный отчаяніемъ? Да! я рѣшился на этотъ шагъ, движимый отчаяніемъ, потому-что вы отказывались отъ меня, не отвѣчали на мои письма, не хотѣли слушать моихъ оправданій, не хотѣли сочувствовать моему горю, моимъ слезамъ! О, Вероника, вы были виною всѣхъ моихъ несчастій! Но теперь я опять свободенъ—я опять у вашихъ ногъ. Не отталкивайте меня! Скажите, что вы меня прощаете. Я навсегда отказываюсь отъ военнаго поприща! Видите-ли? съ той минуты, какъ я вступилъ въ эти стѣны, какъ я увидѣлъ васъ, мнѣ кажется, что я сдѣлался другимъ человѣкомъ, что все прошлое—одинъ только ужасный сонъ! О еслибъ г-жа фонъ-Вей-

ерь была еще жива! Она заступилась-бы за меня! Вероника, Вероника, простите меня!

Онъ бросился предъ нею на колѣни.

— Но я ничего не имѣю противъ васъ, сказала Вероника.— Встаньте, прошу васъ...

— И удалитесь! Неправда-ли? Вы это хотѣли сказать. Но нѣтъ, я не встану, пока вы не протянете мнѣ руки и не скажете: Оскаръ, я прощаю тебя. Но прежде всего, вы должны выслушать меня. Вѣдь я люблю тебя и любилъ тебя всегда, даже и тогда, когда такъ коварно покинулъ тебя. Вникните въ мое положеніе, Вероника! Вѣдь я несчастный человѣкъ. Во мнѣ сидитъ какой-то демонъ, который внушаетъ мнѣ иногда самыя отчаянныя выходки. Этотъ демонъ продиктовалъ мнѣ то злосчастное письмо... но если сегодня я могъ-бы изгладить его впечатлѣніе своею кровью, то не пожалѣлъ-бы ея. Я былъ слабъ и неопытенъ. Меня опутала сирена, безнравственная женщина, которая вскорѣ измѣнила мнѣ, какъ измѣнила и тому, котораго ты теперь любишь, или воображаешь, что любишь. Но я никогда не переставалъ любить тебя—и теперь я покинулъ эту женщину; она болѣе не существуетъ для меня... Вотъ они, всѣ мои преступленія—неужели ты не простишь меня, Вероника? Мое благополучіе, моя жизнь въ твоихъ рукахъ; ты одна можешь спасти меня отъ того злого демона, который былъ причиною всѣхъ моихъ несчастій. Не отталкивай меня, Вероника! Я останусь у твоихъ ногъ, пока меня не выгонятъ отсюда силой.

Онъ закрылъ лицо руками. Въ своемъ коричневомъ плащѣ съ капюшономъ онъ походилъ на средневѣковаго кающагося подъ бременемъ своихъ грѣховъ монаха. Слышно было, какъ онъ рыдалъ.

Вероникѣ стало страшно: онъ былъ точно безумный. Неудержимые взрывы его отчаянія, зловѣщій блескъ его впалыхъ глазъ привели ее въ совершенный трепетъ. Неужели этотъ странный человѣкъ былъ тотъ веселый, полный жизни офицеръ, который нѣкогда былъ ей такъ дорогъ? Какая ужасная перемѣна? Она не знала, что ей сказать, что ей дѣлать, и ждала, пока прекратится его пароксизмъ.

Но въ эту минуту раздались первые акорды музыкантовъ, приведенныхъ старымъ Блазіусомъ. Въ открытыя окна громко и

отчетливо долетали звуки веселой аріи изъ „Nozze di Figaro“, и Оскаръ, пробужденный отъ своего отчаянія, вскочилъ, какъ ужаленный.

— Вотъ видите! сказалъ онъ съ насильственнымъ смѣхомъ.—И судьба и люди,—все вооружается противъ меня! Я въ отчаяніи; у меня смерть въ душѣ,—а они играютъ веселыя аріи.

Вероника пошла-было къ окну, чтобы велѣть музыкантамъ перестать играть, но Оскаръ понялъ ея движеніе иначе: онъ загородилъ ей дорогу и, схвативъ ее за руку, громко воскликнулъ:

— Вы хотите звать людей? Вы меня боитесь? Я возбуждаю въ васъ ужасъ?

— Господинъ Вальбергъ, сказала испуганная дѣвушка, стараясь овладѣть собою, — зачѣмъ намъ продолжать это тяжелое свиданіе? Къ чему оно поведетъ? Вы желаете оправдаться въ моихъ глазахъ: хорошо — я понимаю васъ и прощаю вамъ все. Но полюбить васъ снова—я не въ состояніи.

— О, Вероника! воскликнулъ онъ такъ громко, что его голосъ заглушилъ даже пронзительные звуки скрипокъ.—Не доводите меня до отчаянія! Эта комната уже была свидѣтельницею страшнаго несчастія, — берегитесь, чтобы оно не повторилось. Вспомните о своей матери: вотъ окно, чрезъ которое она бросилась — при этомъ онъ указалъ рукой на ведущую на балконъ лѣстницу,—одна минута и я буду лежать тамъ-же, и двѣ кровавыя тѣни будутъ преслѣдовать тебя всю твою жизнь!

Дрожь пробѣжала по всему тѣлу Вероники три этихъ ужасныхъ словахъ. Теперь она была вполнѣ увѣрена, что нибѣтъ дѣла съ сумасшедшимъ, отъ котораго можно ожидать всего. Кровь стыла въ ея жилахъ при одной мысли о томъ, что можетъ случиться.

Между тѣмъ музыканты перешли къ веселому allegro.

Но въ Оскарѣ вдругъ совершилась неожиданная перемена. Бѣшенство его смѣнилось малодушіемъ. Онъ упалъ на стулъ и громко заплакалъ.

— О, моя испорченная жизнь! говорилъ онъ.—Счастье было такъ близко, но я отвернулся отъ него. — Я покинулъ ангела изъ-за презрѣнной женщины. Я ненавижу и презираю самого себя. О, Вероника, еслибъ вы знали, какъ я несчастенъ!

Вероника съ ужасомъ глядѣла на него. Неужели какіе-нибудь

шесть мѣсяцевъ могутъ измѣнить человѣка до такой степени? Минуты казались ей вѣками, и она не знала, чѣмъ кончится эта сцена.

Но тутъ она услышала шаги на лѣстницѣ. Она вздохнула свободно.

— Кто идетъ? вскрикнулъ Оскаръ, вскакивая, и прежнее дикое выраженіе сверкнуло въ его глазахъ. — Я не хочу, чтобы меня видѣли въ моемъ униженіи и издѣвались надо мною!

Онъ бросился къ двери съ намѣреніемъ запереть ее на ключъ.

Но Бруно опередилъ его; онъ уже перешагнулъ порогъ и мигомъ понялъ, что тутъ происходило.

— Господинъ Оскаръ Вальбергъ, сказала Вероника. — Вотъ Бруно Гальденридъ, мой женихъ.

— Вашъ женихъ! Какъ вы напираете на это слово, зная, что оно приводитъ меня въ отчаяніе... Ну, пусть будетъ по вашему, Вероника. Вы знаете, что вы всемогущи надо мною, что отъ васъ я перенесу все. Но вамъ, милостивый государь, — (обратился онъ къ Бруно), — я не позволю окидывать меня такимъ оскорбительнымъ взглядомъ!

— А кто даетъ вамъ право говорить со мною такимъ образомъ? спокойно спросилъ Бруно, прямо смотря ему въ глаза. Его самообладаніе только еще сильнѣе возбудило Оскара.

— Я вамъ отомщу за это! закричалъ онъ въ безсильномъ бѣшенствѣ.

— Если вы будете вести себя, какъ сумасшедшій, то намъ придется дѣйствовать съ вами, какъ съ сумасшедшимъ, сказалъ Бруно, подходя къ нему.

Вальбергъ отскочилъ назадъ, подавленный его превосходствомъ. Горькая зависть зашевелилась въ немъ, и не успѣлъ Бруно вымолвить еще слова, какъ раздался выстрѣлъ.

Пуля просвистала у самаго его уха и ударилась въ стѣну.

Нѣсколько секундъ все было тихо — и музыка замолчала незадолго передъ тѣмъ, — но тутъ Бруно бросился на своего противника, желая вырвать у него пистолетъ, у котораго второй курокъ былъ уже взведенъ.

Но Оскаръ, мгновенно пришедшій въ себя, не сопротивлялся. Напротивъ того, онъ самъ отдалъ Бруно пистолетъ, говоря:

— Возьмите; дѣлайте со мною, что хотите.

Бруно нѣсколько секундъ молча смотрѣлъ на него; онъ не подымалъ оружія, но убійственное презрѣніе сверкало въ его взглядѣ.

— Мнѣ не нужна ваша жизнь, сказалъ онъ. — Ступайте, но объщайте намъ никогда болѣе не тревожить насъ своимъ присутствіемъ. Теперь вы панскій полковникъ; можно надѣяться, что вы скоро будете генераломъ разбойниковъ.

Онъ взялъ Веронику за руку, но она была какъ-бы прикована къ мѣсту. Глаза ея смотрѣли дико, — она была почти безъ чувствъ.

Оскаръ опустилъ голову и, пошатываясь, направился къ двери. Вскорѣ онъ ичезъ изъ виду.

Вероника, рыдая, бросилась на шею своему жениху. Она не скоро еще совершенно успокоилась и съ раскрытыми глазами лежала на рукахъ своего возлюбленнаго. Когда она опомнилась, то первымъ ея вопросомъ былъ: онъ ушелъ?

— Да: успокойся, другъ мой, сказалъ Бруно подводя ее къ окну. За деревьями еще мелькалъ плащъ удалявшагося Оскара.

Такъ кончился этотъ тревожный и печальный вечеръ.

На другое утро кто-то постучалъ въ дверь Бруно, и въ его комнату вошелъ челоуѣкъ въ статскомъ платьѣ, котораго Бруно узналъ не сразу. То былъ его братъ Артуръ.

— Посмотри на меня, воскликнулъ тотъ, — послѣ пятнадцати лѣтъ я въ первый разъ опять надѣлъ это платье. Оно кажется мнѣ очень страннымъ, но я чувствую себя въ немъ такъ легко и свободно, — не могу и рассказать тебѣ, какъ свободно!

— Слава Богу, что я дожилъ до этого! радостно воскликнулъ Бруно, обнимая брата. — Наконецъ-то ты опять со мною!

— Сколько испытаній, сколько ударовъ судьбы должно было поразить меня, для того, чтобы отереть мнѣ глаза! Но хватить-ли у меня силъ на новую жизнь?

— Развѣ ты не начинаешь новой жизни, вступая въ бракъ съ дѣвушкой, которую ты любишь? возразилъ Бруно. — Я дѣлаю то-же самое. — По какимъ различнымъ дорогамъ вела насъ судьба — чего-чего мы не пережили?

— И что только не ожидаетъ насъ въ будущемъ, замѣтилъ Артуръ.

— Да, многое ожидаетъ насъ впереди. Не одна только бѣд-

ная наша Австрія, но и весь свѣтъ превратился въ какое-то вавилонское столпотвореніе. Древнія стѣны рушатся; старинныя божества низвергнуты; пыль застилаетъ глаза. Мы-же, крѣпко обнявшись со своими возлюбленными, пойдемъ рука объ руку въ общую сумятицу, и никакая злая сила не разлучитъ насъ теперь другъ съ другомъ.

Нѣсколько часовъ спустя, въ маленькой гольгаузенской церкви происходила свадьба Бруно и Вероники. Мерзенбургъ былъ приглашенъ на этотъ праздникъ; онъ, каноникъ и Артуръ были свидѣтелями брака.

НА НОВОМЪ ПУТИ.

(РОМАНЪ.)

ГЛАВА ХІ.

Тяжелое переходное время—время разлада и борьбъ! Гдѣ только, въ какой семьѣ не сказывается оно такъ или иначе? Начиная отъ сферы высшаго общества — у каждой изъ нашихъ женщинъ есть такія минуты безысходной злобы, отчаянія— что тяжело подумать о такихъ минутахъ, а каково-же переиспытывать ихъ?..

Вѣчныя посулы въ будущемъ! Но женщина будущаго выработается изъ настоящей, или долго еще не будетъ этого желаннаго новаго, разумнаго идеала—нашихъ честныхъ и лучшихъ людей!— „Мягкое, чарующее вліяніе женщины необходимо“, говорить вездѣ и, изъ боязни что-ли, что женщина, научно-образованная утратитъ свою женственность,—тормозять ея стремленія. Къ чему на показъ только мягкое, сладкое? зачѣмъ не вспоминать о вліяніи лучшихъ и развитыхъ женщинъ прошедшаго, которыя не услаждали только, а неутомимо, энергично двигали мужчинъ впередъ на великіе подвиги? Такихъ извѣстныхъ примѣровъ не искать стать, а сколько еще подобныхъ-же кануло въ забвеніи? Развѣ ласки рабы дороже ласкъ независимой женщины?

А сколько писалось и говорилось въ защиту женскаго вопроса—не сосчитаешь; сколько громкихъ фразъ и рѣчей разсыпалось за него? Да, красныя слова легко скользятъ съ языка, а дѣло-то за ними тянется почеренашья.

Тяжелая борьба всюду! Ужь чего-бы, кажется, глуше и тише мѣста, какъ погостъ, верстахъ въ пяти лежащій отъ города Х. — Церковь, двѣ-три избы выселившихся крестьянъ, да домъ священника Лучинскаго, окруженный густо разросшимся садомъ съ кустами малинника и черной смородины. Кругомъ, болѣе чѣмъ на версту, нѣтъ деревень—тишь, безлюдье, поля и густой сосновый боръ. А здѣсь также идетъ борьба новаго съ отживающимъ.

Давно уже, лѣтъ двадцать пять назадъ, поселился здѣсь на погостѣ священникомъ отецъ Василій Лучинскій, получивъ мѣсто вскорѣ по окончаніи курса въ семинаріи,—поселился и зажилъ здѣсь съ молодой красивой женой.

— Экій счастличикъ! на какую красавицу попалъ, корявое рыло! завидовали товарищи Лучинскому на свадьбѣ.

Но не было тутъ счастья, да и быть его не могло. Анисью Гавриловну чуть не силой спровадили подъ вѣнецъ; да и то силой. До синяковъ выколотилъ ее отецъ за упрямство; но тутъ было не упрямство, а инстинктивное отвращеніе молодой, здоровой натуры отъ спившагося, грубаго семинариста. Въ упрашиваніяхъ и мольбахъ къ отцу Анисья Гавриловна со страстностью заклинала не губить ее, а лучше убить, но отецъ смѣялся надъ причудами дѣвки.

— Стерпится—слюбится, и мы съ матерью твоей также женились, а жили хорошо—сама знаешь, отвѣчалъ онъ ей на горячія мольбы.

Мать уговаривала дѣвушку покориться. Ну чтожь? и покорили побоями. Какое-же семейное счастье могло выработаться при подобномъ положеніи?

Анисья Гавриловна билась первое время, какъ птица въ клѣткѣ, боролась, противопоставляла отпоры мужу и, какъ женщина отъ природы неглупая и съ силой воли, стала прискивать средства покорить Лучинскаго, если нельзя ужь вернуть прошлаго. Уйти отъ мужа она считала немислимою вещью, смертнымъ

грѣхомъ, а стала отравлять жизнь и свою и его покорнымъ несеніемъ своего креста. Эти понятія она всосала съ молокомъ матери и усвоила и развила ихъ подъ вліяніемъ всей окружающей ее среды. Но нерѣдко изнемогала подъ тяжестью этихъ правилъ ея страстная натура, и большого труда стоила ей борьба.

Нелегка была жизнь, какую вела она у родителей, но все же она находила ее лучшею, чѣмъ замужество съ ненавистнымъ человѣкомъ. Анисѣ Гавриловнѣ пришлось выносить много оскорбленій, попрековъ за хлѣбъ и зависимость отъ грубаго мужа. Горька была ея жизнь изо дня въ день съ нелюбимымъ человѣкомъ; она-то раздражила и озлобила ее на все и на всѣхъ и выродила въ такую несносную личность, отъ которой терпѣлъ весь домъ, не исключая и дѣтей, особенно старшей дочери, Насти, которая на горькихъ правахъ и положеніи женщины не могла вырваться изъ семьи, какъ это сдѣлалъ ея братъ.

Нерадостно привѣтствовала Анисья Гавриловна рожденіе дѣтей, хотя нельзя сказать, чтобы она вовсе не любила ихъ; иногда у ней прорывались въ отношеніи ихъ страстные, горячія ласки,—впрочемъ, колотушекъ и брани доставалось больше.

А дѣти рождались чуть-ли не каждый годъ, но скоро и умирали, кромѣ самаго старшаго сына, которому было семь лѣтъ, когда родилась дочь Настя. Мальчикъ уродился весь въ мать—смуглый, съ огненными глазами и курчавыми иссиня-черными волосами, да и характеромъ-то огненнымъ, помнящимъ добро, но еще долше и живѣе—зло—скорѣе напоминалъ Анисью Гавриловну, а не лимфатическаго, слабохарактернаго отца.

— Цыганенокъ, чертенокъ, были самыя обычные эпитеты, получаемыя имъ отъ отца, да часто и отъ матери.

Дѣтство Миши прошло безъ ласки и свѣта, безъ свободы и игрушекъ: его не баловали. Одинъ только разъ подарилъ ему лошадь пріѣзжавшій погостить дѣдъ по матери, но и эта игрушка не на радость досталась мальчику. Слыхавъ, какъ татары и калмыки ѣдятъ лошадей, онъ разломалъ свою на куски, вымочилъ въ кипяткѣ и съѣлъ размокшую бумагу. Отецъ высѣкъ его не на животъ, а на смерть, и мальчикъ цѣлые два дня пропалъ въ бору, убѣжавъ со злости и желанія умереть съ го-

лода. Но голодъ сказался—восьми-лѣтній ребенокъ не выдержалъ и вернулся домой, гдѣ получилъ новое возмездіе.

— Первый блинъ, да и тотъ юмомъ, подсмѣялась надъ нимъ прислуга и озлобленный мальчикъ не желалъ больше игрушекъ.

Миша чувствовалъ себя свободно и хорошо, только вырвавшись въ боръ, гдѣ никто не запрещалъ ему бѣгать взапуски съ крестьянскими ребятишками, что строго преслѣдовалось на погостѣ; въ бору онъ вольно дышалъ, бойко лавилъ по деревьямъ и, возвращаясь домой, стойчно выдерживалъ наказаніе за разорванное платье. Эти наказанія не останавливали его отъ новыхъ отлучекъ.

Мальчикъ давно уже ненавидѣлъ отца и мать, не любилъ слугъ, выдававшихъ родителямъ его шалости, а сердчишко его страстно желало къ кому-нибудь привязаться. Дѣтскія сердца такъ мягки, воспріимчивы, отзывчивы на ласку. Зато какъ обрадовался мальчикъ рожденію сестры, какъ сильно привязался къ крошкѣ, какъ охотно мѣнялъ прогулки въ бору на сидѣнье возлѣ ея люльки, которую мать заставляла его качать. Посвоему, подѣтски выражалъ онъ любовь къ Настѣ и разъ чуть было не уморилъ трехмѣсячную дѣвочку, затолкавъ ей въ ротъ полученный пряникъ.

Мать больно выбила его за озорство, какъ она называла добрый порывъ мальчика.

Любовь къ Настѣ и впоследствии служила для Миши источникомъ побоевъ, но онъ еще крѣпче привязывался къ ней; дѣвочка, выростая, также охотнѣе всѣхъ льнула къ брату. Десяти лѣтъ мальчика отдали въ духовное училище и онъ только по праздникамъ и вакаціямъ видалъ сестру.

Съ отъѣздомъ Миши, баловавшаго посвоему Настю, для которой онъ слагалъ немудрящія сказки изъ своей собственной пылкой фантазіи и устраивалъ разныя забавы,—для дѣвочки потекли нерадостные дни. Несчастливая жизнь отца и матери осязательно отзывалась на ней; рано заработала головка Насти и открыла много новаго и гадкаго въ людскихъ отношеніяхъ.

То отецъ бьетъ мать и дѣвочка всей душею стоитъ тогда за мать и послѣ побоевъ ласкается къ ней, но получаетъ отпоръ.

— Убирайся прочь, не до тебя, говоритъ ей раздраженная женщина.

Дѣвочка съезживается отъ холодности, какою отвѣчаютъ на ея ласку.

То мать пилить и попрекаетъ отца, явившагося пьянымъ, и Настя жаль отца, но приласкаться боится, потому-что нерѣдко онъ угощалъ ее пинками подъ пьяную руку.

— Экая каторжная жизнь, говоритъ Анисья Гавриловна: — вѣчно пьянъ, ну гдѣ ты опять нализался?

Отецъ Василій отмалчивается. Анисья Гавриловна пристаётъ съ бранью и допросами.

— Экая каторжная жизнь, мысленно повторяетъ дѣвочка, сообразивъ, что слово „каторжная“ значитъ очень скверная.

Такія сцены случались нерѣдко и къ нимъ можно было-бы и привыкнуть: но нѣтъ—они каждый разъ тяжело ложились на душу Настя.

Рѣдко выдавались такіе дни; чаще—когда отецъ уѣзжалъ съ требой куда-нибудь очень далеко — мать звала къ себѣ Настю, дѣлала ей куклы изъ лоскутковъ и учила шить. Дѣвочка увлеклась куклами, шила на нихъ, безумолву болтала съ ними, разыгрывая повтореніе видѣнныхъ сценъ съ одними и, по смутнымъ представленіямъ иной лучшей жизни, заставляла другихъ жить весело, дружно, хорошо. Но ея огневая натура не любила по-долгу заниматься чѣмъ-нибудь однимъ: иногда проходили цѣлыя недѣли, а она и не притрогивалась къ кукамъ, и если мать заставляла ее шить на нихъ—рвала и портила работу.

— Экой чертенокъ, вся въ брата, замѣчала тогда разсерженная мать.

Настя задавала себѣ вопросы:

— Чѣмъ-же дурно, что я похожа на брата? — Онъ хорошій; я его люблю; и при свиданіи передавала слышанное Мишѣ.

— Ничего: чортъ съ ней! это со злости, замѣчалъ мальчикъ. — Сама-то больно добра!

И дѣвочка сознавала, что хорошо было-бы имѣть не такую мать—добрѣе, вонъ хоть какъ у крестьянскаго мальчика Васи, которая и ласкаетъ его, и не бьетъ.

Съ бранью и колотушками выучилась Настя читать и писать. Особенно много доставалось ей при заучиваніи молитвъ, на раннее знаніе которыхъ налегала Анисья Гавриловна. Свою рели-

гіозность она хотѣла внушить и дѣвочкѣ, усердно подымая ее къ заутренѣ и не разрѣшая пропускать никакой службы. — Настя иногда охотно шла въ церковь: ей нравилась ея тишина послѣ криковъ и брани дома, но подчасъ лѣнь да и усталость отъ долгой службы заставляли дѣвочку украдкой выбираться оттуда или засыпать, наклоняясь въ землю. За такіе грѣховныя поступки всегда ждало ее строгое наказаніе.

Читая съ матерью Евангеліе и другія книги духовнаго содержанія, дѣвочка задавала ей вопросы нравственнаго содержанія, и Анисья Гавриловна охотно объясняла дочери все съ своей религіозной точки зрѣнія.

— Господь Богъ злыхъ ка-ра-еть, растягивала Настя и останавливалась.

— Что это значитъ „ка-ра-еть“, маменька?

— Наказываетъ, отвѣчала Анисья Гавриловна и въ головѣ дѣвочки роились ужъ разныя глубокія соображенія.

— Такъ Богъ только злыхъ наказываетъ, а добрыхъ?

— Милуешь... ну, читай дальше!

Но не такъ-то легко было отвязаться отъ вопросовъ дѣвочки, которая думала себѣ:

„Значитъ, мы съ Мишей злые, а мать добрая; какъ-же братъ говорилъ другое?“ и жаль ей было разстаться съ вѣрой въ любимыи авторитетъ.

— А, можетъ быть, Богъ не знаетъ, кто злой, кто добрый? допытывалась Настя.

— Нѣтъ, онъ все знаетъ, все видитъ и справедливо наказываетъ злыхъ, а добрыхъ награждаетъ.

— Все видитъ, все знаетъ! соображала дѣвочка, — какъ это такъ?..

— А отецъ добрый или злой? вы его часто браните.

— Ну, читай дальше: что привязалась?

И Настя разсѣянно продолжала чтеніе, такъ-какъ въ головѣ происходила путаница отъ наплыва разныхъ вопросовъ.

— Что ты слова перевираешь, скверная дѣвчонка! восклицала мать и слѣдомъ за этимъ восклицаніемъ увѣсистая тукманка летѣла въ голову дѣвочки.

Да, всякія соображенія и разспросы оканчивались колотуш-

ками или бранью, но даже и побои не останавливали дѣтской пытливости.

Не маминально читала она Евангеліе, а чутко ловила всякія изреченія, примѣняла ихъ къ себѣ и нерѣдко озадачивала отца Василія выводами своихъ провѣрокъ.

— Я вотъ читала, что если сказать съ вѣрой горѣ: сдвинься— она и сдвинется, начала Настя за обѣдомъ...

— Ну что-жъ, прервалъ ее отецъ.

— Да я съ вѣрой говорила сѣновалу—сдвинься, анъ вышла неправда.

— Ахъ, ты дура; кто вѣритъ—тотъ не долженъ испытывать,—это ужъ не вѣра!

— Да какъ-же это узнаешь, правда это или нѣтъ, если не пробовать, продолжала дѣвочка довольно бойко; но ее огорошивали слова отца:

— Вотъ какъ я отдеру тебя на всѣ корки, такъ ты у меня перестанешь такія штуки продѣлывать.

Настя опѣшивала, но, послѣ каждой такой сцены, еще пытливе вдумывалась въ читаемое.

Любила она слушать рассказы о жизни Христа, кратко излагаемые матерью, любила ходить на богомолье въ пустыни. Версть двадцать или болѣе приходилось имъ отъѣзжать отъ дому, дни на два, на три, и это разнообразіе въ жизни тѣшило дѣвочку. Да и вся обстановка пустыни нравилась ей; какое-то религіозное благоговѣніе, совершенно инстинктивно, охватывало ея дѣтскую душу въ огромной мрачной церкви, гдѣ раздавалось стройное монастырское пѣніе. Но болѣе всего она любила прогулку на родникъ, который считался святымъ, цѣлебнымъ, куда вела чудная дорога боромъ и гдѣ всегда бывало много народу.

Близъ родника въ горѣ какой-то монахъ вырылъ себѣ пещеру; его посѣщало много богомольцевъ, и Настя съ матерью разъ такъ же были въ пещерѣ.

По возвращеніи домой она принялась рыть около фундамента дома въ саду; тихонько пробиралась къ своей работѣ и, какъ кротъ, подрывала землю, выкапывая яму для воды, чтобы въ миниатюрѣ устроить такую-же пещеру, какъ у монаха, подъ поломъ у котораго пробивался родникъ. Неутомимо шло ея рытье,

пока работникъ не засталъ ее на мѣстѣ и не доложилъ матери. Работа прекратилась, но не скоро прошло желаніе зайти пустыннымъ. Свои планы семилѣтняя Настя передала при свиданіи брату; тотъ осмѣялъ и разрушилъ ея мечты.

Вскорѣ послѣ этого въ ихъ семьѣ случилось такое происшествіе, которое долго, долго будетъ помнить Настя.

Отецъ какъ-то упрекнулъ Мишу, находившагося дома; тотъ отвѣчалъ дерзко. Разозлившійся отецъ Василій позвалъ работника и, приказавъ ему держать 14-лѣтняго мальчика, высѣкъ сына.

Что было съ Мишей! Онъ ископалъ себѣ руки въ кровь, чтобы не кричать и не просилъ у отца прощенія, котораго тотъ требовалъ подъ розгами. Его лицо было блѣдно, а глаза налились кровью, когда онъ, вырвавшись изъ рукъ работника отъ нестерпимой боли и оттолкнувъ отца, бросился вонъ изъ комнаты. Съ этихъ поръ его не видѣли дома, да и въ бурсу онъ не вернулся.

— Утопился вѣрно, говорилъ о. Василій, отрезвившійся на нѣсколько дней со страху.

Анисья Гавриловна плакала и кляла мужа. Настя, обезумѣвъ отъ горя, страстно молилась, чтобы братъ вернулся, чтобы Богъ наказалъ злого отца. Въ душѣ дѣвочки въ это время оборвалось многое.

Полиція не розыскала мальчика. О. Василій, только благодаря хлопотамъ благочиннаго, удержался на мѣстѣ.

О Мишѣ не было ни слуху, ни духу года четыре, до тѣхъ поръ пока онъ не прислалъ письма сестрѣ съ увѣдомленіемъ, что онъ живъ и поступаетъ въ московскій университетъ.

Словно тяжесть спала съ души Лучинскихъ; злоба ихъ угомонилась, они не преслѣдовали сына и выслали ему видѣ. О томъ, гдѣ онъ скрывался и какъ жилось ему, они не знали, да не узнали и послѣ.

Съ потерей брата, котораго Настя считала умершимъ, еще холоднѣе и безнадежнѣе зажила она, но еще сильнѣе отдавалась своимъ мечтамъ и неразрѣшеннымъ вопросамъ. И чѣмъ больше росла она, тѣмъ сложнѣе и сложнѣе представлялась ей цѣпь ихъ семейной обстановки, гдѣ вся жизнь сложилась изъ различныхъ соотношеній, одно другому противурѣчащихъ. Трудно ей

было обобщить всѣ эти разрозненные явленія и скоро выработать какой-нибудь опредѣленный взглядъ на жизнь.

Однако, постепенно выяснялось у ней ясное убѣжденіе, логическій выводъ изъ всѣхъ наблюденій дома и внѣ его. Она рѣшила, что отецъ и мать ея дѣйствительно дурные люди, что есть много лучше ихъ. Пожить съ такими людьми и ихъ жизнью—стало лучшею мечтой ея дѣтства.

Но годы шли, а обстановка не мѣнялась; только вмѣсто шитья кукламъ ее усаживали теперь за пальцы.

ГЛАВА XII.

Настя росла одиноко, диваркой, неотесанной; но, не давъ ей возможности образоваться, у ней не отняли способности мыслить, а ей некому было повѣрять свои, хотя и дѣтскія, но подчасъ мучительныя думы и сомнѣнія.

И такъ какъ въ ея жилахъ текла не вода, а горячая кровь, то эта кровь возмущала ея честное сердце при мысли о томъ, что ей придется прожить такъ долго, долго, а можетъ быть, и всегда. И какъ горячо ненавидѣла она свою обстановку, гдѣ приходилось затаивать въ себѣ всякія мысли и чувства, потому что самыя лучшія и самыя честныя изъ нихъ были-бы разгромлены и осмѣяны.

Настя не дошла еще до вывода, что родители ея не вполне виноваты; что всѣ поступки ихъ коренятся въ тѣхъ условіяхъ жизни, которыми привелось имъ довольствоваться въ дѣтствѣ; что точно также, а, можетъ быть, и еще хуже поступали съ ними. Словомъ, сколько ни вдумывалась она, какъ глубоко ни анализировала условія своей обстановки, она не уловила еще факторовъ, слагающихся для развитія тѣхъ или другихъ характеровъ, и въ ея отношеніяхъ къ родителямъ въ глубинѣ души гнѣздилась нелюбовь, чтобы не сказать болѣе.

Жизнь съ ними казалась дѣвущкѣ мукой, тяжелой нравственной пыткой. Зайдетъ-ли какой-нибудь споръ у отца съ матерью и обратятся къ ней спорящія стороны, каждая за поддержкой своего мнѣнія,—ее мутитъ и коробитъ отъ возрѣвнй обѣихъ, и она старается отдѣлаться общими фразами или молчаніемъ; а

молчать или говорить не то, что думаешь, насиловать себя—совсѣмъ не такъ легко, какъ кажется иногда.

Нерѣдко приходилось ей дѣлать уступку тому, что ей казалось нечестнымъ, нехорошимъ, и отказываться отъ того, къ чему ее тянула внутренняя неутоленная потребность.

Въ силу своей воспримчивости ей приходилось платить дань окружающей жизни, но она не удовлетворяла ее; грязь и пустота тяжело ложились на Настю, и какъ часто давала она себѣ слово не сломиться подъ гнетомъ чужой воли, отстоять себя.

Ея молодя силы жадно рвались изъ-за плечъ, за которыми мучила ее Анисья Гавриловна, рвалась на свѣтъ, къ другой жизни, заманчивой, ясной, и въ мечтахъ своихъ она уже отрывалась отъ своей старой жизни. Ей минуло семнадцать лѣтъ и стройненькая худощавая Настя, съ своимъ бѣлымъ лицомъ, строгимъ профилемъ и огненными глазами, стала наводить родителей на мысль о присканіи ей жениха.

— Вотъ съѣзжу къ владыкѣ и попрошу озаботиться женишкомъ, замѣтилъ какъ-то о. Василій женѣ.

— На свое мѣсто зятя пустишь, а сами-то съ чѣмъ останемся? возразила Анисья Гавриловна и, благодаря этому возраженію, толки о женихѣ на время смолкли.

Положеніе дѣвушки въ семьѣ не улучшалось, на нее сыпались брань, попреки, побои и оскорбленія, послѣ которыхъ она подчасъ боролась сама съ собою и своимъ сильнымъ желаніемъ отомстить, потому-что иного выхода она не видѣла и жизнь не выработала ей другого орудія, кромѣ орудія ненависти.

Послѣ каждой семейной бури и перебранки Настя злобно затаивала накипавшую горечь и, чтобы уйти отъ осаждавшихъ ее черныхъ думъ, инстинктивно выбирала удобные приемы. Она принималась за какой-нибудь физическій трудъ съ порывистой готовностью, со страстностью горя и мало-по-малу физическое утомленіе брало верхъ надъ ея бьющимися нервами, надъ ненормально возбужденнымъ мозгомъ.

Нерѣдко случалось, что отъ усталости она засыпала гдѣ-нибудь въ сараѣ или на огородѣ и сонъ освѣжалъ ея молодой, окрѣпшій отъ невзгодъ организмъ. Надолго-ли только? До первой новой бури; а послѣднее время онѣ повторялись все чаще и

чаще. Мать правила всѣмъ домою и, дѣйствительно, только благодаря ей, держалось хозяйство.

Своими трудами Анисья Гавриловна упрекала дочь, хотя та работала много и готова была-бы работать и вдвое болѣе, лишь-бы не слушать незаслуженныхъ упрековъ за дармоѣдство. Попытки Насти къ большому значенію въ домѣ получили отпоръ и подняли новую бурю. У дѣвушки исчезало терпѣніе.

Такое положеніе дѣлъ было въ августѣ того года, когда Болеславичъ съ женой пріѣхали въ Х., и помѣстились на фабрику Ознобина, верстахъ въ трехъ отъ погоста.

Настя часто ходила на фабрику къ знакомой мѣщанкѣ, у которой крестила дѣтей, и тамъ въ первый разъ услышала о томъ, что въ женской больницѣ ищутъ сидѣлку. — Шестъ рублей въ мѣсяцъ жалованья и все готовое, Настенька, говорила ей Сафроновна, — такъ звали куму. — Вотъ не услышишь-ли гдѣ охотницы?

— Да я сама-бы съ удовольствіемъ пошла, воскликнула Настя. — Дома-то вѣдь пытка, а не жизнь; только не отпускай!

— Что ты, Настенька! ну гдѣ тебѣ справиться; не дѣло это ты задумала и отецъ не дозволить.

— Да, это я такъ только пожелала, а знаю, что не сбудетъ, успокоила Настя куму, а между тѣмъ ее такъ и подмигивала мысль уйти изъ дому.

Словно съ дорогой находкой, съ такой легкостью на сердцѣ возвращалась Настя вечеромъ домой съ фабрики.

Дома ужинали.

— Что долго засидѣлась? ишь нашла себѣ компанію съ Сафронихой! выбранила мать. — Все отъ бездѣлья!

Настя не возражала, не до перебранки ей было въ такомъ хорошемъ настроеніи. Она перемыла тарелки, прибрала все и вышла на крыльцо.

Темнѣло, а для Насти словно промелькнулъ яркій солнечный лучъ; въ ней пробудилась врожденная всякому человѣку жажда счастья и свободы и мелькнулъ выходъ къ послѣдней. По землѣ ложились мягкія тѣни, выглянулъ мѣсяцъ и звѣзды, еще блѣдныя, замелькали въ вышинѣ на темномъ фонѣ неба. Тишина удивительная — не шелохнетъ. Настя сѣла на ступеньки крыльца, чтобы мечтать на свободѣ.

Настоящее не представлялось ей въ радужномъ свѣтѣ, но тѣмъ пламеннѣе стремилась она заглянуть въ будущее и вопросы о немъ и о счастіи вызвали въ ней горячую работу мозга.

Со старымъ она простилась уже давно, но новаго до сихъ поръ не находила, не потому, чтобы у нея не было энергіи и силъ для удовлетворенія живыхъ порывовъ къ болѣе свѣтлой и разумной жизни. Нѣтъ, они были, но не было знанія и умѣнья перестроить жизнь. Въ такое-то смутное время она услышала о мѣстѣ сидѣлки въ женской больницѣ, и ухватила за промелькнувшую мысль—занять его, во что-бы-то ни стало.

— Да я хоть въ горничныя готова идти, хоть за самую малую плату, чтобы только не слышать упрековъ и брани—не то что въ сидѣлки!

Она обрадовалась этой мысли, ухватила за нее цѣпко, крѣпко, потому-что видѣла здѣсь единственный исходъ изъ своей семейной жизни, или каторги, какъ она ее называла, съ которой она не могла примириться, да и не хотѣла!

Настя представляла уже въ своемъ пылкомъ воображеніи, какъ охотно и заботливо будетъ она ходить за больными, какъ вольнѣе вздохнетъ отъ гнета; ярко рисовались передъ нею картины будущаго; долго сидѣла она такъ, сладко забывшись.

Вдругъ, среди царившей тишины, на колокольнѣ поростской церкви пробили часы. Настя насчитала 12 и, войдя въ комнату, безъ шума улеглась спать.

На утро она встала бодрой и веселой отъ сознанія, что на случай у нея есть выходъ—и звонко зашѣла нѣсни, приготовляя чашки.

— Чего расшѣлась, не перекрестя лба-то! И заутреню проспала, взѣлась мать.

Настя не отвѣчала; нѣсни порвалась на полусловѣ. За чаемъ мать придиралась къ ней; она отмалчивалась и тотчасъ послѣ чая сѣла за пяльцы. Но день былъ такой чудный и, сидя у отвореннаго окна, Настя часто отрывалась отъ работы и выглядывала на улицу.

— Ты-бы лучше совсѣмъ бросила работать, чѣмъ показывать видъ, что дѣло дѣлаешь. Какой отъ тебя прокъ? мать изъ силъ выбивается, чтобъ ей-же приданое собрать, а она ничего не помогаетъ; нѣтъ ты-бы попробовала черную работу поработать, подлая!

Настя не вытерпѣла.

— Я лучше согласилась-бы быть послѣдней судомойкой, чѣмъ выносить такую жизнь, какъ моя, промолвила она, глотая слезы.

— Ты-бы попробовала: легко-ли такъ работать-то, дура ты эдакая, тогда и говорила-бы, взвѣлась Анисья Гавриловна.

— Все легче, чѣмъ каждый день слышать брань, попреки за хлѣбъ и получать туманы; у меня отъ нихъ спина ужъ заболѣла. Не хочу я больше терпѣть.

— Какъ! что ты сказала? ахъ ты, подлая, неблагодарная тварь; смѣетъ еще она такъ матери грубить! Погоди-же, вотъ я тебя, мерзкую! и съ этими словами Анисья Гавриловна разлетѣлась-было дать дочери пощечину.

Настя, вся блѣдная, съ искрящимися глазами и закушенной губой, вскочила со стула и съ силой двинула пальцы, — они упали.

— Ну что-жь, побейте, маменька, да только ужъ въ послѣдній разъ, проговорила она; по ней пробѣгала дрожь, глаза метали молнію, а ноздри такъ и раздувались. Лицо дѣвушки было олицетвореніемъ злобы и вызова.

Анисья Гавриловна опѣшила и только проговорила:

— Ишь ехидна! змѣя! И въ кого это она только уродилась, прости ты меня, Господи, окаянную—съ братцемъ роднымъ одного поля ягоды.

Настя не отвѣчала и пошла изъ комнаты.

— А пальцы-то чтожь не подняла? Что, мнѣ убирать еще, что-ли, за тобой, барышня-судомойка, крикнула ей вслѣдъ мать.

Настя не отвѣчала и, выйдя изъ дому, побѣжала по дорогѣ къ выселкамъ. Ее душили взрывы давно накипѣвшаго негодованія, озлобленія.

— Господи! что я буду дѣлать! страстно зывала дѣвушка. — Уступать—все уступать, сегодня да завтра, такъ тебя и совсѣмъ осѣдлаютъ, а я не хочу этого и не могу долше выносить. Нѣтъ, силъ моихъ нѣтъ!

И дѣвушка безсознательно шла впередъ, пока не очутилась у воротъ женской больницы. Чувство робости охватило ее, пока, дернувъ звонокъ, она выжидала, что ей отпрутъ, и уже готова была даже бѣжать назадъ.

— Но куда? домой! ни за что!

Лиза вышла отворить дверь; она ждала возвращенія мужа и очень поражена была, увидя передъ собою красивую дѣвушку, съ непокрытой головой и заплаканными глазами.

— У васъ кто-нибудь боленъ и мнѣ нужно ѣхать? промолвила она, глядя на смущенное и огорченное лицо Насти.

— О, нѣтъ, вскричала та; нѣтъ, не то. Помогите мнѣ, дайте мнѣ пріютъ, дайте мнѣ мѣсто сидѣлки въ этой больницѣ, если только это хоть сколько-нибудь зависить отъ васъ.

„Оригинальная претендентка“! промелькнуло въ головѣ у Лизы, и она тотчасъ-же увела дѣвушку къ себѣ, усадила и ласково заговорила съ ней.

Подъ вліяніемъ теплыхъ словъ, такъ рѣдко слышанныхъ ею въ жизни, Настя ободрилась и ярко и горячо обрисовала свою жизнь въ домѣ, побои, упреки, послѣднюю сцену и высказала твердое рѣшеніе не возвращаться домой, даже еслибы и не получила желаемого мѣста.

— Лучше руки на себя наложу, горячо промолвила дѣвушка.

Лиза была возмущена, растрогана. Подъ вліяніемъ разсказа Насти, въ ней опять кипѣла и подымалась ненависть ко всему, что такъ гнетъ и ломаетъ женскую долю. Она переживала минуты тяжелыхъ и глубокихъ ощущеній и результатомъ ихъ явилось страстное, твердое желаніе помочь Настѣ, отстоять ея права на лучшую жизнь.

— О, нужно устроить это дѣло! Вы останетесь сегодня у меня, Настенька, а завтра я пошлю записку вашему отцу и постараюсь уговорить его. Можетъ быть, онъ согласится отпустить васъ.

Настя отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ? Такъ поборемся; во всякомъ случаѣ знайте, что я готова помогать вамъ, сколько хватитъ силъ, и найду себѣ союзниковъ въ лицѣ мужа и Ознобина.

— Ознобинъ—это фабрикантъ? Вотъ онъ развѣ повліяетъ на отца.

— И его вліяніе употребимъ, если не успѣемъ однѣ. Можетъ быть, вы сами выйдете завтра переговорить съ отцомъ. Я приглашу его сюда.

— Нѣтъ, передайте вы ему отъ меня, что ихъ хлѣбъ мнѣ вотъ гдѣ стоять и что я скорѣе умру, чѣмъ вернусь домой.

Слова эти были сказаны съ такой энергіей, что Лиза подумала:

„Слава Богу—она съумѣетъ отстоять себя“!

Успокоившаяся и согрѣтая ласковымъ и простымъ обращеніемъ Лизы, Настя вздохнула свободнѣе и вообразила даже, что теперь она совсѣмъ ограждена отъ своихъ.

Переговоривъ обо всемъ, касавшемся ея, Настя снова просила Лизу дать ей работу, не отказать въ мѣстѣ сидѣлки.

— Вы не думайте, Лизавета Игнатьевна, что я всегда такая вспыльчивая, злая; о, нѣтъ, я право могу и хочу быть доброй. Я буду терпѣлива и добра съ больными, а работать я также не лѣнива,—хоть цѣлый день готова трудиться, лишь-бы не слышать брани и хоть изрѣдка слышать такое ласковое слово, какъ ваше.

Лиза крѣпко пожала ей руку.

— Я согласна взять васъ, но для полученія этого мѣста вамъ нуженъ будетъ видъ отъ отца. Конечно, мы постараемся добыть его!

И Лиза принялась рассказывать дѣвушкѣ, въ чемъ будутъ состоять обязанности сидѣлки. Въ разговорѣ она коснулась того, какое образованіе получила дѣвушка.

Настя заплакала.

— Никакого. Я ничего не знаю, ничему не училась, но я хочу учиться и знать,—щеки дѣвушки ярко покраснѣли.

— Не велика бѣда, было-бы желаніе и вы нагоните потерянное. Я охотно буду помогать вамъ въ свободное время...

Настя схватила руку Лизы и хотѣла поцѣловать; Лиза вырвала ее въ смущеніи.

— Вотъ вы не хотите дать мнѣ руку, а между-тѣмъ я давно, да и никогда такъ охотно никому не цѣловала руки, какъ-бы сдѣлала это вамъ. Я такъ, такъ благодарна вамъ, такъ рада буду отслужить по мѣрѣ силъ.

Эту страстную тираду прервалъ приходъ Болеславича, съ недоумѣніемъ глядѣвшаго на дѣвочку и на тревожное лицо жены. Лиза скоро посвятила его въ суть дѣла и, нечего говорить, что его симпатіи были на сторонѣ Насты.

— Что-то скажете о Василии завтра? вотъ вопросъ, который занималъ всѣхъ троихъ и не далъ имъ спокойно уснуть въ эту ночь.

На утро Настя тревожно ждала прибытія отца, но рѣшенія не перемѣнила. Да никто изъ ея новыхъ друзей и не посовѣтоваль-бы этого. Они только еще больше ободряли дѣвушку.

— Она не пропадетъ! замѣтилъ Болеславичъ жонѣ.

Приглашая Лучинскаго, Лиза писала, что имѣеть сообщить ему свѣденія о его дочери.

У Лучинскихъ наканунѣ весь день шель переполохъ,—и ночь провела безъ сна. Теперь на долю Анисьи Гавриловны обрушились попреки мужа, что сгубила дѣвку, точно такъ-же, какъ послѣ побѣга Миши, она корила Лучинскаго.

О. Василий явился немедленно на приглашеніе Болеславича.

Узнавъ, что Настя здѣсь въ больницѣ и не хочетъ вернуться домой, онъ разсвирѣпѣлъ.

— Да какъ она смѣетъ это говорить, ахъ она мерзавка, скотина! Извините меня, сударыня, но я удивляюсь, какъ вы согласились взять на себя передачу такихъ глупыхъ словъ дѣвочки; какое вы имѣете право потакать ей?

— Настя совершеннолѣтняя и имѣеть точно такое-же право выражать свои убѣжденія и стремиться къ ихъ осуществленію, какъ я—передать ихъ вамъ. Это нравственная обязанность всякаго человѣка и я удивляюсь, батюшка, какъ вамъ не жаль и не стыдно обижать свою дочь такими словами.

— Напрасно стараетесь учить меня, сударыня.

— Я не учу, а выражаю свое мнѣніе, которое вы вольны слушать или не слушать. Еще разъ скажу вамъ, что дочь ваша твердо рѣшилась не возвращаться домой.

— Ну-съ, а куда она пойдетъ? развратничать?

Лизѣ былъ гадовъ этотъ грубый человѣкъ, она готова была дерзко возразить ему, но вспомнила, что этимъ можетъ испортить начатое дѣло и остановилась.

— Настя хотѣла-бы поступить на мѣсто сидѣлки въ нашу больницу и просить у васъ видѣ.

— Сидѣлкой въ больницу! Да съ чего это она взяла, что я, позволю своей дочери, плоти отъ плоти моей и кости отъ кости моей идти въ услуженіе? Слава Создателю — у меня еще есть средства содержать семью.

— Да, но Настя просила меня передать вамъ, что она сама желаетъ зарабатывать на себя, что чужой хлѣбъ куда какъ не сладокъ и...

— Чужой хлѣбъ! это отцовскій-то хлѣбъ чужой? ахъ она неблагодарная тварь. Да что это она въ голову забрала—чужой хлѣбъ горекъ! Да развѣ велика бѣда, что мы съ матерью иногда бывало и пожуримъ ее за лѣность. Безъ этого, вы сами знаете, нельзя, избалуется совѣмъ.

— Вотъ Настя и рѣшила вѣрно не лѣниться, чтобъ ее не кордили, и станетъ сама добывать хлѣбъ. Вѣдь это дѣло почтенное.

— Почтенное—въ служанки идти! Ужъ не вы-ли это ей посоветовали, матушка. Почтенное! и священникъ злобно засмѣялся.

— Извините, батюшка, но я не имѣю времени продолжать долѣ нашъ разговоръ, мнѣ нужно идти въ больницу, тамъ есть трудно больныя. Что прикажите вы передать Настѣ?

Поклонясь Лучинскому, Лиза ждала его отвѣта, чтобы удалиться.

— Прощайте, сударыня! только я вамъ доложу, что этого дѣла я такъ не оставляю и донесу полиціи, что вы держите у себя служащихъ безъ вида, а дочери своей здѣсь оставаться не позволю.

— Это ваше дѣло, я-же только передала вамъ порученіе Настя.

Лучинскій ушелъ, а Лиза стояла въ какомъ-то туманѣ, потомъ промолвила:

— А все-таки мы побѣдимъ! и, передавъ Настѣ о неудачѣ, быстро написала записку Ознобину, прося его не замедлить приходомъ по очень важному дѣлу.

Черезъ часъ, еще и менѣе даже, Ознобинъ ѣхалъ къ Лучинскому и, воротясь отъ него, если не привезъ согласія и вида, за-то успокоилъ Лизу и Настю общаніемъ о. Василія подождать мѣсяць-другой своими жалобами, въ томъ вниманіи, что

онъ, Ознобинъ, и другіе, окружающіе ее, постараются склонить дѣвушку къ возвращенію домой.

И такая отсрочка обрадовала женщинъ.

ГЛАВА XIII.

День за день летитъ время, принося съ собою кому радость и удачи, а кому такъ бездну мелкихъ зацѣпокъ, колючекъ, а то и солидныхъ тормазовъ.

За послѣднее время достаточно колючекъ выпало на долю обитателей больничнаго домика. Услужливые пріатели Ознобина, отъ которыхъ Богъ упаси, не безъ основанія считавшіе Боле-славичей главными двигателями совершившихся на его фабрикахъ перемѣнъ, которыя имъ были хуже бѣлыя на глазу—принялись за постройку подпольныхъ минъ для разрушенія ненавистныхъ нововведеній. Результатъ этихъ интригъ не замедлил обнаружиться въ отказѣ устройства колыбельной, бумага о разрѣшеніи которой была уже подписана самимъ начальникомъ губерніи.

На помощь злобствующимъ фабрикантамъ явилась начальница губерніи, а это что-нибудь да значило! Да и не что-нибудь, а по просту сулило вѣрный успѣхъ врагамъ Ознобина.

Нашлись ловкіе и добрые люди, взявшіеся похлопотать за нихъ у губернаторши; они такъ тонко и вмѣстѣ ѣдко сѣумѣли задѣть слабую струнку Надежды Кириловны, считавшей себя представительницей интеллигенціи (не потому-ли, что числилась членомъ общества покровительства животнымъ) и главою благотворительныхъ предпріятій въ X-скомъ обществѣ. Она и точно была распорядительницей спектаклей, лоттерей-аллегри и маскарадовъ, дававшихся въ пользу бѣдныхъ города, но я прибавлю, и не подъ секретомъ, что изъ всѣхъ этихъ сборовъ на долю бѣдныхъ доставалось какихъ-нибудь сто рублей въ годъ, большая-же часть денегъ шла на обѣды и ужины благороднымъ актерамъ, на издержки по спектаклямъ, маскарадамъ и такъ дальѣ. Не на собственный-же, въ самомъ дѣлѣ, счетъ было устраивать ужины и обѣды? Они и такъ самоотверженно отдавали въ

пользу бѣдныхъ свое драгоцѣнное время и таланты—не правдали?—Выискивались откуда-то продерзкіе, осмѣливавшіеся въ одной петербургской газетѣ (губернская всеподданнѣйше курила только фиміамы мѣстнымъ ревнителямъ благотворенія) поглотить-ся на счетъ несообразнаго распредѣленія поспектакльныхъ сборовъ — шестьдесятъ рублей голодающимъ, двѣсти сорокъ — на освѣщеніе, плату музыкантамъ и т. д. и четыреста рублей на ужины актерамъ, распорядителямъ и другимъ почетнымъ благодѣтелямъ!! — удивлялся неизвѣстный авторъ корреспонденціи изъ Х... Но вѣдь удивлялся-то навѣрное какой-нибудь неблаговопитанный мальчишка, семиварштиника, непонимающій утонченныхъ гастрономическихъ требованій желудка.

Большинство-же Х-скаго beau monde восхваляло нѣжную душу и рѣдкій умъ Надежды Кирилловны. А о красотѣ ея такъ всѣ ужъ и кричали въ одинъ голосъ; поэты-профессора восхвѣвали ея античный профиль, высокій ростъ и шикарную прическу полукороткихъ à la растрепанный артистъ волосъ. И точно восхитительно граціозно растрепывала себѣ волосы губернаторша, неподражаемо! Ужъ сколько ни старались копировать ее губерскія дамы, пообстригавшія свои волосы ради завезенной ею моды—нѣтъ никакъ не давалось имъ это искусство. Чего-бы тутъ, кажется, мудренаго — растрепать волосы? — а вотъ подите—нуженъ и для этого талантъ. Мы знавали одну барыню, которую слезы пронибали отъ неудачи тремки, на которую тратила она не мало времени. Вы думаете, пустое все это дѣло, и говорить-то о немъ не стоитъ. Хорошо вамъ такъ думать, а каково же было губернскому женскому персоналу, у котораго шикарная московская аристократка отбила поклонниковъ? А все прическа! Ею-то больше всего и восхищалась молодежь.

Читатели, пожалуй, усумнятся въ томъ, что и столпы науки—профессора лѣзли въ прихвостни, старались считаться въ числѣ поклонниковъ и хвостовъ губернской кометы; но, не весело говорить, а грѣхъ утаить, что мы знавали такихъ профессоровъ, которые большую часть времени посвящали на сочиненіе авростиховъ Х—скимъ аристократкамъ, — Надежда-же Кирилловна была восхвѣта ими до небесъ.

Однако и мы грѣшныя увлеклись красивой губернаторшей, ко-

торой тѣмъ временемъ ловко успѣли напечатать въ ушко о разныхъ затѣяхъ заѣзжей оригиналки.

Оскорбленная появленіемъ соперницы на полѣ благотворительности (такъ выставили дѣло о колыбельной), губернаторша въ глубинѣ души дала свое вѣрное слово: не допустить осуществленія затѣи всякой...

— Этого не будетъ! мысленно и злобно твердила она, слушая ловкія рѣчи чиновника Лерхе о томъ вліяніи, которое приобрететь, вѣроятно, *cette nullité, cette M-me Boles'avitch* — если ей удастся устроить желаемое.

— *Plût à Dieu, mon cher, que ça réussisse!*—искусственно спокойнымъ тономъ отвѣчала губернаторша на фразы чиновника, — благотворительность—великое дѣло и единственная сила, данная намъ, женщинамъ. Будемъ-же пользоваться этой дивной силой.

Она долго и съ ловкимъ увлеченіемъ говорила о святости и честности благотворенія.

Лерхе почтительно соглашался съ ея превосходительствомъ, но не упускалъ случая вернуть и свое словцо, намекнуть, напримеръ, что и дѣло благотворенія хорошо только тогда, когда оно исходитъ отъ ружь истинно религиозной и высокой души женщины, а не отъ этихъ *nullités, зараженныхъ всевозможными измамы.*

— *C'est joli, Lерхе, vous êtes éloquent, comme toujours, lorsqu'il s'agit этихъ измовъ.*

— *Trop d'indulgence, trop de bonté, votre excellence, вкрадчиво благодарилъ чиновникъ.*

Потомъ онъ вскользь упомянулъ о негодованіи почтенныхъ фабрикантовъ на то обстоятельство, что новая женская больница купца Ознобина, кажется (онъ произнесъ „кажется“ съ удареніемъ сомнѣнія, потому что завѣдомо лгаль) была открыта безъ освященія и молебствія.

— Ваше превосходительство, конечно, знаете, какъ религиозенъ русскій человѣкъ,—и вдругъ—оскорбленіе въ несоблюденіи обряда; это такъ тронуло, такъ тронуло бѣдныхъ фабрикантовъ.— *Et puis, русскій человѣкъ суевѣренъ — мало прока ждутъ отъ такой больницы, избѣгаютъ лечиться тамъ; on commence à ga-*

compter des небылицы о привидѣнiяхъ. Безъ божьей-де помощи и излеченья не будетъ. Вотъ подите!...

— Mais c'est juste, Лерхе, вѣра—великая вещь.

И губернаторша пустилась краснорѣчиво излагать свои мысли по поводу величiя вѣры: le néant n'existe pas, Dieu est grand et bon etc. etc. такъ и сыпались изъ ея устъ французско-нижегородскiя рѣчи.

Чиновникъ, откланиваясь Надеждѣ Кириловнѣ, уходилъ вполне увѣренный въ успѣхъ своей дипломатической мисси.

Губернаторша не любила, просто не могла выносить даже, чтобъ говорили о комъ-нибудь кромѣ ея высокой особы и рѣшила заставить мужа отмѣнить сдѣланную имъ резолюцію.

— Une ravvenue veut me jouer farce, mais—riga bien qui riga le dernier! промолвила комета, входя въ кабинетъ мужа.

Черезъ полчаса послѣ отъѣзда Лерхе, губернаторъ созналъ, что се que femme veut—Dieu le veut и, пославъ за правителемъ дѣлъ, приказалъ ему отложить рѣшенiе о колыбельной подъ зеленое сукно. А на недоумѣвающее, вопросительное лицо чиновника отвѣтилъ тихой и многозначительной фразой:

— У нихъ тамъ дѣла не совсѣмъ ладно клеятся, до меня дошли кой-какiе слухи. Только молчите объ этомъ до поры до времени, я все узнаю, наблюдаю. Ничьихъ услугъ мнѣ не нужно, я самъ—я не люблю помощи. Я вѣдь вездѣ самъ, вы знаете.

— Ну, начались подвохи разлюбезныхъ товарищей, нагородили околесной. — Надо будетъ Константину Сергѣевичу сообщить новую резолюцію, — разсуждалъ дорогой правитель Аристовъ, дружески знакомый съ Ознобинымъ и уже успѣвшiй сообщить ему радостную вѣсть о дозволенiи открытiя колыбельной.

— Я-то въ какихъ дуракахъ остался съ своимъ извѣстiемъ.

Лиза и не подозрѣвала, что приобрѣла себѣ важнаго врага въ лицѣ совершенно незнакомой женщины. Передай ей кто-нибудь, что у нея явился этотъ новый врагъ, она, пожалуй, и не позаботилась-бы узнать, кто онъ именно и даже тотчасъ-же забыла-бы объ этомъ извѣстiи—такъ безраздѣльно отданы были ей

мысли начатому дѣлу, такъ много осязательныхъ неудачъ на пути приходилось ей испытывать въ послѣднее время.

Ее волновали и безплодные попытки склонить отца Василия къ выдачѣ свидѣтельства Настѣ, безъ котораго она проживала у нихъ уже третій мѣсяць, и — безуспѣшныя подчасъ старанія помочь пациенткамъ вслѣдствіе непрошенной помощи лекарокъ съ ихъ разлюбезнымъ калганцемъ и теплой банькой, — и столкновѣнія съ земскимъ врачомъ (важнымъ лицомъ въ городѣ) за леченіе въ его участкахъ, которые самъ-то онъ посѣщалъ ровно разъ въ годъ, за что преисправно каждый мѣсяць получалъ сто рублей земскихъ денегъ — и козни, и интриги окрестныхъ фабрикантовъ. Эти послѣдніе озлобились на ея сообщеніе въ врачебную управу объ огромномъ числѣ заболѣвающихъ тифомъ на окрестныхъ фабрикахъ, что слѣдовало, по ея мнѣнію, приписать: 1) недоброкачества пиши, и 2) страшнымъ миазмамъ, образующимся отъ лужъ помой и нечистотъ, объ уборкѣ которыхъ съ фабричныхъ дворовъ никто и не заботился.

Такое заявленіе взбѣсило самодуровъ Китъ Китычей, которые въ порывѣ злобы клялись даже, что они затравятъ сабаками доносчицу, если еще разъ явится она къ нимъ на фабрику подать помощь заболѣвшей.

— А, какова баба-то къ намъ затесалась? До всего-то ей дѣло есть; радовалась-бы, что практику доставляемъ, другой-то ей вѣдь не добыть, нагло подсмѣивался лоснящійся отъ жира почетный гражданинъ Сопѣловъ, слившій за юмориста.

— И не говорите — ракала! соглашался товарищъ. — Всѣхъ бабъ избаловала: чуть у какой лихорадка или, съ позволенія сказать, кольнетъ гдѣ-нибудь — къ доктору идутъ; не запускать, видишь, болѣзни — лучше будетъ; къ пѣжностямъ скоро приучаются. Прежде еле ноги волочили, а работали! Охъ, эта воля, чтобъ ей пусто было.

— Не воля, возражалъ другой, — а ознобинскія затѣи; обанкрутится съ ними михрютка, да и другимъ подрывъ сдѣлаетъ. Рабочіе-то во всемъ на ознобинскихъ фабричныхъ указываютъ; тамъ-ста нашему брату вольготнѣе живется! Безъ рабочихъ рукъ какъ-бы намъ не очутиться въ одинъ прекрасный день!

— Ну, это дудки! прежде чѣмъ случится что-нибудь подобное, какъ-бы нашему Константину Сергѣичу съ его благопріятелями

не пришлось-бы плохо! Кой-кому ужь замолвили словечко, да и еще жучка подпустимъ, за благодарностью не постоимъ, ввернулъ Сопѣловъ.

— Колыбельная-то вотъ ужь фью! Правду говоритъ Федотъ Федотовичъ: на нашей улицѣ праздникъ-то скорѣе будетъ, потому золотой тѣлецъ—сила, угѣшались злобствующие комерсанты.

Отказъ, безъ всякихъ объясненій, въ устройствѣ колыбельной, возмутилъ до глубины души все общество больничнаго домика.

— Мнѣ интересно было-бы знать, какіе мотивы двигали отказомъ, говорила Лиза. — Это нужно развѣдать, такъ нельзя оставлять дѣла.

— Я смекаю, что это сотоварищи мои подтасовываютъ карты, только дѣло-то еще не совсѣмъ проиграно, успокоивалъ Ознобинъ. — Подождемъ, что скажетъ намъ Аристовъ, онъ долженъ близко знать всю махинацію. Я сегодня-же съѣзжу къ нему.

Но и Аристовъ не сумѣлъ сообщить имъ ничего опредѣленнаго и угѣшительнаго. Догадки такъ и оставались пока догадками.

Всѣ неудачи и трволненія, выпавшія на долю молодой женщины, не парализовали ея добрыхъ стремленій, а скорѣе подталкивали ее идти впередъ.

— Никакія невзгоды не сломятъ моего желѣзнаго организма, самоувѣренно думала Лиза,—моего твердаго рѣшенія. Я и не ожидала вѣдь только розъ и удачъ на пути къ добыванію свободы и дѣла, я не взяла-бы свободу, какъ подачку. Развѣ можно сравнить ее съ тою, которой добьешься сама. Да, сама, своими личными силами. Ну, а если такъ всю жизнь и не достигнешь желаемаго?.. Такъ что-же! Лучше борьба и стремленіе къ желаемому, чѣмъ мирное успокоиваніе себя на лаврахъ невозможности. Капля по каплѣ—камень пробиваетъ, ужь лучше будемъ этими каплями, чѣмъ неподвижно лежащимъ камнемъ.

Говорятъ, что есть люди такіе крѣпкіе, сильные, которые будутъ работать до послѣдняго издыханія, скорѣе рѣшатся умереть, чѣмъ откажутся отъ своего дѣла, и будутъ биться противъ судьбы, пока въ ихъ жилахъ останется хоть капля крови. Закаляясь день ото дня, Лиза, по временамъ, чувствовала въ себѣ такого крѣпкаго человѣка, способнаго выдержать битву и пробиться черезъ воздвигаемыя баррикады.

Однако, несмотря на готовность къ борьбѣ, всѣ непріятности, въ силу восприимчивой природы молодой женщины, глубоко волновали ее.

Съ лихвой за неудачи удовлетворяли Лизу только научныя занятія съ Настей: жажда знанія и старанія дѣвушки были изумительны. Все свободное отъ дежурства въ больницѣ время посвящала она чтенію и ученію, и чѣмъ больше развивалась, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе чувствовала неудовлетворительность своей прежней ограниченной жизни и крѣпко рѣшала она не возвращаться болѣе домой. Она отвѣдала свободы, свѣтлой, заманчивой, дающей трудомъ, полюбила весь строй своей новой жизни и начинала уже чертить планы будущаго. Среди мечтаній и заглядываній вдаль—тяжелой полосой проходила иногда въ умѣ дѣвушки мысль объ упорствѣ отца.

Какъ не похожа была ея теперешняя обстановка на былую! какими невыносимыми казались ей всѣ разговоры, слышанные дома! на какія свѣтлыя новыя мысли наводили ее рѣчи хозяевъ и посѣтителей больничнаго домика!

Эти рѣчи разъясняли ей многое изъ того, что долго, а можетъ быть, и навсегда осталось-бы для нея terra incognita на погостѣ; она словно становилась отъ нихъ умнѣе и лучше, и живѣе шла впередъ, ободряемая лаской и примѣромъ. Смѣло обращалась Настя къ Лизѣ за совѣтомъ и помощью, съ увѣренностью искала въ ней опоры, въ трудныя минуты раздумья отъ нея жаждала она услышать ободряющее слово. Какой свѣтлой, радостной надеждой билось ея сердце, когда Лиза сулила ей успѣхъ!

— И я, какъ братъ Миша, могла-бы давно уже учиться и трудиться, и изъ меня могла-бы, можетъ быть, выработаться знающая женщина, какъ вы, Лизавета Игнатьевна, если-бы я раньше начала учиться? допрашивала иногда Настя.

— Изъ васъ и выйдетъ еще болѣе меня свѣдущая; у васъ очень способная натура, Настенька, только не охладѣйте къ дѣлу.

— Ни за что! страстно отрицала дѣвушка послѣднее предположеніе.— Ни за что! Вотъ вы говорите способная я, ну а къ чему были мои способности — мнѣ негдѣ было учиться дома, и

оставалось только тупѣть на работѣ за палцами. А вѣдь я и дома сознавала, что такъ, какъ я живу—не жизнь, а мука.

— Вотъ это-то сознание и ваша способная натура и сдѣлали свое дѣло. А вы говорите, къ чему были способности и сознание? Къ тому, чтобы сѣмъ понять и возненавидѣть пошлую и пустую обстановку, безцѣльность жизни изо-дня въ день въ ожиданіи, пока преосвященный ниспослетъ вамъ вмѣсто отца новаго властителя.

— И не говорите, Лизавета Игнатьевна: за собою оставила и такой омутъ, отъ котораго хоть смертью спастись! Я не вернусь туда; я не кину ученья, ни за какія блага въ мірѣ, только вы, дорогая моя, не бросайте меня. Хотѣнья у меня съ локотокъ, а умѣнья-то съ ноготокъ.

— Я обѣщала вѣдь вамъ, что по мѣрѣ силъ помогать не отказываюсь. Въ этомъ и моя личная выгода, а я вѣдь эгоистка.

— Ну, это вы такъ ужъ меня утѣшаете: какай вамъ выгода отъ занятій со мной, Лизавета Игнатьевна? не вижу, право!

— Увидите и узнаете позже, а пока вѣрьте, что охотно занимаюсь съ вами, и не смущайтесь, приходите ко мнѣ почаще.

Для Насти наступило время броженія, когда молодость такъ воспримчива, такъ отзывчива къ новымъ впечатлѣніямъ. — Лиза первая подошла къ ней въ эти минуты и дѣвушка горячо отзывалась на ея добрыя, умныя рѣчи. Она привязалась къ ней со всѣмъ пыломъ первой дружбы, живучесть впечатлѣній которой и вліяніе на развитіе такъ сильно, такъ прочно.

Болеславичъ, Ознобинъ, Дюжиковъ и другіе члены знакомаго намъ кружка сочувственно относились къ положенію молодой дѣвушки. Дюжиковъ сообщилъ Настѣ многое изъ жизни брата ея, съ которымъ онъ провелъ первые годы университетской жизни.

Подъ вліяніемъ дѣтскихъ воспоминаній, въ совокупности со свѣденіями, полученными отъ Дюжикова, дѣвушка успѣла составить себѣ полный нравственный очеркъ любимца-брата и сильно желала, чтобы быстрѣе промелькнулъ послѣдній годъ его пребыванія въ университетѣ; она надѣялась на свиданіе съ нимъ.

Отдыха и развлечения гдѣ и Настя частенько проводила время въ кружкѣ Болеславичей, чуть прислушиваясь къ высказываемымъ здѣсь мнѣніямъ, спорамъ, и обо всемъ передумывала на досугѣ.

— Шутка сказать: переработать, поднять личность выше въ нравственномъ отношеніи, разговаривала какъ-то Лиза съ Ознобинимъ, заставшимъ ее въ кабинетѣ за счетами и мѣсячнымъ отчетомъ по больницѣ. — Для этого руководящая личность должна стоять безконечно выше подьземной, имѣть глубокія нравственныя убѣжденія и вполнѣ опредѣлившійся нравственный идеаль личности. Не правда-ли, Константинъ Сергѣевичъ? Мало того, она должна сумѣть заставить полюбить этотъ идеаль и сдѣлать его самымъ могучимъ побужденіемъ къ дѣятельности.

— Я согласенъ съ вами, что это дѣло трудное, но оно возможное, и я на себѣ... я знавать такихъ свѣтлыхъ руководителей.

— Вѣрю и преклоняюсь предъ такими руководителями, исправлявшими и возвышавшими, болѣе, чѣмъ передъ творцами, имѣющими дѣло съ сырымъ матерьяломъ. Я считаю, что перекройка и передѣлка несравненно труднѣе работы изъ новаго матерьяла, отвѣтила Лиза.

Сидѣвшая тутъ-же съ работой Настя приостановила машинку, на которой шила рубашечки для ожидаемаго дѣтскаго отдѣленія при больницѣ, и, приподнявъ голову, чуть вслушивалась. Ей интересно было прослѣдить результатъ разговора. Она самое себя причисляла тутъ-же къ старому матерьялу, изъ котораго, по мнѣнію Лизы, такъ несносна передѣлка. Въ головѣ ея быстро пролетѣло сравненіе себя съ худо спитымъ платьемъ, которое приходится распороть, перекроить и снова шить. Какъ скучна казалась ей такая перешивка! она всегда охотнѣе готова была шить двѣ новыя вещи, чѣмъ передѣлать одну старую.

— Какъ-же скучно и тяжело должно быть подчасъ Лизаветѣ Игнатьевнѣ заниматься со мной, мелькало въ ея умѣ: — по крайней мѣрѣ, я постараюсь быть податливѣе, рѣшала дѣвушка.

Въ обществѣ Болеславичей изрѣдка появлялась и Марья Павловна, которую дурная осенняя погода удерживала отъ дальнихъ поѣздокъ въ городъ. Снисходительно-любезный тонъ, какой она

напустила на себя при первомъ знакомствѣ, постепенно сгладилась, но общности, симпатіи не являлось между молодыми женщинами.

Ознобина чувствовала себя не въ своей сферѣ въ обществѣ, встрѣчаемомъ у Лизы; особенно втайнѣ ненавистенъ былъ ей Дюжиковъ, котораго прямыя, а подчасъ желчныя рѣчи не приходились ей по сердцу. Въ своей свѣтской компаніи она привыкла въ разговорахъ скользить отъ одного предмета къ другому съ небрежностью и легкостью паркетнаго шаркуна и легко относиться или-же вовсе пропускать безъ вниманія вопросы, задаваемые жизнью. Здѣсь-же они возставали безпрестанно передъ ея глазами и казались ей нестойкими вниманія и скучными до зѣвоты.

Зайдетъ-ли рѣчь о преобразованіяхъ на фабрикѣ—(ея мужъ негодуетъ на вновь открытыя имъ злоупотребленія Рогова, главнаго прикащика, и притѣсненія рабочихъ),— она становится не на его сторону.

— Ничего не подѣлаешь, горевалъ иногда Ознобинъ: за всемъ не угладишь.

— У васъ власть и сила, Константинъ Сергѣевичъ, замѣчалъ ему Дюжиковъ, близко принимавшій къ сердцу все обиды, достающіяся на долю забитаго люда и легко раздражающійся по свойству своей болѣзни—и еслибы вы раньше захотѣли вникнуть въ положеніе рабочихъ, то могли-бы отклонить такихъ личностей, какъ Роговъ, который и теперь притѣсняетъ ихъ, какъ вы сами узнали при расплатѣ,—такъ-что упрекъ, съ ихъ стороны, можетъ быть только вамъ,—упрекъ, по моему мнѣнію, вполнѣ заслуженный. Ужь извините-сь за правду матку.

— Я и такъ казнюсь, пріятель, да только сразу-то не могу, да и нельзя въ управленіи круто повернуть оглобли. Найти знающаго управителя фабрикой не такъ легко вѣдь, какъ подыскать птичника на птичій дворъ. Роговъ-же свое дѣло знаетъ и давно ужъ служить у меня.

— Роговъ отличный человекъ, привязанъ къ намъ, и я не знаю, стоятъ-ли того фабричные, чтобъ изъ-за нихъ жертвовать интересами семьи и прогонять вѣрныхъ людей, залицала Марья Павловна.

— Ну положимъ, Роговъ только знающій, но отнюдь не вѣр-

ный человѣкъ. У тебя какой-то совершенно своеобразный взглядъ на вѣрность, Маша, и сюда онъ не пригоденъ, замѣчалъ ей Ознобинъ.

Обиженная женщина начинала изливаться цѣлыми потоками наивныхъ до смѣшного и глупаго сентенцій объ обязанностяхъ къ семьѣ.

Ознобинъ злился и на нее, и на себя, и на всѣхъ, а Дюжиковъ, если бывалъ въ духѣ, выручалъ своего пріятеля. Онъ обладалъ способностью мастерски рассказывать, и, сознавая въ себѣ эту силу, ловко отклонялся отъ предмета спора и ввертывалъ какой-нибудь рассказъ; рѣчь его при этомъ такъ и искрилась островами, удачными сравненіями и — успѣвала заинтересовывать расходящуюся гостью.

Тѣмъ не менѣе всѣ понимали, что эта гостыя только тормозитъ простоту и интересъ бесѣды.

Оживлялась Марья Павловна, если разговоръ случайно касался институтской жизни, отъ которой она ловко умѣла переходить на разговоры о балахъ и спектакляхъ.

При этомъ, если высказывались критическіе взгляды объ институтскомъ образованіи или воспитаніи, она принимала на себя роль ихъ очень жаркой, но неумѣлой защитницы, а въ укорахъ имъ видѣла личную для себя обиду.

Послѣ одного изъ такихъ разговоровъ, она даже сочла себя настолько обиженной хозяйкою дома, непринявшей въ спорѣ ея стороны, что старалась убѣдить мужа прекратить знакомство съ Болеславичами, гдѣ такъ неделикатно обошлись съ его женой.

Тотъ, конечно, иначе посматрѣлъ на весь разговоръ, въ которомъ и самъ онъ былъ участникомъ. Марья же Павловна сочла нужнымъ надуться и нѣкоторое время не показываться у Лизы.

А надулась она вотъ изъ-за какого случая.—Разъ какъ-то за вечернимъ чаемъ у Болеславичей зашла рѣчь о необходимости преподаванія гигиены въ учебныхъ заведеніяхъ. Дюжиковъ выбиралъ примѣры аномалій, уродливостей, по преимуществу изъ женскихъ учебныхъ заведеній, и распространился про антигигиеничность костюмовъ, обуви и неумѣлость выбирать для женщинъ гимнастику, соотвѣтствующую ихъ организаціи.

Марья Павловна возразила на все это, что о такихъ пустя-

кахъ, какъ удобство того или другого рода одежды и разной вздорной гимнастикѣ и беспокоиться не стоить.

— По моему мнѣнію, въ институтахъ, напримѣръ, дай Богъ управиться только и съ научными предметами.

При этомъ она съ важностью пересчитала все предметы, объ изученіи которыхъ прописывается въ знаменитыхъ институтскихъ дипломахъ.

— А по моему, такъ лучше-бы не набивали головы нашихъ женщинъ жалкими обрывками знаний, а посолиднѣ познакомили-бы ихъ съ гигиеной, съ желчью промолвилъ Дюжиковъ. — Не обращать-съ вниманіе на развитіе физическое такъ-же безнравственно, какъ и относиться небрежно къ умственному и нравственному развитію. Отъ физическаго развитія зависитъ и успѣхъ нравственнаго развитія. *Mens sana in corpore sano*,—такое мудрое изреченіе, которое слѣдовало-бы начертать на всехъ дверяхъ вашихъ институтовъ и пансіоновъ, гдѣ только коверкаютъ женщинъ. Знакомство съ гигиеной, можетъ быть, прекратило-бы ѣду грифелей, мѣла, питье чернилъ и тому подобнаго, да и корсеты полетѣли-бы вонъ-съ.

Марья Павловна задорно обиженнымъ тономъ принялась защищать свой институтъ и ношеніе корсетовъ.

— Я увѣрена, что только корсеты и спасаютъ насъ отъ сутулинъ и кривыхъ боковъ, которые такъ легко приобрѣтаются отъ сидѣнья изогнувшись.—Посмотрите на многихъ не бывшихъ въ институтѣ и слѣдовательно имѣвшихъ возможность не носить корсетовъ...

Дюжиковъ прервалъ ее.

— Имѣвшихъ-съ, да, но вѣрнѣе носившихъ по увлеченію модой.

— Я этого не знаю! Посмотрите, сколько между ними сутуловатыхъ, кривобокихъ. А вотъ мы съ Лизаветой Игнатьевной и въ институтѣ были и корсеты носили, а прямы, торжественно возгласила Ознобина.

— Ну, я-то тутъ для примѣра не гожусь, Марья Павловна: я носила корсетъ всего какой-нибудь часъ въ жизни, и онъ показался мнѣ такимъ несноснымъ, что я упростила доктора запретить мнѣ ношеніе его, будто-бы по слабости груди. Безъ док-

торскаго свидѣтельства у насъ никто изъ подроставшихъ не освобожденъ отъ ношенія корсетовъ.

— Вотъ видите-ли, Марья Павловна! Ну, а вы сами, не смотря на полноту, не можете похвалиться крѣпкимъ здоровьемъ и часто прихварываете-сь. Да и вообще въ среднемъ и высшемъ сословіяхъ, гдѣ такъ развито было ношеніе корсетовъ, больше и можно было встрѣтить уродливостей; въ простомъ-же народѣ такіе субъекты рѣже-сь.

— Ну, о простомъ народѣ я не судья, да его и нельзя тутъ брать въ расчетъ. Про себя же я скажу, что такъ привыкла къ корсету, что положительно не могу безъ него обойтись.

— Привычка и удобство—двѣ вещи разныя: привыкають и къ кандаламъ-сь, только это ужъ будутъ явленія ненормальныя. И ваши возраженія, Марья Павловна, не представляютъ собою ничего говорящаго противъ высказаннаго мною-сь, закончилъ Дюжиковъ.

Ознобина надулась и остальную часть вечера ее трудно было втянуть въ разговоръ.

ГЛАВА XIV.

По дорогѣ, проложенной по берегу озера и окаймленной тальникомъ и кленомъ, въ ясный теплый октябрьскій день, неторопливой поступью шли Болеславичъ и Дюжиковъ, возвращавшіеся изъ города съ воскресныхъ уроковъ въ ремесленной школѣ. Оба они видимо заняты были думами далеко невеселаго свойства; оба быч погружены въ эти думы и не замѣтили, какъ очутились у влитки больничнаго зданія.

— Дочъ Лиза? были у ней сегодня пациентки? спрашивалъ Болеславичъ Танюшу, входя въ прихожую.

— Больны были, и послѣ пріемныхъ часовъ Лизавета Игнатьевна уѣхала въ Чепчуги, версты за двѣ будетъ: дѣвушка за ними пріѣзжала. Уѣзжая, они просили сказать вамъ, чтобы вы ихъ къ обѣдѣ не ждали: больная, по рассказамъ, очень плоха.

— Гдѣ это Чепч-и-то, знаете вы, Танюша?

— А они будутъ до дорогъ къ погосту, не доѣзжая съ

версту, только въ сторону.—Обѣдъ у меня готовъ, Николай Михайловичъ: захотите кушать, такъ позвоните, а теперь я пойду больнымъ кушанье разносить.

— Хорошо, согласился хозяинъ и, разложивъ на столѣ портфель, принялся выкладывать изъ него бумаги и чертежи, между тѣмъ какъ Дюжиковъ въ глубокой усталости опустился на диванъ и изнемогалъ отъ одышки.

— Я слишкомъ мало вижу Лизу, вздумалось хозяину.—Единственный болѣе свободный день въ недѣлѣ, а мнѣ и ея не удастся провести вмѣстѣ съ женой. Это тяжеленко, однако... Приходять-ли и ей иногда на мысль подобныя сожалѣнія?.. Пожалуй, нѣтъ; она слишкомъ погружена въ дѣло, требующее полнаго вниманія, и ей некогда думать о мелочахъ... Да впрочемъ, полно—мелочи-ли это?.. Такъ-же-ли много любить она меня, какъ я ее? Я еще болѣе ее за то люблю, что жизнь ея уходитъ на дѣло, только, только... Что-же только?..

Онъ какъ-бы прискивалъ выраженія для опредѣленія своей мысли.

— Только дурной, эгоистичной закваски-то еще у меня, должно быть, много—она во сто кратъ лучше меня.

Вотъ какія думы промелькнули въ головѣ Болеславича и на минуту измѣнили выраженіе его лица.

Дюжиковъ не замѣтилъ раздумья товарища, слишкомъ поглощенный своею болѣзненною усталостью, своими личными мислями.

— Цѣлый свободный день проскучаешь безъ Лизы!..

Сегодня Болеславичъ какъ-то особенно живо чувствовалъ отсутствіе любимой женщины, можетъ быть, и потому, что него накопилось много, о чемъ-бы нужно и хотѣлось-бы пересказать съ нею. Онъ былъ разстроенъ извѣстіемъ, сообщеннымъ Дюжиковымъ и радъ-бы былъ услышать голосъ жены, лодрающій, ласковый.

Подъ вліяніемъ внезапно подступившей хандры онъ принялся молча мѣрить комнату.

Хозяинъ и гость каждый думали свою думу

— Такъ вы полагаете, Николай Михайловичъ, что дѣло можетъ кончиться плохо-съ для протестующихъ прервалъ молчаніе Дюжиковъ.

Вопросъ этотъ отрезвилъ Болеславича и показалъ ему, что теченіе мыслей его гостя не уклонилось отъ веденнаго ими разговора дорогой. Крѣпко беспокоила Дюжикова участь его товарищей, о неудачѣ которыхъ сообщалъ ему молодой Лучинскій.

— Разумѣется, плохо, иначе и не бываетъ; на моихъ глазахъ рѣшались уже подобныя дѣла.

— Этого не должно быть, раздражительно брякнулъ гость и вскочивъ съ дивана, порывисто принялся искать спичекъ.

Дюжиковъ окончательно разгорячился и началъ говорить рѣвкимъ и желчнымъ тономъ.

Болеславичъ не отвѣчалъ ему въ надеждѣ прекращенія разговора, который такъ губительно вліялъ на гостя, но Дюжиковъ, отдѣлавшись отъ кашля, возобновилъ прерванную бесѣду.

— Стало быть, дѣло кончится для кого удаленіемъ на годъ или болѣе, а для кого такъ и полнымъ исключеніемъ. Нельзя представить себѣ болѣе тяжелаго положенія.

Дюжиковъ снова разгорячился и закашлялъ.

— А вамъ-то слѣдовало побережечь себя, Дюжиковъ, замѣтилъ Болеславичъ.

— Пустое—я здоровъ: обо мнѣ и говорить не стоитъ-съ. Подумаемте-ка лучше, куда мы пристроимъ Лучинскаго и другихъ, если имъ будутъ отпускные листы на родину.

— Мудрено рѣшать заранѣе, куда именно: пріютъ у насъ найдется, а мѣстъ-то частныхъ пока не видится.

— Лучинскій проситъ меня. на случай чего, отыскать ему какое-нибудь занятіе-съ, хоть камни таскать, говорить, лишь-бы на чужіе хлѣбы не пришлось ротъ развѣвать.

— Таковую-то работу найти можно, только незавидна она. Сколько остается Лучинскому до выпуска-то, знаете?

— Какже, меньше годика; врачомъ-бы кончилъ, а тутъ... эхъ, говорить больно-съ. Настасью Васильевну мнѣ, право, также жалко: съ своей долей она еще не управилась. а тутъ еще бездолье близкаго человѣка.

— Скверное положеніе!

— Пусть-бы ужъ Лизавета Игнатьевна сообщила ей о новомъ горѣ: она осторожнѣе съумѣетъ это сдѣлать.

— Намъ-то, конечно, лучше за это не братья. Однако который часъ?

— Четвертый-съ. Ъсть что-ли хочется? спросилъ Дюжиковъ.

— Хоть и не хочется, а время-съ обѣдомъ покончить.

Хозяинъ позвонилъ.

— Одни обѣдать будемъ? Неужели у Лизаветы Игнатьевны изо дня въ день идетъ такая работа?

— Почти... она немного отдыхаетъ.

— Вѣдь это можетъ плохо кончиться для ея здоровья: вы-бы немножко придерживали ретивость-то ея; а-то и силъ ея этакъ не хватитъ-съ.

— Неугомонная натура такая: что тутъ подѣлаешь! Да и дѣло-то не искусственно-же создаетъ она себѣ, а сама окружающая жизнь задаетъ работу: отъ такой нечестно и бѣгать.

— Да я и не говорю, чтобъ бѣгать, а только проэкономнѣе-бы силы свои расходовала. Она вѣдь, поди, все сама-да-сама; и лечить и должность фельдшерицъ исправляетъ.

— Конечно, да гдѣ-же здѣсь фельдшерицъ-то отыщешь, Алексѣй Владиміровичъ? сами знаете, край дикій.

— А все-таки побольше слѣдовало-бы Лизаветѣ Игнатьевнѣ беречь себя.

— Не такая натура-съ, рѣшилъ хозяинъ.

— Самоотверженная до идеализма?

— Пожалуй, и такъ.

Тоскливое чувство Болеславича усилилось: къ нему присоединилось впервые еще опасеніе, что Лиза можетъ схватить тифъ, который съ страшной силой свирѣпствовалъ въ окрестностяхъ.

Онъ позвалъ Тянюшу и, распорядясь подавать обѣдъ, еще разъ переспросилъ ее, къ кому уѣхала жена.

— Къ родильницѣ, Николай Михайловичъ, въ Чепчуги. Если что нужно вамъ или беспокоитесь, я могу сходить туда, вызвалась дѣвушка.

— Что вы, спасибо! я хотѣлъ только узнать, не у тифозной-ли она сегодня.

— Нѣтъ, только туда прямо и проѣхали; тельгу за ними присылали.

Дюжиковъ задумчиво взглянулъ на хмурое лицо хозяина, звавшего его обѣдать.

Оставимъ ихъ теперь и посмотримъ, гдѣ и какъ проводить время Лиза.

Бойкой трусцой бѣжить крестьянская лошаденка; лѣниво подергиваетъ возжами краснощекая дѣвушка-кучеръ, дѣлалъ про себя короткія замѣчанія обо всемъ встрѣчающемся; изрѣдка обращается она съ вопросомъ и къ своей спутницѣ Лизѣ.

— Ведр-то нонѣ какое! поди наши ужь гуляютъ, хоро-воды завели; за Мартышкинымъ дворомъ соберутся, баяли.

— Ну хороводы-то еще рано водить: подѣ вечеръ водятъ ихъ больше, замѣтила Лиза.

— Пошто! это на фабрикахъ такъ; у насъ какъ отъ обѣда, такъ и въ хороводы: чаво время золотое терять! Вечеромъ-то попозже у насъ парни да захожіе фабричные гуляютъ, а дѣвокъ мало пушаютъ.

— Что-жъ такъ?

— У насъ на счетъ этого гулянья строго: размалевки всѣ опасаются. Долго-ли славу-то худую достать: засидѣлась только за ночь съ парнями въ бесѣдѣ, аль въ играхъ какихъ—такъ и опасайся ужь послѣ, что тебѣ ворота дегтемъ измажутъ. Осрамять по всему селу да и запишисъ въ дѣвкахъ сидѣть,—кому любо?

— Ну а случается, я думаю, что другую такъ со злости только осрамять? Какъ отъ размалевки-то уберечься?

— Какъ уберечься-то? ухмыльнулась дѣвушка.—По ночамъ не гулай! А на счетъ того, чтобы со злости-то, какъ ты баешь, такъ это рѣдко слышать: остерегаются. Лѣтъ семь назадъ, баяли, былъ такой случай, (я еще дѣвчонкой была), размалевали ворота-то по злобѣ, такъ дѣвка-то со сраму задавилась. Только мало этихъ дѣловъ слышно; больше за гульбу малюютъ. Ну, эти не давятся, только отъ нихъ дѣвкамъ сторониться наказъ; дружбу съ ними заведешь—ни за грошъ пропадай. На этотъ счетъ у насъ строго, нечего баять.

— И здѣсь клейменныя, отверженныя! горько думалось Лизѣ, и желчь подымалась въ ея груди.

Полными волнами вливалось въ сердце молодой женщины чувство боли и негодованія; она поддалась ему и крѣпко задумалась.

Возница также пріутихла.

Телѣга съ узкой дорожки промежъ полей свернула въ густой боръ. Пріятный смолистый запахъ, лѣсная прохлада, а болѣе всего сучья сосенъ, едва не попадавшие въ лицо, прервали раздумье женщинъ.

— Тебѣ ништо, тетенька, что я окраинкой ѣду? дорога тутъ полегче будетъ, обратилась къ Лизѣ возница.

— Ничего.

— Го-то, ты остерегайся: неравно вѣтка не захлестнула-бы. Ишь, окаанный! вскрикнула дѣвушка, — надъ самымъ носомъ спустился.

Последнее восклицаніе относилось къ слетѣвшему съ вѣтки пауку.

— И бабѣ лѣто минуло, а на нихъ все пропасти нѣтутъ... Правда-ли, тетенька, что паукъ-то отъ Бога проклятъ? мнѣ старичокъ одинъ баялъ.

— Нѣтъ, не слыхала я и не читала ничего объ этомъ. За что-же проклятъ-то онъ? Какъ тебѣ говорили? усмѣхнулась Лиза.

— А за то, баеть, что Христа онъ на крестѣ опautилъ, за то и проклятъ онъ; и теперь, слышь, тому, кто убьетъ паука, сорокъ грѣховъ прощается. Я ихъ страсти-какъ много убиваю, промолвила дѣвушка и расхохоталась. — Право, такъ, тетенька.

— Все за тѣмъ, чтобъ грѣхи отпустились?.. Пустяки это, дѣвушка; сказки однѣ: не вѣрь имъ. Ты грамотная?

— Нѣтъ, гдѣ намъ? Лѣто-то въ полѣ на работѣ, словно оправдывалась дѣвушка, — а какъ жнитво отойдетъ, такъ за ичетками сидимъ, по заказу разшиваемъ. У насъ все село этимъ живетъ. Гдѣ учиться-то? парнишки въ Шеленихинскую школу бѣгаютъ, а намъ куда — и съ работой-то еле управимься, да съ ребятами тоже возимься. У насъ въ дому одинъ мужикъ, а за двѣ души податныя-то вносятъ; ну, и работаемъ я со снохой, да братъ; дѣтей тоже у насъ четверо; вотъ пятимъ была брюхата, да мертвенькій родился. Гдѣ намъ грамотными быть?

вдохнувъ промолвила дѣвушка и презабавно потупила свое лицо, дышащее здоровьемъ и молодостью.

Задумалась она только ненадолго. Лѣсъ кончался и вдали выглянуло село Чепчуги, изъ котораго хотя слабо, но доносилась уже хороводная пѣсня—

Ай Дунай, мой Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай!..

— Ишь весело имъ, поди! Такъ-бы, кажись, и попѣла съ ними.

Съ этими словами дѣвушка лихо подогнала лошаденку, которая вскорѣ остановилась у воротъ невзрачной крестьянской избы, однако какъ и прочія, крытой тесомъ, съ теевыми-же воротами.— Губернiю ихъ, чѣмъ другимъ, а лѣсомъ Богъ не обидѣлъ.

Изъ открытаго окна выглянула свѣтлорусая голова мужика и мелькнулъ рукавъ его розовой рубахи.

— Лекарка пріѣхала: иди, зустрѣнь, баушка Петровна, обратился хозяинъ къ какой-то старухѣ.

— Ну ее къ лѣшему, лекарку-то! и безъ нея кончается: на грѣхъ только послали за ней; за попомъ бы лучше.

— А ты не ворчи: дѣло сдѣлано; самъ зустрѣву.

Пока въ избѣ шло препирательство хозяина съ старухой, Аксинья (такъ звали возницу) провожала доктора черезъ сѣни въ сѣтелку. Въ большихъ, но загроможденныхъ сѣняхъ, на лавкѣ передъ самой выходной дверью лежала дѣвочка лѣтъ четырехъ-пяти и жалобно стонала.

— Это также больная? спрашивала Лиза, подходя къ лавкѣ.

— Да, эта дѣвчонка наша; вотъ ужъ третью недѣлю ее лихая горячка маетъ. Ишь губы-то всѣ запеклись отъ жару; пить все просила, да на холодокъ вынести; ну мы и вытащили ее вчоръ въ сѣнцы; я съ ней тутъ и ночевала. Ей ровно полегче здѣсь въ прохладѣ-то, да и снохѣ-то рожать вольнѣе было: у насъ одна горенка.

— И тутъ тифъ, рѣшила Лиза, и тотчасъ-же велѣла Аксиньѣ загородить чѣмъ-нибудь лавку больной.

— Уморите вы ребенка въ сѣняхъ-то: дверь на дворъ открывается вѣдь безпрестанно; позови-ка хозяина, да вмѣстѣ съ нимъ и отгороди чѣмъ-нибудь комнату дѣвчонкѣ.

— Ладно, отвѣчала Аксинья.

Изъ избы вышелъ въ сѣни хозяинъ и, низко кланяясь, какъ-то тупо выслушалъ приказаніе и вяло принялся исполнять его.

— Эта-то вылезится, Богъ милостивъ, матушка, а вотъ хозяйка-то, кажись не встанеть. Кончается, баетъ баушка.

Лиза тихо вошла въ горницу, гдѣ на лавкѣ подъ образами лежала съ измученнымъ блѣдно-желтымъ лицомъ родильница, возлѣ которой суетилась старая толстая баба съ пухлой физиономіей и хитро бѣгающими глазками. Она старалась сложить родильницѣ руки крестомъ, только безуспѣшно, такъ-какъ больная находилась въ глубокомъ обморокѣ.

— Оставьте, замѣтила Лиза хлопотавшей, беря фуру женщины, чтобы выслушать у ней пульсъ.

— Здравствуйте, матушка; я баушка здѣшняя, вкрадчиво молвила старуха.—Отходить она, сударыня, не помѣшать-бы ея душенькѣ съ тѣломъ разставаться: мучиться долго будетъ—грѣхъ это великій, внушительно заискивающимъ тономъ уговаривала повитуха.

— Не городите вздора, рассердилась Лиза,—да безъ моего приказанія ни съ какою помощью не суйтесь.

Повитуха торопливо ушла, ворча себѣ подъ носъ:

— Умиѣй Бога хотѣть быть!

Съ трудомъ привели въ чувство больную и затѣмъ, по изслѣдованіи положенія, начато было леченье. Лиза строго слѣдила за выполненіемъ своихъ предписаній и только когда больной полегчало, хотя все еще нельзя было ручаться за хорошей исходъ—отвела она въ сторону хозяина, чтобы распросить его о больной.

— Скажите вы мнѣ, отчего это съ женой-то вашей такъ плохо приключилось? прежде-то этого не болѣла она?

— Николи, матушка, отвѣчалъ мужикъ; впервые только мертвенькимъ-то, а то четверыхъ до сего живыхъ принесла. Баба-то она еще молодая; чай года 23 есть; въ соку баба, здоровая была. Только вотъ какъ дѣло-то нонѣ приключилось...

— Ну ужъ ты знаешь много, вмѣшалась повитуха.—Я ужъ лучше расскажу тебѣ, матушка, гдѣ ему мужику эти дѣла понимать.

— Пусть ужъ онъ скажетъ, что знаетъ, и его послушать надо.

— Ничего онъ какъ-естъ не знаетъ, самъ-же дѣлс-то все сла-

дилъ. Говорила я ему, чтобъ дѣвку—Аксинью-то со двора на срокъ выгнать, такъ нѣтъ — „съ ребятами-де кто возиться будетъ?“ Ну можно-ли это дѣвкѣ о родахъ знать. Оттого-то и мучилась-то хозяйка долго; отъ дѣвки дѣло это тайно должно быть, не даромъ-же брамъ-то тайнствомъ прозывается. Противъ Бога не ходи, сказала старуха, чувствуя себя виноватой и желая выгородиться отъ отвѣтственности.

Туповатый мужикъ опѣшилъ даже отъ ея бойкой рѣчи, но Лиза ободрила его продолжать. Не впервые уже слышала она увертки повитухъ. „Отъ нихъ никогда не добьешься правды“, рѣшила она.

— Ну что-жъ, хозяйнѣ... расскажите. что хотѣли.

Мужикъ почесалъ затылокъ и началъ:

— Да что-же я баить-то стану. Баба она здоровая допрежъ была; въ страду косила и жала. Только въ спожинокъ какъ-то и баеть она мнѣ: „я, баеть, поговѣть хочу, Трофимъ: не ровень часъ, покрепшъ, какъ родить будешь,“ — ну и отговѣла.

— Чуяла, видно, душенька ея! Отъ Бога, значить, наитіе ей такое было; эхъ, эхъ, плаксиво молвила повитуха и утерла глаза кончикомъ фартука.

— Ну и здорова все была, только вечеръ обѣ утро перетаскивала она дѣвчонку-то, полы къ празднику вымыла, значить, да и баеть мнѣ: „Мнѣ Трофимъ, не можется что-то, а родить-то, знаешь, еще не время.“ — Схватило это ее. — „Сбѣгай, баеть, за Петровной, тошненько мнѣ“. Я и пошелъ. Петровна калганцу ей дала, да баньку истонить велѣла пожарче: мы хозяйку туда и сволокли.

— Ну, что-же, и сволокли, и хорошо все было-бы, вмѣшалась повитуха, — кабы не дѣвка. Не слѣдъ ей было о родахъ знать.

— Да перестаньте-же, приказала Лиза старухѣ, въ порывѣ злости возвысившей голосъ, что напугало больную.

— Родился это мертвенькій, продолжалъ немного погодя Трофимъ. — Хозяйка-то тутъ дюже обезсилѣла, а Петровна кликнула меня со двора — „подведемъ ее, баеть, къ двери“ — и подвели, и наказала она хозяйкѣ за дверь схватиться да потянуться на рукахъ-отъ, силы что-ли набраться, я ужъ этого, кормилица, не знаю. Хозяйка-то ухватилась, да и баеть: „умираю“, а Петровна-то ей — „еще“. баеть. Хозяйка-то какъ крикнетъ: „все

сборвалось во мнѣ, родимые!“ да и чуть-что не упала; поддерживали ее: только помертвѣла вся. Испужались мы, да съ Петровой ее въ свѣтлицу и перетащили, водочки ей въ ротъ лили и тепленькимъ согрѣвали, а она помертвѣла. Снарядили мы ее подъ образа, отходить, думали, а она очнулась, да за твоей милостью съвздить просила; я ужь и не перечилъ.

— Чецухи сколько нагородилъ, дуракъ, дѣла не знавши, не утерпѣла старуха.—Ну ужь мужикъ дуракъ все перепуталъ.

— Спасибо, Трофимъ, за рассказъ: я все дѣло изъ него поняла, ободрила Лиза хозяина.—Теперь меня послушайте.

И молодая женщина строго-на-строго наказала не тревожить больную и исполнять все, что ей назначить она.

— До вечера я сама останусь у васъ.

Лиза ретиво принялась за поданіе помощи больной, которую одолѣвали обмороки.

Бабушка отпросилась домой повечерять и что-то долго замѣшкалась, такъ-что молодой женщинѣ пришлось прибѣгать къ помощи Аксиньи, главной виновницы, по мнѣнію повитухи, несчастныхъ родовъ.

Невыразимо тяжелое ощущение охватывало Лизу при видѣ еле-живой, искалѣченной молодой работницы семьи, ея не-то убитаго горемъ, не-то туповатаго мужа и обыденной бѣдности, которая кидалась не рѣзко, но неотразимо заявляла о своемъ существованіи, мозолила глаза.

Въ свѣтелкѣ тѣсно и душно; стоны больной тянутъ за душу, за сердце берутъ, а въ открытое окно влетаютъ отголоски то разудалой плясовой пѣсни, то хоровая:

„Внизъ по Волгѣ рѣкѣ, съ Нижня-Новгорода

Сваряженъ стружокъ, да какъ стрѣла летитъ“ и т. д.

Рѣзко вступалъ контрастъ веселья и невзгоды.

Отъ времени до времени, Лиза выходила на крыльцо понабраться свѣжаго воздуха, а съ нимъ и свѣжихъ силъ.

Вечерѣло: смолкали понемногу хороводныя пѣсни, и досужія бабы и дѣвки шли въ квартиру Трофима попрощаться съ хозяйкой.

Лиза не допустила ихъ.

— Легче хозяйкѣ, сосѣдки, говорила она имъ, — только въ свѣтелку вы не входите: душно тамъ и такъ, а больной это вредно.

— Не бѣсь, отъ насъ не задохнется она, тетенька! Пусти послѣдній разокъ попрощаться: добрая сосѣдка была Архиповна; смиренная была.

— Да что это вы заживо хороните ее! Богъ дастъ, поправится еще.

— Гдѣ ужъ? Петровна баяла—сегодня кончится.

— Ну, много знаетъ Петровна! Архиповнѣ-то ужъ полегчало: только побережь ее нужно хорошенько. Вотъ и въ избу-то набиваться не слѣдуетъ; посидите, да поболтаемте лучше здѣсь на крылечкѣ со мной. Я также отъ духоты изъ горницы вышла, предложила Лиза.

— Чтожь покалякаемъ, коли не побрегаешь, согласились бабы.

Немного погоды, расходясь по домамъ, онѣ хвалили лекарку.

— Простая такая, да ласковая она бабенка, говорили онѣ между собой.

— И все-то она по-иному, не по-нашему знаетъ.

— А это отъ науки-то, знать, разуму-то набираются. А намъ вотъ Богъ не задалъ: руки мозолить умѣемъ, а разумомъ-то темны. Эхъ, Царица небесная, вздохнула какая-то молодая художавая бабенка.

— А ты-бы, поди, рукъ-то мозолить не хотѣла-бы, а въ грамотѣи записалась-бы, Федосья? усмѣхнулась на ея вздохъ другая.

— Она и такъ у насъ грамотѣ учиться задумала промежь своихъ братишекъ—чудная, право! замѣтили вслѣдъ Федосьѣ, которая, раскланявшись съ своими товарками, юркнула въ каляитку своего дома.

Какія мысли шевельнулъ въ ея головѣ разговоръ съ лекаркою и бесѣда бабъ, мы не знаемъ, читатель,—думаемъ, что не веселыя, потому-что, войдя въ избу, она съ намернувшимися на глазахъ слезами наклонилась надъ люлькой, въ которой спалъ ея единственный ребенокъ и долго и грустно стояла надъ нимъ; стояла до тѣхъ поръ, пока ее не окликнулъ съ полатей грубый и пьяный голосъ мужа.

— Чего стоишь-то? ужинать собирай, Федосья. Гдѣ шлялась-то по сю пору: ужъ не полюбовниковъ-ли завела, шельма?

Молодая женщина, видимо привыкшая къ подобнымъ нѣжно-стямъ, отвѣтила на нихъ только презрительнымъ поворотомъ головы и молча начала собирать ужинъ.

На колокольнѣ сельской церкви пробило девять часовъ, и Лиза приказала запрягать ей лошадку. На этотъ разъ явился новый возница, шуринъ хозяина, парнишка лѣтъ восемнадцати.

— Непремѣнно исполняйте все, что я вамъ указала, если хотите, чтобы выздоровѣли хозяйка и дѣвочка. Ты-бъ, Авсинья, ночку эту не поспала-бы уже: здоровья-то у тебя—слава Богу! а повозилась-бы около больной. Завтра утромъ не присылайте: сама приѣду къ вамъ.

— Ништо, повожусь—согласилась Авсинья.—Баушка-то разгнѣвалась на насъ: не придетъ, поди.

— Ну, и не надо ея: только ты-то все дѣлай, какъ велѣно; спасибо скажу за помощь.

— Много довольны, матушка, твоей милостью, благодарилъ хозяинъ на прощанье.—Не побрезгай нами, сѣрыми людьми, заѣзжай.

— Завтра приѣду непременно.

— То-то-же, спасибо! Хозяйку-то жалко: баба-то молодая, въ порѣ, знаешь, да и работающая!

— Конечно, жалко: ты вотъ и побереги ее теперь. Прощай-те-же!.

Охотно побѣжала лошаденка по холодку и скоро миновала село, откуда снова раздавались пѣсни:

„Ты по-ку-шай ру-у-усской булки

Рус-скій лю-ю-бить угощать...

Тявкин-рявкин, рявкин да тявкин раскудрявая моя!“

Лихо исполнялся послѣдній припѣвъ.

— Это наши фабричные гуляютъ, ухмыляясь замѣтилъ возница.

Лиза не разслушала его замѣчанія. Въ головѣ ея стоялъ какой-то хаосъ—стонъ больной женщины и ребенка, хороводная пѣсня, разговоръ Трофима, разговоръ бабъ и пѣсни фабричныхъ, все слилось во что-то несообразное въ ея мозгу. Голова ея горѣла; къ тяжелому нравственному ощущенію примѣшивалось еще и чувство голода, который теперь только сказался ей. Въ вознѣ съ больной она забыла, что ничего не ѣла съ утра.

За полверсты до дому ~~уже~~ услышала голоса мужа и Ознобина, вышедшихъ ей на встрѣчу.

— Лиза, здорова-ли ты, тревожно и ~~за~~ живо спрашивалъ ее Болеславичъ.

— Кажется, здорова, только ѣсть сильно хочу, отвѣча ~~она~~ ему, вылѣзая изъ телѣги, и отпустила парня домой.

— Прощенья просимъ, барынька, привѣтствовалъ ее крестьянинъ, поворачивая телѣгу.

Утомленное, разстроенное лицо молодой женщины сказало ея спутникамъ, что достаточно пережила и поработала она сегодня. Не мало передумали и они, и было у нихъ о чемъ поразсказать ей сегодня; что-то только плохо вязался разговоръ: утомленіе сказалось; Лиза притихла, и ея спутники почти молча дошли до больничнаго домика, куда не рискнулъ уже зайти сегодня Ознобинъ.

Несмотря на утомленіе хозяйки, долго не погасалъ еще огонь въ больничномъ домѣ; тамъ велись жаркіе разговоры о пережитомъ и пережитомъ и на всѣ лады думалось и соображалось по поводу сообщенія молодого Лучинскаго.

ГЛАВА XV.

Прошло много дней со времени полученія письма отъ Лучинскаго, а положеніе дѣла его собратій все еще не выяснялось и Михайло Васильевичъ не подавалъ о себѣ вѣсточки. У Насти явились надежды на счастливый результатъ вызванной исторіи; иначе смотрѣли на временное затишье Болеславичъ и его товарищи.

— Передъ грозой затихло все, говорилъ Николай Михайловичъ, — не жди счастливаго исхода; — и съ нимъ соглашались остальные.

Хмурое ноябрьское утро; снѣгъ валить хлопьями, а рѣзкій вѣтеръ такъ и гудитъ, такъ и клонитъ деревья сада. Въ саду на скатѣ къ вполнѣ уже замерзшему озеру, съ лопатами и метлами въ рукахъ, нѣсколько рабочихъ пытаются устроить ледя-

ную гору, но неумолимый снѣгъ покрываетъ расчищенную полосу, а вѣтеръ сбиваетъ рабочихъ съ ногъ.

— Нѣтъ, роблятъ шабашъ: што работать попусту! заговорили нѣкоторые: ида по домамъ.

— Да, держи карманъ шире, по домамъ, а сорокъ-то копѣекъ—гулай! Нѣтъ ужъ тутъ нечего разсуждать, а дѣло надо дѣлать, возразилъ какой-то парень.

— А ты еще зачи съ Богомъ спориться! Вишь какая заверуха и насъ-то скоро занесетъ, а не то что гору.

— Знамо дѣло, пустая работа.

— Да вонъ Константинъ Сергѣвичъ изъ школы идетъ, доложимъ ему, промолвилъ одинъ изъ рабочихъ, указывая на дорогу съ фабрики, по которой шель Ознобинъ, плотно укутываясь въ шубу.

Его лицо было сумрачно, поступъ тороплива. Онъ шель, погруженный въ думу, и, не взглянувъ на работавшихъ, повернулъ къ калиткѣ дома.

— Константинъ Сергѣвичъ! окликнули его рабочіе.

Ознобинъ вздрогнулъ отъ неожиданности и обернулся.

— Что вамъ надо, а? встрѣтилъ онъ подходящихъ.

— Да къ твоей милости съ просьбой: ослобони на сегодня отъ работы, съ расчисткой горы-то, самъ, чай, видишь, какая непогодь. Работали, работали, все задаромъ: снѣгъ такъ и застилаетъ.

— Ну, что-же, идите себѣ по домамъ. Конечно, какая теперь работа?

Мужики переминались, стоя на мѣстѣ.

— Хорошо, я согласенъ: что-же вамъ еще? спрашивалъ Ознобинъ, видя, что они не уходятъ.

— Да вотъ что, батюшка Константинъ Сергѣвичъ: мы вишь не мѣсячные, а поденные; такъ день-отъ у насъ сегодня пропадетъ задаромъ; у другихъ работы теперь не найдешь здѣсь, а до города какъ прошагаешь верстъ съ пять, такъ и весь день ушелъ. Какъ-же намъ быть-то прикажешь?

— А вы сходите къ управляющему, да скажите ему, что я велѣлъ расчитывать васъ и за сегодняшній день. Впрочемъ, я пришлю объ этомъ записку въ контору, а пока идите, не найдется-ли вамъ какой работы на фабрикѣ. Скажите управляюще-

му, что я послалъ васъ! съ этими словами Ознобинъ исчезъ за калиткой.

— Ну, спасибо тебѣ, Константинъ Сергѣевичъ, послалось ему вслѣдъ, но онъ не слыхалъ ничего, весь занятый своими мыслями.

На крыльцѣ онъ сильно дернулъ звонокъ и, хотя ему тотчасъ-же отворили дверь — сдѣлалъ лакею замѣчаніе въ медленности.

— Порфирій Петровичъ принесли вамъ, баринъ, счетныя книги и письма, говорилъ лакей, стягивая съ Ознобина верхнюю одежду.

Тотъ не отвѣчалъ.

— Да еще Иванъ спрашиваетъ: какихъ лошадей прикажете запрагать въ возокъ? бариня говорили сѣрыхъ, а одна-то сѣрая захромала.

— Ну, такъ и доложилъ-бы баринъ: что-же ты ко мнѣ-то лѣзешь?

— Слушаю-съ! и лакей отправился къ Марьѣ Павловнѣ, а Ознобинъ, войдя въ кабинетъ, заперся на ключъ и заходилъ съ поспѣшностью, изобличавшею внутреннее волненіе.

Онъ скучалъ и злился, что не засталъ Лизы, видѣть которую становилось для него какой-то жгучей потребностью, а тутъ къ нему еще пристаютъ со всякими пустяками, какими казались ему вопросы слуги.

Онъ изнывалъ отъ муки, любя безотвѣтно; онъ задыхался отъ тяжелой ему, опостылой семейной обстановки, а она такъ и кидалась ему въ глаза.

„Что со мною? неужели я влюбленъ? спрашивалъ онъ себя. Это было-бы слишкомъ неудобно; этого не должно быть!.. Не должно быть, а сказывается!.. Да, да... Только какъ это я теперь только уяснилъ себѣ это? отчего я раньше не уловилъ, что она и только она одна занимаетъ всѣ мои мысли? Я не знаю съ нѣкотораго времени другого интереса, кромѣ желанія угодить ей, — другихъ радостей, кромѣ радости увидѣть ее, услышать ея своеобразно теплыя и разумныя рѣчи. Влюбленъ! какъ дуракъ влюбленъ — за ней и безъ нея ничего не вижу и видѣть не хочу. Красота жены, ребенокъ, работа — все уходитъ на второй планъ. Срамъ сознаться, а на повѣрку-то выйдетъ, пожалуй, что

любовь къ чужой женѣ,— Ознобинъ какъ-то горько улынулся, — а не собственная охота къ труду служить основой всѣхъ моихъ дѣйствій по отношенію къ послѣднимъ фабричнымъ улучшениямъ, къ организаціи школы и поддержкѣ больницы.

„Чѣмъ-же все это кончится?.. А ну, какъ Лизавета Игнатьевна или ея мужъ замѣтятъ мою страсть, какъ-бы тщательнѣе я ее ни скрывалъ... и нужно будетъ рѣшиться на разлуку?.. Нѣтъ, этого не должно быть! пускай изъ-за меня не тормозятся ея благіе планы и труды. Пойщу лучше лекарства, — гдѣ только оно?.. Le seul remède dans l'amour, c'est la fuite, сказалъ кто-то, Наполеонъ кажется? что-жъ... примемъ и такое средство“.

Ознобинъ то едва не бѣгалъ, то въ задумчивости останавливался посреди комнаты и тербилъ свою роскошную бороду.

„Все, все, — только не разлука. Не видать ея — я не могу. Я изною весь, не буду годенъ ни къ какому дѣлу. Ея участіе и одобреніе необходимы для меня, какъ пища и воздухъ, чтобъ освѣжить умъ и силы, чтобъ давать толчки продолжать начатое. Я не покажу ей моей любви, но вырвать ее съ корнемъ не могу и не хочу. Пусть всемогущее время сдѣлаетъ свое дѣло; я же не въ силахъ поднять руку на то, что мнѣ дорого и мило... А жена, дочь?.. для ихъ спокойствія нужно поборотъ эгоистичныя мысли... Вѣдь самъ-же создалъ себѣ зацѣпки... Да, самъ, но шагать ровно и осторожно, не зацѣпляясь ни за одинъ сучокъ въ жизни, можетъ развѣ только нѣмецъ, методично по масштабу рассчитавшій всѣ возможности и случайности... На-то онъ и нѣмецъ! Изъ-за жены, непонимающей и несочувствующей моимъ интересамъ, и ребенка, едва начинающаго жить, я долженъ вырвать изъ сердца то чувство, которое помогаетъ мнѣ отдаваться полнѣе и шире дѣлу. Да, господа, еслибъ я и долженъ былъ и хотѣлъ-бы даже вырвать изъ сердца эту любовь, такъ невластень-же я въ этомъ; вѣдь вліяніе жизни — а любовь есть таже жизнь — неотразимо. Бороться съ нею? Но не глупо-ли это, когда я вполне сознаю бесплодность борьбы“.

Ознобинъ запыхалъ еще быстрѣе.

„Я живу теперь, по крайней мѣрѣ; всѣ силы мои напряжены, и умъ и сердце работаютъ энергично. Вліяніе любви благотворно отозвалось на бытѣ моихъ рабочихъ и это ужъ хоро-

шо! И все она... такое вліяніе, какъ ея на меня, и могутъ, и должны имѣть только энергичныя и независимыя женщины. Счастливецъ Болеславичъ! А вліяніе Машин?.. гдѣ оно?.. и не было да и быть его не могло ни въ чемъ, кромѣ порывовъ страсти. Только женщина, готовая и способная раздѣлить трудъ и быть помощницей мужчины, можетъ вліять на него прочно и хорошо...

Ознобинъ приостановился, заслышавъ чьи-то шаги; постучали въ дверь.

— Кто тамъ?

— Это мы съ Машей пришли поздороваться съ тобой, Костя! Отопри, послышался голосъ Марьи Павловны.

Онъ мимоходомъ развернулъ счетныя книги и, отворивъ дверь, выпустилъ къ себѣ и поцѣловалъ жену и дочь. Его пробирала дрожь.

— Что это ты дрожишь, Костя? заботливо спрашивала Марья Павловна—вѣрно прозябъ, ходя на фабрику?

— Вѣроятно, тогда, да и здѣсь въ комнатѣ плохо вытоплено,—и онъ усмалъ мамку съ ребенкомъ приказать затопить его каминъ.

— И ты шла-бы отсюда, Маша: здѣсь холодно.

— Мнѣ скорѣе жарко, чѣмъ холодно: я все возилась, играла съ Машей.

— Мнѣ заниматься нужно, провѣрить слѣшныя счеты и бумаги.

— Какъ счеты провѣрять! Ты вѣрно забылъ, что мы собирались сегодня ѣхать съ визитомъ къ Бревновымъ,—они, наконецъ, могутъ обидѣться, что мы медлимъ. Поѣдемъ, пожалуйста: я ужъ велѣла запрягать.

— Ну нѣтъ, матушка: у меня дѣло слѣшное; ты сама знаешь, сколько нововведеній; со всѣмъ надо справиться, сообразить; а сообразишь плохо, такъ получишь убытки.

— Ужъ эти мнѣ новыя затѣи, хоть-бы ихъ совсѣмъ не было! Съ ними я нынче по цѣлымъ днямъ не вижу тебя дома: все пропадаешь на фабрикѣ, промолвила Марья Павловна, чуть не плача.—Бывало хоть выѣзжали часто, а теперъ...

Ознобинъ сознавалъ, что жена права, упоминая объ его отчужденіи, но онъ злился и на эту правду и, едва удержась отъ вспыльчивости, проговорилъ почти ласково:

— Но вѣдь я не мѣшаю тебѣ выѣзжать, Маша: все къ твоимъ услугамъ; меня только избавь отъ выѣздовъ на время спѣшной работы. Поѣзжай съ Богомъ къ Бревновымъ, извинись за меня, а теперь не мѣшай заниматься; Порфирій Петровичъ скоро придетъ за книгами.

— Уйду, уйду, сейчасъ; мнѣ нужны еще деньги на кое-какія покупки.

— Денегъ у меня сегодня нѣтъ, но ты можешь взять въ магазинѣ, что нужно, и я заплачу по счетамъ дня черезъ два. Теперь въ конторѣ идетъ провѣрка суммъ.

— Ну, хорошо, тебѣ, что разрѣшилъ, благодарила Марья Павловна и поцѣловала мужа въ лобъ.

Ему не легко было принять эту ласку.

— А все-бы лучше виѣстѣ ѣхать къ Бревновымъ?.. Нѣтъ, не поѣдешь?... Ну, Богъ съ-тобой! До свиданья.

Черезъ нѣсколько минутъ пара лихихъ гнѣдокъ мчала Марью Павловну въ городъ. Ознобинъ, стоя у пылавшаго камня, махнулъ рукой по направленію окна, когда слышалъ скрипъ полозьевъ.

„И съ Богомъ! говорилъ его жестъ“.

Онъ сѣлъ провѣрять счетныя книги, но столбцы цифръ безцѣльно какъ-то прыгали передъ его глазами; дѣло не клеилось.

„Экая тоска смертельная, хоть-бы съ кѣмъ-нибудь можно было душу отвести, а-то этакъ совсѣмъ исхандришься. — Да, сегодня въ клубѣ публичная лекція Желѣзнова: тамъ я увижу Лизавету Игнатьевну. Дюжиковъ говорилъ вчера, что они достали билеты“.

Въ прихожей кто-то позвонилъ и скоро въ кабинетъ вошелъ Волеславичъ. Послѣ первыхъ привѣтствій, онъ подалъ Ознобину бумаги.

— Лиза просила передать тебѣ отчетъ по больницѣ за прошлый мѣсяцъ, и ты вѣрно за нимъ приходилъ сегодня?

— Да, именно, у насъ идетъ теперь горячая провѣрка мѣсячнаго расхода и прихода. А гдѣ это была сегодняшнее утро Лизавета Игнатьевна? я не засталъ ее ни дома, ни въ больницѣ, говорилъ Ознобинъ, подкатывая къ камину кресла.

— Она уѣзжала въ слободу къ больной, а оттуда на по-

гость къ отцу Василью, все затѣмъ, чтобъ уговорить его выдать Настасьѣ Васильевнѣ билетъ.

— Что-же, успѣшны были переговоры?

— Нѣтъ, старикъ сильно упрямится и страшаетъ упрятать дочь въ смиренный домъ. Этого-то онъ, положимъ, не сдѣлаетъ, а все-же дѣло — дрянъ: полиція можетъ придратъся. Лиза старалась сегодня склонить на свою сторону жену Лучинскаго и, кажется, тронула и напугала старуху перспективой скандала, такъ-что у насъ будетъ теперь новая и весьма полезная союзница.

— Какъ приняла извѣстiе объ этой новой неудачной попыткѣ Настасья Васильевна?

— Довольно спокойно; она твердо стоитъ на своемъ рѣшенiи — не возвращаться домой.

— Удивительно энергическая дѣвушка! Я никогда-бы не подумалъ прежде, что въ ней таится такой богатый запасъ силъ, замѣтилъ Ознобинъ.

— Да, силы есть! И какъ только не сгибли онъ въ средѣ всеподавляющаго застоя. Сколько нужно было ей бороться, бѣднать, чтобъ не оступѣть, не измельчать!

— Конечно, много пришлось ей пережить и переиспытать дѣла, да и здѣсь она первое время находилась въ напряженномъ состоянiи.

— За-то теперь она въ какомъ-то экстазѣ спокойствiя отъ сознаниа рѣшимости. — Жаль только, что побѣда еще не обезпечена, промолвилъ Болеславичъ, доставая изъ камина уголь для закуриванiя сигары...

— Жаль! согласился Ознобинъ. — Экія подлныя, скверныя условiя, подъ влiяніемъ которыхъ слагается и губится жизнь!..

— Да, прiятель, и сколько нужно сообразительности и такта, чтобъ сумѣть отражать и изворачиваться изъ — подъ этихъ условiй. Вѣками рабства выработалась эта изворотливость, этотъ тактъ. Къ сожалѣнiю только, женщины чаще тратятъ тактъ на мелочи, а не на серьезное дѣло пробиванья себѣ пути.

— Зато тѣ изъ нихъ, которыя сумѣютъ пробить себѣ дорогу изъ общей колеи на новый путь, да еще вытащить и поддержать на ней другихъ, — стоятъ вѣдь, чтобъ передъ ними преклониться? такъ вѣдь, Николай Михайловичъ? допытывался Ознобинъ.

— Конечно. Только женщинъ, самостоятельно пробившихъ себѣ дорогу, еще мало и немудрено, что это такъ: вѣдь у нихъ отнята всякая дѣйствительная возможность разумнаго самообразования и научной подготовки. Заперли въ гаремы, держали въ нихъ вѣками, да по гаремнымъ-то образцамъ и судятъ о степени способности женщинъ къ тому или другому роду дѣятельности. Душили всякіе порывы и протесты ихъ противъ насилія и рабства, сферу мышленія ихъ ограничивали до минимума, а потомъ и принялись за взвѣшиваніе измелчавшихъ отъ бездѣйствія мозговъ. „Куда женщинамъ до насъ! мозгу у нихъ меньше“, рѣшили мудрецы, люди науки и общества. „У бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ“, за ними выработали себѣ пословицу представители невѣжества. Вездѣ традиціонно тупые взгляды! горячился Болеславичъ.

Ознобинъ молча, какъ-бы что-то соображал, слушалъ товарища.

— Однако есть-же энергичныя женщины! сорвалось у него въ такомъ тонѣ, какимъ спорщики съ упорствомъ произносятъ свое рѣшительное слово. Несообразный тонъ собственного голоса отрезвилъ его отъ полураздумья.

— Конечно, есть много женщинъ сильныхъ, энергичныхъ, отвѣчалъ Николай Михайловичъ, взглянувъ въ лицо товарища, но все эти силы у нихъ какъ-то расплываются. Нѣтъ еще у нихъ связующаго звена; нѣтъ ясной, твердой точки отправленія. Разрозненность—тормазъ ихъ общему дѣлу, и женщины, пробившія себѣ путь, собственной-ли энергіей и трудами или выведенныя на него, благодаря счастливому рожденію ихъ въ сорочкѣ, словомъ, женщины передовыя должны-бы, по моему мнѣнію, не покладывая рукъ, работать для общаго дѣла и не успокоиваться на лаврахъ достиженія своей личной самостоятельности. Неправда-ли?

— Правда: кому больше дано, съ того больше и спрашивается, пріятель. Правда и то, что самыя лучшія и свѣжія женскія силы идутъ врознь и, встрѣчаясь на пути, не узнаютъ своихъ, а принимаютъ ихъ за враговъ.

— А соединись-ка онѣ, и вышла-бы сила, могущая пошатнуть основы гнилаго зданія воспитанія.

Глаза Болеславича заискрились увлеченіемъ. Онъ продолжалъ

— И выпла-бы сила могучая. Эта сила, разумно направленная и не стѣсняемая, могла-бы помогать намъ и вести впередъ нарождающіяся поколѣнія. Въ этомъ нашъ общій интересъ, и я удивляюсь, какъ большинство нашей братіи, даже такъ-называемыхъ порядочныхъ людей, стоятъ противъ стремленія женщинъ къ научному образованію и самостоятельному труду, сознавая и выражая часто, что только тѣ женщины, которыя непосредственно переиспытали трудности въ прокладываніи себѣ самостоятельнаго положенія, которыя своими силами пробились на новый путь и образовали себя,—могутъ надѣяться воспитать изъ своихъ дѣтей не паразитовъ или не идеальныя созданія, а трезвыхъ и мыслящихъ людей, способныхъ на трудъ и на борьбу. А труда и борьбы еще такъ много въ нашъ неугомонный, нервно-живущій вѣкъ, да немало видится его и впереди.

Ознобинъ грустно опустилъ голову, ему вспомнилась его жена и будущность дочери въ рукахъ такой воспитательницы, какъ Марья Павловна. Въ рѣчи товарища онъ словно читалъ приговоръ своему дитяти, и злое и гадкое чувство шевельнулось въ его душѣ.

Болеславичъ замѣтилъ перемѣну въ его лицѣ.

— Что съ тобой, Константинъ? нездоровится?

— Пожалуй-что и такъ: твои слова вызвали у меня горячую работу мозга и результатъ этой работы далеко не утѣшительный.

— То-есть?

— Передъ моими глазами проходила моя семейная жизнь, и къ чему скрываться отъ тебя, что мнѣ тяжела, душна, гадка она! Не смущайся, слушай: я такъ радъ, что могу подѣлиться съ тобой, моимъ лучшимъ другомъ,—пока, прибавилъ онъ, точно опомнясь.—Душна мнѣ моя обстановка, а у меня нѣтъ ни знанья, ни умѣнья перестроить ее. Вокругъ меня какая-то безвыходная, безразсвѣтная тьма, въ которой подчасъ нѣтъ мѣста ни мысли, ни чувству.

— На тебя опять напала хандра!

— Да, пожалуй, только хандра безпричинная; вѣдь у меня полный разладъ жизни. Ты прежде умѣлъ вылечивать хандру, заставляя меня работать, а не нить. Ну-ка, придумай теперь какую-нибудь помощь; я работаю, а все-таки ною.

— Да чѣмъ-же помочь-то тебѣ, братъ? не сдумѣю.

— И правда, что не сдумѣешь; за-то дай хоть душу съ тобой отвести.

— Не стало-бы только тяжелѣй?

— Нѣтъ, не будетъ. Помнишь, я говорилъ тебѣ прежде, давно ужъ, что скучно отъ безцѣльной жизни— и ты толкнулъ меня поискать эту цѣль. Теперь иное дѣло, или вѣрнѣе то-же, только усложненное, принявшее болѣе сильныя размѣры. Мнѣ тяжела моя семейная обстановка, отношенія къ женѣ, съ которой приходится имѣть безпрестанныя столкновения изъ-за совершенно противоположныхъ воззрѣній на самыя важныя вопросы жизни.

Болеславичъ чувствовалъ себя несовсѣмъ-то ловко отъ этой исповѣди.

— Нелегко признаться, а еще тяжелѣе глубоко сознавать, что мы съ Машей по умственному развитію не ровня, а любовь, которая могла-бы уравновѣшивать его шансы, исчезла. Вотъ мы и живемъ теперь, каждый самъ по себѣ, и только показываемъ видъ, будто интересуемся складомъ нашей общей жизни, на дѣлѣ же совершенно индифферентны къ ней. По крайней мѣрѣ, я могу сказать это о себѣ.

— Сколько мнѣ кажется—Марья Павловна любить тебя.

— Да, любить посвоему, какъ бездонный источникъ, изъ котораго можно черпать средства для баловъ, нарядовъ и всевозможныхъ прихотей! Сознавать все это и успокаивать себя пошленькими, узкими правилами нравственности и нерасторжимости узъ и такъ далѣе—я не умѣю, а относиться безразлично—ей-Богу-же не могу.

Ознобинъ опустилъ голову.

Болеславичъ сочувственно слушалъ товарища.

— Ты говоришь—любить! А если и да, такъ чортъ-ли мнѣ въ ея любви! горячо промолвилъ Ознобинъ и вопросительно вынываяще приподнялъ голову.

Николай Михайловичъ молча и упорно взглянулъ ему въ лицо.

— Да къ чему мнѣ ея любовь, спрашиваю я тебя, Николай Михайловичъ?

Тотъ не сразу отвѣтилъ.

— Ну хоть-бы для того, чтобы, опираясь на ея любовь, пожелать пересоздать вашу жизнь.

— Тутъ дѣло не въ нежеланіи, а въ полной невозможности переименовать жизнь.

— Можетъ быть, Константинъ Сергѣевичъ,—вслѣдствіе того, что ты вдумывался-то только въ свое личное положеніе, а не искалъ выхода для васъ обоихъ, былъ слишкомъ поглощенъ своей особой и не старался пробудить въ женѣ стремленіе къ иной, болѣе разумной, болѣе удовлетворяющей тебя жизни.

— Не пробовалъ — это правда. Но почему не пробовалъ? — По нижеслѣдующей и весьма основательной причинѣ, друже! Не пробовалъ потому, что вижу ясно — Маша не пойметъ моихъ требованій, осмѣетъ горячія мечты, — вѣдь взгляды ея узки, способность мышленія ограничена.

— Вполнѣ ли это вѣрно?

— Къ несчастію, да... кому же, какъ не мнѣ, знать это? Ты мало знакомъ съ ней, а все-таки, я увѣренъ, замѣтилъ ея пустоту. Я, помнится, прежде съ увлеченіемъ рассказывалъ ей о моихъ планахъ, надеждахъ — она или была равнодушна къ разсказу, или-же глупо подсмѣивалась; ея насмѣшки только замедляли и парализировали мою дѣятельность. Съ Машей можно жить въ гостинной, на балахъ, на гуляньѣ, — но дома, въ семьѣ, гдѣ такъ нужно умное и ободряющее слово — она невыносима. Такъ-то пріятель! — Ну что-же скажешь ты мнѣ теперь?

— Мнѣ хотѣлось бы спросить тебя, началъ Болеславичъ, но Ознобинъ перебилъ его.

— Знаю, знаю, ты хотѣлъ бы знать, какъ я не подумалъ обо всемъ этомъ прежде женитьбы, — такъ вѣдь?

— Ну, такъ.

— Тогда я былъ влюбленъ, какъ дуракъ, въ ея красивую внѣшность, вѣдь она чудо какъ хороша еще и теперь, а тогда я не размышлялъ ни о чемъ и только страстно желалъ обладать ею.

— Что жъ, и достигъ своего. Марья Павловна-то тутъ въ чемъ выходитъ виновата, скажи по правдѣ? Она шла по любви; ты мнѣ самъ писалъ объ этомъ.

— Она не виновата въ прошедшемъ, конечно. Я достигъ своего, и вотъ теперь страшно наказанъ обладаніемъ пустою женщиною.

Ознобинъ побагровѣлъ; его душило.

— Слишкомъ легко срываются у тебя съ языка эпитеты,

Константинъ. Что только проку въ томъ, что ты глумишься надъ женой?

— Глумлюсь!—Ознобинъ нервно захохоталъ.— Да какъ-же иначе прикажешь мнѣ выражаться?—немягко, зато правдиво, извини.

— Не понимаю, что съ тобой сегодня?

— Да и гдѣ-жъ тебѣ понять меня? Ты счастливецъ, любишь и любишь: жена сокровище. А я-то...

— Ты также любилъ вначалѣ, и тебя любили и, право, еще и теперь любятъ.— Женясь, ты былъ не юноша, а она почти дѣвочка и могла-бы еще пересоздать себя при твоей помощи: я вѣрю въ возможность совершенствованія.

— И я также. Ты правъ,—только все это, можетъ быть, было-бы возможно тогда, когда любилось, но—мы блаженствовали и не думали въ то время ни о чемъ лучшемъ. Что было, того не будетъ вновь! Я очнулся первый, и съ этого времени, съ каждымъ днемъ моя привязанность къ женѣ становилась призрачною, счастье и иллюзіи были разрушены холоднымъ анализомъ.— Да, пріятель, я началъ тогда-же томиться своими супружескими связями и ощущать жгучую потребность иной, осмысленной, а не половой только жизни!

— Вотъ очнувшись-то, ты и постарался-бы пересоздать вашу жизнь.

Ознобинъ отчаянно махнулъ рукой.

— Ты извини меня, Константинъ Сергѣевичъ,—я разсуждаю тутъ, можетъ быть, слишкомъ объективно, холодно, какъ человѣкъ незаинтересованный прямо; ты дѣйствуешь и говоришь подъ влияніемъ страсти, и мы не можемъ сойтись теперь. Разговоръ этотъ прервать трудно: „у кого что болитъ, тотъ о томъ и говорить“. И, мнѣ кажется, я хорошо сдѣлаю, оставивъ тебя одного, замѣтилъ Болеславичъ и взялся за шалку.

— Нѣтъ, не уходи, пожалуйста. Я такъ радъ, что могу предъ кѣмъ нибудь сбросить весь грузъ, который давитъ меня изо дня въ день.

— Но врядъ-ли тебѣ станетъ легче отъ такихъ разговоровъ?

— Легче будетъ, настаивай Ознобинъ.

Николай Михайловичъ снова сѣлъ. Ознобинъ, заложивъ руки

назадъ, сталъ мѣрять комнату. Нѣсколько времени длилось молчаніе.

— Знаешь-ли, Николай, я пробовалъ начать пить, да не могу: душу, что называется, воротить.

— И хорошо, что не можешь: этого еще не доставало!

— Да что ты думаешь?.. я все перепробовалъ послѣ женитьбы— развратъ, карты, вино, бросался очертя голову во всё не легкія, пытался по временамъ заниматься дѣлами, фабрикой и на короткій срокъ отдавался дѣлу съ увлеченіемъ.

— И продолжалъ-бы дѣло, замѣтилъ Болеславичъ, [кажется только для того, чтобы что-нибудь сказать на вызывающій взглядъ товарища.

— Въ томъ-то и дѣло, что продолжать начатое у меня, вѣроятно, не хватило характера, выдержки. Миѣ насучили счета, расчеты; дома я не находилъ ни поддержки, ни сочувствія и опять бросался къ картамъ и кутежамъ. Впрочемъ, ты это знаешь, конечно, по слухамъ, которые носились въ городѣ о моихъ безобразіяхъ. Да, я безобразничалъ, чтобы заглушить въ себѣ всѣ неудовлетворенные, человѣчныя порывы къ иной жизни. Но каждый разъ, послѣ разныхъ попытокъ забыться, у меня являлось какое-то неопредѣленное чувство внутренней пустоты, недовольства собою и всѣмъ меня окружающимъ. Все-же я забывался хоть минутами, теперь же всѣ прежнія средства не оказываютъ своего даже минутнаго дѣйствія. Требованія иные, и заглушить ихъ можно развѣ только солидными приемами опія, который отъправилъ бы меня къ праотцамъ.

На лицѣ Болеславича выразилось участіе и сожалѣніе, но онъ не находилъ словъ утѣшенія, да и считалъ ихъ лишними.

— Я искалъ жизни всюду, гдѣ могъ, заговорилъ Ознобинъ, послѣ небольшой паузы—и не находилъ ея.—Ей Богу я сочувствовалъ всему новому, свѣжему, хорошему и готовъ былъ откликнуться на всякій призывъ къ дѣлу.. Встрѣча съ тобою послѣ долгой разлуки, твои идеи, планы, твои горячія надежды на счастье—оживили меня. Ты излечилъ меня отъ безцѣльнаго прозябанія, показалъ путь къ выходу изъ безысходной скуки своимъ примѣромъ, и за это я всегда буду говорить тебѣ спасибо, Николай Михайловичъ! Ты первый обратилъ мое вниманіе на положеніе фабричныхъ женщинъ, помогъ организовать школу, больницу, словомъ, разшевелилъ меня.

Благодаря тебѣ я энергичнѣе и лучше прожилъ послѣдніе полтора года, и благодаря твоему-же руководству не промотался, а еще въ барышахъ.

— Положимъ, я-то тутъ мало при чемъ: какъ школа, такъ и организація женской больницы—мысли Лизы, и я творилъ только волю пославшей меня.

— Это все равно, вы оба помогли мнѣ; твоя жена сокровище, повторяю это.

— Да еще какое сокровище! поддакнулъ Болеславичъ, только послѣ опомнившійся, что контрастъ его счастья и такъ уже, должно быть, кидался въ глаза товарищу.

Ознобинъ тяжело вздохнулъ и продолжалъ свою исповѣдь.

— Послѣдніе четыре-пять мѣсяцевъ я, какъ ты самъ видѣлъ, работалъ еще неутомимѣе, съ любовью, охотно; и, знаешь-ли, анализируя мотивы, которые заставляли меня трудиться, я пришелъ къ убѣжденію, что все это дѣлалось ради... ради желанія... ну, да, впрочемъ, это—не къ дѣлу.

Болеславичъ пытливо взглянулъ въ лицо Ознобина, тонъ словъ котораго заставилъ его встрепенуться по своему нервозному тембру.

— Да, такъ, промолвилъ Ознобинъ вслухъ на свои думы, и встряхнувъ головой, откинулъ назадъ свою длинную гриву и провелъ рукою по лбу, какъ-бы желая сгладить что-то тяжелое, засѣвшее тамъ.

— Что, бишь, я хотѣлъ сказать-то? Ахъ, да, знаешь-ли, какія мысли стали меня посѣщать, съ нѣкотораго времени, особенно часто послѣ занятій, и къ какому выводу я пришелъ? Что жизнь одною головою, какъ я жилъ и живу теперь, тяжела, суха. Такъ и хочется другой жизни—жизни сердца, рука объ руку съ головною. Хочется услышать ласковое, сочувственное, ободряющее слово любимой и любящей женщины. Послѣ труда хочется счастья!

Болеславичъ упорно молчалъ.

— Ну, что-же ты молчишь? скажи-же хоть что-нибудь, Николай, толкнулъ его въ плечо Ознобинъ.

— Чтожь мнѣ тутъ говорить? Я съ тобой согласенъ—кому не хочется счастья? всякому—всякій человѣкъ, по моему мнѣнію, имѣетъ естественное право биться изъ-за счастья. Чего-же еще тебѣ?.. ты правъ.

— И ты также, но правота вѣдь еще не возможность счастья?
— Разумѣется.

— Возможности-то вотъ для меня и не видится. Подъ вліяніемъ знакомства съ твоей женой, со всѣмъ складомъ вашей свѣтлой, трудовой жизни—мои неясныя еще требованія отъ жизни возмужали, опредѣлились.

Болеславичъ всталъ и зашагалъ рядомъ съ товарищемъ, который не унимался.

— Я хотѣлъ-бы такой-же жизни, какъ ваша; заходя къ вамъ отдохнуть послѣ занятій, я поддавался у васъ обаянію чего-то свѣтлаго и вмѣстѣ дѣлового, и, мысленно сравнивая такую жизнь съ моей семейной, я ненавидѣлъ послѣднюю еще сильнѣе... Ты что-то хочешь возражать мнѣ, нѣтъ погоди, погоди, я доскажу ужъ все. Такія женщины, какъ твоя жена, заставляютъ уважать женщинъ, какихъ желательно-бы было видѣть побольше, и возбуждаютъ отвращеніе къ болѣе ходячему типу. Не встрѣчая первыхъ, еще можно и то съ натяжкой выносить такихъ...

Болеславичъ на этотъ разъ не далъ ему окончить, угадавъ, что онъ хотѣлъ сказать.

— Да, что это ты сегодня взялся панегирики читать моей женѣ; смотри, я приревную, пошутилъ онъ, чтобы замять разговоръ.

Ознобинъ хотѣлъ было что-то возражать, но въ комнату вошло новое лицо; прежній разговоръ долженъ былъ прекратиться.

Болеславичъ въ душѣ былъ сильно радъ этому перерыву.

Е. Делгове.

(Продолженіе будетъ.)

ДѢТСКІЯ ГРЕЗЫ.

Мои ребяческіе планы
Мнѣ вспоминаются порой.
Бывало, въ сказочныя страны
Леталъ я дѣтскою мечтой,
Въ тѣ страны, гдѣ не вянутъ розы,
Гдѣ царство вѣчное весны...
Гдѣ тѣ несбыточныя грезы?
Гдѣ тѣ младенческіе сны?

Тому мечтательному бреду
Душой отдавшись, грезилъ я:
Я шаръ земной вокругъ объѣду,
Увижу чуждые края,
Искусства чудныя созданья,
Миръ меркантильной суеты...
Гдѣ эти дѣтскія мечтанья?
Гдѣ тѣ роскошныя мечты?

Едва узналъ любовь по книгамъ,
Огонь въ груди затрепеталъ,
Въ моей душѣ созданъ мигомъ
Любви высокій идеалъ;
Въ порывахъ жгучаго томленья
Мнѣ снился образъ красоты...
Гдѣ эти чудныя видѣнья?
Гдѣ эти юныя мечты?

И годъ тянулся вслѣдъ за годомъ,
И грезъ иныхъ пришла пора,
И снилось мнѣ: несущимъ народамъ
Идеи правды и добра;
Снимаю съ ближнихъ крестъ страданья,
Несправедливость укротивъ...

Гдѣ тѣ высокія мечтанья?
Гдѣ тотъ восторженный порывъ?

И въ жизнь вступилъ я. Жизни холодъ
Мой дѣтскій пылъ охолодилъ,
А тяжкій опытъ, словно молотъ
Мечты воздушныя разбилъ.
Теперь я поднимаюсь съ зорькой
Для ненавистнаго труда,
И иногда съ насмѣшкой горькой
Я вспомню дѣтскіе года.

Я. Старостинъ.

НА КНИЖНЫХЪ РЫНКАХЪ.

Разносная литература въ Германіи. — Фабриканты и мастерские разносной литературы. — Ея публика. — Ея произведенія. — Серебряныя вещи, какъ премія при романахъ. — Упадокъ въ серьезной литературѣ вслѣдствіе войны. — Литераторы-войны. — Необходимость серьезно заняться народнымъ развитіемъ и его экономическимъ положеніемъ. — Послѣднія политико-экономическія произведенія. — Бернгардъ Беккеръ, объявляющій о книгѣ: Лассальянизмъ или переведенный на нѣмецкій языкъ Сень-Симонизмъ.

Русская литература, если ее сравнить съ американскою и западноевропейскими литературами, является просто младенцемъ, едва умѣющимъ лепетать, имѣющимъ въ своемъ распоряженіи очень небольшой запасъ идей и словъ, ходящимъ на помочахъ и только играющимъ въ жмурки, жгуты и солдатки. Но этотъ младенецъ идетъ по слѣдамъ своихъ старшихъ сестеръ и потому мы считаемъ не бесполезнымъ взглянуть, до чего дошли его старшія сестры и какія условія вліяютъ на ихъ развитіе.

Разнообразіе отраслей печатнаго слова, количество выходящихъ произведеній, число расходящихся экземпляровъ каждаго произведенія, все это въ нашей литературѣ еще такъ ничтожно, что не можетъ идти въ сравненіе съ подобными-же плодами дѣятельности другихъ литературъ. Наши газеты едва достигаютъ десятка тысячъ подписчиковъ, а въ Англіи уже въ шестидесятыхъ годахъ Times имѣлъ отъ 80 до 100 тысячъ подписчиковъ, Illustrated London News отъ 60 до 80 тысячъ; во Франціи Siècle до 46 тысячъ, Patrie до 35 тысячъ, Illustration до 33 тысячъ; въ Пруссіи Kladderadatsch до 34 тысячъ; въ Австріи die Presse до 27 тысячъ; изъ Россіи въ 1868 г. вывозилось книгъ

на 128,649 рублей, тогда какъ изъ Франціи въ томъ-же самомъ году вывозилось на 18,335,000 франковъ; тогда какъ гдѣ-нибудь въ Саксоніи въ шестидесятихъ годахъ одна книга приходилась на 1,090 жителей, въ Россіи одна книга приходилась на 29,000 жителей. Мы отстаемъ во всемъ, не только въ печатномъ проявленіи человѣческаго ума и развитія, но даже и въ печатномъ проявленіи человѣческой глупости и барышничества, хотя, повидимому, въ послѣднемъ отношеніи мы могли-бы, еслибы захотѣли, невозбранно перещегоолять всѣхъ, не стѣсняясь ничѣмъ. Но оказывается, что и на этомъ пути мы остаемся младенцами, несмотря на то, что лубочная литература, безграмотная литература заднихъ дворовъ и дворницкихъ растетъ у насъ такъ-же быстро, какъ грибы въ лѣтнее время. Но всѣ наши „Тайственные монахи“, „Тайства любви“, „Женщины въ половомъ отношеніи“, „Парикмахеры подъ кроватью“, вся эта неудобоваримая стряпня московской кухни и апраксина двора, предназначенная специально для разстройства умственныхъ способностей и разрушенія спинного мозга благодуществующихъ россіянъ, ничто въ сравненіи, напримѣръ, съ тѣмъ, что появляется въ этомъ родѣ въ Германіи.

Такъ называемая „литература второго разряда“ уже двадцать лѣтъ тому назадъ изумила своимъ развитіемъ Роберта Прутца, принявшагося за ея изученіе; въ настоящее-же время ея фабрикація удесят�ерилась и ея произведенія составляютъ кѣмъ-отдѣлъ, нѣчто въ родѣ государства въ государствѣ. Она получила названіе „разносной литературы“—*Colportage-Literatur*. У этой литературы есть свои особые фабриканты, такъ-какъ она производится не писателями, а издателями, нанимающими работниковъ для написанія той или другой книги. Фабриканты не имѣютъ ничего общаго съ книгопродавцами и обращаются съ своими произведеніями не къ обыкновенной публикѣ. Произведенія ихъ фабрикъ распространяются по свѣту особыми разнощиками, минуя книжныя лавки, и проникаютъ въ ту среду, гдѣ о книгѣ не имѣли до сихъ поръ никакого понятія, если книга не носила названія библіи или книги духовныхъ нѣсенъ и проповѣдей. Разносная литература создала свою публику, она создала и своихъ писателей. Ея писатели, несчастные выкидыши народа, воспитывавшіеся на заднихъ дворахъ интеллигентной части общества.

Въ нихъ сосредоточиваются всѣ дурныя стороны современной цивилизаціи; на нихъ не отражается ни одного изъ ея благодѣтельныхъ вліяній. Они не знаютъ никакого ремесла и гнушаются физическимъ трудомъ; на нихъ налипла вся мерзость городскихъ подваловъ и чердаковъ; они настолько отошли отъ народа, что не любятъ и не понимаютъ его; они не настолько развиты, чтобы воспользоваться плодами современнаго развитія, и настолько грамотны, что могутъ сдѣлать свою грамотность средствомъ для добыванія денегъ; литературный трудъ превращается ими въ промыселъ. Они пишутъ по заказу, пишутъ обо всемъ, пишутъ во всякомъ направленіи; они готовы сколотить пьедесталъ для какого-нибудь героя и завтра-же изготовить позорный столбъ для той-же самой личности; они сильны и опасны, потому что они умѣютъ держать въ рукахъ массу, обращаясь къ ея грубымъ инстинктамъ, потакая ея предрасудкамъ и невѣжеству, увлекая ее скандалами кабаковъ и уличной жизни, возбуждая ея животныя страсти, дѣйствуя на ея дѣтское воображеніе, осмѣивая всѣ тѣ святыя истины, которыя еще непонятны ей. Съ ними невозможно бороться прямо, потому что съ ними нужно бороться не при помощи убѣжденій и логическихъ доказательствъ, а при помощи брани, площадныхъ ругательствъ и вожжовъ грязи; кромѣ того, ихъ вдесятеро больше чѣмъ представителей серьезной литературы; ихъ вліяніе можетъ ослабиться только со временемъ, когда цивилизуется масса народа, когда она будетъ не просто грамотною, но и развитою, — а до тѣхъ поръ общество должно терпѣть присутствіе этихъ илотовъ и парій литературнаго міра.

Фабриканты разносной литературы, рассчитывая на народъ и зная, что въ этой средѣ больше нищихъ, чѣмъ богачей, довели цѣны нѣкоторыхъ изъ своихъ товаровъ до изумительной дешевизны. Главнымъ предметомъ этой фабрикаціи является романъ, такъ какъ читателемъ является народъ, а народу, даже и въ Германіи, гдѣ высшія сословія такъ гордятся его образованностью, дальше простой грамотности не позволили шагнуть. И то сказать: много будешь знать, скоро состарѣешься, да и вообще послѣдствія неумѣреннаго вкушенія плодовъ отъ древа познанія добра и зла общеизвѣстны. И такъ, простякъ Михель питается большею частью романами. Какъ велика у него потребность къ чтенію, видно уже изъ того, что въ одномъ Берлинѣ существуетъ двадцать фирмъ.

занимающихся производствомъ книгъ разносной литературы и выпускающихъ ежегодно въ свѣтъ около сотни романовъ. Прибавьте къ этому, что фабрики романовъ существуютъ въ Саксоніи, въ южной Германіи и главнымъ образомъ въ Австріи, гдѣ эта отрасль промышленности въ послѣднее время развилась особенно сильно, и вы не удивитесь, что число ежегодно фабрикуемыхъ романовъ доходить до 500.

Конкуренція на этомъ пути дошла до изумительныхъ размѣровъ. Фабриканты прилагаютъ всѣ старанія, чтобы залѣзть въ карманъ бѣдняка прежде своихъ собратьевъ. Объявленія о каждомъ новомъ произведеніи разбрасываются въ городѣ въ каждый домъ, въ каждое жилище отъ подвала до чердака; иногда число подобныхъ объявленій доходитъ по полумилліона. Сами эти объявленія бываютъ своего рода лучшими цвѣтами спекуляторскаго краснорѣчія, достойнаго академическихъ премій. Цвѣтистый, образный языкъ, возвышенный стиль, увлекательная сила убѣжденія, все это проявляется здѣсь въ такой степени, что европейскіе академики, вѣроятно, изучаютъ эти объявленія и сѣтуютъ на судьбу, недавшую имъ такихъ ораторскихъ талантовъ. Конечно, академикамъ и въ голову не придетъ, что ихъ собственное краснорѣчіе убито большими окладами, что и они слѣвались-бы краснорѣчивыми, если-бы ихъ посадить въ ту-же шкуру, въ которой сидятъ голодные мастеровые разныхъ фабрикъ разносной литературы. Но такъ-какъ ничто не ново подъ луною, то и каждое новое объявленіе о новомъ романѣ имѣетъ много общаго съ старыми объявленіями о старыхъ романахъ. Главное стремленіе объявляющаго всегда состоитъ въ томъ, чтобы набросить тѣнь на всѣ остальные романы разносной литературы и выставить на видъ поразительныя названія главъ новаго произведенія. Одни эти заглавія могутъ довести до обморока читателя. „Чаша отравы“, „Смертныя грѣхи“, „Кошунство“, „Пытки и костры“, „Ночь безумія“, „Ужасная могила“, „Кровавый призракъ“, „Страшный скелетъ“, „Демонъ въ образѣ человѣка“, „Преисподняя преступниковъ“, „Терзаніе невинности“, „Королевскій тигръ“, „Кровожадная кошка“, все это, конечно, общается читателю, что у него волосы стануть дыбомъ, что у него морозъ пробѣжитъ по кожѣ при чтеніи всѣхъ этихъ ужасовъ гдѣ-нибудь въ темномъ подвалѣ при сальной свѣчѣ подъ шумъ вѣтра, бушующ-

иного на дворѣ, завывающаго въ щелистой трубѣ или хлопавшаго какой-нибудь скрипучей, лишенной замка и задвижки дверью. А рядомъ съ этими ужасами общаются и другія наслажденія. Они уже предчувствуются при чтеніи заглавій въ родѣ слѣдующихъ: „Лѣсное затишь“, „Душистая лимонная долина“, „Цвѣтушіе померанцовые лѣса“, „Ангель мира“, „Торжество любви“, „Обольстительная красота“, „Увлекательныя прелести“, „Клокочущая кровь“, „Опьяняющія наслажденія“ и такъ далѣе, все наркотичнѣе и наркотичнѣе.

Особенно отличается по части объявленій одинъ берлинскій книгопродавецъ. Мы рѣшаемся выписать начало одного изъ его объявленій.

„Тайны міровой столицы

или

Грѣшница и кающаяся,

романъ

Жоржа Борна.

„Читательница, приходилось-ли тебѣ когда нибудь выходить изъ сладостнаго затишья лѣснаго одиночества на берегъ бурношумящаго моря, поражалъ-ли когда-нибудь твой слухъ страшный ревъ дивоклокочущихъ, возмущенныхъ бурей волнъ, не казались-ли тебѣ при твоёмъ выходѣ изъ маленькаго мѣстечка, такими-же живы и стремленія шумящихъ улицъ столицы, когда ты вмерные глядѣла на нихъ. Прошу тебя, войди въ эту столицу, опираясь на мою вѣрную, опытную руку, и разверни листки первой тетради съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидаемаго во всѣхъ странахъ, гдѣ звучитъ нѣмецкая рѣчь, новаго произведенія: „Тайны міровой столицы или грѣшница и кающаяся.“ Онѣ откроютъ тебѣ все, что можетъ дразнить твое любопытство и любознательность: семь смертныхъ грѣховъ дьявола въ образѣ человѣческомъ, геройскія природы, страсти въ хижинахъ бѣдняковъ, въ преисподнихъ преступниковъ, во дворцахъ великихъ міра сего; да, ты увидишь всѣ тайны этой земли съ ея удивительными сокровищами, ты будешь посвящена въ нихъ вполне этимъ единственнымъ въ своемъ родѣ произведеніемъ: „Тайны міровой столицы или кающаяся и грѣшница“.

Есть объявленія, еще болѣе краснорѣчивыя. Иногда въ нихъ

прямо говорится, что при чтеніи романовъ у читателя „духъ захватить“, „дрожь сдѣлается“, „волоса поднимутся“. Каждый романъ носить двойное заглавіе: „Краснорукій Гуго или мертвецы, танцующіе на Вороньемъ камнѣ“, „Глаза василиска или русалка изъ кроваваго болота“, „Адскій графъ или клятва посвященнаго“, „Прекрасная самосская дѣвственница или ужасныя ночи въ темницѣ семи башенъ въ Константинополѣ“, „Дѣти ада Америки и мрачныя духи Европы или борьба за человѣческія права“. Кроме того въ объявленіяхъ говорится, что покупатели получаютъ премію, состоящую изъ одной или двухъ удивительныхъ художественныхъ картинъ, могущихъ служить комнатнымъ украшеніемъ; при этомъ разъясняется подписчикамъ, что картина уступается имъ за 7½ зильбергрошей, тогда какъ въ отдѣльной продажѣ она будетъ стоить не менѣе 2 талеровъ. Но этотъ родъ премій показался недостаточнымъ для привлеченія публики и одинъ изъ берлинскихъ книжныхъ фабрикантовъ придумалъ новую приманку.

Онъ объявилъ, что премія, состоящая изъ картинъ, есть нигде негодныя литографіи, требующія весьма значительныхъ расходовъ на рамки, и потому, на удивленіе всего міра, онъ рѣшается дать подписчикамъ два дѣйствительно драгоценныя произведенія изъ серебряныхъ и золотыхъ вещей,—прекрасный несессеръ, заключающій въ себѣ серебряный ножикъ и вилку, за плату 10 зильбергрошей или красивую золотую или серебряную дамскую брошь за 15 зильбергрошей. „Конечно, объявляетъ знаменитый реформаторъ въ дѣлѣ разносной литературы, ножъ и вилка стоятъ полтора талера, брошка три талера, но я уступаю эти вещи подписчикамъ по дешевой цѣнѣ только потому, что они имъ пришлись дешевле, такъ-какъ ихъ заказано до 100 тысячъ экземпляровъ и кроме того я съ своей стороны рѣшился понести убытки, чтобы подарить читателямъ такія роскошныя ювелирныя работы“.

Геніальный изобрѣтатель „ювелирной бібліотеки“ не остался безъ подражателей. Одинъ изъ его конкурентовъ, удерживая художественныя премія, объявляетъ о выдачѣ экстренной преміи, состоящей изъ отличныхъ швейцарскихъ часовъ съ будильникомъ, которые принимаются обратно, если будутъ ходить не-

вѣрно въ теченіе четырехъ недѣль. И все это за 25 зильбер-грошей.

Мы тоже, вѣроятно, пойдемъ когда-нибудь по этому пути. Нельзя-же спекуляторамъ остановиться на одной дешевой распродажѣ полотень.

Но не одни романы производитъ разносная литература. Прибавьте къ романамъ книги физиологическаго содержанія, бьющія на клубничку, подталкивающія на развратъ, или лечебники, наставленія которыхъ легче всего могутъ разрушить здоровье бѣднаго человѣка, и безъ того разстроенное плохую пищу, дурными жилищами и непомернымъ трудомъ. Прибавьте книги сверхъестественнаго содержанія, поддерживающія вѣру въ духовъ, въ колдовство, въ чародѣйство и держащія и безъ того запуганный народъ въ вѣчномъ страхѣ передъ какими-то невидимыми и роковыми силами царства тьмы; прибавьте книги такъ-называемаго нравственнаго содержанія, научающія притупленный нуждою, апатичный народъ жить спустя рукава, довольствоваться самою плохую долею, не гнаться за мірскими благами, не стремиться къ самодѣятельности; прибавьте книги, написанныя въ духѣ того варварскаго краснаго патріотизма, который выражается въ хвалебныхъ гимнахъ всему своему и въ брани на все иноземное, который раздражаетъ звѣрскія наклонности массы и подливаетъ масла въ огонь національныхъ антипатій,—и вы будете имѣть ясное понятіе о разносной литературѣ.

Еслибы мы не знали, что вся эта литература есть продуктъ того духа спекуляціи и конкуренціи, который проникъ во все изгибы современной общественной жизни, то мы могли-бы подумать, что направленіемъ разносной литературы руководить какой-нибудь отъявленный врагъ народа и цивилизаціи. Здѣсь умышленно сосредоточивается все, что можетъ содѣйствовать возбужденію животныхъ и кровожадныхъ инстинктовъ массы, что можетъ содѣйствовать совершенному застою человѣческой мысли и полнѣйшей разнузданности воображенія,—и все это дѣлается потому, что выгоднѣе всего льстить невѣжественнымъ людямъ, простодушнo платящимъ кровныя деньги за подносимый имъ ядъ. Барышникамъ цивилизованной Европы приходится не впервые продѣлывать подобныя штуки, вѣдь платили-же они дикарямъ за драгоценныя произведенія стеклянными бусами.

Бъ несчастью, такія событія, какъ международныя войны, повторающіяся, подобно пароксизмамъ лихорадки, въ Европѣ, содѣйствуютъ развитію разносной литературы и производятъ застои или вызываютъ темныя пятна и въ той части литературы, которая вполне достойна этого имени. Иногда военныя событія до того разжигаютъ страсти, что уводятъ на путь мракобѣсія даже такія умственные силы, которыя до того времени не имѣли ничего общаго, по характеру своей дѣятельности, съ направленіемъ какихъ-нибудь квасныхъ патріотовъ, поборниковъ рѣзни и милитаризма. Этотъ печальный фактъ выразился особенно ясно въ послѣднюю войну между Франціею и Пруссіею. Литература—не только разносная, но и серьезная литература—обратилась въ ристалище разныхъ наѣздниковъ, ломавшихъ копыя для того, чтобы унижить французскій народъ, чтобы доказать, что французы сгнили, что они никогда не были способны ни къ чему, что ихъ нужно стереть съ лица земли. Да, люди, повидимому, не особенно глупые, не особенно безчестные, не особенно кровожадные, не стыдились и не содрогались, стараясь порѣшить однимъ взмахомъ пера вопросъ объ уничтоженіи цѣлой націи. Быть можетъ, въ прошлыя времена они плакали, видя раздавленную экипажемъ собаченку; быть можетъ, они съ болью въ сердцѣ подавали грошъ полушьяной, обнищавшей проституткѣ; быть можетъ, они содрогались, слыша о смертной казни гнуснаго злодѣя и ратовали въ печати противъ смертной казни,—теперь же все это забыто, теперь они стали требовать исполненія смертнаго приговора надъ цѣлымъ народомъ. Намъ было больно, но не потому, что изъ всѣхъ государствъ Европы намъ дорога одна Франція, а потому, что намъ дорогъ каждый народъ, каждый человѣкъ, дорогъ точно также, какъ были дороги намъ эти самые люди, безъ всякой видимой нужды разжигавшіе въ послѣднее время національныя антипатіи. Шерръ, Штраусъ, Мейснеръ, Отень, Ауэрбахъ, Гуцковъ, Гейзе, Шпильгагенъ и сотни другихъ писателей явились или явными врагами Франціи, или выразили свою радость по поводу того, что она побѣждена, что у нея отрѣжутъ нѣсколько провинцій. Но если рѣзкія, негуманныя ноты слышались въ произведеніяхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ писателей, то трудно и вообразить, что слышалось въ произведеніяхъ мелкихъ литературныхъ ничтожностей Германіи. Ихъ голоса, до тѣхъ поръ заглушаемые болѣе сильными

голосами, теперь возвысились и, среди безмолвствующихъ серьезныхъ литературныхъ силъ, ихъ визгъ и гамъ зазвучали какимъ-то дикимъ хоромъ. Изъ подъ полированной европейской внѣшности выглянулъ дикій Тевтонъ со всеми его необходимыми качествами: Steifheit, Rohheit и Plumpheit. Эти качества можно было замѣтить въ каждой карриатурѣ, въ каждомъ стихотвореньицѣ, въ каждой летучей брошюрѣ: карриатура переходила въ площадной цинизмъ, юморъ сдѣлался балаганнымъ кривляньемъ, сатира обратилась въ разнузданную ругань. Мы просматривали цѣлый рядъ современныхъ нѣмецкихъ карриатуръ: чтобы дать понятіе о характерѣ этихъ произведеній, мы опишемъ одно изъ нихъ: на картинѣ изображено нѣсколько прусскихъ солдатъ, вытянувшихъ въ шеренгу; каждый изъ нихъ держитъ подъ мышкою по человѣку. Каждый солдатъ держитъ поднятый кулакъ, чтобы наградить ударомъ свою жертву, — надъ этими жертвами сдѣланы надписи: Граммонъ, Оливье, Плонъ-Плонъ, Оно (императорскій принцъ), Она (Евгенія), Онъ (Наполеонъ III). Это далеко не самая грязная карриатура, — другія еще глупѣе. Стихотворныя произведенія не лучше карриатуръ; всѣ эти книжонки, носящія заглавіе „патріотическихъ пѣсень,“ „пѣсень нѣмецкой свободы,“ „съ пѣсней въ битву,“ „Антигаллика,“ „Почетные дни Германіи“ и т. д., ниже всякой критики. Въ прозаическихъ брошюрахъ говорится „о Вавилонѣ на Сенѣ“ и можно себѣ вообразить, до чего омерзительно большинство этихъ брошюръ уже изъ одного того, что нѣкоторые книгопродавцы должны дѣлать слѣдующія заявленія: „достаточно бросить одинъ взглядъ на изданную мною брошюру, и вы увидите лейпцигскій книгопродавецъ Шульце, и вы увидите, что она *составляетъ исключеніе изъ обыкновенной дешевой военной литературы;*“ „содержаніе этой брошюры, говорится про другую книгу, въ высшей степени *никакно, но не цинично, и она имѣетъ извѣстную историческую цѣну, поднимающую выше уровня нашей современной военной литературы.*“ Подобныя оговорки необходимы, потому что само нѣмецкое общество начало отворачиваться отъ расходившихся борзописцевъ.

Какъ плодovита была дѣятельность этихъ господъ, можно уже судить изъ того, что въ концѣ 1870 г. въ Германіи появилось литографированныхъ, рѣзанныхъ на деревѣ и стали карриатуръ

до 500 различныхъ листовъ, фотографическихъ визитныхъ карточекъ съ каррикатурными изображеніями до 200, каррикатуръ въ форматѣ кабинетныхъ портретовъ до 100, летучихъ листовъ различнаго содержанія до 225, рассказовъ о современной войнѣ до 350, военныхъ рѣчей и проповѣдей до 300 и сборниковъ стихотвореній и пѣсень до 150. Сколько превратныхъ понятій разнесутъ по разнымъ заколустьяхъ всѣ эти произведенія спекуляціи! Теперь даже нельзя и представить себѣ, сколько вреда принесла литературѣ и развитію народа эта война, расплывшая такое множество вредныхъ произведеній и въ тоже время уничтожившая такое книгохранилище, какъ страсбургская бібліотека, гдѣ хранилось однѣхъ рукописей до 12,000 томовъ; самую невознаградимую потерю является здѣсь егорѣвшая корреспонденція реформаторовъ.

Мы уже говорили, что необходимо протидѣйствовать, какъ вліянію разносной литературы на народъ, такъ и вліянію подобныхъ воинствующихъ литераторовъ, какіе вышли на сцену въ Германіи въ послѣднее время. Противодѣйствовать этому злу можно только распространеніемъ здравыхъ понятій въ народѣ. Это отлично поняли лучшіе представители литературы въ Германіи. Въ Берлинѣ съ этою цѣлью читаются лекціи замѣчательными нѣмецкими учеными; эти лекціи издаются отдѣльными брошюрами; цѣна этихъ брошюръ очень незначительна—по 5 зильбергрошей за брошюру—и доступна даже очень небогатымъ людямъ; этихъ брошюръ издано въ настоящее время болѣе сотни; онѣ касаются всевозможныхъ предметовъ изъ области знанія. Здѣсь вы встрѣтите цѣлый рядъ сочиненій, дающихъ полное понятіе о явленіяхъ природы: образованіе земли, ледяной періодъ на землѣ, обращеніе воды на земной поверхности, обращеніе углерода въ органической природѣ, возникновеніе органическихъ существъ и ихъ раздѣленіе на виды, электрическія явленія, зрѣніе и зрительный органъ, обманы чувствъ, естествознаніе и вѣра въ духовъ,—все это служитъ предметомъ ученыхъ бесѣдъ. Здѣсь въ области естествознанія, между именами добросовѣстныхъ, но мало извѣстныхъ ученыхъ встрѣчаются и такія знаменитыя имена, какъ имена Вирхова и Геккеля. Первый изъ названныхъ ученыхъ представилъ здѣсь свои изслѣдованія о „бургамахъ исполиновъ“, о „пищевыхъ и вкусовыхъ веществахъ“, о „госпиталяхъ и лазаретахъ“ и т. д. Лек-

ція Геккеля еще болѣе интересны. Но не однѣ естественныя науки служатъ предметомъ лекцій. Въ этихъ лекціяхъ Летте говоритъ „о жилищахъ рабочихъ“, Энгель „о заработной платѣ“, Перельсъ „о значеніи машинъ для земледѣлія“, Целле „объ устройствѣ сиротскихъ домовъ въ Берлинѣ“, Эндемонъ „о развитіи коммерческихъ товариществъ“, Джонъ „о смертной казни“, Блунчли „объ основаніи американскихъ штатовъ“, Конъ „о биржѣ и спекуляціяхъ“, и т. д. Женскій и тюремный вопросы, политическія событія и гигиена, философія и искусство—все это нашло мѣсто въ длинномъ рядѣ популярныхъ брошюръ. Но несмотря на всю великую пользу, приносимую этими лекціями, надо сознаться, что онѣ распространяются болѣе всего между фабричными рабочими, а не въ средѣ земледѣльческаго населенія. Жители нѣмецкихъ селъ и деревень еще не дошли до той степени развитія, которая необходимо нужна для пониманія подобныхъ научныхъ изслѣдованій. Эта масса по неволѣ должна пробавляться издѣліями разносной литературы: Но рабочіе Германіи уже вполне подготовлены къ пониманію этихъ ученыхъ лекцій и потому сильно интересуются ими. Лекціи Берлинской ассоціаціи и классы, существующіе при ней, посѣщались тысячами человекъ изъ рабочаго люда.

Положеніе этого класса общества служитъ главнымъ предметомъ изслѣдованій и заботъ лучшей части германскаго общества и въ послѣднее время появилось множество произведеній, касающихся или прямо положенія рабочихъ или тѣхъ теорій, которыя создавались для улучшенія положенія рабочаго сословія. Рабочіе выступаютъ дѣйствующими лицами даже въ произведеніяхъ лучшихъ романистовъ. Въ трехъ произведеніяхъ Шпильгагена— „Два поколѣнія“, „Одинъ въ полѣ не воинъ“ и „Между молотомъ и наковальнею“ — рабочіе играютъ довольно значительную роль; такія-же произведенія, какъ романъ представителя одного изъ отдѣловъ рабочаго сословія, Швейцера „Капиталь и трудъ“, отводятъ вопросу о рабочихъ первое мѣсто. Еще серьезнѣе касаются рабочаго вопроса въ ученыхъ произведеніяхъ въ родѣ дѣльнаго труда Берригарда Беккера: въ своей книгѣ „Реакція“ онъ излагаетъ событія въ Германіи, послѣдовавшія за 1848 годомъ.

Названные нами сейчасъ писатели играютъ въ настоящее время въ Германіи далеко не незначительную роль и, какъ это всегда случается съ выдающимися личностями, вызываютъ противъ

себя самую ожесточенную брань, самыя наглыя клеветы, распускаемыя врагами всякаго движенія и развитія; они не постыдились публично спрашивать Швейцера, изъ какихъ средствъ носить онъ брилльянтова запонки и ѣздить въ экипажахъ; они дошли до такой пошлости, что обвиняли Бернгарда Беккера за то, что онъ будто-бы пишетъ статьи въ клерикальной австрійской газетѣ.

Въ послѣднее время кромѣ „Реакціи“ онъ издалъ новую книгу подъ заглавіемъ „Национально-экономическія ракеты“, — сочиненіе, посвященное вопросамъ о національно-экономическомъ государствѣ, о спросѣ и предложеніи, о трудѣ, о процентахъ на капиталъ и рентѣ, о происхожденіи и свойствахъ заработной платы. Кромѣ того онъ обѣщаетъ издать очень интересную книгу, носящую слѣдующее заглавіе: Критика Лассальянизма или Лассальянизмъ, буквально переведенный на нѣмецкій языкъ Сенъ-симонизмъ. Въ объявленіи о выходѣ этой книги говорится: „это сочиненіе возбудитъ величайшее вниманіе. Лассаль, какъ будетъ здѣсь доказано, заимствовалъ свое ученіе до малѣйшихъ подробностей у сенъ-симонистовъ, главнымъ образомъ въ томъ видѣ, какъ оно изложено у младшаго изъ нихъ (Базара), и умолчалъ объ этомъ не только передъ нѣмецкою публикою, но и передъ господиномъ Шульце-Деличемъ, котораго съ полной справедливостію онъ обвинялъ въ литературной кражѣ, совершенной у Бастіа. Это будетъ блистательное доказательство нѣмецкой основательности и нѣмецкой учености: Лассаль переводитъ пунктъ за пунктомъ ученіе Сенъ-Симона на нѣмецкій языкъ и — никто этого не знаетъ, никто этого не подозреваетъ!“

Дѣйствительно, книга, должно-быть, будетъ интересная.

ВИКТОРЪ ГЮГО.

(Окончаніе.)

VI.

Драматическое поприще, которымъ В. Гюго болѣе всего дорожилъ въ началѣ литературной карьеры, наконецъ опротивѣло ему. Постоянныя неудачи съ театральными администраціями, преслѣдованія его драмъ со стороны правительства, наконецъ неудачи его на самой сценѣ отбили у него всякую охоту къ этому труду. Оставивъ драматическую карьеру, онъ погружается въ новую сферу творчества, которое было уже давно его завѣтною мечтою. Мы говоримъ о рядѣ романовъ, которые должны были воспроизводить жизнь среднихъ вѣковъ, какъ основу, изъ которой непосредственнымъ путемъ вытекаетъ, по мнѣнію Виктора Гюго, современное общественное устройство. Въ 1829 году, продавая издателю Гослену свой „Послѣдній день осужденнаго“, Гюго тѣмъ-же самымъ контрактомъ обязуется не позже апрѣля слѣдующаго года доставить рукопись „Notre Dame de Paris“, ради которой онъ втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ приобрѣталъ съ упорнымъ трудомъ свою историческую и антикварскую эрудицію. Въ концѣ года издатель, уже негодуя на автора за его рѣзкій отвѣтъ о непрошеномъ сотрудничествѣ, требуетъ рукописи, грозя въ противномъ случаѣ законнымъ путемъ искать съ него неустойку.

Оказывается, что, поглощенный своими историческими изысканіями, авторъ еще и не принимался за романъ. Нужно было посредничество общаго пріятеля, чтобы добиться отъ Гослена отсрочки на

пять мѣсяцевъ. Но и этотъ срокъ прошелъ, а авторъ еще и не принимался за работу. Онъ приводилъ въ свое оправданіе, что самъ онъ именно въ это время переходилъ на другую квартиру, между-тѣмъ какъ Франція переѣзжала въ другую монархію, --- что въ усложненной такимъ образомъ передрагѣ затерялись тетради выписокъ, безъ которыхъ онъ не могъ приняться за работу. Снисходительный, при всемъ своемъ негодованіи, издатель далъ еще пять мѣсяцевъ срока...

Мы приводимъ эти маловажныя подробности потому, что изъ нихъ ясно видны, во 1-хъ, быстрота, съ которою работалъ Гюго, а во 2-хъ, значеніе, придаваемое имъ своей сценической дѣятельности: нужна была угроза судомъ и неустойкой, чтобы оторвать его отъ нея и возвратитъ къ тому, что еще недавно было любимою задачею его жизни.

Разъ принявшись за работу, Гюго только однажды вышелъ изъ дому, 20 декабря, въ достопамятный день процесса министровъ Карла X. Онъ отправился къ камерѣ перовъ, гдѣ Кремье въ это самое время защищалъ Гернонъ-Равиля. Народное волненіе было сильнѣе, чѣмъ въ самые іюльскіе дни. Національная гвардія, при всемъ своемъ усердіи, еле сдерживала толпу, которая, съ криками: „смерть Полиньяку! смерть министрамъ!“ грозила ворваться въ залу суда. Вынуждены были прекратить засѣданіе. Генералъ Лафайетъ, не желая понять, что онъ пережилъ свою репутацію, самонадѣянно взялъ на себя трудъ укротитъ волненіе. Но едва онъ появился, толпа гаменовъ захватила его и, передавая изъ рукъ въ руки, кричала:

„Не нужно-ли кому-нибудь Лафайета? Вотъ Лафайетъ! Кому онъ нуженъ?“ Привели цѣлый полкъ, чтобы выручать героя стараго и новаго свѣта. Сильно сконфуженный, онъ только лепеталъ: „Я не узнаю свой добрый парижскій народъ“. — „Онъ говорилъ это, замѣчаетъ Гюго, — забывалъ, что этотъ народъ еще болѣе имѣлъ основанія не узнавать своего Лафайета“.

Наконецъ, исписавъ цѣлую бутылку чернилъ, Гюго дописалъ „Церковь парижской Богородицы“.

Что сказать объ этомъ романѣ, о которомъ такъ много было говорено въ свое время и который дѣйствительно дѣлалъ тогда эпоху во французской беллетристикѣ? — Печать того-же каприз-

наго и глубоко-оригинальнаго дарованія лежить на всемъ произведеніи. Страшный образъ Квазимодо, какъ реабилитація високаго нравственнаго чувства, таившагося подъ безобразной физической наружностью, поражалъ въ свое время воображеніе читателей. Вотъ прежде всего отзывъ самого автора объ этомъ романѣ, данный имъ по требованію издателя, для рекламы: „Это живописное изображеніе Парижа въ XV вѣкѣ и XV вѣка по поводу Парижа. Въ одной изъ главъ является Лудовикъ XI; онъ же оказываетъ рѣшительное вліяніе на развязку. Впрочемъ, книга эта не имѣетъ другихъ историческихъ притязаній. кромѣ желанія изобразить съ нѣкоторымъ знаніемъ дѣла и добросовѣстностью нравы, вѣрованія, состояніе законодательства, искусства,—короче говоря, цивилизацію XV столѣтія, но только въ формѣ общихъ обозрѣній и отрывочно“...

Госленъ, извѣгая, вѣроятно, того, что французы называютъ *accumulation de métiers*, ограничивался только тѣмъ, что издавалъ книги. Читала ихъ за него его жена, занимавшаяся вмѣстѣ съ тѣмъ переводами англійскихъ романовъ и имѣвшая нѣкоторое литературное образованіе; она нашла „*Notre Dame de Paris*“ смертельно скучнымъ романомъ и не предвѣщала своему мужу успѣха въ предпріятіи, за которое онъ такъ настойчиво держался. Большинство литературной критики подтвердило отзывъ г-жи Госленъ. Альфредъ де-Мюссе, въ бѣглой библиографической замѣткѣ въ „*Temps*“, шути выводилъ неблагоприятныя предзнаменованія для романа изъ того, что онъ появился въ самый день 13 февраля, когда было разграблено архіепископство и монастырь *Notre Dame* и брошена въ воду архіепископская бібліотека. Пьеръ-Леру, которому Гюго читалъ въ рукописи нѣкоторыя мѣста своего романа, говорилъ, что онъ находитъ этотъ родъ литературы совершенно бесполезнымъ. Изъ журналовъ только одинъ либерально-клерикальный, „*Avenir*“, выходящій подъ редакцію Ламенэ, Монталамбера и Лакордэра, отозвался благосклонно. Первый восторженный отзывъ, который Гюго слышалъ о своей „*Notre Dame*“, исходилъ отъ собрата, Евгенія Сю. Авторъ „Вѣчнаго Жюда“ и „Народныхъ тайнъ“, кажется, одинъ только и обратилъ вниманіе на то, что можно-бы было назвать моралью „Церкви парижской Богородицы“. „Помимо всей поэтичности этого сочиненія, помимо всей роскоши мыслей

и вымысла, я всего болѣе былъ пораженъ въ немъ слѣдующимъ. Квасимодо олицетворяетъ въ вашемъ романѣ внутреннюю, такъ-сказать духовную красоту, Клодъ Фролло—ученость и власть, Фебюсъ де-Шатонерь—красоту, внѣшнюю. Какую прекрасную мысль вы возымѣли сопоставить эти три различные типа нашей природы лицомъ къ лицу съ наивною, полудикою дѣвушкою и заставить ее выбирать между ними. И какъ глупо женствененъ ея выборъ!...“

Опасенія Гослена и предсказанія Мюссе не сбылись: романъ имѣлъ колоссальный успѣхъ въ публикѣ. Издатели накинулись на Гюго, чтобы заранѣе захватить отъ него первое, что ему вздумается впредь написать въ романическомъ родѣ, такъ-же какъ и въ драматическомъ. У него ничего не было не только готоваго, но даже начатаго. Онъ далъ тѣмъ не менѣе два заглавія: „*la Quiquengrogne*“ и „Мать горбатаго“. „Церковь парижской Богородицы“—говоритъ онъ, воспроизводитъ одну церковную сторону среднихъ вѣковъ. „*La Quiquengrogne*“ будетъ воспроизводить ихъ феодальную сторону („*Notre Dame, c'est la Cathedrale; la Quiquengrogne, ce sera le donjon*“).

Средневѣковая трилогія эта не состоялась: сперва театральныя дѣла, затѣмъ политическія событія отвлекли В. Гюго отъ ея исполненія. Впослѣдствіи, когда онъ, послѣ почти двадцатилѣтняго отсутствія, возвращается снова на поприще изящной словесности,—планъ, столь дорогой ему въ молодости, успѣлъ значительно расшириться и развиться въ его сознаніи. Вмѣсто средневѣковой трилогіи, онъ издаетъ „Легенду вѣковъ“, несомнѣнно самый зрѣлый изъ всѣхъ его поэтическихъ сборниковъ. „Легенда вѣковъ“,— такъ-же какъ и „*Notre Dame de Paris*“, только начало, перистиль (какъ выражается Гюго) обширнаго, замышляемаго имъ поэтическаго произведенія, котораго мысль слѣдующая: „изобразить челоувѣчество въ разнообразныхъ его проявленіяхъ,—исторіи, баснѣ, философіи, религіи, наукѣ,—которыя цѣлою своею совокупностью составляютъ единое и величественное восходящее шествіе къ свѣту. Воспроизвести въ своего рода поэтическомъ зеркалѣ этотъ величавый образъ, единый и многосторонній, мрачный и лучезарный, роковой и священный, — челоувѣка — такова честолюбивая мысль или, если хотите, таково честолюбивое при-

тязаніе, породившее „Легенду вѣковъ“. (Предисловіе *Legende des Siècles*, 1859 г., стр. IV.)

Небольшія эпическія поэмы, составляющія этотъ сборникъ и неимѣющія никакой внѣшней между собою связи, должны, — по признанію самого автора, — быть послѣдовательными, хронологическими „очерками человѣчества во всѣ главнѣйшія эпохи его развитія, начиная съ Евы, матери людей, и кончая революціею, матерью народовъ“. Очерки или слѣды, „снятые то съ эпохъ варварства, то съ эпохъ цивилизаціи, но всегда по живому образцу исторіи“. „Это своего рода медальенные отпечатки вѣковъ, продолжаетъ Викторъ Гюго, и, когда все предположенное сочиненіе будетъ окончено, то оно представитъ нѣчто въ родѣ нумизматической коллекціи человѣчества“.

Посмотримъ-же, какаѧ внутренняя связь существуетъ между этими эпическими поэмами, изъ которыхъ одніѧ относятся къ до-историческимъ временамъ, другія къ историческимъ; одніѧ рисуютъ Іегову и Сатану по библейскимъ источникамъ, другія отъа самого поэта, генерала Гюго, „*ce héros ou sourire si doux*“ и полкъ швейцарской гвардіи на службѣ австрійскаго императора, по личнымъ воспоминаніямъ автора, — или-же *двадцатый вѣкъ*, мрачную судьбу, предрекаемую поэтомъ современной цивилизаціи, за аллегорическій символъ которой Гюго принимаетъ извѣстный чудовищный пароходъ „*Leviathan*“ или „*Great-Eastern*“. „Всѣ эти поэмы, отвѣчаетъ авторъ, — столь разнообразны по содержанию, хотя и воодушевлены всѣ одною и тою-же мыслью, имѣютъ между собою только одну связующую нить, часто утончающуюся до того, что она становится непримѣтною; но не прерывается она никогда. Это та таинственная нить прогресса, которая одна и можетъ служить руководящею въ лабиринтѣ человѣчества“. „Для поэта, какъ и для историка, — для археолога, какъ и для философа, каждый вѣкъ есть только новое видоизмѣненіе фізіономіи человѣчества. „*Легенда вѣковъ*“ должна отражать въ себѣ нѣкоторыя изъ этихъ видоизмѣненій“.

Короче говоря, въ мысли автора этотъ сборникъ долженъ быть поэтическимъ фокусомъ исторіи человѣчества. А такъ-какъ въ отдаленныя времена, когда еще не было и помину о научномъ синтезѣ историческихъ явленій, смыслъ цѣлыхъ вѣковъ запечатлѣвался въ баснословныхъ народныхъ сказаніяхъ и народныхъ

легендахъ часто съ гораздо большею яркостью, нежели въ достовѣрныхъ историческихъ фактахъ, — въ томъ видѣ, по крайней мѣрѣ, въ которомъ они дошли до нашего времени, то авторъ не ограничиваетъ своего выбора одною достовѣрною исторіею, а даетъ рядомъ съ нею пріютъ на своихъ страницахъ легендъ и баснѣ.

Онъ усиленно напираетъ на то, что „*Легенда въковъ*“ относительно цѣлаго замышляемаго имъ произведенія играетъ только роль интродукціи или увертюры. „Снисходительный читатель, говоритъ онъ, — подождетъ окончательно судить объ этомъ произведеніи до тѣхъ поръ, пока остальные его части выйдутъ въ свѣтъ“. Уже тогда, т. е. въ 1859 году, авторъ заявляетъ, что вторая часть, уже почти готовая для печати, находится въ его портфель. Тѣмъ неменѣе этотъ поѣтический компендіумъ прошедшей, настоящей и будущей исторіи человѣчества до сихъ поръ дѣлать участь помянутой средневѣковой трилогіи. Чтобы уяснить, насколько возможно, ту точку зрѣнія, на которую авторъ желаетъ поставить снисходительнаго судью и читателя „*Легенды въковъ*“, мы соберемъ здѣсь отрывочныя указанія, которыя даетъ самъ авторъ, на основной характеръ и дополнительный смыслъ общаемаго имъ продолженія и окончанія. Цѣлое сочиненіе должно состоять изъ трехъ книгъ: „*Легенда въковъ*“, „*Конецъ стваны*“ — и „*Богъ*“, т. е. *человѣчество, — зло и безконечность*. — Изъ сопоставленія этихъ „трехъ сторонъ бытія“ (какъ выражается онъ на языкѣ своей произвольной, но, кажется, удобопонятной философіи) авторъ самъ выводитъ слѣдующее внутреннее единство содержания для разбираемаго здѣсь поѣтического сборника: „показать постепенное изъ вѣка въ вѣкъ развитіе человѣческаго рода, — восхожденіе человѣка отъ первобытнаго мрака къ идеальному свѣту, преобразованіе въ рай земного ада, — медленное, но непрерывное расцвѣтаніе свободы“. Короче говоря, преемственную прогрессивность историческихъ явленій.

Мы распространяемся о предисловіи потому, что считаемъ его чрезвычайно важнымъ для оцѣнки намѣреній автора. Планъ „*Легенды въковъ*“ составляетъ въ нашихъ глазахъ заслугу автора и значительный шагъ, совершенный имъ на пути внутренняго своего развитія со времени выхода въ свѣтъ его предыдущихъ стихотворныхъ сборниковъ и даже лучшихъ изъ его драмъ. Что касается исполненія, — это совершенно другое.

Прекрасная мысль дурно исполненная остается только прекрасною мыслию. Гюго совершенно въ правѣ сказать тѣмъ, кто не удовлетворяется его исполненіемъ, классическое „*faciant meliora potentes*“ . (Пусть дѣлаютъ тѣ, кому больше по силамъ.).

Мы не думаемъ однакоже утверждать, будто „*Легенды вѣковъ*“ въ цѣломъ слабое и неудавшееся произведеніе. Совершенно напротивъ. Очень многія изъ эпическихъ поэмъ, составляющихъ эту книгу, заслуживаютъ, по нашему мнѣнію, весьма почетнаго и первостепеннаго мѣста въ ряду отборнѣйшихъ произведеній не только французской, но и всякой другой современной поэзіи. Нельзя не отдать должной справедливости его сжатости и энергіи, съ которою онъ концентрируетъ всю длинную эпоху паденія древняго Рима въ одномъ относительно краткомъ стихотвореніи „*Андрокловульву*“, котораго онъ избираетъ своимъ героемъ, потому что сей дикій царь вѣковъ „одинъ сохраняетъ человѣческія чувства, когда весь родъ людской соперничаетъ съ дикими звѣрями въ свирѣпости и скотской чувственности. Можно-бы возразить, пожалуй, что, въ своихъ средневѣковыхъ мотивахъ, занимающихъ значительную долю этого тома, онъ непропорціонально много варьируетъ одну и ту-же тему хищничества и разбоя; но онъ, очевидно, предвидя такое замѣчаніе, оговаривается въ своемъ предисловіи тѣмъ, что „сторона грабежа, споліаціи и захвата играетъ въ средневѣковой исторіи черезъ-чуръ видную роль“, а потому онъ счелъ нужнымъ въ отдѣльныхъ произведеніяхъ развить ея различныя проявленія. По мѣрѣ удаленія отъ среднихъ вѣковъ, философское значеніе этихъ произведеній примѣтно слабѣетъ. Богатая эпоха возрожденія вдохновляетъ автора на довольно длинную аллегорію, озаглавленную „*Сатурнъ*“ и долженствующую изображать собою пробужденіе западно-европейскихъ народовъ отъ своего вѣкового сна. Самою формою этой поэмы авторъ, очевидно, хочетъ заплатить дань эллинизму изображаемой имъ эпохи. Но мы на этотъ счетъ держимся прудоновскаго мнѣнія и, лично для себя, твердо убѣждены, что, когда художникъ призываетъ къ себѣ на помощь всѣхъ боговъ Олимпа, пускается на аллегоріи и на мифы, то это обозначаетъ только, что впечатлѣніе слабо въ немъ самомъ и онъ не можетъ подобрать для него болѣе реальныя образы. „*Роза Инфанты*“, изображающая Филиппа II въ тотъ моментъ, когда онъ ждетъ вѣстей о своей непо-

бѣдимой армадѣ, сводится авторомъ на несовѣмъ умѣстное въ подобной книгѣ подтвержденіе еклезіастовской истины о тщетѣ всего земного. Зато „*разсужденія Момотомы*“ по силѣ и выразительности едва ли не лучшее произведеніе цѣлаго сборника. Это стихотвореніе, занимающее всего-на-все двѣ странички, единственное, посвященное авторомъ его считамъ съ католическимъ клерикализмомъ. — „*Полкъ Мадрусса*“, желчный дифирамбъ противъ швейцарской республики, можетъ быть названъ прекраснымъ во многихъ отношеніяхъ; но только едва ли это стихотвореніе исчерпываетъ хоть сотую долю того, что долженъ былъ-бы сказать поэтъ, задавшійся тѣмъ планомъ, который Викторъ Гюго развиваетъ въ своемъ предисловіи... За этимъ непосредственно слѣдуетъ настоящее время, отличающееся въ „*Легендѣ вѣковъ*“ совершенною безцвѣтностью, не знаю впрочемъ, умышленно-ли со стороны автора. „*Двадцатый вѣкъ*“ и „*Внѣ времени*“ завершаютъ собою этотъ томъ; но мы рѣшительно не знаемъ, что сказать объ этихъ мистическихъ, туманныхъ предсказаніяхъ, имѣющихъ опредѣленнаго въ себѣ только свой мрачный колоритъ, несовѣмъ гармонирующій по оставляемому имъ впечатлѣнію съ тѣмъ, что авторъ выше говорилъ о восходящемъ шестивіи къ лучезарному прогрессу...

Мы умолчали о нѣсколькихъ первоначальныхъ отдѣлахъ, которые Гюго наполняетъ отчасти переводами изъ Библии и Евангелія, отчасти-же собственными созданіями на библейскія темы. Изъ послѣднихъ приводимъ въ видѣ образчика и ради его краткости „*Храмъ*“ въ слѣдующемъ почти подстрочномъ переводѣ:

Искалъ ваятели для храма Моисей.

Богъ рекъ ему:—избрать двухъ должно къ этой цѣли,

Чтобъ, каждый слѣдуя наклонности своей,

И *жизнь* и *идеалъ* ваять они умѣли.

...Повторяемъ: и планъ сочиненія, развитый авторомъ „*Легенды вѣковъ*“; и большая часть ея стихотвореній, взятая въ отдѣльности, кажутся намъ очень хороши. Но только ихъ не слѣдуетъ сопоставлять вмѣстѣ. Руководящая нить, о которой говорить Гюго, дѣйствительно, часто утончается до того, что ее нѣтъ никакой возможности уловить. Авторъ кое-что очень удовлетворительно понимаетъ и разъясняетъ въ этой книгѣ, многое об-

рисовывасть съ замѣчательнымъ мастерствомъ. Но только всего меньше остается въ ней объясненной и обрисованной прогрессивная преемственность вѣковъ или тотъ процессъ „вылуцленія изъ яйца исторія зародыша чловѣческаго счастья и свободы“, который, судя по словамъ предисловія, долженъ-бы былъ составлять внутреннее содержаніе этого прекраснаго сборника.

Послѣ „Легенды вѣковъ“, Гюго издалъ еще „Уличныя и лѣсныя пѣсни“ (Les chansons des rues et des bois), которыхъ разбирать здѣсь мы не имѣемъ намѣренія. Замѣтимъ только, что эти послѣднія стихотворенія крайне скандализировали блюстителей литературнаго благочинія своимъ ультра-демократическимъ характеромъ, иногда нагою рѣзкостью выраженія и эротичность нѣкоторыхъ мотивовъ, вовсе не выходящей за предѣлы того, что французы привыкли читать съ наслажденіемъ у большинства своихъ мило-гривуазныхъ постовъ, по почему-то поставляемой враждебными критиками въ укоръ самому цѣломудренному изъ современныхъ французскихъ беллетристовъ.

VII.

Съ началомъ сороковыхъ годовъ въ литературной дѣятельности Гюго совершается перерывъ, продолжающійся до самаго появленія „Легенды вѣковъ“, т.-е. до 1859 года. Въ этомъ промежуткѣ является, правда, „Napoléon le petit“ (въ прозѣ) и его продолженіе въ стихахъ „Les Châtiments“, но они ничего не прибавляютъ къ его литературному значенію, хотя по своей мѣткости и страстности и могутъ служить образцомъ великихъ политическихъ памфлетовъ. Противники упрекаютъ ихъ въ излишней *личности*. Но какая-же страсть безлична? а политика въ разбираемомъ нами дѣятелѣ—положительно страсть, и мы готовы почти добавить—страсть несчастная.

Съ самаго своего назначенія нѣромъ Франціи (1843 г.) до начала своего изгнанія послѣ государственнаго переворота 2-го декабря, поэтъ всецѣло отдается этой страсти, и, втеченіе болѣе чѣмъ восьми лѣтней своей политической карьеры, онъ одинъ разъ только, на нѣсколько дней, въ критическую минуту, „становится

во весь ростъ“, являясь въ числѣ немногихъ, рѣшившихся защищать Францію уже тогда, когда всякая защита была немислима... Въ эту минуту Гюго, вмѣстѣ съ Лафлотомъ и Берье, принявъ на себя трудную роль руководителя, „комитета защиты“, могъ высказать только богатый запасъ твердой воли и политической вѣрности своимъ убѣжденіямъ, таившійся въ немъ. Можетъ быть, сдѣланнаго имъ въ эту критическую минуту и было-бы вполне достаточно, чтобы во время Тарквинія и Брута сдѣлать изъ него доблестнаго цивическаго героя.

Mais, dans ce siècle d'aventure

Chacun, hélas! se doit à tout...

Если, воздавъ должную дань его честному самопожертвованію въ минуту кризиса, мы обратимся къ тому, что дѣлалъ онъ въ болѣе спокойныя и нормальныя минуты, будучи перомъ во время буржуазной монархіи, затѣмъ народнымъ представителемъ послѣ февральской революціи,—то намъ очень мало придется добавить къ тому, что уже было сказано о его дѣйствительно-почтенной и упорной борьбѣ противъ гильотины.

Вмѣсто того, чтобы слѣдить шагъ за шагомъ за непримѣтною политическою дѣятельностью Гюго и въ палатѣ перовъ, и въ республиканскомъ законодательномъ собраніи, постараемся лучше изобразить здѣсь его политическое міросозерцаніе, которое, въ эпоху написанной имъ самимъ автобіографіи, т. е. въ началѣ буржуазной монархіи, остановилось на уже изложенномъ универсальномъ любвеобиліи, изливавшемся на Вандею и на императора, на короля и на народъ и т. д. Очевидно, что съ такою политическою исповѣдью убѣжденій Викторъ Гюго недалеко могъ уйти на поприщѣ активной политики. А между тѣмъ, несмотря на то, что самъ онъ имѣетъ слишкомъ много удобныхъ случаевъ высказать то, что одытъ и размышленія должны были добавить съ тѣхъ поръ къ его несложному и безхитроственному нравственно-политическому кодексу,—несмотря на то, что мы имѣемъ подъ рукою чрезвычайно, даже черезъ-чуръ подробное его жизнеописаніе, авторъ котораго съ нѣжною женскою заботливостью о личности и о славѣ поэта, помѣчаетъ рѣшительно все, могущее прямо или косвенно служить въ пользу той или другой, — мы видимъ, что запасъ систематически сознанныхъ политическихъ истинъ у Гюго, пэра Франціи или депутата законодательнаго собранія, такъ-же бѣ-

день, какъ у Гюго, автора восточныхъ стихотвореній или „Осеннихъ листьевъ“. Это еще положительнѣе явствуетъ изъ того, какъ онъ въ минуты политическихъ кризисовъ постоянно обращаетъ глаза свои вспять, заботится о томъ, чтобы не выказаться слишкомъ неблагодарнымъ къ павшему порядку. Такъ, въ минуту перваго установленія июльской монархіи, онъ распространяется въ стихахъ и въ прозѣ о личныхъ достоинствахъ Карла X, а во время наступленія республики, онъ поглощенъ трагическою судьбою Люи-Филиппа. Благодарность, конечно, чрезвычайно похвальное чувство, но съ другой стороны, при подобныхъ переходахъ цѣлой націи отъ одной формы правленія къ другой, люди, стоящіе у кормила общественнаго корабля, едва-ли могутъ имѣть время предаваться чувствамъ даже наиболѣе прекраснымъ и возвышеннымъ, но неизмѣющимъ живого и непосредственнаго отношенія къ дѣлу... По мнѣнію даже наиболѣе спускательныхъ его суждей, Викторъ Гюго на политическомъ поприщѣ остается слишкомъ поэтомъ. А это равняется признанію, что онъ, выступая на только-что помянутую арену, очевидно, сбился съ пути, оставилъ ничѣмъ непополненный пробѣлъ въ своей литературной карьерѣ, гораздо болѣе обильной даже политическимъ значеніемъ, чѣмъ самая его трибунская дѣятельность.

При небогатомъ запасѣ систематизированныхъ политическихъ воззрѣній, Гюго обладаетъ въ высшей степени прогрессивно-общественнымъ чутьемъ, способностью, какъ-будто даже помимо воли, распатывать больные зубы общества, вередить общественныя язвы. Верхомъ проявленія этой его способности можно принять почти любую изъ его драмъ. Очень можетъ быть, что самъ онъ совершенно искренно отвѣчалъ министру д'Аргу по поводу затрудненій съ его „Маріонъ Делормъ“, что въ драмахъ его отнюдь не слѣдуетъ искать политическихъ намековъ, что, когда онъ рисуетъ Людовика XIII, то это изображеніе только и имѣетъ значеніе, какъ историческій портретъ Людовика XIII. Но всѣ подобныя его заявленія не могли-же въ самомъ дѣлѣ помѣшать публикѣ находить политическіе намеки и реформаціонный протестъ противъ современности тамъ, гдѣ авторъ, можетъ-быть безсознательно, разсѣвалъ ихъ на каждомъ шагу. Разумѣется, право было министерство, когда оно за плохой съ исторической и эстетической точки зрѣнія драмою „Le roi s'amuse“ признавало огромное

памфлетическое значеніе и запретило ее послѣ перваго-же представленія, но не былъ правъ поэтъ, когда онъ увѣрялъ, что драма эта не больше, какъ историческое обличеніе давно отжившаго. — Можетъ быть, изображая въ своемъ „*Рюи-Блазъ*“ истинное благородство чувствъ и блистательныя дарованія облеченными въ лакейскую ливрею, рядомъ съ преступностью и пошлостью испанскихъ грандовъ, поэтъ и самъ не замѣчалъ, какъ близко онъ подходилъ къ вопросамъ, уже поднятымъ другими дѣятелями на поприщѣ теории общественности... Мы тѣмъ охотнѣе вѣримъ искренности всѣхъ подобныхъ его заявленій, что, если-бы онъ дѣйствительно сознавалъ, въ чемъ заключается его истинная сила и значеніе, то онъ, по всей вѣроятности, экономнѣе распорядился-бы своимъ талантомъ и иначе сгруппировалъ-бы свою дѣятельность. Это съ нашей стороны не голословное предположеніе, такъ-какъ борьба Виктора Гюго съ гильотиною представляетъ живой примѣръ такой экономіи силъ.

Десять лѣтъ политическихъ тревоженій и почти двадцать лѣтъ наступившаго затѣмъ изгнанія уяснили Виктору Гюго тотъ путь, на которомъ дарованіе его можетъ дать лучшій плодъ и наиболѣе сообразный съ естественнымъ его складомъ. Такъ, на примѣръ въ письмѣ, которымъ джерсейскій изгнанникъ отвѣчаетъ Пальмерстону на его отказъ въ помилованіи Тапнеру (1854 г.), онъ говоритъ: „Повѣсить человѣка! ба! велика важность!.. Герней, Тапнеръ!—надо микроскопъ, чтобы видѣть это, въ то время какъ на Востоку гремятъ пушки, клубомъ стоитъ пороховой дымъ!.. Нѣтъ, милостивые государи, эта веревка, эта перекладина, этотъ трупъ представляютъ собою вопросъ социальный, важнѣе всѣхъ политическихъ вопросовъ... Мелочь—ваши пушки, ваша политика, вашъ дымъ... Государственный мужъ! межъ двухъ протоколовъ, межъ двухъ обѣдовъ, межъ двухъ улыбокъ вы нажимаете вашимъ пальцемъ въ бѣлой перчаткѣ пружину висѣлицы; доска выпадаетъ изъ-подъ ногъ несчастнаго — и онъ повѣшенъ... Но берегитесь. Будущее наступаетъ. Вы считаете живымъ то, что умерло; то, что вы считаете мертвымъ,—живо“...

Такое отрицаніе политики стоитъ своей политической программы, и оно становится основною мыслью всей дальнѣйшей дѣятельности Гюго.—Съ тѣхъ поръ какъ «*Послѣдній день осужденнаго*» связалъ имя Гюго съ вопросомъ объ отмѣнѣ смертной

казни и сочувствіе общественнаго мнѣнія стало ему опорой въ начатой борьбѣ, Франція много разъ мѣняла форму правленія: мѣнялись лица, убѣжденія, партіи, стоявшія во главѣ ея управленія. Одна гильотина,—этотъ, никѣмъ серьезно незащищаемый бичъ современной цивилизаціи,—оставалась неизмѣнною. Для Гюго это былъ живой примѣръ безсилія политиканства въ борьбѣ съ серьезнымъ общественнымъ зломъ. „Австрія имѣеть Гейнау, говоритъ онъ въ письмѣ къ редактору *“Indépendance Belge”*. имѣющемъ цѣлю тоже спасти девять осужденныхъ! — но и у республикъ есть свои Тальяферы“. Къ тому-же, во время своего изгнанія, онъ видитъ парламенчески-свободную Англію и федеративную Швейцарію, даже классическую землю гражданскихъ вольностей—сѣверную Америку, точно также помѣченными кровавымъ пятномъ... Этого для него совершенно достаточно, чтобы убѣдиться, что поприще полезнаго общественнаго дѣятеля не клиномъ сошло на недоступной ему карьерѣ политическаго вождя партіи или оратора. И вотъ, шестидесятилѣтнимъ старикомъ онъ возвращается на путь, на которомъ тридцать-пять лѣтъ тому назадъ онъ пожиналъ лавры. Когда онъ успокоился отъ политическихъ волненій, когда гостепріимный берегъ свободнаго острова Уайта далъ изгнаннику мирный и ничѣмъ невозмущаемый пріютъ, В. Гюго снова принялся за свою литературную дѣятельность. Въ началѣ 1862 года выходитъ романъ „*Les misérables*“. Онъ служитъ продолженіемъ „Послѣдняго дня осужденнаго“, — продолженіемъ исправленнымъ и дополненнымъ, сообразно уяснившимся и расширившимся съ тѣхъ поръ взглядамъ автора.

VIII.

Ровно черезъ четыре года явился другой его романъ „*Работники Моря*“ (*Les travailleurs de la mer*). Благодаря необыкновенному успѣху его прежнихъ романовъ, въ особенности послѣдняго, „Работники моря“ ожидалась съ нетерпѣніемъ публикой и были переведены на всѣ европейскіе языки. И ожиданія вполнѣ оправдались. Произведеніе вышло мощное, отмѣченное такими живыми и ярко-очерченными характерами, которые рѣдко

встрѣчаются въ французской беллетристикѣ. „Изгнаніе, соединенное съ политической вѣрой въ лучшее будущее Франціи, заимѣли Сэнъ-Бёвъ, даетъ В. Гюго новую силу творчества, небывалую до сихъ поръ энергію выраженія его идей и образовъ. Деспотизмъ, связавъ его тѣло, развязалъ его духъ, и В. Гюго изъ романтика дѣлается великимъ публицистомъ своего времени“. (Etudes littéraires, Paris, 1867. p. 108). Дѣйствительно, въ послѣднихъ своихъ романахъ В. Гюго отънывается на всѣ общественные вопросы, которые волнуютъ его поколѣніе и составляютъ жгучую боль нашего времени. Это уже не поэтъ средневѣковой исторіи, окрашивающій ее своимъ фантастическимъ свѣтомъ, не панегиристъ Людовика XVIII, а глубокій мыслитель и политическій дѣлатель своей эпохи. Онъ болѣе не держитъ насъ на холодныхъ высотахъ своего отвлеченнаго творчества, какъ реставраторъ могильныхъ скелетовъ, превращаемыхъ имъ въ идеальные образы, а рисуетъ передъ нами дѣйствительную жизнь съ ея дѣйствительными невзгодами и борьбой; это уже не легендарный міръ, не лирическія картины восточной природы и чудеса восточной роскоши, а всѣмъ близкое и понятное страданіе или осужденнаго преступника, который за украденный имъ кусокъ хлѣба для голодныхъ дѣтей носить на своихъ мозолистыхъ ногахъ цѣпи впродолженіи девятнадцати лѣтъ каторжной работы, или несчастнаго ребенка, уродуемаго *компрачикосомъ* для забавы скучающаго счастливца или уличнаго зѣваки. Однимъ словомъ, въ послѣднихъ произведеніяхъ В. Гюго изъ-подъ художника, отступающаго на задній планъ, сильнѣе и сильнѣе пробивается общественный дѣлатель.

Подъ вліяніемъ этой идеи написаны имъ „Работники моря“. Героями въ нихъ являютя два противоположные типа—Рантэнъ и Клюбэнъ, идеалы лицемѣра и мошенника, и Джилліатъ—лицетворенная честность и самоотверженіе, руководимыя страстной любовью къ хорошенькой дѣвушкѣ, Дерюшеттѣ. Первый губитъ месса Летъери, второй спасаетъ его цѣною своей жизни. Сценою дѣйствія этого романа служитъ море, съ его страшными бурями и кораблекрушеніями, съ отважными моряками и хитрыми контрабандистами. Содержаніе „Работниковъ моря“ очень просто. Летъери, старый морякъ, обитатель острова Гернсея, мало-по-малу приобрѣтаетъ себѣ небольшое состояніе и начинаетъ наслаж-

даться жизнию обеспеченнаго человѣка. Онъ беретъ къ себѣ на воспитаніе дочь своего брата Дерюшетту, заботится о ней, какъ о своемъ родномъ дѣтищѣ, воспитывая ее въ холѣ и нѣгѣ. Къ этой-то Дерюшеттѣ и питаетъ тайную, но горячую любовь герой моря, Квазимодо XIX вѣка, суровый и угрюмый Джиллиатъ. Между тѣмъ, какъ Дерюшетта разцвѣтаетъ на радость своего дяди, Летьери богатѣетъ и, расширяя кругъ своей дѣятельности, пускается въ смѣлыя промышленныя предпріятія; онъ заводитъ обширныя торговныя сношенія съ сосѣдними портами и начинаетъ пользоваться уваженіемъ своего мѣстнаго населенія. Онъ внутренно самодоволенъ, потому-что его упорный и многолѣтній трудъ увѣнчался успѣхомъ; онъ независимъ и счастливъ и въ своей внѣшней жизни, потому-что никому, кромѣ себя, ничѣмъ не обязанъ. Но въ то самое время, когда онъ считалъ себя на верху своего благополучія, ему готовился втайнѣ ударъ его коварнымъ компаньономъ Рантэномъ. Это одна изъ тѣхъ фигуръ, которыя формируются на самомъ днѣ грязнаго соціального омуты, и, сформировавшись, выходятъ на свѣтъ божій вполне готовыми негодяями, которые потомъ не горятъ въ огнѣ и не тонуть въ водѣ. В. Гюго мастерски очерчиваетъ личности этого сорта, и обрисованный имъ видокъ Жаверь въ романѣ „Злосчастные“ можетъ конкурировать съ лучшими типами шекспировской кисти. Рантэнъ былъ авантюристъ въ самомъ разнообразномъ значеніи этого слова. „Онъ былъ поваромъ на Мадагаскарѣ, содержателемъ птичьяго двора на Суматрѣ, генераломъ въ Гопопулѣ, религіознымъ журналистомъ на Галапагосскихъ островахъ, поэтомъ въ Умрауати и масономъ въ Гаити... Но личина масона не мѣшала ему украшаться лжекатолической рожей. Первая сближала его съ людьми прогресса, вторая—съ людьми порядка... Онъ былъ невольникомъ у какого-то триполійскаго талеба и изъ-подъ палки внучился здѣсь турецкому языку; его обязанность заключалась въ томъ, что онъ долженъ былъ по вечерамъ отправляться къ воротамъ мечетей и читать предъ правовѣрными коранъ, написанный на деревянныхъ дощечкахъ или на верблюжьихъ лопаткахъ... Онъ былъ способенъ на все, чтобы не выразиться хуже. Онъ заливался хохотомъ и хмурилъ брови въ одно и то-же время. Сила, служившая коварству, — вотъ кто былъ Рантэнъ“. Мессъ Летьери, совершенно противоположная личность Рантэну, не-

смотря на эту противоположность, сошелся съ авантюристомъ, увлекшись его силой и смѣлостью. Онъ принялъ его своимъ компаньономъ и сдѣлалъ довѣреннымъ своихъ дѣлъ и капиталовъ. Но хищный звѣрь только выжидалъ благопріятной минуты, чтобы напасть на свою добычу. Въ одинъ прекрасный день Рантэкъ вдругъ исчезъ съ острова Гернсея, обокравъ Летъери на пятьдесятъ тысячъ франковъ. Летъери потерялъ почти все, но не упалъ духомъ. Кое-какъ оправившись отъ своего разоренія, онъ сталъ думать, какъ пособить своему несчастію. Тутъ у него блеснула мысль попробовать пустить въ ходъ замаранную машину Фультона и, устроивъ пароходъ, соединить паровымъ сообщеніемъ англійскій берегъ съ Франціей. И вотъ не болѣе, какъ черезъ полгода его галіотъ „названный Дюрандой, вошелъ въ море на всѣхъ парахъ изъ порта Сэнъ-Сансона. Какъ водится, нововведеніе Летъери было встрѣчено всеобщимъ хохотомъ людей недалекихъ и негодованіемъ—пошлыхъ. Пароходъ его провозглашенъ былъ „бѣсовскимъ изобрѣтеніемъ“, но дешевизна и правильность рейсовъ скоро убѣдили нейтральныхъ, что паръ служить лучше паруса и потому „бѣсовская лодка“ вошла въ общее употребленіе. Счастье снова улыбнулось предприимчивому Летъери; но такъ-какъ въ жизни на одного честнаго человѣка приходится по десяти Рантэновъ, то явился новый мошенникъ, рѣшившійся ограбить Летъери. Это былъ нѣкто Клюбэнъ, умѣвшій такъ лицемерить, что его считали образцомъ добросовѣстнаго моряка. Напавъ на слѣды Рантэна, Клюбэнъ вооружился шестиствольнымъ револьверомъ и, приставивъ его дуло къ самому горлу Рантэна, отнялъ у него украденныя имъ деньги,—но не съ тѣмъ, чтобы возвратить ихъ Летъери, а завладѣть ими въ свою пользу. Планъ и исполненіе его были совершенно достойны такой личности, какъ Клюбэнъ. „Это былъ человѣкъ, выжидавшій случая. При маленькомъ ростѣ и желтизѣ лица, онъ обладалъ силою быка. Море не могло затупевать его. Мясо его казалось слѣпленнымъ изъ воска. Цвѣтъ его кожи напоминалъ восковую свѣчку, а глаза его горѣли ея тусклымъ блескомъ. Память его была какою-то особенною, несокрушимою силой. Разъ видѣтъ человѣка для него значило тоже, что набросить замѣтку въ своей записной книжкѣ. Его лаконическій взглядъ охватывалъ предметъ со всѣхъ сторонъ. Его зрачокъ, такъ сказать, сни-

малъ копію съ лицъ и передавалъ ее памяти для храненія. Пусть себѣ старѣеть, сколько хочеть, это лицо,—отъ сьеры Клюбена оно не спрячется. Не было никакой возможности обмануть эту всепоглощающую память. Сьеръ Клюбенъ былъ сжать въ словахъ, разсудителенъ, холоденъ и заклятый врагъ жестовъ. Многіе считали его простодушнымъ; въ углубленіи его глазъ были складки, обличавшія какую-то непомятну ю глупость. Это былъ морякъ, едва-ли имѣвшій себѣ соперниковъ въ этой профессіи: никто искуснѣе его не могъ поставить гальсы, понизить точку вѣтра или поддерживать силу ориентированнаго паруса. Всѣ его считали набожнымъ и честнымъ чело вѣкомъ. Кто вздумалъ-бы подозрѣвать его въ чемъ-нибудь недобромъ, тотъ самъ рисковалъ сдѣлаться подозрительнымъ лицомъ. Клюбенъ велъ дружбу съ господиномъ Ребюше, *мѣнялою* въ городѣ Сень-Мало, на улицѣ Сень-Винсенъ, рядомъ съ оружейникомъ, и господинъ Ребюше говорилъ: *Я отдаю-бы на сохраненіе сьеру Клюбену всю свою лавку.* Сьеръ Клюбенъ былъ вдовецъ. Его жена была честная женщина, подобно ему, пользовавше муса репутаціей честнаго мужчины. Она умерла, оставивъ послѣ себя славу непоколебимой добродѣтели. Если бы суды вздумалъ нашептывать ей сладкія побасенки, она пожаловалась бы на него королю. Эта чета—сьеръ и мадамъ Клюбенъ осуществляли въ Тортевалѣ идеалъ англійской *достопочтенности*. Мадамъ Клюбенъ была лебедушка; сьеръ Клюбенъ былъ горла-стайчикъ. Онъ умеръ-бы отъ малѣйшаго на себѣ пятнышка. Найдя булавку, онъ описывалъ ея хозяина. Онъ готовъ былъ объявлять барабаннымъ боемъ о найденной имъ коробочкѣ спичекъ. Разъ въ Сень-Серванѣ онъ вошелъ въ трактиръ и сказалъ его содержателю: три года тому назадъ я здѣсь завтракалъ, и вы ошиблись въ сдачѣ. Сказавши это, онъ возвратилъ трактирщику шестьдесятъ пять сантимовъ. Этотъ безпримѣрно честный чело вѣкъ имѣлъ привычку покусывать себѣ губы, какъ-бы напрягая вниманіе. Онъ точно кого-то подстерегалъ. Но кого? Безъ всякаго сомнѣнія мошенниковъ".

Вотъ этотъ-то *набожный и честный* Клюбенъ составилъ довольно хитрую западную мессу Летъери. Какъ капитанъ, управлявшій пароходомъ „Дюрандой“ въ морѣ, онъ рѣшился посадить ее на утесъ и, подъ предлогомъ этого кораблекрушенія, скрыть свое имя

и свою дальнѣйшую судьбу послѣ того, какъ онъ завладѣлъ деньгами Летьери, отнятыми имъ у Рантена. Планъ его удался вполнѣ. Воспользовавшись туманомъ и напоивъ до-пьяна кормчаго, онъ пустилъ пароходъ на всѣхъ парахъ и черезъ нѣсколько минутъ ударилъ его прямо о скалу, на которой онъ и повисъ. Высадивъ экипажъ въ лодку, онъ привинулся самоотверженнымъ капитаномъ, нежелающимъ разстаться съ погибающимъ кораблемъ. На самомъ же дѣлѣ, онъ думалъ дожидаться какогонибудь контрабандистскаго судна и на немъ „дать тягу“ подальше отъ острова Гернгера. Но на этотъ разъ и Клюбэнъ обсчитался. Неизвѣстно какъ, но онъ очутился въ клещахъ краббовъ, въ углубленіи той самой скалы, на которую посадилъ „Дюранду“. Впослѣдствіи его трупъ, полусгнившій и изъѣденный раками, найденъ былъ Джилліатомъ. Когда дошла вѣсть о гибели „Дюранды“ до сэньсансонскаго порта, бѣдный Летьери помѣшался отъ этого новаго удара. Но тутъ является къ нему на помощь Джилліатъ, котораго одушевила любовь къ Дерюшеттѣ такимъ мужествомъ, какого только можно ожидать отъ человѣка. Онъ отправился къ погибшему кораблю и, проработавъ на голыхъ утесахъ, среди всевозможныхъ лишеній и опасностей открытаго моря, болѣе двухъ мѣсяцевъ, спасъ Летьери его „Дюранду“ и возвратилъ ему 75,000 франковъ, найденныя имъ въ поясѣ, который онъ снялъ съ утопшаго Клюбэна. Наградой ему за этотъ подвигъ была Дерюшетта.

Борьба Джилліата съ моремъ, — борьба человѣческой силы со всѣми препятствіями природы и побѣда надъ ними составляютъ главную идею романа. Читатель чувствуетъ, что въ драматическомъ положеніи Джилліата скрывается глубокой смыслъ той постоянной и безконечной борьбы человѣка, которую онъ ведетъ съ враждебными ему стихіями, будетъ-ли это море, или общественная жизнь. И для нашихъ чаклхъ эстетиковъ, наблюдающихъ природу съ заднихъ дворовъ петербургскаго міра, мы рекомендовали-бы болѣе близкое знакомство съ отдѣльными картинами, которыми обставлена житейская драма Викторомъ Гюго. Такъ, напримѣръ, описаніе морскаго урагана представлено талантливымъ авторомъ такъ живо, отчетливо и вѣрно дѣйствительному явленію природы, что подобныхъ страницъ мы не много встрѣчаемъ вообще въ европейской литературѣ. Здѣсь видѣнъ не художникъ, озирающій міръ

изъ своего окна, не чахоточный эстетикъ, восторгающійся красотами природы подъ тѣнью ободранной русской березки, а человекъ, видѣвшій собственными глазами и глубоко прочувствовавшій то, что онъ описываетъ.

Послѣ „Работниковъ моря“ В. Гюго далъ новое произведение „Смѣхъ сквозь слезы“ (L'Homme qui rit), но этотъ послѣдній его романъ еще такъ недавно былъ прочитанъ читателями нашего журнала, что мы считаемъ лишнимъ останавливаться на немъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что литературная карьера В. Гюго еще далеко не кончена и мы надѣемся, что изъ-подъ его пера еще появятся достойныя его таланта произведенiя. Одного мы желали-бы этому замѣчательному романисту—отдать свой талантъ всецѣло на служенiе общественному дѣлу нашей эпохи. И чѣмъ онъ дальше отойдетъ отъ своихъ отвлеченныхъ идей и образовъ, и тверже ступитъ на почву социальныхъ вопросовъ, тѣмъ гуманизирующее влiянiе его на современное поколѣнiе будетъ выше и благотворнѣе. Талантъ нашего времени—общественная собственность и дѣло его—дѣло того народа, которому онъ служить.

Э. Денегри.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НАРОДНЫЙ РЕАЛИЗМЪ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ.

Сочиненія О. Рѣшетникова, 2 части. Спб. 1869. Подмиповцы. Этнографическій очеркъ. Спб. 2 ч. 1870. *Гдѣ лучше?* Романъ въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1870. *Свое мѣсто.* Романъ въ 2-хъ частяхъ. О. Рѣшетникова. Спб. 1870.

I.

Умеръ Рѣшетниковъ. Зная жизнь его, нельзя говорить о его произведеніяхъ съ холоднымъ безпристрастіемъ министерскаго доклада. Предъ нами изстрадавшійся человѣкъ...

Чтобы понять Рѣшетникова, нужно знать его жизнь и нужно знать исторію общества, его создавшаго. Въ Рѣшетниковѣ нѣтъ ничего, что-бы напоминало русскую литературу предшествовавшаго періода. Въ сочиненіяхъ Рѣшетникова все иное, все не такъ; не тотъ міръ, не тѣ люди, не тотъ языкъ, не та жизнь, не тѣ радости, даже не то горе и не тѣ интересы. Точно путешествуешь въ новой незнакомой части свѣта, въ какой-нибудь Океаніи. Даже Петербургъ перестаетъ быть сѣверной Пальмирой и становится неизвѣстнымъ, вновь открытымъ городомъ.

Читал Рѣшетникова и читал Тургенева, Гончарова, Писемскаго и другихъ беллетристовъ той-же школы, чувствуешь два несогласимыхъ противорѣчія, двѣ неподходящія и несмѣшивающіяся среды, двѣ ни въ чемъ непохожія жизни. Щемитъ васъ и Тургеневъ, щемитъ и Рѣшетниковъ; но щемленье не походитъ

одно на другое. Прочитаешь Рѣшетникова, и становится стыдно, что могъ жить страданіями, живущими въ „дворянскихъ гнѣздахъ“, какъ становится стыдно ѣсть бѣлый хлѣбъ, когда у сосѣда нѣтъ и чорнаго.

Г. Тургеневъ сказалъ, что у Рѣшетникова „трезвая правда“. Нѣтъ, у Рѣшетникова не то. И у всѣхъ „правда“. У Писемскаго тоже „трезвая правда“, да и у кого ея нѣтъ? Рѣшетниковъ видѣляется изъ другихъ не тѣмъ, что у него „трезвая правда“, а тѣмъ, что эта правда, точно скорбная лѣтопись, подавляетъ васъ безпредѣльностью горя,—горя повсюднаго, безконечнаго, неисходнаго. Вѣчная заунывность, монотонность страданія, вѣчное исканіе „гдѣ лучше“, муравьиная борьба за существованіе, простота разсказа, смѣхъ сквозь слезы и въ то-же время вѣчныя слезы, необыкновенная и искренняя сердечная теплота, любовь къ страдающему бѣдняку и темному невѣжественному человѣку,—не напускная, не сверху внизъ, а выжатая, выстрадавшая—вотъ что дорого въ Рѣшетниковѣ. Сказать о Рѣшетниковѣ, что у него „трезвая правда“,—значить ставить его въ объективное отношеніе къ той жизни, лѣтописцемъ которой онъ явился. Между-тѣмъ Рѣшетниковъ носилъ эту жизнь въ себѣ, какъ носилъ въ себѣ русскій міръ, жилъ имъ и въ немъ, и когда нужно было говорить объ этомъ мірѣ, онъ только бралъ пережитое изъ себя и не творилъ, не измышлялъ, не сочинялъ—а просто разсказывалъ то, что самъ перечувствовалъ, перестрадалъ, вынесъ и видѣлъ. Тутъ, если хотите, не процессъ творческаго измышленія, а сама жизнь. Будетъ точнѣе, если мы скажемъ, что Рѣшетниковъ говорить не „трезвую правду“, а „новую правду“, ибо прежняя литература ловила только „старую“ правду. Эту новую правду слѣдуетъ назвать народно-реальнымъ направленіемъ въ нашей литературѣ въ отличіе его отъ стараго—аристократическаго или идеально-реальнаго.

Русскій литературный идеализмъ ведетъ свое начало давно. Онъ выросъ въ верхнихъ слояхъ русскаго общества, среди обезпеченнаго довольства, черпая свое вдохновеніе не изъ русской жизни и не изъ русской почвы. О русскихъ литературныхъ попыткахъ прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія говорить не стоитъ. И жизнь высшаго общества, и литература были сколкою чужаго, лоснящимся только сверху.

Когда явился Пушкинъ и заговорилъ своею простою русской живою рѣчью и о русскихъ, образованная Россія увидѣла въ немъ свое восходящее солнце, а историки русской литературы назвали это время „пушкинскимъ періодомъ“. Послѣ „пушкинскаго“ явился періодъ „гоголевскій“, потомъ царствовалъ Тургеневъ—и всѣхъ ихъ смѣнило на нашихъ глазахъ другое поколѣніе, другая умственная сила, предъ которой умолкають и стоятъ въ тѣни и Пушкинъ, и Лермонтовъ, и Гоголь, и Тургеневъ, и Гончаровъ, и Писемскій. То старая крѣпостная и барская Россія уступаетъ свою дорогу новой Россіи.

Люди литературнаго труда лучшая интеллигенція страны. Они всегда стоятъ во главѣ умственнаго движенія, они его свѣточи и руководители. Такимъ былъ и Пушкинъ, обратившійся первый къ русской жизни и бравшій изъ нея матеріалъ для своего творчества. Это обращеніе къ русской жизни и кладетъ на произведенія Пушкина печать народности. Но народность того времени была народностію аристократическою. Татьяны, Онѣгины, Печорины—все это сливки общества. Сливки жили своею жизнью. Для нихъ были гимназій, университеты, академіи, гвардія; они пользовались жизнью, украшенною разными утонченными наслажденіями и большимъ досугомъ, позволявшимъ культивировать въ себѣ разныя идеальныя стремленія, мечты и порывы. Пушкинъ, обратившійся къ русскимъ сюжетамъ, показалъ всю пустоту этой жизни, можетъ быть, и самъ недостаточно понимая ея ничтожность и дрянность. Поэтому-то Татьяна и Онѣгинъ, взятые Пушкинымъ изъ жизни, въ то-же время являются и героями, идеальными образцами, дѣйствительностью, профильтрованою чрезъ поэтическое творчество, черезъ тогдашнее передовое русское міровоззрѣніе.

Онѣгинъ, переродившійся въ Печорина, еще образнѣе и идеальнѣе, но за-то и патологичнѣе, потому-что рѣшительно не знаетъ, куда пристроить ему свои силы и стремленія. Вокругъ пусто, рѣшительно пусто. Мысль и чувство стремятся къ дѣятельности, но гдѣ и что дѣлать? Тратятся силы на пустыя и скучающій Печоринъ бѣжить, бѣжить самъ не зная куда, только чтобы успокоить жажду дѣятельности, потребность мысли и чувства.

Еще бесплоднѣе праздный идеализмъ въ образѣ Рудина. Никакихъ дѣйствительныхъ жизненныхъ интересовъ, никакого полезнаго дѣла! И эта безысходная праздность, чуждая практическихъ интересовъ, наказываетъ сама себя развѣдающей рефлексіей, исключительной, пожирающей мозговой дѣятельностію, ничѣмъ не удовлетворяющейся, ни на чемъ не успокоивающейся, несвязанной ни съ чѣмъ никакими прочными солидарными узами. Рудинъ тоже бѣжитъ...

Попытка Гоголя къ реальному творчеству оказалась неудачной, потому что въ той жизни, гдѣ онъ искалъ его, истинный, здоровый реализмъ былъ невозможенъ. Оттого-то гоголевскіе типы — отрицательные образы и все гоголевское творчество несетъ въ себѣ отрицательный характеръ, особенно рѣзко обрисовавшійся у его послѣдователей — писателей натуральной школы. Гоголевскій юморъ скрашиваетъ и согрѣваетъ нѣсколько дѣйствительность; но, напримѣръ, подъ грубой рукой Писемскаго отрицательное отношеніе является чѣмъ-то подавляющимъ, глушащимъ, тяжелымъ до невыносимости. У Гоголя вы видите русскую глупость, у Писемскаго — русскую мерзость.

Но гдѣ же положительное отношеніе къ жизни? Гдѣ же живые и здоровые ростки дѣйствительности? Ихъ нѣтъ! ихъ вѣдалъ ни одинъ русскій беллетристъ того времени. Всѣ ихъ герои и типы — всегда отрицательные образы, это не такіе идеалы, къ которымъ люди должны стремиться, а напротивъ такіе, къ какимъ стремиться не слѣдуетъ. Переберите всѣхъ героевъ, начиная съ Онѣгина, захотѣли-ли-бы вы быть хотя однимъ изъ нихъ? Нѣтъ. Ясно, что положительное творчество не удалось еще ни одному русскому беллетристу. А отчего? Оттого-ли, что писатели не сумѣли найти идеала, или-же не было для него матеріаловъ въ самой жизни? Его не было въ жизни. Вся жизнь общества была не нормальной, всѣ общественныя отношенія были искусственной путаницей социальныхъ и экономическихъ отношеній, въ которыхъ не могла зародиться здоровая, правильная дѣятельность ни въ области мысли, создававшей Рудинныхъ, ни въ сферѣ дѣла, приводившей къ Сабакевичамъ, Чичиковымъ и Ноздревымъ. Такимъ образомъ неудовлетворившій реализмъ съ его Чичиковыми заставлялъ искать формулы прогресса въ идеализмѣ, а идеализмъ въ свою очередь приводилъ къ Рудину. Гдѣ же ис-

каты спасенія, чтобы не походить на бѣлку въ колесѣ? Но въ моментъ этого раздумья застало Россію освобожденіе крестьянъ, которое привело снова къ реализму, но на этотъ разъ иному.

Новый русскій реализмъ есть реакція прежняго привилегированнаго сословнаго идеализма; онъ есть одинъ изъ видовъ той реакціи, которая и въ самомъ идеализмѣ выдѣлила протестующихъ, недовольныхъ и ищущихъ Печоринныхъ, Рудинныхъ. Но протестъ Рудинныхъ былъ протестъ пассивный, безрезультатный. Рудины сами по себѣ не значили ничего и не могли создать ничего, потому-что сами въ себѣ носили свое собственное отрицаніе. Рудины—патологическій продуктъ общественнаго организма, неспособнаго производить здоровыхъ людей. Вотъ почему жизнь, вступившая на новый путь, отвернулась отъ Печоринныхъ, Рудинныхъ, Лаврецкихъ, какъ она отвернулась отъ Сабакевичей, Новдревыхъ и Чичиковыхъ. Разница между Сабакевичами и Чичиковыми, съ одной стороны, и Рудинными, съ другой, въ томъ, что первые изображаютъ собой практическое довольство, подчиняющееся существующему факту и эксплуатирующее его въ свою пользу, Рудины же—критическое отношеніе къ тому-же факту, но отношеніе, по малочисленности, а слѣдовательно и по безсилію непереходящее въ дѣло.

Но неужели русскій интеллектъ сошелъ на нуль; неужели ему нѣтъ жизненной формулы? На нуль интеллектъ не сошелъ, но онъ дѣйствительно не нашелъ еще себѣ формулы. Вотъ причина, почему все мыслящее, ищущее и жаждущее недовольно современной беллетристикой. Беллетристы не виноваты здѣсь ни въ чемъ, и жаловаться на отсутствіе талантовъ неосновательно. Въ талантъ Тургенева, Гончарова, Писемскаго никто не сомнѣвается. Отчего же эти талантливые люди не даютъ новаго типа? Вы думаете оттого, что они его не умѣютъ подмѣтить; но вѣдь подмѣтилъ же Тургеневъ Базарова, подмѣтилъ же Гончаровъ Марка Волохова. Новый положительный типъ не подмѣчается только потому, что онъ еще не народится въ самой жизни. Базаровскій реализмъ кончился разбродомъ мысли и пришелъ къ новому исканію. Теперь русская мысль зрѣетъ, набирается новыхъ фактовъ и провѣряетъ себя ими; положительную формулу, въ которой она выражается, можно назвать провѣркой. Наше время какъ-бы повторяетъ сороковые года. Съ одной стороны, мы видимъ

измѣненное и исправленное изданіе Рудина, съ другой Чичикова, переродившагося въ Горюнова. Современныхъ беллетристовъ можно укорить только въ одномъ, — въ бесплодной попыткѣ выискать непременно положительный типъ, тогда-какъ предъ ними стоитъ новый размышляющій Рудинъ.

Въ то время, какъ аристократическій реализмъ, выросшій на прежней почвѣ, сказался Базаровымъ, неоставившимъ наслѣдства, — встрѣчнымъ потокомъ, снизу вверхъ, пошло новое умственное движеніе, вызванное освобожденіемъ крестьянъ. Предвѣстникомъ этого новаго направленія пытающей русской мысли нужно считать Григоровича. Правда, его „Лапотникъ“ — идеаль и французское подражаніе. Но это не ошибка; это урокъ, которымъ купился положительный опытъ. Аристократическій демократизмъ Григоровича и Марка Вовчка показалъ, что при платоническихъ отношеніяхъ къ незнакомой средѣ можно рисовать только пейзажновъ, но не живыхъ людей, можно давать картинки и панораму жизни, а не самую жизнь.

Попытка Тургенева имѣеть другой смыслъ. Его мужики — живые мужики; но г. Тургеневъ писалъ „Записки Охотника“ съ предвзятой мыслию, какъ боецъ за крестьянскую свободу. Истиннаго народнаго реализма не было въ произведеніяхъ Тургенева, а въ произведеніяхъ Григоровича и другихъ — и тѣмъ болѣе. О народномъ реализмѣ никто изъ описателей простонароднаго быта не только не думалъ — его никто изъ нихъ даже и не предчувствовалъ. Отношеніе писателей къ простому человѣку было отношеніе художественное; въ *мужикѣ* видѣли новый литературный матеріалъ, матеріалъ модный, попавшій въ запросъ. Изъ описаній оказывалось, что меньшая братія тоже люди, умѣющіе любить, страдать, волноваться и носить въ своей душѣ такіа-же барскія чувства, какія культивируетъ въ господахъ обезпеченное и утонченное довольство. Мужики подъ перомъ дилетантствующихъ литературныхъ идеалистовъ превращались въ дворянъ въ зипунахъ, а бабы — въ барышень-крестьянокъ и въ горничныхъ барскихъ домовъ.

Только съ освобожденіемъ крестьянъ народный реализмъ сталъ на свои ноги, когда писателями выступили тѣ, кто могъ говорить о себѣ и за себя, а не за другихъ, какъ это было до тѣхъ поръ. Вотъ въ чемъ секретъ „трезвой правды“, поразив-

шей писателей аристократическаго идеализма, смотрѣвшихъ на народный міръ извнѣ.

Первыя попытки на новомъ пути изслѣдованія были слабы. Однѣ изъ нихъ, какъ очерки Н. Успенскаго, представляли односторонній „жанръ“, и въ нихъ недоставало главнаго—народной души. Отъ этого очерки г. Успенскаго похожи больше на сатирическіе очерки, чѣмъ на положительный рисунокъ, вѣрный дѣйствительности.

Въ Помяловскомъ другая черта. Въ немъ чувствуется не своеобразная народная сила, а сила вообще прогрессивная. Его міръ—не народный міръ; онъ начинается не снизу, а съ середины; онъ не изслѣдователь, а борець.

Рѣшетниковъ становится на новую почву обѣими ногами и искренно, безъ ужимокъ и кривляній, относится къ дѣйствительному міру. По богатству и характеру матеріала, который затрогиваетъ и даетъ Рѣшетниковъ—онъ первый на этомъ пути. Тѣ, кто явится послѣ, — пойдутъ за нимъ, дополнять матеріалъ, собранный первымъ изслѣдователемъ,—можетъ быть, лучше разсортируютъ его, дадутъ въ болѣе строгой системѣ, но не сойдутъ съ пути, на который поставилъ вопросъ Рѣшетниковъ.

Къ дѣятельности Рѣшетникова нельзя относиться ни съ предвзятой мыслию, ни съ готовой мѣркой прежняго идеализма и реализма. Рѣшетникову нельзя сказать—вы поступили въ этомъ случаѣ такъ, а въ этомъ не такъ; кто-же знаетъ, какъ слѣдуетъ поступить, — гдѣ взять глубже, гдѣ взять мельче, гдѣ взять больше, гдѣ взять меньше? Рѣшетниковъ — первый собиратель сырого матеріала, изслѣдованіе котораго можетъ привести къ благотворнымъ социальнымъ результатамъ.

Въ Рѣшетниковѣ мы видимъ не художественнаго творца эстетическихъ картинъ, не художника въ прежнемъ смыслѣ, а собирателя. Онъ даетъ не тепличную русскую душу того міра, который создавалъ кисейныхъ барышень, а другую русскую душу, воспитавшуюся въ иной атмосферѣ, и даетъ эту душу по частичкамъ, собирая частички то здѣсь, то тамъ, то въ пермскихъ труппахъ, то въ петербургскихъ подвалахъ и кабакахъ, то на горныхъ заводахъ, то въ рабочихъ балаганахъ желѣзныхъ дорогъ. Цѣлаго въ этихъ частичкахъ еще ничего нѣтъ, и дать ихъ, какъ цѣлое, не во власти и силахъ перваго собирателя. Но и

въ своемъ разбросанномъ видѣ матеріалъ, собранный Рѣшетниково-вымъ,—драгоцѣнный матеріалъ, какимъ русская литература еще никогда не владѣла и какого ей еще никто не давалъ. Хотя мы называемъ произведенія Рѣшетникова матеріаломъ, но мы понимаемъ подъ этимъ другое. Произведенія Рѣшетникова только матеріалъ по отношенію къ послѣдующимъ изслѣдованіямъ, которыхъ теперь все больше и больше можно ожидать и предвидѣть, ибо дорога проложена; они—матеріалъ по новизнѣ изслѣдованія, по новизнѣ еще мало извѣстнаго предмета изслѣдованія. Взятые безотносительно, произведенія Рѣшетникова, какъ выразился-бы эстетикъ, прошли чрезъ художественное творчество. Это значитъ, что внѣшнія впечатлѣнія усвоились внутреннимъ органическимъ процессомъ автора и выразились въ его произведеніяхъ, какъ часть его собственной души, какъ лично имъ пережитое и перечувствованное и только обобщенное въ извѣстныхъ образахъ и типахъ.

При всемъ томъ на произведенія Рѣшетникова мы не станемъ смотрѣть, какъ на продуктъ эстетическаго творчества; мы не станемъ ни требовать отъ г. Рѣшетникова народной эпопеи, ни судить его творческую дѣятельность по идеальному масштабу, для насъ еще недостижимому. Пусть этимъ займется г. Николай Соловьевъ. Мы, признаемся, еще не владѣемъ эстетическимъ масштабомъ, да еслибы и владѣли, то не стали бы мѣрять имъ произведенія Рѣшетникова. Чтобы судить Рѣшетникова, нужно влѣзть въ его душу, пережить и перечувствовать вмѣстѣ съ нимъ все то, что онъ пережилъ и перечувствовалъ. Тутъ забудешь объ эстетическомъ творествѣ и вынесешь одно ощущеніе жизни — тяжелое, давящее чувство.

II.

Между поколѣніемъ, къ которому принадлежитъ Рѣшетниковъ, и тѣмъ поколѣніемъ, которое оканчиваетъ собою Тургеневъ, — великая разница. Первые вышли сами изъ той печальной обстановки, которую они описываютъ; вторые никогда не знали этой нужды и развивались при условіяхъ самыхъ благопріятныхъ. Эта разница положеній опредѣляла и все отношеніе писателей къ

міру, который они изображали. Обезпеченный писатель, какъ выхолощенный продуктъ общества, имѣлъ меньше всего поводовъ задумываться надъ общественными явленіями и обращалъ свое умственное око больше на наблюденія отдѣльнаго человѣка. Поэтому писатели-идеалисты — преимущественно психологи и индивидуалисты.

Совсѣмъ не такъ развивались люди, подобныя Рѣшетникову. Съ первыхъ-же шаговъ жизнь заставляла ихъ задумываться надъ окружающими явленіями. Наблюденіе отдѣльныхъ характеровъ не даетъ отвѣтовъ на вопросы. Психологическій міръ отдѣльной души не разъясняетъ ничего; онъ становится на второй планъ, подавляемый фактомъ вѣшной беспорядочности, дивности, тупости. Тутъ все какъ-бы механическое, случайное и это механическое имѣетъ характеръ чего-то роковаго, стихійнаго до того сильнаго, что личная воля совершенно парализуется. Понятно, что поле наблюденія измѣняется; отъ лица наблюденіе переносится на общество, среду, общую причину. Въ то время, какъ въ средѣ, воспитывавшей писателей-идеалистовъ, холеное лицо играетъ важную роль и все сводится къ личной волѣ, доброй или злой и слѣдовательно къ міру души отдѣльнаго человѣка,—у писателей втораго направленія главную роль долженъ играть тотъ роковой фатализмъ и среда, которые заслоняютъ лицо. У писателей-идеалистовъ человѣкъ есть я, психологическая единица, продуктъ свободной воли; у писателей народно-реальной школы—онъ продуктъ общества, существо слабое въ борьбѣ, сознающее свое безсиліе предъ окружающимъ его фатализмомъ.

Но лицо не можетъ исчезнуть окончательно; оно имѣетъ свои неотъемлемыя права на личное существованіе и потому всегда сохраняетъ свой колоритъ и свои особенности. Въ произведеніяхъ Рѣшетникова именно и подмѣчаются эти двѣ стороны. Въ однихъ видишь борьбу бьющагося за свое существованіе лица, гдѣ лицо стоитъ на первомъ планѣ; въ другихъ на первомъ планѣ—среда. Въ первыхъ—условія личнаго развитія, вырабатывающія и закаляющія лицо; во-вторыхъ—среда, изъ которой лицо стремится высвободиться, отыскивая гдѣ лучше. Монографіи отдѣльнаго лица Рѣшетниковъ даетъ въ повѣстяхъ, очеркахъ, рассказахъ; борьбу со средой рисуетъ въ романахъ: „Подлиповцы“, „Гдѣ лучше“. „Свой хлѣбъ“. Монографіи отдѣльныхъ характе-

ровъ можно-бы озаглавить однимъ общимъ названіемъ забитыхъ людей, хотя Рѣшетниковъ подъ этимъ заглавіемъ даетъ только четыре очерка: „Макся“, „Ильичъ“, „Шилохвостовъ“, „Яшка“.

Во всѣхъ отдѣльныхъ характерахъ, изображаемыхъ Рѣшетниковымъ, поражаетъ какая-то закаленная упругость. Они, точно магнитная стрѣлка, все тянутся въ одну сторону. У горемычныхъ людей вы найдете нѣкоторое внѣшнее различіе и въ мелочныхъ особенностяхъ характера, и въ ихъ общественномъ положеніи: одинъ нищій, другой портной, третій судорабочій, четвертый звонарь, пятый почтальонъ — но внутренняя сила въ нихъ всегда общая и однородная. Въ нихъ всегда вырабатывается какая-то иррациональная сосредоточенность, переходящая иногда, какъ въ Кузминѣ, въ затаенное отчаяніе или въ кровавое помѣшательство Шилохвостова, но въ то-же время это всегда живучая упругость, своеобразный закалъ характера, неслабывающагося, неизмѣняющаго себя, необращающагося въ безличность. Всѣ они большею частію спиваются, или же, какъ Шилохвостовъ, лишаютъ себя жизни, но остаются силой и не гнутся передъ гнетущей ихъ жизнью.

Вотъ въ маленькой комнатѣ, похожей на чердакъ, въ которой мебель состояла изъ кровати, небольшого столика, табуретки и двуногаго стула, лежитъ блѣдная и больная женщина. „Что родила? живой вѣдь“, спрашиваетъ вошедшій мужчина, ея мужъ. — „Лучше-бы мертвый... умереть, я думаю“. — „Нѣтъ пусть живетъ“. — „А кормить-то кто будетъ, ты штоли“? — „А ты-то на што“. — „Я то... Охъ! Ты много-ли заробишь себя на хлѣбъ? Поди-ко и мнѣ надо жрать, а онъ какъ“?.. Это родился чело-вѣкъ, названный Яшкой, съ которымъ родители не знали, что дѣлать съ перваго дня рожденія, говоритъ Рѣшетниковъ.

И живучъ-же чело-вѣкъ! Хотя Яшкѣ пророчила смерть сама мать, но онъ на зло всѣмъ остался живъ. Дикій былъ этотъ Яшка; что съ нимъ ни дѣлай—все свое. Яшкѣ было четыре съ половиной года, когда мать его Матрена взяла его отъ чухонъ, которымъ отдала его на воспитаніе. Яшка бѣгалъ, но по-русски не зналъ ни слова и лепеталъ по-чухонски. Поэтому Яшку никто не понималъ и меньше всѣхъ Осипъ Харитонычъ, который и сталъ его учить по-русски—волотушками. Такъ какъ эти волотушки Яшкѣ приходилось получать часто и чѣмъ попало, то

онъ становился все хуже и хуже, сталъ забрасывать шило, таскалъ сапоги, мазалъ сальной свѣчкой стѣны. Осипъ Харитонычъ каялся, что взялъ къ себѣ такого чертенка, которому ни какъ въ голову не влолотишь того, чтобы онъ слушался хозяина, не лепеталъ по-чухонски, сидѣлъ смирно. Хотѣлъ Осипъ Харитонычъ сдѣлать Яшку ручнымъ и для этого употреблялъ всякія средства—ничего не помогло. „Сидитъ Яшка въ углу и скоблитъ щепкой полъ; — Яшка! крикнетъ Осипъ Харитонычъ; Яшка вздрогнетъ и попытается еще назадъ, хотя уже и пятиться-то некуда. — „Тебѣ говорятъ?! крикнетъ Осипъ Харитонычъ. Яшка вытаращитъ глаза и трясется. Вскочитъ сапожникъ, схватитъ плетку, Яшка закричитъ. Начнетъ сапожникъ хлестать Яшку, Яшка кусается. Сапожникъ въ ярости вытолкаетъ Яшку на дворъ. Бился-бился съ нимъ сапожникъ—бросилъ учить“.

Яшкѣ жизнь не вывезла: попалъ онъ въ нищѣ, сидѣлъ въ полициі, былъ мальчишкой у мелочнаго торгаша; потомъ ученикомъ у портнаго нѣмца—вездѣ его колотили, держали впроголодь, заставляли работать, а денегъ не давали. Яшка только злился и думалъ только объ одномъ, какъ-бы напакостить и вырваться изъ напасти. Осипу Харитонычу онъ насыпалъ табаку въ глаза и убѣжалъ; у торгаша Маслова онъ все думалъ: „погоди-жъ ты, украду и убѣгу“. Только что украсть? Хотѣлъ онъ украсть у хозяина полушубокъ—не по силамъ, тяжелъ. Яшка распорядился иначе: онъ укралъ у хозяина печенья, разлилъ по полу водку и убѣжалъ. У нѣмца портнаго Яшка стибрилъ штуку сукна и тоже убѣжалъ.

Макся мягче и добродушнѣе Яшки; но и онъ родился лишнимъ. „Слышь жена, если ты родишь парня, бѣда тебѣ!“ кричалъ его отецъ своей беременной женѣ. И на зло отцу родился Макся. Началъ расти Макся и много перетерпѣлъ онъ побоевъ отъ матери и отъ пьянаго отца. Въ бурѣ Макся выстрадалъ еще больше. На розги и побои онъ смотрѣлъ, какъ на обыкновенное дѣло, и вполне отдавалъ себя на произволь своихъ благодѣтелей. Одно только и было ему утѣшеніе—водка. Въ это время Макся больше плакалъ. Но Максю было трудно разозлить; зато ужъ если онъ разсердится — трудно съ нимъ справиться. Товарищи иногда говорили Максѣ: „Макся, а Макся! Ты вѣдь дрянной человекъ“. — „Такъ что, что дрянной, не все такъ бу-

доть!“— „Не хвались“.— „Ужь никому не поддамся“. Товарищи прозвали Максю Гришкой Отрепьевымъ, а начальство, замѣтивъ, что Макся сильно пьянствуетъ, опредѣлили его въ соборные звонари. Надоѣло это дѣло Максѣ; напала на него тоска. Бросилъ и пошолъ въ монастырь, но заскучалъ и въ монастырѣ. Разъ его нашли пьянаго въ канавѣ и исключили изъ духовнаго званія. Пошелъ Макся въ почталыоны, но и на почтѣ не повезло ему. Давно запивалъ Макся, а тутъ и совсѣмъ спился, а живетъ все по-своему. „Если, рассказываетъ Лукинъ, у котораго онъ живетъ писаремъ, я начну спрашивать „что мучить тебя?“ онъ говорить:—не твое дѣло, не я первый и не я послѣдній такой“.

Самый обыкновенный выходъ у горемычныхъ людей—пьянство; имъ они забываются; въ немъ ищутъ успокоенія. Яшка рано сталъ пить водку, а Макся, пожалуй, и еще раньше. „Брось ты эту поганую водку!“ говорили Максѣ.—Не могу.— „Да отчего-же не можешь! дай зарокъ не пить и не пей, или поручи кому-нибудь деньги на сохраненіе“.—Ну ужъ это трудно... ужъ я никогда не буду трезвымъ, отвѣчаетъ Макся. „Петька! спой „возлѣ рѣчки“, говорятъ въ кабакѣ Кузьмину.—Неохота.— „А штобъ те! выпить што-ли хошь?“—Нѣтъ... и въ голосѣ Кузьмина слышится отчаяніе“. Именно отчаяніе; не дурь цѣть, а горе и бездомство. „Ахъ скучно сердцу моему, поетъ пьяный горемыка, выходя изъ кабака. „Вы думаете, сталь-бы я якшаться со всякою швалью, говорить безногій солдатъ-нищій... а я, поди-ко, жрать хочу, нажить деньгу могу... ну и наживаю, да пропиваю; а какъ пропью, и пойду собирать“.—Такъ зачѣмъ ты по міру ходишь, коли работать можешь, говорятъ солдату.—А видно, что за работу мало даютъ; а будь-ко нога, я-бы козыремъ ходилъ и съ вашимъ братомъ не сталь-бы якшаться; думаете мнѣ не обидно чтоли, сволочь вы экая“!

Людей этихъ зовутъ больными, ненормальными, испорченными и изъ превосходныхъ психологическихъ наблюденій Рѣшетникова понимаешь вполне эту болѣзнь, переходящую всегда въ озлобленную сосредоточенность, въ желаніе сдѣлать другимъ гадость, а себѣ найти успокоеніе хоть въ водкѣ. Макся просто тосковалъ и пилъ; Яшка злился, пилъ, горевалъ и бѣгалъ; Шилохвостовъ

въ страстномъ порывѣ брался за ножикъ. Правда, Шилохвостовъ и смолоду не походилъ ни на Яшку, ни на Максю. „Бывало сидитъ въ углу лавочки, глаза у него сдѣлаются дикими; вдругъ вскочить и возьметъ плетку и начнетъ этой плеткой стегать полуштофъ. Если ему попадется въ это время кошка, то онъ непремѣнно отдуется ея. И зналъ онъ, что за это ему плохо будетъ; но ужь какъ-то выходило такъ, что онъ выходилъ изъ себя... Случалось иногда, что если во время игры мимо его проходила какая-нибудь дѣвица, онъ кидалъ въ нее бабкой, глаза сверкали и ужь его трудно было уговорить продолжать игру. За это онъ получилъ названіе отъ ребятъ—чудило; отъ дѣвицъ—злой“.

Во всѣхъ этихъ характерахъ есть что-то цѣльное, роковое, точно человѣкъ родился съ извѣстнымъ предназначеніемъ, котораго онъ и самъ не знаетъ, но къ которому стремится и до котораго онъ однако никогда не доходитъ и впадаетъ въ злость. Отчего Кузьмину, гдѣ-бы онъ ни былъ, все скоро надоѣдало, все хотѣлось другого? Дядя и тѣтка не могли понять его, да онъ и самъ не понималъ, чего онъ хочетъ. Ему, какъ говорилъ онъ, хотѣлось простора, одному хотѣлось жить. Рокковыя, повидимому бессознательныя стремленія Кузьмина встрѣчали такія-же рокковыя препятствія,—точно кирпичъ съ крыши,—непрощенно и негаданно. Колотился человѣкъ весь вѣкъ и свезли его наконецъ въ Обуховскую больницу, а оттуда на Волково: пьянствовалъ все, сказали про него въ больницѣ. Конечно пьянствовалъ, но отчего?

Кузьминъ у Рѣшетникова наиболѣе полная характеристика стремящейся личности, окруженной тупостію и всякими помѣхами. Говорятъ, что это самъ Рѣшетниковъ. Тѣмъ лучше, тѣмъ дороже этотъ разсказъ по своей неизмысленности и неподдѣльной правдѣ. Здѣсь впечатлѣніе не то, какъ въ выдуманномъ эстетическомъ обобщеніи, а самъ живой человѣкъ, къ которому нельзя относиться, какъ къ хорошо нарисованному страданію, потому-что перецъ вами настоящее живое страданіе.

Кузьминъ прошелъ ту-же школу, какъ Яшка, какъ Макся, какъ тысячи другихъ дѣтей, воспитанныхъ ремнемъ. Дядя никогда его не ласкалъ, но зато щедро обзывалъ его подлой ро-

жей, чертенкомъ, бѣсомъ, дралъ, безъ жалости и разъ такъ ударилъ его по головѣ, что ребенокъ хлопнулся. Обѣ поды и пошла у него изъ горла кровь. Побой въ томъ мѣрѣ, который открываетъ Рѣшетниковъ—принципъ, система. Они зависятъ не только отъ личнаго характера воспитателя, который бьетъ иногда безъ нужды, просто, чтобы сорвать на комъ-нибудь досаду; но бьетъ еще спокойно, по глубокому убѣжденію, что нельзя не бить. Учитель Кузьмина, старый отставной чиновникъ, никогда не тербилъ своихъ учениковъ за уши или за волосы, а любилъ называть ихъ голякомъ и своими руками. „Ты не сердись, голубчикъ, говорилъ онъ передъ наказаніемъ; я—маленько, потому что это мнѣ нравится, да и тебѣ надо привыкать къ этому“. Онъ наказывалъ всегда легко, такъ-что сестра говорила ему: „что ты ихъ мажешь?—Думаешь, я тебѣ доврѣю... я люблю ребятаекъ... отвѣчалъ старый учитель.

На этой системѣ было построено и все воспитаніе Петьки Кузьмина и всѣхъ ему подобныхъ. Родители ребятешекъ были строги и не любили, чтобы они играли. Они хотѣли, чтобы дѣти сидѣли смирно, боясь, чтобы они не измарали и не изорвали своего платья и рубашекъ и чтобы они не ушиблись. Если же дѣти спрашивали: „а почто это гремитъ? почто идетъ такъ скоро туча“? на это имъ отвѣчали: „не ваше дѣло“. Если же дѣти приставали съ разпросами, имъ давали подзатыльники. Послушаніе считалось самой важной и величайшей человѣческой добродѣтелью и все желаніе родителей заключалось въ томъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ свое собственное подобіе. Указывая, какъ на примѣръ, на какого-нибудь служащаго молодого человека, ребенку говорили: „Посмотри-ко, какой человекъ сталъ!.. а вѣдь какъ били-то его бѣднаго... зато выучили“. Въ семинаріи было еще хуже. Кузьмина почти каждый день драли, какъ лошадь, если не разъ, то по два раза. Онъ убѣжалъ, и была-же ему за это баня—два мѣсяца пролежалъ въ лазаретѣ. „Вы думаете, я не сталъ послѣ этого бѣгать? говоритъ Кузьминъ,—какъ-бы не такъ; я еще въ лазаретѣ обдумывалъ планъ побѣга и какъ-только вышелъ изъ него, черезъ день-же убѣжалъ въ заводъ, находящійся въ трехъ верстахъ отъ города“. На 12 году отдали ребенка въ уѣздное училище. Онъ три года проучился въ первомъ классѣ и ничего не понималъ. Обѣ умственномъ

развитіи учителя не заботились, а учили дѣтей въ зубряжку и ничего не объясняли. Учителя считали за наслажденіе драть учениковъ и потому, по крайней мѣрѣ, двѣ трети ихъ бѣгали отъ классовъ.

Такая жизнь съ каждымъ днемъ становилась невыносимѣе и невыносимѣе. Маленькій Кузьминъ только озлоблялся подобно Яшкѣ и ужъ не баловалъ, а озорничалъ и нарочно дѣлалъ то, что не правилось другимъ. Зло брало Кузьмина противъ всѣхъ, ибо онъ чувствовалъ, что его бьютъ и обижаютъ напрасно. И онъ день-ото-дня становился все злѣе и упрямѣе. Поставятъ его на колѣни—онъ цѣлый день простоятъ и не попроситъ прощенія; не накормятъ—онъ украдетъ хлѣба... И какъ-же онъ въ это время ненавидѣлъ своихъ воспитателей! Озлобившись, мальчикъ радовался, если видѣлъ, что другихъ дѣтей наказываютъ не хуже его и въ то-же время онъ думалъ постоянно о томъ, какъ-бы напакостить своимъ притѣснителямъ. Увидитъ-ли онъ мѣдныя деньги—непремѣнно стянетъ гривну или копейку; если его ругаютъ или обижаютъ—онъ самъ старается отомстить такимъ-же образомъ. Однажды на только-что развѣшанномъ на дворѣ для сушенья бѣльѣ, маленький Кузьминъ намазалъ углемъ косые кресты; ему за это задали хорошую баню; тогда онъ придумалъ новое средство отомстить той женщинѣ, которая его поймала, и бросилъ въ ея кадку съ водой дохлую кошку. Его опять отодрали. И больно нравились ему его штуки, и больно-же ему приходилось за нихъ. „Лишь-только отдерутъ меня, рассказываетъ Кузьминъ, я сажусь куда-нибудь въ уголь и думаю: чтобы мнѣ такое сдѣлать, да такъ, чтобы не узналъ никто. Пройдетъ мимо меня почтальонъ и смѣется: „Что ты сидишь, драмая харя!“—Что ты дразнишься, песъ ты экой? Почтальонъ щиплетъ меня за волосы.—Что дерешься, подлецъ! и я ударю его. Онъ отойдетъ и говорить: воръ! воръ! не ходи во дворъ... Я соскочу и брошу въ него чѣмъ-нибудь. „Я те сволочю! скажетъ другой почтальонъ, выходя изъ дверей. Пройдетъ женщина и, со злостію направляя на меня кулаки, говорить! У! подкидывишь!—Молчи, чума.—Охъ, ты чума сибирская!.. плюнетъ на меня женщина, уйдетъ и скажетъ тетѣ, что я обозвалъ ее северною руганью. Я крѣпко затаю злобу и начинаю выдумывать что-нибудь и какъ только выдумую, смѣшно мнѣ становит-

ся. „Ужь сдѣлаю-же я надъ вами праздникъ“! думаю я. И весь день я весель, такъ-что тетка удивляется, что я весель“.

Въ училищѣ Кузьмина не драли, потому-что онъ старался выслуживаться передъ учителями, угодничалъ и наконецъ сталъ для учителей воровать изъ почтовой конторы газеты, журналы и картины. За это его отдали подъ судъ и сослали въ монастырь.

Подумаешь, что человѣкъ съ такими задатками долженъ изнегодаяться, вырасти будущимъ каторжнымъ. Всему злобная подкладка, какое-то безпричинное стремленіе напакоstitь. Убѣжалъ онъ, наприимѣръ, изъ семинаріи. Ночь онъ провелъ на берегу въ одной лодкѣ, а утромъ отправился за рѣку. Весело ему было на вольномъ воздухѣ и на свободѣ и, улыбаясь, смотрѣлъ онъ на городъ и даже срисовалъ на бумажкѣ одну его часть. Но мучилъ Кузьмина голодъ. Кое-какъ отыскалъ онъ рабочій шалапъ: въ немъ не было никого. Тамъ онъ увидѣлъ полъ-ковриги хлѣба, взялъ его съ собою и, *самъ не зная, почему*, обрѣзалъ нѣсколько удочекъ у снастей, распласталъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ неводъ и сдѣлалъ дыру въ одной лодкѣ. Это желаніе напакоstitь, скрасть что-нибудь, выместить на комъ-нибудь свою обиду, — доводство, когда кому-нибудь достается больше, — постоянное желаніе убѣжать подальше отъ людей, запрятаться куда-нибудь, быть одному—общая черта всѣхъ Яшекъ, Максеевъ, Петекъ, закаляющихся въ этой вѣчной войнѣ, въ которой всё противъ нихъ, изъ которой нѣтъ другого выхода, кромѣ побѣга, чтобы сохранить свое я. А это я живуче. Ужь какой маленькій Яшка и другъ его Петька: каждому лѣтъ по семи; а ничего съ ними не подѣлаешь, хоть убей. Въ нихъ больше и больше крѣпнеть злое чувство и, конечно, отъ случая зависитъ, что изъ нихъ выйдетъ. Макся лгалъ, воровалъ и обманывалъ; Яшка лгалъ, воровалъ и обманывалъ; другъ его Петька лгалъ, воровалъ и обманывалъ; Кузьминъ лгалъ, воровалъ и обманывалъ; Шилохвостовъ десяти лѣтъ умѣлъ кого угодно обсчитать и разъ даже надуль самого повѣреннаго. И всякій изъ нихъ угодили подъ уголовный судъ и попалъ—кто въ острогъ, кто въ монастырь. Яшка шестилѣтнимъ мальчикомъ сидѣлъ уже въ полициі, взятый съ своею матерью нищей. Мать отвели въ тюрьму, хотя она ни въ чемъ не была виновата, а Яшку выпустили на всѣ четыре стороны.

Когда Яшка выходилъ изъ полиціи, арестанты ему говорили: теперь у тебя ничего и никого нѣтъ, иди въ первую лавку, украдь что-нибудь и тебя опять возьмутъ сюда. А здѣсь весело: поютъ пѣсни, играютъ въ карты, разговариваютъ, поятъ, кормятъ. Петя Кузьминъ, послѣ побѣга изъ семинаріи, попалъ въ компанію нищихъ „и богъ знаетъ, что бы было со мною дальше, если-бы не спасла меня одна женщина“... говоритъ онъ. Знаменитый Кореневъ началъ свою карьеру тоже у нищихъ, попавъ къ нимъ, какъ и Кузьминъ, совершенно случайно.

Во всѣхъ этихъ людяхъ поражаетъ необычайная нравственная сила. Юридически они, конечно, погибшія созданія, потому-что попадали въ остроги, на покаяніе въ монастыри, нерѣдко въ каторгу. Но вопросъ не въ этомъ. Вопросъ въ томъ, какъ всѣ неблагоприятныя условія оказывались безсильны обезличить чело-вѣка, подвести его подъ одинъ общій уровень, сдѣлать изъ него то, чего хотѣла добиться тетка отъ Пети Кузьмина. И эта упругость выражается протестующей, неслабывающей силой уже у какого-нибудь четырехлѣтняго мальчугана. И Яшка боится плети сапожника, и Петя Кузьминъ плети дяди. Заторопѣлые, повидимому робкіе, они смотрятъ съ бессмысленнымъ страхомъ на своихъ воспитателей, старались исполнить ихъ желаніе, а думаютъ все-таки по-своему и поступаютъ все-таки не такъ.

Очерки Рѣшетникова — правдивая психологическая исторія нравственнаго развитія чело-вѣка съ его дѣтскаго возраста подъ вліяніемъ подавляющей среды и вмѣстѣ съ тѣмъ констатированіе нравственной силы, только концентрирующей отъ препятствій, чтобы сдѣлаться еще сильнѣе.

Повидимому, психологическій анализъ у Рѣшетникова слабъ, потому что онъ не вдается въ многословіе, не изображаетъ внутреннихъ процессовъ. Но этихъ процессовъ въ Яшкахъ, Петкахъ, Максяхъ и нельзя изобразить, потому что они незаконченные сознательные процессы Рудиныхъ, а только зачаточные порывы чувствъ и мысли, которыхъ не вытравишь въ этихъ желѣзныхъ реблятишкахъ никакой кислотой и не выбьешь никакой плетью. Здѣсь-то именно Рѣшетниковъ и вѣренъ правдѣ. Не навязывая своихъ разсужденій, онъ даетъ бороткіе факты, внѣшніе признаки внутреннихъ душевныхъ состояній и ужъ отъ воспримчивости читателя зависитъ понять и почувствовать ихъ силу и глу-

бину, ихъ естественную законность и социальное право на существованіе. Предъ этимъ правомъ долженъ склониться всякій человѣчески-чувствующій человѣкъ, если онъ не желаетъ походить на Коробочку или на тетку Кузьмина. Мѣтко, двумя—тремя словами Рѣшетниковъ обрисуетъ вамъ маленькаго Яшку и вы видите его точно живого съ оторопѣлымъ взглядомъ, загнатаго, забитаго, но твердаго и непреклоннаго. Зачѣмъ вамъ еще подробное описаніе внутренняго процесса, да и кто его знаетъ: у васъ и безъ описанія является уваженіе къ этой маленькой человѣческой личности. Недосказанность даже усиливаетъ впечатлѣніе и этою недосказанностію именно и силенъ Рѣшетниковъ. У него нѣтъ эффектныхъ сценъ, объ ужасахъ говоритъ онъ очень просто, какъ о вещи обыкновенной, повседневной, будничной, потому что она такая и есть въ дѣйствительности и если читатель не въ состояніи почувствовать глубокаго драматизма картинъ Рѣшетникова, то вина въ этомъ, конечно, не Рѣшетникова.

Какая-же причина нравственной упругости всѣхъ этихъ маленькихъ Яшекъ, Петекъ, Максей, которыхъ ученіе не научаетъ, а жизнь только портитъ и губитъ? Вѣдь ужъ какое стараніе прилагаютъ и родители, и попечительное начальство, чтобы сдѣлать ихъ людьми и, подобно Осипу Харитоничу, кончаютъ все-таки тѣмъ, что ничего не могутъ съ ними подѣлать и вытаскиваютъ на всѣ четыре стороны. Да, скверная жизнь научаетъ задаваться вопросами. Напр. Кузьминъ послѣ монастыря сдѣбался задумчивъ, много думалъ о всякой всячинѣ, но ничего не могъ придумать, ни чѣмъ не могъ утѣшить себя. Ни тетка, ни дядя, ни знакомые, ни учителя, ни даже законоучитель не могли объяснить ему его вопросовъ. Ему говорили, что онъ задаетъ себѣ вопросы по глупости и долженъ вѣрить тому, что написано и чему учать. Работы въ головѣ было много, а отвѣтовъ—ни откуда: „хорошо-бы мнѣ умереть теперь, думалъ Кузьминъ, а то для чего я буду жить“. Любилъ онъ сидѣть на берегу рѣки и глядя куда-нибудь вдаль, останавливать глаза на одномъ мѣстѣ, а въ головѣ кавал-то тяжесть и вертится только слова: „какъ-же это?.. отчего-же это?“ и въ отвѣтъ ни одного слова. Ну точь-въ-точь, какъ Пашка и Ванька, дѣти Пилы. Вотъ они тоже сидятъ на берегу рѣки и стараются сами узнать все, потому что спросить некого, а отъ бурлаковъ ничего не узнаешь. Бросили съ

Барки доску, доска поплыла; бросили камень, камень утонулъ; спустили шесть въ воду, шесть потянуло книзу и они никакъ не могли удержать его. Но это первые вопросы, а вторые? На первые найдешь отвѣтъ и у учителей, а на вторые не давалъ Кузьмину отвѣтовъ рѣшительно никто. Видитъ онъ чиновный людъ и понимаетъ, что они только пишутъ и за это получаютъ деньги и чины. Для кого-же они пишутъ, спрашиваетъ онъ дядю.—Служать.—Кому?—Царю и отечеству.—Что-же они дѣлаютъ? — Служать. Дядя говорить, что служба коронная самая важная, что чиновника никакъ нельзя сравнить съ мѣщаниномъ, или купцомъ или солдатомъ. А служить частному лицу—последнее дѣло. „Таеъ служить кто? — Мѣщане... А мѣщане подати платять, рекрутовъ ставять, да и понравилъся ты купцу—ладно, не понравилъся — прогонить. А въ нашей службѣ, шалишь, на все законѣ, силой не выгонишь“. Но эти отвѣты не удовлетворяютъ. Много нужно работы, чтобы вкоренить въ человѣкѣ сословные и социальныя предрассудки. Въ каждомъ естественно-свѣжемъ и неиспорченномъ человѣкѣ сидитъ прирожденное ему чувство равенства, чувство равнаго достоинства, естественное чувство свободы и независимости, которое только съ трудомъ поддается условному, принятому, обезличивающему. Это чувство есть чувство естественнаго состоянiя и начало своеобразнаго уклада жизни, отъ котораго зависитъ своеобразная цивилизація. Форма цивилизаціи не есть форма прирожденная; она зависитъ отъ многихъ внѣшнихъ условій, въ которыхъ развиваются люди. Отъ этого восточная цивилизація не похожа на западную, китайская на восточную, греческая на римскую, древняя на новую. Если-бы каждый народъ жилъ изолированно, каждый сложилъ бы и свою цивилизацію. Россія еще не успѣла сложить своей цивилизаціи, какъ исторія примкнула ее къ западу. Наше образованное сословіе уже утратило свою физиономію и болѣе и болѣе становится не-отличаемымъ отъ европейскаго человѣка. Мы и одѣваемся, и ѣдимъ по-европейски, и веселимся по-французски; мы даже думаемъ общеевропейскимъ складомъ, такъ что русскую своеобразную мысль нужно отыскивать только въ народѣ, въ его мировоззрѣнiи, котораго мы не знаемъ, въ его опытной мудрости и философіи, которая намъ совсѣмъ неизвѣстна.

Эта сторона русской народной умственной жизни довольно слаба у Рѣшетникова. Кажется, на нее онъ не обращалъ вниманія, а между тѣмъ безъ нея невозможно составить себѣ понятіе о фizioноміи народа. Точка зрѣнія Рѣшетникова по преимуществу экономическая. Онъ рисуетъ почти исключительно матеріальный бытъ народа, его исканія гдѣ лучше и соціально-экономическій фатализмъ его судьбы, подавляющей его роковымъ образомъ. Въ своихъ главныхъ рѣзко кидającychся въ глаза чертахъ такая картина вѣрна, особенно въ то время, когда самъ Рѣшетниковъ развивался, когда о 19 февраля народъ частію и не думалъ, а частію вліяніе освобожденія еще и не могло обнаружиться въ болѣе смѣломъ полетѣ народной мысли. Поэтому вопросъ о народномъ міровоззрѣніи и народномъ философско-соціальномъ порывѣ и стремленіи есть вопросъ будущихъ народныхъ беллетристовъ.

Не смотря на то, у Рѣшетникова имѣются превосходныя монографіи отдѣльныхъ естественныхъ характеровъ, которыхъ еще не коснулась цивилизація и народныхъ типовъ, надъ которыми гроза соціально-экономической невзгоды прошла, какъ туча надъ головой, не задѣвъ ихъ. Къ первымъ принадлежатъ Никола Знаменскій, Пила и Сысойка, ко вторымъ тетушка Опарина и кумушка Мирониха.

Только въ глухомъ, изолированномъ, лѣсистомъ сѣверо-востоку, точно островъ, отдѣленномъ болотами и непроходимыми пустырями отъ остальной Россіи, могли формироваться такіе люди, какъ Никола Знаменскій и Пила. Дикъ этотъ Никола, какъ медвѣдь, на котораго онъ ходитъ, какъ первобытный новгородскій славянинъ, забравшійся въ чуждъ заволоцкую. А въ то же время въ этомъ дикомъ славянинѣ чувствуешь непосредственное хорошее человѣческое чувство, естественную простую, безхитростную доброту и прирожденную гуманность, неиспорченную цивилизаціей, создающей тѣснотой.

Никола Знаменскій былъ попь, но такой, какихъ постригали по деревнямъ при первыхъ новгородскихъ епископахъ. Умеръ знаменскій священникъ и потребовали Николу въ городъ, чтобы посвятить въ попы. Поѣхалъ Никола. „Я допрежь думалъ — только на свѣтѣ и есть одинъ городъ. Березовъ... рассказывалъ Никола. Кутейникъ позвалъ меня къ себѣ, ну я и поѣхалъ. А

у него въ горницѣ пятеро кутейниковъ было, да одинъ дьяконъ какой-то. Тутъ я съ ними баско назюзился, потому они мнѣ понравились, да и вино у нихъ лучше березовскаго. А утромъ меня растолкали: архирей пріѣхалъ. Иди, покажись ему... Взялъ кадушку масла да лукошко яицъ — забранили; онъ-тѣ, бають, дастъ за это... Полѣзаю въ избу.—А гдѣ, баю, владыка? А меня ужъ научили, какъ архирея называть, только я первое слово не могъ выговорить. — Ну, тамъ спросы пошли, хохотали сколь надо мной. Поди, бають, къ набольшему дьякону, и дорогу показали. Я пошелъ... Сердитый такой, хайло у него побольше моево... Што, баеть, тебѣ?—Я, баю, Никола Знаменскій.—Кто? спрашиваетъ. — Кое-какъ растолковались... Отчего, баить, ты безъ рясы?—Я баю: а пошто ряса? — Онъ какъ закричитъ; я ему хотѣлъ было дать масло—такъ не беретъ: — „мы, баить, эту дрянъ не беремъ; намъ, баить, дѣвать ее некуда. Давай деньги“. „Ну даль я ему десять рублей — и спасибо не свазаль“.

Какъ ни смѣшонъ, повидимому, этотъ первобытный простой человѣкъ, незнакомый съ цивилизованными обычаями, какъ и любой медвѣдь, но его крестьяне любили, потому что онъ былъ добрый и хорошій человѣкъ, понимавшій ихъ нужду. Больше всего крестьяне любили Николу за то, что онъ выручалъ ихъ, когда съ нихъ требовали подати. — „Батюшко Микула... подать надо, говорить крестьянинъ, чуть не плача.—Поди продай коровенку, совѣтуетъ Никола.—Кому продать? городъ-то далеко, а староста больше рубля не даетъ. — Ладно, ужо. И пойдетъ Никола къ сельскому старостѣ и, вмѣсто рубля продастъ ему корову за пять, шесть руб. Деньги внесетъ самъ за крестьянъ за подати и за другія повинности, а писарю не дастъ ни копейки и избавить крестьянъ отъ хлопотъ и отъ лишнихъ тратъ... Или бывало придетъ крестьянинъ или черемисъ.—Што, братанъ? спроситъ Никола.—Вида бульна, хозейко подохъ, Лапша подохъ; ись... кару гладаль, брюхо бульна... Дастъ Никола черемису муки съ полпуда и схоронитъ покойниковъ даромъ“.

Но коснулось просвѣщеніе края; пріѣхалъ модный благочинный изъ молодыхъ. Потребоваль, чтобы Никола Знаменскій служилъ, а онъ ни въ зубъ толкнуть. Съ самага приступа благочинный замѣтилъ Николѣ, что онъ вретъ, и потомъ вдругъ пріоста-

новивъ службу, одѣлся въ привезенныя изъ города облаченія и сталъ самъ продолжать службу съ своимъ дьячкомъ. Народъ, видя, что служить не Никола Знаменскій, вышелъ изъ церкви. По окончаніи обѣдни, благочинный велѣлъ Николѣ пріѣхать въ городъ, чтобы научиться служить. Но наука эта не далась Николѣ. Службу началъ онъ такъ: „Господи благослови... благослови владѣка, а потомъ, вѣрно позабывшись, сказалъ громко: „эка оказія!“ Народъ хихикнулъ, пѣвчіе запишикали, изъ лѣвыхъ дверей вышелъ экономя... Никола пошелъ вонъ изъ церкви. На другой день объявили Николѣ въ консисторіи, что ему запрещено исполнять всякія службы, что онъ теперь даже и не дьячекъ, а разстрига и отданъ подъ судъ. Когда Никола пріѣхалъ въ село, крестьяне говорили, что они стосковались по немъ... Церковь была заперта мѣсяца четыре и когда пріѣхалъ новый священникъ съ дьячкомъ, крестьяне объявили имъ, что у нихъ есть пошъ Никола и дьячекъ Сенгунка. Какъ ни бился священникъ, только ни одинъ человекъ не шелъ къ нему ни зачѣмъ. Священникъ сталъ жаловаться начальству. Начальство посадило Николу въ острогъ, потому-де что онъ бунтовщикъ. Въ острогъ онъ и умеръ... И теперь знаменскіе крестьяне помнятъ перваго своего попа: „Не бывать ужъ такому доброму попу, каковъ былъ Никола Знаменскій, говорятъ они.“

Сисойка и Пила тоже живой сырой матеріалъ, выросшій на лонѣ природы. Это люди чувства, простого, непосредственнаго, безъ хитрости и задней мысли. Пила—точно отецъ родной для всѣхъ подлиповцевъ. Бывало скажетъ Пила подлиповцамъ: „Чего сидите... робь, я буду робить“—и подлиповцы работаютъ съ Пилой. Нѣтъ Пилы—подлиповцы лежать. Скажетъ подлиповцамъ:—„смотри, траву надо косить“—здоровые идутъ косить, а не скажи Пила, что надо траву косить, подлиповцы не догадаются. Пила заставлялъ подлиповцевъ работать кадки, кузовки, лапти, отправлялся за больныхъ продавать товаръ въ городъ или село. Для него ничего не значило съѣздить за 100 верстъ. Если въ городѣ ничего не покупали, Пила шелъ собирать ради христа и потомъ дѣлился съ подлиповцами. Всѣ подлиповцы любили Пилу и каждый спрашивалъ его совѣта, или пресилъ полечить, такъ какъ Пила лечилъ больныхъ травами, хотя самъ въ нихъ не понималъ никакого толку. Какъ ни любилъ Пила подлиповцевъ, но больше

всѣхъ любилъ свою дочь Апроську и ея любовника Сысойку. Когда умерла Апроська, Пила долго не вѣрилъ, что она умерла. Онъ сталъ ее толкать, она не шевелится... Взвылъ Пила, убѣжалъ на улицу, забрался въ стойку и долго тамъ плакалъ... Въ стойкѣ спали Павелъ и Иванъ. „Помру ли я? спросилъ самъ себя Пила. — Уйду отсель, уйду! закричалъ онъ и вышелъ изъ стойки. Пила хотѣлъ ѣхать, но ему жалко стало Сысойки, да и что дѣлать съ Апроськой?.. Сысойка страдалъ не меньше; онъ дико смотрѣлъ на Апроську, но видно было, что его страшно мучило горе. Онъ любилъ Апроську сильно, хотѣлъ съ ней всегда жить... Зачѣмъ-же Апроська умерла? Онъ-то зачѣмъ не померъ? Дикъ и золъ сдѣлался Сысойка; теперь онъ походилъ на собаку, лишившуюся своего дѣтища. Онъ готовъ былъ, богъ знаетъ, что сдѣлать, только бы Апроська была жива, готовъ былъ помереть, но не зналъ какъ помереть... Пила мучился, какъ и Сысойка. Онъ сѣлъ съ Сысойкомъ на палати и долго смотрѣлъ на Апроську, потомъ вскричалъ: — „Апроська!..“ Апроська не двигалась. Пила заревѣлъ, заплакалъ и Сысойка. Сначала Пила ничего не могъ придумать: все Апроська мучила его. Потомъ ему опротивила своя изба, и вся деревня. Пила вскочилъ, какъ бѣшеный, и сказалъ самъ себѣ: „что я за чучело, что мнѣ жить-то? пойду изъ Подлипы, наплюю на нихъ всѣхъ... безъ Апроськи, что за жизнь.“

Пошелъ Пила съ Сысойкой въ городъ бурлачить. Городъ незнакомый, все дико, ново, чудно. Привыкъ Пила только къ своей Подлипѣ; тамъ только онъ и знаетъ, какъ и что дѣлать — а тутъ и люди не тѣ, и порядки не тѣ. Ничего не понимаетъ. Нашлся Пила, какъ медвѣдь, мертвецки пьянъ, попалъ въ полицію, набуянилъ съ казаками и съ квартальнымъ и отдалъ Пилу подъ судъ. Подъ арестомъ въ полиціи, Пила получилъ первые уроки цивилизаціи. „По мнѣнію солдатъ и казаковъ, подлиповцы были очень глупы и дики, раздражить ихъ ничего не стоило: осердившись, подлиповцы лѣзли драться на того, кто сердилъ; но не всѣ изъ солдатъ были такіе: одинъ изъ нихъ часто отговаривалъ подлиповцевъ отъ ругани и драки. Отъ этого-же солдата они узнали, кого надо бояться, кому какъ говорить, кому кланяться, кому вѣтъ. Подлиповцы узнали также, что ихъ становой и сельскій попъ еще небольшія лица, а въ городѣ есть выше ихъ: исправ-

никъ; городничій, судья, а надъ попомъ благочинный, и что надъ этими лицами есть еще старше, они живутъ въ губернскомъ городѣ и надъ тѣми тоже есть старшіе... Подлиповцы только дивились этому и плохо вѣрили. Говорили имъ также, что этотъ городъ не одинъ и земля велика; подлиповцы только смѣялись. Въ продолженіи мѣсяца подлиповцы узнали больше, чѣмъ живши до этого времени; напимѣръ они узнали, что есть мѣста лучше и хуже Подлипной, есть люди богатые и такіе, которыхъ ни за что обижаютъ и дѣлаютъ съ ними не силой, а чѣмъ-то инымъ все, что только захотятъ, какъ это было и съ ними: въ Подлипной они боялись только попа и станового, а здѣсь многіе ихъ обидѣли, избили и отодрали, и теперь никуда не пускаютъ. Узнали, что такое паспорта...

Миръ непосредственнаго простого чувства, естественной солидарности интересовъ и естественной ассоціаціи всегда манилъ къ себѣ тѣхъ изъ мыслящихъ людей, кому пришлось вкусить отъ горькаго плода европейской цивилизаціи съ ея конкуренціей и борьбой, съ ея насиліемъ и внимательствомъ. Люди, задумывавшіеся надъ жизнію, уже не разъ обращали свой взоръ къ естественному состоянію, видя только въ немъ спасеніе. Кажется, та-же мысль руководила и Рѣшетниковымъ. Можетъ быть, она не созрѣла въ немъ въ принципъ и вполне сложившееся убѣжденіе; но по крайней мѣрѣ во всѣхъ случаяхъ, когда Рѣшетниковъ говорить о непосредственномъ естественномъ человѣкѣ и о человѣкѣ, попавшемъ въ водоворотъ болѣе осложненной и развитой жизни—естественный человѣкъ у него неизмѣримо нравственнѣе и выше. Въ естественномъ человѣкѣ, будетъ то Никола Знаменскій, Пила, Сысойко, или только зародышъ человѣка въ образѣ маленькаго Яшки—вы чувствуете какую-то здоровую силу, стремящуюся, стойкую; въ средѣ-же болѣе сложной находите силу уже надломленную, ослабѣвшую, пограничную съ отчаяніемъ, или уже ему отдавшуюся, если она сохранила свое первоначальное человѣческое содержаніе. Таковъ весь петербургскій людъ, который рисуетъ Рѣшетниковъ, людъ подвальныхъ этажей и кабаковъ.

Къ естественному здоровому типу принадлежать у Рѣшетникова только Опарина и Мирониха; но онѣ уже болѣе или менѣе законченная первоначальная форма, типъ, сложившійся при бла-

гопріятныхъ условіяхъ, случайное, счастливое сочетаніе молота и наковальни съ типомъ общественнаго дѣятеля.

Опарина—все; она кулакъ, и мелочной торгашъ, и сельскій хозляинъ, и повитуха, и лѣкаръ, и коноваль; она помогаетъ деньгами и совѣтомъ; она—ходатай за угнетенныхъ; ея нравственному вліянію подчиняются не только крестьяне, но и сельское начальство; она—счастливое соединеніе Марфы-Посадницы съ торговкой, кумушкой и факторомъ. Много дѣла Опариной, такъ много—бѣда! какъ говоритъ она сама. Не всёмъ выпала такая жизнь, да не у всѣхъ такой умъ и характеръ. Въ Опариной есть сила подчиняющая — не среда подчиняетъ ее себѣ, а она среду, потому-что она знаетъ эту среду. Опарина знаетъ, что люди не столько злы, сколько глупы. „Иной разъ такъ до того разозлится въ глаза, что даже заплачешь отъ такой налести... А я на все плюю, и имъ-же добро сдѣлаю, потому-что какъ-бы худъ ни былъ человѣкъ, а все-же послѣ пригодится и благодарность къ тебѣ будетъ имѣть,“ разсуждаетъ Опарина. Вообще ея отношеніе къ міру больше головное, основанное на расчетѣ взаимной выгоды съ примѣсью сочувствія къ человѣческой нуждѣ. „Нѣтъ у кого муки, ко мнѣ бѣгутъ, потому отчего не дать своему человѣку—не обманеть, отдасть; а если и муку не возвратитъ, я сѣномъ возьму, али овсомъ, али чѣмъ инымъ. Тоже напримѣръ, мужику нуженъ хамуть, а денегъ нѣтъ, ну и плачется. Я говорю: ничего, подожди, на ярмаркѣ дешевле купимъ, а ты мнѣ только росписку пиши, послѣ сквитаемся. Ну а какъ не заплатитъ и другимъ возьмемъ“. Потакать Опарина не любитъ; она строга и въ ласку не вѣруеть. „Ласка? откуда ты это ласки-то найдешь? Развѣ меня лаской вспоили, вскормили; развѣ меня теперь ласкаютъ, коли не огорчаютъ тебя на каждомъ шагу? Ласка что значить? Поблажка... А какъ сдѣлалъ поблажку разъ, другой, да какъ будетъ дитятко чужихъ совѣтовъ слушаться, тогда придется все самой дѣлать... Можетъ, и не удержитесь и поколотитесь, а потомъ и приласкаешь“. Но вотъ злѣйшаго врага Опариной, Дарью Яковлеву задумали высѣчь въ правленіи и въ Опариной проснулась Марфа-Посадница. Какъ только Опарина услышала объ этомъ, ее передернуло и глаза за-сверкали. „Ну этому не бывать, сказала она; вотъ еще новость!.. Какое они такое право взяли бабъ стегать?.. Развѣ это не обидя

всѣмъ бабамъ, коли надъ ними мужики будутъ командовать такъ и издѣваться?— „Да вѣдь ты на нее сердита?“— замѣтили Опаривой.— „Сколь сердита, столь и милостива. Ты думаешь я безъ чувствія?“ отвѣтила она. Надѣлавъ скандалу въ волостномъ правленіи, Опарина не только выпрочила Дарью Яковлеву, но еще заплатила свои деньги за паспортъ, чтобы отправить Дарью изъ деревни отъ ея тирана-мужа. Писарь спрашиваетъ Опарину: изъ-за чего она тутъ хлопочетъ. „Ты говоришь съ чего? Да знаешь-ли ты, мнѣ отъ нея житья нѣтъ, то и дѣло ругается да бабъ нашихъ мутить. По ея милости, мало-ли что говорить про меня?.. Ну, а какъ въ городъ-то свезу и лучше“.

Мирониха того-же бойкаго самостоятельнаго типа людей добрыхъ, дѣятельныхъ, въ которыхъ кулакъ-торгашъ умѣетъ ужиться съ Марфой-Посадницей. Матрена Власовна съ 12 лѣтъ уже стала ходить въ городъ продавать молоко и скоро научилась добывать деньги, такъ что отъ продажи молока, огородныхъ овощей, ягодъ и грибовъ она въ свадьбѣ своей, бывшей на 18 году, помимо приданаго, накопила пятьдесятъ рублей. Въ замужествѣ и во вдовахъ она рѣшительно никого не боялась на томъ основаніи, какъ она въиражалась: „съ насъ взятки гладки. Закона такого нѣту, чтобы командовать надъ нами“. Хозяйство у Миронихи было такое, что жить ей было можно. Но она увеличивала свой доходъ такимъ образомъ: „въ городѣ у нея было много знакомыхъ, которые за молоко или за какія либо овощи платили ей не тотчасъ, а черезъ мѣсяцъ, или черезъ три мѣсяца. Она и писала счетъ на стѣнѣ въ своей кухнѣ противъ печки: одна палочка обозначала долгъ за одинъ буракъ, который стоилъ пять или три копейки; она никогда не смѣшивала вмѣстѣ разныхъ долговъ; за то она къ каждому пяти палочкамъ приписывала себѣ за труды шестую палочку, думая: „небось вы за ходьбу-то не прибавляете. А што мнѣ нужды, што вы меня чаемъ-то поите?“ А такъ-какъ она денегъ не тратила по пустякамъ, то у нея часто просили въ долгъ сосѣди или городскіе знакомые. И эти долги она пишетъ на стѣну, только рубли обозначаетъ ониками, а гривны крестиками. Если-жѣ кто не отдаетъ ей долговъ, она ходитъ жаловаться начальникамъ и если ужъ дѣло идетъ на ссору, приписываетъ къ тремъ оникамъ еще оникъ, а

цѣвать крестиковъ зачеркиваетъ, загораживаетъ кѣлочкой и сверху пишетъ оныя.

Мирониха и Опарина развились въ условіяхъ счастливаго равновѣсія житейскихъ вліаній. По своему положенію имъ самимъ приходилось разыгрывать роль то молота, то наковальни; оттого-то онѣ и знаютъ, насколько нужно нажать, чтобы было по божески и безобидно. Конечно, и Опарина и Мирониха не пропустятъ своего. Опарина, напр. приказываетъ племянницѣ отобрать покупателю овса такъ, чтобы было ей не въ убытокъ, или попросту—отобрать. Мирониха тоже приписываетъ лишнія палочки и оники; но онѣ дѣлаютъ это въ мѣру и экономическія, чисто стяжательныя побужденія никогда не играютъ въ нихъ главной роли, никогда не берутъ перевѣса надъ побужденіями человѣческими.

Паралельнаго Миронихѣ и Опариной мужскаго типа Рѣшетниковъ не даетъ и, конечно, не отъ того, чтобы его не было въ жизни. Никола Знаменскій умеръ въ острогѣ, Пила — во время тяги. Да они и росли не въ тѣхъ условіяхъ и ужъ были не тѣхъ лѣтъ, чтобы могли сложиться въ законченную, наиболѣе совершенную форму, создаваемую благоприятными условіями народнаго быта. Мирониха и Опарина, какъ говоритъ Рѣшетниковъ, „типъ горнозаводскихъ женщинъ, которыя не только не уступаютъ мужчинамъ, но даже превосходятъ ихъ. Онѣ не боятся мороза, сильныхъ вѣтровъ, дождей, грозы, а ихъ только беспокоитъ пьянство, лѣнь мужей, безденежье, которое часто происходитъ не отъ нихъ, а отъ божескаго послабленія, какъ онѣ сами выражаются“. Но гдѣ-же тотъ мужчина, который-бы стоялъ выше забитыхъ людей, который имѣлъ-бы въ своемъ характерѣ тѣ-же основы, какъ Мирониха и Опарина, но только съ мужскимъ закаломъ и съ развитіемъ, выработываемымъ болѣе широкимъ кругомъ дѣятельности? Такого мужскаго типа Рѣшетниковъ не даетъ, точно онъ нигдѣ не видѣлъ и не нашелъ. Мужскіе типы, паралельные развитой формѣ Опариной и Миронихи—не органическіе продукты народной среды, не лучшіе продукты сравнительно благоприятныхъ русскихъ условій, а типы уже искалеченные одностороннимъ положеніемъ и вліявшей на нихъ зачаточной гражданственностію. Таковы Внучкинъ и Ставленникъ.

Внучкинъ и Ставленникъ — натуры погнувшіяся, сгумѣвшія

примириться съ своимъ искусственнымъ положеніемъ въ ущербъ соціальной правды и справедливости. Утилитаризмъ, установившійся въ Опариной и Миронихѣ въ положеніе устойчиваго равновѣсія, въ Внучкинѣ и Ставленникѣ погнулся въ одну сторону — личнаго своекорыстія. Отъ этого Внучкинъ, сначала волостной писарь, и потомъ управляющій пароходной компаніи, есть типъ ислутовавшагося сельскаго начальника, конгломератъ, въ которомъ сидитъ и волостной писарь, и приказный, и кулакъ-торгашъ, и деревенскій маклакъ, и аферистъ, и самодуръ, и деспотъ, и все это смазано мелочнымъ и мошенническимъ лукавствомъ и трусостию. Ставленникъ по своему составу проще: онъ—своекорыстная ограниченность подъ личиною лицемерія.

Міръ зачаточной гражданственности, создавшій Внучкина и Ставленника, страдаетъ именно тою искусственностію и авторитетнымъ формализмомъ, которые, втискивая жизнь въ законченныя рамки, обезличиваютъ человѣка и заставляютъ его пѣть по готовымъ нотамъ. Подумаешь, что люди уже все порѣшили, все знаютъ и знать имъ больше нечего. Если подчиниться безгласно дрессированной философіи наставниковъ Внучкина и Попова, то окажется, что человѣческій мозгъ совершенно излишняя роскошь, ибо на всякій шагъ имѣется готовый рецептъ. Слушайся и дѣлай — вотъ и вся практическая мудрость. Зачаточная гражданственность убиваетъ всякую критику мысли, всякую самодѣятельность и своеобразность, она заставляетъ принимать все на вѣру, безъ отговорки, безъ борьбы; подчиняться уставу даже и въ томъ случаѣ, когда онъ оскорбляетъ природу человѣка. Какойнибудь непосредственный и сырой Пила и Никола Знаменскій въ этомъ случаѣ неизмѣримо выше Внучкина и Егора Ивановича. Какъ ни смѣшны эти первобытныя натуры, выскочившія изъ первобытнаго лѣса, но въ нихъ вы видите свое, а въ Егорѣ Ивановичѣ все чужое и вѣднее. У Пилы и Николы Знаменскаго есть свой собственный критерій—непосредственное, безсознательное чувство, и вы ихъ не заставите сдѣлать того, что не принимаетъ ихъ душа. У Егора Ивановича собственной души нѣтъ; она успѣла уже вылѣпиться въ форму до того искусственной цивилизаціи, что утратила весь свой естественный ароматъ. Попробуйте-ка женить Пилу или Николу Знаменскаго, если имъ этого не хочется! Когда Настькѣ, познакомившейся слишкомъ коротко съ Николой,

отецъ обрѣзалъ волосы, прибилъ и выгналъ ее, Никола Знаменскій сейчасъ-же пошелъ къ нему. „Видишь это, сказалъ Никола, и показалъ ему топоръ. И испугавшійся поцъ отдалъ Настыку за Николу. Егоръ Ивановичъ, искусившійся въ философіи и діалектикѣ, такъ грубо, конечно, не поступитъ. „Я понимаю женитьбу такъ, говоритъ онъ своей невѣстѣ: — жена моя должна быть другомъ мнѣ, а никакъ не рабой, т. е. она можетъ имѣть полную свободу во всемъ и быть моимъ утѣшителемъ“. Или: „Да, мы женимся для мѣстовъ, а о любви и дѣла нѣтъ. Гадко! Послѣ этого, знаете-ли вы, что мнѣ хочется сдѣлать—въ свѣтскіе выйти“. Или: „Я рѣшился просить вашей руки не изъ какихъ-либо честолюбивыхъ видовъ, а именно ради васъ. Со мною вы будете свободны, потому что, понимая женщинъ, я не хочу стѣснять васъ. Повѣрьте, что все наше сословіе вступаетъ въ бракъ такъ, какъ и я хочу съ вами вступить“. А раньше, на вопросъ Андрея Филимонича—любитъ-ли онъ свою невѣсту, Егоръ Ивановичъ отвѣчалъ: „нѣтъ, я женюсь по необходимости“. Не даромъ-же ректоръ любилъ Попова за скромность и послушаніе и въ то же время задавался вопросомъ—что-то будетъ съ этимъ лицемѣромъ. Но отецъ ректоръ взялъ нѣсколько далеко; Егоръ Ивановичъ еще не настоящій лицемѣръ, лицемѣръ будущій; онъ пока сбившаяся съ пути и подавленная мысль, невлаждѣющая настоящимъ критеріемъ для собственной провѣрки. Въ то время, какъ Никола Знаменскій и Пила не воспримутъ того, что возмущаетъ ихъ природное чувство и оттолкнуть противорѣчащую имъ мысль, Егоръ Ивановичъ поступитъ обратно:—онъ заставитъ смириться свое чувство предъ авторитетомъ взятой имъ на вѣру мысли. Оттого-то Егоръ Ивановичъ и живетъ въ вѣчномъ противорѣчii чувства и мысли, которое, наконецъ, и должно выработаться въ немъ въ законченное лицемѣріе.

Въ очеркахъ и монографіяхъ Рѣшетникова нельзя прослѣдить постепенность перехода человѣка изъ жизни непосредственнаго чувства въ послѣдующія общественныя формы полудивилизованныхъ людей, вкусившихъ отъ плода зачаточнаго образованія. Очерки Рѣшетникова носятъ характеръ случайности; они не полная коллекція образцовъ, задуманныхъ и обрисованныхъ, во всей ихъ переходной постепенности, на фонѣ условій, ихъ создавшихъ,

а отрывочныя изображенія отдѣльныхъ фязіономій, наиболѣе поразившихъ автора.

Если подступать къ монографіямъ Рѣшетникова съ одними эстетическими требованіями, т. е. ставить беллетристовъ въ положеніе бессмысленнаго творчества, то, конечно, вопросъ о какойнибудь системѣ и основной мысли былъ-бы совершенно неумѣстенъ. Но если беллетристъ есть изслѣдователь-популяризаторъ, то отъ его изслѣдованія нужно требовать плана, постепенности, полноты и систематическихъ отвѣтовъ на систематическіе вопросы. Прилагая это требованіе къ монографіямъ Рѣшетникова, слѣдуетъ пожалѣть, что ихъ слишкомъ мало; что въ нихъ незамѣтно системы и плана; что вмѣсто этнографической коллекціи, онъ даетъ только нѣсколько фотографическихъ карточекъ. По матеріалу, который даетъ Рѣшетниковъ, нельзя составить критерія для опредѣленія въ каждомъ данномъ случаѣ и въ каждой данной фязіономіи того естественнаго народнаго реализма, который, какъ органическій продуктъ, развившійся изъ хорошихъ силъ и при благоприятныхъ условіяхъ, могъ-бы служить провѣркой реализма, непошедшаго дальше Базарова. Если эти два реализма, вышедшіе изъ противоположныхъ источниковъ, должны провѣрить другъ друга и сойтись на одной общей точкѣ, то это возможно только тогда, когда формулы того и другого будутъ вполне выяснены и опредѣлены. Матеріалъ Рѣшетникова для этого еще недостаточно богатъ и это могло произойти оттого, что—или монографіямъ отдѣльныхъ типовъ Рѣшетниковъ не придавалъ такого значенія, какое имъ слѣдуетъ придавать—или онъ снѣшилъ обнять народный міръ возможно широкимъ кругозоромъ и дать всеобъемлющія картины трудовой народной жизни въ формѣ романа—или-же оттого, что Рѣшетниковъ умеръ всего 29 лѣтъ. Последняго обстоятельства совершенно достаточно, чтобы воздержаться отъ законченнаго приговора надъ силами Рѣшетникова. Онъ не сказалъ всего своего. Даже въ Россіи, при лучшей жизненной обстановкѣ, Рѣшетниковъ могъ-бы прожить еще лѣтъ тридцать, а въ тридцать лѣтъ, если не измѣнять силы, можно написать много. Но съ другой стороны нельзя не замѣтить, что лиризмъ есть основная подкладка произведеній Рѣшетникова. Онъ самъ выросъ въ щемящемъ чувствѣ, выстрадалъ за себя и за другихъ и очерками забытыхъ людей и сатирическими

монографіями (Ставленникъ, Внучкинъ) дѣлится своими чувствами съ читателемъ. Рѣшетниковъ по преимуществу человѣкъ чувства; онъ самъ весь свой вѣкъ мучился вопросами и искалъ, гдѣ лучше? Поэтому его литературныя произведенія—скорбная лѣтопись его собственного существованія и апелліція къ чувству за подобныхъ-же ему горемъ. Въ Рѣшетниковѣ вы не найдете того, что такъ рѣзко и повсюду выражается у Помяловскаго. Помяловскій не замыкается въ себя, онъ уходитъ въ протестующее озлобленіе, тогда какъ Рѣшетниковъ производитъ на васъ впечатлѣніе щемлящаго страданія, сосредоточеннаго и тихаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безнадежнаго.

III.

Стоитъ въ лѣсу починокъ — всего шесть домовъ: четыре съ крышами, два безъ крышъ съ соломой на потолкѣ, съ слюдью въ оконныхъ рамахъ вмѣсто стеколъ; воротъ вовсе нѣтъ. Кругомъ болото и лѣсъ; повсюду мокро и необработано; земля не даетъ травы, не даетъ хлѣба. Шатаются по полю три лошади и то не надолго—идутъ онѣ въ лѣсъ; тамъ больше травы. „Пробовали, сказываютъ крестьяне, ужъ какъ вспахивали землю и поздно, и рано, да все проку нѣтъ. Вспахаешь — стужа настанетъ, либо дождь, потомъ жара, все окоченѣетъ; а тамъ дождь, иней, снѣгъ... Пробовали и за хлѣбушкомъ ходить, да все не въ толкъ; только начинается созрѣвать, вдругъ дожди, заморозки, снѣгъ... Поплачешь, погорюешь, да и скосишь травку Божью, измелишь и ѣшь такъ, съ горячей водой, либо настоящей мучки смѣшаешь, али коры осиновою, либо липовой наскоблишь“... Зачѣмъ-же подлиповцы живутъ тутъ? Подлиповцамъ этого не растолкуешь; они сами не знаютъ, откуда они взялись. Понятія ихъ такія: „Есть какой-то Богъ, а какой онъ тамъ, кто его знаетъ. По преданіямъ своихъ отцовъ, подлиповцы справляли праздники, молились своимъ чучеламъ. О существованіи земли они знали только то, что земля даетъ имъ пищу, да въ землю покойниковъ зарываютъ. Увидятъ они, что солнце ярко свѣтитъ и думаютъ: это богъ; молятся ему. Свѣтитъ-ли ночью луна — тоже богъ, и дождь, и снѣгъ, и молнія — все богъ. Знали они, что есть го-

родъ Чердыннъ только потому, что бывали тамъ; а есть-ли еще за Чердынню что нибудь—дѣло темное“. При своей бѣдности, подлиповцы постоянно въ долгу; съ нихъ требуютъ подати, но имъ негдѣ взять денегъ и на нихъ растутъ недоимки съ каждымъ годомъ.

Картина эта переноситъ читателя въ первобытный мiръ. У человѣка все зачаточное: и мысль, и чувство, и стремленіе. Отношенія просты; грубыя матеріальныя потребности—первыя потребности, о нихъ только человѣкъ и хлопочетъ, но и онѣ удовлетворяются не вполне. Нѣтъ, такъ жить нельзя; нужно поискать гдѣ лучше. И вотъ Пила и Сысойка идутъ искать невѣдомаго для нихъ счастья. Но до счастья не дойдешь, какъ до мѣсяца. Потолкались Пила и Сысойко кое-гдѣ и попали наконецъ въ бурлаки. Тянули разъ судно; тянули, тянули, да и сѣли на мель.—Трогай сильнѣй, трогай, что стали, понукалъ бичевниковъ лоцманъ съ судна. Бичевники натянули бичеву; судно пошло: бичевники наперлись пуще прежняго; заплѣли... Вдругъ бичевка лопнула, всѣ бурлаки упали... Кто ударился головой о плетень, кто колѣнкомъ о камень, кто разшибъ носъ и губы. Пила и Сысойко лежатъ безъ чувствъ въ разныхъ сторонахъ, облитые кровью. „Померли! вотъ тѣ и жисть!“ сказали бурлаки и накрыли ихъ полушубками. Должно быть правъ былъ Пила, что ему съ Сысойкой родиться-бы не слѣдовало. Родился зачѣмъ-то человѣкъ; въ дѣтствѣ терпѣлъ горе, вся жизнь его—горе горькое и заключалась въ томъ, что онъ старался найти себѣ что-то лучшее, пробовалъ выбиться изъ нищеты. Нѣтъ-таки, стой! куда лѣзешь, лапотникъ! До этого-же додумались и Петровъ съ Караваевымъ. Перебирая свою жизнь послѣ всѣхъ мытарствъ, которыя они испытали, они пришли къ тому заключенію, что богатому вездѣ хорошо, а бѣдному вездѣ плохо. Правда, въ кабакѣ хорошо, но на томъ свѣтѣ должно быть лучше. Человѣкъ, по ихъ мнѣнію, созданъ для того, чтобы самому добывать себѣ пропитаніе: а такъ какъ человѣку для этого нужно немного, то онъ былъ-бы вполне доволенъ и спокоенъ, если-бы его не обижали тѣ, которымъ хочется жить во все свое удовольствіе. И странно! какъ человѣку ни худо, а всегда найдется кто нибудь, кому еще хуже. И завидуетъ этотъ чужому хорошему, считая его лучше. Ужъ какъ скверно жилось Максѣ, когда стали его гонять съ почтами, а и

тутъ ящичекъ позавидовалъ: „эко людямъ счастье, сказали онъ: все спать“.

На этой основной мысли построены всѣ романы Рѣшетникова; всѣ они написаны на тему исканія простымъ человѣкомъ счастья, котораго онъ не находитъ, потому-что всегда найдется болѣе сильный и болѣе богатый человѣкъ, который его обидитъ. Мысль объ исканіи, гдѣ лучше, начинается у Рѣшетникова въ „Подлиповцахъ“, проходитъ въ „Гдѣ лучше“ и въ „Свой хлѣбъ“. Но „Свой хлѣбъ“ у Рѣшетникова не копченъ и, къ какому послѣднему результату пришла-бы его мысль, сказать, поэтому, нельзя.

Въ романахъ Рѣшетникова предметъ изслѣдованія составляетъ не отдѣльный человѣкъ, не процессъ его психическаго развитія, а отношеніе ищущаго, гдѣ лучше, человѣка къ вышнему міру. Здѣсь отдѣльное лицо не занимаетъ у Рѣшетникова всего мѣста въ картинѣ; онъ не соединяетъ на немъ главнѣйшій интересъ, потому-что и каждое другое лицо такой-же герой, но о которомъ говорится мало изъ экономіи, для сокращенія подробностей. Горюновы, Глузовы, Петровы, Караваевы—не все ли равно?—Только инныя частности, а судьба одна. Этотъ переколачивающійся людъ Рѣшетниковъ пропускаетъ передъ глазами читателя и по одиночкѣ, и кучками, и цѣлыми толпами;—всѣ стремятся туда, гдѣ лучше. Пробуютъ они и горные заводы, и золотыя промыслы, и соляныя варницы, и бурлачество, наконецъ цѣлыми вереницами ломаютъ на желѣзныя дороги. Васѣ обхватываетъ повсюдное движеніе все въ одномъ направленіи и преимущественно къ Петербургу, на который устремлены всѣ помыслы искателей. Но Петербургъ—прорва, говоритъ Рѣшетниковъ: это—бездонная пропасть, поглощающая человѣка, чтобы не выпустить его изъ себя нравственно и физически здоровымъ. Въ Петербургѣ все бродитъ въ вѣчномъ исканіи, бѣдствуетъ и голодаетъ—оторванное и одинокое. До отдѣльнаго человѣка тамъ точно нѣтъ и никому и дѣла—хоть околѣй. Кабакъ и трактиръ—вотъ семейный очагъ одинокаго пришлеца. Простой рабочій народъ не знаетъ, какой ядъ заключается въ водкѣ, и пьетъ ее по разнымъ причинамъ, говоритъ Рѣшетниковъ. Отправляется человѣкъ на работу и заходитъ въ кабакъ выпить осьмуху, чтобы разбить кровь; измученный и усталый, съ работы онъ опять заходитъ въ кабакъ, чтобы выпить на сонъ грядущій. Безъ водки рабочій чувствуетъ подав-

ленность и скучаетъ. Забравшись въ кабакъ, рабочіе располагаются, какъ дома, пьютъ, бесѣдуютъ, толкуютъ о своихъ дѣлахъ. и въ этомъ рабочемъ, пришедшемъ изъ деревни, вы не узнаете деревенскаго крестьянина, живущаго въ кругу однодеревенцевъ и пьющаго водку въ праздники. Отчего-же тотъ-же крестьянинъ становится другимъ? „На это я скажу, говорятъ Рѣшетниковъ, что крестьянину очень скучно, душно и тяжело въ столицѣ, гдѣ онъ живетъ заработками“. Въ артеляхъ живутъ рабочіе безъ жёнъ и вообще безъ женщинъ по пяти, десяти и болѣе человекъ и всегда питаются дрянною пищею. Въ комнатѣ сыро, душно; съ товарищами все переговорено—тянетъ на улицу; хочется повеселиться. Но куда идти? „Бабъ нѣтъ, дѣвокъ своихъ нѣтъ, орать пѣсни неловко, шататься по городу надоѣло, собраній такихъ нѣтъ, гдѣ-бы рабочій чѣмъ-нибудь занялся—ну и идетъ человекъ въ кабакъ; тамъ онъ, выпивши водки, повеселѣетъ, покалякаетъ съ кѣмъ-нибудь, пѣсни попоетъ, попляшетъ, и никто тамъ ему не препятствуетъ... И отчего-бы ему не пѣть и не плясать въ кабакахъ, когда больше негдѣ и когда онъ выросъ въ деревнѣ на хорошемъ воздухѣ и укрѣпилъ свои силы въ деревнѣ“. Рабочій пьетъ всегда ради чего-нибудь; горькіе же пьяницы, ничего не дѣлающіе,—другое дѣло.

Отношеніе Рѣшетникова къ рабочему населенію глубоко сочувственное; онъ не видитъ въ этомъ мірѣ ничего, кромѣ печальныхъ сторонъ, и подавляетъ читателя не грандіозностію единоличнаго бѣдствія, а монотонностію тупаго покорнаго страданія цѣлыхъ сотенъ людей, которыхъ онъ заставляетъ проходить передъ глазами читателя. Конецъ же всегда одинъ и выводъ тотъ-же, до котораго додумались Петровъ съ Караваевымъ.

Эта монотонность и множество однородныхъ подробностей сообщаютъ романамъ Рѣшетникова тоскливую заунывность, вредящую имъ въ глазахъ читателей, привыкшихъ къ возбуждающему, острому изображенію беллетристовъ сороковыхъ годовъ. Оно и понятно. У беллетристовъ сороковыхъ годовъ—міръ души, міръ радости и страданій, болѣе или менѣе важнымъ пережитыхъ и во всякомъ случаѣ болѣе знакомыхъ. У Рѣшетникова же—все незнакомо. Душа простого человека для читателя—совершенные потемки. Общаго онъ съ ней почти ничего не находитъ въ себѣ. Реализмъ героевъ—тоже особенный, невѣдомый и новый. Это реализмъ естест-

венный, инстинктивный, созданный обстоятельствами, толкающими человека туда или сюда, а не головной реализмъ Базарова, выработанный имъ идеальнымъ путемъ. Въ народномъ реализмѣ—роковое сѣблѣніе обстоятельствъ, о которыхъ разбивается единоличная воля; въ идеальномъ базаровскомъ—процессъ сознательной мысли, дающей опредѣленное направленіе единоличной волѣ. Это разница въ двигающей силѣ кладетъ свою печать на все поведеніе людей изъ простой среды и цивилизованныхъ реалистовъ. Цивилизованный реалистъ всегда царь мысли, продуктъ интеллигенціи—и онъ знаетъ это и гордится этимъ. Въ каждомъ своемъ шагѣ онъ чувствуетъ, что и простота, и естественность, и демократизмъ имѣютъ аристократическое происхожденіе и ведутъ свой родъ отъ головного Рудина. Поэтому-то сатанинская гордость такъ и присуща Базарову. Она результатъ сознанія, котораго не подавишь и не уничтожишь, потому-что это сознаніе есть основной элементъ той самой мысли, которая привела Базарова къ реализму. Сатанинская гордость переходитъ всегда въ болѣе или менѣе колоссальное самолюбіе. И колоссально-самолюбивый цивилизованный реалистъ подчеркиваетъ каждое свое дѣйствіе, отчеканиваетъ каждое свое слово. Они для него, какъ ярлычки на бутылкѣ. У героевъ Рѣшетникова въ этого подчеркиванія не встрѣтите. Умными мыслями они не щеголяютъ, словоизліаніе считаютъ безцѣльной болтовней, къ дѣлу неведущей, говорятъ просто, поступаютъ еще проще, съ идеализаціей незнакомы и умственной гимнастики совершенно не знаютъ. Мысль простого человека есть результатъ его повседневной практики и его борьбы съ нуждой, научившей его понимать, что въ артели онъ застрахованъ лучше. Въ то время, какъ Базаровъ съ своей сатанинской гордостью мѣрять всѣхъ аршиномъ ума и не признаетъ ровней себѣ того, кто хотя на дюймъ его меньше, простой человекъ сложилъ себѣ аршинъ экономическій и аршинъ равнаго достоинства. Онъ считаетъ своимъ каждого, такого-же, какъ и онъ, бѣдняка и не желаетъ, чтобы надъ нимъ ломались. Когда дядя Кузьмина получилъ, наконецъ, черезъ 30 лѣтъ, первый чинъ, то сказалъ съ храбростью: „теперь меня ни одна свинья не смѣетъ обижать“! Вотъ для чего ему и нуженъ былъ чинъ—онъ далъ ему равное достоинство съ тѣми, кто прежде обижалъ его, а теперь ужъ обижать не смѣетъ.

„Главное не нужно заѣдаться съ людьми: всякіе есть. Нужно такъ дѣлать, чтобы всѣхъ удовлетворить; а безъ этого ничего не подѣлаешь“, говорилъ Кузьмину хозяинъ его квартиры. И этого хозяина всѣ уважали, потому-что видѣли въ немъ вѣжливаго и совѣтъ простого человѣка. Базаровъ разсуждалъ не такъ. Когда того-же Кузьмина выгнали изъ службы, его безъ всякихъ справокъ пріютилъ въ себѣ Гаврило Матвѣичъ; ему было довольно, что Кузьминъ безъ дѣла и безъ хлѣба. „Я вижу, что дѣло твое бѣдное, сказалъ онъ Кузьмину и послалъ на семеновскій плацъ продавать салоги. А когда Кузьминъ продалъ товаръ выгодно, Гаврило Матвѣичъ угостилъ его водкой и сосисками. И всѣ эти Глумовы, Горюновы, Петровы, Пелагея Прохорова, Агафья Петровна, Евгенія Тимофевна, Иванъ Зиновичъ, бабка, принимавшая у Гаврилы Матвѣича, держатся крѣпко другъ за друга, точно они родились въ одной семьѣ. А сколько экономической деликатности въ ихъ обоюдныхъ отношеніяхъ! Когда Гаврило Матвѣичъ спросилъ бабку: „сколько-же вамъ за хлопоты“?—Вы не беспокойтесь, я еще буду ходить пять дней, если Катерина Степановна поправится, а не-то и девять...—„Да вѣдь она и такъ здорова“, отвѣтилъ Гаврило Матвѣичъ, испугавшись, что придется платить лишнее.—Это ужъ мое дѣло, а не ваше; я у васъ денегъ не попрошу: сколько дадите, столько и ладно. Базаровъ ошпарить и оттолкнуть; онъ хочетъ быть одинъ, точно ему нѣтъ товарищей или они ему ненужны. Въ томъ-же мѣрѣ, который рисуетъ Рѣшетниковъ, люди разсуждаютъ не какъ Базаровъ: они знаютъ, что одинъ человѣкъ погибнетъ, какъ червякъ. Вотъ отъ насыпи желѣзной дороги ѣдутъ телѣги, наполненныя больными мужчинами и женщинами. „Куда-же ихъ везутъ? спрашиваетъ Горюновъ. — Куда? отвѣчаютъ ему, извѣстно куда; вывезутъ на большую дорогу, и иди, откуда пришелъ. Хорошо, если село свое или деревня близко, а-то такъ и помереть иной человѣкъ на дорогѣ. У компанеевъ денегъ много, только не стануть-же они съ хворыми возиться, когда, говорятъ, они подрядились къ сроку дорогу сдѣлать... Коли въ силѣ человѣкъ—робъ и отдыха нѣту, а коли помираетъ—домой его. Разъ было привязались къ управителю, онъ и говорить: у насъ-де люди не умираютъ, а коли они умерли за чертой—дѣло не наше, а божье“. Вотъ что и ссѣдиняетъ людей—общая судьба, общее горе. Тутъ

не нужно рудиновскихъ размышленій и распутыванія заоблачныхъ вопросовъ, чтобы понять простую сущность подобнаго простаго положенія. Общій врагъ—нужда скоро связываетъ людей, особенно, если они терпятъ вмѣстѣ отъ тѣхъ-же подрядчиковъ, маклаковъ и кулаковъ. „Вонъ ѣдетъ водовозъ въ непластанномъ полушубкѣ, въ шапкѣ, имѣющей видъ горшка: нещадно онъ бьетъ свою лошадь, ругая ее. Но лошадь идти не можетъ, потому-что переднія колеса завязли въ ухабѣ. Онъ слѣзаетъ съ задка дровней, смотритъ на увязшія колеса и ругается: „о, штобъ вамъ, проклятыя! Взьски съ насъ берете, а это что. Когда вы всѣ передохнете“. И потомъ, увидѣвъ попавшагося ему навстрѣчу мастерового, проситъ его помочь ему вытащить колеса. „Некогда, и такъ запоздалъ—штрафъ будетъ“.—Да помоги, Христа ради! Ты знаешь, я только этимъ и кормлюсь, а какъ привезу не въ то время—другого возьмутъ.—Мастеровой засовываетъ ломъ подъ передокъ дровней, а водовозъ, помогая ему, говоритъ: Жбиды проклятыя! Деньги берутъ, а это што“. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего, кромѣ чистаго экономизма и протестующаго отношенія къ тому, кто жметъ. Это пригнетанье Рѣшетниковъ рисуется то въ видѣ обирающаго петербургскаго кабатчика, то въ видѣ рыночнаго маклака, то въ видѣ разныхъ подрядчиковъ, то въ видѣ хозяина пѣвица, то въ видѣ хозяина квартиры, то въ видѣ барыни, нанимающей женщинъ, явившихся на никольскій рынокъ *продаваться*.

Въ картинѣ Никольскаго рынка Рѣшетниковъ идетъ дальше простаго пригнетанья—читаешь конкуренцію голодныхъ. Въ углу между Брюковнмъ и Еватерининскимъ каналомъ собралось до 200 женщинъ, явившихся продаваться. Тутъ были и чухонки, лепечущія на своемъ языкѣ и стоящія отъ русскихъ особнякомъ, и пѣвки въ худенькихъ салопахъ и чепчикахъ на головахъ, и еврейки. На всѣхъ лицахъ выражается какое-то нетерпѣніе и страхъ. Многія смотрятъ на образъ Николая Чудотворца, на церковь и вздыхаютъ. Вонъ дѣвушка годовъ 17, сидя на мостовой, уперла голову обѣими руками. Другія стоятъ тоже съ невеселыми лицами, часто вздыхаютъ и смотрятъ большею частію на одно мѣсто, какъ-бы что-то обдумывая. „Вдругъ всѣ женщины подвинулись къ дорогѣ; сидѣвшія вскочили и побѣжали къ толпѣ; стоявшія у каналовъ тоже побѣжали, съ яростью тол-

кая другъ друга. Въ срединѣ женщинъ стояла пожилая, толстая барыня въ бѣлой шляпѣ и драповомъ пальто. „А умѣешь-ли ты кушанья готовить? спрашивала барыня одну женщину.—Какже... я у хорошихъ господъ жила.—Вретъ она! Она только-что изъ деревни прѣхавши. Вы меня возьмите, я только сегодня отъ мѣста отошла, проговорила другая женщина.—Вретъ! Вретъ! Она табакъ нюхаетъ, кричали со всѣхъ сторонъ женщины“... Наконецъ барыня столковалась съ одной женщиной: жалованья два съ полтиной, фунтъ кофею, т.-е. полфунта кофею и полфунта цикорія, и фунтъ сахару. „Не прибавите жалованья-то? спросила еще разъ женщина.—Нѣтъ.—Да вѣдь работы много!—Какъ знаешь... и *васъ много*“.

Этотъ отвѣтъ переноситъ вопросъ на такую точку, гдѣ и не разберешь, когда чловѣкъ молотъ и когда онъ наковальня,—гдѣ границы между худымъ и хорошимъ, когда чужое кажется лучше своего и когда не выспавшійся ящикъ завидуетъ спящему съ горя Максѣ. Эмилія Карловна (Свой хлѣбъ), повидимому, очень обижаетъ своихъ дѣвушекъ, кормитъ ихъ скверно, заставляетъ ихъ просиживать ночи, эксплуатируетъ Дарью Андреевну. Когда же этой-же самой Эмиліи Карловнѣ пришлось разсмотрѣть свою приходо-расходную книгу, то оказалось, что ей должны не больше ста рублей, а она должна купцамъ больше четырехсотъ. „Для чего, спрашивается, размышляла Эмилія Карловна, я содержу магазинъ? Я должна наживать деньги, а выходитъ, что я кругомъ въ долгу, живу въ кредитъ. Ужъ какъ, кажется, я ни стараюсь угодить моимъ заказчицамъ, какъ ни экономничаю, изъ кожи лѣзу, а долги растутъ“! И ей припомнилась прежняя жизнь. Прежде, хотя она и работала на хозяйкѣ, такихъ-же, какъ и она, но была озабочена только тогда, когда хозяйки почему-либо задерживали уплату. Случалось ей уходить въ магазинъ и не пивши кофе, за-то у нея не было долговъ. „Да, тогда лучше было жить, рѣшила Эмилія Карловна. Подумавъ, какъ выкрутиться изъ бѣды, Эмилія Карловна остановилась на той мысли, что ей, вмѣсто наемныхъ рабочихъ, нужно держать дѣвочекъ безъ жалованья. И такъ разсуждаетъ не одна Эмилія Карловна, а всѣ, потому-что границы между молотомъ и наковальней нѣтъ. Но этотъ реализмъ—реализмъ Сабакевича, Ноздрева, Горданова, частію даже Базарова, выдѣляющаго себя въ одиночку,

но не реализмъ Горюнова, Петрова и другихъ людей, которыхъ даетъ Рѣшетниковъ въ „Гдѣ лучше“. Правда, Рѣшетниковъ не договаривается до конца и даетъ мысли въ зачаточной формѣ исключительно на подкладкѣ хорошихъ чувствъ. У него и здѣсь недостаетъ той систематической цѣлостности и вполне созрѣвшей мысли, какъ ихъ недостаетъ въ монографіяхъ отдѣльныхъ народныхъ характеровъ. Онъ начинаетъ далеко, съ самаго начала, съ Пилы и Сысойки, выскочившихъ изъ болотъ глухого сѣверо-востока. Затѣмъ непосредственное наблюденіе у Рѣшетникова дѣлаетъ скачокъ, и мысль, которую мы находимъ въ „Подлиповцахъ“, продолжается въ „Гдѣ лучше“. Въ своей экономически-соціальной сущности мысль эта не зрѣлая. Она только разрабатывается на людяхъ, стоящихъ неизмѣримо выше, по опыту и по гражданственности, первобытныхъ Пилы и Сысойки. Отъ этого „Гдѣ лучше“ уже не производитъ того впечатлѣнія обновляющей свѣжести, какое выносишь при чтеніи „Подлиповцевъ“.

Послѣдовательное экономическое мышленіе для Рѣшетникова по-видимому не существовало; ибо на тему, гдѣ лучше, онъ даетъ цѣлый рядъ многосложныхъ картинъ, рисуя ихъ лишь изъ разныхъ сферъ, но не выслѣживая экономической идеи въ ея постепенности народнаго міровоззрѣнія.

Назвать это пропускомъ со стороны Рѣшетникова я не беру на себя смѣлости. Слѣдя за мыслями, выясняющимися въ романѣ, въ нихъ дѣйствительно не находишь экономической связи. Рѣшетниковъ самыми темными красками рисуетъ положеніе людей мускульнаго труда. По его картинамъ, это—безысходное состояніе, съ которымъ слѣдуетъ примириться, потому-что богатый всегда будетъ обижать бѣднаго, но рядомъ съ этимъ Рѣшетниковъ указываетъ на естественную солидарность бѣдныхъ людей, поддерживающихъ другъ друга, на ихъ злобу на богатыхъ и затѣмъ даетъ картины конкуренціи самихъ голодныхъ и заставляетъ хозяйку моднаго магазина придти къ печальному сознанію, что ей жилось лучше, когда она была работницей-швейей. Определенной тенденціи въ одномъ направленіи, очевидно, тутъ нѣтъ. Рѣшетниковъ какъ-будто еще и самъ не выяснилъ себѣ вопросовъ, о которыхъ онъ говорить. Отъ этого народно-реальное воззрѣніе на соціально-экономическія отношенія остается туманно-зачаточ-

нымъ и въ рѣчахъ и въ поведеніи героевъ слышится не столько результатъ народной мудрости, созданной многовѣковой практикой, сколько скорбная жалоба на трудность и безысходность положенія. Рѣшетниковъ даетъ народный реализмъ лишь въ формѣ зачаточной практики, созданной непосредственнымъ чувствомъ, но не въ видѣ если и не вполне развитой, то во всякомъ случаѣ сознательной мысли. Исканіе, гдѣ лучше, представляется въ романахъ Рѣшетникова въ видѣ какой-то случайной толкотни, ясной только въ своемъ основномъ побужденіи; страховая же гарантія не идетъ дальше взаимнаго сердобоія между людьми наиболѣе близкими. Поэтому выискивать основы народного реализма и находить его параллели съ реализмомъ, созданнымъ интеллигенціей, составляетъ уже задачу, лежащую внѣ средствъ автора, которой онъ не только не беретъ на себя, но для исполненія которой онъ не даетъ достаточнаго матеріала и другимъ. А въ то-же время Рѣшетниковъ—чистый народникъ, самъ человекъ, выросшій на лонѣ природы, самъ пострадавшій все, что онъ говорить про другихъ и, можетъ быть, потому-то и являющийся адвокатомъ-лирикомъ всѣхъ тѣхъ, кто ищетъ, гдѣ лучше, и его не находить. Въ этомъ смыслѣ въ Рѣшетниковѣ слѣдуетъ цѣнить выше всего направленіе и его честное, искреннее гуманное отношеніе къ народу, который для него—не меньшіе братья, не предметъ для объективнаго наблюденія, а плоть отъ плоти и кровь отъ крови. Для Рѣшетникова его герои не Панфиль, Иванъ, Агафья, а Панфиль Прохорычъ, Иванъ Зиновычъ, Агафья Петровна, Евгенія Тимофевна, Палагея Прохоровна, Степанида Власовна, Терентій Иванычъ. Это уважительное отношеніе къ равнымъ намъ людямъ впервые введено въ русскую беллетристику Рѣшетниковымъ.

И здѣсь приходится повторить тоже, что я сказалъ раньше, т. е. что окончательный выводъ о силахъ Рѣшетникова невозможенъ. Можно говорить лишь объ его общемъ направленіи, объ общемъ характерѣ его дѣятельности и его новаторскомъ значеніи въ литературѣ. Рѣшетниковъ, сколько можно судить по его романамъ, далеко не кончилъ своего развитія и не сформировалъ себѣ программы. Но онъ, очевидно, зрѣлъ, совершая самъ переходъ отъ непосредственнаго лиризма, который виденъ у него въ „Подлиповцахъ“, къ тенденціознымъ замысламъ, высказывающимся

въ „Гдѣ лучше“ и въ „Своемъ хлѣбѣ“, хотя лиризмъ оставался по-прежнему основной подкладкой.

Въ „Гдѣ лучше“ замыселъ шире и глубже. Съ самаго начала вы чувствуете, что предъ вами уже не тѣ люди изъ народа, съ крѣпкимъ букетомъ первобытной и своеобразной среды, какихъ вамъ даетъ авторъ въ „Подлиповцахъ“ и въ „Очеркахъ“. На людяхъ уже замѣтна полировка, хотя они и простые деревенскіе люди. Но пережѣна эта не въ людяхъ, а въ самомъ авторѣ, въ которомъ чувствуешь, что онъ что-то замышляетъ, что у него есть какая-то тенденція, что ему нужны не непосредственные сыны природы, какъ подлиповцы, а матеріалъ болѣе подходящий къ новой цѣли, что васъ ведутъ въ болѣе широкій обхватывающій міръ, гдѣ труднѣе ко всему присмотрѣться, все понять, найти всему мѣсто и мѣру, опредѣлить гармонію отношеній; однимъ словомъ вы чувствуете, что предъ вами романъ, а не повѣсть и очеркъ. И именно въ этомъ-то болѣе широкомъ тенденціозномъ замыслѣ недостатка и достоинства романа.

Рѣшетниковъ даетъ чувствовать, что его герои не мужики, а такіе-же люди, какъ и всѣ, ровня героевъ Тургенева и Гончарова, но только выросшіе въ другой средѣ. Это приравниваніе Рѣшетниковъ дѣлаетъ въ ущербъ своеобразности и оригинальности и какъ-бы обезличиваетъ своихъ героевъ, сводя ихъ на общій уровень. Интересъ ни въ подробностяхъ, ни въ языкѣ вы не встрѣчаете, какъ вы встрѣчали ихъ ранѣе въ болѣе короткихъ и мѣткихъ произведеніяхъ Рѣшетникова. Равное достоинство героевъ отъ этого выигрываетъ, но саміе герои теряютъ въ интересѣ новизны и въ своеобразности. Мѣстами даже слышится натяжка, какъ напр. въ сценѣ объясненія Лизаветы Елизаровны съ Григоріемъ Прохоровичемъ. Лизавета Елизаровна нѣжна, какъ тургеневская героиня; вы чувствуете отъ нея вѣяніе барышни, культивировавшей въ себѣ однѣ нѣжныя чувства. Я не говорю, что это ложь противъ естественнаго чувства, но говорю, что чувство слишкомъ сладко и извѣжено. Въ то-же время Григорій Прохоровичъ напускно грубъ, точно авторъ хотѣлъ этимъ уравновѣсить фальшь, которую онъ самъ чувствовалъ. Исторія Палагеи Прохоровны съ Петровымъ отзывается тоже искусственностью и идеальничаньемъ; ихъ отношенія недостаточно просты и непо-

средственны, и за героями нерѣдко видишь выглядывающаго автора, который какъ-бы хочетъ сказать — посмотрите, вѣдь это такіе-же люди, какъ вы, и чувствуютъ они по-вашему и деликатны не меньше васъ. Да кто-же объ этомъ теперь спорить? Вообще сердечный, любовный элементъ больше вредитъ, чѣмъ помогаетъ тенденціозному впечатлѣнію романа. Конечно, общая картина жизни полнѣе, но зато эпопея народнаго исканія становится слабѣе и замыселъ показать людей вообще осуществляется лишь на счетъ бытового соціально-экономическаго интереса.

Кромѣ этого въ „Гдѣ лучше“ замѣчается отсутствіе мѣры. Это необходимое слѣдствіе богатства матеріала. Автору точно хочется не пропустить ничего; онъ точно спѣшитъ собрать въ одно все, что идетъ къ дѣлу, чтобы дать картину народнаго скитанія въ возможно-полномъ видѣ. Отъ этого съ одной стороны растянута отъ обилія положеній и лицъ, съ другой—эпизодическая краткость, какъ напр. въ походженіяхъ Памфила Горюнова, попавшаго въ острогъ. Конечно, острогъ всеѣмъ уже болѣе или менѣе извѣстенъ, но тѣмъ не менѣе краткость все-таки помѣшала типичности и яркости картины. Сила Рѣшетникова именно въ томъ, что онъ подавляетъ массой и нескончаемою монотонностью. Только она и забираетъ васъ за душу. Оттого и нужно считать ошибкой мѣры, что Рѣшетниковъ въ одномъ романѣ, какъ-бы въ микроскопѣ, хотѣлъ показать всю трудовую судьбу русскаго рабочаго человѣка. Та-же самая жизнь по частямъ, въ видѣ отдѣльныхъ монографій, съ большими подробностями народнаго міровоззрѣнія, явилась-бы совсѣмъ въ иномъ видѣ и произвела-бы впечатлѣніе не мимолетное. И къ чему такой широкій всеобъемлющій размахъ, чего спѣшить? Не былъ ли бы лучше рядъ монографій въ родѣ жизни рабочихъ на соляныхъ варницахъ, на заводахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, жизни люда подвальныхъ этажей и петербургскаго никольскаго рынка, но все это въ подробныхъ специальныхъ картинахъ. Чѣмъ такая галерея монографій хуже эпизодическихъ картинъ на тѣ-же темы, связанныхъ въ одинъ ожатый романъ, въ которомъ для интереса и ради уступки традиціи впущены общою связью Палагея Прохорова и сердечный элементъ нѣжной любви?

Если Рѣшетниковъ романомъ „Гдѣ лучше“ заявилъ большую зрѣлость мысли и опредѣленность замысла, то въ то-же время онъ

какъ-бы и выскочилъ изъ своей роли, слишкомъ обобщивъ поле наблюденія и слишкомъ расширивъ его для одного опыта. Наблюденіе выиграло бы и въ ширинѣ и въ глубинѣ, если-бы оно производилось по частямъ по заранѣ обдуманному плану; но именно такого плана и не замѣчается. Рѣшетниковъ точно спѣшитъ сказать сразу все и оттого раскидывается. Но съ другой стороны Рѣшетниковъ, можетъ быть, оказался и правъ, потому-что умеръ слишкомъ рано. Его, очевидно, подавляло обиліе матеріала, а при обиліи трудно сохраняется мѣра и экономія. Въ Рѣшетниковѣ именно изумляешься богатству внутреннихъ средствъ, наблюдательной способности автора, съумѣвшаго столько увидѣть, столько понять и столько запомнить. Въ этомъ случаѣ Рѣшетникова нельзя укорить писателями сороковыхъ годовъ, напротивъ этихъ писателей можно укорить Рѣшетниковымъ. Справедливо, что въ отношеніи литературнаго и научнаго образованія у Рѣшетникова есть просвѣты. Незрѣлость социальна-экономической идеи сказалась въ немъ даже весьма замѣтно и повредила замыслу и исполненію романовъ изъ народнаго быта, построенныхъ на экономической основѣ. Но съ другой стороны, гдѣ у писателей сороковыхъ годовъ такое знаніе русскаго человѣка, его быта, его положенія? Читателю давали всегда одного, двухъ, трехъ героевъ, мучениковъ одной идеи или одного чувства, составлявшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и специальность беллетриста. Рѣшетниковъ же подавляетъ васъ сотнями и тысячами людей, изъ которыхъ каждый—герой, съ которыми онъ знакомъ, какъ съ своими пятью пальцами, вмѣстѣ съ которыми онъ изучилъ и бытъ почтовыхъ людей, и бытъ духовныхъ, и жизнь въ монастырѣ, и жизнь нищихъ, и жизнь мѣщанъ, и жизнь рабочихъ всякихъ горныхъ заводовъ и желѣзныхъ дорогъ, и жизнь пьяницъ петербургскихъ кабаковъ, и жизнь петербургскихъ обитателей подваловъ и т. д. и т. д. и т. д. Нѣтъ такого народнаго слоя, въ которомъ бы не побывалъ Рѣшетниковъ своимъ собственнымъ тѣломъ—вѣдь это пройти сквозь огонь и воду и мѣдныя трубы. Знаніе это богаче и крѣпче кабинетнаго знакомства съ иностранными писателями и ужъ, конечно, въ Рѣшетникова не кинетъ никто упрекомъ, что онъ не читалъ Байрона. Можетъ быть, даже и хорошо, что онъ не читалъ его и, можетъ быть, только поэтому въ Рѣшетниковѣ сохранились самостоятельность, своеобразность и букетъ народности.

Но, должно быть, и общей соціальной идеи не минуешь. Уже и теперь можно замѣтить на Рѣшетниковѣ ея вліяніе, и это вліяніе отразилось въ „Своемъ хлѣбѣ“. Если хотите, Рѣшетниковъ въ „Своемъ хлѣбѣ“ еще шире и общѣе, но за-то и дальше отъ своей задачи. „Свой хлѣбъ“ написанъ на общую тему, которую жила русская беллетристика послѣднихъ десяти лѣтъ. На эту тему писали Стебницкій, Марко-Вовчокъ и многіе другіе: энергическая дѣвушка, которой невыносимо въ семьѣ, хочетъ найти свое мѣсто въ природѣ и жить своимъ трудомъ. Нова только обстановка, въ которой она дѣйствуетъ; правдивы обстоятельства, заставившія ее выдѣлиться изъ среды, но сущность мысли не представляетъ ничего ни новаго, ни тенденціознаго. Романъ даже и не конченъ; онъ точно переходъ къ чему-то, вступленіе къ новому роману, которымъ авторъ хочетъ разоблачить Петербургъ. Повтому о „Своемъ Хлѣбѣ“ говоритъ много нечего. Въ томъ, что далъ авторъ, онъ остался вѣренъ себѣ, вѣренъ своей манерѣ тянуть за душу обиліемъ мелочныхъ подробностей, вѣренъ правдѣ жизни, которую онъ рисуетъ просто, безъ прикрасъ, безъ идеальной размалевки, выдѣлывающей изъ простыхъ людей какихъ-то героевъ и титановъ. Но за-то Рѣшетниковъ слабъ именно тѣмъ, что сталъ на чужую тропинку, что онъ какъ-бы не понялъ своего новаторскаго значенія, своего истиннаго призванія и оставилъ свою роль, не разыгравъ ее до конца. Какъ-только Рѣшетниковъ всталъ на ту дорогу, по которой шли беллетристы высшей школы, онъ пересталъ быть представителемъ народнаго реализма и пророкомъ новаго слова, которое отъ него надѣялись услышать. Гадать въ будущемъ, конечно, нечего. Созналъ-ли бы или не созналъ Рѣшетниковъ своего назначенія—рѣшать поздно; неоспоримо только то, что преждевременная смерть Рѣшетникова—большая потеря для русской народной мысли и для выясненія русской народной жизни. Можетъ быть, Рѣшетниковъ и не открылъ бы той точки, на которой реализмъ цивилизованныхъ людей и народный реализмъ нашли бы свое примиреніе и у которой Петровъ и Базаровъ протянули бы другъ другу руки;—но что-бы ни случилось, Рѣшетниковъ выступилъ и пошелъ вѣрно, и найдутся ли у насъ въ настоящій моментъ работники, которые продолжали бы его дѣло систематически, съ хорошо-обдуманной мыслию и программой—неизвѣстно. Преждевременная смерть Рѣшетникова огромная по-

теря, которую, можетъ быть, еще и не умѣютъ оцѣнить у насъ достаточно. Для читателей Шпидьгагена Рѣшетниковъ можетъ быть скученъ и однообразенъ, но это оттого, что мы еще и до сихъ поръ идеальничаемъ, не понимаемъ трезвой правды и трезвой жизни, живемъ мечтою и воображеніемъ и не умѣемъ примирить слово съ дѣломъ. Слово наше всегда хорошо—дѣло наше почти всегда скверно. Мы лжемъ и обманываемъ себя и другихъ и теперь также, какъ это дѣлали десять лѣтъ назадъ. Нашъ реализмъ—болтовня. Нѣтъ въ насъ органической простоты и естественности и подобно Базарову, мы всё подчеркиваемъ свои слова, гордимся своимъ напускнымъ содержимымъ, доставшимся намъ головнымъ путемъ и совершенно отошли отъ простоты и согласія въ поступкахъ и мысляхъ, на которыя намекаетъ Рѣшетниковъ, давая образцы въ Палагеѣ Прохоровѣ и Петровѣ.

Смерть Рѣшетникова оставляетъ вопросъ о народномъ реализмѣ открытымъ и едва намѣченнымъ. Выяснить его во всѣхъ подробностяхъ народнаго міровоззрѣнія, указать его руководящее значеніе и найти точку примиренія съ идеальнымъ головнымъ реализмомъ, идущимъ отъ Рудина черезъ Базарова—вотъ задача будущихъ народныхъ писателей. Этотъ вопросъ—основной вопросъ прогрессирующей русской мысли. Онъ созданъ и вызванъ духомъ времени и только въ изслѣдованіи его одного новый писатель найдетъ новую для себя силу. Базаровъ уже сказалъ свое послѣднее слово и дѣло его не выгорѣло. Вотъ отъ чего онъ и ступевался. Продолжать старую тему нельзя, сочинять варіаціи на „Свой хлѣбъ“, „Своимъ путемъ“, „Живая душа“ или сочинять пасквили въ родѣ „Некуда“—напрасная трата времени. Новый Рудинъ задумался и размышляетъ, и живую струю можно искать и найти только въ томъ источникѣ, въ которомъ ее отыскивалъ Рѣшетниковъ.

Напомню читателю любопытный фактъ. Когда хоронили Рѣшетникова шолъ за гробомъ только кое-кто изъ литературы, а изъ публики никто. Когда же хоронили Линскую,—шла почти вся литература и тысячи народу.

Н. Шелгуновъ.

МОСКОВСКИМЪ МУДРЕЦАМЪ.

Физиологія растительныхъ процессовъ. И. М. Съченова. Публичныя лекціи, читанныя въ С.-Пѣтербургскомъ клубѣ художниковъ, зимою 1870 года. Спб. 1871 г.

Нужно обладать большимъ запасомъ объективнаго спокойствія и холодной, рыбьей кровью, чтобы безстрастно выслушивать всю эту полемическую болтовню, которая снова полилась изъ устъ московскихъ цидероновъ. Никто, разумѣется, не рѣшится снизойти до спора съ безпомощнымъ недоуміемъ, когда оно является такъ откровенно. Въ самомъ дѣлѣ, если московскіе классики лишаютъ естественныя науки общеобразовательнаго значенія, то этимъ они обнаруживаютъ непониманіе такого сорта, которое, очевидно, является органическимъ порокомъ ихъ мысли, неисцѣлимымъ никакими спорами и возраженіями. Переспросите у нихъ значеніе наичаще употребляемыхъ ими словъ: «общее образованіе», и вы увидите, что они подъ общимъ образованіемъ понимаютъ частное. Что значить «общее образованіе» въ строго филологическомъ смыслѣ? Общее образованіе, очевидно, нужно большинству людей; безъ него не можетъ обойтись ни богачъ, ни бѣднякъ, ни аристократъ, ни крестьянинъ, ни реалисты, ни вы, московскіе схоластики. Общее образованіе должно удовлетворять потребностямъ и нуждамъ всѣхъ людей. Понятіе о немъ составляется точно такъ-же, какъ въ логикѣ напр. общія понятія о какихъ-либо предметахъ,—путемъ соединенія сходнаго и отбрасыванія случайнаго, исключительнаго. Пусть-же сдѣлаютъ такой логическій анализъ схоластики, пусть оглянутъ они всѣ слои общества да и самихъ себя, пусть соединятъ въ одну потребности общія и отбросятъ сословныя, исключительныя и случайныя. Что найдутъ они послѣ такого анализа? Не древнюю мифологію и не сопряженіе латинскихъ глаголовъ. Въ этомъ лучше

всего убѣдились-бы схоластики, еслибъ кто-нибудь изъ нихъ попробовалъ прямо апеллировать къ обществу и объявилъ-бы наприимѣръ о томъ, что онъ намѣренъ открыть публичныя лекціи по латинской конструкціи съ цѣлью популяризировать ее и сдѣлать доступной большинству...

Но, говоря серьезно, завыванія московскихъ публицистовъ не ограничиваются областью невинной глупости. Сознательно или нѣтъ, но, исключая естественныя науки изъ круга общеобразовательныхъ предметовъ, они заносятъ свою руку на матеріальное благосостояніе общества и хотятъ отнять у него послѣднее оружіе, которое еще остается у него для борьбы съ нищетою, голодомъ и болѣзнями. Говоря это, мы очень хорошо знаемъ возраженіе схоластикомъ, ихъ ахиллову пату. Они вопятъ о томъ, что нельзя-де смѣшивать образовательную цѣль съ утилитарной, гимназіи съ реальными школами. Нѣтъ, московскіе схоластики, можно и должно. Въ туманѣ принциповъ педагогической схоластики не мудро забрести на почву необъяснимаго раздвоенія между жизнью и школою, между матеріальными потребностями человѣка и вашей дидактикой. Но жизнь и наука давно разсѣяли этотъ туманъ. Только то развивается, что можетъ быть утилизировано и, наоборотъ, утилизируя извѣстныя знанія, мы развиваемся. Человѣкъ живетъ не въ мірѣ мечтаній и фантазій; онъ дѣйствуетъ въ реальной, ощущаемой пятью чувствами средѣ явленій и предметовъ, въ познаніи которой заключается его единственное богатство и надежда на разумно-устроенную жизнь. Утилизировать эти явленія и предметы необходимо; да человѣкъ, начиная отъ рожденія, всегда и утилизировалъ ихъ, но только безъ знанія, безъ системы, по инстинкту. Учасъ утилизировать реальныя знанія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ развиваемся и умственно, и нравственно. Вспомните, что говорила противъ вашихъ бредней еще въ древнія времена ваша-же братія: *nihil in intellectu, quod prius non fuerit in sensu*; другими словами, нельзя быть умственно развитымъ, не поставивъ себя въ правильныя отношенія къ природѣ, познаваемой чувствомъ. Иначе въ интеллектѣ появятся вещи, которымъ вовсе тамъ не слѣдуетъ быть. Только тотъ дѣятель можетъ приносить дѣйствительную пользу обществу, кто развился путемъ изученія утилизируемыхъ, реальныхъ знаній, потому-что внѣ ихъ нѣтъ другихъ средствъ стать въ правильныя отношенія къ природѣ, къ обществу и человѣку. Я убѣжденъ, что въ умахъ схоластикомъ произошелъ-бы рѣшительный пѣреворотъ, еслибъ имъ были доступны реальныя знанія, еслибъ они понимали, какое благотворное вліяніе производятъ естественныя науки тамъ,

гдѣ ихъ примѣняютъ къ жизни... Прямыми или косвенными путями, но истина находить себѣ доступъ даже къ умамъ, наименѣе способнымъ къ ея воспріятію: московскіе схоластики противъ своей воли очутились въ рядахъ защитниковъ афеніанізма. Но мало-ли чего не случалось съ схоластиками! Есть одна утѣшительная сторона въ ихъ спорѣ съ защитниками реального образованія. Они довели свою рѣчь до абсурда, и можно надѣяться, что общество теперь яснѣе, чѣмъ прежде, пойметъ ихъ невѣжество и всецѣло отдастъ свое вниманіе естествознанію. Оно убѣдится, что ему нужны не схоластическая рутинца, а наука, которая дала-бы ближайшей и непосредственный плодъ. Обществу некогда ждать, когда предъ нимъ жгучій вопросъ насущнаго существованія. Только естественныя науки до известной степени разрѣшаютъ этотъ вопросъ, а въ ряду ихъ первое мѣсто отведено физиологіи, которая должна быть столь-же близкой и дорогой человѣку, какъ его собственная жизнь. Мы не ошибемся, если скажемъ, что отъ физиологіи, какъ науки, отъ ея успѣховъ и развитія, прямо зависитъ наше существованіе, а степень распространенія ея выводовъ и положеній въ массѣ общества въ известномъ смыслѣ обуславливаетъ уровень его матеріальнаго благосостоянія. Вотъ почему свѣденія, почерпаемая изъ физиологіи, всегда являются для насъ кстати, особенно если онѣ сообщаются столь почтеннымъ и даровитымъ дѣятелемъ науки, какъ г. Стѣеновъ, уже являвшимся предъ публикой въ качествѣ популяризатора.

На этотъ разъ г. Стѣеновъ говорилъ объ обширномъ кругѣ процессовъ питанія въ животномъ тѣлѣ, обыкновенно называемыхъ растительными, такъ-какъ они общи человѣку и растеніямъ. Названіе это беретъ начало съ давнихъ временъ и все еще удерживается и до сихъ поръ, хотя оно не отвѣчаетъ уже болѣе современному состоянію нашихъ знаній о взаимныхъ отношеніяхъ между растительнымъ и животнымъ царствами. Сравнивая животное съ растеніемъ, находимъ, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ всѣ жизненныя явленія, за исключеніемъ движенія и чувства, совершенно одинаковы. Подобно человѣку растеніе живетъ насчетъ внѣшнихъ веществъ. Оно дышетъ, потому-что поглощаетъ изъ воздуха кислородъ и выдѣляетъ углекислоту; оно ѣстъ и пьетъ, потому-что извлекаетъ своими корнями изъ почвы необходимыя минеральныя части въ жидкомъ, растворенномъ видѣ. Наконецъ внѣшнее вещество, вступивъ въ растеніе, подвергается въ немъ различнымъ превращеніямъ, результатомъ которыхъ являются новыя преобразованныя тѣла, выдѣляющіяся наружу, какъ напр. камедь, смола, а у животныхъ молоко, бобровая струя, мускусь

и т. д. На основаніи такой аналогіи естественно было видѣть въ тѣлѣ челоѵѣка двоякаго рода, рѣзко разграниченныя процессы: одни, свойственныя ему исключительно (движеніе и чувство), другіе общіе у него съ растеніемъ. Можно было сказать, что челоѵѣкъ какъ-бы заключаетъ въ себѣ животное въ тѣсномъ смыслѣ плюсъ растеніе. Но, однако, съ теченіемъ времени явились наблюденія, которыя уничтожили рѣзкую границу между этими двумя царствами. Есть животныя, незамѣтныя невооруженному глазу, которыя всю жизнь свою проводятъ безъ движенія, прикрѣпившись къ одному какому-нибудь предмету, а есть и цѣлая группа растеній, совершающихъ движеніе и стоящихъ въ тѣсномъ родствѣ съ животными. На этомъ основаніи, съ научной, точки зрѣнія, нелогично дѣлать процессы въ челоѵѣчскомъ тѣлѣ на животныя и растительныя, потому что въ самомъ растеніи мы находимъ эти два процесса и, стало быть, слово растительный теряетъ всякій смыслъ.

Прежде чѣмъ перейти къ процессу питанія въ обширномъ смыслѣ, г. Сѣченовъ опредѣляетъ общій характеръ этого процесса, уподобивъ животный организмъ машинѣ. Всѣмъ извѣстно, разумѣется, что челоѵѣкъ можетъ работать только тогда, когда онъ вводитъ въ свое тѣло питательныя вещества, изъ которыхъ путемъ химическихъ измѣненій развивается теплота, преобразующаяся въ работу, въ механическое движеніе. Всякая машина дѣйствуетъ такимъ-же образомъ; она работаетъ насчетъ внѣшнихъ веществъ или силъ, приложенныхъ къ ней извнѣ. Но аналогія идетъ и далѣе. Если сравнить питаніе и связанную съ нимъ работу челоѵѣка съ дѣятельностью паровой машины, то пища его получаетъ значеніе топлива, дыханіе соотвѣтствуетъ притоку воздуха, необходимаго для горѣнія, а всѣ изверженія изъ тѣла, какъ ненужный матеріалъ, были-бы равнозначущи дыму, золѣ и т. д. Но является вопросъ, можно-ли уподобить работающей машинѣ челоѵѣка, пребывающаго въ полномъ покоѣ? Машина только во время работы совершаетъ трату горючаго матеріала, производитъ теплоту и выбрасываетъ продукты горѣнія, а челоѵѣкъ дышетъ и выдѣляетъ изъ тѣла негодные продукты при покоѣ точно такъ-же, какъ и во время работы. Но дѣло въ томъ, что челоѵѣкъ, строго говоря, никогда не находится въ полномъ, абсолютномъ покоѣ. Если во время работы дѣйствуютъ мышцы руки и ноги, то при покоѣ и даже во снѣ продолжаютъ все-таки сокращаться мышцы сердца и дыхательныя, суживающія и расширяющія нашу грудную кѣтку — съ какой-бы стороны мы ни взглянули на челоѵѣка, его сходство съ машиной очевидно. Извѣстно, наприм. всѣмъ, особенно сельскимъ хозяевамъ, что животное можетъ

вырабатывать данный продуктъ только при соответствующемъ химическомъ составѣ пищи, все равно какъ на заводѣ для фабрикаціи известнаго продукта требуется сырье опредѣленнаго состава. Но перерабатывается-ли пища въ тѣлѣ животнаго тѣмъ-же путемъ, какимъ совершается фабрикація различныхъ продуктовъ на заводѣ—это до сихъ поръ неизвѣстно. Еслибъ мы это знали, то, разумѣется, у насъ вмигъ воздвиглось-бы множество заводовъ и фабрикъ, на которыхъ закипѣло-бы производство молока, жира и шерсти и тогда, пожалуй, коровѣ данъ былъ-бы заслуженный отдыхъ, такъ-какъ молочная желѣза ея понадобилась-бы лишь для телятъ. Но во всякомъ случаѣ превращеніе пищи въ тѣлѣ подчинено тому-же общему закону, что и химическая переработка веществъ на фабрикѣ. Законъ Лавуазье гласитъ, что вещество не уничтожается, какимъ-бы измѣненіемъ оно ни подвергалось,—вновь не создается и не уничтожается ни одного атома. На человѣкѣ этотъ законъ также оправдывается и самымъ строгимъ опытомъ. Если взвѣсить все количество потребленной человѣкомъ въ известное время пищи, питья, количество поглощеннаго кислорода, а потомъ взвѣсить всѣ отдѣленія и изверженія, выдѣляемая тѣломъ, то эти двѣ категоріи веществъ, приходъ и расходъ тѣла, оказываются совершенно равными по вѣсу. Этотъ опытъ весьма убѣдительно доказываетъ, что тѣло человѣка отдаетъ наружной средѣ столько, сколько взяло изъ нея, не уничтожая и не создавая новой матеріи. Продукты, выдѣляющіеся изъ тѣла, оно фабрикуетъ очевидно, изъ пищи и притомъ по закону, общему для всѣхъ химическихъ измѣненій. Если сдѣлать предъидущій опытъ не надъ взрослымъ человѣкомъ, а надъ дѣтьми, тѣло которыхъ непрерывно увеличивается въ вѣсѣ, то мы найдемъ, что количество выдѣленій будетъ меньше количества введенныхъ въ тѣло веществъ какъ-разъ настолько, насколько увеличился вѣсъ тѣла.

Проводя параллель между машиной и организмомъ человѣка, мы найдемъ, что механическая работа ихъ требуетъ непремѣнно посторонняго руководства и управленія. Паровая машина остается въ покоѣ, пока машинистъ не откроетъ въ ней крана, который даетъ доступъ пару изъ паровика въ цилиндръ съ поршнемъ, способнымъ къ движенію. Человѣкъ въ покойномъ состояніи похожъ на машину, когда въ ней разведены пары, но она еще не пущена въ ходъ. Его мышцы и желѣзы, въ которыхъ вырабатываются различные соки и жидкости, заключаютъ въ себѣ всѣ условія для работы; но безъ воли машиниста, безъ толчка со стороны нервной системы, они остаются неподвижны. Нервы соединены съ мышцами и желѣзами и управляютъ дѣятель-

ностью этихъ органовъ. Однакожъ, подобно машинисту, безъ приказанія хозяина, нервы сами по себѣ не двинутся съ мѣста; подначальные внѣшней средѣ, они безъ ея вліяній—ничто. Но какъ-только человѣкъ подвергнется какому-нибудь внѣшнему раздраженію, испугу, вліянію свѣта, звука, голода и т. д., нервная система вступаетъ въ свои права и увлекаетъ къ дѣятельности мышцы. Пояснимъ это примѣромъ. Если человѣкъ не получаетъ пищи, то является, какъ извѣстно, чувство голода, которое вызываетъ мышечныя сокращенія желудка и кишекъ. Но какъ, спрашивается, явилось чувство голода? Разумѣется, отъ внѣшней причины—непринятія пищи. Дѣло въ томъ, что изъ стѣнокъ желудка и кишекъ всегда выделяются жидкости и кислоты, назначенныя для переработки пищи, для растворенія твердыхъ ея частей и различныхъ химическихъ преобразованій. Если пища долго не вводится въ желудокъ, то жидкости и кислоты изливаются на свободную поверхность желудка и раздражаютъ его нервы, а они передаютъ раздраженіе мозгу, въ которомъ и образуется болѣзненное ощущеніе, называемое въ слабой степени своего развитія апетитомъ, а въ сильной—голодомъ. Но этимъ дѣло не оканчивается; это только первый актъ физиологической драмы. Ощущеніе, образовавшееся въ мозгу, слѣпо, неудержимо передается нервамъ, которые оканчиваются въ мышцахъ желудка и кишекъ, а также и другимъ, соединеннымъ съ мышцами руки, ноги и т. д. Какъ прежде чувство голода образовалось въ сознаніи безъ воли человѣка, такъ и теперь мышцы его сокращаются роковымъ образомъ, не подчиняясь контролю души. Внѣшняя среда, отъ которой зависѣло непринятіе пищи и раздраженіе желудка, открыла, такъ сказать, кранъ, переведшій разведенныя въ тѣлѣ пары въ нервныя цилиндры и заставившій ихъ вызвать мышечное сокращеніе. Желудокъ и кишки голоднаго человѣка начинаютъ усиленно двигаться и постоянно передаютъ мозгу болѣзненныя ощущенія, за которыми слѣдуютъ энергическія мышечныя движенія во всей почти области тѣла. Человѣкъ голодный не можетъ оставаться въ покоѣ; онъ невольно стремится отдѣлаться отъ своихъ мученій и безсознательно совершаетъ различныя мышечныя движенія, непонятныя для сытаго человѣка и идущія въ разрѣзъ съ его взглядами и убѣжденіями, выработанными имъ въ состояніи матеріальнаго довольства организма. Внѣшняя среда испортила все дѣло, и она только и можетъ исправить его. Накормите голоднаго человѣка, и онъ успокоится. Его мышечныя движенія приобретутъ нормальный, сытый характеръ, и придутъ въ согласіе съ

тѣми принципами нравственности и требованіями закона, о которыхъ онъ не могъ знать во время голода.

Мы указывали постоянно на сходство человѣческаго организма съ машиной, но нельзя, однако, не замѣтить и одного, чрезвычайно рѣзкаго различія между ними. Всякая машина сдѣлана изъ такого матеріала, который, разумѣется, несравненно прочиѣ человѣческаго тѣла, а между тѣмъ ни одна машина не можетъ проработать 100 лѣтъ, тогда-какъ человѣкъ зачастую живетъ гораздо долѣе. «Этотъ фактъ, говоритъ г. Сѣченовъ,—ставить на первый взглядъ между произведеніями рукъ человѣческихъ и животнымъ тѣломъ какую-то непроходимую бездну; если однако присмотрѣться къ дѣлу, то можно найти ключъ къ разгадкѣ. Вообразите себѣ, что механику дана задача выстроить долговѣчную машину изъ легко и быстро разрушающагося матеріала. Какъ ему поступить въ такомъ трудномъ случаѣ? Единственный выходъ—устроить машину такимъ образомъ, чтобы малѣйшее разрушеніе вещества тотчасъ-же возстановлялось притокомъ свѣжаго матеріала» (стр. 6). Тѣло человѣка устроено такъ, что разрушающіяся частицы тотчасъ замѣняются новыми. Эти два процесса разрушенія и возстановленія вещества въ тѣлѣ обнимаютъ собою всю сферу явленія питанія, къ описанію которыхъ и перешелъ г. Сѣченовъ.

Прежде всего онъ остановился на крови, обстоятельно изложилъ механическія условія ея обращенія по тѣлу и описалъ дѣятельность сердца и кровеносной системы, какъ центральной лабораторіи, составляющей средоточіе всѣхъ растительныхъ процессовъ. Затѣмъ онъ указалъ на важное значеніе такъ-называемой лимфатической системы, служащей какъ-бы продолженіемъ кровеносной и доставляющей непосредственно питательный матеріалъ нашему тѣлу. Не такъ давно еще роль лимфатической системы въ дѣлѣ питанія была почти невѣстна наукѣ и существовало общераспространенное убѣжденіе, что наше тѣло добываетъ себѣ пищу прямо изъ волосныхъ сосудовъ. Эти сосуды, какъ думали прежде, пронизывали собою каждую частичку тѣла, каждый пузырекъ (клетку) тѣла, въ существо котораго просачивалась изъ стѣнокъ волосныхъ сосудовъ питательная жидкость крови. Но въ настоящее время это оказалось совершенно несправедливымъ и нѣтъ ни одного органа въ тѣлѣ, гдѣ-бы можно было видѣть что-либо подобное. Съ другой стороны, при господствѣ такого взгляда на питаніе, лимфатическая система не имѣла опредѣленнаго назначенія въ тѣлѣ. Не замѣтить ее нельзя было, ибо уже грубое анатомическое изслѣдованіе открывало часть ея, напр., въ грудной полости, въ формѣ довольно объемистаго протока, вливающагося въ вены; только на-

чала ея не могли найти, не могли уяснить отношенія ея къ кровеносной системѣ. Надъ этимъ и стали трудиться многіе ученые и только послѣ многочисленныхъ и сложныхъ изслѣдованій удалось получить результаты, которые освѣтили, но далеко не вполнѣ, этотъ запутанный вопросъ. Оказалось, что микроскопическія части нашего тѣла получали пищу вовсе не изъ волосныхъ сосудовъ, а именно изъ новооткрытыхъ, разсѣянныхъ по всему тѣлу, началъ лимфатической системы, которыя соединяются между собою въ болѣе крупныя вѣтви и стволы, и эти послѣдніе постепенно сливаются для образованія упомянутого нами грудного протока. По своему устройству лимфатическая система стоитъ совершенно независимо отъ кровеносной. Въ этомъ наглядно можно убѣдиться, если, напр., ввести въ кровь маленькую частичку какой-нибудь легко отличимой краски. Еслибъ была прямая связь между кровью и лимфой, то по истеченіи извѣстнаго времени можно было-бы открыть краску въ какомъ-нибудь мѣстѣ лимфатической системы. Но это никому не удавалось замѣчать. А между-тѣмъ кровь оказываетъ несомнѣнное вліяніе на лимфатическіе сосуды. Такъ если увеличивается ея масса, если сердце, напр., своимъ біеніемъ усиленно толкаетъ кровь, то мы тотчасъ-же замѣтимъ переполненіе жидкости въ полости лимфатической системы. Въ чемъ-же, стало-быть, дѣло? И на это дали отвѣтъ неутомимыя изслѣдованія ученыхъ. Въ каждой части тѣла существуетъ между другими тканями такъ-называемая соединительная ткань, или сѣтка. Если разсматривать ее подъ микроскопомъ, то несмотря на разнообразныя видоизмѣненія въ различныхъ органахъ, она состоитъ изъ безчисленнаго множества тонкихъ извилистыхъ перекладинъ, окружающихъ промежутки извѣстной величины. Въ каждомъ изъ промежутковъ находятся микроскопическіе шарики (клетки), отдѣленные отъ перекладинъ узкимъ пространствомъ или трещиной, наполненной жидкостью, которая могла только просочиться чрезъ стѣнки волосныхъ сосудовъ, обильно вѣтвящихся какъ по перекладинамъ, такъ и въ самыхъ трещинахъ. Эти-то трещины и признаются началами лимфатическихъ сосудовъ. Онѣ образуютъ собою систему сообщающихся каналовъ, разносящихъ просочившуюся кровяную жидкость по всѣмъ частямъ нашего тѣла. Если напоръ крови очень силенъ вслѣдствіе какихъ-либо причинъ, затрудняющихъ ея теченіе по сосудамъ, то и въ трещины процѣдится жидкости болѣе нормальнаго количества. Она скопляется тамъ и производитъ или отекъ извѣстной части тѣла, руки, ноги, лица или и водянку, когда кровяная жидкость переполняетъ собою трещины соединительной

ткани, выступающей поверхностью какой-нибудь полости, напр. грудной или брюшной.

Уяснив такимъ образомъ значеніе лимфатической системы въ дѣлѣ питанія, г. Стѣеновъ перешелъ къ описанію процесса поступленія въ кровь твердыхъ и жидкихъ веществъ, къ пищеваренію въ тѣсномъ смыслѣ. Но предварительно онъ коснулся качественного состава пищи и старался опредѣлить нормальную пищевую смѣсь, наиболѣе соответствующую потребностямъ организма. Этотъ вопросъ, какъ извѣстно, неразъ возбуждалъ между учеными горячіе споры, непоконченные еще и теперь. Полемизировали два противоположныхъ лагеря физиологовъ и химиковъ, при чемъ каждый смотрѣлъ на дѣло съ своей точки зрѣнія и упрекалъ другого въ неумѣстномъ вторженіи въ область чуждой ему специальности. Вопросъ остался, однако, далеко не рѣшеннымъ, по крайней мѣрѣ, со стороны многочисленныхъ и весьма важныхъ деталей. Г. Стѣеновъ, какъ физиологъ, признаетъ за пищей двоякую цѣль: пополнять непрерывную убыль вещества въ тѣлѣ и производить мышечныя работы и потому онъ дѣлитъ пищу на пластическую и рабочую. Этой классификаціи соответствуетъ давно уже установленное химическое дѣленіе составныхъ частей пищи на азотистыя и безазотистыя. Къ первымъ принадлежатъ бѣлки, выполняющіе пластическую задачу, къ послѣднимъ—жиры, сахаръ, крахмалъ, играющіе по преимуществу роль рабочихъ силъ. Но такъ какъ пластика тѣла и мышечная работа неотдѣлимы и совершаются въ организмѣ одновременно, то, разумѣется, нормальная пища должна содержать въ себѣ какъ азотистыя, такъ и безазотистыя части. При абсолютномъ покоѣ человѣка, когда повидному должна имѣть мѣсто только пластика, т. е. возстановленіе постоянно отживающихъ частичекъ, мышечная работа все-таки совершается, въ формѣ напр. постоянныхъ сокращеній сердца или мышцъ, работающихъ при дыханіи. Но, разумѣется, эта работа крайне ничтожна въ покоящемся тѣлѣ и потому въ немъ мало-по-малу образуются значительныя залежи рабочаго матеріала. Такіе люди жирѣютъ; съ каждымъ приемомъ пищи они вводятъ въ себя и бѣлки, изъ которыхъ строятся новыя части тѣла вмѣсто старыхъ, и жиръ, частью пополняющій незначительное количество сгорѣвшаго, а частью поступающій такъ-сказать въ запасную кладовую. Но пусть только жирный человѣкъ начнетъ работать, дѣятельно производить сокращеніе мышцъ и въ его кладовой образуется замѣтный дефицитъ. Она, конечно, не опустѣетъ при нормальномъ питаніи, но съ каждымъ приемомъ пищи жиръ уже не будетъ отходить въ запасъ, а будетъ весь сгорать; при усиленной

же работѣ его можетъ даже не хватать и тогда необходимо брать изъ кладовой извѣстную порцію его. При такихъ условіяхъ человѣкъ худѣетъ точно также, какъ онъ худѣлъ—бы, еслибъ совсѣмъ не употреблялъ въ пищу жира, а ѣлъ—бы напр. исключительно бѣлокъ въ видѣ тощаго, нежирнаго мяса, еслибъ, другими словами, онъ слѣдовалъ тому способу, которымъ Бентингъ лечилъ ожирѣніе.

И такъ жиръ и вообще безазотистыя вещества нужно считать по-прежнему рабочимъ матеріаломъ; своимъ полнымъ и быстрымъ сгораніемъ въ тѣлѣ, онѣ развиваютъ наибольшее количество тепла, которое переводится мышцами въ механическую работу. Франкляндъ дѣлалъ опыты надъ различными пищевыми веществами съ цѣлю опредѣленія количества развиваемой ими теплоты. Онъ сжигалъ эти вещества, измѣрялъ теплоту и вычислялъ соотвѣтственную величину механической работы. Вотъ къ какимъ результатамъ пришелъ онъ:

Названіе веществъ.	Тепловыя единицы.	Единицы механической работы.
Пшеничная мука	3,941	1,674,995
Рисовая мука	3,813	1,620,525
Сахаръ	3,348	1,422,900
Бычачій жиръ	9,069	3,854,325
Хлѣбный мякишъ	2,231	948,175
Хлѣбная корка	4,459	1,895,075
Тощее мясо	1,567	665,975

Изъ этой таблицы ясно слѣдуетъ, что наибольшую работу производятъ жиръ и вещества, содержащія крахмалъ или сахаръ, какъ пшеничная и рисовая мука. Бѣлокъ-же въ формѣ тощаго мяса менѣе всего развиваетъ теплоты и механической работы.

Въ виду этого можно было-бы подумать, что для произведенія мышечныхъ работъ исключительно нуженъ жиръ или пища, содержащая крахмалъ и сахаръ. И это *до нѣкоторой* степени справедливо, если работа будетъ продолжаться короткое время, что видно напр. изъ слѣдующаго опыта, произведеннаго двумя швейцарскими учеными. Они взбирались въ теченія 6-ти часовъ на гору, употребляя на это время пищу, состоящую изъ жира, крахмала и сахара. Послѣ совершенія этой работы, они нашли, по продуктамъ распаденія, заключавшимся въ мочѣ, что наибольшая убыль была на сторонѣ безазотистыхъ веществъ, потраченныхъ, очевидно, на мышечное сокращеніе въ теченіи восхожденія на гору. Но этотъ опытъ справедливъ лишь для даннаго случая кратко-временной работы, когда находящійся въ тѣлѣ каждаго человѣка запасный рабочій матеріалъ не тратится, а вся работа производится на счетъ вводимаго въ тѣло жира. Иное дѣ-

ло, если человекъ работаетъ продолжительно, когда запасъ его постепенно истощается и для пополненія его нужны бѣлки. Вотъ напр. что показываютъ прямые наблюденія надъ рабочими, изъ которыхъ одни употребляли только растительную пищу, а другіе примѣшивали къ ней и животную. «Въ 1841 году, рассказываетъ г. Сѣченовъ, на желѣзной дорогѣ изъ Руана въ Парижъ работали разомъ англійскіе и французскіе рабочіе. Пока послѣдніе питались по-преимуществу супами и овощами, англійскіе рабочіе имѣли надъ ними въ дѣлѣ работы значительный перевѣсъ; но какъ-только имъ была увеличена мясная порція, разлѣчіе это исчезло. Я лично слышалъ отъ доктора, путешествовавшаго по уральскимъ заводамъ, что рабочіе во время поста производятъ вообще меньше, чѣмъ въ теченіи мяса» (стр. 72). Такія наблюденія объясняются уже тѣмъ обстоятельствомъ, что всякая работа усиливаетъ обменъ всѣхъ составныхъ частей тѣла и повышаетъ, стало быть, энергію пластическихъ процессовъ. Мышечная ткань, состоящая вся почти изъ бѣлка, терпитъ во время работы сильную убыль въ своихъ элементахъ, которую не въ состояніи пополнить одни бѣлки растительной пищи, тѣмъ болѣе, что она трудно переваривается, гораздо труднѣе животной. Такъ изъ хлѣба, какъ сообщаетъ г. Сѣченовъ, собака перевариваетъ только $\frac{1}{3}$ всего количества, а $\frac{2}{3}$ выбрасываетъ въ видѣ кала, тогда-какъ мясо цѣликомъ почти уподобляется кровью. Но кромѣ этого, въ обыкновенномъ мясѣ всегда содержится жиръ, главнѣйшая причина всѣхъ мышечныхъ работъ въ тѣлѣ. Итакъ понятно, слѣдовательно, какую необходимую и важную роль должно играть мясо въ пищѣ рабочаго человека.

Послѣ качественного анализа пищи, г. Сѣченовъ уже могъ говорить объ измѣненіяхъ, претерпѣваемыхъ ею на пути отъ полости рта до самаго поступленія въ кровь, о дыханіи (питаніе газами) и о пластическомъ образованіи новыхъ частицъ тѣла взаменъ отжившихъ. Свои чтенія г. Сѣченовъ закончилъ краткимъ обзоромъ отдѣльныхъ процессовъ, при посредствѣ которыхъ вырабатываются необходимыя для тѣла жидкости, какъ слюна, желудочный сокъ и т. д. Мы не будемъ останавливаться на этой сторонѣ растительной дѣятельности организма, такъ-какъ о ней достаточно уже трактовалось во многихъ популярныхъ курсахъ. И въ заключеніе выразимъ лишь желаніе, чтобы и вторая серія лекцій, оконченная уже г. Сѣченовымъ и обнимающая собою нервную фізіологію, появилась въ печати, такъ-какъ въ обществѣ распространены чрезвычайно скудные и отрывочныя свѣденія изъ этой важной и любопытной области фізіологіи.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭСКИЗЫ.

(Farrago, von Johannes Scherr, Лейпцигъ, 1870, изд. Отто Витанда.)

Въ ряду современныхъ нѣмецкихъ писателей, занимающихся разработкою историческихъ вопросовъ, Юганну Шерру, уже извѣстному русской читающей публикѣ по его мастерски-написанной «Комедіи Всемирной Исторіи», принадлежитъ, безспорно, одно изъ наиболее видныхъ мѣстъ. —Его авторская личность, политическія и историческія мнѣнія, его манера изложенія уже достаточно выяснились въ европейской литературѣ, —выяснились настолько, что это избавляетъ насъ отъ необходимости заново знакомить съ этимъ дѣломъ читателей нашего журнала и позволяетъ ограничиться лишь немногими общими замѣчаніями. При извѣстномъ условномъ взглядѣ на цѣль и значеніе исторической науки, Юганна Шерра нельзя назвать историкомъ въ строгомъ смыслѣ, —въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ исторію филистерская чопорность и бездушіе. Шерръ отправляется отъ того главнаго положенія, что историкъ долженъ быть безпристрастенъ, но не безстрастенъ. Для него историческіе факты и историческіе характеры — не мертвый, архивный хламъ, мирно сгнивающій подъ «пылью вѣковъ» и лишь при случаѣ переворачиваемый присяжными архиваріусами исторической науки, но вѣчто очень близкое современному человѣку, возбуждающее въ немъ не одну кропотливую дѣятельность мозга, но также и горячій отголосокъ нравственнаго чувства. Вѣдь «старая каша мотивовъ заваривается для человѣчества безпреставно» («Ком. Всем. Ист.», вып. I), то-есть, другими словами, прежнее, отжившее повторяется въ подлунной въ безконечномъ разнообразіи новыхъ формъ и сохраняетъ органическую связь съ настоящимъ. Древніе Тиберіи, Нероны, Геліогабалы вовсе не были какими-то исключительными чудовищами, которыя теперь стали невозможны; всѣ че-

ловѣческіе мотивы и побужденія, всё нравственные уродивости, цѣли и средства, добродѣтели и пороки, великіе нравственные подвиги и злодѣянія, по мнѣнію Шерра, повторяются до безконечности, чередуются непрерывной логической цѣлью и только окрашиваются подъ вліяніемъ условій каждой исторической эпохи. При такомъ взглядѣ на связь прошлаго съ настоящимъ, строгая, сухая, безстрастная или лукавая «объективность» въ глазахъ Шерра не составляетъ непремѣннаго условія для историка. Напротивъ, онъ вездѣ ловить эту связь отжившаго съ живымъ, строятъ параллели, сопоставленія, рисуетъ историческіе характеры не «выявляющимъ манеромъ серьезнаго ученаго» («Комед. Всем. Ист.», вып. I, стр. 102 — 103, примѣч.), но рѣзкими, огненными штрихами глубоко-взволнованнаго нравственнаго чувства, страстнымъ тономъ чловѣка, живо и чутко относящагося къ историческому процессу, какъ къ весьма близкому для него дѣлу. «Господа сторонники такъ-называемой исторической объективности», — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своей книги, заглавіе которой мы выписали въ началѣ нашей статьи, — находятъ этический элементъ въ исторіи неудобнымъ и потому отвергаютъ его безъ дальнѣйшихъ церемоній. Они мало того, что не выставляютъ идоловъ чудовищами, напротивъ преклоняются предъ чудовищами, какъ предъ идолами» (стр. 391). Намъ толкуютъ о величественномъ теченіи всемірной исторіи, и толкуютъ не безъ основанія. Съ нѣкотораго разстоянія потокъ этотъ, дѣйствительно грандіозенъ и изумителенъ. Но къ сожалѣнію историкъ обязанъ не только глядѣть на рѣку эту издали, но и изслѣдовать ея притоки—откуда они берутъ начало—и, наконецъ, анализировать воду cadaго изъ нихъ. «Задача довольно трудная и не особенно пріятная. Сколько грязи, сколько ядовитыхъ веществъ и смрадныхъ, удушливыхъ газовъ ему придется встрѣтить на пути!! Наблюдающій долженъ надѣть длинные сапоги, подвязать на лицо стеклянную маску, чтобы выйти по-добру, по-здорову» (стр. 393—394). Шерръ допускаетъ, что исторія есть «дѣйствительный процессъ нашего соціального развитія», но не видитъ въ этомъ процессѣ ничего изящнаго, привлекательнаго и гуманнаго. «Онъ даже положительно мерзокъ, до того мерзокъ, что чловѣкъ, долго и усердно его изучавшій, навсегда теряетъ свѣтлое расположеніе духа».

Такимъ образомъ, по своему враждебному отношенію къ хваленной исторической «объективности», по своему чуткому и живому сочувствію къ вопросамъ минувшаго, наконецъ, по рѣзкому тону, неизбѣжно вытекающему изъ такого взгляда на историческую задачу, Шерръ—не историкъ въ томъ банальномъ смыслѣ, въ какомъ обык-

новенно понимается эта ученая профессія дюжиннымъ большинствомъ. Онъ всего менѣе сухой педантъ, мумія-профессоръ или маляръ-исторіографъ. Для него прошлое имѣетъ значеніе только по связи съ настоящимъ; по его мнѣнію, та-же историческая кровь бьетъ въ жилахъ современнаго, живого человѣчества. Этотъ взглядъ совершенно опредѣляетъ роль г. Шерра въ ряду современныхъ историческихъ писателей: онъ—историкъ-публицистъ по преимуществу.

Та-же обычная, рѣзкая правдивость тона, та-же строгая, рельефная законченность изображаемыхъ характеровъ, тоже логическое сопоставленіе далекаго прошлаго съ недавнимъ и новымъ—характеризуютъ и ту его книгу, съ содержаніемъ которой мы намѣрены, въ бѣгломъ очеркѣ, познакомить читателей нашего журнала. Собственно, это—не систематическое обследованіе какого-нибудь одного историческаго вопроса, но, какъ показываетъ и самое заглавіе, рядъ статей, напечатанныхъ авторомъ въ различное время и посвященныхъ различнымъ историческимъ тѣмамъ. Интересна-же эта небольшая книжка тѣмъ именно, что изъ нея читатель можетъ видѣть, какъ обращается съ избитыми историческими фактами добросовѣстный и талантливый человѣкъ, одаренный зоркимъ критическимъ взглядомъ. Книжка начинается довольно интересной характеристикой Туснельды, жены Арминія или Германа, извѣстнаго національнаго героя Германіи въ эпоху цезаря Августа. Противъ воли своего отца Сегеста, одного изъ князей племени Херусковъ, Туснельда выходитъ замужъ за Арминія, возставшаго противъ римскаго деспотическаго господства, дѣлится съ нимъ всѣ невзгоды и опасности въ его многотрудной борьбѣ съ притѣснителями-римлянами, сторону которыхъ держать ей собственный отецъ,—наконецъ, попадаетъ, беременная, въ плѣнъ къ врагамъ и умираетъ съ горя и отчаянья, тогда—какъ рожденный отъ нея сынъ, по желанію римлянъ, дѣлается гладіаторомъ—игралцемъ праздною римскою толпою,—вѣроятно, для большаго униженія и опозоренія семьи «мятежника», который самъ былъ измѣннически убитъ своими-же братьями-германцами. Такова нехитрая историческая канва разсказа. Но Шерръ именно великій мастеръ по части яркой обрисовки историческихъ характеровъ, причѣмъ онъ, какъ историкъ—публицистъ, постоянно обращается къ интереснымъ сопоставленіямъ. Вотъ какими чертами у него изображается императоръ Августъ:

«Совершенно подобно первому Наполеону, Октавій былъ презабавной смѣсью бандита съ комедіантомъ. То и другое было взято, разумѣется, въ сильнѣйшей пропорціи. И французскій, и римскій деспотъ»

поты отлично умѣли спекулировать на челоуѣческое раболѣпіе и играть на инструментѣ своего властолюбія и тщеславія, но только римлянинъ былъ болѣе ловкій музыкантъ и комедіантъ, чѣмъ корсиканецъ. Августъ ломалъ комедію довольно разсудительно и послѣдовательно до конца жизни, и именно поэтому, при смерти, могъ требовать рукоплесканій отъ своихъ приближенныхъ. Напротивъ, Наполеонъ позорно вышелъ изъ роли, потому-что стоялъ уже *не выше* ея, но, принявъ свою игру въ тиранію за чистую дѣйствительность, обратился изъ виртуоза деспотизма въ обезумѣвшаго, настоящаго деспота. Превосходство римлянина надъ корсиканцемъ выразилось уже и въ томъ, что первый умѣлъ себя обуздывать. Такъ было и въ дѣлахъ вѣдшей политики. Какъ извѣстно, онъ держался того главнаго принципа, что римское государство гораздо болѣе нуждается во внутреннемъ замиреніи и порядкѣ, чѣмъ въ расширеніи границъ извнѣ. Поэтому онъ старался отодвинуть предѣлы имперіи, на югъ Германія, только до Дуная — и не только оружіемъ, но и дипломатическими происками. Самая успѣшная политика въ этомъ отношеніи заключалась въ томъ, чтобы навязать германскимъ племенамъ римское господство въ формѣ дружественныхъ союзовъ. Это была та самая уловка, которой, по отношенію къ Германіи, впоследствии придерживались Людовикъ XIV и Наполеонъ. Однако, этимъ двумъ смертельнымъ врагамъ Германіи обдѣлывать свои интрижки было гораздо легче, чѣмъ римлянамъ, потому-что римляне должны были, при своихъ проискахъ, имѣть въ виду общины свободныхъ германцевъ, тогда-какъ названнымъ французскимъ деспотамъ незачѣмъ было обращать вниманіе на совершенно порабощенный нѣмецкій народъ. Имъ приходилось только подкупать князей».

Образчики такой княжеской честности были впрочемъ уже и въ первомъ вѣкѣ христіанскаго лѣтосчисленія. «Они заслуживали, говорить Шерръ, — быть родоначальниками тѣхъ князей рейнскаго союза, которые надѣлялись владѣніями и титулами милостію Наполеона. Такимъ родоначальникомъ ихъ былъ въ особенности Сегестъ, одинъ изъ вождей херусковъ, покорнѣйшій подручникъ римскаго деспота и, противъ собственнаго желанія, тестъ Арминія. Сегестъ былъ настоящимъ политикомъ и заслуживалъ-бы жить во второй половинѣ двенадцатаго вѣка. Въ 7-мъ году по Р. Х. римляне зашли съ своими военными и дипломатическими успѣхами такъ далеко, что придворный историографъ Веллей Патеркулъ могъ записать: «почти вся Германія обращена въ подвластную, обязанную вносить дань провинцію». Сегестъ призналъ этотъ «fait accompli» и соображалъ такимъ об-

разомъ: противиться римскому могуществу невозможно. А политика, какъ извѣстно, есть «наука возможнаго». Возьмёмъ, значитъ, безропотно на свои выи иго чужеземцевъ, которымъ къ тому-же выпала на долю «цивилизаторская миссія». Нашему-то брату милые друзья-римляне дадутъ всѣ средства, чтобы ярмо это не очень больно давило шею, а что оно будетъ изъязвлять спину народа, — намъ какое до того дѣло: намъ вѣдь не больно. Итакъ: «мы, Сегестъ первый, милостию Августа подпольный князекъ херусковъ, безусловно подчиняемся римскому господству и думаемъ, что тотъ — величайшій глупецъ, идеологъ, фантазеръ, кто захочетъ предпочесть политически-возможному и дѣйствительному идеально-взорное, невозможное и фантастическое».

Настоящимъ антиподомъ этого мелкоотравчатаго и мелкодушнаго князка, въ изображеніи Шерра, является грандіозная и свѣтлая личность Арминія. «Для сына Сегимера *fait accompli* вовсе не былъ тѣмъ божьомъ, передъ которымъ люди должны были-бы повергаться въ прахъ при всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ. Политику онъ не считалъ только «наукой возможнаго». Напротивъ, для него она была скорѣе внушеніемъ естественнаго чувства, дѣломъ совѣсти, голосомъ долга.

Дѣйствительно, онъ стоялъ на такой низкой ступени разумно-политическаго развитія, что вмѣсто того, чтобы быть практическимъ обдѣлывателемъ *всякихъ* дѣлишекъ, предпочелъ упорно выѣзжать на принципахъ и, при своей односторонности и упрямствѣ, не хотѣлъ допустить, чтобы его отечество было цивилизовано непрошеными благодѣтелями, т. е. романизировано и порабощено. Въ оправданіе его можно сказать развѣ то только, что онъ, прежде служа въ римскомъ войскѣ, приобрѣлъ право римскаго гражданства и юнкерства, хорошо говорилъ по-латыни и слишкомъ насквозь зналъ римлянъ, чтобы видѣть, что они подразумевали подъ «цивилизоваціемъ» варваровъ. Но добродушный Арминій былъ и не настолько развитъ, не настолько либераленъ, чтобы ограничиться однимъ патетически-фразистымъ протестомъ противъ иноземной тиранинн, и затѣмъ, въ гордомъ сознаніи исполненнаго долга, преспокойно положить руки въ карманы. Нѣтъ, это былъ человекъ горячаго, недипломатическаго, крайняго, бурно-клякотовшаго въ немъ чувства; и это-то сдѣлало его мечтателемъ, дерзко возставшимъ противъ существующаго и признаннаго, противъ тишины и порядка. «Впрочемъ, молодой вождь херусковъ захотѣлъ не только открыто бунтовать противъ римскаго владычества, но и перехитрить притѣснителей своего отечества. Тактика, при помощи кото-

рой онъ одурачилъ извѣстнаго грабителя Вара, показываетъ, что даже такой идеальный политикъ, въ крайнемъ случаѣ, умѣетъ практически взяться за дѣло. Упорно задавшись своей великой идеей, Арминій умѣлъ побѣдить неподатливость германскаго партикуляризма и соединить значительное число племенъ въ прочный анти-римскій національный союзъ.»

Положимъ, что къ его патриотическому одушевленію примѣшивалась и значительная доза личнаго честолюбія. Мы противъ этого спорить не станемъ или даже и не можемъ. Да почему ему было и не полагать своего честолюбія въ освобожденіи родины, чтобы, передъ глазами отдаленнаго потомства, поднять свою геройскую личность на высоту этого великаго факта, какъ на блестящій, несокрушимый пьедесталь?

Въ заключеніе статьи Шерръ обращаетъ нѣсколько поистинѣ огненныхъ страницъ тѣмъ псевдо-реалистамъ, которые, лукаво прикрываясь положительнымъ знаніемъ и выводами «точныхъ» наукъ, стараются изгнать изъ жизни всякую честную идеализацію, наилучшіе порывы и побужденія неизносимаго внутренно челоуѣка.

«Если, говоритъ онъ нѣмецкимъ реалистамъ этого дешеваго закала, — если, какъ вы утверждаете, все шествуетъ по пути благополучнаго развитія, если ваша реальная политика и наука, со всѣмъ нѣмецкимъ кафедральнымъ умопомраченіемъ, имѣетъ право съ презрѣніемъ взирать на идеальныя стремленія восемнадцатаго вѣка, то какимъ образомъ выходитъ та диковинка, что этотъ восемнадцатый вѣкъ, въ гуманитарномъ и прогрессивномъ смыслѣ, стоитъ недосыгаемо выше вашей эпохи? Можете-ли вы отвергать, что клерикализмъ занимаетъ теперь то положеніе, какое за сто лѣтъ для него было совершенно немыслимо? Что сказали-бы тогда образованные люди въ Европѣ, если-бы имъ предложили заняться кукольной комедіей вселенскаго собора Пія IX, какъ серьезнымъ дѣломъ? Гомерическій взрывъ хохота былъ-бы единственнымъ отвѣтомъ.

«Вы съ гордостью указываете на процвѣтаніе математическихъ, естественно-научныхъ и техническихъ знаній и открытій, которыми характеризуется наше время и важности которыхъ не станетъ отвергать ни одинъ здравомыслящій челоуѣкъ. Да, всякій, у кого присутствуетъ царь въ головѣ, съ восторженной благодарностью отнесется къ точнымъ наукамъ, за тѣ великія, неоплатимыя благодѣянія, какія оказаны и еще будутъ впредь оказаны ими челоуѣчеству; но люди съ головой и сердцемъ не могутъ также примкнуть къ тѣмъ, довольно громко высказываемымъ притязаніямъ, будто точнымъ нау-

камъ подобааетъ исключительная авторитетность, сила и значеніе. Человѣческое общество живетъ вѣдь не одними математическими формулами, паромъ и газомъ, желѣзными дорогами и телеграфами. Назначеніе челоуѣка не должно ограничиваться однимъ матеріальнымъ стремленіемъ. Вычеркните прекрасное и его культъ изъ жизни, и вы скоро увидите, что земля обратится въ большой скотный дворъ.

«Но вы, конечно, возразите, намъ-то что за дѣло до всего этого? Только истина дѣлаетъ свободнымъ, а истину даетъ только одна «точная» наука. Но во-первыхъ не позволительно-ли усумниться, чтобы одна «точная» наука, односторонне лелѣемая, могла производить свободныхъ и цѣльныхъ людей и здоровыхъ дѣятелей? И не замѣчательно-ли, что именно адепты точныхъ знаній такъ и норовятъ гнуть спину передъ сильными міра? Какимъ образомъ объяснить себѣ, что очень и очень многіе математики и экспериментаторы проникаются фанатической набожностью и юродивостью или такъ удобно позволяютъ дрессировать себя для профессій самого сомнительнаго свойства.

«Развѣ не вы разсыроили честное юношеское одушевленіе въ пресыщенную, тупую пошлость? Развѣ не вы поучали молодежь, что величайшая и единственная наука заключается въ томъ, чтобы всеми правдами и неправдами пробиться въ милліонеры? Не по вашей-ли милости молодежь, со всею наглостью и самонадѣянностію формулировала такой «современный» лозунгъ: «регаліи, вдова Клико, лоретки и оффенбаховская музыка?» Чтожъ, повашему, это, небось, честнѣе старофранкской «свободы и челоуѣчности»?..

«Несказанно вы важничаете тѣмъ, будто привели идею о государствахъ въ людяхъ къ сознательному развитію. Но Боже—какое государство вы имъ восхваляете! Ординарно-военное и полицейское, подъ ярмомъ котораго вы сами пресмыкаетесь. И неужели высочайшая цѣль нашей расы заключается въ томъ, чтобы быть не свободными людьми, гармонически развившимися, самоопредѣляющимися и самоограничивающимися личностями, но одноформенными атомами государства?»

Приведенныхъ выписокъ, кажется, достаточно для того, чтобы видѣть, что Шерръ вооружается собственно не противъ честнаго и здороваго реализма въ наукѣ и жизни, съ которымъ онъ не можетъ расходиться уже по всему характеру своей литературной и публицистической дѣятельности, но противъ лживости и двуличія тѣхъ псевдо-реалистовъ, которые дѣлаютъ изъ науки лазейку для вовсе не научныхъ и крайне неблагоприятныхъ цѣлей. Такихъ людей, конечно, вездѣ найдется немало, но нигдѣ, можетъ быть, они такъ не процвѣта-

ютъ, не чувствуютъ себя такъ дома и въ своей тарелкѣ, какъ въ Германіи; нигдѣ честныя, добрыя мысли такъ дико не антагонизируютъ съ нечестными и недобрыми фактами, какъ на родинѣ Лютера, который едва-ли не былъ болѣе іезуитъ, чѣмъ самъ Игнатій Лойола. Но виновата-ли честная идея сама-по-себѣ, если ею пользуются для совершенно постороннихъ продѣлокъ, или если умышленныя Прокусты уродливо съуживаютъ ее въ своихъ черепахахъ, въ которыхъ она цѣликомъ никакъ не укладывается?

Другой образчикъ по разработкѣ антично-историческихъ тѣмъ Шерръ представляетъ въ своей лекціи о Гелиогабалѣ. Кромѣ извѣстнаго уже читателю живого изложенія и своеобразнаго тона съ постояннымъ оттѣнкомъ юмора, здѣсь собственно нѣтъ ничего замѣчательнаго, по крайней мѣрѣ, ничего новаго, такъ-какъ главнымъ матеріаломъ автору послужили уже довольно извѣстные классическіе хроникеры — Діонъ, Геродионъ и Лампрідій. Особеннаго вниманія заслуживаетъ, однако, то мѣсто, гдѣ авторъ старается изобразить одинъ изъ довольно интересныхъ моментовъ въ моральной исторіи человѣчества. Заговаривая о характерѣ отношеній между двумя лагами въ древнемъ и новомъ мірѣ, Шерръ высказываетъ слѣдующія мысли:

«Что касается чудовищнаго, доходившаго до дикаго цинизма, безстыдства римскихъ женщинъ въ Римѣ, въ эпоху цезарей, то мы должны припомнить себѣ, что древній міръ прикидывалъ къ характеру отношеній между лагами совершенно другой масштабъ, чѣмъ новѣйшее общество. Это не значить, конечно, чтобы древніе не умѣли цѣнить дѣвственной чистоты и цѣломудрія. Что и они знали цѣну этимъ достоинствамъ, показываетъ то благоговѣнное уваженіе, которое оказывалось у нихъ цѣломудреннымъ дѣвственницамъ и матронамъ, все-таки существовавшимъ въ самыя развратныя времена Греціи и Рима. Древній также понятны были болѣе чистыя, внутреннія симпатіи между женщиной и женщиной. Вспомните только, какими мягкими, прекрасными штрихами скорѣе обозначено, чѣмъ изображено въ Одиссеѣ первое пробужденіе нѣжнаго чувства къ «божественному страдальцу» въ дѣвической груди Навсикаи, а въ Иліадѣ отношенія между Гекторомъ и Андромахою возведены въ идеалъ брака. Въ цезарскомъ, то-есть безнравственномъ Римѣ Овидій, конечно, писалъ свою наглую «Любовную науку» со всею разнузданностью фантазіи, со всею бывалостью опытнаго развратника. Но даже въ одно время съ нимъ Тибуллъ слеталъ свою прекрасную элегическую гирлянду — «Сульпицію», гдѣ чувство любви изображено такими свѣтлыми, чистыми чертами, какъ дай-Богъ любому изъ новѣйшихъ поэтовъ.

«Само собою разумѣется, такія исключенія констатируютъ только правило, а самое правило въ древности заключалось въ томъ, что Венера-Уранія осталась далеко позади Афродиты пафоской, — такъ неизмѣримо далеко, что показывалась изъ-за нея только мелькомъ; на самомъ дѣлѣ то, что мы называемъ любовью, имѣло въ глазахъ древнихъ преимущественно половой характеръ, какъ потребность пить и ѣсть, и вотъ почему именно они говорили объ этомъ предметѣ съ такою свободою и непринужденностью, какъ мы говоримъ о ѣдѣ и питъѣ. Впрочемъ и монополію на клубничность за древними писателями признать никакъ нельзя. Католики и лютеране Аретино, Раблѣ, Фишартъ, Брантомъ, Уичерли, Гоффмансвальдау и многіе другіе по части безстыдства могутъ смѣло потягаться съ язычниками—Аристофаномъ, Лукіаномъ, Овидіемъ, Петроніемъ и Ювеналомъ.

«Если говорятъ вообще, будто католицизмъ облагородилъ чувство любви, то это—басня, придуманная господами frères ignorantins для ихъ-же собственнаго назиданія. Напротивъ, католическіе мистыки, какъ извѣстно, говорятъ о женщинѣ съ презрѣніемъ и смотрятъ на нее совершенно съ точки зрѣнія восточнаго варварства. Даже языческая императрица Мессалина не запятнала себя такою безнравственностью, какою отмѣтила себя въ исторіи византійская императрица Феодора. Набожный Григорій Турскій досконально свидѣтельствуетъ, какія дѣла творились въ германскомъ женскомъ мірѣ. Ужасныя дѣла! Въ длинной галлерей женскихъ типовъ, разрисованныхъ Григоріемъ, мы различаемъ только три категоріи: развратницъ, фурій и истерическихъ идиотокъ. Иногда все это соединялось въ одной особѣ. И почти два съ половиною вѣка послѣ того отношенія между двумя полами въ католическомъ мірѣ не были облагорожены ни на волосъ, что довольно наглядно доказали дочери Карла Великаго, рожавшія незаконныхъ дѣтей. Въ средневѣковомъ идеалѣ романтической любви, — какимъ онъ изображается преимущественно въ провансальской и итальянской лирикѣ, такъ-же какъ и у нѣмецкихъ минезингеровъ, — многіе склонны видѣть прямой результатъ новой религіозной доктрины; но основательное знакомство съ арабско-испанской и арабско-сицилійской поэзіей должно въ значительной мѣрѣ измѣнить это мнѣніе, если не совершенно опровергнуть его. Ни у одного трубадура, сонетиста или минезингера любовь не воспѣвается въ такихъ нѣжныхъ, теплыхъ, задушевныхъ тонахъ, какою она, уже нѣсколько столѣтій тому назадъ, является въ произведеніяхъ арабскихъ поэтовъ—въ Испаніи и Сициліи. Магометанскіе романтики были наставниками христіянскихъ. Да наконецъ, если

внимательно поприглядѣться, — что такое былъ собственно этотъ приторно-романтическій любовный идеалъ въ средніе вѣка! Одна обманчивая теорія или теоретическій обманъ. Рыцарскій эпосъ и рыцарская лирика сами показываютъ намъ, что эта романтическая иллюзія не имѣла для практики и жизни никакого значенія. Вспомните только о Тристанѣ Готфрида и о Парцивалѣ Вольфрама, не говоря уже о французскихъ *fabliaux* и нѣмецкихъ стихотворныхъ былинахъ изъ двѣнадцатаго, тринадцатаго и четырнадцатаго столѣтій. Нѣмецкіе миннезингеры также, — чуть перейдутъ отъ условной фистулы къ полнымъ груднымъ тонамъ, — не идеализируютъ, напротивъ матеріализируютъ любовь. И наконецъ, вспомните о романтической дѣйствительности въ средніе вѣка...

Въ той-же книгѣ читатель съ отраднымъ чувствомъ остановится, на одномъ чистомъ, свѣтломъ образѣ, также заимствованномъ изъ средневѣковой исторіи, но принадлежащемъ уже, такъ сказать, къ переходному, поворотному времени. Мы говоримъ о статьѣ «Іоанна д'Аркъ». Собственно это — лекція, читанная авторомъ въ Цюрихѣ 27-го января 1870 года въ залѣ Большого-Совѣта. Печатаемая въ настоящемъ сборникѣ историческихъ эскизовъ, Шерръ ничего не измѣнилъ въ самой формѣ, но текстъ вездѣ снабдилъ ссылками на источники и нѣсколько обстоятельнѣе развилъ ту часть лекціи, гдѣ говорится о процессѣ и осужденіи Іоанны.

«Свѣтлая личность Іоанны д'Аркъ, замѣчаетъ авторъ въ началѣ статьи, — эта скромная крестьянская дѣвушка, умѣвшая подняться на высоту героизма не только въ своей странѣ, но и во всей Европѣ, — безспорно, принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ всемірно-историческихъ фигуръ, которыя, какъ прекрасныя мраморныя изваянія богинь, ярко вырѣзываются на мрачномъ, — увы, плачевно-мрачномъ заднемъ фонѣ нашего нравственнаго развитія. Это — блестящія путеводныя колонны на дорогѣ человѣческаго прогресса. Подобные люди велики своею громадною волею, еще выше своимъ дѣломъ и страданіями. Вѣдь дѣйствительные представители правды, дѣйствительно великіе и добрые люди тѣмъ именно и отмѣчаются, что къ ихъ героическому лавру всегда и вездѣ прилетается пальмовая вѣтвь мученичества» (Farrago, стр. 96).

Главнѣйшими мотивами всѣхъ думъ, постушковъ и стремленій Орлеанской дѣвы авторъ считаетъ сильно наэлектризованное религіозное чувство и горячій патріотизмъ, — и въ этомъ отношеніи Іоанна является у него настоящимъ продуктомъ своей эпохи.

« Она была истинной дочерью своей родины, но въ то-же время она была, въ каждой каплѣ крови, дитя своего времени.

« Подобно растенію, человѣкъ также есть продуктъ почвы, изъ которой онъ произрастаетъ. Если даже глубокіе умы, опередившіе современниковъ на многія столѣтія, несутъ неизгладимую печать своего времени, то что-же сказать послѣ этого о бѣдной сельской дѣвушкѣ пятнадцатаго столѣтія!

« То было время броженія, сумеречное, конвульсивно-смутное время, волнуемое и потрясаемое вѣяньемъ грядущихъ переменъ и переворотовъ. Началась ломка средневѣковыхъ идей и учреждений. Среди романтической ночи грубаго невѣжества ярко зарумянилась заря пробудившихся классическихъ изысканій. Геній эпохи возрожденія готовился расправить свои свѣтлыя крылья. Всякій, кто только находился на высотѣ пониманія времени, чувствовалъ себя неловко, задыхался и стѣснялся въ узкой скорлупѣ средневѣкового догмата. Общество, по крайней мѣрѣ, въ своихъ верхнихъ слояхъ, всюду искало выхода изъ этой скорлупы. Даже въ сферѣ церкви, какъ показываютъ церковные соборы въ Пизѣ, Констанцѣ и Базелѣ, родилась-было реформаторская мысль — правда, еще совершенно слабая, чтобы сломить іерархическое ярмо, и вскорѣ, послѣ блѣдной вспышки, осужденная опять склониться подъ то-же, осилившее ее иго.

« Въ массы пониманіе этихъ знаменій новаго соціального процесса, разумѣется, не проникало; но въ нихъ, этихъ массахъ, высказывалась потребность пополнить измелъчавшій церковный формализмъ болѣе содержательнымъ для сердца вѣрованіемъ, согрѣть ледяной, мертвящій скелетъ догматики теплотою религіознаго чувства. Желаніе это рѣзко обнаруживается уже въ рѣчахъ и дѣлахъ двухъ прославленныхъ святыхъ католической церкви—Франца Ассиза въ тринадцатомъ и Катерины сіенской — въ пятнадцатомъ столѣтіи. Это горячее возбужденіе религіознаго чувства въ средѣ народа было вызвано и въ необычайной степени усилено неслыханными бѣдствіями, постигшими въ четырнадцатомъ вѣкѣ значительную часть Европы — страшными опустошеніями, которыя были произведены физическими и моральными эпидеміями, каковы черная смерть, странствованія бичующихся и избіеніе жидовъ. Въ подобныя эпохи, когда неслыханныя прежде событія дѣйствуютъ съ неотразимою, стихійною силою, человѣкъ также вырастаетъ выше самого себя — въ хорошемъ и худомъ смыслѣ. Горячее напряженіе возрастаетъ до экстаза. Въ воздухѣ словно носится тяжелый, моральный токъ, при вдыханіи котораго, смотря по его составу, является или политическая горячка, или ре-

лигіозный экстазъ, которымъ была наэлектрирована также и наша героиня».

Этимъ объясняется вся жизнь Іоанны, всё ея думы и порывы, всѣ дѣла и желанія.

Первою жизненною силою въ средневѣковомъ мірѣ была вѣра. тогда-какъ въ новѣйшее время такую силою сдѣлалась—наука; тамъ все обусловливалось и опредѣлялось религіознымъ представленіемъ.

Въ пастушкѣ изъ Домреми средневѣковая вѣра отразилась еще разъ во всей наивности, величіи и силѣ. Но къ ней, къ этой вѣрѣ, присоединилась не менѣе могущественная союзница—горячая любовь къ роднѣ.

Болѣе рѣзкія различія между національностями, болѣе своеобразный складъ особенностей у того и другого народа были также характеристическими чертами того времени и притомъ довольно яркими чертами. Притомъ, по отношенію къ нашей героинѣ, необходимо замѣтить, что эти рѣзкія народныя различія, эти опредѣленные, т. е. въ большей части враждебно складывавшіеся національные контрасты гораздо ярче отчеканивались въ нижнихъ, чѣмъ въ высшихъ слояхъ общества, такъ-какъ послѣдніе все еще находились подъ обаяніемъ формъ и формулъ рыцарства, которое, какъ извѣстно, было отищено вовсе не національнымъ, но универсальнымъ характеромъ. Этотъ объясняется, какимъ образомъ въ крестьянкѣ Іоаннѣ могъ пробудиться тотъ огненный патриотизмъ, могло жить и клокотать то горячее чувство любви къ родинѣ, которое въ началѣ казалось дамашъ и кавалерамъ французскаго двора и рыцарскаго закала — сущей китайской грамотой. До сихъ поръ французско-англійскія войны велись во всѣмъ формамъ и обычаямъ рыцарскаго приличія. Только порывистый толчокъ, сообщенный Іоанной, пробудилъ реакцію національнаго чувства французовъ, участвовавшего въ дѣлѣ до сихъ поръ развѣ только инстинктивно, — сознательно направилъ чувство это противъ иноземнаго господства и обратилъ рыцарскую войну въ народную или, по крайней мѣрѣ, въ національную борьбу» (Fagtago, стр. 103 — 109).

Изъ дальнѣйшихъ статей въ книгѣ Шерра особенно замѣчательна та, которая, подъ заглавіемъ «Пророкъ», въ мѣткихъ и живыхъ чертахъ изображаетъ добрую, честную личность Роджера Уильямса, одного изъ первыхъ пионеровъ американской колонизаціи и безспорно перваго глашатая и защитника свободы совѣсти на новой почвѣ.

Роджеръ Уильямсъ, пуританскій проповѣдникъ, выселился въ февралѣ 1631 года изъ Англіи въ новооснованную «приморскую колонию» (Массачусетсъ), преслѣдуемый на родинѣ за религіозныя мнѣнія. Его свѣтлый, здравый умъ постепенно высвободился отъ суро-

вой пуританской исключительности, и въ Америку онъ явился уже представителемъ новаго моральнаго принципа. Никакая духовная или свѣтская власть, утверждалъ Уильямсъ, не имѣетъ права наказывать за мнѣнія, насильно вторгаться въ сокровеннѣйшую глубину чело- вѣческаго духа и хозяйничать съ его убѣжденіями. Мнѣнія эти, раз- умѣется, могли навлечь «пророку» только ожесточенныя гоненія со стороны узкаго, исключительнаго пуританизма; Уильямсъ бѣжалъ къ краснокожимъ туземцамъ и сдѣлался основателемъ свободнаго штата Родъ-Айленда, гдѣ и скончался на 84-мъ году жизни, всѣми благо- говѣнно уважаемый, какъ одинъ изъ величайшихъ и наиболѣе потру- дившихся благодѣтелей челоуѣчества. Вотъ тотъ свѣтлый типъ, на которомъ съ особенной любовью останавливается авторъ историческихъ эскизовъ, котораго тонъ и сужденія вообще отзываются даже энту- зиазмомъ, когда онъ заговариваетъ объ американской жизни и амери- канскихъ учрежденіяхъ.

«Если протестантизмъ, замѣчаетъ онъ въ началѣ статьи, — при- писываетъ себѣ ту заслугу, будто онъ водворилъ въ новомъ свѣтѣ свободу совѣсти, вѣры и мысли, то мы видимъ въ этомъ только . благодушествующую военную хитрость. Протестантизмъ, напротивъ, неизбежно долженъ былъ сдѣлаться такимъ-же исключительнымъ, неподатливымъ и плотояднымъ, какъ и католицизмъ, потому-что воз- никъ также изъ догматическаго источника. Всякому извѣстно, что различныя протестантскія исповѣданія всегда и вездѣ старались, по мѣрѣ силъ, выказать свою исключительность, нетерпимость и страсть къ преслѣдованіямъ. Сами господа реформаторы, насколько позволяли средства, разыгрывали изъ себя инквизиторовъ, и ни одинъ папа не выставлялъ себя такимъ непогрѣшимымъ авторитетомъ, какъ Лютеръ и Кальвинъ. Но англійская придворная и государственная церковь довела религиозное гоненіе до кроваваго изувѣрства и именно от- того, что церковь эта, сливаясь во-едино съ королевской властью, наиболѣе, располагала средствами къ преслѣдованію.

«Само собою разумѣется, мы говоримъ это только для того, чтобы констатировать фактъ, не относясь къ нему съ порицаніемъ. Като- лическіе, лютеранскіе, кальвинистскіе и англиканскіе богословы, ре- форматоры и инквизиторы совершали своя изувѣрства съ добрымъ намѣреніемъ. Другого они и подѣлать ничего не умѣли.

Такимъ образомъ, и пуританизмъ, на первыхъ страницахъ своей исторіи, является гонимымъ и обиженнымъ. Злая мачиха — англикан- ская церковь — вытолкала его въ американскую пустыню, надѣясь, что онъ погибнетъ тамъ съ голоду или въ борьбѣ съ краснокожими

и звѣрjami первобытныхъ лѣсовъ. Но онъ не погибъ, напротивъ окрѣпнѣ въ страшныхъ невзгодахъ и усліяхъ, выпавшихъ ему на долю, и выросъ великаномъ, « котораго руки, замѣчаетъ Шерръ, — со временемъ охватятъ весь земной шаръ ».

Но оправившись отъ гоненій и окрѣпнувъ, пуританизмъ, въ свою очередь, принялъ на себя роль гонителя. « Судьбы пуританизма, говоритъ Шерръ, — дѣлаютъ совершенно понятнымъ, какимъ образомъ онъ могъ проникнуться мрачной фанатической суровостью и почему всё его воззрѣніе, идеи и самый языкъ такъ сильно напитались ветхозавѣтнымъ молохизмомъ. Но если онъ былъ настолько чудакомъ, что считалъ смертнымъ грѣхомъ всякую житейскую радость, то этимъ онъ дурачилъ только самого себя: ему-же самому отъ этого приходилось солоно. Гораздо хуже было то, что забившись въ свой заскорузлый текстъ, онъ захотѣлъ самъ творить тѣ-же неправды, какія довелось испытать ему самому, и сейчасъ-же сдѣлался гонителемъ, чуть пересталъ быть гонимымъ. Пуритане не только душили вѣдмъ, но свирѣпствовали противъ всѣхъ, кто только не хотѣлъ пристать къ ихъ ледяному пуританскому катихизису » (Fagga-go, стр. 297).

Понятно, что человекъ, такъ горячо проповѣдовавшій свободу совѣсти и нравственнаго убѣжденія, не могъ поладить съ суровою правовѣрно-пуританскою доктриной. И вотъ уже на первыхъ порахъ послѣ своего прибытія въ Массачусетсъ Роджеръ Уильямсъ показался довольно подозрительною и опасною личностью, — тѣмъ болѣе, что онъ говорилъ о положительной необходимости отдѣлить церковную власть отъ свѣтской. Уильямсъ открыто и энергически настаивалъ на томъ, что никакое правительство не имѣетъ права наказывать кого-либо за нарушение одной изъ первыхъ четырехъ заповѣдей, такъ-какъ отношеніе человека къ этимъ заповѣдямъ составляетъ исключительно дѣло совѣсти и потому должно быть предоставлено усмотрѣнію каждаго; карательная власть, по мнѣнію Уильямса, тогда только должна вступать въ дѣйствіе, когда нарушение этихъ заповѣдей угрожаетъ миру и спокойствію общества.

Такимъ образомъ, Уильямсъ хотѣлъ совершенно отдѣлить догматическія и церковныя заповѣди отъ социальныхъ законоположеній, и, само собою разумѣется, какъ злостный « еретикъ », возбудилъ противъ себя страшное пуританское сопротивленіе. « Коттонъ, Гукеръ, Матеръ и всѣ другіе свѣточы церкви въ Новой Англіи, говоритъ Шерръ, — были настоящими слугами Бога гнѣва и мщенія. Этимъ мрачнымъ прозелитамъ была совершенно непонятна и дика грандіозная

личность афинской жрицы Теано, которая, на требованіе произнести проклятіе, въ эпоху целонопезской войны, дала такой отвѣтъ: «мой долгъ благословлять, а не проклинать!»! А враги Уильямса были только клянущими жрецами.

«Но особенную ненависть предержавшихъ властей провозвѣстникъ свободы совѣсти возбудилъ тѣмъ, что съ жаромъ вооружился противъ господствовавшаго въ Англіи церковнаго принужденія. Власти строго настаивали на томъ, чтобы каждый посѣщалъ общественныя богослуженія, на что Уильямсъ возражалъ такимъ афоризмомъ: «никого не слѣдуетъ, противъ воли, принуждать ходить въ церковь или участвовать въ ея матеріальномъ содержаніи». Это показалось жрецамъ черезъ-чуръ ужь дикимъ. Споръ принималъ все большіе размѣры и, наконецъ, перешелъ къ вопросамъ, затрогивавшимъ самую сущность церкви и государства. Противники Уильямса говорили: «власти имѣютъ право и обязаны охранять души людей отъ гибели», слѣдовательно, наказывать то, что имъ кажется ересью и заблужденіемъ». Уже въ ноябрѣ 1635 года былъ изготвленъ декретъ, въ силу котораго Уильямсъ изгонялся изъ всей области Массачусетса. Но когда въ Бостонѣ распространился слухъ, что гонимый, вмѣстѣ со многими приверженцами, намѣревался основать собственную колонію неподалеку отъ столицы, тутъ-то разыгралась вся трусливая ярость бостонскаго правительства, предводимаго Коттономъ и Гукеромъ. «Еретика» рѣшено было вытребовать въ Бостонъ, арестовать, какъ преступника, да и отправить силою назадъ въ Англію. А что тамъ его ждало — нечего, разумѣется, и говорить. Уильямсъ сослался на болѣзнь — что вовсе не было обманомъ — и просилъ отсрочки. Вмѣсто просимой отсрочки власти выслали въ Салемъ, гдѣ жилъ неугомонный проповѣдникъ, лодку, чтобы силою захватить врага. Къ счастью, тотъ былъ вовремя предупрежденъ и, еще больной, въ суровую зиму 1636 года (въ январѣ) пустился въ свое опасное, многострадальное бѣгство.

Кто-же оцѣнилъ этого человѣка по заслугамъ, кто отдалъ должную дань его нравственному величію? Краснокожія, дикія дѣти природы — поканокеты и наррагансетты. «Эти вороны питали меня въ пустынѣ», съ благодарностью говорилъ о нихъ самъ Уильямсъ. «Ни одного бѣлаго, замѣчаетъ Шерръ, краснокожіе такъ горячо не любили, какъ этого человѣка, котораго земляки и брагья во Христѣ прогнали отъ себя, потому-что онъ былъ лучше и умѣе ихъ. И когда «красные люди» исчезнутъ, будутъ сметены съ лица земли, имя Роджера Уильямса будетъ записано въ книгѣ нравственнаго че-

ловѣческаго величія рядомъ съ именами — Джона Эллиота, Уильяма Пенна и Джорджа Уашигтона. Эти четыре бѣлые, ранѣе всѣхъ другихъ, сквозь мѣдно-красную кожу американскаго туземца узнали человѣка и равноправнаго ближняго» (Bartho, стр. 318).

Разумѣется, нелегко было выполнить Роджеру Уильямсу свою добрую идею—основать колонію. Въ концѣ концовъ, колонія, однако, была основана, и Уильямсъ, въ непоколебимомъ довѣрїи къ божественной помощи, назвалъ ее Провидѣніемъ (Providence). Поселенцамъ—а ихъ было въ началѣ всего тринадцать человѣкъ—пришлось на первыхъ порахъ бороться съ немовѣрными трудами и нуждою. «День и ночь», рассказываетъ самъ Уильямсъ,—нужно было изнурять себя тяжелой работой—на полѣ и водѣ, съ топоромъ, лопатой и весломъ, чтобы какъ-нибудь добыть насущный кусокъ хлѣба». И эта упорная, честная работа принесла вполнѣ заслуженные плоды. Колонія стала улучшаться, и мало-по-малу изъ жалкой, нищей общины Провиденсъ («town-fellowship»), на р. Паутекетъ, развился штатъ Родъ-Айлендъ, для котораго Уильямсъ выхлопоталъ въ Англіи «патентъ» и «хартію». Въ 1653 году, по единодушному желанію своихъ согражданъ, онъ принялъ на себя главное завѣдываніе дѣлами новооснованнаго штата, какъ его верховный представитель, и даже, удалившись въ частную жизнь, почтенный патріархъ Родъ-Айленда, не переставалъ руководить юное государство своимъ совѣтомъ и дѣломъ до самой смерти въ 1683 году, пресѣкшей эту честную, свѣтлую, плодотворную жизнь труженика-піонера — піонера въ двойномъ, болѣе широкомъ смыслѣ, такъ-какъ онъ не только принесъ на новую почву физическій трудъ колонизатора, но и старался первый насаждать въ новомъ свѣтѣ дѣйствительно добрыя, богатые послѣдствіями идеи. И вѣдь замѣчательно, что все это сдѣлалъ не геній высокаго полета, но скромный смертный, слушавшійся только своего добраго, яснаго, здраваго смысла и человѣческаго сердца.

«Роджеръ Уильямсъ, такъ характеризуетъ его Шерръ, — вовсе не былъ философъ, свободный мыслитель, доискивавшійся конечной причины вещей. Безпощадная, всеразрушающая философская математика его великаго соотечественника Спинозы, еслибы была ему известна, привела-бы его въ неописанный ужасъ. Уильямсъ стоялъ твердо на почвѣ еврейско-христїанскаго преданія и принималъ библію за послѣднее слово. Никогда не приходило ему въ голову подвергнуть традицію анализу холоднаго мышленія, логикѣ чистаго разума. Онъ былъ и оставался пресвитеріанскимъ богословомъ, но странно! изъ своихъ богословскихъ посылокъ онъ извлекалъ не богослов-

скія, но практически-человѣческія слѣдствія. Это-то и дѣлаетъ его такимъ замѣчательнымъ, даже, по времени, феноменальнымъ явленіемъ. Вѣчно готовый къ борьбѣ, онъ всю свою жизнь полемизировалъ, въ качествѣ теолога, и уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ писалъ противъ ученія квакеровъ. И тѣмъ не менѣе, честная непоследовательность его заключалась въ томъ, что онъ съ ранней молодости до послѣдняго издыханія оставался вѣрнымъ слѣдующему главному принципу: въ духовныхъ дѣлахъ можно прибѣгать только къ духовному оружію... Этотъ великій принципъ терпимости, предназначенной произвести громадный переворотъ въ ходѣ человѣческой цивилизаціи, Роджеръ Уильямсъ проповѣдовалъ первый съ яснымъ сознаниемъ и геройской энергіей, но вовсе не вслѣдствіе внушеній своей богословски-отуманенной головы, а изъ святого одушевленія своего любящаго, теплаго сердца. Вся жизнь его была безконечной борьбой съ тираніей клерикализма» (Faggago, стр. 328).

Но за-то какую блестящую будущность проложили своей родиной эти бойцы за святыя человѣческія права! По этому поводу, въ книгѣ Шерра читатель найдетъ одну изъ наиболѣе поэтическихъ страницъ, которою мы и заключимъ наши выписки изъ характеристики «родъ-айландскаго патріарха и пророка».

«Еслибы въ наше время этотъ свѣтлый, добрый человѣкъ всталъ изъ гроба, какъ изумился-бы онъ при видѣ всѣхъ тѣхъ великихъ событій, которыя были вызваны *его* идеей, *его* борьбою, *его* страданіями на всей землѣ, но въ особенности на американской почвѣ! Вѣротерпимость, щитъ которой Уильямсъ первый внесъ въ пустыню, послужила однимъ изъ главныхъ рычаговъ къ всестороннему развитію могущества Соединенныхъ Штатовъ. Во всемъ блестящемъ прогрессѣ американизма точно вѣетъ духъ этого благороднѣйшаго изъ всѣхъ піонеровъ, точно что-то смѣло и увѣренно рвется въ далекое, славное будущее. Вотъ откуда это, повидимому, легкое рѣшеніе громадныхъ задачъ настоящаго, — точно это дѣлается тамъ шутя и играя, вотъ откуда это дерзкое презрѣніе такихъ трудностей, которыя громадными горами бьютъ въ глаза европейскому филистерству. Припомните себѣ хотя тотъ *одинъ* фактъ, что этотъ чудакъ, дядя Самъ *) среди всѣхъ ужасовъ колоссальной гражданской войны, забралъ себѣ въ голову непремѣнно провести желѣзную дорогу къ Атлантическому океану. И вѣдь онъ мало того, что въ нѣсколько лѣтъ

*) Uncle Sam—народная кличка Соединенныхъ Штатовъ, составленная по заглавнымъ буквамъ U. S. (United States).

справился съ этой гигантской работой, но, едва окончивъ ее, уже проводить различные другіе пути отъ Атлантическаго къ Южному океану. Ну-съ, сравните-же теперь фактъ этотъ съ европейской премудрой безголовостью, филистерской пачкатней, съ безконечными спорами и дразгами по вопросу о желѣзной дорогѣ чрезъ Сенъ-Готардъ, хотя это—сушая игрушка сравнительно съ дорогою къ Атлантическому океану. Подберите-ка эти факты одинъ къ другому, и вы увидите разницу между одряхлѣвшимъ и свѣжимъ, молодымъ обществомъ, убѣдитесь, какъ пророчески-вѣрно поэтъ угадывалъ и чувствовалъ будущее, когда еще въ 1818 году писалъ:

«Исторія на западъ тяготить»!

Наконецъ, есть въ книжкѣ Шерра небольшая, но въ высшей степени интересная статья, исправляющая одинъ изъ весьма ошибочныхъ, хотя сильно приурочившихся въ «серьезной исторической наукѣ» взглядовъ на эпоху первой французской революціи. Статья эта представляетъ въ новомъ свѣтѣ главнаго представителя французскаго революціоннаго терроризма — Робеспьера и объясняетъ настоящія причины его паденія 9-го термидора. Извѣстно, что при всѣхъ скептическихъ тенденціяхъ времени, Робеспьеръ, — этотъ ревностный почитатель Руссо, — твердо держался того принципа, что какая-нибудь религіозная доктрина для народа необходима. Принципъ этотъ онъ старался съ жаромъ развить въ своей знаменитой рѣчи 18-го флореала (6-го мая) 1794 года, вслѣдствіе чего конвентъ декретировалъ: «Le peuple français reconnaît l'existence de l'Être suprême et l'immortalité de l'âme» (Французскій народъ признаетъ существованіе высшаго существа и безсмертіе души). На торжественномъ праздникѣ въ честь Высшаго существа (20 преріала, т.-е. 8 іюня) Робеспьеръ, какъ президентъ конвента, лично предводительствовалъ торжественной процессіей и, по увѣренію очевидцевъ, на лицѣ его въ этотъ день можно было замѣтить въ первый разъ выраженіе свѣтлой радости. Вотъ именно этою-то склонностью Робеспьера къ религіозному принципу враги и воспользовались для его низверженія и гибели. «Хотя дѣло давнымъ-давно можно было-бы обслѣдовать точнѣе и обстоятельнѣе, говорятъ Шерръ, — тѣмъ не менѣе до сихъ поръ еще въ учебникахъ и школахъ стараются увѣрить, будто низверженіе Робеспьера лѣтомъ 1794 года было слѣдствіемъ естественно-необходимой реакціи противъ крайностей терроризма. Не говоря уже о томъ, что вся эта термидорская «гуманность» — сушая басня, потому-что эта эксплуатируемая роялизмомъ и клерикализмомъ реакція на мѣсто «краснаго» водворила еще болѣе ужасный «бѣлый»

терроръ, — указываемое заблужденіе могло-бы быть поколеблено уже тѣмъ фактомъ, что заговоръ противъ Робеспьера былъ организованъ «анакреономъ гильотины» Барреромъ, что правой его рукою былъ Таллиенъ, сентябрь 1792 года, наконецъ, что въ переднихъ рядахъ нападающихъ были подобраны кровожаднѣйшіе изъ членовъ конвента: Колло, Бильо, Вуланъ, Вадье и Каррье»....

Въ ряду другихъ писателей, занимающихся разработкою историческаго матеріала, Шерръ имѣетъ еще и то неоспоримо громадное достоинство, что многія страницы всемірной исторіи выходятъ изъ-подъ его пера совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ у жрецовъ плутоватой исторической «объективности». Самъ Шерръ сознается, что онъ пишетъ не для «слабонервныхъ», не для людей, которыхъ можетъ пугать рѣзкая правда или разочарованіе въ ихъ жалкихъ иллюзіяхъ. Быть правдивымъ и только правдивымъ — ужь такова проклятая задача историка, проклятая именно потому, что тутъ приходится раздавать «всѣмъ сестрамъ по серьгамъ» и ни отъ одной не удостоится спасибо. Но читатель не предвзятый, не подкупленный заранѣе въ пользу какой-нибудь партіи или тенденціи всегда отнесется къ такому писателю съ довѣріемъ и уваженіемъ. А для историка возбудить такіа чувства въ читателѣ, какъ намъ кажется, всего важнѣе. Конечно, при всемъ далекомъ кругозорѣ своихъ научныхъ и политическихъ мнѣній, Шерръ остается все-таки нѣмцемъ и склоненъ считать свою націю настоящимъ культурнымъ племенемъ въ свѣтѣ, — великими піонерами, которымъ суждено преобразовать міръ. И однако, посреди этой тевтонской ярости, обуявшей въ послѣднее время самыхъ честныхъ и добрыхъ нѣмцевъ, въ немъ на каждомъ шагу такъ и пробиваютъ свѣтлыя, горячія, хорошія искорки челоуѣчности и здраваго смысла.

И. П.

НЕУДАВШАЯСЯ „БЕСѢДА“ И ЗАДАЧИ ИНТЕЛЛИ- ГЕНЦИИ.

I.

«Мы переживаемъ теперь моментъ самоопредѣленія» — вотъ послѣдній выводъ, къ которому пришли русскіе люди мысли. Нельзя не согласиться, что для десятилѣтней работы самоопредѣляющейся мысли выводъ не поражаетъ богатствомъ и глубиной содержанія. Мыслители «Зари» утверждаютъ, что всѣ эти 10 лѣтъ пропали для насъ совершенно даромъ, потому-что мы не послушались совѣта умнаго человѣка. Г. Катковъ еще въ 1857 г. обнарудовалъ программу и вмѣсто того, чтобы идти указаннымъ путемъ, мечтатели-энтузіасты подняли шумъ и свистъ. Но развѣ можетъ быть что-нибудь правдивѣе правды и истиннѣе истины! Время, какъ и всегда, стало на сторонѣ справедливости; вѣчная правда взяла свое; энтузіасты замолчали; святая истина г. Каткова снова заблестѣла брилліантовымъ блескомъ; предъ ними склонились послѣдніе могикане русскихъ заблужденій, а устыдившіяся «Отечественныя Записки» принесли даже публичное покаянiе и исправились. Такъ разсуждаетъ «Заря» въ февральской книжкѣ. Да, говорить «Заря», если-бы мы послушались г. Каткова въ 1857 г., мы давно были-бы счастливы и многое не случилось-бы изъ того, что случилось!

На всѣ эти разсужденія «Зари» лучше всего отвѣтить извѣстной поговоркой — «если-бы, то если, а то напиримъ». Конечно, все могло-бы быть иначе, если-бы... если-бы челоуѣчество было добродѣтельно со дня своего рожденія, то, конечно, не случилось-бы великаго переселенія народовъ, не родился-бы Атилла и Чингисъ-ханъ, не было-бы войны ни тридцатилѣтней, ни семилѣтней, ни нынѣшней французско-нѣмецкой, не было-бы ни Бисмарка, ни Наполеона, и счастливое челоуѣчество наслаждалось-бы давнымъ-давно покоемъ, созерцая

въ потемкахъ свои собственныя добродѣтели. Итакъ—долой исторію! послѣдуемъ правоученіямъ «Заря»! Рѣшительно неостязимо, что за охота людямъ, повидимому здоровымъ, говорить вздоры.

Ужь если нужно защищать истину отъ нападокъ «Заря», если нужно показать, на чьей сторонѣ была правда, то корешокъ спасенія придется отыскивать, конечно, не въ цвѣтникахъ «Русскаго Вѣстника», «Времени», «Эпохи», «Заря», а въ другихъ мѣстахъ. Дѣйствительно, все было-бы иначе, если-бы... если-бы вертоградъ русской мысли былъ повсюду одинаково свѣтелъ и чистъ, если-бы въ немъ не было гнилыхъ лужъ и еслибы древо тупоумія не было такъ толсто и коренато. Но, должно быть, одними заклинаніями не спасешься и съ исторіей ничего не подѣлаешь. Да, 10 лѣтъ пропали и ихъ не вычеркнешь изъ жизни. Трудно думается коллективная дума. Если-бы русская публика тяготѣла меньше къ «Времени», «Эпохѣ», «Русскому Вѣстнику» и «Зарѣ», ужь, разумѣется, мы не пришли-бы къ той самой мысли, съ которой начали 10 лѣтъ назадъ. И всему причиной это проклятое если-бы...

Итакъ 10 лѣтъ занимаемся мы самоопредѣленіемъ. Къ чему-же мы пришли? Пришли мы снова къ тому убѣжденію, что ничего мы не знаемъ и что намъ нужно учиться. А развѣ 10 лѣтъ назадъ не говорилось нашему обществу на всѣ лады — учитесь, учитесь, учитесь, развѣ 10 лѣтъ назадъ не шла самая усердная популяризація, развѣ всѣ эти 10 лѣтъ тысячи скоропечатныхъ машинъ не печатавали десятки тысячъ всякихъ учебныхъ книгъ для взрослыхъ дѣтей? Чему-же мы научились, что знаемъ, гдѣ у насъ знающіе люди? Нѣтъ, мы только дѣлали видъ, что учимся, а въ сущности спали и опять приходится повторять то-же самое, что говорилось 10 лѣтъ назадъ, но только иными словами; снова нужно толкать и будить, снова нужно открывать публичныя лекціи для большихъ, потому-что всѣ эти большіе—недоучившіеся школьники. Кто-же былъ будильникомъ общества 10 лѣтъ назадъ? развѣ «Русскій Вѣстникъ», развѣ г. Катковъ? Очевидно, что мыслители «Заря» говорятъ не дѣло.

Нынѣшнюю зиму въ Петербургѣ читался цѣлый рядъ публичныхъ лекцій. Ревнителю «Заря» и московскіе патриоты, конечно, умилятся этими фактами и увидятъ въ нихъ несомнѣнный признакъ нашего поступательнаго умственного движенія. Да, признакъ, но только не поступательности. Что читалось? Академикъ Срезневскій читалъ объ Юліанѣ-отступникѣ, профессоръ Бекетовъ—о деревьяхъ группы хвойныхъ растений, г. Висковатовъ—о Фаустѣ, г. Градовскій—о Фихте старшемъ, г. Менделѣевъ о распредѣленіи вещества въ природѣ, г.

Флавицкій—о вентиляціи, г. Боборыкинъ—о театральномъ искусствѣ, г. О. Миллеръ—объ общественныхъ типахъ въ повѣстяхъ Тургенева, г. Съченовъ... и т. д. Какое поразительное отсутствіе всякой связующей общей мысли; почему Петербургу понадобился Юліанъ-отступникъ, или деревья группы хвойныхъ растений, или Фихте старшій, или наконецъ Фаустъ? Что это—отвѣты на вопросы дня, свѣтъ истины, котораго все ищутъ и не находятъ, и наши представители науки спѣшать съ предупредительностію на помощь заблуждающимся, недоумѣвающимъ и ищущимъ? Или ужъ мы такъ богаты знаніями и такъ привыкли жить мыслию, что нуждаемся въ умственной роскоши и смотримъ на публичныя лекціи, какъ на пріятное препровожденіе времени и эстетическое наслажденіе? Петербургъ бѣжить слушать, какъ распределено вещество въ природѣ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о распределеніи вещества въ Россіи. Нѣтъ, «Заря» права, что мы пришли теперь къ тому-же умственному состоянію, въ какомъ находились при появленіи «Русскаго Вѣстника», не права «Заря» только въ томъ, что ждетъ спасенія Россіи отъ г. Каткова.

Общественная мысль въ очевидномъ разбродѣ; она, бѣдненькая, малая, тоща и щедушна, какъ изголодавшаяся дѣвочка. Общественная мысль просить пищи, но сама этой пищи не найдетъ; нужно, чтобы нашлись добрые люди и позаботились о голодной.

И нашлись: изъ академіи, изъ университета выступаютъ на встрѣчу изхудавшей дѣвочки свѣтила науки, академики и профессора, авторитеты и специалисты. Одинъ несетъ Юліана-отступника, другой группу хвойныхъ растений, третій—вещество природы, четвертый—Фауста, пятый—старшаго Фихтѣ, шестой вентиляцію и т. д. Я склоняюсь предъ несомнѣннымъ авторитетомъ гг. Срезневскаго, Бекетова, Менделѣева, но все-таки думаю, что ихъ трудъ пропалъ самымъ непроизводительнымъ образомъ; это былъ трудъ на непроизводительное потребленіе, трудъ безрезультатный, не подвинувшій общественнаго сознанія ни на волосъ впередъ. Конечно, цѣль лекцій прекрасна, но вѣдь можетъ быть та-же самая цѣль достиглась бы еще и лучше, еслибы пригласить итальянскихъ пѣвицъ или гг. Магомеда-Измаила и Велле.

Какой высшій смыслъ руководилъ петербургскими публичными лекціями, какая мысль лежала въ ихъ основѣ? Или все хорошо, что даютъ—бѣдному все годится: читайте ему о дровахъ, о стеариновомъ производствѣ, о Навуходносорѣ, о канарейкахъ, о приготовленіи алizarиновыхъ чернилъ, а кстаті передъ святой о крашеніи лицъ фук-

синомъ. Но если это такъ, зачѣмъ-же вы не держитесь той-же программы для гимназій и университетовъ? Нѣтъ,—вы говорите, образованіе должно быть систематическое; слѣдуетъ давать извѣстную серію знаній, распредѣлять предметы группами, культивировать мысль дѣтей и молодежи извѣстнымъ образомъ, давать знанія необходимыя, приуроченныя къ извѣстнымъ цѣлямъ, къ силамъ слушателей, къ потребностямъ страны и времени. А развѣ для взрослой публики нужно не то-же самое; развѣ ее еще не больше, чѣмъ дѣтей, нужно наводить на полезное мышленіе, на предметы общественно важные и соціально-практическіе?

Мы слышимъ повсюду голоса недовольныхъ, что реформы нашего времени понимаются не такъ, плодотворность успѣха ихъ тормозится невѣжествомъ и незнаніемъ. Въ одномъ мѣстѣ поражаютъ свою непостижимостію приговоры присяжныхъ; въ другомъ кидается въ глаза безсиліе и невѣденіе адвокатуры; въ третьемъ земство, точно въ летаргій, не знаетъ, что ему дѣлать съ собою и, не видя предъ собою никакихъ задачъ, уходитъ въ канцелярскую рутину и перестаетъ быть земствомъ. Хорошо и справедливо разсуждаютъ г. Катковъ и «Заря», что намъ нужна повсюду правда, нуженъ смыслъ, нуженъ высшій разумъ, нужно сознаніе своего долга и обязанностей. Ну и дайте намъ эту правду, этотъ смыслъ, это сознаніе, этотъ высшій разумъ; а вы преподносите намъ Юліана-отступника, да вентиляцію. Что вы, смѣтаетесь надъ обществомъ и его умственными потребностями? что вы, читаете лекціи для американцевъ, или для русскихъ?

А тутъ еще мы встрѣчаемъ горькія сѣтованія нашихъ людей интеллигенціи на русское равнодушіе, на заѣдающую всѣхъ скуку, на общую апатію и инерцію мысли. Я не стану восхвалять русскаго общества—оно спитъ и ничего не понимаетъ, ибо прежде всего не понимаетъ своихъ собственныхъ интересовъ. Общество, дѣйствительно, вяло, дрябло и инертно; но будьте хотя немножко справедливы и не кивайте на Петра. Скажите, что сдѣлали великаго свѣтила нашей интеллигенціи. Кто несетъ свѣточъ, за кѣмъ идти толпѣ, кто путеводитель нашего невѣденія и умственной беспомощности. Артисты фигурируютъ теперь тамъ, гдѣ мѣсто серьезной мысли и пониманія общественныхъ интересовъ. Наука исходитъ теперь для общества съ концертныхъ подмостковъ и даровитый Сѣменовъ читаетъ физиологію между антрактами живыхъ картинъ!

Положительно мы возвращаемся къ временамъ аристократическаго услажденія празднаго досуга; намъ льстятъ зрѣлищами и увеселеніями и пульсъ нашей жизни бьется теперь въ артистическихъ круж-

какъ и въ художественномъ клубѣ. Какъ-бы не случилось съ нашимъ обществомъ того-же, что случилось съ стрекозой?

Но и художественнаго клуба оказалось недостаточно. Думая, какъ-бы совершеннѣе удовлетворить умственнымъ потребностямъ высшей русской интеллигенціи, Петербургъ задумалъ еще болѣе высокое наслажденіе. Г. Рубинштейнъ предложилъ объединить художниковъ разныхъ отраслей искусства и устроить періодическія бесѣды. Клубъ художниковъ потерялъ свое первоначальное значеніе и превратился въ обыкновенный клубъ; значить, для интеллигенціи въ немъ нѣтъ мѣста. «Бесѣды» г. Рубинштейна и должны пріютить этого бѣднаго скитальца. Членами «бесѣды» могутъ быть только признанные литераторы, художники, артисты, музыканты, ваятели, архитекторы. «Бесѣда» должна стать на высоту самаго могучаго авторитета; она какъ-бы объединяетъ своею мыслию все искусство, соединяетъ въ себѣ все таланты и силу своего внутренняго содержанія даетъ жизнь, направленіе и движеніе всему русскому искусству. Въ первое собраніе была избрана коммиссія, которой поручили разработать вопросъ о томъ, кто долженъ быть членомъ «бесѣды» и чѣмъ она будетъ заниматься. Черезъ недѣлю происходило второе собраніе, на которое народа явилось однако меньше, чѣмъ на первое, несмотря на то, что приглашенныхъ было больше и что въ это второе собраніе слѣдовало обсудить основанія вновь проектируемаго общества. Коммиссія назвала «бесѣду» учено-литературною и художественною, но г. Рубинштейнъ подалъ особое мнѣніе, доказывая, что «бесѣда» должна быть художественною. Это исключеніе ученыхъ привело многихъ въ недоумѣніе и начался споръ о необходимости сліянія науки съ искусствомъ. Сторонники г. Рубинштейна доказываютъ, что онъ вовсе не имѣлъ нелѣпой мысли исключить изъ общества людей ученыхъ, а что ему просто не нравилось слишкомъ длинное названіе «учено-литературная и художественная «бесѣда». Засѣданіе ничѣмъ не кончилось. Въ 79 № «Петербургскихъ Вѣдомостей» явилась затѣмъ слѣдующая замѣтка: «Гора родила мышь. Попытка собрать воедино всю петербургскую интеллигенцію дала результатъ блистательный... по своей печальной сущности. Первое собраніе обѣщало нѣчто. Выбрана была коммиссія для составленія проекта. Проектъ былъ принятъ. Казалось-бы отчего не пойти дѣлу, но вслѣдствіе разныхъ ненужныхъ и раздражающихъ преній, желающихъ собраться въ третій разъ оказалось только 32 ч. Проектъ устава оставался однако неуничтоженнымъ и 32 человекъ могли все-таки начать устройство вечеровъ. Но вчера собралось всего 10 человекъ, изъ которыхъ трое не были

на предварительныхъ собраніяхъ. Посидѣвши и пождавши, они пришли къ необходимости удалиться въ 11 часовъ. Изъ членовъ комиссіи по проекту устава явились только два члена отъ литературнаго отдѣла, да и вообще всѣ изъ собравшихся вчера, кромѣ одного, принадлежать къ литературному міру. Не знаемъ, какъ объяснить такое равнодушіе. Быть можетъ, многіе заранѣе рѣшили, что изъ «Бесѣды» ничего не выйдетъ. Во всякомъ случаѣ фактъ печальный и всѣ работники мысли, печатнаго слова и художественнаго творчества, будутъ продолжать сѣтованія о неимѣнии никакого пріюта, гдѣ-бы «отдыхъ людей интеллигенціи соединенъ былъ съ обмѣномъ идей и интересовъ». Отчего-же эта неудача? Не отъ того-ли, что люди прежде всего не знаютъ, чего они хотятъ и для чего они будутъ собираться. Если «бесѣда» будетъ органомъ искусства и чистаго искусства, то для чего она намъ; а если она должна быть пріютомъ для обмѣна идей, то не будетъ-ли правильнѣе поставить прежде всего вопросъ—окажется-ли намъ возможнымъ обмѣниваться идеями и какими, какой размѣръ примутъ эти обсуждения, до какого предѣла онѣ будутъ идти и какихъ предметовъ касаться, какая должна быть цѣль бесѣды, какой интересъ, какіе опредѣленные вопросы, которые нужно и можно будетъ разрабатывать? Что это, — небольшое, какъ пріютъ для отдыха или-же общество съ точною и ясноопредѣленною цѣлью? Мы знаемъ, что у насъ, напр., есть «Общество для содѣйствія промышленности и торговлѣ», есть «Общество экономическое», есть «Общество географическое»—у всѣхъ у нихъ точныя цѣли и ясноопредѣленные интересы и общества эти существуютъ и члены въ нихъ собираются. Съ подобнымъ-же усердіемъ люди идутъ и въ обыкновенные клубы, если клубы даютъ возможность пріятнаго отдыха. Но въ такомъ случаѣ клубъ теряетъ спеціальнѣйшій характеръ; ибо и литераторы, и живописцы, и технологи, и художники, и чиновники отдыхаютъ и кейфуютъ одинаковымъ образомъ. Нужна-ли еще «Бесѣда»; развѣ и безъ нея недовольно клубовъ, гдѣ можно тоже ничего не дѣлать; зачѣмъ еще новый клубъ, зачѣмъ литераторамъ и художникамъ нужно отдыхать непреимѣнно въ особомъ, изолированномъ отъ другихъ мѣстѣ; почему-бы имъ не обмѣниваться своими идеями хотя-бы въ клубѣ художниковъ, забравшись для этого въ отдѣльную комнату и устроивъ въ ней свой особнякъ, закрытый для непосвященныхъ?

А между-тѣмъ нельзя сказать, чтобы мысль г. Рубинштейна не была въ основаніи правильною. Лучшихъ русскихъ людей тяготитъ инерція окружающей ихъ жизни, отсутствіе живого общественнаго

интереса и скука бездѣятельности. Жить, дѣйствительно, скучно очень скучно и всякій умный человѣкъ не можетъ не задаться и просомъ — значить-ли это жить, стоитъ-ли жить такимъ образомъ нельзя-ли жить лучше? Скучающая мысль ищетъ выхода, ищетъ дѣла. Если нѣтъ дѣла настоящаго, она готова помириться на поддѣлѣ, лишь-бы найти хотя какую-нибудь болѣе оживляющую дѣятельность. Вотъ въ этомъ-то дѣлѣ или полудѣлѣ и заключается самыя звено. Нужно, значить, чтобы люди собирались для дѣла.

Хорошо сказать — дѣло! но какое дѣло? какимъ дѣломъ связать людей интеллигенціи? Мысль г. Рубинштейна и тутъ оказывается вѣрной въ основаніи. «Бесѣда» должна быть авторитетной силой, мѣриломъ которой дорожили-бы все, подвизающіеся на поприщѣ искусства. «Бесѣда» должна соединить въ себѣ таланты и служить какъ-бы выставкой ихъ силъ: писатель прочитаетъ свое новое произведение, пѣвецъ споетъ арію изъ новой роли, актеръ скажетъ монологъ, художникъ принесетъ свою картину, музыкантъ усладитъ васъ своею игрою. Въ этомъ проектѣ шевелится мысль, но мысль смутная и желаніе неясное; мысль нужно поставить опредѣлительнѣе и извлечь ее изъ хаоса какой-то безсистемной выставки талантовъ. Одно показываніе талантовъ грозитъ свести «бесѣду» къ пустой игрѣ въ тщеславіе и похвалѣбу и ставить всѣхъ членовъ въ рискованное положеніе риска скорой перебранки. Интеллигенціи заниматься пустяками не приходится; пусть она задается дѣлю, болѣе ея достойной, оставитъ выставки талантовъ и отправится въ поиски за дѣломъ въ область мысли.

Я укажу читателю на одну область, гдѣ общее примиреніе довольно нетрудно. Мы не знаемъ себя и очень хотимъ узнать себя; мы ищемъ дѣла и не знаемъ, гдѣ его найти; мы хотимъ учиться и не знаемъ, чему; мы чувствуемъ въ себѣ силу и не знаемъ, куда ее пристроить. Что такое наши петербургскія публичныя лекціи, какъ не доказательство нашего сомневѣденія и блужданія въ потемкахъ? Превратите «бесѣду» въ фабрику самыхъ лучшихъ русскихъ мыслей, и вы увидите, что всякій пойдетъ туда, кому нужна хорошая мысль. Устраните отъ «Бесѣды» частный интересъ лица, не дѣлайте ее ареною для борьбы авторскихъ самолюбій; но укажите ей болѣе широкія задачи и болѣе общія дѣла. Сдѣлайте «Бесѣду» источникомъ общественной мысли, свяжите ее съ интересами Россіи; пусть она будетъ центромъ публичныхъ бесѣдъ въ формѣ публичныхъ лекцій о всемъ, что ближе касается русскихъ общественныхъ интересовъ — и «Бесѣда» получитъ смыслъ и жизнь. Теперешній клубъ художниковъ

устриваетъ у себя лекціи такъ-же, какъ онъ устриваетъ у себя живыя картины. Клубу нужны свѣтила и знаменитости «художествъ» и потому онъ готовъ одинаково пригласить для лицедѣйства и фокусника, и скрипача, и ученую знаменитость, если она есть налицо. Въ остальныхъ публичныхъ лекціяхъ, которыя читалъ нынче Петербургъ, блистало именно отсутствіе всякой идеи. Оттого-то публикѣ и преподносились никому ненужныя группы хвойныхъ деревьевъ и еще менѣе нужный Юліанъ-отступникъ. «Бесѣда», какъ центръ русской интеллигенціи, могла-бы организовать свои вечера инымъ порядкомъ; она могла-бы имъ дать стройную систему по обдуманной программѣ въ прямой связи съ требованіями общественной жизни, пробуждая общественное сознаніе и давая отвѣты на его вопросы. «Бесѣда» могла-бы превратиться какъ-бы въ академію наукъ и искусствъ для взрослыхъ. Пусть и музыкантъ покажетъ высоту музыкальнаго искусства, пусть живописецъ и скульпторъ дадутъ образчики художественнаго творчества, пусть беллетристъ прочитаетъ свое новое произведеніе, но пусть выше всего этого и какъ-бы связывая всѣхъ стоитъ серьезная мысль и слово новаго знанія, раздающееся съ кафедры. Если въ художественномъ клубѣ и въ другихъ мѣстахъ устриваются лекціи безъ всякой связующей ихъ мысли, я не думаю, чтобы «Бесѣдѣ» нужно было слѣдовать тѣмъ-же путемъ. Интеллигенція безъ мысли—абсурдъ.

Но тутъ-то, кажется, мы и приходимъ къ поворотной точкѣ. Въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» пишутъ, что въ первые-же вечера обнаружилось разномысліе и разъединеніе. Въ сферѣ экономическихъ идей происходитъ теперь во всемъ мірѣ самая ожесточенная борьба. Это понятно, ибо сталкиваются два общественные строя—государственно-буржуазный и государственно-народный. Столкновеніе ведетъ къ ломкѣ учреждений, къ борьбѣ формирующагося новаго уклада жизни—съ старымъ; богатый сталкивается съ бѣднымъ, привилегированный съ непривилегированнымъ. Но что-же можетъ заставить сталкиваться нашихъ литераторовъ? У насъ въ литературномъ мірѣ нѣтъ; слава-Богу, ни аристократовъ, ни плебеевъ; аристократія талантовъ не ломается передъ безталанностію и богатый—передъ бѣднымъ. Да и гдѣ у насъ богатые—всѣ мы голы; всѣ мы только образованные пролетаріи, переколачивающіеся изо дня въ день, не зная, чѣмъ придется жить черезъ мѣсяцъ и не придется-ли окончить свои дни въ богадѣльнѣ. Ясно, что экономическими интересами мы связаны крѣпко одинъ съ другимъ и что всѣ мы одного лагеря. Но, видно, экономическая связь некрѣпка и есть еще нѣчто, ее раздающее. У насъ

нѣтъ связи въ мысли; насъ расталкиваетъ разбродъ понятій и отсутствіе общаго соціального интереса. Если «Бесѣда» найдетъ такую связывающую ниточку, интеллигенція сольется въ одно, нѣтъ — разползется врознь.

Я думаю, тутъ и ненужно гнаться особенно за примиреніями. «Зарю» и «Всемирный Трудъ» едва-ли вы примирите съ тѣми органами русской мысли, правоты которыхъ они не признаютъ. Давно уже извѣстно, что европейская умственная сумятица происходитъ отъ того, что спутались мировоззрѣнія теологическое, метафизическое и положительное. «Бесѣдѣ», конечно, не распутать той-же путаницы, совершающейся въ русской коллективной головѣ. Но «Бесѣда» хочетъ стать въ главѣ интеллигенціи — пусть и становится. Пусть она держитъ себя на высотѣ послѣдняго слова науки и только этому слову даетъ мѣсто у себя на кафедрѣ. Недовольные будутъ; ну и пусть будутъ, но еще больше найдется людей съ здравымъ смысломъ, которые помогутъ устроить дѣло. О примиреніи даже вовсе и ненужно заботиться: примиреніе совершится потомъ. Русскій человѣкъ слишкомъ стоекъ и слишкомъ не привыкъ сдерживать свои личные порывы (когда онъ не боится взысканія), чтобы мечтать о возможности единодушія съ перваго раза. Русскому человѣку, будь онъ разлитераторъ, нужно еще начальство. Если Петербургъ можетъ выставить хоть 30 человѣкъ изъ интеллигенціи, которые возьмутъ на себя починъ, если согласіе можно установить между передовиками — остальные пойдутъ за ними и «Бесѣда» осуществится. Но чтобы она установилась и окрѣпла, она должна заключать въ себѣ влекущій интересъ и не быть замкнутой отъ публики. Интересъ-же дадутъ лекціи о вопросахъ, близкихъ обществу, и талантливые представители искусства; серьезность цѣли дастъ «Бесѣдѣ» характеръ порядочности, котораго недостаетъ другимъ нашимъ общественнымъ собраніямъ, и канкану мѣста не будетъ. Нужно, слѣдовательно, чтобы нашлось нѣсколько энергическихъ людей и чтобы они начали дѣло.

II.

Мысль о «Бесѣдѣ» — признакъ отрадный, признакъ стремленія развязаться съ апатіей, выскочить изъ застоя и спячки и жить интересами болѣе широкими, человѣческими, европейскими. Но большая ошибка полагать, что русская мысль спитъ непробуднымъ сномъ и

не даетъ себя чувствовать повсюду. Для разбросанной русской мысли нѣтъ только центра, который-бы ее стягивалъ и группировалъ въ одну общую силу. Мысль сказывается не въ одномъ Петербургѣ; она проситъ дѣла и въ провинціи, можетъ-бы еще больше, чѣмъ въ столицахъ.

Разница между столичною и провинціальною мыслию въ томъ, что въ столицѣ она богаче численностію мыслящихъ единицъ, въ провинціи же мыслящіе люди разбросаннѣе. Но за-то провинціальная мысль непосредственнѣе и практичнѣе; она ближе къ народной жизни и ближе къ общественному интересу; столичная же мысль теоретичнѣе, общѣе, можетъ-быть шире по своему размаху, но зато она дальше отъ насущныхъ потребностей страны, которыми питается непосредственно мысль провинціальная. Провинція само-по-себѣ матеріаль для разработки общественныхъ вопросовъ; она основной источникъ вопросовъ, ждущихъ отвѣта. Поэтому настоящіе люди дѣла скорѣе всего могутъ явиться изъ провинціи, которой виднѣе Россія, ея нужды, бытъ и потребности. Но эта мыслящая провинція есть еще сила, едва возникающая и едва растущая. Рядомъ съ этой провинціей стоитъ другая провинція, беспомощная въ смыслѣ интеллектуальномъ, беспомощная въ своемъ незнаніи и неумѣннѣ выдти изъ затрудненій. Отчего земство въ большинствѣ случаевъ перестало быть земствомъ? Только оттого, что оно не знаетъ себя и не знаетъ, за что и какъ ему приняться. Укажу на одинъ случай. Вопросъ о налогахъ самый важный изъ всѣхъ вопросовъ настоящаго момента. Но обратитесь къ любому члену земства или къ секретарю земскаго собранія, обратитесь къ членамъ городскихъ управленій, и васъ поразитъ полное отсутствіе теоретическаго и практическаго пониманія этого вопроса. Я знаю одинъ городъ, въ которомъ дохода 40 тыс., а расхода 47 тыс. Гдѣ взять эти недостающія 7 тыс.? Люди ломаютъ головы и придумать ничего не могутъ, ибо почтеннымъ провинціальнымъ финансистамъ приходится дѣйствовать своимъ умомъ, подобно первому портному. Трудно! Слѣдуетъ-ли удивляться, что люди наконецъ махнутъ рукой и оставлять все попрежнему. Дѣятельность энергична только тогда, когда свѣтла мысль, ибо только ясная мысль руководитъ ясно волей. Но если мысль смутна и темна, если знаніе не указываетъ ей точной дорожки, поведение всегда шатко и неопредѣленно, потому-что энергіей руководитъ неустановившаяся, шаткая мысль. Отчего, напр., возможны проекты, въ родѣ сочиняемыхъ г. Шиповымъ, отчего возможно огульное голословное обвиненіе народа въ неудовлетворительности народнаго хозяйства. Только оттого, что мыслители,

въ родѣ г.г. Шиповыхъ, видятъ одну сторону быта и не знаютъ азбуки социально-экономической науки и ея исторіи. Отчего городъ, о которомъ я сказалъ выше, поломавъ голову надъ своимъ дефицитомъ, кончить все-таки тѣмъ, что ничего не выдумаетъ или остановится на какой-нибудь полумѣрѣ? Только оттого, что онъ и радъ-бы душой сдѣлать что-либо хорошее, да не знаетъ, съ какого конца приняться за дѣло.

У насъ печатается много книгъ; издательская дѣятельность процвѣтаетъ и издатели богатѣютъ; но все, что дѣлается, идетъ точно въ пропасть, а непосредственное практическое вліаніе на жизнь книжно-литературной дѣятельности вовсе не соотвѣтствуетъ затратамъ силъ и средствъ. Кого винить—авторовъ или издателей? Ни тѣхъ и ни другихъ. Просто нѣтъ ниточки, за которую держались бы люди и потому съ книгами происходитъ у насъ то-же самое, что съ петербургскими публичными лекціями. Попадется подъ руку случайно иностранная книга и ее переводятъ; забредетъ въ голову случайная мысль—и пишется статья, или предлагается какое-нибудь изслѣдованіе о табакѣ, пишется государственный проектъ о порученіи продажи водки земству. Но почему переводится эта книга а не другая; почему нападки на акцизъ, а не на что-нибудь другое; почему изслѣдованіе о табакѣ, а не о подушной подати? А потому-же, почему читалось Петербургу объ Юліанѣ-отступникѣ и о группѣ хвойныхъ растений,—потому, что человѣческой мыслию руководить не твердо выработавшаяся идея, а случайность. Беру совершенно случайные №№ 79 и 80 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей. Вотъ объявленія о книгахъ, которыя я въ нихъ нахожу: Клиническія лекціи Труссо. Клиническія лекціи о женскихъ болѣзняхъ. Практическое руководство къ изученію женскихъ болѣзней. Симптомы болѣзней органовъ дыханія и кровообращенія. Лекціи современныхъ нѣмецкихъ клиницистовъ. Лекціи о легочной чахоткѣ. Болѣзненные настроенія души. Ученіе объ остромъ или скоропроходящемъ помѣшательствѣ. Рефлексы головного мозга. Историческій очеркъ конкурснаго процесса. Комедія всемірной исторіи. Онанизмъ. Секретныя наставленія мужчинамъ. Обзоръвіе японскаго архипелага. Путешествіе по Россіи. Общественное движеніе при Александрѣ I. Изъ мрака къ свѣту. Рыцари духа. Лелія. На высотѣ. Дѣло подъ номеромъ 113. Преступленіе въ Орсивалѣ. Жди и надѣйся. Разводъ. Даніэль Роккъ. Эльстерово безуміе. Тайны города Мадрита или грѣшница и кающаяся. Изабелла или тайны мадритскаго двора. Мексика, или республика и имперія. Очеркъ исторіи русской церкви. Путешествіе къ верховьямъ

Нила. Путешествіе по средней Азіи. Очерки средней Азіи. Разказы дѣдушки про сѣдую старину. Разказы для маленькихъ дѣтей. Учебникъ географіи Россіи. Наши домашнія животныя. Первая книга для чтенія. Новая азбука. Тысяча одна ночь. Золотая азбука. Годъ въ картинахъ. Дѣтскія радости. Очерки исторіи русской литературы. Полный нѣмецко-русскій словарь. Книга практическихъ познаній для всѣхъ сословіи, городского и сельскаго обществія.

Не считая рѣдкаго и какъ-бы совершенно случайнаго объявленія о медицинскихъ сочиненіяхъ, въ этомъ списокѣ прежде всего бросается въ глаза литература для легкаго чтенія и дѣтскія книги. Но кто-же не знаетъ, что въ легкой литературѣ у насъ преобладаетъ Понсонъ дю-Терайль; что-же касается до дѣтской, то она превратилась въ самую безсовѣстную спекуляцію и самое лучшее употребленіе, которое можно сдѣлать изъ дѣтскихъ книгъ—сжечь ихъ торжественно, на Волковомъ полѣ и прахъ ихъ разметать по вѣтру. Но гдѣ-же въ приведенномъ нами выше списокѣ сочиненія экономическія, сочиненія, отвѣчающія нашему пробудившемуся сознанію, гдѣ книги полезныя, которыя-бы разъясняли намъ насъ самихъ, усвѣтляли-бы и укрѣпляли русскую мысль, давали-бы намъ основаніе для твердаго поведенія? Того, что намъ нужно, именно и нѣтъ, а того, что затемняетъ мысль—цѣлые вороха.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія, когда Франція находилась въ подобномъ-же положеніи смутной мысли, подъ редакціей Дидро и д'Аламбера было дано французамъ цѣлое изданіе по предметамъ изъ области философіи, права, религіи и государственнаго права. Энциклопедія, разработывая вопросы современной ей науки, устанавливала точку зрѣнія и давала общественной мысли извѣстное, точно-опредѣленное направленіе. Вотъ что нужно намъ теперь и можетъ-быть больше, чѣмъ энциклопедія Дидро и д'Аламбера тогдашней Франціи. Вывести русскую мысль изъ разбора можетъ только подобная общая энциклопедія по всѣмъ главнѣйшимъ вопросамъ общественно-экономической науки. У насъ нѣтъ ни теоретической точки зрѣнія, съ которой-бы мы теперь смотрѣли вѣрно на свое теперешнее умственное состояніе; нѣтъ и практическихъ изслѣдованій нашего собственнаго быта и указаній, какъ примѣнить теорію къ практикѣ. Русская мысль не оттого въ разбродѣ, что не искала-бы свѣта и не хотѣла-бы порядка, а оттого, что не знаетъ, гдѣ искать этого свѣта и въ какихъ книгахъ искать своего спасенія. На издателей-книгопродавцевъ разсчитывать, конечно, нечего. Книгопродавецъ имѣетъ въ виду только свой купеческій рассчетъ и если ему Понсонъ-дю-Терайль дастъ больше выгоды, онъ

напечатаетъ, конечно, его, а не сочиненія Сѣченова, и книгопродавцы правы, рассчитывая на массу и стадо. Но кто-же позаботится не о стадѣ, кто позаботится о такихъ проявленіяхъ русской мысли, въ которыхъ выражается ея лучшая передовая сила, но которая въ то же время въ видѣ книги не окупаютъ издержекъ изданія и не общаетъ барыша? кому взяться за подобныя дѣла, кому стать во главѣ русской мысли и давать камертонъ общему мышленію? Помочь тутъ можетъ, конечно, лишь интеллигенція, а какъ во главѣ ея хочетъ стать «Бесѣда», то ясно, что «Бесѣда» должна и превратиться въ руководящій центръ русской мысли, въ силу, согласующую наши умственные противорѣчія, въ силу, направляющую мысль на вѣрную дорогу, въ силу, просвѣтляющую и поучающую взрослыхъ. Намъ нужно, чтобы рядомъ съ легкой литературой, которая вмѣстѣ съ канканомъ вытѣсняетъ изъ головъ и изъ нравовъ всякую порядочность, явилась-бы литература мысли, очищающая понятія, дающая имъ общественное направленіе. Намъ нуженъ въ области мысли пріютъ для порядочности, котораго у насъ нѣтъ; намъ нуженъ выходъ изъ умственной распушенности, невѣжества, незнанія, что дѣлать и за что приниматься. Наши широко-задуманныя энциклопедіи брались за дѣло не посылаютъ; онѣ хотѣли объять весь міръ, вмѣстить въ себя всѣ знанія и оттого обрывались на первыхъ томахъ. Зачѣмъ такая ширь, зачѣмъ тратитъ даромъ силы и заставляютъ публику платить деньги за объясненіе того, что значитъ А а, ААА, АА Аангичъ, Абага, Абажуръ, Абай, Аббатиментъ Абиновы, Антре, Апанъ, Апачи, Апе, Асканія, Баалъ, Бааръ, Баба, Баба, Бабаи, Баба Яга, Бабій день, Бабисы, Бабу Багусы и т. д. и т. д. и т. д. Возьмите любой русскій энциклопедическій словарь и вы найдете въ немъ $\frac{9}{10}$ подобныхъ, никому ненужныхъ словъ и объясненій, занимающихъ только мѣсто. Для подобныхъ рѣдкостей достаточно словаря Толля и вовсе ненужно энциклопедій. Ограничьте энциклопедію только сферой социальна-экономическихъ знаній, критикой существующаго теперь юридическаго міровоззрѣнія и ученіемъ о государствѣ и тогда въ немногихъ томахъ русское общество получитъ справочную книгу, въ которой оно нуждается, и отсутствіе которой, можетъ быть, больше всего мѣшаетъ нашему земству дѣлать свое дѣло. Многіе-бы рады дѣлать; въ каждомъ земствѣ вы найдете десятки людей съ самымъ искреннимъ желаніемъ быть полезными, но дѣлать нечего, потому-что никто не знаетъ, что ему сдѣлать. Въ головахъ повсюдныи сумбуръ; до всего нужно доходить своимъ умомъ; провѣрить себя не на чемъ, спросить не у кого, книгъ руководящихъ нѣтъ—поневоѣ по-

думаешь, подумаешь да и ляжешь спать. Гдѣ та точка, изъ которой-бы исходилъ свѣтъ? Пусть интеллигенція дастъ ясную мысль и ясность явится во всѣхъ нашихъ дѣлахъ. «Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ» дало только юридическое право, но оно не могло научить думать; «Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ» и «Городовое учрежденіе» сказали—хозяйничайте сами, но какъ хозяйничать, съ чего начать, положенія научить не могутъ. И вотъ люди держатъ въ рукахъ положеніе и съ скорбнымъ видомъ взираютъ на свое право, не зная, какъ имъ пользоваться, какъ разобратся, чѣмъ хозяйничать. Люди ждутъ, что имъ кто-нибудь прикажетъ и дастъ программу, но никто не приказываетъ и программы никто не даетъ.

А между тѣмъ нашу интеллигенцію пожираетъ скука бездѣятельности и скучающая интеллигенція рѣшается устроить «бесѣды» для пріятнаго отдыха и для обмѣна мыслей. Интеллигенція хочетъ слушать превосходную игру г. Рубинштейна, смотрѣть на картины Ге, на статуи Антокольскаго, хочетъ, чтобы лучшіе беллетристы читали ей свои лучшія произведенія, чтобы лучшіе пѣвцы пѣли ей свои лучшія аріи, а она, интеллигенція, будетъ въ это время покоиться на мягкихъ диванахъ и отдыхать отъ своихъ трудовъ и мелочныхъ заботъ повседневной жизни. Да, нечего сказать—время для празднаго досуга; нечего сказать—дѣло, достойное интеллигенціи, когда русское общество, находясь въ моментѣ самоопредѣленія, ждетъ совѣта, указанія, умнаго слова!

Я думаю, что для поведенія интеллигенціи должна быть другая программа, болѣе ея достойная. Пусть люди досуга улаждаются въ художественномъ клубѣ; для людей интеллигенціи не можетъ быть другого дѣла, кромѣ работы мысли, кромѣ дѣла мысли, кромѣ служенія общественной мысли. Изъ-за чего и хлопочетъ вся литература—всякій пропагандируетъ, всякій поучаетъ; но въ цѣломъ вся эта пропаганда и поученія—не болѣе, какъ кошачій концертъ. Каждый дуетъ свою ноту; дирижера нѣтъ; единство въ отсутствіи: ни плана, ни системы, ни порядка. Представители «бесѣды» слышатъ диссонансъ кошачьей музыки только въ области искусства и думаютъ своими бесѣдами создать гармонию и единство. Но диссонансъ въ области искусства и изящной литературы не прекратится, пока не уничтожится диссонансъ въ области мысли вообще. Слѣдовательно, нужно начать съ мысли, нужно начать съ указанія работы ей. Какая же можетъ быть работа мысли и въ какомъ направленіи?

Что такое общество? Не болѣе, какъ широко развившаяся хозяйственная организація,—исполненное сложное хозяйство, въ которое
«Дѣло», № 5.

входитъ множество самыхъ разнообразныхъ элементовъ и факторовъ, дѣйствуетъ множество силъ, образующихъ себою общенародное производство. Чтобы удовлетворить всѣмъ разнообразнымъ потребностямъ людей, общенародное производство распадается на отдѣльные производства и въ каждомъ изъ нихъ дѣйствуютъ свои собственные производительные элементы. Въ этой громадной лабораторіи все дѣйствуетъ по законамъ труда, все держится на экономической основѣ и всѣ отдѣльные производства имѣютъ одну цѣль — удовлетворить потребностямъ средняго человѣка, дать ему все, что нужно, и въ томъ соотвѣтствіи и порядкѣ, въ какомъ ему нужно.

Удовлетвореніе этого средняго человѣка производится совершенно слѣпымъ образомъ. Каждая отдѣльная сила преслѣдуетъ свою цѣль и дѣлаетъ свое дѣло, подчиняясь хаотической путаницѣ сталкивающихся отдѣльныхъ личныхъ интересовъ. Отъ этого современное европейское общество является какой-то стихійной силой, въ дѣйствіяхъ которой невозможно разобрать ни системы, ни плана въ отношеніяхъ производящихъ силъ, и о степени полезности ихъ можно судить только по отрицательнымъ признакамъ — размѣру и числу бѣдности матеріальной и умственной, по размѣру неудовлетворенія, по числу лицъ, отклоняющихся отъ средняго человѣка въ сторону лишений.

Но что такое средній человѣкъ и можно-ли его опредѣлить? Средній человѣкъ у каждаго народа свой — средній англичанинъ не то, что средній нѣмецъ, и средній нѣмецъ не то, что средній русскій. О среднемъ русскомъ мы можемъ имѣть очень отдаленное приблизительное понятіе изъ среднихъ статистическихъ данныхъ и наибольшей матеріалъ для этого даетъ пока статистика Гауснера. Числа Гауснера однако не всегда достаточно близки къ намъ по времени и недостаточно достовѣрны по источникамъ. Поэтому Гауснеръ годится только для отдаленныхъ приблизительныхъ сравненій всего производимаго среднимъ русскимъ человѣкомъ съ хозяйственной дѣятельностію средняго человѣка другихъ странъ. Средній русскій человѣкъ долженъ быть опредѣленъ болѣе точными и болѣе близкими наблюденіями и не вообще по всей Россіи, а по отдѣльнымъ мѣстамъ. Исслѣдованія этого рода представляютъ немало затрудненій, особенно при опредѣленіи количества умственной работы, производимой русскимъ интеллектномъ, сравнительно съ интеллектомъ европейскимъ. Но на первый разъ, пожалуй, и незачѣмъ простираетъ такъ далеко требованій и было бы совершенно достаточно ограничить поле изслѣдованія однимъ опредѣленіемъ результатовъ мускульной экономической дѣятельности и физическихъ условій жизни русскаго средняго человѣка.

Сравнительно съ европейскимъ среднимъ человѣкомъ, средній русскій представляетъ нѣкоторыя особенности. Возьмите перваго бюргера, который попадется вамъ на улицѣ любого нѣмецкаго города и это будетъ экземпляръ если не вполне, то очень близко подходящій къ среднему нѣмцу. Средній русскій—двойная величина. Привилегированныя сословія рѣзко отдѣляются у насъ отъ сельскаго населенія и по быту, и по производительности, и по государственнымъ тягостямъ. Поэтому выводъ общаго средняго человѣка изъ всѣхъ сословій былъ-бы величиной не точной, дающей ошибочное понятіе. У привилегированныхъ сословій свой средній человѣкъ, у рабочаго сельскаго и мѣщанскаго населенія—свой. Эти два средніе человѣка должны быть опредѣлены особо, и только изъ отдѣльнымъ опредѣленіемъ разъяснится взаимное отношеніе и значеніе ихъ, какъ отдѣльныхъ факторовъ общенароднаго хозяйства. Каждый такой средній человѣкъ есть извѣстная единица силы, разыгрывающая свою собственную хозяйственную роль и находящаяся въ своихъ собственныхъ условіяхъ успѣшности труда. Изслѣдованіе условій успѣшности труда есть основная точка всего экономического вопроса. Если англичанинъ или французъ производятъ больше русскаго, то только оттого, что условія успѣшности англійскаго труда выше, чѣмъ условія труда русскаго. У насъ привыкли жаловаться на негодность и дороговизну всего русскаго. Но что значить дороговизна? Цѣнность всякой вещи, т. е. количество вещей, которое можно дать за другую вещь, зависитъ исключительно отъ количества труда, употребленнаго на ея производство. Чѣмъ больше труда, тѣмъ и вещь стоитъ больше. Если англійскія вѣдчи лучше и дешевле, значить англійскій трудъ дѣйствуетъ въ условіяхъ большей успѣшности, и англичанинъ имѣетъ надъ природой больше власти, чѣмъ русскій. Сравнительно количество вещей, производимое даннымъ народомъ въ данный моментъ, или богатство страны, есть количественный и качественный результатъ силъ народа. Чѣмъ качественное состояніе труда выше, т. е. чѣмъ выше его производительность, тѣмъ дешевле его результаты и тѣмъ выше цѣнность самаго труда; напротивъ, чѣмъ качество труда ниже, тѣмъ дороже вещи и тѣмъ меньше получаетъ рабочій за свой трудъ, слѣдовательно онъ долженъ находиться и на болѣе низкомъ минимумѣ удовлетворенія.

Одно изъ главнѣйшихъ условій успѣшности или неуспѣшности труда, успѣшности или неуспѣшности общенароднаго производства есть размѣръ и система налоговъ данной страны. «Нѣтъ налога, говоритъ Рикардо,—который-бы не мѣшалъ накопленію, потому-что нѣтъ такого налога, который-бы не стѣснялъ производства. Налогъ производитъ

такое-же дѣйствіе, какъ неблагодарная почва, дурной климатъ, уменьшеніе ловкости и энергіи работника, дурное раздѣленіе труда или потеря какихъ-нибудь полезныхъ машинъ. Между налогами есть такіе, которые, правда, вредятъ производительности въ большей степени, чѣмъ другіе, но вредъ налоговъ вообще зависитъ не столько отъ выбора предметовъ, на которые они падаютъ, сколько отъ общаго, коллективнаго ихъ давленія».

Налогъ всегда падаетъ на народный доходъ и всегда сокращаетъ народное производство; но если налогъ такъ великъ, что поражаетъ народный капиталъ—странѣ предстоятъ самыя печальныя послѣдствія. Противовѣсомъ налогамъ, вообще стремящимся парализовать успѣшность народнаго труда, служить параллельное развитіе условій, помогающихъ развитію производительныхъ силъ. Налоги, даже и большіе, нестрашны, если другія условія помогаютъ труду доходить до возможно высокой количественной и качественной успѣшности. Такъ въ Англіи на каждого жителя приходится 14 р. 28 к. налоговъ, во Франціи 12 р. 43 к., въ Пруссіи 7 р. 15 к., въ Россіи 6 руб. Но при всей сравнительной высотѣ англійскихъ налоговъ, народный трудъ Англіи находится въ условіяхъ гораздо болѣе выгодныхъ, чѣмъ гдѣ-либо. Англія, платя много, и производитъ много. Поставьте Англію въ такія условія, чтобы она, платя много, производила мало—Англія сдѣлается Турціей. Слѣдовательно, страшнѣе не налогъ самъ-по-себѣ, а страшны тѣ условія, которыя задерживаютъ народный трудъ, которыя парализуютъ народный умъ, народную волю, народную экономическую энергію и экономическую свободу.

Степенью развитія производительныхъ способностей народа опредѣляются не только формы народнаго быта, но и формы государственной жизни. Та сила даетъ тонъ и цвѣтъ жизни страны, которая держитъ въ своихъ рукахъ ея хозяйство. Въ странѣ, стоящей на первой ступени гражданственности, народъ чуждъ общихъ хозяйственныхъ интересовъ; въ пчелиномъ ульѣ, въ муравейникѣ больше общихъ экономическихъ интересовъ, чѣмъ у неразвитаго народа, ибо такихъ людей соединяетъ только опасность и одно сознаніе необходимости самозащиты. Государство въ такомъ зачаточномъ періодѣ думаетъ только объ одномъ—какъ-бы не терпѣть отъ внѣшнихъ враговъ, и потому всѣ налоги подобнаго общества имѣютъ характеръ военной повинности. Впослѣдствіи, когда государство слагается въ законченную, организованную военную силу, хозяйство его сохраняетъ ту-же тенденцію; потребности военнаго строя подчиняютъ себѣ все народное хозяйство, ставя его въ зависимость отъ удовлетворенія военныхъ нуждъ. Этотъ

характеръ сохранился до сихъ поръ въ европейскомъ государственномъ хозяйствѣ, и изъ великихъ державъ одна Англія подчиняется ему менѣе, даже и теперь, послѣ нѣмецкихъ побѣдъ.

Уже въ средніе вѣка, рядомъ съ военнымъ государственнымъ хозяйствомъ, стало пробиваться новое начало. Это новое начало выходило изъ городовъ, но мѣрѣ того, какъ росло и богатѣло среднее сословіе. Богатѣющая буржуазія, шагъ за шагомъ, подѣдала могущество прежней феодальной аристократіи и чисто-военнаго государства и основывала свое хозяйство. Успѣху средняго сословія помогли многія обстоятельства. Прежде всего на его сторонѣ была энергія личного труда и экономической предпримчивости. Феодалы и землевладѣльцы, служившіе представителями военнаго начала, изображали собою силу вполне непроизводительную; если они съ одной стороны охраняли трудъ отъ вѣншей непріятельской силы, то съ другой—изображали собой внутреннюю непріятельскую силу и парализовали внутреннее производство. Поэтому центръ тяжести долженъ былъ перемѣститься туда, гдѣ былъ плодотворнѣе и производительнѣе трудъ. Буржуазія заработала свое положеніе не даромъ; она взяла его дѣйствительно плодотворнымъ и производительнымъ трудомъ; поэтому-то во время первой французской революціи она имѣла полное право сказать, что «среднее сословіе все», потому-что все остальное, какъ экономическій производитель, было дѣйствительно ничто.

Личная энергія трудящейся буржуазіи придавала необычайную быстроту развитію знаній. Феодалы и крупныя землевладѣльцы не имѣли особенной причины культивировать знаній: имъ промышленныя знанія были ненужны, поэтому-то трудъ мускульный и головной, какъ вещь излишняя, пользовался даже презрѣніемъ. Трудъ служилъ признакомъ плебейства, чистокровный же аристократизмъ выражался совершеннѣе всего въ праздности и въ эксплуатаціи чужого труда. Когда освободившіеся крѣпостные не захотѣли работать на чужой барщинѣ, чистокровные аристократы очутились въ положеніи очень неудобномъ. Къ счастью, у нихъ остались деньги и—аристократія примкнула къ буржуазіи. Сила буржуазіи стала теперь еще больше. Владѣя капиталами, имѣя къ своимъ услугамъ вновь изобрѣтенныя машины, располагая техническими открытіями, среднее сословіе забрало въ свои руки общенародное производство. Сдѣлавшись главной силой, распорядителемъ и заказчикомъ труда, среднее сословіе измѣнило законодательство и государственное управленіе такъ, чтобы они служили исключительно для охраненія интересовъ распоряжающейся производствомъ буржуазіи. Сама наука пришла на помощь этому новому хозяину. Адамъ Смитъ,

создавъ политическую экономію, собственно констатировалъ въ научной формѣ фактъ денежнаго буржуазнаго хозяйства.

Политическая экономія, превратившись въ науку о производствѣ, вооружилась таблицей умноженія и занялась вычисленіемъ, что можетъ производить живая сила — человѣкъ и что нужно, чтобы эта живая машина дѣйствовала хорошо и выгодно. Эту машину изображала, конечно, только одна мускульная рабочая сила; буржуа представлялъ собою интеллектуальный правящій элементъ и капиталъ; буржуа разсматривался наукой, какъ сила скопляющая и концентрирующая результаты труда, какъ основной рычагъ, двигающій производствомъ. Политическая экономія, разработанная Рикардо и Мальтусомъ, свела свое ученіе до такихъ одностороннихъ взглядовъ, которые впоследствии сдѣлались ученіемъ о преобладаніи среднего сословія, о поглощеніи всѣхъ элементовъ труда денежнымъ господствомъ. Мальтусъ ставилъ бѣдному труженнику въ преступленіе, если онъ имѣлъ дѣтей, и человѣка, лишавшагося средствъ существованія, провозгласилъ лишнимъ на землѣ. Это холодное и бездушное ученіе, доведенное до послѣднихъ выводовъ общественнаго самоубійства, увеличеніе населенія объявило явленіемъ аномальнымъ и антисоціальнымъ; оно измѣряло богатство народа не тѣмъ, что производитъ народъ вообще, а только чистымъ доходомъ буржуазіи; оно низвело рабочаго до простой работающей машины. Въ то-же время ученіе Рикардо и Мальтуса отдало всѣ свои симпатіи капиталу и слѣдовательно его представителю — буржуазіи; оно хотѣло, чтобы капиталъ пользовался всею защитой и охраною закона, чтобы сила, руководящая хозяйствомъ, была единственной и основной силой, которой подчиняется все, которой служить все. И это было вполнѣ послѣдовательно. Если капиталъ дѣйствительно такая всемогущая, основная сила, отъ которой зависитъ весь міръ, то, конечно, весь міръ и долженъ служить этой силѣ. Вопросъ только въ томъ — дѣйствительно-ли капиталъ такая сила?

Никто не помогъ такъ разъясненію невѣрностей политической экономіи Адама Смита, какъ его геніальные послѣдователи Рикардо и Мальтусъ. Только ихъ беспощадная логика и послѣдовательность, не знавшая уступокъ, могла возвести въ законъ природы голодъ, страданія, рабство, эксплуатацію и вымирание народа. Рикардо и Мальтусъ велики именно тѣмъ, что разоблачили свое собственное ученіе. Со времени ихъ стало совершенно ясно, что политическая экономія Адама Смита не есть наука, а только первая пробная систематическая попытка создать науку.

Какъ въ средніе вѣка начали всходить первые ростки господствующей

шаго теперь буржуазнаго хозяйства Европы, такъ въ концѣ прошедшаго столѣтія появились первые ростки народнаго хозяйства, которое ждетъ также своего будущаго. Эта форма хозяйства только въ последнее время нашла свое научное опредѣленіе и выразилась практически пока въ попыткахъ производительныхъ ассоціацій. Но вліятельной силы это новое хозяйственное направленіе еще не имѣетъ. Попытки рабочаго перенести центр тяжести государственнаго хозяйства на себя вели только къ кровавымъ столкновеніямъ съ буржуазіей и оканчивались торжествомъ буржуазіи. И теперешнее междоусобіе Франціи должно кончиться побѣдой средняго сословія и завѣнчаться конституціонной монархіей...

Итакъ, мы видимъ въ Европѣ три формы хозяйства и три соответственныя имъ формы правленія. Всѣ эти формы путаются, мѣшаются, заходятъ одна въ другую, и центр тяжести, лежащій въ буржуазномъ хозяйствѣ, медленно колеблется, готовится перемѣститься. Въ этой борьбѣ и въ колебаніи центра тяжести смыслъ политическихъ событій Европы въ XIX вѣкѣ.

Но дѣло не въ томъ, что Европа переживала и переживаетъ свои три момента и три формы хозяйства въ трехъ, соответственныхъ имъ государственныхъ формахъ, а въ томъ, что европейскій интеллектъ переживалъ ихъ сознательно. Европа старалась читать и читала свою жизнь, какъ книгу, и формулировала то, что она вычитывала изъ известныхъ социальнo-экономическихъ теорій, служившихъ знаменемъ и руководящимъ началомъ тѣхъ или другихъ общественныхъ стремленій, того или другаго момента своей исторической жизни. Наша мысль еще не думала просыпаться для подобной работы. Ясно, что когда намъ пришлось примкнуть къ европейской цивилизаціи, намъ оставалось одно—взять готовые мысли Запада. Вотъ откуда упрекъ нашей интеллигенціи въ западничество и вотъ откуда смутный порывъ славянофиловъ къ отысканію своего роднаго, русскаго слова. Славянофилы были правы, требуя сознанія. Но прежде чѣмъ узнать себя—нужно научиться, какъ узнавать себя. Этому славянофилы научить не могли, потому-что они стояли не на той точкѣ отправления, съ которой-бы можно было идти впередъ. Если мысль и идеалы жизни нѣлись въ готовомъ видѣ только на Западѣ, то и получить ихъ было возможно только отъ Запада и путемъ западничества. Роль западниковъ заключалась, слѣдовательно, въ томъ, чтобы будить русскую мысль, а будить русскую мысль можно было только готовой, живою европейской мыслью. Это и дѣлали западники.

Намъ говорятъ теперь, что мы вступили въ періодъ самоопредѣ-

ленія. Это очень хорошо; но безъ западниковъ моментъ тепершняго самоопредѣленія былъ-бы невозможенъ. Все, что говорили западники, не было ни заблужденіемъ, ни обезьянничаньемъ, ни увлеченіемъ, а было просто естественнымъ, послѣдовательнымъ ростомъ мысли. Намъ говорятъ, что русская мысль теперь выросла, что она самоопредѣлялась и что русская интеллигенція заявляетъ свою зрѣлость стремленіемъ найти себѣ выраженіе въ «Бесѣдѣ». Мы этому радуемся еще болѣе и затѣмъ задаемся вопросомъ — въ чемъ можетъ быть истинная задача русской интеллигенціи въ настоящій моментъ русскаго самоопредѣленія? Задачи искусства и «художества» мы за ней не признаемъ. Если роль интеллигенціи въ видѣ западничества заключалась въ томъ, чтобы дать первый толчокъ мысли и навести ее на самосознаніе и самоопредѣленіе, то роль интеллигенціи второго момента русской мысли въ томъ, чтобы установить провѣрку заимствованнаго нами отъ Запада теоретическаго мышленія на живыхъ фактахъ русской жизни. Задача современной интеллигенціи въ томъ, чтобы говорить не о человѣкѣ вообще и общей его человѣческой природѣ, какъ дѣлали это теоретики, а опредѣлить истиннаго средняго русскаго человѣка, узнать его производительныя силы, разъяснить условія, въ которыхъ дѣйствуютъ эти силы, показать результаты, которыхъ онѣ достигаютъ, препятствія, которыя имъ приходится преодолевать. Задача современной интеллигенціи въ томъ, чтобы отыскать не одного всеобщаго средняго русскаго человѣка, а столько нормальныхъ среднихъ величинъ, сколько существуетъ различныхъ рѣзко-отдѣляющихся уровней въ общемъ хозяйствѣ страны, и затѣмъ показать отношеніе этихъ отдѣльныхъ величинъ между собою. Задача современной интеллигенціи въ томъ, чтобы указать, насколько разные уровни среднихъ нормальныхъ величинъ подходят количественно и качественно къ разнымъ формамъ европейскаго хозяйства и опредѣлить тѣ комбинаціи, въ которыхъ находятся у насъ наши нормальныя среднія величины. На этомъ пунктѣ должно свершиться оправданіе или обвиненіе нашихъ западниковъ. Этимъ пунктомъ опредѣлится степень ихъ теоретичности и докажется, насколько выводы европейскихъ мыслителей находятъ или не находятъ себѣ оправданія въ фактахъ русской жизни. Задача интеллигенціи — найти наше мѣсто въ природѣ и положеніе русской мысли среди европейской мысли, наконецъ опредѣлить свое собственное право на прогрессивное существованіе.

III.

Западники, познакомившіе насъ съ европейской буржуазіей, выставили ее началомъ узкаго своекорыстія, началомъ вреднымъ прогрессу и цивилизаціи, началомъ, разъединяющимъ и разъѣдающимъ общество.

Европейскій буржуа вышелъ изъ бурга, поэтому онъ продуктъ чисто-городской. Буржуазія есть громадная своею численностью сила; она главная интеллектуальная сила Европы, создавшая знаніе и искусство. Изъ буржуазіи вышло все лучшее, что можетъ выставить Европа на поприщѣ знанія и искусствъ. Вся теперешняя сила Европы именно въ ея буржуазіи. Въ буржуазіи ея охранительный элементъ; въ буржуазіи ея государственное могущество. Средствами и энергіей буржуазіи Германія беретъ перевѣсъ надъ Франціей; Англія той-же буржуазіей забираетъ и держитъ въ своихъ рукахъ судьбы торговаго и промышленнаго міра. Буржуазія въ Европѣ еще не доросла до конца; только въ одной Франціи противъ нея выступаетъ новая формирующаяся сила; что же касается до Германіи, то буржуазія въ ней еще не настоящая сила. Поэтому понятно, что люди партіи Якоби не могутъ пользоваться ни значеніемъ, ни вліяніемъ—они для нѣмцевъ мечтатели и утописты.

Русская жизнь слагалась совершенно иначе: нашъ городъ не бывалъ никогда бургомъ и нашъ мѣщанинъ — тотъ-же деревенскій крестьянинъ, но только живущій въ городѣ. Точно также не было у насъ и феодаловъ. Параллельныя явленія съ европейскимъ феодальнымъ владѣльцомъ и буржуа мы какъ-бы выставили въ лицѣ нашего помѣщика и въ лицѣ деревенскаго міроѣда. Но это формы не тѣ; эти формы даже и не органическіе историческіе продукты, а скорѣе результатъ государственной администраціи, неурядицы и злоупотребленій; оттого то крѣпостная власть такъ и сдулась легко. И другія формы, которыя со времени петровскихъ преобразованій насланялись на русскую жизнь, по той-же причинѣ не обнаруживали прочности и стойкости. Такія, легко-стирающіяся наслоенія называются обыкновенно неорганическими. Изученіе ихъ нетрудно, и результаты, къ которымъ онѣ приводятъ, всегда легко увидѣть, опредѣлить, прослѣдить.

Центръ тяжести русской жизни не въ городѣ, а въ деревнѣ; узелъ ея въ смутной идеѣ земства. Только въ земствѣ лежитъ исходная точка нашего самоопредѣленія и сознанія.

Когда Европа начала приглядываться къ своему экономическому

быгу и изучать его, все ее вниманіе поглотилъ городъ; деревни точно не существовало. Иначе и не могло быть. Въ Европѣ городъ, дѣйствительно, все: онъ центръ силы; онъ пульсъ жизни; онъ источникъ того новаго хозяйственнаго уклада, изъ котораго вышла вся промышленная и торговая сила Европы. Городъ въ Европѣ все, потому-что онъ колыбель и родина буржуазіи и ее денежнаго хозяйства. Понятно, что, приступивъ къ изслѣдованію своего положенія, Европа должна была начать съ городовъ, должна была изучать свои фабрики, условія фабричнаго труда и отношенія этого труда къ капиталу.

Западники, когда знакомили насъ съ экономическимъ ученіемъ и опытами Запада, предложили намъ то, что давалъ Западъ, т. е. изслѣдованіе собственно городского буржуазнаго хозяйства. Предложить другого и нельзя было, потому-что этого другого и не было. На вопросахъ западнаго буржуа и пролетарія мы изучали и теорію экономической науки и познакомились съ неяснымъ очертаніемъ социологии. Вотъ почему мы знаемъ Европу гораздо лучше, чѣмъ Россію. Но зато Европа дала намъ въ руки теоретическій свѣточъ и съ нимъ мы знаемъ, чего искать, какъ искать и гдѣ искать. Если мы говоримъ, что мы проснулись для самоопредѣленія, этимъ самымъ мы говоримъ, что для насъ наступила пора изучать самихъ себя. Мы знаемъ, что Россія не создала буржуазіи, не создала средняго сословія и центръ тяжести ея производительнаго хозяйства не въ городѣ, а въ деревнѣ. Туда должно обратиться и наше изслѣдованіе; мы теоретики только потому, что не знаемъ своего; узнавъ свое, мы превратимся въ разумныхъ хозяевъ, въ сознательную интеллигенцію, дѣйствующую не случайно, подъ вліяніемъ набѣгающихъ обстоятельствъ, а руководящуюся извѣстной идеей.

Какъ на примѣръ случайнаго поведенія подъ впечатлѣніемъ набѣгающихъ обстоятельствъ, можно указать на наши споры объ общинѣ и круговой порукаѣ. У насъ явилась цѣлая партія, доказывающая зло общины и круговой поруки и требующая ихъ уничтоженія. Противникомъ этой партіи выступила другая партія, которая, исходя изъ идеи земства и міра, требуетъ сохраненія общины. Одни говорятъ, что община причина бѣдности, причина, парализующая народныя производительныя силы; другіе доказываютъ, что именно въ общинѣ и круговой порукаѣ наша сила, что уничтожить ее законодательнымъ порядкомъ вовсе еще не значить разрѣшить вопросъ о производительности народнаго труда. Между этими крайними воззрѣніями качается общественное мнѣніе, взирающее съ недоумѣніемъ на спорящихъ, не зная, какой стороны держаться. А отчего? Только отъ того, что та и дру-

гая сторона говорить больше вообще и не могут представить доказательств такой неотразимости, которая дается серьезным глубоким всесторонним изучением вопроса в самой практикѣ жизни. Что можем мы сказать объ отношеніяхъ народа къ общинѣ и объ его взглядахъ на нее; мы споримъ, какъ дилетанты; мы стоимъ внѣ того вопроса и внѣ той жизни, о которой горячимся; народъ же, изъза котораго мы споримъ, даже и не подозреваетъ, что нѣсколько господъ оказываютъ ему такое вниманіе. Мы не знаемъ даже, въ какомъ видѣ существуетъ это установленіе въ разныхъ русскихъ мѣстностяхъ; мы не знаемъ, существуетъ-ли этотъ обычай, какъ нѣчто неподвижное, или-же въ немъ обнаруживается движеніе къ перемѣнѣ и въ какомъ направленіи. Мы даже не знаемъ количества земли, которою владѣютъ крестьяне. Все, что мы знаемъ,—это смутное представленіе о бѣдности крестьянина вообще и полное невѣжество всего того, что можетъ намъ выяснить его, какъ точно определенную производительную силу, какъ хозяйственную единицу. Для насъ русскій крестьянинъ—величина болѣе отвлеченная и смутная, чѣмъ европейскій буржуа и пролетарій.

Другой коренной вопросъ, который мы хотимъ разрѣшить съ тою же развязностію, т. е. однимъ почеркомъ пера, есть крестьянскій самосудъ. И въ то-же время мы не имѣемъ ни малѣйшаго понятія о крестьянскомъ юридическомъ воззрѣніи, о русскомъ обычномъ правѣ, о народной теоріи нравственности. Мы говоримъ огульно, что народъ невѣжествененъ, и хотимъ навязать ему силой наши понятія. Но кто смотритъ вѣрнѣе—всегда-ли мы, всегда-ли ошибается народъ? Что знаемъ мы о народномъ кодексѣ нравственности? Почему народъ не всякое воровство считаетъ воровствомъ, не всякую безнравственность считаетъ безнравственностію; почему крестьянскій міръ прожилъ тысячелѣтія, даже и не подозревая о существованіи X тома и въ то-же время не заводя никакихъ гражданскихъ дѣлъ ни въ гражданской палатѣ, ни въ окружномъ судѣ? Укажу на одинъ обычай. Въ нижегородской губерніи есть мѣстности, въ которыхъ никто не можетъ продать ни дома, ни лошади, ни коровы и т. п. въ чужое общество, не вызвавъ раньше охотника изъ своей деревни. Если предметъ проданъ на сторону и затѣмъ выискивается покупатель въ своей деревнѣ, то свой покупатель отбираетъ отъ чужого купленную имъ вещь и возвращаетъ ему задатокъ или деньги, которые онъ заплатилъ. Какой хозяйственный экономическій смыслъ имѣетъ этотъ обычай? И мы, не имѣя ни малѣйшаго понятія объ юридическомъ воззрѣніи народа, зная только кое-какія отдѣльныя статьи изъ ненапечатаннаго

кодекса его обычнаго права, хотимъ съ дѣтскимъ легкомысліемъ отнять отъ народа его кодексъ, которымъ онъ пользовался тысячу лѣтъ. Если народъ, живя тысячелѣтія, разрѣшалъ въ это время всѣ свои мірскія недоразумѣнія, заключалъ сдѣлки, продавалъ, покупалъ, отчуждалъ, совершалъ духовныя завѣщанія, являлся опекуномъ и почителемъ малолѣтнихъ и въ то-же время не обращался къ писаному закону для разрѣшенія своихъ недоразумѣній, то очевидно, что кодексъ его обычнаго права и полонъ, и достаточенъ, и законченъ. Привести этотъ кодексъ въ ясность, дать въ систематическомъ порядкѣ его статьи, опредѣлить духъ и характеръ народнаго законодательства, развѣ не задача интеллигенціи?

Третій коренной вопросъ есть вопросъ о народныхъ платежахъ. Теоретически, благодаря западникамъ, вопросъ о налогахъ для насъ достаточно уже ясенъ, и мы можемъ прослѣдить съѣтъ податныхъ платежей, которая, подобно сложной и многообразной водной системѣ, начинаясь маленькими ручейками, образуетъ наконецъ громадную рѣку, изливающую свои воды въ океанъ. Рѣка сложилась изъ капелекъ. Гдѣ-же эти капельки берутъ начало, гдѣ ихъ источникъ? Въ концѣ концовъ, всѣ издержки производства, всѣ издержки хозяйства падаютъ на трудъ. Трудъ-же несетъ на себѣ и всѣ налоги, преодолевая ихъ, какъ одно изъ затрудненій производства. Но что мы-то можемъ сказать объ отношеніи нашего русскаго труда къ производству, о затрудненіяхъ, которыя онъ встрѣчаетъ, о долѣ вознагражденія, которая ему причитается? Ничего, читатель. И вотъ гдѣ должна помочь намъ снова наша русская интеллигенція.

Я не пишу программы; я дѣлаю только общее указаніе на тѣ основные вопросы, безъ изслѣдованія которыхъ мы будемъ уподобляться слѣпому, ощупывающему дорогу палкой. Мнѣ кажется, что только изслѣдованіе этихъ вопросовъ можетъ связать нашу русскую, просыпающуюся интеллигенцію солидарностію интереса труда, единствомъ сознательной цѣли и единствомъ стремленій.

Но еще больше, чѣмъ эта, не всѣмъ членамъ русской интеллигенціи доступная, цѣль, должно связать и единство денежнаго интереса. Для этого пусть «Бесѣда» сольется съ «Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ».

Наши литературные дѣятели—чистые голыши, литературные рабочіе, образованные пролетаріи. Пора, когда русской литературой занимались аристократы и богачи,—прошла. Умственный трудъ сталъ теперь кускомъ насущнаго хлѣба, кускомъ иногда очень маленькимъ и очень черствымъ. Изъ исторіи развитія человѣческаго труда мы

узнаемъ, что все накопленіе результатовъ умственнаго труда зависѣло отъ досуга. Но нашъ умственный трудъ находится въ иныхъ условіяхъ: онъ истинная черная работа и вовсе не результатъ досуга и предыдущаго накопленія богатствъ; онъ видоизмѣненіе мускульнаго труда и погоня за средствомъ существованія. Отъ этого русскія способности не могутъ проявиться во всей своей силѣ; имъ приходится раскидываться на мелочи, нѣтъ возможности сосредоточиться; отъ этого положенія русскаго умственнаго работника терпитъ и трудъ въ его качествѣ, теряетъ и самъ работникъ. Намъ приводятъ въ примѣръ Нибура, Грота, Бокля, Дарвина и разныхъ другихъ свѣтилъ науки; но говорящіе забываютъ, что эти свѣтила были прежде всего богаты. Чтобы собирать 30 лѣтъ факты и заниматься изслѣдованіемъ въ извѣстномъ одномъ направленіи, конечно, нужно имѣть много энергій, но главное не въ ней нужно имѣть средства и возможность трудиться. Свѣтила науки работали для науки, а не для куска насущнаго хлѣба. Дайте людямъ русской интеллигенціи тѣ-же средства для работы и русскій умственный трудъ займетъ на рынкѣ европейскаго умственнаго труда почетное мѣсто.

Люди, подготовленные къ серьезной работѣ, люди, способные трудиться настойчиво, прогрессивно и умно, у насъ есть. Я нахожу неудобнымъ перечислять ихъ имена. Для разработки социальна-экономическихъ вопросовъ, для изслѣдованія русской жизни, для составленія теоретическихъ трактатовъ по тѣмъ-же общественнымъ вопросамъ у насъ найдутся десятки людей, вполне пригодныхъ для дѣла. Передо мною лежатъ три брошюры о налогахъ автора, еще молодого, начинающаго писать *). Дайте ему возможность выказать всю свою силу, и у васъ будетъ капитальное произведеніе. Но для такой работы нуженъ досугъ, матеріалъ, средства.

По уставу «Общества для пособія нуждающимся литераторамъ», оно способствуетъ изданію въ свѣтъ полезныхъ литературныхъ и ученыхъ трудовъ, которые не могутъ быть изданы самими авторами и переводчиками по недостатку средствъ; оно доставляетъ даровитымъ молодымъ людямъ способы къ окончанію ихъ образованія и приготовленію себя къ литературной и ученой дѣятельности, если призваніе ихъ къ ней окажется несомнѣннымъ и если они не будутъ имѣть на то средствъ; оно помогаетъ ученымъ и литераторамъ, если имъ необходимо пополнить свои свѣденія, и доставляетъ имъ способы по-

---

*) „Взглядъ на развитіе ученія о налогахъ у экономистовъ А. Смита, Ж. Б. Сая, Рикардо, Сисмонди и Д. С. Мила“, соч. Алексѣенко; его-же „О подушной подати въ Россіи“ и «Общая теорія переложенія налоговъ».

сѣтить чужіе края, когда это нужно для довершенія предпринятаго ими ученаго труда.

Къ сожалѣнію, какъ видно изъ отчета «Общества» за 1869 годъ, осуществленіе задачи, указанной въ первомъ параграфѣ устава, — оказывалось невозможнымъ по недостаточному развитію денежныхъ средствъ общества и вся его дѣятельность въ 10 лѣтъ существованія ограничивалась исключительно благотворительностію.

Если бы «Бесѣда» соединилась съ «Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ», то рамки устава пришлось-бы, конечно, расширить. Теперешнее «Общество» есть учрежденіе чисто-филантропическое; оно не интеллектуальное представительство, не интеллигенція, преслѣдующая цѣли интеллигенціи, а просто кружка денежныхъ пожертвованій, изъ которой раздается милостыня съ соблюденіемъ тягостныхъ для получателя формальностей. Какъ филантропическое учрежденіе, «Общество» остается вѣрно своему принципу относительно помощи авторской дѣятельности: оно способствуетъ изданію полезныхъ умственныхъ трудовъ, когда у авторовъ нѣтъ средствъ для ихъ напечатанія. Но печатаніе труда не главное дѣло. Ужь если у автора достало средствъ написать трудъ и трудъ полезный, издатель—особенно нынче—явится. Главная задача не въ томъ, чтобы помочь напечатать, а въ томъ, чтобы помочь написать,—дать средства и способы трудиться и трудиться возможно полезнымъ образомъ. Главная задача наконецъ въ томъ, чтобы направить трудящіяся силы и создать для нихъ возможность правильного приложенія, создать такъ-сказать фабрику умственного труда. Пусть новое общество возьмется за энциклопедію; пусть оно возьмется за изслѣдованіе народнаго быта и бытоваго народнаго міровоззрѣнія—и для приложенія русскихъ умственныхъ силъ откроется широкое поприще. Право на работу, о которомъ говорятъ французы,—не пустая фраза. Люди есть, силы есть, но они гибнутъ, принося половинный результатъ. Надо ихъ поддержать, и матеріально и нравственно. Неудача послѣдняго энциклопедическаго словаря, поглотившаго 28 т. и прекратившагося по недостатку средствъ—спасительное предостереженіе, которымъ нужно воспользоваться, но не для того, чтобы совершенно отказаться отъ подобной мысли. Меньше по объему, но болѣе полезное по содержанію и по общественному интересу—и изданіе пойдетъ. Издатели у насъ наживаются, наживая по 75 к. на 1 руб., а «общество», служащее безкорыстной цѣли, говорить, что для содѣйствія умственному труду у него нѣтъ средствъ. Ну, такъ создайте ихъ!

«Общество» жалуется, что собранія его неоживлены, что лекціи,

которыя оно задумало устроить, къ сожалѣнью, не устраиваются, а ревизіонная коммиссія замѣчаетъ, «что изъ дѣлъ комитета не видно, чтобы предложенныя для того мѣры были примѣнены на самомъ дѣлѣ». Да, постигнѣ горькая доля; но кто-же виноватъ; отчего лекціи удаются художественному клубу? отчего онѣ удаются университету? Или тамъ есть люди досужіе, люди свободные, а «Обществу» служатъ безвозмездно люди, жертвующіе для общей пользы своимъ временемъ въ ущербъ личной выгодѣ? Въ такомъ случаѣ не дѣлайте ихъ службы безвозмездной, дайте имъ средства и не превращайте ихъ въ великодушныхъ филантроповъ. Вы скажете: нѣтъ средствъ? На это можно отвѣтить снова—создайте ихъ.

«Общество» приноситъ несомнѣнно нѣкоторую пользу, но я говорю не объ этомъ; я говорю, что эта польза ничтожна, что дѣятельность «Общества» незамѣтна и что въ основѣ его лежитъ ошибочное начало—филантропическое. На этомъ началѣ никуда не уѣдешь. Изъ отчета «Общества» за 1869 г. мы узнаемъ, что оно выдало слѣдующія пособія:

Пенсіи 14 лицамъ	3019 р.
Единовременно 79 лицамъ	4669 » 65 к.
На воспитаніе 18 лицъ	1358 » 93 »
На продолжительныя пособія 4 лицамъ	295 »
На погребеніе 2 лицъ	75 »
Студа одному лицу	100 »

Итого . . . . . 9517 р. 58 к.

Изъ чего-же состоитъ капиталъ «Общества» и въ чемъ его приращенія?

Къ первому января 1869 г. было на приходѣ 45,912 р. 3 к.

Въ теченіи 1869 г. вновь поступило . . . . . 13,740 р. 13 к.

Эти 13,740 р. состоятъ изъ пожертвованій, изъ процентовъ процентныхъ бумагъ, изъ приращеній отъ продажи процентныхъ бумагъ и изъ сборовъ со спектаклей. Итакъ фондъ существуетъ преимущественно пожертвованіями (9491 р. 92 к.), процентовъ съ капитала и текущаго счета (2910 р. 21 к.) перепродажи процентныхъ бумагъ (1100 р.) и доходами отъ спектаклей (88 р.). Цифры эти такъ скромны, что можно сказать только одно, что денежные дѣла «Общества» идутъ тихо, вяло, апатично и нераспорядительно. Нельзя-же все свои расчеты основывать только на сердоболіи и на подавниіи; нельзя-же виною всего ставить невниманіе и равнодушіе; нужно «Обществу» носить силу въ самомъ себѣ и не винить другихъ, когда вина лежитъ въ ошибочномъ принципѣ. Изъ ошибочнаго начала всегда

ошибочныя слѣдствія. Непослѣдовательность «Общества» обнаруживается даже и въ томъ, что оно отклонилось отъ своего основного принципа. Если оно учрежденіе филантропическое—пусть оно и будетъ учрежденіемъ филантропическимъ и не спекулируетъ на процентныя бумаги. А если оно спекулируетъ, т. е. ставится на коммерческое основаніе, зачѣмъ оно не расширяетъ своихъ дѣлъ? Если «Общество», не желая быть коммерческимъ учрежденіемъ, думаетъ сохранить за собою характеръ интеллектуальнаго представительства—зачѣмъ-же оно не пользуется силами русской интеллигенціи и отъ спектаклей выручило всего какихъ-то жалостныхъ 88 р., а лекціи не устроило ни одной? Наконецъ, отчего основной капиталъ общества хранится въ процентныхъ бумагахъ, а не дѣлаетъ никакихъ оборотовъ?

Я приведу въ параллель отчетъ о дѣйствіяхъ скопинскаго банка. Банкъ этотъ началъ съ 10,103 р. и вотъ чѣмъ онъ владѣетъ теперь, по истеченіи тѣхъ же 10 лѣтъ, которые существуетъ и «Общество для пособія нуждающимся литераторамъ»:

Къ 1 января 1871 г. основной и запасной капиталъ скопинскаго банка составляетъ 343,353 р.

Обороты банка въ 1870 г. простирались по приходу и расходу на 28,341,117 р.

Расходы банка на жалованье служащимъ, наемъ и содержаніе помѣщенія и канцелярскіе расходы составляли 31,023 р.

На благотворительные предметы издержано 27,472 р.

Въ чемъ-же заключалась благотворительность банка? онъ содержалъ дѣтскій пріютъ на 50 ч.; онъ устраивалъ въ этомъ пріютѣ церковь; онъ содержалъ 50 ч. въ богадѣльнѣ; онъ содержалъ три училища, публичную библіотеку, трехъ стипендіатовъ и нѣсколько пансіонеровъ.

По размѣру израсходованной суммы скопинскій банкъ оказалъ втрое большую благотворительность, чѣмъ «Общество для пособія нуждающимся литераторамъ». Если-бы «Общество» было въ состояніи стать на путь той-же энергической дѣятельности, оно свой теперешній капиталъ 53,225 р. увеличило-бы втеченіи 10 лѣтъ въ 34 раза, т. е. имѣло-бы 1,809,650 р. и если-бы размѣръ своей благотворительности довело до того-же отношенія, то въ тотъ-же 10-й годъ оно расходовало бы 142,390 р. Нынче-же «Общество» тратитъ всего 9517 р. Конечно, нельзя поставить «Обществу» въ вину, что оно тратитъ такъ мало; по своимъ средствамъ оно и не можетъ тратить больше. Но нашъ вопросъ именно въ томъ, какъ увеличить эти средства. Мы хотимъ не упадка «Общества», а, напротивъ, его

продвѣтанія; мы хотимъ, чтобы оно росло все болѣе и болѣе и явилось-бы не только якоремъ спасенія русскаго литературнаго пролетарія, но и явилось-бы представителемъ и центромъ русской интеллигенціи. Для этого только одинъ выходъ—смѣнить филантропическій принципъ принципомъ экономическимъ, устроить фондъ не складчиной копеечныхъ пожертвованій, а учрежденіемъ литературнаго банка; робкіе денежные обороты, ограничивающіеся перекужкой бумагъ, замѣнить широкими банковыми операціями, взятыя за издательскую дѣятельность, дать этой дѣятельности извѣстное направленіе, чтобы книги «бесѣды» имѣли общественно-воспитательное значеніе, чтобы каждая книжка «Общества» сама въ себѣ носила ручательство честнаго и полезнаго содержанія, чтобы «Общество» поглотило въ себѣ лучшія литературныя силы и давало имъ возможность проявиться наиболѣе полезно. Рядомъ съ издательской и банковской дѣятельностію «Общество» усиливало-бы свои средства еще лекціями, литературными чтеніями и, какъ представительство интеллигенціи, конечно, явилось-бы источникомъ того высшаго умственнаго наслажденія, о которомъ мечтали основатели «бесѣды». Хорошая организація даже однѣхъ лекцій могла-бы дать значительное приращеніе фонду. Конечно, для успѣха «Общества», въ тѣхъ размѣрахъ, какъ я предполагаю, нужны дѣятельные и способные люди. Кабинетные работники для этого не годятся; не годятся и люди, работающіе безъ вознагражденія. Скопинскій банкъ расходуетъ на жалованье 16 т. въ годъ. Если можетъ существовать и богатѣть скопинскій банкъ; если богатѣютъ петербургскіе издатели; если художественный клубъ имѣетъ хорошія выгоды отъ лекцій—что-же можетъ помѣшать успѣху подобной-же, но соединенной дѣятельности «бесѣды»? Сомнѣніе въ успѣхѣ доказываетъ только сомнѣніе въ способностяхъ. А при отсутствіи способностей, конечно, нечего и браться за широкія дѣла. Но когда-же въ такомъ случаѣ мы приступимъ къ разрѣшенію вопроса нашего литературнаго пролетарія?

Н. Шелгуновъ.

МОСКОВСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Покаянное слово по поводу недавнихъ слишкомъ рѣзкихъ сужденій нашихъ объ онѣмеченіи Москвы. — Гдѣ наша русская сила, противъ которой всѣ иноземныя ухищренія—ничто. — Московская пресса, какъ противобѣсь всякому внѣшнему вліанію. — Майское гулянье въ Сокольникахъ. — Чудесное хожденіе по канату русскаго эквилибриста, крестьянина Ивана Васильева, въ Лефортовскомъ саду. — Характеристика московскихъ бульваровъ. — Толки по поводу дуэли князя Урусова съ г. Островскимъ, приведшей поединщиковъ на скамью подсудимыхъ. — Еще толки о другой, болѣе курьезной дуэли.—Дуэль на коньякѣ.—Московскіе театры.—Италяноманія. — Упадокъ московской драматической сцены. — Забавный анекдотъ объ авторахъ пьесы «Московскіе когти». — Отрывокъ изъ *дневника* москвича, или наставленіе къ тому, какъ создать гражданъ добрыхъ и государство крѣпкое и счастливое. — Спиря-закладчикъ, или *искусство нажать миллионъ и избѣжать тюрьма*. — Послѣсловіе.

Размышляя въ прошлыхъ нашихъ замѣткахъ объ онѣмеченіи Москвы и для сей цѣли группируя факты, долженствовавшіе подтвердить нашу мысль, мы должны сознаться, что, намъ кажется, мы слишкомъ ужь сгустили мрачныя краски на нашей палитрѣ и чрезъ то, можетъ-быть, нѣсколько впади въ односторонность... словомъ — погрѣшили. — Ну, что-жъ? — погрѣшили, такъ погрѣшили,—что-жъ тутъ ужаснаго? „Гдѣ грѣхъ, тамъ и спасеніе“, говоритъ мудрый. Развѣ раскаяться-то долго? Да еще какъ раскаемся-то!... Для насъ-же покаяніе такое еще и потому легко, что мы вовсе не принадлежимъ къ той почтенной плеядѣ россійскихъ и преимущественно московскихъ мыслителей, которые имѣютъ обыкновеніе, безъ всякихъ оговорокъ, сегодня утверждать одно, завтра совѣмъ другое,—послѣ завтра — третье: сегодня, положимъ, быть шеллингистами и англоманами, а назавтра исповѣдывать философію Ивана Яковлевича Корейши и обратиться

въ татарофиловъ, — словомъ, не принадлежащимъ къ тѣмъ дѣятелямъ, о равносторонности которыхъ въ одной давней пѣсенкѣ говорится:

Въ понедѣльникъ
Савка—мельникъ,
А во вторникъ
Савка—шорникъ,
Съ среды до четверга
Савка—въ комнатѣ слуга, и проч.

Нѣтъ, мы и теперь все-таки стоимъ на своемъ: опѣмеченіе есть фактъ, — наше русское сердце не позволитъ намъ думать, иначе, — но фактъ этотъ на сей разъ намъ кажется не столь печальнымъ, какимъ онъ былъ представленъ въ прошлыхъ нашихъ замѣткахъ, и—какъ мы постараемся сейчасъ показать—много и много еще есть въ Москвѣ истинно русскаго, могучаго и славнаго, такого, о которое, словно волны объ гранитную скалу, способны разбиться въ прахъ всѣ нѣмецкія злоухищренія.

Разумѣется, отыскивать такую мощь-силу, такую скалу гранитную, слѣдуетъ прежде всего въ самомъ центрѣ первопрестольной — въ Кремлѣ и прилежащемъ къ нему Китаѣ-городѣ. Но о значеніи Кремля, сколько для Москвы, столько-же и для всей Россіи, распространяться здѣсь будетъ, пожалуй, излишне, ибо на эту тему одинъ М. П. Погодинъ написалъ, вѣроятно, цѣлые томы; а если къ таковымъ томамъ прибавить еще творенія другихъ московскихъ бытописателей и изслѣдователей, да устные рассказы звонарей, показывающихъ желающимъ панораму Москвы съ высоты колокольни Ивана Великаго, — если, говорю, собрать все это вмѣстѣ, то составитъ цѣлая библіотека, изъ которой скоропалительно и не безъ пользы для ума и сердца можно будетъ освѣдомиться, что, молъ, вотъ въ такомъ-то мѣстѣ, въ такомъ-то столѣтіи, такой-то князь или бояринъ задралъ токого-то посошнаго человѣка, тутъ тогда-то ссѣли головы столько-то тысячамъ стрѣльцовъ; тутъ Матрена Кирибитіевна тосковала-горевала въ своемъ теремѣ, а тутъ бояре меду шипучіе распивали, въ этомъ колоколѣ, молъ, столько-то тысячъ пудовъ, а у этого уши рубленыя — за ослушаніе, и проч. и проч. А такъ-какъ, съ одной стороны, мы вовсе не призваны собирать эти драгоцѣнные устные и письменные матеріалы, выясняющіе

значеніе Кремля въ русской исторіи, съ другой—мы, признаться, вовсе не желаемъ отбивать хлѣбъ у всякихъ заправскихъ историковъ, посему, минуя Кремль, обращаемся къ Китаю-городу.

Подъ именемъ Китая-города слѣдуетъ разумѣть пространство, обнесенное стѣною и заключающее въ себѣ Красную площадь, гостинный дворъ, толкучку, биржу, улицы: Ильинку, Никольскую, Варварку, Зарядье и проч. и проч. Китай-городъ по справедливости можетъ назваться самымъ живымъ, самымъ бойкимъ мѣстомъ русской Москвы. Откуда и когда-бы вы ни подходили къ Китаю-городу, отъ Лубянки, отъ рѣки Москвы, отъ Иверскихъ-ли воротъ, утромъ-ли, вечеромъ, или въ глухую полночь — одинъ видъ Китая-города уже говоритъ вамъ сердцу, что „тутъ русскій духъ, тутъ Русью пахнетъ“; одинъ запахъ пироговъ, блиновъ и иной снѣди, поутру и вечеромъ, или лай сотенъ сторожевыхъ псовъ, въ глухую полночь, невольно утверждаютъ васъ въ мысли, что Китай-городъ вѣка стоитъ неизмѣннымъ и вѣка будетъ стоять такимъ-же. Попробуемъ взглянуть поближе на эту замѣчательную мѣстность.

Подходите вы, положимъ, къ Китаю-городу съ Тверской улицы, черезъ Иверскія ворота, причеъ Кремль остается направо отъ васъ. Еще у самаго начала Красной площади васъ встрѣчаютъ, такъ сказать, *торговые застрѣльщики*, бородатые и бритые чуйки и поддевки, съ предложеніемъ всякихъ услугъ: „у насъ сапоги“, „самоваровъ не прикажите-ли“? „ситцу, коленкору, платковъ, чулковъ не угодно-ли?“ „пальто, сюртуки, брюки у насъ“, на рыскахъ поспѣвая за вами, бѣгутъ десятки такихъ застрѣльщиковъ, оглашая воздухъ своими предложеніями. Васъ до слезъ трогаетъ такая чисто-русская предупредительность, имѣющая столько сходства съ гостепрѣимствомъ и радушіемъ русскаго человѣка вообще. Но вотъ, пройдя добрую сотню шаговъ, вы вступаете въ самый гостинный дворъ, причеъ поддевки и чуйки мгновенно оставляютъ васъ, хорошо зная, что теперь вы попали въ надежныя руки. „Перчатокъ, галстуконъ“, налетаетъ на васъ мальчикъ изъ первой-же лавочки, старался выкрикивать какъ можно громче; „зонтики, палки, трости“, вторитъ ему другой; „сукна, драпы, трико“, вертается передъ вами, во всю мочь распѣваетъ третій; „пожалуйте“, „потрудитесь зайти“, „удостойте посѣщеніемъ“, подхватываютъ за малолѣтними нѣсколько взрос-

лыхъ прикащиковъ густыми басами и высокими тенорами, и если вы выкажете въ лицѣ вашемъ хоть тѣнь нерѣшительности — въ минуту васъ на рукахъ внесутъ въ лавку и по горло забросаютъ товарами, не обращая вниманія на-то, нужны эти товары вамъ или нѣтъ.

По всему гостиному двору, по всѣмъ линіямъ его пройдите, любезность и радушіе торговцевъ вездѣ одинаковы: вездѣ васъ встрѣчаютъ и провожаютъ, какъ давняго знакомаго, какъ чело-вѣка, которому каждый считаетъ своею священною обязанностью оказать услугу. Надоѣло вамъ смотрѣть на эти всеобщія предложенія услугъ, вы отправляетесь въ такъ называемый сундучный рядъ, ѣдите пироги и запиваете шипучимъ квасомъ, слушая разгово-ры торговцемъ о томъ, какъ одинъ продалъ гнилой товаръ по высокой цѣнѣ, другой барыню на кружевахъ обтѣпалъ, тре-тій на пяти аршинахъ аршинъ выгоды нагналъ, и т. д. Слушае-те, слушаете вы эти наивныя признанія и встаетъ передъ ва-шимъ умственнымъ взоромъ сѣдая, древняя Русь, та Русь, когда мѣряли въ длину локтями да маховыми сажеными, а сыпучія вещества горстями, щепотками да плосками. „Господи! думаете вы: мы-ли не самобытны? Мы-ли онѣмечились?“

Но пойдите изъ гостинаго двора: русскому сердцу найдется не мало радостныхъ наслажденій и внѣ его.

Вотъ Никольская улица—хранилище самобытнаго московскаго ума, ума неподдѣльнаго, неисковерканнаго гнилыми мудрствованіями Запада. Вотъ они оригинальнѣйшіе изъ російскихъ книж-ныхъ дѣлателей, всей Россіи извѣстные своими рекламами кни-гопродавцы: Прѣсновъ, Леухинъ, Манухинъ, Ключковъ, Шамовъ, и иные многіе, ихъ-же имена ты, Господи, вѣси. Довольно взглянуть на выставки книгъ передъ этими лавками, чтобы уви-дѣть російскій гений во всемъ его сіяніи. Боже! сколько един-ства въ желаніи оглушить покупателя заглавіемъ книгъ и вмѣ-стѣ сколько разнообразія въ содержаніи этихъ самыхъ книгъ! Вотъ—*Конскій врачъ, излечивающій болѣзни и распознающій мѣта мгновенно, по зубамъ*, вотъ—*Опытный садоводъ, пло-доводъ, огородникъ и путешественникъ по святымъ мѣстамъ, съ планомъ и портретомъ старца Евлія*, вотъ—*Размышленія надъ любовнастроной болѣзнию*, вотъ—*камень вѣры, объ него же да не преткнется нога твоя*, вотъ — *Арифметика на*

циклопедикахъ, вотъ — *Врачеваніе неплодія, составленное по многолѣтнимъ опытамъ ученою бабкою-голландкою Домною*, и т. д. и т. д. Наконецъ, какъ перлъ созданія, вотъ и неизмѣнный *Антихристъ*, исправленный, просмотрѣнный и дополненный цѣною въ цѣлыхъ *три* рубля. Отверните обложку и прочтите заглавіе и затѣмъ перечень раздѣловъ: чего-чего тутъ нѣтъ? Тутъ и „предварительныя понятія объ антихриствѣ“, и „объ антихриствѣ въ смыслѣ собственномъ“, и „объ антихриствѣ въ смыслѣ особенномъ“; тутъ-же, кстати, вставлена глава: „Никонъ и его дѣятельность“, а дальше другая: „Мнѣніе безпоповцевъ о нашемъ духовенствѣ“, есть, наконецъ, и „мнѣніе безпоповцевъ о седми таинствахъ“, — словомъ, чего хочешь, того просишь, — цѣлая энциклопедія! И если *конскій врачъ*, напимѣръ, или *Арифметика на циклопедикахъ*, или *Бабка-голландка* *Домна* не вошли сюда для полноты, то развѣ потому, что нельзя-же за *три* рубля наворочатъ цѣлую гору.... одна бумага чего стоитъ. Впрочемъ, есть слухъ, что указанные выше книгопродавцы на будущее время намѣрены издавать книги съ сюрпризами... кому, значить, что выпадеть: кому картузь, кому сапоги, кому что.... и благо! Книга-то она книгой, а сапоги или картузь... все-таки лестно!

Чтобы покончить съ Китай-городомъ, укажу, въ заключеніе, на Ново-Троицкій трактиръ, что противъ биржи, и на *чижовское подворье*: кто хочетъ отвѣдать хорошаго чая, хорошей стерляжьей ухи, или бараньяго бока съ кашей да послушать настоящихъ русскихъ сужденій, произносимыхъ не стрекулистами какими нибудь, не санкилотами, а людьми съ милліонами за пазухой или за голенищей, — ступай туда: тамъ тебя уважатъ на этотъ счетъ. Тамъ ты во мгновеніе ока познаешь, что бараній бокъ — мое почтеніе! и что ежели бы намъ да на нѣмца... только мокренько бы отъ него осталось!

Но сколько по Москвѣ ни ходи, сколько ни отыскивай силу-мощь, способную отразить всевозможныя нѣмецкія каверзы, едва ли достигнешъ цѣли, если минуешь въ своихъ поискахъ московскую прессу и во главѣ ея, разумѣется, „Московскія Вѣдомости“. „Московскія Вѣдомости“, даже въ нынѣшнемъ ихъ положеніи, т. е. съ двумя предостереженіями за плечами, многіе сравниваютъ — и по моему, совершенно справедливо — съ царь-колоколомъ,

у котораго хотя и отшибень край и валяется въ бездѣйствіи языкъ, но который тѣмъ не менѣ составляетъ предметъ непритворнаго удивленія для многихъ праздныхъ наблюдателей: „экое, моль, чудище какое величественное сляпано!“ Впрочемъ, о „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ мы будемъ говорить нѣсколько ниже; Теперь же два, три слова о московской журналистикѣ вообще.

Направленіе, или, такъ сказать, запахъ московской прессы— за исключеніемъ одного, двухъ органовъ—извѣстны всѣмъ и хорошо, и давно: по преемственности этотъ запахъ переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе чуть-ли не со времени боярина Кучки, которому нѣкогда принадлежала Москва, какъ простое помѣстье. Корень московскаго направленія очень простъ: умственная пища есть отъ вѣка неизмѣнная щи и каша. Поэтому такимъ людямъ, какъ Бѣлинскій, который полагалъ, что щей и каши недостаточно, и не только возможно, но и должно допустить къ употребленію и пироги, и жареныхъ гусей, и всякую снѣдь,—такимъ людямъ невозможно было жить въ Москвѣ и они бѣжали изъ нея тотчасъ-же, какъ только представлялась возможность бѣжать; тоже было и съ кружкомъ Станкевича. Даже самая либеральная московская пляска съ 1856 по 1861 годъ, въ головѣ которой кувиркался „Русскій Вѣстникъ“, была не больше, какъ хитростью, конецъ которой положило 19 февраля 1861 года, показавшее ясно, что узелъ разсѣченъ окончательно и дальнѣйшія заигрыванія съ цѣлью перевязать этотъ узелъ на иной ладъ — ни къ чему. Разумѣется, вслѣдъ за этимъ разочарованіемъ традиціонный запахъ сразу и по старинному прочно вступилъ въ свои права: скоро, если и не совсѣмъ ярко, то зато достаточно дымно, закурилась плошка „Московскихъ Вѣдомостей“. Но покуда еще разъ минуемъ ихъ....

Итакъ, московская журналистика, за очень немногими исключеніями, въ запахѣ своемъ единообразна. Если и есть въ ея органахъ кажущееся нѣкоторымъ различіе, то различіе это, право, не стоитъ даже принимать во вниманіе, такъ-какъ оно состоитъ лишь въ ничтожныхъ отбѣвахъ, колерахъ, выпушкахъ, здѣсь голубыхъ, тамъ оранжевыхъ, но и здѣсь и тамъ одинаково вѣрныхъ отъ вѣка установленнымъ преданіямъ. И дѣйствительно, чѣмъ, положимъ, можетъ отличаться „Русскій Вѣстникъ“ отъ „Бесѣды“, когда не можетъ-быть различія между г.г. Пав-

ломъ Мельниковымъ. Стебницкимъ, Соловьевымъ (такъ называемымъ „критикомъ“), Писемскимъ, Колюпановымъ, Кошелевымъ и проч.? Говорятъ, что Соловьевъ и Стебницкій непригодны для „Бесѣды“. Такъ, въ такомъ случаѣ, и Колюпановъ не годится для „Русскаго Вѣстника“?... Напротивъ, намъ кажется, что всѣ они: и Павелъ Мельниковъ, и Писемскій, и Колюпановъ, и Соловьевъ, и Стебницкій уже потому одному пригодны и туда, и сюда, и въ „Русскій Вѣстникъ“, и въ „Бесѣду“, что всѣ они примкнули къ московскому направленію послѣ многихъ и долгихъ блужданій, умудренные долгимъ и тяжелымъ опытомъ. Вспомните-ка, что вынесъ г. Стебницкій, и мы увѣрены, вы согласитесь съ нами, что это настоящій московскій писатель, сколько складомъ головы, столько-же и силою обстоятельствъ вогнанный въ эту колодку, изъ которой теперь ему не вырваться никогда.

Впрочемъ, какъ-бы тамъ ни было, мы, съ своей стороны, считаемъ какъ „Русскій Вѣстникъ“, такъ и „Бесѣду“ въ направленіи единообразными, а, главное, и тотъ и другую считаемъ частицей той скалы, о которую должны разлетаться въ прахъ нѣмецкія посягательства.

Если къ этимъ двумъ органамъ московской журналистики при-
дать „Современныя Извѣстія“, издаваемые бакалавромъ Гиларовымъ-Платоновымъ, такъ, пожалуй, для нѣмца остроты и довольно-бы; но въ Москвѣ, сударь мой, не извольте забывать, выходить ежедневно, утреннимъ и вечернимъ изданіями, „Московскія Вѣдомости“.... Поняли?... То-то!!!...

Сердце играетъ и въ зобъ подпираетъ, когда услышишь это прозваніе!

Есть у меня въ Москвѣ, можно сказать, другъ. Другъ этотъ по своему соціальному положенію.... какъ-бы это вамъ объяснить?... Онъ, видите-ли, человекъ уже достаточно пожилой, отличный гастрономъ, большой знатокъ въ пѣніи и музыкѣ, нѣ-
етъ вѣсь и въ балетѣ,—всѣ дебютанты, прежде выхода на сцену, непременно обѣдаютъ съ нимъ, т. е. онъ обѣдаетъ съ ними... словомъ обѣдаютъ.... Другъ увѣряетъ, что онъ посвященъ въ тайны редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“, и вотъ съ нимъ-то особенно люблю я вести разговоръ объ этой достопочтенной газетѣ, хотя и знаю, что ни въ какія тайны онъ не посвященъ,

или посвященъ столько-же, сколько сами „Московскія Вѣдомости“ посвящены въ какія-бы то ни было тайны.

Разъ прихожу я къ другу поутру, — у него былъ маленькій мигрень, потому-что наканунѣ одинъ дебютантъ давалъ обѣдъ, на который другъ мой не былъ приглашенъ, — такъ, прихожу я къ другу, онъ лежитъ въ постели.

— Что съ вами? спрашиваю.

— Тамъ, маленькій мигрень.

— То-то, я вижу, что у васъ цвѣтъ лица какой-то нехорошій. А я, признаться, немного испугался, думалъ, не случилось-ли чего въ редакціи, добавилъ я.

— Что-же можетъ случиться?

— Ну, да мало-ли что.... Вѣдь имѣлъ-же, если помните, Бисмаркъ смѣлость предложить „Московскимъ Вѣдомостямъ“ руководить его „Сѣверо-Германской Газетой“. Нынче, батинька мой, такія времена, что всего ожидать можно.

— Нѣтъ, въ редакціи все смирно, сухо успокоилъ меня другъ.

Мы помолчали минуту: другъ осматривалъ свои ногти, я свои сапоги.

— А вѣдь я къ вамъ съ маленькимъ вопросомъ, наконецъ заговорилъ я, потому что, дѣйствительно, имѣлъ вопросецъ, и даже не одинъ.

— Что-же, говорите, я готовъ удовлетворить вашему любопытству, ободрилъ меня другъ.

— Дѣло, видите-ли, вотъ въ чемъ, конфузясъ, началъ я: — на какомъ изъ мертвыхъ языковъ, на латинскомъ или на греческомъ, происходятъ совѣщанія въ редакціи достопочтенныхъ „Московскихъ Вѣдомостей“? Вопросъ этотъ, можетъ быть, и не такъ важенъ, еще болѣе конфузясъ, добавилъ я.

Другъ остановилъ меня легкимъ движеніемъ руки.

— Во-первыхъ, замѣтилъ мнѣ другъ, — прошу васъ выразаться осмотрительно, когда дѣло идетъ объ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“, и разъ навсегда помнить, что все, что имѣетъ какую-бы то ни было связь съ этимъ почтеннымъ учрежденіемъ, существенно и важно — неважнаго здѣсь ничего быть не можетъ.

Я выслушалъ друга съ покорностью.

— Затѣмъ, во-вторыхъ, продолжалъ другъ, — я долженъ вамъ замѣтить, что вы плохо читаете эту почтенную газету, гдѣ ясно говорится, что подѣ классицизмомъ слѣдуетъ разумѣть латинскій и греческій языки совмѣстно, а отнюдь не тотъ или другой изъ нихъ — посему и совѣщанія редакціи, относительно языка, имѣютъ смѣшанный, латинско-греческій характеръ.

— Но для всѣхъ-ли изъ совѣщающихся этотъ смѣшанный языкъ одинаково понятенъ? спросилъ я.

— Для всѣхъ, потому-что это самый чистый и потому самый простой греко-латинскій языкъ.

— Но вѣдь вы, напримѣръ, вовсе не знаете ни того, ни другого.

— И я и многіе другіе точно также не знаемъ.

— Такъ въ такомъ случаѣ, что-же вы поймете, если, положимъ, въ фразу наворотятъ какое-нибудь „*participium futuri passivi*“, т. е. *будущее причастіе страдательнаго залога*, поддадутъ къ нему какой-нибудь греческій *первый аористъ* и все это точно узломъ затянутъ какимъ-нибудь „*ablativus absolutus*“

— А мы сейчасъ говоримъ: „*bene*“.

— Но вѣдь этого мало: вы должны знать смыслъ того, что вы одобряете.

— Отлично, батюшка, знаемъ, отлично знаемъ. Во-первыхъ, мы знаемъ, что въ каждой такой фразѣ нѣтъ ничего предосудительнаго, что въ ней не скрывается какое-нибудь бранное слово, какое-нибудь оскорбленіе лицу, отдѣльному сословію или цѣлому обществу; а, во-вторыхъ, и что главное: не нужно знать, чтобы вѣрвать, а *нужно вървать, чтобы знать*, — намотайте себѣ это на усъ!

Я намоталъ.

— Теперь позвольте васъ еще спросить, обратился я къ другу, — что такое фригійскій колпакъ?

— Ой-ой-ой! завозился пріятель на постели: его мучилъ мигрень.

— Что такое фригійскій колпакъ? неосмотрительно умолялъ я.

— Оставьте, оставьте скорѣе мою квартиру, завопилъ другъ, — оставьте и знайте, что я рапортомъ долженъ войти въ редак-

цію, изъяснивъ, что вы ходите по городу и разсѣваете плывелы.

Я струсилъ не на шутку.

— Это не я; ей-богу-же, это не я! Это одинъ лохматый на бульварѣ сказалъ, оправдываясь я: — онъ еще говорилъ, что въ Парижѣ какаѣ-то коммуна.

— Отчего-же вы тотчасъ не препроводили его куда слѣдуетъ?

— Я препровождалъ, но онъ мнѣ сказалъ: „оселъ!“

— Ну, ступайте, потому-что мнѣ некогда: я долженъ сейчасъ-же, на листѣ рублеваго достоинства, извѣстить редакцію, что у насъ слѣдуетъ ожидать обливаній сѣрной кислотой, какъ ближайшаго результата ознакомленія съ коммуной и фритійскимъ колпакомъ. Ступайте и будьте осторожныѣ.

Я вышелъ, проклиная свой черезъ-чуръ болтливый языкъ. „Что за натура поганая! укорялъ я самъ себя: — болтаешь, что услышишь, забывая, что живешь въ Москвѣ“. Въ озлобленіи на собственную болтливость, я чуть не плакалъ, спотыкаясь на перерывныхъ, точно кавказскими горами усѣянныхъ московскихъ тротуарахъ. И вспомнились мнѣ драгоценныя слова родителя, поучавшаго меня при отпускѣ изъ родного града: „Вѣдай, сынъ мой, говорилъ мнѣ тогда отецъ, что токмо молчаніемъ, услуженіемъ и угожденіемъ старшимъ достигнешъ желаемого. Если сядишься за чужую трапезу, то какого-бы ни налили тебѣ хлеба— жри, ибо, не будешь жрать, изымутъ тебя служащіе у трапезы и извергнутъ вонъ!“ Правъ былъ родитель, стовратъ правъ! Иди я неуклонно по стопамъ „Московскихъ Вѣдомостей“, не болтай я съ вѣтру— можетъ, я теперь-бы въ какихъ капиталахъ вертѣлся. Вотъ г. Байковъ, ужъ вѣрно нейдетъ въ разрѣзъ съ „Московскими Вѣдомостями“, потому-что все считался всѣми состоящимъ подъ судомъ за растрату общественныхъ суммъ г. Ростова, а теперь вдругъ оказывается—онъ снялъ въ аренду кавказскія минеральныя воды вмѣсто г. Новосельскаго. Вотъ она фортуна-то, какъ играетъ!

Да, служеніе тѣмъ-же идеаламъ, какимъ служатъ „Московскія Вѣдомости“, великое дѣло: оно и въ молодости-то благо, а подъ старость такъ и куда какъ пригодится... можно сказать, вѣрный хлѣбъ. И вотъ почему я такъ высоко ставлю эти „Вѣ-

домости“,—такъ высоко, что ихъ не только нѣмцы, а и русскіе каверзники должны трепетать. „Московскія Вѣдомости“—все: небо и земля прейдутъ, а „Московскія Вѣдомости“—никогда!..

Впрочемъ, о нѣмцѣхъ и „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ повуда довольно, такъ-какъ еще многое ждетъ впереди.

Весна въ Москвѣ началась и продолжается самымъ пресквернымъ образомъ: холодъ, дождь, грязь, порой то снѣгъ, то градъ, небо постоянно задернуто тучами; лучъ солнца такъ-же рѣдокъ, какъ хорошая мысль: чуть онъ пробьется и освѣтитъ этотъ тяжелый полумракъ, какъ, смотришь, ужъ и погасъ, задвленный массаами облаковъ... и опять темь, опять тоска. Думаемъ, думаемъ мы, москвичи, отчего у насъ такая весна, и ничего не придумаемъ: кто говоритъ, что оттого, что вѣра ослабла въ народѣ, кто полагаетъ, что къ войнѣ, кто вовсе ничего не полагаетъ,—словомъ, разное думаютъ умные люди. Въ нѣкоторыхъ наипросвѣщеннѣйшихъ здѣшнихъ кружкахъ, благодаря геологическимъ изысканіямъ профессора Щуровскаго, доказывающаго, что кора земная подо всей московской губерніей отдѣлилась отъ своего ядра, чрезъ что губернія покоится на пустотѣ — полагаютъ, не оттого-ли и весна у насъ такаа отвратительная и не грозитъ-ли намъ какой-нибудь переворотъ, въ силу котораго придется, пожалуй, взлетѣть на воздухъ. Многіе умы отъ этого предположенія находятся въ смятеніи; я-же—ничего. Я уже заранѣе составилъ планъ, какъ поступить въ случаѣ такого переворота. А поступлю я очень просто... Ухвачусь я за „Московскія Вѣдомости“, да и нахъ за ними... хоть на луну! Съ „Московскими Вѣдомостями“ и на луну не пропадешь: онѣ, что твой хорошій приказный, который, по пословицѣ, „хоть къ колу, такъ и къ тому привьется“.

Однако, какъ-бы тамъ ни было, къ перевороту-ли такая весна, или, просто, она такъ сама по себѣ, тѣмъ не меньше — весна изъ рукъ вонъ. Особенно тяжело было москвичамъ, за непогодой, проводить первое мая дома, а не въ Сокольникахъ, какъ это ведется издавна. Впрочемъ, гулянье все-таки состоялось на слѣдующій день.

Сокольники, т. е. роца этого имени, гдѣ происходитъ гулябище, лежитъ верстахъ въ трехъ, четырехъ отъ Москвы, или, по-московски — недалечко, такъ... рукой подать. Однако, это „рукой подать“ очень и очень дастъ себя почувствовать, если, сохрани Боже, вы направитесь въ Сокольники пѣшкомъ, потому что на пути вашемъ вамъ попадутся такіа „лужицы“ и „колдобинки“, черезъ которыя можно путешествовать развѣ въ охотничьихъ сапогахъ. Не смотря, впрочемъ, на такое существенное затрудненіе, 2 мая собралось народу великое множество. „Въ чемъ-же, можетъ быть, спросать меня, состоитъ это гулянье?“ Да ни въ чемъ... Переплыветъ православный народъ лужицы и колдобинки, переберется черезъ тощій перелѣсокъ, выберется затѣмъ на лужайку, вотъ и толчется на ней: у кого есть деньги — сядетъ въ палатку чай пить, или пойдетъ въ кабакъ, у кого денегъ нѣтъ — топчется на лужайкѣ, — вотъ и все. Если къ этому прибавить, что вокругъ лужайки чинно развѣзжаетъ на сытыхъ коняхъ и въ дорогихъ нарядахъ и экипажахъ купечество, то картина гулянья будетъ полная, или, проще — никакой. Все гулянье тутъ заключается, повидимому, въ одномъ лишь имени Сокольниковъ, куда каждый москвичъ считаетъ своею обязанностью угодить на майское гулянье, очень хорошо зная, что кромѣ скуки тамъ онъ больше ничего не найдетъ: „всѣ идутъ: а мы развѣ не люди?“ — вотъ общій резонъ.

Этотъ-же резонъ, какъ кажется, двигаетъ чуть не полъ-Москвы и въ Лефортовскій садъ, гдѣ совершаетъ свои чудодѣйственныя ходенія по канату нѣкто Иванъ Васильевъ, считающійся по Москвѣ такимъ-же великимъ, какъ извѣстный Блонденъ, хотя между Иваномъ Васильевымъ и Блонденомъ столько-же сходства, сколько между „Московскими Вѣдомостями“ и лондонскимъ „Times'омъ“. Но ужъ такова русская натура вообще: захочетъ она превозвысить человѣка, развернется, голубушка, да такъ превозвыситъ, что даже со стороны совѣстно дѣлается! И сколько этимъ путемъ надѣлано у насъ всевозможныхъ великихъ историковъ, публицистовъ, экономистовъ, философовъ и проч., и проч.; сколько на святой Руси числится доморощенныхъ Тацитовъ, Ньютоновъ, Платоновъ, тогда какъ такое дѣйствительное свѣ-

тило, какъ Свѣчедовъ, примѣръ, не только не оцѣнено по достоинству, но даже, какъ кажется, уже и закатилось.

Но обратимся къ російскому Блондену...

Хотя мы и принадлежимъ къ поборникамъ російскихъ геніевъ и російской геніальности, тѣмъ не меньше мы-бы отъ души желали, чтобы такіе геніи, какъ російскій эквилибристъ и акробатъ Иванъ Васильевъ, были нѣсколько сдерживаемы въ своей геніальности, больше дѣйствующей, что называется, „на ура!“ и потому не рѣдко подвергающей генія значительному риску. Въ нашей памяти еще живетъ примѣръ такого російскаго генія, показывавшаго свое искусство въ одномъ изъ садовъ Петербурга и, изъ желанія превзойти настоящаго Блондена, до того подкрѣпившаго себя сивухой, что вмѣсто преферанса вышель совершеннѣйшій афронтъ: геній сорвался съ каната и переломилъ себѣ становой хребетъ. Посему желательно было-бы, въ видахъ вѣщаго сохраненія російскихъ геніевъ и преуспѣванія російской геніальности, cadaго такого генія, предварительнаго его геніальныхъ подвиговъ, тщательно свидѣтельствовать черезъ свѣдущихъ людей и если окажется, что геній находится въ возбужденномъ состояніи, то во избѣжаніе переломовъ хребтовъ и иныхъ напастей отправлять на квартиру для вытрезвленія, а отнюдь не на канатъ для экзерцицій. Такимъ путемъ, какъ намъ думается, дѣлу російской геніальности была-бы оказана, можетъ быть, по мнѣнію иныхъ хотя и нѣсколько грубая, но тѣмъ не менѣе самая существенная услуга: геніи сберегались бы и дѣйствовали по внушенію трезвой осмотрительности, а не попадали-бы безслѣдно, руководясь въ своихъ поступкахъ вѣлннми *зелена вина*, да воплями нѣсколькихъ широкихъ натуръ, неудержно вопіющихъ: „жарь въ нашу голову!“

Хожденія великаго московскаго эквилибриста и акробата все какъ-то не удаются: то дождь мѣшаетъ, то холодъ и снѣгъ, то еще какое-нибудь обстоятельство. Обстоятельства-же эти въ Москвѣ совершенно случайны и имѣютъ характеръ, просто, невообразимый какой-то. Такъ, напримѣръ, одно изъ хоженій, какъ-бы вы думали, почему не состоялось въ назначенное время? Вы едва-ли можете себѣ и представить приводимый въ этомъ случаѣ резонъ... „Потому, говорятъ, что хожденіе было назначено слишкомъ поздно (въ 8 1/2 часовъ), а Иванъ-отъ Васильичъ

пообѣдали рано: ну, извѣстно, скучно такъ-то сидѣть, а публики сколько тамъ ни-на-есть собралось—требуають,—вотъ взяли Иванъ Васильичъ да и отходили въ шестомъ часу“.—Отходилъ,—вотъ тебѣ и сказъ: чего тутъ ждать назначеннаго времени... не въ нѣмецкой, молъ, въ землѣ живемъ—въ Москвѣ... „Что-жь, не мы одни задаромъ-то проходили“, утѣшаетъ себя москвичъ, маршируя изъ Лефортова, гдѣ имѣло произойти хожденіе, да на Прѣсню, домой, т. е. отламывая этакъ, приблизительно, верстъ по пятнадцати въ конецъ.

Отъ акробатическихъ походовъ великаго Ивана Васильева перейдемъ къ московскимъ бульварамъ. Мы знаемъ, что въ этомъ случаѣ мы дѣлаемъ слишкомъ большой и произвольный скачекъ; но вѣдь можно-ли требовать строгой послѣдовательности отъ зауряднаго фельетониста, когда послѣдовательностью не отличаются даже такіе умы, какъ „Московскія Вѣдомости“, дожившія недавно публикѣ слово въ слово слѣдующее: „Насъ выставляли противниками реального образованія; это неправда, никто болѣе насъ не желаетъ развитія реального образованія“: Ей богу! такъ-таки и бухнули именно эту фразу. Вотъ и говори послѣ того объ логикѣ, о послѣдовательности, требуя убѣжденій твердыхъ и непреклонныхъ...

На московскіе бульвары я потому хочу указать читателю, что бульвары эти, особенно весной, переполнены гуляющими и слушать средоточіемъ всевозможныхъ новостей и слуховъ, на которые такъ богата наша матушка-Москва: не нужно читать газетъ—на бульварахъ вы довѣдаете всякую штуку.

Бульваровъ въ Москвѣ великое множество, что, разумѣется, очень полезно въ гигиеническомъ отношеніи; кромѣ того, это множество бульваровъ способствуетъ также отсутствію на нихъ тѣсноты и, главное, способствуетъ сохраненію градаціи между различными слоями общества: тутъ, напримѣръ, бѣлотѣлые, на другомъ бульварѣ такъ себѣ публика, на третьемъ то, что называется „рванью“, подонками,—на одномъ—шелъ и бархатъ, на другомъ—сувно и ситецъ, на третьемъ—лохмотья, и проч. и проч. Самый представительный изъ московскихъ бульваровъ—Пречистенскій, на который текутъ свѣтлыя струи съ Сивцова Вражка, Пречистенки, Остоженки, Афонасьевскихъ переулковъ и т. п.: самый грязный—Цвѣтной, куда съ шумомъ несутъ свои

волны пресловутая Грачевка, Колосовы переулки и подобныя имъ юдоли плача и въздыханій, облеченныхъ въ широкій, безшабашный разгуль; самый веселый изъ бульваровъ—Тверской, любимое гульбище всякихъ незамужнихъ женъ и холостыхъ мужей, особенно въ глухія, долгія весеннія сумерки.

Поутру, т. е. часовъ съ десяти и часовъ до трехъ, всѣ московскіе бульвары обращаются въ дѣтскіе сады, и это время самое безгрѣховное время въ жизни московскихъ бульваровъ: развѣ какая-нибудь наивная институтка-гувернантка согрѣшитъ и броситъ взглядъ, другой на пробѣгающаго на службу чиновника,—и только... Съ трехъ часовъ дѣти покидаютъ бульвары и на мѣсто ихъ полвляются столько-же безгрѣховные отъ лѣтъ и пресыщенія главы семействъ, обоихъ половъ и всевозможныхъ ранговъ, сословій и состояній, съ лакеями позади и съ собаками впереди,—эти престарѣлыя дѣти нагуливаютъ аппетитъ передъ обѣдомъ. Молча, еле передвигая ноги, спуютъ поглощенные одной мыслью, однимъ желаніемъ—съ аппетитомъ поѣсть; достигаютъ-ли они своей цѣли и доходятъ-ли до Мамона ихъ горячія мольбы—не знаю, знаю только, что еъ пяти часамъ всѣ жаждущіе обѣденныхъ возделѣній оставляютъ бульвары. Съ пяти до семи бульвары пусты; но съ семи именно и начинается развалъ гулянья. Франты, граціозные и безукоризненно одѣтые, точно только-что сорвавшіеся съ модной карточки, сыплотъ направо и налево самыми легкими французскими фразами; имъ внимаютъ прелестнѣйшія женщины, какихъ только можно представить себѣ, какія-то безплотныя существа, облеченныя въ бархатъ и шелкъ, съ смѣхомъ—музыкой, зубами—жемчугомъ, глазами—стрѣлами. Ни рѣзкаго возгласа, ни неумѣреннаго смѣха не услышите вы въ это время на бульварахъ, особенно на лучшихъ,—даже самая мысль, какъ кажется, пугливо бѣжитъ отъ этихъ музыкальныхъ рѣчей, боится смять и навести морщины на прелестное чело, насунуть или приподнять не въ мѣру чудо-бровь, или нарушить неземную прелесть розовыхъ устъ...

— Куда, сипай, прешь! обрушивается городской на разнию-мужика, прехладнокровно намѣревающагося втесаться въ самую глубину этой очаровательной группы.

Очнется „сипай“, услышавъ грозный окрикъ, и въ замѣша-

тельствѣ своротить въ сторону и полѣзеть цѣликомъ, вопреки всякимъ думскимъ объявленіямъ, гласящимъ: травы не мять, деревья и кустарниковъ не ломать“ и проч.

Въ девять часовъ фешенебельная публика оставляетъ бульвары, потому что дѣлается свѣжо вообще, а, порой, для нея и очень свѣжо... отъ раздающихся со всѣхъ сторонъ не совсѣмъ скромныхъ восклицаній: „Ишь бѣльмы-то налиль, подлецъ!“ „Ты что пристаешь, жуликъ“? и проч.,—восклицанія эти возвѣщаютъ всѣмъ, что бульвары поступили во власть нашихъ демократовъ.

Нужно самому видѣть, чтобы судить о прелести московскихъ бульваровъ послѣ девяти часовъ вечера, когда зажигаетъ небо свой неугасимый фонарь—луну, при блѣдномъ свѣтѣ которой распрямляются спины и свободнѣе дышать стѣсненные груди разныхъ швеекъ и модистокъ, этихъ вѣчныхъ надчерницъ труда, этихъ вѣчныхъ невольницъ разчета и корысти; когда рѣкой льются по бульварамъ веселія рѣчи мужской молодежи, хоть на минуту забывающей свой трудовой и для многихъ далеко несладкій день; когда жизнь, суета и говоръ, приходятъ на смѣну чопорности и солидному пустословію; когда, наконецъ, въ самомъ воздухѣ столько, кажется, простора, нѣги, сладости и свободы. О! это время, хотя и самое грѣховное, но тѣмъ не менѣе самое лучшее въ жизни московскихъ бульваровъ!

Бьетъ одиннадцать—бульвары пустѣютъ; бьетъ двѣнадцать—они совершенно пусты вплоть до слѣдующаго утра, когда имъ придется обратиться въ доморощенные дѣтскіе сады, потому въ мѣсто для предъобѣденной прогулки собакъ и отживающихъ, и т. д.

Въ послѣднее время бульварная наша публика была особенно занята соображеніями и толками о дуэли между кн. Урусовымъ, извѣстнымъ московскимъ адвокатомъ, и г. Островскимъ, братомъ нашего драматурга („развѣ вы меня не знаете? Я братъ мужа г-жи Патти“!). Прежде чѣмъ скажу о толкахъ, изложу коротко причину поединка, за который противники были призваны къ суду. Причина-же эта заключалась въ слѣдующемъ:

Существуетъ въ Москвѣ клубъ, называемый *Артистическимъ кружкомъ*. За давностью не помню, но чуть-ли еще не въ

1869 году, по приговору общаго собранія членовъ *кружка*, былъ удаленъ отъ обязанности старшины и вмѣстѣ кассира *кружка* нѣкто актеръ Вильде, заправлявшій дѣлами общества полно-властно и безконтрольно и потому приведшій ихъ въ полнѣйшее разстройство. Тогда все это дѣло было напечатано въ газетахъ, причѣмъ поведеніе г. Вильде было выставлено въ надлежащемъ свѣтѣ, и противъ обвиненій обвиняемый никакихъ доводовъ въ свою пользу не представилъ. И тогда было извѣстно да и теперь изъ судебнаго разбирательства оказалось, что главнымъ двигателемъ потока, низвергнувшаго диктатуру г. Вильде и поставившаго взамѣнъ ея начало коллегіальное, былъ кн. Урусовъ. Казалось-бы, все обстоитъ такъ прекрасно, какъ только желать слѣдуетъ... Но вотъ отсюда-то именно и начинается галиматья, послужившая поводомъ къ дуэли и затѣмъ къ суду.

Едва узнали актеры, собраты г. Вильде по ремеслу, о скандалѣ, случившемся съ нимъ, какъ начали протестовать, а затѣмъ возвращать свои членскіе билеты, т. е. выходить изъ *кружка*. По нашему, такъ и прекрасно — съ Богомъ! За актерами потянулся изъ *кружка* А. Н. Островскій, извѣстный драматургъ (должно быть изъ боязни прогнѣвить исполнителей своихъ пьесъ, и наввно предполагая, что пьесы существуютъ для актеровъ, а не актеры для пьесъ), за драматургомъ вышелъ и его братъ. Потомъ этотъ братъ, встрѣтившись съ кн. Урусовымъ, руки ему не подалъ; затѣмъ этотъ-же братъ изъ подъ полы статейку тиснулъ противъ того-же кн. Урусова, кажется, въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ (извѣстная московская газетка для всякой свалки). Терпѣлъ, терпѣлъ кн. Урусовъ и—что бы вы думали? Плюнулъ?—Нѣтъ, вызвалъ на дуэль!!.. Вотъ по истинѣ невообразимый курбетъ! За чловѣка было все: и общественное мнѣніе, и гласное разоблаченіе безконтрольныхъ похожденій г. Вильде, и уваженіе какъ къ адвокату, умному и безпредразсудочному дѣятелю,—чего-же онъ еще добивался? Вѣдь не пошелъ-бы онъ, думаемъ, на дуэль съ г. Вильде, который лучше всякой дуэли былъ разложенъ въ статьяхъ, написаннымъ по поводу его безконтрольной расправы съ кассой *кружка*? А если-бы онъ не пошелъ на дуэль съ г. Вильде, то точно также не было никакого резона выходить на такую съ кѣмъ-бы-то ни было изъ защитниковъ этого пресловутаго старшины и кассира *Артистическаго кружка*.

Но кн. Урусовъ почему-то пренебрегъ всѣмъ, что было за него и—сразился. Выстрѣлы, разумѣется, пролетѣли мимо и противники были призваны къ суду, который!—какъ уже извѣстно изъ газетъ—приговорилъ кн. Урусова къ трехдневному заключенію на гауптвахтѣ, а г. Островскаго къ домашнему аресту на одинъ день.

— Дуэль—это одинъ изъ самыхъ разумнѣйшихъ предразсудковъ, перешедшихъ къ намъ изъ прошлаго, размышляя молодой джентльменъ Пречистенскаго бульвара съ собравшейся вокругъ него толпой такихъ-же, какъ онъ, джентльменовъ. Прежде всего, разсмотримъ, что такое честь? продолжалъ витійствовать тотъ-же франтъ. Честь есть нѣчто, свойственное всякому честному человѣку, и потому, какъ логическій выводъ отсюда: кто не имѣетъ чести, тотъ безчестенъ. *N'est ce pas?*

— Оу! оу! огласился карканьемъ бульваръ.

— Теперь возьмемъ такую проблему... Положимъ, я содержу въ себѣ честь и встрѣчаю я кого нибудь изъ васъ, положимъ, Борису, или Николаю, или Александру; встрѣчаю я, положимъ, этого нѣкотораго и онъ бросаетъ на меня косой взглядъ. Я тотчасъ спрашиваю: что это значитъ? Въмѣсто отвѣта, однакожь, я получаю короткое: *laissez donc!* Тогда я признаю секунданта, объясняю ему положеніе моей чести и прошу дружескаго содѣйствія. Секундантъ отправляется къ обезчестившему меня противнику, тотъ отсылаетъ его къ своему секунданту, они условиваются во времени и мѣстѣ, и дѣло кончено. Черезъ день, другой мы сходимся гдѣ-нибудь въ Петровскомъ Паркѣ или Сокольникахъ, становимся въ разстояніи двадцати шаговъ затылками другъ къ другу, стрѣляемъ, потомъ бросаемъ пистолеты въ досадѣ на промахъ, сходимся, обнимаемся и завершаемъ омытое кровью нарушеніе нашей чести гдѣ-нибудь у *Яра*, у *Боргаре*, и т. п.

— Ахъ, какіе они ерои, эти дуэльщики! слышится возгласъ на другомъ бульварѣ. Кажется, если-бы я была мужчина. я-бы все на дуэли выходила: и страшно, и передъ другими какъ-то отличиться хочется.

— А по нашему, размышляетъ еще голосъ, такъ замѣсто всякой дуэли, сгребъ его за волосы да любехонько оттрепаль, —

вотъ тебѣ и шабашъ! А коль силы хватило, такъ и подь себя подмять, тоже дѣло не худое...

— Нониче-съ много-съ этихъ дуелевъ расплодилось, объясняла одна чуйка другой. Все съ жиру больше-съ. У насъ тутъ одинъ баринокъ по сосѣдству живетъ, такъ какую пулю отлить-съ. Тетка у него богатѣющая и любить его любить-съ, да только денегъ не даетъ. Вотъ-съ, написалъ онъ ей письмо, что такъ и такъ, говоритъ, выхожу на дуель, заказывайте молебны да теплите свѣчки по душѣ моей грѣшной. Батюшки мои! Какъ взялась наша старуха ахать да охать, взялась бѣгать да искать его — весь городъ никакъ обѣгала на старости лѣтъ. Ну, пошелъ тамъ день, можетъ быть, другой, третій — является нашъ дуельщикъ, прямо на ѣду накинулся... проголодался, должно, сражамшись-то. Тетка, извѣстно, обрадовалась, и тѣмъ-съ, и другимъ-съ его ублажаетъ; а онъ подлобынился да вексель ей въ пятьсотъ серебра и вручаетъ: „подпишите, говоритъ, тетенька, спасите христіанскую душу. А ежели, говоритъ, не подпишите, опять въ дуельщики долженъ поступить“. Вертѣлась, вертѣлась старуха, видитъ парень коровой реветъ, увѣряетъ, подписала: такъ его-съ и съ векселемъ такъ до сихъ поръ и нѣтъ!

— Нѣтъ, у насъ такъ и того занятіе какъ-то тутъ штука-то вышла. Не дуельщики какіе нибудь, а двое степенныхъ приказныхъ, — у одного ужъ сыну вотъ шестнадцатый годъ пошелъ, ужъ и сынъ-то добышничаетъ, — такъ поссорились промежду себя эти приказные. Поссорились да ужъ и за гриву было дружка дружку ухватили, а потомъ одумались, расцѣпились да и порѣшили такъ: кто, говоритъ, кого на коньякѣ перепьетъ, тотъ и правъ. А коньякѣ, извѣстно, какой дьяволъ! Вотъ и сошлись-съ. Одинъ бутылку, другой бутылку, этотъ другую, тотъ другую, этотъ еще, тотъ за нимъ, не отстаетъ. Ужъ сколько они тамъ выпили, шутъ ихъ знаетъ! только одного-то черезъ великую силу молокомъ отпоили, а другой — такъ въ сумасшедшій домъ и ушелъ: лѣзетъ тебѣ на стѣну да и все тутъ. Вотъ такъ и дуелтники!

Словомъ, толковъ, и все больше по новоду дуэли и суда, иногда, правда, не имѣвшихъ ни прямой, ни косвенной связи съ помянутымъ нами поединкомъ, по Москвѣ было множество, благо время теперь досужное, удобное для всякой болтовни — весна...

Съ весной все на свѣтѣ просыпается, оживаетъ, ободряется, одни только московскіе театры, кажется, остаются въ такого живительнаго ея вліянія и угощаютъ публику такой дребеденью, такой стариной и ординарностью, какія не извинительны даже въ самую глухую, тоскливую осень. Это безцеремонное обращеніе съ публикой, вкусы которой какъ-бы не замѣчаются, въ прошедшій сезонъ даже самыхъ коренныхъ москвичей заставило обратиться къ итальянской оперѣ, хотя и не особенно важной, но все-таки болѣе сносной, чѣмъ русская, въ которой подвизаются такіе пѣвчіе, какъ гг. Демидовъ, Радонежскій, Додоновъ, или допотопная г-жа Александрова. Съ прїѣздомъ Патти на нѣсколько концертовъ, итальяноманія доходила здѣсь до умопомѣшательства: многіе заложились и перезаложились до послѣдней нитки, чтобы услышать знаменитую пѣвицу; въ нѣкоторыхъ ложахъ, какъ говорятъ, вмѣсто пяти, шести человѣкъ помѣщалось по пятнадцати, по двадцати; увѣряютъ, что меломаны залѣзали за нѣсколько часовъ до представленія подъ лавки галлерей и, лежа тамъ, наслаждались волшебными звуками.

Въ прежнія времена, говорятъ, подобная давка была на представленіяхъ въ Маломъ театрѣ (по московскому: „копилка“); но объ нынѣшнемъ Маломъ театрѣ этого сказать нельзя: персональ его хотя и силенъ, какъ кажется, но онъ какъ-то облѣнился, постарѣлъ, заигрался. Изъ молодыхъ талантовъ выдающихся—никого, такъ что, напримѣръ, первыя роли выпадаютъ на долю даже такой посредственности, какъ г. Вильде, который едва-ли бы былъ терпимъ даже на мало-мальски сносной провинціальной сценѣ. Въ водевиляхъ, по преданію, смѣшить Живокини, лѣтъ двадцать тому назадъ бывшій уже старымъ и утрированнымъ комикомъ. Да и какіе водевили даются, — Боже правый! „Страпчій подъ столомъ“, да „Левъ Гурычъ Синичкинъ“, такъ что удивляешься, отчего, кстати, не даютъ „Филатки и Мирошки“ или „Имянинъ благодѣтельнаго помѣщика“? Гоголя и Грибоѣдова, которые еще такъ недавно совершенно справедливо производили фуроръ, какъ въ общемъ исполненіи, такъ и въ типичности отдѣльныхъ лицъ — теперь положительно не стоитъ ставить, потому что безъ гг. Вильде или Федотова въ главныхъ роляхъ не обойдешься. Одинъ Островскій если еще и держится, такъ только благодаря неподражаемой игрѣ Садовскаго, — не бу-

дети Садовскаго и останется московская драматическая сцена съ „Львами Гуричами“ да „Филатками и Миропиками“.

Изъ пьесъ, ноставленныхъ нынѣшней весною, по ничтожеству и глупости своей выдалась комедія „Московскіе корти“, переделанная изъ „кортей петербургскихъ“. До чего ничтожна эта комедія, можно судить по слѣдующему анекдоту, который рассказываютъ о первомъ ея представленіи...

Говорятъ, что во время представленія кто-то распустилъ въ публикѣ слухъ, что комедія написана двумя капельдинерами петербургскаго Александринскаго театра, что авторы пьесы находятся въ настоящее время въ Москвѣ и что поэтому слѣдуетъ, во что-бы то ни стало, поощрить этихъ скромныхъ драматурговъ. Слѣдя актъ за актомъ за развитіемъ пьесы, публика пришла къ тому заключенію, что никто иной, какъ именно капельдинеры должны быть авторами такой комедіи. По окончаніи пьесы послышались вызовы. Но вотъ тутъ-то и произошелъ анекдотъ. Два капельдинера здѣшняго театра до того увлеклись распущеннымъ въ публикѣ слухомъ и до того возгорѣли желаніемъ явиться передъ публикой въ видѣ авторовъ, что пробрались даже на сцену и уже готовились раскланяться, какъ были во время остановленія и направлены къ своимъ настоящимъ занятіямъ. На слѣдующее представленіе лживость слуха объяснилась и пьеса рухнула среди самаго восторженнаго свиста.

Но если московскимъ капельдинерамъ никакъ, даже обманомъ, не удастся попасть въ авторы, то за то сколько въ Москвѣ авторовъ дѣйствительныхъ, которыхъ нужно почти силою витаскивать на свѣтъ божій, дабы явить міру ихъ скрывающійся во тьмѣ талантъ. Съ произведеніемъ одного изъ таковыхъ, скрывающихся во тьмѣ талантовъ, я намѣренъ сейчасъ познакомить читателя. Вотъ это произведеніе:

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДНЕВНИКА.

1 марта; день постный; вечера часъ шестой.

День провелъ благополучно. Слава тебѣ Господи! За обѣдомъ ишѣлъ: щи грибныя съ картофелю, пирогиъ грибовой-же съ ка-

шей, котлеты, грибочья-же, съ соусомъ, широгъ еще, сладкій, съ макомъ и медомъ. Ълъ умеренно; на аппетитъ жаловаться не могу. Отхожу ко сну.

7 марта; день постный; утра полдень..

Четвертый день страдаю отсутствіемъ аппетита, почему много думаю на досугѣ. Выдумалъ новый рецептъ для пресѣченія пьянства въ народѣ, а именно... Возьми одного пьянаго мужика и при немъ двухъ таковыхъ-же трезвыхъ и заключи всѣхъ сихъ вмѣстѣ въ отдѣльную комнату, строго наблюдая, дабы они неотступно находились при немъ и старательно всматривались въ его страданія. По вытрезвленіи прикажи тѣмъ трезвымъ краснорѣчиво изложить пьяному его прошлое положеніе, буде-же окажется неразумень, напей до-пьяна указанныхъ трезвыхъ, вытрезвѣвшему-же накажи строго наблюдать за страданіями сихъ обоихъ и потомъ оныя таковымъ объяснить. И такъ повторяя до седми разъ, жди счастливыхъ результатовъ врачеванія твоего, памятуя, что клинъ клиномъ вышибать надлежитъ.

17 марта; день постный; на вечеріе.

Довѣдался изъ вѣдомостей, что нѣкоторые благороденныя женщины неумолчно вопіютъ о дарованіи имъ университета. Не медля начерталъ проектъ такового, который при семъ и прилагаю.

Первое. Зданіе имѣетъ бѣть каменное, нарочито для многихъ особъ приспособленное.

Второе. Стекла зданія надлежитъ зеленою масляною краскою добре выкрасить.

Третье. Отъ мужчинъ имѣются при зданіи ворота желѣзные и заборъ высокій каменный, съ надежными гвоздями, остріемъ вверхъ.

Четвертое. Прислуга при семъ новомъ университетѣ женская и при ней швейцаръ пожилыхъ лѣтъ—одинъ.

Пятое. Пища мясная или постная по положенію; для изготовленія пища бѣлыхъ кухарокъ — по штату, черныхъ — тажежде.

Шестое. Обученіе производится на французскомъ языкѣ.

Седьмое. Предметы обученія слѣдующіе: законъ Божій, французскій языкъ, музыка, танцы и рисованіе.

Осьмое. Курсъ ученія продолжается десять лѣтъ.

Думаю, на первый разъ и довольно. Хочу войти съ представленіемъ; теперь-же тороплюсь отойти ко сну.

25 марта: день постный: часъ седьмой.

Обѣдалъ съ великимъ апетитомъ. За обѣдомъ имѣлъ: уху малорыбную и при ней пирогъ съ свѣжей осетровой головизной, жареныхъ два — лещъ и караси, пирогъ сладкій съ вареньемъ. Тороплюсь въ постель, дабы не упустить сонъ, сіе драгоценное достояніе немощнаго человѣчества.

30 марта; мясоястіе; утро.

Страдаю завалами желудка. Много и крѣпко въ мысляхъ имѣлъ начертать планъ новой рекрутчины и послѣ долгихъ размышленій остановился на слѣдующемъ:

Надлежитъ брить съ десяти-лѣтняго возраста, не щадя ни пола, ни состоянія: за симъ обрѣтыхъ помѣщать въ училища кантонистовъ и, научивши, какъ подобаетъ, верстать въ полки. а по продержаніи въ оныхъ 25 лѣтъ отдавать въ *вольные стрѣльцы*, состоящіе при редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ — тоже на 25 лѣтъ. По истеченіи сихъ узаконенныхъ лѣтъ, выпускать въ отставку, съ надписью: „за храбрость“.

1 апрѣля; мясоястіе; утро.

Въ желудкѣ водворилъ порядокъ. Иду заказывать обѣдъ. Обанчиваю сей дневникъ, дабы не отнимать времени у пищи и сна...

Таковъ *отрывокъ изъ дневника* человѣка радѣющаго о благѣ своихъ ближнихъ. Теперь, встати, мы сообщимъ здѣсь нѣсколько чертъ изъ жизни другого московскаго гражданина, извѣстнаго подъ именемъ Спири-закладчика, гражданина научающаго насъ искусству нажить милліонъ и избѣжать грѣха.

Спирѣ теперь лѣтъ подь восемьдесятъ. У Спири миллионное состояніе въ движимостяхъ и недвижимостяхъ, нажитое имъ отдачею денегъ въ ростъ и, какъ онъ увѣряетъ, безъ грѣха. При этомъ нужно замѣтить, что Спиря беретъ по десяти процентовъ въ мѣсяцъ, что онъ способенъ надуть, обсчитать, — словомъ, способенъ на всякую ростовщическую и неростовщическую продѣлку. А между-тѣмъ грѣха все-таки нѣтъ. „Какъ нѣтъ?“ спросите вы. А вотъ слушайте...

Спиря ростовщикъ крупный и ссужаетъ деньги лишь большими кушами. Обусловивши извѣстный процентъ въ свою пользу, Спиря крокъ того положилъ за правило, отнюдь никому не давать денегъ, если ему не будетъ уплачено столько-то на богоугодное дѣло. Разумѣется, когда человѣку надобность въ деньгахъ приходитъ крайняя, то онъ поневолѣ соглашается на требованіе Спири, и вотъ этимъ-то путемъ, втеченіе многолѣтней своей практики, Спиря успѣлъ набрать столько богоугодныхъ денегъ, что выстроилъ на нихъ церковь, и теперь считаетъ себя безгрѣшнымъ.

Каждый, желающій нажить миллионъ и избѣжать грѣха, да поступаетъ подобно Спирѣ, а отнюдь не беретъ въ примѣръ г. Полякова, извѣстнаго концессионера, посулившаго харьковскому земству нѣсколько сотенъ тысячъ рублей, а потомъ отказавшагося отъ уплаты, не отказываясь, впрочемъ отъ *посула*, а просто размышляя: „тогда, говорить, посулилъ, а теперь, говорить пачусь, — вотъ вамъ и сказъ!“

Впрочемъ, на вольнаго воля: кому кто больше по душѣ прійдется — кому Спиря, а кому, можетъ быть, и г. Поляковъ, — въ выборѣ мы стѣснять не смѣемъ.

Фока Magnus.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

(Окончаніе гражданской войны. — Ужасы, совершавшіяся въ Парижѣ. — Событія, вызвавшія гражданскую войну. — Воззваніе центрального комитета. — Протестъ мэровъ и депутатовъ. — Манифестація въ Парижѣ. — Прокламація Сесса. — Неудачныя попытки къ соглашенію. — Парижскіе выборы. — Отношеніе парижскаго населенія къ національному собранію.)

Гражданская война во Франціи окончена. Парижъ взятъ правительственными войсками. 24 мая министръ внутреннихъ дѣлъ Пикаръ заявилъ національному собранію, что «Парижъ покрытъ трупами; 12,000 человѣкъ взяты въ плѣнъ». Послѣ этого заявленія до 28 мая въ Парижѣ все еще шла ожесточенная борьба. Послѣдніе остатки инсургентовъ защищали послѣднія баррикады, дрались въ домахъ; число труповъ, поэтому, еще увеличилось, число плѣнныхъ дошло до 40,000 человѣкъ. Ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ было невѣроятное: правительственныя войска разстрѣляли множество плѣнныхъ безъ всякаго суда, въ числѣ разстрѣлянныхъ было не мало женщинъ; федералисты, съ своей стороны, разстрѣляли нѣсколькихъ заложниковъ, преимущественно папоровъ и іезуитовъ, и въ ихъ числѣ парижскаго архіепископа. Во время приступа правительственныхъ войскъ къ Парижу, городъ горѣлъ въ разныхъ мѣстахъ. Многія зданія были зажжены бомбами осаждающихъ, другія подожжены по приказанію коммуны. Изъ извѣстныхъ зданій сгорѣли Тюльери, часть Лувра съ его знаменитой бібліотекой, часть Палерояля, Ратуша, зданіе Почетнаго Легіона, Государственнаго совѣта, префектураполиціи и мнжество общественныхъ и частныхъ домовъ. Національная бібліотека спасена благодаря энергіи извѣстнаго писателя Эля Реклю, который, въ отсутствіе ея директора, Там-

ро, переселившись въ Версаль, принялъ на себя всю отвѣтственность за ея цѣлость. Число непогребенныхъ труповъ, предавшихся разложенію, было такъ велико, что можно опасаться какой-нибудь сильной эпидеміи въ Парижѣ. Несчастнѣйшій городъ, столица міра, представляетъ теперь самый печальный, жалкій видъ: полуобгорѣлые остовы домовъ, шрачные, истощенныя лица полуголоднаго населенія, тысячи вдовъ и сиротъ, блуждающихъ между труповъ, отыскивая своихъ отцовъ, братьевъ и мужей—вотъ какую картину представляетъ Парижъ со времени вступленія въ него побѣдоносныхъ войскъ маршала Мак-Магона, состоящихъ почти исключительно изъ седанскихъ и мэнскихъ плѣнниковъ, отпущенныхъ теперь нѣмцами. Мак-Магонъ, войдя въ Парижъ, прервалъ его сообщенія съ остальнымъ міромъ, объявилъ городъ въ осадномъ положеніи, раздѣлилъ его на военные округа и всю гражданскую администрацію подчинилъ военнымъ начальникамъ.—Сотни плѣнныхъ были разстрѣляны безъ всякаго суда; арестовывали жителей цѣлыми кварталами. При такой системѣ казней и арестовъ не удивительно, что было разстрѣляно нѣсколько человѣкъ, не принявшихъ никакого участія въ возстаніи. Число жертвъ гражданской войны еще неизвѣстно, но потери, понесенныя обѣими сторонами, громадны. Большая часть членовъ коммуны и предводителей войскъ инсургентовъ или погибла въ бою, или разстрѣляна; небольшая часть ихъ бѣжала за границу; остальные находятся въ числѣ плѣнныхъ, содержащихся въ тюрьмахъ въ Версали.

Мы не намѣрены въ этой хроникѣ касаться подробнаго анализа парижскихъ событій и перейдемъ прямо къ тѣмъ событіямъ, которыя непосредственно вызвали борьбу между версальскимъ правительствомъ и національнымъ собраніемъ съ одной стороны, и парижскимъ населеніемъ съ другой.

Когда правительство Тьера, смѣнившее собой правительство національной обороны, стало передавать нѣмцамъ, въ силу конвенціи, заключенной съ ними, оружіе и военные припасы, парижскіе національные гвардейцы скрыли свои орудія, невнесенныя въ опись, устроили изъ нихъ артиллерійскій паркъ, и поставили его на монмартской возвышенности подъ охраной своихъ часовыхъ. Правительство сначала было очень довольно, что отъ общаго разгрома уцѣлѣла стня орудій, но потомъ ему пришла идея отобрать эти орудія отъ національной гвардіи и передать ихъ регулярнымъ войскамъ. Губернаторомъ Парижа въ то время былъ генералъ Виноа, крайне непопулярный человѣкъ въ Парижѣ. Онъ вступилъ въ переговоры съ національной гвардіей.

Национальные гвардейцы отвѣчали, что эти орудія имъ принадлежатъ по праву, и они никому ихъ не отдадутъ. Возникъ споръ, сначала улаженный генераломъ Орелемъ Паладиномъ, назначеннымъ главнокомандующимъ парижской національной гвардіи. Но правительство рѣшилось овладѣть орудіями силой. Правительственные войска сдѣлали нечаянное нападеніе на Монмартръ и овладѣли было орудіями, но вскорѣ нѣсколько батальоновъ солдатъ перешли на сторону національной гвардіи и возвратили ей часть отнятыхъ орудій. Между тѣмъ національная гвардія взялась за оружіе, избрала изъ своей среды комитетъ, которому поручила управленіе дѣлами. Она отняла у правительственныхъ войскъ большую часть своихъ орудій и послѣ нѣсколькихъ стычекъ заставила ихъ отступить изъ Парижа. Она взяла много плѣнныхъ и разстрѣляла двухъ генераловъ Леконта и Томаса. Успѣхи національной гвардіи произвели возстаніе въ Парижѣ 18 марта. Въ виду опасности члены правительства поспѣшили уѣхать изъ Парижа. Съ этой поры правительство потеряло весь свой авторитетъ въ глазахъ парижскаго населенія, а рѣзкія обвиненія, посыпавшіяся на Парижъ въ національномъ собраніи, показали ясно парижанамъ; что собраніе, большинство котораго состояло изъ сельскихъ депутатовъ, дѣлаетъ имъ вызовъ. Однакожъ они еще надѣялись, что соглашеніе возможно. Парижъ требовалъ муниципальных выборовъ; умѣренная партія въ Парижѣ предполагала, что правительство спсѣшитъ внести законъ о выборахъ въ національное собраніе, которое займется разрѣшеніемъ этого вопроса безотлагательно и въ смыслѣ желанія парижскаго населенія.

Послѣ отступленія правительственныхъ войскъ изъ Парижа, власть надъ городомъ фактически осталась въ рукахъ центрального комитета національной гвардіи. Но онъ былъ избранъ парижской національной гвардіей, и то не всей, а нѣсколькими десятками батальоновъ; парижское населеніе не участвовало въ его избраніи ни непосредственно, подачей своихъ голосовъ, ни косвенно, посредствомъ представителей своего муниципалитета — мэровъ и ихъ помощниковъ, или своихъ политическихъ представителей—депутатовъ, засѣдавшихъ въ національномъ собраніи въ Версали. Комитетъ понимаетъ, что власть его, которой онъ пользовался фактически, не имѣетъ даже по виду законнаго утвержденія, и что, поэтому, ему слѣдуетъ передать ее людямъ, которые будутъ назначены всеобщимъ голосованіемъ парижскаго населенія и составятъ парижскій муниципаль-

ный советъ или комуну, какъ было названо это учрежденіе въ Парижѣ. Комитетъ тотчасъ-же обратился съ воззваніемъ къ парижскому населенію: «Воспользуйтесь этимъ счастливымъ исходомъ дѣла, писалъ комитетъ въ своемъ воззваніи, — и поспѣшите создать у себя муниципальную свободу, которой пользуются у насъ даже самыя ничтожныя деревушки... Давъ своему городу прочную муниципальную организацію, вы возвратите себѣ свои права, насильственно у васъ отнятыя и положите основаніе дѣйствительно республиканскимъ учрежденіямъ. Возстановивъ свое право, вы, вмѣстѣ съ тѣмъ, возстановите право націи; не одинъ Парижъ завоюетъ себѣ муниципальную свободу, ею воспользуется также провинція, и это послужитъ къ соглашенію, къ примиренію столицы съ провинціей. Парижъ не желаетъ властвовать, онъ только хочетъ быть свободнымъ. Его честолюбіе заключается лишь въ томъ, чтобы подавать собою хорошій примѣръ. Онъ не имѣетъ притязанія навязывать другимъ свою волю. Основывая самъ свою свободу, онъ подготавливаетъ ее для другихъ. Онъ не желаетъ никого приневоливать къ принятію республиканскихъ учрежденій, но самъ объявляетъ себя за нихъ и сдѣлаетъ все возможное для ихъ осуществленія».

Едва это воззваніе было напечатано и наклеено на домахъ во всѣхъ парижскихъ улицахъ, реакціонные, бонапартистскіе, умѣренные и стоящіе за версальское правительство органы прессы выставили свои воззванія, въ которыхъ совѣтовали парижскому народу воздерживаться отъ подачи голосовъ и считать воззваніе центральнаго комитета неимѣющимъ никакой законной силы. Въ виду возбужденія парижскаго населенія подобное заявленіе могло привести только къ еще большому раздраженію и вызвать междуусобную войну, что, къ сожалѣнію, вскорѣ случилось и братья стали проливать братскую кровь. Подъ заявленіемъ противъ комитета подписались редакціи 28 парижскихъ газетъ. Здѣсь рядомъ съ *Paus, Constitutionnel* и *Figaro*, явились и такіе органы, какъ *Temps, Cloche* и *National*.

Вслѣдъ за этимъ явился и другой протестъ. 50 парижскихъ мэровъ и ихъ помощниковъ и 16 парижскихъ депутатовъ, въ числѣ которыхъ подписался и Люи Бланъ, — эти 66 человекъ, во имя французской республики, во имя свободы, равенства и братства издали слѣдующій манифестъ къ національной гвардіи и ко всѣмъ парижскимъ гражданамъ:

«Наше изувѣченное, окровавленное отечество еле дышетъ, а мы, его дѣти, наносимъ ему послѣдній ударъ! Во имя всѣхъ великихъ воспоминаній нашей несчастной Франціи, во имя нашихъ несчастныхъ дѣтей, будущность которыхъ мы губимъ, мы съ разбитымъ сердцемъ, взываемъ къ вамъ, наши сограждане...

«Ищемъ, граждане, того, что насъ должно соединить, и отбросимъ все, что насъ разъединяетъ.

«Мы желаемъ, чтобы учрежденіе національной гвардіи, неразрывно связанное съ республиканской формой правленія, окрѣпло и развилося,—и мы достигнемъ этого.

«Мы желаемъ, чтобы Парижу была возвращена его муниципальная свобода.

«Ваши желанія высказаны законодательному собранію вашими депутатами, и оно единодушно рѣшило приступать въ самомъ скоромъ времени къ муниципальнымъ выборамъ въ Парижѣ и во всѣхъ французскихъ общинахъ.

«Въ ожиданіи этихъ выборовъ, единственныхъ законныхъ и правильныхъ, единственно сообразныхъ съ дѣйствительными принципами республиканскихъ учрежденій, добрые граждане обязаны воздерживаться отъ подачи голосовъ по вызову, который къ нимъ обращенъ людьми, неимѣющими на то никакого права.

«Мы, ваши муниципальные представители; мы, ваши депутаты, заявляемъ, что мы не принимаемъ никакого участія въ выборахъ, объявленныхъ на завтра и протестуемъ противъ ихъ незаконности.

«Граждане, станемъ прежде всего уважать законъ, тогда и отечество и республика будутъ спасены».

Въ виду такой рѣшительной оппозиціи, центральный комитетъ долженъ былъ или взять назадъ свое воззваніе или-же сжечь свои корабли и закрыть себѣ путь къ отступленію. Комитетъ избралъ послѣднее, зная очень хорошо, что, принявъ это рѣшеніе, каждый изъ его членовъ рискуетъ своей головой. Комитетъ 22 марта обратился съ слѣдующимъ новымъ воззваніемъ къ народу:

«Граждане,

«Вашъ справедливый гнѣвъ 18 марта поставилъ насъ въ положеніе, которое мы должны занимать только на время, необходимое для производствъ общинныхъ выборовъ.

«Ваши мэры, ваши депутаты, отказавшись отъ обязательствъ, принятыхъ ими въ то время, какъ они являлись кандидатами,—

уногребляють всё усилія, чтобы замедлить выборы, которые мы хотимъ произвести безотлагательно.

«Поднятая ими реакція объявляетъ намъ войну. Мы должны принять борьбу и разбить сопротивление, чтобы вы могли спокойно заявитьъ вашу волю и вашу силу. Вслѣдствіе этого выборы будутъ отсрочены до воскресенья, 26 марта.

«Будутъ приняты самыя энергическія мѣры, чтобы заставитьъ уважать ваши права».

Съ своей стороны, Тьеръ издалъ циркуляръ, въ которомъ онъ увѣрялъ Францію, что парижское движеніе произведено агентами бонапартизма и прусскими интригами, что оно направлено противъ республики, которую онъ долженъ спасти, и потому увѣронъ, что всё благомыслящее граждане соединятся для уничтоженія преступныхъ замысловъ и спасенія республики.

Вмѣстѣ съ этимъ Тьеръ стянулъ къ Версали 43,000 войска, поручилъ командованіе имъ самому ненавистному для парижанъ генералу Винуа, и вошелъ въ сношеніе съ Канроберомъ, Галиссе, Мак-Магономъ, Делинья и другими, связь которыхъ съ бонапартизмомъ была или несомнѣнна или, по крайней мѣрѣ, подозрѣвалась. Тьеръ призвалъ къ себѣ шуана Кастелино и папскаго зуава барона Шарета.

Общественное мнѣніе провинціи въ небольшихъ городахъ и въ деревняхъ высказалось за версальское правительство и противъ парижскаго движенія, но большіе города Лионъ, Марсель, Тулуза, Лиможъ, Гренобль, Авиньонъ и Лилль выразили свое сочувствіе Парижу. Опасаясь, чтобы это сочувствіе не перешло отъ словъ къ дѣлу, версальское правительство приняло энергическія мѣры, чтобы прервать сообщеніе Парижа съ провинціей. Министръ-же внутреннихъ дѣлъ непрерывно посылалъ въ провинціи телеграммы объ усиліяхъ правительства въ подавленіи парижскихъ волненій; въ версальскихъ газетахъ ежедневно печатались извѣстія о полнѣйшемъ спокойствіи провинцій, а также о томъ, что общественное мнѣніе провинцій высказывается противъ парижскихъ событій.

Между тѣмъ въ самомъ Парижѣ началась борьба партій. 21 мая, подъ предлогомъ мира и согласія, была произведена манифестация въ разныхъ мѣстахъ Парижа. Группы людей проходили по улицамъ съ криками: «да здравствуетъ республика!» Другіе кричали: «да здравствуетъ Франція!» «Согласіе... согласіе!» «Да здравствуютъ парижскіе мэры и депутаты!» «Да здравствуетъ національное собраніе!» «Да здравствуетъ порядок!» При встрѣчѣ съ отрядами національной

гвардіи, они кричали: «вверхъ приклады! Миръ и согласіе!» Національные гвардейцы привѣтствовали гражданъ барабаннымъ боемъ, но ружей не повертывали прикладами вверхъ и продолжали свой путь. Главная манифестація была проведена на площади Биржи, гдѣ, во имя согласія, было обезоружено нѣсколько небольшихъ постовъ національной гвардіи. Однакожь этотъ первый день манифестацій прошелъ совершенно спокойно: кое-гдѣ произошли оживленные споры, но все ограничилось одними словами.

22 мая новая манифестація на площади Оперы. Кромѣ гражданъ въ ней участвовало нѣсколько баталіоновъ національной гвардіи, преданныхъ версальскому правительству. Національные гвардейцы были въ военной одеждѣ, но безъ оружія. Конечною цѣлью манифестацій «друзей порядка» на этотъ разъ была Вандомская площадь. «Друзья порядка» рассчитывали обезоружить національныхъ гвардейцевъ, занимающихъ площадь, и овладѣть штабомъ національной гвардіи. Обезоруживъ въ улицѣ Мира капитана и нѣсколько человекъ національныхъ гвардейцевъ центрального комитета, «друзья порядка» направились къ Вандомской площади. Входъ на площадь былъ занятъ баталіономъ національной гвардіи. «Друзья порядка» остановились; потрясая своими значками (на которыхъ было написано: «Друзья порядка»), они кричали: «Да здравствуетъ порядокъ! Да здравствуетъ національная гвардія! Приклады вверхъ! Да здравствуетъ національное собраніе! Прочь комитетъ!» Къ нимъ подошелъ офицеръ и предложилъ разойтись; его схватили за шиворотъ и обезоружили. Затѣмъ «друзья порядка» двинулись впередъ, надѣясь своимъ напоромъ смять національныхъ гвардейцевъ. Тѣ стали отступать при крикахъ толпы: «Прочь грабителей! Къ чорту убійцъ!» Положеніе національныхъ гвардейцевъ было критическое, но въ эту минуту загремѣли барабаны и толпѣ снова было предложено разойтись. Передніе ряды наступающей толпы дѣйствительно вѣтановились, но задніе или не слышали приказа или не захотѣли обратить на него вниманіе, но только продолжали напирать. Кто-то въ толпѣ выстрѣлилъ изъ пистолета; этимъ выстрѣломъ былъ убитъ національный гвардеецъ; на площади раздалась команда: «стрѣляй!» Большая часть національныхъ гвардейцевъ выстрѣлила на воздухъ; изъ толпы тоже отвѣтили нѣсколькими выстрѣлами. Произошла страшная сумятица и толпа разбѣжалась. Со стороны «друзей порядка» было 16 убитыхъ и раненыхъ; національные гвардейцы центрального комитета потеряли 6 убитыхъ и 3 раненыхъ.

По отзывамъ безпристрастныхъ свидѣтелей, корреспондентовъ англійскихъ и американскихъ газетъ, подтвержденныхъ свидѣтельствомъ такого человѣка, какъ американскій генераль Шериданъ, дѣло происходило именно такъ, какъ здѣсь описано.

Въ самомъ Парижѣ это происшествіе произвело сильное впечатлѣніе. На улицахъ вездѣ собирались толпы народа; горестное событіе комментировалось на всѣ лады, и со всѣхъ сторонъ слышались толки о возмездіи. Однакожъ не было слышно ни криковъ, ни проклятій; событіе обсуждалось спокойно, безъ раздраженія; въ толпѣ было много женщинъ и дѣтей; женщины подавали свой голосъ наравнѣ съ мужчинами. Замѣчательнѣе всего, что въ отдѣльныхъ группахъ смѣшивались обѣ партіи и столкновенія не произошло. Это изумительное спокойствіе, такъ мало вяжущееся съ французскимъ темпераментомъ, слѣдуетъ приписать тому обстоятельству, что спорили между собой люди почти одинаковыхъ убѣжденій, расходящіеся только въ подробностяхъ.

23-го марта явилась слѣдующая прокламація къ парижскому народу:

«Французская республика.—Свобода, равенство, братство!

«Любезные сограждане! Спѣшу сообщить вамъ, что мы, депутаты города Парижа, и избранные вами парижскіе мэры, получили отъ правительства и національнаго собранія слѣдующія обѣщанія:

«1) Немедленно будетъ признана ваша муниципальная свобода.

«2) За вами будетъ утверждено право выбора офицеровъ національной гвардіи, не исключая ея главнокомандующаго.

«3) Будутъ сдѣланы необходимыя измѣненія въ законѣ о срокѣ платежей.

«4) Будетъ изданъ законъ о наймѣ квартиръ, благоприятный для наемщиковъ квартиръ, платящихъ менѣе 1,200 франковъ въ годъ.

«Въ ожиданіи, что вы утвердите мое назначеніе, или замѣните меня кѣмъ-нибудь другимъ, я остаюсь на моемъ почетномъ посту и буду настаивать на скорѣйшемъ утвержденіи этихъ законовъ, умиротворяющихъ всѣ несогласія, а также употреблю всѣ усилія для укрѣпленія у насъ республики.

«Вице-адмираль, парижскій депутатъ, главнокомандующій національной гвардіей Сессэ».

Парижане читали и перечитывали эту прокламацію и не вѣрили своимъ глазамъ. «Можно-ли вѣрить такому счастью?» слышалось со всѣхъ сторонъ. Начинали уже радоваться, что мирно оканчиваются «дѣло», № 5.

несогласія, которыя могли привести къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Но тутъ явились сомнѣнія. Подъ прокламаціей не было подписи ни Тьера, ни одного министра; въ городѣ распространились слухи, что національное собраніе не захотѣло признать обсужденіе этихъ предложеній безотлагательнымъ и не начинало еще преній по ихъ поводу. Хуже всего было то, что адмиралъ Сессэ самъ выказалъ свое недовѣріе къ парижскому народу: онъ укрѣпился въ Капудинской улицѣ, какъ-бы вызывая на бой, и окружилъ себя только тѣми батальонами національной гвардіи, которые высказались противъ центрального комитета. Мало-по-малу радость смѣнилась полнѣйшимъ недовѣріемъ.

Однакожь цѣлый день было совершенно спокойно; въ Парижѣ дѣла шли обычнымъ порядкомъ, и хладнокровный наблюдатель могъ-бы изумиться, еслибъ ему сказали, что еще вчера была пролита кровь въ междуусобной распрѣ и что завтра, можетъ быть, она снова потечетъ. На улицахъ, правда, собирались густыя толпы народа, шли оживленные пренія, но они велись съ удивительнымъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ. Всѣ эти признаки показывали, что соглашеніе еще возможно, что нужно только умѣть взяться за дѣло.

Но никто не сумѣлъ за него взяться. Законодательное собраніе, заседающее въ Версали, не желало слышать о соглашеніи и заботилось, о томъ, чтобы не пострадалъ авторитетъ власти. 20 марта президентъ Гриви провознесъ слѣдующія слова:

«Казалось, несчастія нашего отечества были уже слишкомъ велики, но преступный мятежъ, возникшій безъ всякаго серьезнаго повода, нашелъ возможнымъ увеличить ихъ еще болѣе.

«Самозванное мятежное правительство становится лицомъ къ лицу съ народной верховной властію, которой вы одни законные представители... Но сила всегда останется на сторонѣ права. Народное представительство сумѣетъ заставить себя уважать. Оно неуклонно выполнитъ свое призваніе; оно залечитъ раны отечества и утвердитъ зданіе республики (*на правой сторонѣ протесты*), несмотря на-то, что многіе, ея именемъ, совершаютъ теперь злодѣянія».

За этими словами собраніе приступило къ выбору комиссіи изъ 15 членовъ, назначенной въ помощь министерству, которому съ этой минуты предоставлялось право дѣйствовать, не подвергая свои распоряженія предварительному обсужденію собранія, но совѣтуясь съ комиссіей пятнадцати.

Въ этотъ-же день былъ принятъ законъ, объявляющій въ осадномъ положеніи городъ Версаль и департаментъ Сены и Уазы, и отвергну-

то предложеніе нѣсколькихъ парижскихъ мэровъ, потребовавшихъ немедленнаго выбора муниципальнаго совѣта. Мэры просили въ Версалѣ того, что было потомъ декретировано центральнымъ комитетомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы такой законъ былъ принятъ національнымъ собраніемъ 20 марта, всякій поводъ къ междуусобной войнѣ былъ-бы устраненъ. Выборы, произведенные по декрету національнаго собранія, совершились-бы подъ вліяніемъ дѣйствующихъ муниципальных властей; центральный комитетъ не имѣлъ-бы никакого основанія въ нихъ вмѣшаться. Побѣда на выборахъ, конечно, осталась-бы за умѣренными республиканцами. Но министръ внутреннихъ дѣлъ, Пикарь, рѣшительно воспротивился принятію предложенія парижскихъ мэровъ и объявилъ, что собраніе въ свое время издастъ органической законъ о муниципальных выборахъ, теперь-же оно не намѣрено дѣлать для Парижа исключенія.

Министру внутреннихъ дѣлъ отвѣчалъ Люи Бланъ, умоляя собраніе предотвратить грозящую гражданскую войну и не отвергать возможности соглашенія. Послѣ Люи Блана говорилъ Трошю; онъ напомнилъ собранію о смерти Леконта и Томаса и обвинялъ парижскихъ агитаторовъ во всѣхъ несчастіяхъ Франціи. «Они были причиной нашихъ неудачъ во время осады Парижа, говорилъ онъ;—они открыли пруссакамъ ворота осажденной столицы». По предложенію бывшаго президента правительства національной обороны, собраніе рѣшило, что Франція усыновляетъ дѣтей погибшихъ генераловъ.

Вслѣдъ за Трошю на трибуну вошелъ генеральный прокуроръ Тюрке. «Когда я съ генераломъ Шанзи пріѣхалъ въ Парижъ, сказалъ онъ, — къ намъ подошелъ какой-то неизвѣстный намъ господинъ. Оказалось, что это генералъ Дюваль, получившій свой чинъ отъ центрального комитета національной гвардіи. Дюваль, одѣтый въ генеральскій костюмъ, сказалъ генералу Шанзи: «Гражданинъ генералъ, въ силу законовъ войны, я объявляю васъ своимъ плѣнникомъ».

Жюль Флвръ. Какая гнусная пародія!

Одинъ членъ. Этотъ фактъ войдетъ въ исторію.

Гюрке. Съ этой цѣлю я и рѣшился передать рассказъ объ этомъ событіи съ этой трибуны.

Жюль Флвръ. Пусть узнаетъ объ этомъ вся Европа.

Тюрке. Генералъ Шанзи отвѣчалъ: «я въ вашемъ распоряженіи». Такъ-какъ мнѣ показалось, что меня не желаютъ задерживать, я замѣтилъ генералу Дювалю: «въ послѣдніе полчаса я былъ товарищемъ генерала Шанзи; я желаю сопровождать его и теперь, какая-бы участь меня ни ожидала...» «Если вы этого желаете, мило-

тивный государь, я могу и васъ задержать. Но прежде скажите, кто вы такой?» отвѣчалъ миѣ Дюваль (*Смѣль и шумъ*). — «Я, господинъ Эдмондъ Тюрке, отвѣчалъ я, — членъ національнаго собранія». — «Въ такомъ случаѣ, я не могу васъ задержать». — «Почему?» — «Потому — что вы депутатъ. Но если вы такъ пламенно желаете подвергнуться аресту, я могу васъ арестовать, какъ адъютанта генерала Шанзи. Вы, безъ сомнѣнія, военный: я вижу у васъ ленточку почетнаго легіона.» — «Да, я былъ военнымъ и вы можете меня арестовать, какъ сержантъ-маіора». — И я былъ арестованъ, господа, и въ приказѣ о нашемъ арестѣ было сказано: «Гражданинъ Гонденъ, начальникъ военнаго поста 9-го округа приметъ въ свое вѣденіе гражданина генерала Шанзи и сопутствующаго ему сержанта» и пр. и пр. Далѣе Тюрке рассказывалъ, какъ его тотчасъ-же выпустили на всѣ четыре стороны, несмотря на его нежеланіе, а генерала Шанзи заперли въ тюрьму, и онъ опасается, что генералъ и 20 другихъ офицеровъ теперь уже разстрѣляны *).

Это засѣданіе окончилось предложеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, Пикара, объявить о всѣхъ подробностяхъ ареста генерала Шанзи въ приказѣ по арміи. «Мы не должны сидѣть сложа руки и допускать совершеніе убійствъ въ Парижѣ и во Франціи». Этими словами, сопровождавшимися громкими рукоплесканіями собранія, закончилъ свою рѣчь Пикаръ.

Засѣданіе 21 марта было бурное. Правительство представило собранію прокламацію, съ которой оно намѣревалось обратиться къ народу и войску. Прокламація оканчивалась восклицаніемъ: «да здравствуетъ Франція!» Депутатъ Пейра предложилъ замѣнить его восклицаніемъ: «да здравствуетъ республика!» Правая сторона и слышать не хотѣла о такой замѣнѣ. Главѣ исполнительной власти стоило большаго труда успокоить волненіе.

Когда все успокоилось, на трибуну пошелъ Жюль Фавръ и произнесъ громовую рѣчь противъ парижскихъ убійцъ. Онъ увѣрялъ собраніе, что, только благодаря его настоятельнымъ требованіямъ, Франція избавлена отъ позора усмиренія возмущившихся національныхъ гвардейцевъ нѣмецкими войсками. Теперь Жюль Фавръ раскаявался, что помѣшалъ князю Бисмарку выполнить его намѣреніе. «Нужно наказать Парижъ!» сказалъ Жюль Фавръ, и когда кто-то изъ депутатовъ

*) Генералъ Шанзи вскорѣ былъ освобожденъ подъ условіемъ, въ случаѣ гражданской войны, оставаться нейтральнымъ втеченіе 6 мѣсяцевъ. Шанзи уѣхалъ въ Версаль и, на предложеніе Тьера принять начальство надъ одной изъ армій отвѣтилъ отказомъ.

замѣтилъ, что это—призывъ къ гражданской войнѣ, министр иностранныхъ дѣлъ отвѣтилъ, что если возгорится гражданская война, то правительство должно дѣйствовать безпощадно, такъ-какъ оно будетъ имѣть противъ себя людей, узаконяющихъ убійство и воровство, — людей, которые своими дѣйствіями безчестятъ республику.

Жюлю Фавру отвѣчалъ одинъ изъ парижскихъ мэровъ. «Я только-что изъ Парижа, сказалъ онъ. — Всѣ мэры собирались у меня; большая часть города находится еще въ нашемъ распоряженіи, и мы можемъ дать отпоръ центральному комитету. Парижъ еще можетъ быть спасенъ мэрами предусмотрительности. Назначеніе муниципальных выборовъ—одна изъ такихъ мѣръ и самая дѣйствительная. Я хорошо знаю, какими средствами располагаетъ министерство. Я знаю также, что большая часть батальоновъ національной гвардіи вооружена ружьями Шасспо; къ национальнымъ гвардейцамъ уже теперь присоединилось много солдатъ. Мнѣ крайне непріятно, что министръ иностранныхъ дѣлъ желаетъ произвести раздѣленіе между Парижемъ и провинціей... Если вы примете нашъ проектъ, спокойствіе возстановится. Черезъ три дня мы снова овладѣемъ ратушей. Но если сегодня вечеромъ мы воротимся съ пустыми руками, я не берусь предсказывать, что можетъ случиться.»

«Пусть Парижъ сперва успокоится, а тогда мы увидимъ, что намъ дѣлать», сказалъ Тьеръ, и собраніе тотчасъ-же потребовало перехода къ очереднымъ занятіямъ.

Но самое важное и рѣшительное засѣданіе національнаго собранія было 23 марта. Оно началось обсужденіемъ проекта закона о должникахъ и кредиторахъ, который былъ отвергнутъ и правительство обѣзалося представить новый проектъ. Затѣмъ принять законъ о сформированіи 80 батальоновъ волонтеровъ (по числу департаментовъ) въ 1,500 человекъ каждый. Офицеры въ эти батальоны будутъ назначены правительствомъ, а волонтеры будутъ набраны изъ старыхъ солдатъ. Этими батальонамъ предназначено спеціально защищать національное собраніе.

Но самой интересной частью этого засѣданія былъ приемъ парижскихъ мэровъ, рѣшившихся еще разъ предложить собранію безотлагательно принять мѣры къ соглашенію и тѣмъ уничтожить постоянно увеличивающееся вліяніе центральнаго комитета. Палата очень неохотно допустила въ засѣданіе мэровъ.

60 мэровъ и ихъ помощниковъ, представляющіе собою официально городъ съ двухмилліоннымъ населеніемъ, явились въ собраніе, имѣя на себѣ знаки своей должности. Когда они подошли къ рѣшоткѣ,

лѣвая сторона встала и привѣтствовала ихъ восклицаніями: «да здравствуетъ республика! да здравствуетъ Франція!» Мэры отвѣтили: «да здравствуетъ Франція! да здравствуетъ республика!»

«Къ порядку! къ порядку!» раздалось на правой сторонѣ. «Призовите ихъ къ порядку! Они не уважаютъ собранія! Они не имѣютъ права говорить!» Шумъ усиливался, и кончилось тѣмъ, что центръ и правая сторона оставили залу засѣданія, увлекши въ общей суматохѣ за собой членовъ правительства.

Лѣвой сторонѣ, мэрамъ и ихъ помощникамъ, получившимъ публичное оскорбленіе, оставалось или рѣшиться на энергическій шагъ, отправиться въ Парижъ и открыть засѣданія во дворцѣ Бурбоновъ, или выдти въ отставку. Они избрали отставку. Но Тьеръ и министры, опасаясь пагубныхъ послѣдствій такого событія, уговорили ихъ, во имя бѣдствій отчизны, остаться на своихъ мѣстахъ, причемъ обѣщали въ вечернемъ засѣданіи дать имъ полное удовлетвореніе.

Вечернее засѣданіе открылось рѣчью президента Гревя, который отъ имени собранія извинялся передъ мэрами, оправдывая поведеніе большинства тѣмъ обстоятельствомъ, что засѣданіе было уже закрыто въ ту минуту, какъ передъ собраніемъ явились неожиданно представители парижскаго муниципалитета.

Жюль Симонъ и Жюль Фавръ подтвердили слова президента, а большинство, оскорбившее мэровъ, одобряло извинительную рѣчь президента восклицаніями: «очень хорошо! очень хорошо!» и спокойно выслушало слѣдующее предложеніе мэровъ:

1) Собраніе на будущее время войдетъ въ прямыя и болѣе тѣсныя сношенія съ парижскимъ муниципалитетомъ.

2) Оно уполномочить мэровъ принимать мѣры, которыя укажутъ обстоятельства.

3) Выборы въ національной гвардіи будутъ назначены черезъ пять дней.

4) Выборы новаго парижскаго муниципальнаго совѣта произойдутъ 3 апрѣля, подъ предѣдательствомъ теперешнихъ мэровъ и ихъ помощниковъ.

Вмѣсто того, чтобы заняться безотлагательно обсужденіемъ этого предложенія, палата послала его въ бюро.

Затѣмъ начались пренія о трехцвѣтномъ и красномъ знаменахъ, объ обязанностяхъ мэровъ и проч.

Въ назначенный день въ Парижѣ были произведены выборы. Несмотря на дѣятельную агитацію парижскихъ газетъ, стоявшихъ за

версальское правительство и доказывавшихъ, что выборы, назначенные центральнымъ комитетомъ, незаконны, около половины избирателей, присутствующихъ въ Парижѣ, явилось къ избирательнымъ урнамъ. Побѣда осталась преимущественно за тѣми изъ кандидатовъ, которые высказали убѣжденіе въ необходимости широкаго развитія муниципальных правъ города Парижа. Избранный муниципальный совѣтъ или коммуна замѣнила собою центральный комитетъ національной гвардіи въ управленіи городомъ Парижемъ. Она была составлена изъ ста членовъ, изъ которыхъ не болѣе 20 были прежде сколько-нибудь извѣстны, остальные были избраны изъ людей совѣтъ неизвѣстныхъ. Настоящіе выборы въ Парижѣ нисколько не походили на прежніе: почти ни одинъ кандидатъ не являлся передъ своими избирателями, и слѣдовательно не заявлялъ своихъ убѣжденій. Избирателямъ приходилось дѣйствовать почти оцую и вѣрить рекомендаціи извѣстныхъ обществъ или учреждений. Партіи, общества и учрежденія, конечно, заявили имена своихъ кандидатовъ; пресса, въ свою очередь, агитировала въ пользу тѣхъ или другихъ лицъ, но очень немногіе изъ выставляемыхъ кандидатовъ были извѣстны избирателямъ; поэтому большая часть изъ нихъ избирала кандидатовъ, помѣщенныхъ въ списокъ центральнаго комитета и международной ассоціаціи. Вотъ почему большинство избранныхъ были или національные гвардейцы, или рабочіе. Это были большею частію люди честные, но мало практичные,—скорѣе, люди слова, чѣмъ дѣла. Вотъ почему они не могли предотвратить гражданскую войну, хотя употребляли для того всѣ средства, какія были въ ихъ распоряженіи. Они позволили увлечь себя меньшинству, которое, подобно національному собранію, не желало соглашенія и требовало крайнихъ мѣръ, убѣжденное, что только оружіе можетъ рѣшить споръ, раздѣлившій теперь французовъ на двѣ враждебныя партіи. Впрочемъ, въ началѣ дѣятельности коммуны меньшинство не имѣло еще рѣшающаго голоса и соглашеніе было еще возможно. Но національное собраніе требовало безусловной покорности Парижа, который долженъ былъ отдать свою участь въ руки собранія. Тотчасъ-же, какъ стали извѣстны парижскіе выборы, національное собраніе издало декретъ о ихъ незаконности.

Люди, раздѣляющіе убѣжденія коммуны или колеблющіеся, послѣ неудачныхъ попытокъ къ соглашенію, отринутыхъ національнымъ собраніемъ, примкнули къ комунѣ и рѣшились съ оружіемъ въ рукахъ добиться признанія національнымъ собраніемъ своихъ требованій, которыя считали справедливыми и законными.

Вскорѣ затѣмъ началась жестокая гражданская война.

Такимъ образомъ, Франція вынесла всѣ бѣдствія иностраннаго нашествія и внутреннего междуусобія менѣе, чѣмъ въ годъ, — роковой и ужасный годъ въ ея исторіи. Оцѣнить всѣ ея матеріальныя и нравственныя потери — теперь невозможно, но онѣ такъ громадны, — раны, нанесенныя ей, такъ глубоки, что нужно пережить, по крайней мѣрѣ, два поколѣнія, чтобы восстановить ее въ прежнемъ видѣ. «Послѣ седанской катастрофы, говоритъ «Avenir», намъ казалось верхомъ несчастья наше пораженіе нѣмцами, но осада Парижа стушевала это несчастье, и Франція увидѣла, что впереди ее ожидаютъ новыя бѣдствія, передъ которыми блѣднѣетъ капитуляція подъ Седаномъ. Когда же мы узнали объ условіяхъ мира, о предстоящей уплатѣ пяти миллиардовъ и отторженіи двухъ лучшихъ нашихъ провинцій — осада Парижа стала казаться намъ ничтожнымъ эпизодомъ въ виду будущаго страданія несчастной страны. Но и этого было мало. Междуусобная война раскрыла новую бездну подъ ногами Франціи, на краю которой она стоитъ въ настоящую минуту, — израненная, истекающая кровью, разоренная и обезображенная пожарами и реквизиціями. Чего все это стоитъ бѣдному народу? Кто исчислитъ эту колоссальную потерю человѣческихъ силъ, жизней, достоянія и ногибшаго труда? И кто возьмется предсказать будущее, ожидающее страну послѣ такого ряда поражений и золъ? Если Франція найдетъ въ себѣ столько энергіи, ума и мужества, чтобы выйти цѣлой и невредимой изъ своего настоящаго положенія, то это будетъ лучшимъ ручательствомъ ея нравственной силы и живучести. Это именно тотъ моментъ ея историческаго существованія, который рѣшаетъ судьбы народовъ и готовитъ имъ или медленную смерть, или новую жизнь. Но чтобы дать странѣ новую жизнь, чтобы усюковать ея взволнованныя страсти и залечить ея язвы, ей нужны люди сильные и способные вести народъ среди такихъ обстоятельствъ. Гдѣ они, эти люди, и почему Франція не призываетъ ихъ къ дѣятельности и къ участию въ управленіи? Вотъ вопросъ, который теперь предстоитъ ей рѣшить передъ лицомъ всей Европы».

ОРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ ЖУРНАЛА

„ДЪЛО“

(въ С.-Петербургѣ, по Троицкому переулку, д. Гасеа № 13).

Продаются слѣдующія изданія:

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена. Съ портретомъ автора и съ предисловіемъ: *Люди будущаго*—Г. Е. Благосвѣтлова. Перев. исправленный подъ редакцію А. Н. Моригеровскаго. Въ двухъ томахъ. Болѣе 60-ти печ. лист. Цѣна безъ перес. 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Между молотомъ и наковальной. Романъ Фр. Шпильгагена. Въ трехъ частяхъ и въ одномъ компактномъ томѣ, заключающемъ около 50-ти печатн. листовъ. Цѣна безъ перес. 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Комедія всемірной исторіи. Юг. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣм. Вып первый и второй. Цѣна обоимъ выпускамъ 3 р. безъ перес.; съ перес. 3 р. 50 к. Отдѣльно первый выпускъ продается за 2 р. безъ перес. Съ перес. 2 р. 25 к.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Соч. Карла Реклама. Изданіе второе. Съ приложеніемъ *Дѣтской гигиены* д-ра М. С. Зеленскаго и вступительной ст. В. О. Португалова: „Безпекдвѣльность гигиены“. Съ рисунками. Ц. 2 руб.; съ пересылкой 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физиологіи. Томаса Гексли. Изданіе второе. Перев. съ англійскаго подъ редакцію И. А. Петрова; съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Около 100 рисунковъ. Ц. безъ пересылки 1 р.; съ перес. 1 р. 20 к.

О подчиненіи женщины. Соч. Дж. Ст. Милля. Перев. съ англійскаго подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова. Изд. 2-е. Ц. 1 р. безъ перес. Съ перес. 1 р. 20 к.

Исторія Крестьянской войны въ Германіи. Д-ра В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и разсказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Ц. тремъ выпускамъ безъ перес. 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Сочиненія Ф. М. Толстаго. Съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Ц. двумъ томамъ 1 р. 50 к. безъ перес.; съ перес. 1 р. 80 к.

Подписчикамъ на журналъ „Дѣло“ и книгопродавцамъ дѣлается чиступка 20% съ вышеозначенныхъ книгъ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ

ЧЕРКЕСОВА,

КОММИССИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

(С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 54).

Поступили въ продажу:

Исторія восемнадцатаго столѣтїя и девятнадцатаго, до паденїя французской имперїи, съ особенно-подробнымъ изложенїемъ хода литературы Ф. К. Шлоссера. Изд. 2-е. 8 т. Ц. 10 р. 1-й томъ 8-й съ предисловіемъ М. А. Антоновича, указателемъ къ цѣлому сочиненію и портретомъ Шлоссера, вышелъ и раздается подписчикамъ.

Исторія второй Имперїи во Франціи, Таксиля Делора. Т. I-й, съ приложенїемъ четырехъ главъ изъ сочиненїя „Преслѣдовавшїеся по подозрѣнію въ 1858 г. во Франціи“, Эжена Тэно и Антонена Дюбо. Пер. съ фр. М. А. Антоновича. Ц. 1 р. 50 к.

Парижъ и провинція въ декабрѣ 1851 г. Историческіе этюды Эжена Тэно и разсказъ о переворотѣ 2-го декабря (изъ исторїи „Крымской войны“) Кингляка. Ц. 2 р.

Путешествіе вокругъ свѣта на корабль „Вигль“ Чарльза Дарвина. Пер. подъ ред. Бекетова. Изд. 2-е. 2 т. Ц. 2 р.

Исторія политической литературы XIX столѣтїя Ю. Г. Жуковского. Т. I. Ц. 3 р.

Исторія великой французской революціи Луи Блана. Т. I-й. Пер. М. А. Антоновича. Ц. 1 р. 50 к.

Исторія Нидерландской революціи и основаніе республики соединенныхъ провинцій Мотлея. Т. 3. Ц. 2 р. 50 к. Томы 1 и 2-й. Ц. 5 р.

Развитіе политической и гражданской свободы въ Англіи, въ связи съ развитїемъ литературы Г. О. Тэна. 2 т. Ц. 6 р.

Физиологія растительныхъ процессовъ. Публичныя лекціи, читанныя въ Спб. клубъ художниковъ, зимою 1870 г. И. М. Съченова. Изд. 2-е. Ц. 80 к.

Рефлексы головного мозга, Н. М. Съченова. Изд. 2. Ц. 80 к.

Общественное движеніе при Александрѣ I. Историческіе очерки А. Н. Пыпина. Ц. 3 р.

Исторія Императорской Академіи Наукъ. Т. I. П. Пекарскаго. Ц. 3 р.

Сербско-русскій словарь. Т. I Лавровскаго. Ц. 1 р. 50 к.

Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. Т. 6, съ портретомъ Державина. (Переписка 1794—1816 г. и записки). Ц. 2 р. 50 к.

Исторія царствованія Императора Александра I и Россіи въ его время. Богдановича. Т. V и VI. Ц. 6 р., то же т. I—4. Ц. 10 р.

Отчетъ о посѣщеніи военно-санитарныхъ учрежденій въ Германіи, Лотарингіи и Эльзасѣ, въ 1870 г. Академика Н. И. Пирогова. Ц. 1 р.

Руководство къ патологической анатоміи Клебса. Пер. съ нѣм. подъ ред. Руднева, вып. 1-й. Ц. 2 р. 50 к., съ подпиской на 2-й. Ц. 4 р.

Курсъ практическаго акушерства А. Крассовскаго, вып. I. Ц. 2 р., вып. II. Ц. 3 р. 50 к.

Записки Кіевскаго общества естествоиспытателей. Т. 1, вып. 3-й. Ц. 1 р. 30 к.

Физиологія и патологія души. Генриха Маудсли. Пер. съ англ. Исаина. Ц. 2 р. 50 к.

Основанія психологіи и логики по Бенеке. Руков. для преподаванія и самообученія. И. Г. Дресслера. Ц. 1 р.

Фарадей и его открытія. Воспоминанія Джона Тиндала. Съ портр. Фарадея и прибавленіями Г. Гельмгольца. Ц. 1 р.

Исторія крупинки соли. Пер. съ фр., съ политип. Ц. 1 р.

Исторія табака и системы налога на него въ Европѣ и Америкѣ. Ев. Рагозина. Ц. 2 р.

Физиологія размноженія человѣка и животныхъ. Съ рис. Густ. Лебова. Ц. 1 р. 50 к.

Отношенія Лейбница къ Россіи и Петру Великому. В. Герье. Ц. 1 р.

Финансовый кредитъ. Э. Вредена. Ц. 1 р. 50 к.

О наивыгоднѣйшемъ способѣ обработки молочныхъ продуктовъ.
Н. Верещагина. Ц. 10 к.

Артельныя сыроварни въ Новомъ Свѣтѣ. Н. Верещагина. Ц.
5 к.

О сбытѣ коровьяго масла за границу. Н. Верещагина. Ц.
25 к.

О мѣрахъ противъ пьянства въ Европѣ и Америкѣ Ев. Раго-
зина. Ц. 40 к.

Ежегодникъ Министерства Финансовъ, вып. 2-й на 1870 г.
ред. Бушена. Ц. 2 р.

Осада Парижа 1870—1871 г. Впечатлѣнія и воспоминанія
(пер. съ 5-го фр. изд.) ф. Сарсэ. Ц. 1 р. 75 к.

Комедія всемірной исторіи. Юганна Шерра, вып. 2-й. Ц. 1 р.
50 к.

Сочиненія Н. В. Шелгунова. Т. 1-й. Ц. 1 р. 50 к.

Мошенничество по русскому праву. Сравнительное изслѣдованіе.
Ив. Фойницкаго. Ц. 2 р. 50 к.

Судебная реформа въ Россіи. М. А. Филиппова. Ц. 3 р.

Курсъ гражданского права. Ч. 2. К. Побѣдоносцева. Ц. 3 р.

Судебное слѣдствіе. Сборникъ практическихъ замѣтокъ. К. К.
Арсеньева. Ц. 1 р. 50 к.

Французская конституція XIX столѣтія и Наполеонъ III. Ц.
2 р.

Сочиненія И. С. Тургенева. Т. VIII. Ц. 75 к.

Замогильныя записки Шиквикскаго клуба. Диккенса. 2 т. Ц.
3 р. 50 к.

Давидъ Копперфильдъ. Романъ Диккенса. 3 т. Ц. 4 р.

Японія, ея исторія, правительство и внутреннее устройство. В.
Диксона. Ц. 2 р. 50 к.

Государственные преступники Англіи, историческій очеркъ Лон-
донской башни. В. Диксона. 2 т. Ц. 5 р.

Основанія педагогики. В. Классовскаго. Ц. 1 р. 50 к.

Еврейская библіотека. Историко-литературный сборникъ. Т. 1.
Ц. 2 р. 50 к.

За и противъ женщинъ. 14 писемъ Фанни Левальдъ. Ц.
75 к.

Эмиль XIX вѣка Альфонса Эскьирса. Пер. съ фр. подъ ред.

съ предисл. и приложеніемъ статьи „Теорія воспитанія Спенсера“.
М. Цебриковой. Ц. 2 р.

Батрачка. Разсказъ изъ народнаго быта. Н. Бѣльскаго. Ц.
60 к.

Лудовигъ-Наполеонъ Бонапартъ предъ судомъ исторіи. М. Рян-
га. Ц. 1 р.

Геометрія. Ар. Мерчинскаго. Ц. 1 р.

Требованія Гг. иногородныхъ исполняются немедленно по полу-
ченіи съ почты требованія. Пересылка книгъ, при требованіи не
менѣ чѣмъ на рубль, на счетъ магазина. Адресъ: Книжный ма-
газинъ Черкесова, Спб., Невскій проспектъ, № 54.

ПРИГОТОВЛЯЕТСЯ КЪ ПЕЧАТИ

ПЕРЕВОДЪ СОЧИНЕНІЯ ПРОФЕССОРА

КАРЛА РЕКЛАМА:

**ТѢЛО ЧЕЛОВѢКА,
ЕГО УСТРОЙСТВО И ЖИЗНЬ,**

ИЗДАНИЕ А. МОРИГЕРОВСКАГО.

У КНИГОПРОДАВЦА

Н. А. ШИГИНА,

*въ С.-Петербургѣ, по большой Садовой
улицѣ, въ домъ Пажескаго Е. И. В. кор-
пуса, № 5.*

ПРОДАЮТСЯ НОВЫЯ КНИГИ:

Балъ жертвъ. Историческій романъ Понсона дю-Террайля. Спб. 1871 г. Ц. 2 руб.

Черная волчица. Романъ Понсона дю-Террайля. Спб. 1871 г. Ц. 1 руб. 50 коп.

Королева Баррикадъ. Романъ Понсона дю-Террайля. Спб. 1871 г. Ц. 2 руб.

Молодость Генриха IV. Романъ Понсона дю-Террайля. Спб. 1871 г. Ц. 4 руб.

Полмилліона. Романъ Амелии Эдуардсъ. Спб. 1871 г. Ц. 2 руб.

Сан-Феличе. Историческій романъ Александра Дюма. Спб. 1871 г. Ц. за 2 т. 3 р. 50 к.

Приключенія Филиппа въ его странствованіяхъ по свѣту. Романъ Теккерея. Спб. 1871 г. Ц. 2 р.

Странствующие рыцари. Историческій романъ Октава Ферз. Спб. 1871 г. Ц. 2 р.

Дочери графа Окберна. Романъ Мистрисъ Генри Удъ. Спб. 1871 г. Ц. 2 руб.

Бѣльтонское помѣстье. Романъ Энтони Троллопа. Спб. 1871 г. Ц. 1 р. 50 к.

Скандалезный бракъ. Романъ Андрэ Лео. Спб. 1871 г.
Ц. 1 р. 50 в.

Армэдэль. Романъ Уильки Коллинза. Спб. 1871 г. Ц. 2 р.
50 коп.

Рыцарь курятника. Историческій романъ Эрнеста Капелдю.
Спб. 1871 г. Ц. 2 руб.

Тайнственный незнакомецъ. Романъ Эрнеста Капелдю.
Спб. 1871 г. Ц. 1 р.

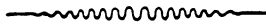
Пограничные бродяги. Романъ Густава Эмара. Спб. 1871
г. Ц. 1 руб.

Королева Мэбъ. Романъ Джули Кэвана. Спб. 1871 г.
Ц. 2 руб.

Механикъ. Романъ Ксавье де-Монтенена. Спб. 1871 г.
Ц. 2 руб.

Эгилидэйтскій призракъ. Романъ Мистрисъ Генри Удъ.
Спб. 1871 г. Ц. 2 р.

Генри Денбэръ. Романъ мистрисъ Бреддонъ. Спб. 1871 г.
Ц. 1 р. 50 в.

ВЪ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОМЪ ВРЕМЕНИ ВЫЙДЕТЬ
ВЪ СВѢТЪ ПЕРЕВОДЪ СОЧИНЕНІЯ

профессора **М Э Н А:**

СЕЛЬСКІЯ ОБЩИНЫ НА ВОСТОКЪ И ЗАПАДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ КНИГИ.

Фаустъ. Драма Христофора Марло	<i>Д. Д. Митаса.</i>
Движеніе русской общественной мысли въ началѣ XIX вѣка	<i>С. С. Шаикова.</i>
Утѣшеніе. Стихотвореніе	<i>А. Ш.</i>
Осенняя пѣсня. Стихотвореніе	<i>А. Ш.</i>
Прохожденіе семинариста Хлопова. Поэма. (По- дражаніе Гоголю). Гл. V—VIII.	<i>В. Старостина.</i>
Вавилонское столпотвореніе. Романъ. Окон- чаніе.	<i>Альфреда Мейсера.</i>
На новомъ пути. Романъ. Гл. XI—XV.	<i>К. Домово.</i>
Дѣтскіе грезы. Стихотвореніе.	<i>Я. Старостина.</i>
На книжныхъ рынкахъ.	<i>К. Ч.</i>
Викторъ Гюго. Литературный этюдъ. Окон- чаніе.	<i>Э. Денери.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Народный реализмъ въ литературѣ.	<i>Н. В. Шелунова.</i>
Московскимъ мудрецамъ	<i>Б. О.</i>
Историческіе эскизы.	<i>И. П.</i>
Неудавшаяся „бесѣда“ и задачи интеллиген- ціи.	<i>Н. В. Шелунова.</i>
Московскія замѣтки.	<i>Фока Магнус.</i>
Политическая и общественная хроника	

**Съ слѣдующей книжки начнется печатаніе
двухъ новыхъ романовъ Фр. ГЕРШТЕККЕ-
РА и Ф. ШПИЛЬГАГЕНА.**

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

(въ С. Петербургѣ, по Троицкому переулку, д. Гасова, № 13)

ВЫШЛО И ПРОДАЕТСЯ ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ РОМАНА

Фр. ШПИЛЬГАГЕНА

ОДИНЪ ВЪ ПОЛЪ — НЕ ВОИНЪ.

Съ портретомъ автора и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова.
Въ двухъ томахъ. Ц. безъ перес. 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Тамъ-же продается *второе изданіе*

ПОПУЛЯРНОЙ ГИГИЕНЫ,

настойной книги для сохраненія здоровья и рабочей силы въ
средѣ народа. Соч. Карла Реклама.

Ко второму изданію сдѣланы слѣдующія дополненія: прило-
жены: *Дѣтская гигиена.* Соч. Д-ра *М. С. Зеленскаго*, и всту-
пительная ст. *В. О. Португалова: Безпрѣдѣльность гигиены.*

При этой книжкѣ помѣщены слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала
«Дѣло» въ 1871 году; 2) объ изданіяхъ редакціи журнала «Дѣло»; 3) отъ
книжнаго магазина Черкесова; 4) о приготовленіи къ печати сочиненія проф.
Карла Реклама «Тѣло человѣка, его устройство и жизнь» и 5) отъ книгопро-
давца Шигина.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Л О“

въ 1871 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной
конторѣ редакціи, въ Троицкомъ переулкѣ,
домъ Гассе, № 13, и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ для инопо-
роднихъ, на Невскомъ проспектѣ,
противъ Думы, № 36.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ П. Г. Со-
ловьева, бывш. Бабунова, на Страст-
номъ бульварѣ, въ д. Алексѣева.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

На годъ:

Безъ пересылки и доставки	14 р.
Съ пересылкою иногородн.	15 » 50 к.
Съ доставкою въ Петербургѣ	15 »

На полгода:

Безъ пересылки и доставки	7 р. 50 к.
Съ пересылкою	8 » 50 »
Съ доставкою въ Петербургѣ	8 » 25 »

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ:

Пруссія и Германія — 18 р.; Бельгія, Нидерланды и Придунайскія княжества—
19 р.; Франція и Данія — 20 р.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція
и Греція — 21 р.; Швейцарія — 22 р.; Италія — 23 рубля.

*Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе какъ за
поручительствомъ и. казначеевъ.*

Редакторъ Н. Шульгинъ.

**This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.**

**A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.**

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 301 792